

ВРЕМЕННИКЪ ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ.

КНИГА ШЕСТИДЕСЯТАЯ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литогр. М. Х. Фалькъ, Духовская ул., соб. домъ.
1893.

Печатано по опредѣленіямъ Совѣта Демидовскаго юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

шестидесятой книги Временника Лицея.

LX книга вышла 15 ноября 1893 года; въ ней 30 листовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВЫХЪ ШЕСТИДЕСЯТИ КНИГЪ

ВРЕМЕННИКА

Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Правила для студентовъ Лицея, утвержд. Министромъ Народн. Просв. 26 ноября 1877 г.—1) о прiемѣ въ студенты; 2) о допущенiи постороннихъ лицъ къ слушанiю лекцiй; 3) объ испытанiяхъ студентовъ и о повѣрочныхъ испытанiяхъ для лицъ желающихъ поступить изъ учебныхъ заведенiй разныхъ вѣдомствъ; 4) объ испытанiяхъ на званiе Дѣйствительнаго студента и на степень Кандидата; 5) о порядкѣ взиманiя, распредѣленiя и употребленiя суммы, собираемой за слушанiе лекцiй; 6) объ обязанностяхъ учащихся и о порядкѣ наложенiя на нихъ дисциплинарныхъ взысканiй за нарушенiе сихъ обязанностей—XVI. Правила *библiотеки* Лицея, утвержден. Попечителемъ Московскмго Учебнаго Округа 3 октября 1879 г.—XX. Правила для студентовъ, утвержденныя Министромъ Народнаго Просвѣщенiя 10-го сентября 1883 года—XXXIV.

Журналы совѣта съ приложенiями: 1 сентября и 28 ноября 1870 г., 11 и 30 января, 1 и 9 марта, 10 апрѣля 1871 года—I; 15 апрѣля, 15 и 26 мая, 25 и 31 августа, 11 и 30 сентября, 8, 21 и 29 октября, 1, 5, 15 и 29 ноября, 10, 17 и 21 декабря 1871 г.—II; 7 и 21 января, 1 и 3 марта, 1, 24 и 29 апрѣля, 13, 29 и 30 мая 1872 г.—III; 1, 15 и 29 сентября, 13 октября, 2 ноября 1872 г.—IV; 15 января, 17 марта, 20 апрѣля, 12 и 21 мая 1873 г.—V; 30 мая, 28 августа, 25 и 30 сентября, 6 и 20 октября, 3 и 30 ноября 1873 г.—VI; 4 и 23 марта 1874 г.—VII; 20 апрѣля и 1 iюня 1874 г.—VIII; 22 и 31 августа, 3 и 18 сентября, 3 и 29 октября, 15 и 26 ноября, 12 декабря 1874 г., 7, 20 и 30 января 1875 г.—IX; 27 февраля, 10 марта, 5 и 7 апрѣля, 1, 19 и 30 мая 1875 г.—X; 19 августа, 4 и 20 сентября, 4, 18 и 21 октября, 15, 20, 27 и 29 ноября, 10, 11 и 22 декабря 1875 г.—XI; 7 и 19 января, 7, 10 и 23 февраля, 1, 15, 24 и 27 марта, 21 апрѣля 1876 г.—XII; 26 и 28 мая, 16 и 31 августа, 2 и 11 сентября, 2, 15, 25 и 30 октября, 2, 25 и 27 ноября, 3, 8 и 16 декабря 1876 г.—XIII; 7 и 29 января, 7 и 21 февраля, 7, 14 и

31 марта, 3, 10, 20 и 29 апрѣля, 14 и 23 мая 1877 г.—XIV; 30 мая, 14 и 20 іюня, 16, 18 и 27 августа, 7 сентября 1877 г.—XV; 25 сентября, 16 октября, 14 и 27 ноября, 17 и 31 декабря 1877 г.—XVI; 22 января, 12 и 23 февраля, 9 марта, 8, 11 и 27 апрѣля, 8 и 29 мая 1878 г.—XVII; 15, 21 и 23 августа, 29 сентября, 19 и 26 октября, 23 ноября, 15 и 20 декабря 1878 г.—XVIII; 5 января, 5 и 26 февраля, 27 марта, 9 и 10 апрѣля 1879 г.—XIX; 11 апрѣля, 2 и 30 мая, 16, 24 и 28 августа, 4 и 23 сентября 1879 г.—XX; 20 октября, 23 и 30 ноября, 20 декабря 1879 г.—XXI; 19 января, 8 и 10 февраля, 29 марта 1890 года—XXII; 8 апрѣля, 3 и 20 мая 1880 г.—XXIII; 28 мая, 16, 23 и 29 августа, 3, 9 и 13 сентября, 12, 19 и 22 октября 1880 г.—XXIV; 16 и 30 ноября, 11 декабря 1880 года—XXV; 15 января, 18 февраля, 3 и 14 марта, 4 апрѣля 1881 г.—XXVII; 8, 17, 23, 26 и 29 апрѣля, 2, 14, 15 и 20 мая, 17, 21, 27 и 29 августа, 12 и 22 сентября, 4 октября, 1, 14 и 29 ноября 1881 г.—XXVIII; 17 декабря 1881 г., 15 января, 14 февраля, 14 и 20 марта, 11 апрѣля, 1, 11 и 17 мая, 20 и 26 августа, 2 и 20 сентября, 9 и 30 октября, 7 и 13 наября 1882 г.—XXX; 16, 19, 23 и 27 ноября, 13 декабря 1882 г.—XXXI; 8 января, 21 февраля 1883 г.—XXXII; 8 и 24 марта, 13 и 29 апрѣля 1883 года—XXXIII; 8, 18 и 20 мая, 24, 26 и 28 августа, 19 и 20 сентября, 2, 9 и 21 октября, 19, 26 и 30 ноября, 10 и 20 декабря 1883 г., 28 января, 10-го марта 1884 г.—XXXIV; 24 марта, 19 и 28 апрѣля, 3, 20, 25, 26, и 29 мая 1884 г.—XXXV; 21, 25 и 31 августа, 24 и 29 сентября, 13 и 27 октября, 10 ноября, 1, 15 и 28-го декабря 1884 г.—XXXVI; 23, 17, 29 и 31 января, 7 и 23 февраля, 1 и 4 апрѣля 1885 г.—XXXVII; 5, 11, 27 и 28 мая, 7 іюня, 17 26 и 31 августа, 21 сентября, 12 октября, 2, 22 и 29 ноября, 20 декабря 1885 г.—XXXVIII; 18 и 30 января, 15 февраля 1886 г. -XXXIX; 1 и 22 марта 1886

года—XL; 5, 17, 20, 27 и 28 апрѣля, 3, 12 и 26-го мая 1886 г.—XLI; 29 мая, 26 августа, 13 и 18 сентября 1886 г.—XLII; 11 октября, 15 ноября и 7 декабря 1886 г.—XLIII; 13 и 20 декабря 1886 г.—XLIV; 22 января, 7 февраля, 14 и 17 марта, 13 апрѣля, 1, 18, 23 и 30 мая 1887-го г.—XLVI; 18 и 31 августа, 16 сентября, 14 октября, 11 и 29 ноября, 9 декабря 1887 г. XLVII; 29 января, 24 февраля, 23 марта, 3 и 16 апрѣля 1888 г.—XLVIII; 14, 21, 22, 24, 27 и 30 мая, 23 и 31 августа 1888 г.—XLIX; 12 и 28 сентября, 10 и 17 октября, 1 и 30 ноября, 10, 14 и 20 декабря 1888 г.—L; 14 января, 4 февраля, 4 и 18 марта, 22 и 29 апрѣля, 12, 27 и 31 мая, 28 августа, 16 сентября, 6, 11 и 28 октября, 2 ноября 1889 г.—LI; 5 декабря 1889 г., 24 февраля, 30 апрѣля, 3, 7, 16 и 19 мая 1890 г.—LII; 28, 30 и 31 мая 1890 г.—LIII; 20 августа, 7 15 и 29 сентября, 5 октября, 3 ноября, 8 и 17 декабря 1890 г.—LIV; 16 февраля и 20 марта 1891 г.—LV; 9 и 11 апрѣля, 1, 8 и 14 мая 1891 г.—LVI; 20, 29 и 31 мая, 20 августа 1891 г.—LVII.

Разборы кандидатскихъ диссертацій:

А) за которыя авторы удостоены золотой медали и степени кандидата:

Лебедева Ивана—Земская реформа въ царствованіе Императора Александра II. (Разборъ Приватъ-доцента *А. Е. Назимова*). Кн. XXXIV.

Розовскаго Исая—Низшая административно-судебная инстанція въ русскомъ церковномъ устройствѣ со введенія христіанства до XVIII вѣка. (Орд. проф. *Н. С. Суворова*). LIII.

Серповскаго Николая—Переселенія и ихъ значеніе въ хозяйствѣ страны. (Орд. проф. *А. А. Исаева*). XXXV.

Б) за которыя авторы получили почетный отзывъ и степень кандидата:

Введенскаго Николая—О правѣ собственности на

землю по русскому праву. (Испр должн. Экстра-Орд. Проф. *И. Г. Табашникова)*. XXXIV.

В) авторы коихъ удостоены степени кандидата:

Абдулова Николая—О татебныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ по уложенію Царя Алексѣя Михайловича, сравнительно съ новоуказными статьями 1664 г. (Засл. Орд. Пр. *С. М. Шпилевскаго)*. LIII.

Агафонова Николая—Торговое право древней Руси (X—XV в. в.) по правовымъ памятникамъ того времени. (Орд. Пр. *И. Т. Тарасова)*. XLVIII.

Андросова Николая—Судъ Шеффеновъ, его прошедшее и настоящее положеніе въ германскомъ уголовномъ судопроизводствѣ. (И. д. Э. О. Проф. *Н. Д. Сергѣевскаго*).—XIX.

Артынова Евгенія—О дареніи по римскому праву. (Орд. Пр. *Д. И. Азаревича)*.—XX.

Архангельскаго Владиміра—Основаніе вмѣненія. (Испр. дол. Э. О. Проф. *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго*).—XLVII

Архангельскаго Ивана—Положеніе иностранцевъ въ Россіи до Петра I. (Доцента *А. Н. Лодыженскаго)*. XXXVIII.

Архангельскаго Николая—Дѣйствіе litis contestacio въ классическомъ римскомъ правѣ. (Орд. Пр. *Н. Л. Дювернуа)*. IX.

Архангельскаго Николая—Объ отношеніи судебныхъ уставовъ 1864 г. къ лицамъ духовнаго званія. (Проф. *А. П. Лаврова)*. XIV.

Бейленсона Гилеля—О судѣ присяжныхъ. (Приватъ-доцента *П. Ѳ. Бесѣдкина)*. LVII.

Бенедиктова Алексѣя—Цѣль и необходимыя качества раціональнаго уголовнаго наказанія. (Испр. дол. Экстра-Ординарнаго Проф. *М. В. Духовскаго)*. IX.

Бесѣдкина Павла—Историческій очеркъ преступленія

поджога по римскому, германскому и русскому праву. (*Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго*). XXXVI.

Благовѣщенскаго Ивана—О международномъ судѣ. (*А. Н. Лодыженскаго*). XXXIV.

Богданова Якова—Наслѣдованіе по закону. (Исправ. долж. доцента *А. А. Борзенко*). XIII.

Бреслава Григорья—О левиратѣ и обрядѣ разуванія у евреевъ. (И. д. Э. Орд. Проф. *В. Г. Щеглова*). LVII.

Будзиловича Николая—Сравнительно-догматическій очеркъ ученія о сервитутахъ по тому X части 1-й, Code civil и остзейскому гражданскому своду. (Испр. долж. Экстра-Ординарнаго Профессора *И. Г. Табашникова*). XL.

Бѣлопольскаго Петра—Необходимая оборона. (*Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго*). XXXIV.

Бѣляева Николая—Участіе защиты въ предварительномъ слѣдствіи. (Привать-доцента *А. Ф. Зачинскаго*). XLVII.

Бычкова Василья—О татебныхъ и разбойныхъ дѣлахъ по уложенію царя Алексѣя Михайловича 1649 года сравнительно съ новоуказными статьями 1669 года (Заслуженный Орд. Проф. *С. М. Шпилевскаго*). LVI.

Валединскаго Ильи—Исторія возникновенія и развитія крѣпостнаго права. (Орд. Проф. *И. И. Дитятина*). XVI.

Введенскаго Константина—Институтъ уголовной давности въ русскомъ правѣ. (*Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго*). XXXVI.

Введенскаго Николая—Представительство интересовъ и его отношеніе къ представительству по округамъ. (Орд. Проф. *Н. К. Нелидова*). IX.

Введенскаго Ѳедора—О мелкомъ поземельномъ кредитѣ. (Орд. Пр. *А. А. Исаева*). XLI.

Виноградова Александра—Весь-Егонская. (Ордин. Проф. *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*). VIII.

Вишневскаго Алексѣя—Договоръ найма имуществъ по X т. ч. 1. (*И. Г. Табашникова*). XXXIV.

Волковича Дмитрія—О правѣ собственности. (*А. А Борзенко*). XII

Воскресенскаго Дмитрія—Клевета, какъ преступленіе противъ чести частныхъ лицъ. (*Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго*). XXXIV.

Глаголева Ивана—Подсудность русскаго духовенства. (*А. П. Лаврова*). XI.

Голубцова Алфея—Изслѣдованіе крестьянскаго самоуправленія по положенію 19 февраля 1861 года. (Ордин. Проф. *И. Т. Тарасова*). XXXIV.

Гофмана Максима—Іерингъ и его отношеніе къ воззрѣніямъ господствующей школы въ правовѣдѣніи. (*А. А. Борзенко*). XXXIV.

Граціанова Александра—Юридическая природа и формальная сторона завѣщательныхъ распоряженій по русскому праву. (*А. А. Борзенко*). XXVIII.

Григоревскаго Петра—Исторія рецепціи римскаго права въ Германіи. (*И. Г. Табашникова*). XXXIV.

Грузинцева Константина—О правахъ наслѣдства въ помѣстьяхъ по Уложенію. (*М. Ф. Владимірскаго-Буданова*). IX.

Гурвича Айзика—Переселеніе крестьянъ въ сибирь. (Приватъ-доцента *В. Ф. Левитскаго*). XLVI.

Гурлянда Ильи—Историческій обзоръ законадательства по цензурѣ въ Россіи съ приложеніемъ разбора права печати по Лоренцу Штейну. (Испр. Дол. Экстра-ордин. Проф. *А. Е. Назимова*). LVII.

Гусева Николая—Плательщики подоходнаго налога. (Орд. Проф. *И. Т. Тарасова*). XXIV, XXVIII.

Данилова Ивана—Глава XXI Соборнаго Уложенія царя Алексѣя Михайловича 1649 г. и новоуказныя статьи 1669 г. (*С. М. Шпилевскаго*). LII.

Дворковича Арона—О постановкѣ вопросовъ на судѣ съ присяжными. (Приватъ-доцента *П. Θ. Беспдкина*). LVII.

Демидовича Александра—Договоръ страхованія имуществъ. (*И. Г. Табашникова*). XLII.

Дмитревскаго Ивана—О недостаткахъ предварительнаго слѣдствія по судебнымъ уставамъ Императора Александра II. (Приватъ-доцента *А. Ф. Зачинскаго*). XLVIII.

Дмитревскаго Федора—О родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ имуществахъ. (*А. А. Борзенко*). XI.

Добротина Арсенія—Отличіе уголовной неправды отъ гражданской и полицейской. (Орд. Профес. *В. В. Сокольскаго*). IX.

Доброхотова Александра—Наслѣдованіе по нынѣ дѣйствующему римскому праву. (*А. А. Борзенко*). XIX.

Есипова Алексѣя—Организація сельской общины послѣ крестьянской реформы. (Экстр. Орд. Проф. *О. О. Эйхельмана*). XIX.

Жаринова-Красовскаго Дмитрія—О вотчинахъ во 2-й половинѣ XVII стол. по Уложенію царя Алексѣя Михайловича и новоуказнымъ статьямъ. (*С. М. Шпилевскаго*). LIII.

Звонникова Павла—Современное положеніе теоріи вопроса о женскомъ образованіи. (Испр. должн. доцента *И. Ф. Ковалева*). XV.

Звѣрева Александра—О покушеніи. (*Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго*). XXXVI.

Зернова Сергѣя—Объ акціонерныхъ компаніяхъ. (*А. А. Борзенко*). XVI.

Знаменскаго Алексѣя—О выдачѣ преступниковъ. (Засл. Орд. Проф. *М. Н. Капустина*). IX.

Зыкова Тимофея—Репрессаліи. (*А. И. Лодыженскаго*). XXXVI.

Иванова Алексѣя—Выдача преступниковъ. (Прив.-доц. *П. Ѳ. Бесѣдкина*). LIV.

Иванова Николая—Родственное убійство. (Орд. Проф. *В. В. Сокольскаго*). XXXII.

Ивановскаго Алексѣя—Имущественныя отношенія супруговъ по русскому праву. (*М. Ф. Владимірскаго-Буданова*). XIII.

Иваншина Евгенія—О выдачѣ преступниковъ. (*А. Е. Назимова*). XLVI.

Ильина Порфирія—О выдачѣ преступниковъ. (*М. Н. Капустина*). XXX.

Казанскаго Александра—О правѣ собственности. (*А. А. Борзенко*). IX.

Казанскаго Алексѣя—Историческій очеркъ тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. (Испр. долж. доцента *М. А. Липинскаго*). XXXVI.

Казанцева Леонида—О представительствѣ въ гражданскомъ правѣ. (*Д. И. Азаревича*). XVII.

Караулова Дмитрія—Объ экстерриторіальности. (*А. Н. Лодыженскаго*). LI.

Кирина Алексѣя—О татебныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ по новоуказнымъ статьямъ 1669 г., сравнительно съ соборнымъ уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича. (*С. М. Шпилевскаго*). LII.

Князевскаго Степана—О соучастіи въ преступленіяхъ по древнему русскому праву. (*М. Ф. Владимірскаго-Буданова*). X.

Когана Ильи—Теорія ренты Карла Родбертуса-Ягетцова. (*В. Ф. Левитскаго*). LII.

Колесова Константина—Волостной судъ. (*П. Ѳ. Бесѣдкина*). LIII.

Колокольцова Лавра—О владѣніи по римскому праву. (*Н. Л. Дювернуа*). IX.

Красовскаго Александра—О доменахъ вообще и о земледѣльческихъ въ особенности. (*И. Т. Тарасова*). XXVIII.

Критскаго Ивана—Сравнительное изслѣдованіе о вотчинныхъ и родовыхъ имуществахъ. (*Д. И. Азаревича*). XXVIII.

Крылова Николая—Низшая административно-судебная инстанція въ русскомъ церковномъ устройствѣ до полов. XVI в. (Орд. Пр. *Н. С. Суворова*). LIII.

Крюкова Сергѣя—О подушной подати въ Россіи. (*М. Н. Капустина*). XVI.

Лебедева Александра—Исправительныя заведенія для малолѣтнихъ преступниковъ. (*М. Н. Капустина*). IX.

Лебедева Василья—Историческій ходъ развитія идеи крѣпостнаго права. (*М. Ф. Владимірскаго-Буданова*). IX.

Лебедева Николая—О церковномъ судѣ. (*А. П. Лаврова*). IX.

Ледницкаго Александра — Акціонерныя компаніи. (*М. А. Липинскаго*). LIII.

Лейнвангендлера Товіи—Русское законодательство о личномъ наймѣ. (*М. А. Липинскаго*). LII.

Листратова Николая—Организація обвинительной функціи и дѣятельность прокуратуры. (Привать-доцента П. Ѳ. *Бесѣдкина*). LVII.

Лыткина Николая—О самоубійствѣ. (И. д. Э.-Орд. Проф. *Н. Д. Сергѣевскаго*). IX.

Любимова Павла—Взаимное отношеніе правительственнаго и земскаго элементовъ въ области мѣстнаго управленія въ Англіи, Прусіи и Россіи. (*А. Е. Назимова*). XXXVI.

Люминарскаго Николая—Идея государства. (*М. Н. Капустина*). XI.

Люцедарскаго Леонида—О выдачѣ преступниковъ. (*А. Е. Назимова*). XLVI.

Ляхницкаго Клавдія—Историческое развитіе и современное устройство Государственнаго Совѣта въ Россіи. (*А. Е. Назимова*). XLVI.

Мамина Владиміра—О значеніи національности въ международномъ правѣ. (*А. Н. Лодыженскаго*). LII.

Мартынова Николая—О владѣніи по русскому гражданскому праву. (*А. А. Борзенко*). XI.

Марчевскаго Михаила—Очеркъ и характеристика законодательствъ Екатерины II. (*С. М. Шпилевскаго*). LII.

Матвѣевскаго Митрофана—Имущественныя отношенія супруговъ по древне-русскому праву. (*И. И. Дитятина*). XII.

Меморскаго Александра—О преступленіи и наказаніи по русской правдѣ. (*М. А. Липинскаго*). XIX.

Минервина Александра—О закладномъ правѣ. (*Н. Л. Дювернуа*). IX.

Минервина Василья—Земскіе соборы на Руси въ XVI вѣкѣ. (*И. И. Дитятина*). XII.

Миславскаго Николая—Договоръ страхованія по русскому праву. (*И. Г. Табашникова*). XXXVII.

Моригеровскаго Сергѣя—Составъ присутствія присяжныхъ засѣдателей и вліяніе его на вердикты. (*В. В. Сокольскаго*) XVII.

Нагина Андрея—Торговое право въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ. (*И. Т. Тарасова*). XLIV.

Надѣинскаго Александра—Объ обычномъ правѣ. (*В. Г. Щеглова*). LII.

Назимова Андрея—Кража по дѣйствующему русскому праву. (*М. В. Духовскаго*). IX.

Невзорова Александра—Разводъ въ его всемірно-историческомъ развитіи. (*В. В. Сокольскаго*). XXXV.

Невскаго Александра—Административная юстиція. (*И. Т. Тарасова*). XXXIV.

Невскаго Александра—Постановка вопросовъ на судѣ присяжныхъ. (*П. Ѳ. Бесѣдкина*). LIII.

Невскаго Дмитрія—Административная юстиція. (*И. Т. Тарасова*). XXXIV.

Нехорошева Тимофея—Ссылка въ Сибирь какъ уголовное наказаніе. (*Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго*). XXXVI.

Нечаева Луки—О церковномъ судѣ. (*А. П. Лаврова*). XIII.

Образцова Семена—Историческій очеркъ развитія фабричнаго законодательства Англіи. (*А. А. Исаева*). XXIII.

Окновскаго Соломона—Историческій очеркъ развитія предіальныхъ сервитутовъ въ древнемъ Римѣ. (Приватъ-доцента *А. Е. Минервина*). XLVIII.

Орлинскаго Евсевія—О земельныхъ владѣніяхъ русскаго духовенства XVI вѣка. (*Н. С. Суворова*). XX.

Орлова Дмитрія—Тюрьмы въ Европѣ и въ Россіи. (*М. В. Духовскаго*). IX.

Орлова Михаила—Ссылка и тюрьмы въ Россіи. (*Н. Д. Сергѣевскаго*). XI.

Островскаго Николая—Системы тюремнаго заключенія. (*М. Н. Капустина*). IX.

Перошкова Василья—Отличіе присвоенія отъ похищенія. (*П. Ѳ. Бесѣдкина*). LIV.

Пескина Михаила—Адвокатура въ уголовномъ процессѣ. (*П. Ѳ. Бесѣдкина*). LVII.

Петрова Митрофана—Хозяйство органовъ самоуправленія. (*А. А. Исаева*). XLVII.

Петровскаго Павла—Историческій очеркъ ученія объ обществѣ. (*О. О. Эйхельмана*). XX.

Писаревскаго Николая—Понятіе о преступленіи по уставной книгѣ Разбойнаго приказа. (*И. И. Дитятина*). XIII

Покровскаго Ивана—Боярская дума. (*М Ф. Владимірскаго-Буданова*). VIII.

Покровскаго Ивана—О послѣдствіяхъ субъективнаго соединенія исковъ. (*М. А. Липинскаго*). XLVIII.

Полетаева Павла—О происхожденіи консуловъ. (*А. Н. Лодыженскаго*). XXXI.

Польскаго Михаила—Система и принципъ наказаній въ Московскій періодъ. (М. Ф. *Владимірскаго-Буданава)*. IX.

Попова Константина—Имущественныя отношенія супруговъ по древне-русскому праву. (*С. М. Шпилевскаго)*. XLVII.

Попова Степана—О страховомъ договорѣ. (А. А. *Борзенко*). XIII.

Поповскаго Ивана—Международныя отношенія Россіи въ княжеско-вѣчевой періодъ. (А. Н. *Лодыженскаго*). XXXV.

Потѣхина Павла—Значеніе учрежденія о губерніяхъ Екатерины II въ области администраціи. (И. И. *Дитятина*). XV.

Протопопова Петра—О признаніи въ уголовномъ процессѣ. (В. В. *Сокольскаго*). IX.

Проценко Николая—О вооруженномъ нейтралитетѣ. (И. д. Экстра-орд. Проф. А. Н. *Лодыженскаго*). XLVII.

Прусакова Хаима—О выдачѣ преступниковъ. (П. Ѳ. *Бесѣдкина*). LVII.

Пѣтунина Алексѣя—О наслѣдованіи женщинъ по русскому праву. (А. А. *Борзенко*). XIX.

Пятницкаго Михаила—Давность по русскому гражданскому праву. (А. А. *Борзенко*). XXIV.

Раевскаго Евгенія—Историческій очеркъ развитія права собственности. (А. А. Б*орзенко*). XXVIII.

Розанова Константина—Значеніе и основныя начала ипотечной системы. (И. Г. *Табашникова*). XXXIV.

Розова Константина—О выдачѣ преступниковъ. (А. Н. *Лодыженскаго*). XLIV.

Розова Павла—Наслѣдственное право. (А. А. *Борзенко*). IX

Розова Сергѣя—Толкованіе закона. (Н. Л. *Дюверниа*). IX.

Сабинина Леонида—Фабричное законодательство въ Западной Европѣ и въ Россіи. (В. Ф. *Левитскаго*). LVII.

Савастьянова Владиміра—О представительствѣ. (А. А. Б*орзенко*). XVI.

Семидалова Владиміра—Городовое положеніе 16 іюня 1870 года. (А. Е *Назимова*). XXXVII.

Сергіевскаго Владиміра—Ученіе о вознагражденіи лицъ безвинно отъ суда уголовнаго пострадавшихъ. (Л. С. *Бѣлогрицъ-Котляревскаго*). XLII.

Серебреникова Венедикта—Вѣче и князь въ древней Руси. (С. М. *Шпилевскаго*). LIII.

Славновскаго Алексѣя—Экспропріація. (М. Н *Капустина*). XVI.

Смирнова Александра—Ученіе объ участіи адвокатуры въ предварительномъ слѣдствіи. (Привать-доцента А. Ф. *Зачинскаго*). XLVII.

Смирнова Дмитрія—Объективный и субъективный моменты уголовной вины. (Л. С. *Бѣлогрицъ-Котляревскаго*). XXXVIII.

Смоленскаго Михаила—Положеніе иностранцевъ въ Россіи и ихъ натурализація. (М. Н. *Капустина*). XXVIII.

Соколова Николая—Екатерининская коммиссія о сочиненіи проэкта новаго уложенія. (М. А *Липинскаго*). XXIII.

Соколова Сергѣя—Очеркъ исторіи поземельныхъ налоговъ въ Россіи. (М. Ф. *Владимірскаго-Буданова*). X.

Соловьева Ивана—Договоръ поставки. (А. А. *Борзенко*). XI.

Соловьева Николая—Судъ присяжныхъ. (Испр. дол. Экстра-орд. Проф Д. Г. *Тальберга*). XXXIV.

Сперанскаго Алексѣя—Положеніе вопроса о вознагражденіи невинно осужденныхъ. (А. Ф. *Зачинскаго*). XLVII.

Сперанскаго Петра—О родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ имуществахъ по русскому праву. (И. Г. *Табашникова*). XXXVIII.

Срѣтенскаго Семена—Сводъ критическихъ замѣчаній на проэктъ общей части новаго уголовнаго уложенія. (Л. С. *Бѣлогрицъ-Котляревскаго*). XLVII.

Стремоухова Андрея—Кодификація права войны. (М. Н *Капустина*). X.

Стригалева Геннадія—О дѣйствіи уголовнаго закона во времени. (Л. С. *Бѣлогрицъ-Котляревскаго*). LIV.

Сулковскаго Василья—О національности. (А. Н. *Лодыженскаго*). XXXVI.

Талантова Александра—Объ обидѣ по русскому праву. (Н. Д. *Сергѣевскаго*). IX.

Чулановскаго Михаила—О смертной казни. (Л. С. *Бѣлогрицъ-Котляревскаго*). XXXVI.

Шаланина Валентина—О татебныхъ и разбойныхъ дѣлахъ по Уложенію царя Алексѣя Михайловича сравнительно съ новоуказными статьями 1669 г. (С. М. *Шпилевскаго*). LII.

Шахъ-азиза Семена—Консульское право. (М. Н. *Капустина*). XXX.

Шереметева Николая—Сравненіе 21 и 22 главъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича съ новоуказными статьями о татебныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ 1669 года. (С. М. *Шпилевскаго*). LIII.

Штейнберга Хаима—О кражѣ документовъ. (П. Ѳ. *Беспдкина*). LVII.

Щербина Матвѣя—Объ экстратерриторіальности. (А. Н. *Лодыженскаго*). XLII.

Эльпидинскаго Алексѣя—Ипотечная система привислянскихъ губерній. (А. А. *Борзенко*). XIII.

Юровскаго Іосифа—Сельско-хозяйственный кризисъ 1867—1880 гг. въ Англіи (И. д. Экстра.-ордин. Проф. В. Ф. *Левитскаго*). LVII.

Якиманскаго Александра—О родовыхъ имуществахъ. (А. А. *Борзенко*). XIII.

Яковлева Ивана—О правѣ собственности. (А. А. *Борзенко*). XXVIII.

Ѳедорова Владиміра—Народное судопроизводство въ Кубанской области. (Испр. д. Э.-Орд. Пр. *Д. Г. Тальберга*). XXXIV.

Отчеты о состояніи Лицея: за 1871 г. II; за 1872 г. IV; за 1873 г. VI; за 1874 г. IX; за 1875 г. XII; за 1876 г. XVI; за 1877 г. XVII; за 1878 г. XIX; за 1879 г. XXII; за 1880 г. XXVI; за 1881 г. XXIX; за 1882 г. XXXIII; за 1883 г. XXXV; за 1884 г. XXXVII; за 1885 г. XL; за 1886 г. XLV; за 1887 г. XLVIII; за 1888 г. L; за 1889 г. LII; за 1890 г. LV; за 1891 г. LVII; за 1892 г. LIX.

Отчеты правленія попечительства о недостаточныхъ студентахъ Лицея: за учебные годы: 187$^{1}/_{2}$ III; за 187$^{2}/_{3}$ V; за 187$^{3}/_{4}$ VIII; за 187$^{4}/_{5}$ X; за 187$^{5}/_{6}$ XII; за 187$^{6}/_{7}$ XV; за 187$^{7}/_{8}$ XVII; за 187$^{8}/_{9}$ XX; за 1879—80 XXIII; за 188$^{0}/_{1}$ XXVII; за 188$^{1}/_{2}$ XXIX; за 188$^{2}/_{3}$ XXXIII; за 188$^{3}/_{4}$ XXXV; за 188$^{4}/_{5}$ XXXVII; за 188$^{5}/_{6}$ XLI; за 188$^{6}/_{7}$ XLV; за 188$^{7}/_{8}$ XLYII; за 188$^{8}/_{9}$ LI; за 1889—90 г. LIV; за 189$^{0}/_{1}$ годъ—LVIII.

Лѣтописи Лицея: составленныя директоромъ *М. Н. Капустинымъ*: со дня открытія Лицея по 15 августа 1871 г. I; за 187$^{1}/_{2}$ уч. г. III; за 187$^{2}/_{3}$ уч. г. V; за 187 $^{3}/_{4}$ уч. г. VIII; за 187$^{4}/_{5}$ уч. г. X; 187$^{5}/_{6}$ учеб. г. XII; за 187$^{6}/_{7}$ уч. г. XV; за 187$^{7}/_{8}$ уч. г. XVII; за 187$^{8}/_{9}$ уч. г. XIX; за 1879—80 учеб. г. XXIII; за 188$^{0}/_{1}$ учеб. г. XXVII; за 188$^{1}/_{2}$ уч. г. XXIX; составленныя орд. проф. *В. В. Сокольскимъ* за 188$^{2}/_{3}$ уч. г. XXXIII; за 188$^{3}/_{4}$ уч. г. XXXV; составленныя директоромъ *С. М. Шпилевскимъ* за 188$^{4}/_{5}$ уч. г. XXXVII; за 188$^{5}/_{6}$ уч. г. XLI; за 187$^{6}/_{7}$ уч. г. XLV; за 188$^{7}/_{8}$ уч. г. XLVII; за 188$^{8}/_{9}$ уч. г. L; за 1889—90 уч. г. LIII; за 189$^{0}/_{1}$ уч. г. LV; за 189$^{1}/_{2}$ уч. г.—LVIII.

Отчеты о командировкахъ: И. д. Экстра-ординарнаго Профессора *В. Г. Щеглова*.—LIII.

Отчеты о ревизіи библіотеки: за 1889—90 г. LIII; за 1891 г.—LVI.

Списки студентовъ: поступившихъ въ лицей въ 1870 г. I; состоявшихъ къ концу 187$^{0}/_{1}$ уч. г. II; къ концу 187$^{1}/_{2}$ уч. г. IV; къ концу 187$^{2}/_{3}$ уч. г. VI; къ концу 187$^{3}/_{4}$ уч. г. IX; за 187$^{4}/_{5}$ учеб. г. XII; за 187$^{5}/_{6}$ учеб. г. XIV; за 187$^{6}/_{7}$ уч. г. XVII; за 187$^{7}/_{8}$ уч. г. XIX; за 187$^{8}/_{9}$ учебн. г. XXII; за 1879—80 учеб. г. XXVI; за 188$^{0}/_{1}$ учебн. г. XXIX; за 188$^{1}/_{2}$ уч. г. XXXIII; за 188$^{2}/_{3}$ уч. г. XXXV; за 188$^{3}/_{4}$ уч. г. XXXVII; за 188$^{4}/_{5}$ уч. г. XL; за 188$^{5}/_{6}$ учебн годъ XLV.

Программы лекцій· Испр должн. доцента *А. А. Бор-*

зенко: по русскому гражданскому праву VII, X, XIII, XXII; по гражданскому судопроизводству XII; по торговому праву XVII.

Испр. должн. доцента Ѳ. В. *Григоровича*—по Институціямъ римскаго права—XVII.

Испр. должн. Экстра-орд. профес. *М. В. Духовскаго*—по уголовному праву—VIII.

Приватъ-доцента *А. Ф. Зачинскаго*—по уголовному судопроизводству—LI.

Ордин. Профес. *А. А. Исаева*—по Политической экономіи—XXXVII.

Ордин. Профес. *М. Н. Капустина*—по международному праву VII; по Энциклопедіи права VII; по Институціямъ римскаго права XII; по наукѣ о финансахъ XVII.

Испр. должн. Экстра-орд. профес. *П. Л. Карасевича*—по Энциклопедіи права IV.

Испр. должн. доцента *Н. А. Миловидова*—по Гражданскому судопроизводству—VII.

Ордин. Профес. *Н. К. Нелидова*—по Государственному праву—IV.

Испр. должн. Экстра-орд. Проф. *Н. Д. Сергѣевскаго*—по Уголовному праву—XX, XXII.

Орд. Проф. *В. В. Сокольскаго*—по Исторіи римскаго права XII, XVII; по всеобщей исторіи права—XVII, XXVI.

Орд. Проф. *Н. С. Суворова*—по Церковному праву LII.

Экстр. Орд. Проф. *О. О. Эйхельмана* по Государственному праву—XXVI, XXIX.

Азаревичъ Д. И. Исторія византійскаго права—XII, XIV. —Прекаріумъ по римскому праву—XII, XIII. Отвѣтъ Проф. С. Муромцову по поводу разбора сочиненія—„Патриціи и плебеи въ Римѣ“—XVI. О средневѣковомъ общинномъ землевладѣніи (переводъ съ Нѣмец. Н а с с е) XVI.—Брачные элементы и ихъ значеніе. (Актовая рѣчь)—XVIII.—Античный міръ и христіан-

ство. (Публичныя лекціи)—XX.—Юридическія лица. Условія. (Изъ курса лекцій по римскому праву)—XXVIII.

Астафьевъ П. Е. Монизмъ или дуализмъ? (Вступительная лекція по исторіи философіи права)—IV.

Берендтсъ Э. Н. Индивидуализмъ и Государство. (Вступительная лекція по Государственному праву).—LVI. Меркантилисты и физіократы въ Швеціи въ XVIII столѣтіи.—LVII.

Бесѣдкинъ П. Ѳ. Историческій очеркъ преступленія поджога по римскому, германскому и русскому праву.—Кандидатское разсужденіе—XXXVII.

Борзенко А. А. Русское гражданское право. (Введеніе)—VIII, IX.—Единство рода и постепенность призванія къ открытому наслѣдству по закону—XIII, XIV.—Искъ о возвращеніи свыше стоимости уплаченнаго—XIV.—Книжные каталоги—XIX. —Интересъ и право (перев. съ нѣм. соч. Іеринга, съ приложеніями)—XXIII, XXIV.—Матеріалы по желѣзно-дорожнымъ вопросамъ. (Актовая рѣчь)—XXV.—Личность, общественность, собственность. (Изъ курса по гражданскому праву)—XXVI.—Гражданскія ограниченія желѣзно-дорожныхъ предпріятій—XXVII. XXVIII, XXXII, XXXIII.

Бѣлогрицъ-Котляревскій Л. С. Понятіе уголовнаго права и основаніе наказанія, вступительная лекція XXXIII.—Преступленія противъ религіи въ важнѣйшихъ государствахъ запада—XXXVII, XXXVIII, XXXIX, XL.—Преступленіе противъ религіи. Отвѣтъ проф. *И. Фойницкому*—XLIII.—Роль обычая въ уголовномъ законодательствѣ XLVIII. Два года за границей съ ученою цѣлью—LII. Творческая сила обычая въ уголовномъ правѣ—LV.

Владимірскій-Будановъ М. Ф. Христоматія по исторіи русскаго права. Выпускъ 1-й I, II; Выпускъ 2-й V, VI; Вып. 3-й IX, X.—Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка—VI, VII, VIII.

Ворошиловъ Н. Н. Критическій обзоръ ученія о раздѣленіи властей—I, II, III.—О современномъ историческомъ изученіи права. (Вступительная лекція по всеобщей исторіи права)—III.

Вульфертъ А. К. Методы, содержаніе и задачи науки уголовнаго права. (Вступительная лекція). LVI.—Антрополого-позитивная школа Уголовнаго права въ Италіи—LVIII—LX.

Головщиковъ К. Д. (Секретарь Лицея). Родъ дворянъ Демидовыхъ - XXXIV, XXXV.— Павелъ Григорьевичъ Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища—XLI, XLII. XLIII.

Дитятинъ И. И. Очеркъ исторіи права въ западной Европѣ—XI. – Государство и прогрессъ. (Переводъ съ французскаго соч. Бюше).—XI, XVII.—Наше городское самоуправленіе. (Актовая рѣчь). XII.— Городское самоуправленіе Россіи въ XIX вѣкѣ—XV, XVI.

Духовской М. В. Задача науки уголовнаго права. (Вступительная лекція)—IV.—Понятіе клеветы, какъ преступленія противъ чести частныхъ лицъ—IV, V.

Дювернуа Н. Л. Значеніе римскаго права для русскихъ юристовъ. (Вступительная лекція). I.—Основная форма корреальнаго обязательства—VI, VII.

Зачинскій А. Ф. О началѣ государственнаго обвиненія – XLV.

Исаевъ А. А. Задача и методъ Политической Экономіи. (Вступительная лекція)—XIX.—Артели въ Россіи—XXVI, XXVII.—Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Россіи. (Публичная лекція)—XXVIII.—Недоразумѣнія по вопросу объ артеляхъ. Отвѣтъ на рецензію Сазонова—XXX.—Государственный кредитъ—XXXIX.—Большіе города и ихъ вліяніе на общественную жизнь—XLII.— Составныя части и методы Политической Экономіи—XLIII.—Очеркъ теоріи и политики налоговъ—XLIV, XLV.

Казанцевъ Л. Н. Ученіе о представительствѣ въ гражданскомъ правѣ. (Кандидатское разсужденіе).—XVII.

Капустинъ М. Н. Юридическое образованіе въ Англіи. II.—Исторія Права—II, III, IV.—Международное право. (Конспектъ лекцій)—IV, V—Юридическое образованіе во Франціи.

VI.—Чтеніе о политической экономіи и финансахъ—XIX, XX. —Институціи римскаго права—XXIII, XXIV, XXV.

Карасевичъ П. Л Введеніе въ Энциклопедію права—I.

Колокольцовъ Л. Ф. Понятіе и юридическая природа владѣнія вещами по римскому праву. (Кандидат. разсуж.)—VIII.

Левитскій В. Ф. Краткій обзоръ исторіи и теоріи Банковъ, съ приложеніемъ ученія о биржевыхъ операціяхъ—А. Бишофъ, переводъ С. Окновскаго, подъ редакціей В. Ф. Левитскаго—XLIII, XLIV. Задачи и методы науки въ народномъ хозяйствѣ—LII, LIII, LIV.

Липинскій М. А. Историческое изученіе права. (Вступительная лекція) XVIII.—Писцовыя книги Угличскаго уѣзда XVII-го вѣка—XLI—XLVI.—Угличскіе акты XVII вѣка—XLVIII—LII. Городъ Угличъ въ XVII вѣкѣ—LIV, LVI, LVII.

Лодыженскій А. Н. О плебисцитѣ въ международномъ правѣ—XXXIV, XXXV.

Миловидовъ Н. А. Законная сила судебныхъ рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ—XI.—Вексельное право. (Курсъ лекцій). XIII.

Минервинъ А. Е. Исходные моменты ученія о закладномъ правѣ. (Кандидатское разсужденіе)—VIII, X.

Назимовъ А. Е. Теорія конституціонализма и самоуправленія Р. Гнейста—XXVII.—Раекція въ Пруссіи. (1848—1855 гг.)—XLI, XLII, XLIII.

Нелидовъ Н. К Наука о государствѣ, какъ предметъ высшаго спеціальнаго образованія. (Актовая рѣчь)—III. Некрологъ Николая Николаевича Ворошилова—V. Юридическія и политическія основанія государственной службы—V—VIII.

Посниковъ А. С. Объ общинномъ землевладѣніи—IX, X.

Свирщевскій А. Р. Перев. Эгеберга. Очеркъ финансовой науки.—LVIII—LX.

Сергѣевскій Н. Д. Основныя начала и формы уголовнаго процесса. (Вступительная лекція)—IX.—О судѣ присяжныхъ.

IX.—Область примѣненія порядка частнаго обвиненія въ русскомъ правѣ и лѣстница общихъ наказаній по уложенію о наказаніяхъ угол. и исправит. (Изъ курса по угол. судопр.)—XIX.—Таблица наказаній по воинскому уставу—XX.—Значеніе причинной связи въ уголовномъ правѣ—XXI, XXII.—Казуистика. (Сборникъ судебныхъ случаевъ для практическихъ занятій по уголовному праву)—XXVIII.

Серповскій Н. Г. Переселенія въ Россіи въ древнее и новое время и ихъ значеніе въ хозяйствѣ страны. Сочиненіе удостоенное золотой метали—XXXVI.

Сокольскій В. В. Введеніе въ курсъ всеобщей исторіи права—VIII.—О значеніи вѣщателей права въ первобытныхъ обществахъ. (Актовая рѣчь)—X.—Пособіе при изученіи внѣшней исторіи римскаго права—XI.—Отвѣтъ на помѣщенный въ № 2-мъ критическаго обозрѣнія разборъ сочиненія „Пособіе при изученіи внѣшней исторіи римскаго права"—XIX.—О лѣсосѣчныхъ общинахъ въ горахъ Зигерланда (Переводъ съ нѣм. соч. Ахенбаха)—XIX.—Христоматія по исторіи Западно-Европейскаго права. Ч. 1.—XXXI.

Суворовъ Н. С. Вступительная лекція по церковному праву—XV.—Отвѣтъ Проф. Таганцеву по поводу разбора сочиненія „О церковныхъ наказаніяхъ"—XVI.—Существо церкви по ученію и исторіи новаго завѣта. (Переводъ съ нѣмец. сочиненія Кестлина съ предисловіемъ)—XXVIII, XXIX.—Римское папство до раздѣленія церквей. (Актовая рѣчь)—XXIX.—О свободѣ церкви и о свободѣ совѣсти. (Перев. съ нѣм. соч. Маассена, съ предисловіемъ)—XXIX.—Объемъ дисциплинарнаго суда и юрисдикція церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ—XXXIV, XXXV, XXXVI.—Къ вопросу о тайной исповѣди и о духовникахъ въ восточной церкви—XXXVIII, XXXIX, XL.—О происхожденіи и развитіи русскаго раскола—XXXIX, XL.—О гражданскомъ бракѣ—XLIV.—Слѣды заподно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права—XLVIII, XLIX.—Вѣра и дѣла—XLVIII.—Курсъ церковнаго

права—XLIX, L LVI.—Христіанская благотворительность въ языческой Римской Имперіи—LI.—Объ юридическихъ лицахъ по римскому праву.—LVII—LIX.

Табашниковъ И. Г. Вступительная лекція по римскому праву—XXXII.

Тальбергъ Д. Г. Вступительная лекція по уголовному процессу—XXIV.

Тарасовъ И. Т. Опытъ разработки программы и конспекта общей части науки Полицейскаго права—XVII.—Ученіе объ акціонерныхъ компаніяхъ—XX, XXI, XXVII.—Объ уваженіи къ женщинѣ. (Публичная лекція)—XXIV.—Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности Родбертуса, перев. съ нѣм. подъ редак. и предисловіемъ г. Тарасова. вып. 1 пер. Д. Невскаго—XXVI; вып. 2-й пер. Скворцова—XXX; вып. 3-й пер. Смирнова—XXXIII, XXXIV; вып. 4-й пер. Боевскаго—XLII, XLV.—Кредитъ и бумажныя деньги. (Актовая рѣчь)—XXVII.—О значеніи вѣры и знанія въ жизни (Публичная лекція)—XXVIII. Отвѣтъ на мнѣніе юридическаго факультета Унив. Св. Владиміра „объ ученыхъ трудахъ г Тарасова"—XXVIII.—Очерки науки финансоваго права—XXXI, XXXII, LI, LII, LIII.—Парламентарный образъ правленія и демократія—Эмиля-де-Лавеле, пер. подъ редакціей и съ предисловіемъ г. Тарасова—В. Ерасси—XXXIII.—Объ образованіи женщинъ—XXXVI.—Личное задержаніе какъ полицейская мѣра безопасности—XXXVII, XXXVIII, XXXIX, XL.—Краткій очеркъ науки Административнаго права—T. I.—XLVI, XLVII; T. II—LIII, LIV.—О соціализмѣ. (Публич. лекція)—XLVIII.

Трубецкой Е. Н. князь. Рабство въ древней Греціи—XL.

Щегловъ В. Г. Нравственность и право въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. (Актовая рѣчь)—XLVII. Государственный совѣтъ въ Россіи—LV—LX.

Эйхельманъ О. О. Военное занятіе непріятельской страны—XVIII.

Каталогъ библіотеки лицея—IV—X, XI,—XX, XXVII, XXVIII, XXX, XXXII—XL.

Юридическая библіографія: № 1-й—XLI; № 2-й—XLII; №№ 3 и 4-й—XLIII; № 5 й—XLV; №№ 6 и 7-й XLVI; № 8-й—XLVII; №№ 9 и 10-й—XLVIII; №№ 11 и 12-й—XLIX; № 13-й—L; №№ 14 и 15-й—LI; № 16-й—LII; №№ 17 и 18-й—LIII; №№ 19 и 20-й—LIV; № 21-й LV; № 22-й—LVI; №№ 23 и 24-й—LVII; №№ 25 и 26-й—LVIII; 27 и 28-й—LIX; 29 и 30—LX.

Книги вышли:

I	въ	1872	году
II	—	—	—
III	—	—	—
IV	—	1873	—
V	—	—	—
VI	—	1874	—
VII	—	—	—
VIII	—	—	—
IX	—	1875	—
X	—	—	—
XI	—	1876	—
XII	—	—	—
XIII	—	1877	—
XIV	—	—	—
XV	—	—	—
XVI	—	1878	—
XVII	—	1879	—
XVIII	—	—	—
XIX	—	—	—
XX	—	1880	—
XXI	—	—	—
XXII	—	—	—
XXIII	—	—	—
XXIV	—	1881	—
XXV	—	—	—
XXVI	—	—	—
XXVII	—	—	—
XXVIII	—	1882	—
XXIX	—	—	—
XXX	—	—	—
XXXI	въ	1883	году
XXXII	—	—	—
XXXIII	—	1884	—
XXXIV	—	—	—
XXXV	—	—	—
XXXVI	—	1885	—
XXXVII	—	—	—
XXXVIII	—	1886	—
XXXIX	—	—	—
XL	—	—	—
XLI	—	—	—
XLII	—	1887	—
XLIII	—	—	—
XLIV	—	—	—
XLV	—	—	—
XLVI	—	1888	—
XLVII	—	—	—
XLVIII	—	1889	—
XLIX	—	—	—
L	—	1890	—
LI	—	—	—
LII	—	—	—
LIII	—	1891	—
LIV	—	—	—
LV	—	1892	—
LVI	—	—	—
LVII	—	—	—
LVIII	—	1893	—
LIX	—	—	—
LX	—	—	—

мѣнилось значеніе въ управленіи сената и коллегій: они должны были ограничиться исполненіемъ повелѣній совѣта, посылаемыхъ имъ именемъ верховной власти [1]). Верховный Тайный Совѣтъ сталъ надъ сенатомъ, съ первенствомъ котораго въ управленіи не могли помириться старые боярскіе роды: сенатъ въ ихъ глазахъ являлся представителемъ домократической табели о рангахъ, сравнивавшей знатныхъ родовитыхъ людей съ остальными членами служилаго сословія [2]). Верховный Тайный Совѣтъ уничтожилъ должность генералъ-прокурора—посредника между сенатомъ и верховной властью: совѣтъ самъ сталъ въ срединѣ между нею и сенатомъ [3]). Послѣдній сначала не хотѣлъ уступить первенства въ управленіи Верховному Тайному Совѣту и долго отказывался принимать указъ совѣта объ его учрежденіи отъ секретаря совѣта, Степанова на томъ основаніи, что Екатерина повелѣла „быть сенату въ прежнемъ состояніи и достоинствѣ“ [4]), но, наконецъ, долженъ былъ подчиниться совѣту [5]). Сенатъ представлялъ ему доношенія о дѣлахъ [6]). Съ сенатскими доношеніями являлись въ совѣтъ или сами сенаторы, или же секретари сената [7]). Но ни тѣ, ни другіе не могли присутствовать въ засѣданіяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта [8]). Не смотря на полную зависимость, въ какой сенатъ очутился отъ совѣта, первый не хотѣлъ помириться съ своимъ униженіемъ даже и послѣ того, какъ окончательно опредѣлилось его второстепенное положеніе въ управленіи. Долго послѣ учрежденія совѣта въ сенатѣ, въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ объявлялись „разными персонами“ письменно или словесно высочайшія повелѣнія безъ вѣдома совѣта. Когда

ность учредить и поддержать правленіе, подобное англійскому. Весьма вѣроятно, что учрежденіе Верховнаго Совѣта въ этихъ же видахъ и послѣдовало. Это мнѣніе совпадаетъ съ тѣмъ, что самому мнѣ извѣстно изъ стремленій русскихъ вельможъ“ (С. Р. И. О , LXIV, 256 с.). 1) Арсеньевъ, 174—175 с. 2—3) Градовскій, 138—139 с. 4—8) С. Р. И. О., LV, №№ 5, 6, 45, 87, 151, 230, 237, 243, 245, 249, 250 и мн. др., №№ 19 и 26, 62.

совѣтъ узналъ объ этомъ, въ немъ немедленно состоялся указъ, чтобы всѣ высочайшія повелѣнія, не исключая и тѣхъ, которыя касаются сената и коллегій, были прежде объявлены въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ [1]). Но и послѣ этого категорическаго запрещенія всякихъ посягательствъ на высшій правительственный авторитетъ совѣта, сенатъ не отказался совершенно отъ права самостоятельнаго распоряженія. Когда, спустя нѣсколько времени, въ совѣтѣ былъ спрошенъ секретарь сената, Моисеевъ, исполненъ ли указъ Совѣта, Моисеевъ отвѣчалъ, что сенатъ послалъ указъ только въ коллегіи и канцеляріи, а въ прочія мѣста не посылалъ, не печаталъ и не публиковалъ указа Верховнаго Тайнаго Совѣта, да и впредь запретилъ печатать и публиковать его въ народѣ [2]). Верховный Тайный Совѣтъ не терпѣлъ никакого соперничества въ управленіи; ему не подчинялся при Екатеринѣ только частный кабинетъ императрицы, который былъ учрежденъ Петромъ I въ видѣ частной канцеляріи при лицѣ государя: изъ кабинета присылались въ совѣтъ копіи съ кабинетныхъ указовъ „токмо для извѣстія, а не для резолюціи“ [3]). Но кабинетъ императрицы вѣдалъ только нѣкоторыя административныя дѣла: въ немъ жаловались государыней высшіе чины, разсматривались дѣла дворцовыхъ вотчинъ. Синодъ доносилъ въ кабинетъ о вершенныхъ и невершенныхъ имъ дѣлахъ, губернаторы—о „новыхъ и важныхъ“ губернскихъ дѣлахъ [4]). Незначительная компетентность кабинета не была опасна для власти Верховнаго Тайнаго Совѣта при Екатеринѣ I, которая сама видѣла въ немъ высшее

---

1) С. Р. И. О., LVI, №№ 13 и 14. Высочайшія повелѣнія, объявляемыя въ сенатѣ, коллегіяхъ и канцеляріяхъ, помимо Верховнаго Тайнаго Совѣта, касались новыхъ законовъ: указомъ совѣта приказывается „не вѣрить именнымъ указамъ о выдачѣ сверхъ штату денегъ и прочее тому подобное, что регламентамъ и правамъ противно; и что вновь постановить или опредѣлить или чрезъ регламентъ и указы чинами перемѣнять“ (14 стр.). 2—3) С. Р. И. О., LVI, №№ 30 и 276. 4) Ibidem, №№ 196, 216 и 276.

учрежденіе въ имперіи. 1 января 1727 г. императрица вновь подтвердила первенствующее положеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта среди другихъ государственныхъ учрежденій. Члены верховнаго совѣта должны были „вѣрными своими *совѣтами* и безстрастнымъ объявленіемъ мнѣній своихъ учинить царицѣ споможеніе и облегченіе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, дабы всѣ дѣла по довольно зрѣломъ и совѣстномъ уваженіи и разсужденіи рѣшены и потому отправлены быть могли“. Екатерина желала, чтобы во всѣхъ дѣлахъ, „ея и государственной пользы касающихся въ совѣтѣ, напередъ зрѣлое разсужденіе и вѣрные, совѣстные и *безстрастные совѣты* отправлены, общія мнѣнія записаны и со оными потомъ для полученія рѣшенія предложены были“ императрицѣ. Въ этихъ видахъ она представила въ совѣтѣ герцогу гольштинскому „не токмо надъ прочими членами первенство и во всѣхъ приключающихся дѣлахъ первый голосъ“, но и право требовать отъ всѣхъ мѣстъ, подчиненныхъ совѣту, „вѣдомости“ нужныя для „лучшаго изъясненія дѣлъ“ въ совѣтѣ. Обо всѣхъ дѣлахъ высшаго управленія государствомъ приказано докладывать только Верховному Тайному Совѣту, „дабы съ зрѣлаго разсужденія и *общаго совѣта* обо всемъ опредѣленіе учинено быть могло“. Екатерина заявляетъ, что она не будетъ рѣшать никакихъ дѣлъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя только ей „повѣрены быть могутъ“, безъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Въ случаѣ разногласія при обсужденіи какого-либо дѣла въ совѣтѣ обо всѣхъ мнѣніяхъ членовъ должно быть доложено императрицѣ, которая и рѣшаетъ дѣло. Для „лучшаго и основательнаго отправленія“ дѣлъ они могутъ быть подраздѣлены „между членами по особливымъ департаментамъ“ [1]). Екатерина, повидимому, желала, чтобы Верховный Тайный Совѣтъ былъ „опорой престола“ и обладалъ

1) Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта. См. Чтенія общ. ист. и древн. россійскихъ, 1858, III, 32 с.; Соловьевъ, XVIII, 289—291 с.

только совѣщательной функціей. Въ засѣданіи 23 февраля 1726 г. герцогъ отъ имени императрицы заявилъ, что „совѣтъ не есть особенное судилище, а только собраніе къ облегченію бремени правленія императрицѣ, которая сама засѣдаетъ въ немъ“ [1]). Но Екатерина рѣдко посѣщала засѣданія совѣта, который не замедлилъ воспользоваться этимъ для увеличенія своей и безъ того огромной власти въ управленіи, гдѣ онъ считалъ одного себя „господиномъ“ [2]).

Верховный Тайный Совѣтъ былъ при Екатеринѣ I средоточіемъ всѣхъ важнѣйшихъ правительственныхъ дѣлъ. Въ кругъ вѣдомства совѣта входили: составленіе проэктовъ законовъ и обсужденіе необходимыхъ измѣненій въ организаціи учрежденій, центральныхъ и мѣстныхъ, и въ положеніи и состояніи разныхъ сословій. Совѣтъ принималъ извѣстнаго рода мѣры въ чрезвычайныхъ случаяхъ, занимался разрѣшеніемъ всевозможныхъ административныхъ вопросовъ и—иностранными дѣлами. Наконецъ, ему же принадлежало право окончательнаго рѣшенія важнѣйшихъ судебныхъ процессовъ. Мы постараемся указать на основаніи подлинныхъ протоколовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта на это его участіе во всѣхъ функціяхъ государственной власти и, прежде всего, въ сферѣ законодательства.

Совѣтъ назначаетъ членовъ къ сочиненію новаго уложенія [3]) и разсуждаетъ о „прежнемъ уложеніи“, изъ котораго имъ вычеркивается нѣсколько главъ (о помѣстныхъ, вотчинныхъ дѣлахъ и холопахъ) и включается новая глава („судная“) [4]). Совѣтъ аппробуетъ выбранныхъ сенатомъ вмѣсто выбывшихъ въ совѣтъ лицъ новыхъ его членовъ [5]) и опредѣляетъ штатъ сената [6]). Вниманіе совѣта привлекаетъ ор-

1) Чтенія въ обществѣ ист. и др. россійскихъ, ibidem, 5 с. Этихъ словъ герцога нѣтъ въ подлинныхъ протоколахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, изданныхъ Дубровинымъ, при описаніи засѣданія 23 февр. 1726 г., гдѣ было предложено герцогомъ „Мнѣніе не въ указъ“. Мы не нашли ихъ и въ другихъ подлинныхъ протоколахъ. 2) С. Р. И. О., LV, № 21. 3) С. Р. И. О., LVI, №№ 126, 162, 163 и 265. 4) Ibidem, LXIII, № 15. 5—6) Ibidem, LV, №№ 9, 164 и 211.

ганизація синода и подвѣдомственныхъ ему учрежденій. Такъ онъ распредѣляетъ дѣла синода по двумъ департаментамъ, издаетъ штаты синода, устанавливаетъ порядокъ сношеній синода съ тремя главными коллегіями и учреждаетъ новую коллегію экономіи синодальнаго управленія [1]), которая должна была заботиться о сборѣ доходовъ съ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ [2]). Устройство коллегій было также предметомъ занятій членовъ совѣта. Составъ всѣхъ коллегій былъ сокращенъ, коммерцъ-коллегія и мануфактуръ-коллегія сначала соединены вмѣстѣ [3]), потомъ послѣдняя передана въ вѣдомство сената [4]) и, наконецъ, упразднена совсѣмъ [5]). Возстановлена была вновь ревизіонъ-коллегія [6]), присоединенная Петромъ къ сенату [7]). Для сбора государственныхъ доходовъ учреждается совѣтомъ доимочная канцелярія [8]) и для ревизіи дѣлъ военной, коммерческой и адмиралтейской коллегіи — особая ревизіонная коммиссія [9]). Постановлено было, чтобы никакіе расходы не производились безъ предварительнаго опредѣленія камеръ-коллегіи о взысканіи недоимокъ и собираніи доходовъ [10]). Коммерцъ-коллегія должна была доставлять вѣдомости въ сенатъ и три главныя коллегіи [11]): двѣ воинскихъ и иностранную коллегію. Эти коллегіи стали выше остальныхъ и даже сената [12]). Генералъ-провіантъ-мейстеръ подчиняется военной коллегіи [13]) Совѣтъ составляетъ штаты для монастырей, владѣвшихъ богатыми вотчинами [14]), и опредѣляетъ порядокъ рѣшенія дѣлъ въ эпархіяхъ гдѣ нѣтъ викарныхъ архіереевъ [15]). Совѣтъ составляетъ также губернскіе и др. штаты [16]) и реорганизуетъ мѣстное управленіе: распредѣляетъ города и уѣзды по губерніямъ [17]) возстанавливаетъ воеводъ въ провинціаль-

1—2) С. Р. И. О., LV, № 187, LVI, №№ 58, 74, 145 и 162, LXIII, № 32. 3—6) LXIII, №№ 15 и 135, Сперанскій, 29—30 с. 7) Градовскій, 141 с. 8) С. Р. И. О., LXIII, № 153. 9) Ibidem, XVI, № 162. 10) LXIII, № 32. 11) Ibid., № 177. 12) LV, № 4. 13) Градовскій, 142 с. 14) Ibidem, № 32. 15) LVI, № 74, 16) Ibidem, LV, №№ 225 и 254, LVI, №№ 58, 145 и 182 17) Ibibem, LXIII, № 182.

ныхъ городахъ [1]), а въ города „гдѣ нѣтъ воеводъ“, опредѣляетъ „особыхъ управителей для судныхъ и розыскныхъ дѣлъ“ [2]). Воеводы съ товарищами управляютъ всѣми городскими дѣлами и подчиняются губернаторамъ [3]). Воеводы и губернаторы вѣдаютъ „расправу и судъ“ вмѣсто упраздненныхъ совѣтомъ надворныхъ судовъ, канторъ и земскихъ коммиссаровъ [4]). Жалобы на рѣшенія воеводъ и губернаторовъ долженъ былъ разсматривать сенатъ [5]). Верховный Тайный Совѣтъ предпринимаетъ цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ съ цѣлью развитія благосостоянія всего населенія. Такъ онъ признаетъ имѣющими законную силу завѣщанія, совершенныя на дому, „а не у крѣпостныхъ дѣлъ“ [6]), выдаетъ жалованныя грамоты и надѣляетъ разныхъ лицъ „генеральными привиллегіями“ [7]). Въ видахъ облегченія податнаго населенія совѣтъ опредѣляетъ особый порядокъ сбора пошлинъ [8]) назначаетъ сроки платежа подушныхъ податей [9]) и подчиняетъ взысканіе подушныхъ сборовъ воеводамъ вмѣсто прежнихъ военныхъ сборщиковъ податей [10]). Для увеличенія государственныхъ доходовъ устанавливается пошлина за повышеніе чинами и дипломы на разныя званія [11]) Натуральная рекрутская повинность превращена въ денежную [12]) и опредѣленъ порядокъ расположенія войскъ въ губерніяхъ [13]). Съ цѣлью улучшенія сношеній въ государствѣ совѣтъ издаетъ новыя почтовыя правила [14]), а забота о народномъ здравіи заставляетъ совѣтъ издать новое положеніе о медицинской части въ имперіи [15]). Въ совѣтѣ же постановляются нѣкоторыя основныя положенія по судебной части [16]).

Кромѣ законодательства, Верховный Тайный Совѣтъ много занимался еще иностранными дѣлами, которыя представляли особенную важность для русскаго государства, вступив-

1) Ibid , LV, №№ 203. 2) С. Р. И. О., LV, №№ 235 и 268. 3—5) Ibid. LXIII, №№ 15 и 78. 6) Ibid., LV, № 254 и LVI, № -0. 7) Ibid., LV, №№ 19, 46, 138, 139, 150 и мн. др. LXIII, № 65 и др. 8—10) Ibid., LXIII, №№ 15 и 18. 11 и 13) Ib , № 78. 12) Ib., LV, № 45. 14—15) LXIII, №№ 166 и 154. 16) См. ниже.

шаго со времени Петра I въ члены международнаго европейскаго союза. Почти каждый протоколъ засѣданія совѣта начинается выслушиваніемъ реляцій русскихъ пословъ при иностранныхъ государствахъ, составленіемъ имъ инструкцій и проч. [1]). Только послѣ того, какъ были разрѣшены всѣ иностранныя дѣла, совѣтъ начиналъ обсуждать текущія дѣла внутренняго управленія. Всѣ отрасли этого управленія входили въ кругъ дѣятельности совѣта. Особенно много Верховный Тайный Совѣтъ занимался военными дѣлами [2]),—организаціей арміи и флота и—облегченіемъ податной тяжести для народа. Такъ совѣтъ распоряжается сборомъ рекрутъ [3]), устройствомъ донскихъ казаковъ [4]), собираетъ свѣдѣнія о состояніи арміи [5]), опредѣляетъ и назначаетъ въ военные чины [6]) и дѣлаетъ распоряженія о выдачѣ жалованья всѣмъ штатнымъ военнымъ чиновникамъ [7]). Особая „Коммиссія изъ генералитета и флагмановъ" при совѣтѣ должна была позаботиться о благоустройствѣ войскъ и лучшемъ содержаніи всей арміи безъ обремененія народа податьми [8]). Совѣтъ принимаетъ мѣры для постройки и вооруженіи крѣпостей и кораблей и проведенія каналовъ [9]). Совѣтъ посвящаетъ много засѣданій на обсужденіе вопроса о мѣрахъ къ облегченію податныхъ тягостей, лежащихъ на крестьянахъ, стремится уменьшить и распредѣлить уплату податей болѣе равномѣрно [10]). Съ этою цѣлью, напр., было опредѣлено, чтобы подушную подать, провіантъ и фуражъ для полковъ крестьяне платили натурою, если они не въ состояніи вносить за себя деньги [11]). Совѣтъ распоря-

1) См., напр., LV, №№ 2, 3, 5, 7, 12, 14, 18 и мн. др. 2) Важнѣйшія изъ военныхъ дѣлъ должны были представляться на разрѣшеніе государыни (П. С. З., VII, № 4835). 3—4) С. Р. И. О., LV, №№ 55, 87, LVI, №№ 43, 58 и 83, LXIII, № 86. 5) Ibidem, LVI, № 265. 6) Ibidem, LVI, № 49, LXIII, №№ 9, 10, 158, 161 и др., П. С. З., VII, № 5198. 7) Ibidem, LXIII, №№ 47, 51, 99 и др. 8) Арсеньевъ, 185 с. 9) С. Р. И. О., LVI, №№ 66, 83, 94 и 179, LXIII, №№ 3, 13, 19, 90, 102, 103, 157, 165 и др. 10—11) Ibidem, LV, № 214, LVI, №№ 162, 166 и 234, LXIII, №№ 64 и 78.

жается выдачей жалованья всѣмъ гражданскимъ чиновникамъ [1]), назначаетъ воеводъ, губернаторовъ и другихъ чиновниковъ [2]) и вѣдаетъ всѣ подробности провинціальнаго управленія [3]). Къ вѣдомству же совѣта относится контроль надъ государственными доходами и расходами [4]). Совѣтъ регулируетъ также монетное дѣло [5]) занимается развитіемъ торговли [6]), устройствомъ путей сообщенія [7]) и калмыцкими дѣлами [8]).

Что касается, наконецъ, суда, то и въ этой области Верховный Тайный Совѣтъ являлся при Екатеринѣ I высшимъ учрежденіемъ въ имперіи. Въ него должны были вноситься судами для доклада Е. В. экстракты по уголовнымъ дѣламъ о преступникахъ, приговоренныхъ къ смертной казни или политической смерти [9]). Эти экстракты потомъ передавались совѣтомъ для разсмотрѣнія въ сенатъ [10]), который постановляетъ рѣшенія только въ обыкновенныхъ судебныхъ дѣлахъ [11]). Сенатъ, въ свою очередь, обязанъ былъ докладывать свое мнѣніе совѣту по дѣламъ о колодникахъ, которые осуждены къ смертной казни и политической смерти [12]). Совѣтъ отдаетъ на поруки тѣхъ колодниковъ, которые сосланы за казенныя недоимки, пошлины и штрафныя деньги [13]). Безъ аппробаціи совѣта не могла быть учинена надъ преступниками смертная казнь [14]). Совѣтъ издаетъ указъ, присуждавшій къ смертной казни тѣхъ лицъ, которыя окажутся виновными въ произнесеніи непристойныхъ словъ противъ Императорскаго Величества [15]). Совѣтъ распоряжается, чтобы преступники разныхъ чиновъ, престарѣлые и увѣчные, вмѣсто ссылки въ каторжныя работы были отправляемы изъ преображенской канцеляріи въ монастыри [16]). Въ совѣтѣ же была „учинена нѣ-

1) С. Р. И. О., LVI, №№ 83, 87, 96, 139 и др., LXIII, № 61 и др. 2—3) Ib., LVI, № 271, LXIII, №№ 11, 19, 20, 44, 96, 116, 122, 170 и др. 4) П. С. З., VII, № 5192, С. Р. И. О., LVI, № 251. 5) Ibidem, LV, №№ 199, 204 и др., LVI, № 162, 6) LV, №№ 225, 235, 276, LVI, № 177, LXIII, №№ 3, 143 и др. 7) LXIII, № 132. 8) LV, № 118, LVI, №№ 108, 225, 232, 270, LXIII, № 5 и др. 9—11) П. С. З., VII, №№ 4961 и 5218, VIII, № 5224. 12—14) С. Р. И. О., LVI, №№ 43, 85, 96, 185 и 225. 15—16) LXIII, №№ 43 и 88.

которая резолюція" на мнѣніе члена военной коллегіи, Волкова о судѣ надъ офицерами, обрѣтающимися на вѣчныхъ квартирахъ [1]). Совѣтъ вмѣшивается даже въ обыкновенный ходъ правосудія и самъ постановляетъ приговоры по различнымъ дѣламъ. Сенатъ долженъ былъ представить въ совѣтъ статейные списки всѣхъ колодниковъ для окончательнаго разрѣшенія ихъ дѣлъ [2]). Совѣтъ присуждаетъ къ вѣчной ссылкѣ въ Сибирь Ивана Лярскаго, оскорбившаго князя Меньшикова [3]), и капрала Бушева [4]), казнитъ крестьянина Бѣлокопытова за непристойныя слова [5]) и освобождаетъ изъ ссылки поручика Семена Пашкова [6]).

Въ такой чрезвычайно широкой по своему объему дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта при Екатеринѣ I, который обладалъ при ней всѣми функціями власти въ государствѣ [7]), сказалось, конечно, стремленіе совѣта—аристократическаго органа—стать первымъ учрежденіемъ въ государствѣ. Сенатъ—монархическое учрежденіе—долженъ быть уступить совѣту всѣ свои права въ высшемъ управленіи государствомъ и довольствоваться скромною ролью подчиненной совѣту коллегіи, которая занималасъ второстепенными административными дѣлами и рѣшеніемъ обыкновенныхъ судебныхъ казу-

1) С. Р. И. О., LV, №№ 27 и 32. 2—5) LVI, №№ 279, 93 и 265, 6) LV, № 224. 7) Смѣшеніе всѣхъ функцій власти въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, какъ и въ другихъ высшихъ русскихъ учрежденіяхъ съ законодательнымъ значеніемъ, является до извѣстной степени необходимымъ въ русскомъ государствѣ, гдѣ источникъ всей власти—самодержавный и неограниченный монархъ, при которомъ совѣтъ—только помощникъ въ управленіи государственными дѣлами. „Посему, говоритъ графъ Сперанскій, законодательныя установленія не имѣютъ у насъ въ собственномъ смыслѣ государственной власти и симъ существенно различаются они отъ установленій правительственныхъ. Симъ послѣднимъ власть верховная, въ началѣ своемъ всегда единая и нераздѣльная, удѣлила такъ сказать опредѣленные участки своей власти, уполномочила ихъ, дѣйствуя его именемъ, силою закона рѣшать дѣла окончательно, но не уполномочила никакое лицо или мѣсто издавать законы". Дѣла Комитета 6 дек. 1826 г., № 61, Сперанскій: „Обозрѣніе гражданскихъ установленій". Это обширное сочиненіе Сперанскаго сходно съ его „Государственными установленіями", которыя оно дополняетъ во многихъ мѣстахъ.

совъ [1]). Верховный Тайный Совѣтъ дѣйствовалъ именемъ Екатерины I, но въ дѣйствительности онъ былъ органомъ несмѣняемыхъ знатныхъ членовъ совѣта, подъ вліяніемъ которыхъ императрица находилась въ теченіе своего краткаго царствованія. Екатериной руководили вмѣстѣ или поочередно: князь Меньшиковъ, герцогъ гольштинскій, Толстой, Головкинъ и др. [2]). Въ совѣтѣ нерѣдко присутствовалъ министръ герцога, графъ Бассевичъ, который вмѣшивался въ государственныя дѣла, посылалъ часто въ совѣтъ свои „Мнѣнія не въ указъ“, которыя чрезъ вліяніе герцога получали силу указа, обязательнаго для совѣта и всего государства [3]). Но вліятельнѣйшимъ лицомъ при Екатеринѣ оставался съ самаго перваго момента ея возшествія на престолъ князь Меньшиковъ, который имѣлъ въ императрицѣ „мощную защитницу“ [4]) даже противъ нелюбившихъ его членовъ царской фамиліи (напр., курляндской горцогини Анны Ивановны). „Князь Меньшиковъ, говоритъ Арсеньевъ, былъ все и во всемъ: къ нему, какъ общему средоточію, стекались всѣ дѣла и отъ него исходили окончательныя рѣшенія; онъ именемъ императрицы объявлялъ повелѣнія самому Верховному Тайному Совѣту. Одинъ онъ докладывалъ государынѣ о дѣлахъ секретныхъ и о „важныхъ воинскихъ дѣлахъ“, жаловалъ въ военные чины, распоряжался финансовыми и морскими дѣлами и даже въ иностранныхъ дѣлахъ не постановлялось рѣшительнаго опредѣленія „безъ предварительнаго согласія свѣтлѣйшаго князя“ [5]). Нельзя, однако, сказать, чтобы въ совѣтѣ преслѣдовались только однѣ личныя цѣли князя Меньшикова или

1) Градовскій, 140—142 с., Чтенія въ общ. ист. и древн. россійскихъ, 1858, Ш, 5—7 с. 2) Костомаровъ, 164 с. 3) Арсеньевъ, 219 с. 4) Записки Миниха (сына), 18 с. 5) Арсеньевъ, 176—177 с., „La cour de Russie, i y a cent ans“ (1725 - 1783), Berlin, 1860, 3 edition, 2 p., „La Russe au XVШ siece“. Memoires inedites sur les regnes de Pierre le Grand, Catherine I et Pierre III, publies par le prince A. Galitzin. Paris, 260 p., Мардефельдъ, С. Р. И. О, XV, 322—323 с., Щербатовъ: „О повреждeніи нравовъ“ (Рус. Старина, 1870, II, 39—40 с.).

другихъ его знатныхъ членовъ. Всѣ они, не исключая Меньшикова, были, по выраженію историка Соловьева, „птенцами изъ гнѣзда Петрова“, свидѣтелями и непосредственными участниками преобразовательной дѣятельности Петра I, которую они продолжали и при Екатеринѣ I. Вниманіе совѣта привлекали самыя настоятельныя нужды общественной жизни, удовлетвореніе которыхъ было важнѣйшей задачей дѣятельности совѣта. Мы видѣли, что совѣтъ принималъ разныя мѣры для облегченія крестьянъ и улучшенія ихъ благосостоянія, уменьшилъ съ цѣлью сокращенія государственныхъ расходовъ составъ существующихъ учрежденій и упразднилъ лишнія изъ нихъ въ столицѣ и провинціи. Въ интересахъ же народа была упрощена совѣтомъ система мѣстнаго управленія и произведены были въ немъ различныя измѣненія. Совѣтъ заботился объ улучшеніяхъ въ организаціи государственныхъ установленій, центральныхъ и мѣстныхъ, объ увеличеніи государственныхъ доходовъ и занимался разнообразными вопросами внутренняго управленія и суда [1]). Особенно много Верховный Тайный Совѣтъ посвящалъ времени обсужденію взаимныхъ отношеній между русскимъ государствомъ и иностранными державами и съумѣлъ поддержать честь и достоинство Россіи, доставить ей почетное мѣсто въ международномъ европейскомъ союзѣ [2]). Такимъ образомъ, Верховный Тайный Совѣтъ, преслѣдовавшій въ своей дѣятельности идеи и планы Петра I, былъ полезнымъ и необходимымъ учрежденіемъ въ государствѣ, гдѣ ему принадлежали высшія правительственныя права и въ числѣ ихъ важнѣйшее — право законодательства. Еще въ началѣ дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта Кампредонъ писалъ (въ мартѣ 1726), что „учрежденіе совѣта, посредствомъ котораго предполагали достигнуть единенія въ государственномъ управленіи, произвело то дѣйствіе, что дѣла соверша-

1) См. выше. 2) Арсеньевъ, 182—200 с., Соловьевъ, XVIII, 203—318 с., Костомаровъ, 158—159 с.

ются быстрѣе, правильнѣе и сообразнѣе съ тѣмъ, что предлагается царицѣ для ея блага"[1]). Тѣмъ болѣе это можно сказать про послѣдующую дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта до конца царствованія Екатерины I, когда въ ней сказался какъ бы двойственный характеръ этого высшаго учрежденія, гдѣ важнѣйшія задачи русскаго монархическаго государства разрѣшались ко благу всей страны членами почти всей русской аристократіи.

Вражда и рознь между членами знати, которыя надѣялись смягчить учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, продолжалась во все царствованіе Екатерины I. Не только родовитые вельможи, но даже и члены партіи самого князя Меньшикова не были довольны тѣмъ исключительнымъ вліяніемъ, которымъ пользовался Меньшиковъ при императрицѣ, не могли помириться съ высокомѣрнымъ обращеніемъ съ ними надменнаго князя и властолюбивыми его замыслами. Екатерина часто болѣла и Меньшиковъ, опасаясь лишиться своей власти при ея преемникѣ, вздумалъ обезпечить ее въ будущемъ посредствомъ брака наслѣдника престола, Петра Алексѣевича, съ своей дочерью[2]). Этотъ планъ былъ внушенъ Меньшикову и поддержанъ иностранными послами, датскимъ—Вестфаленомъ и посломъ германскаго императора: графомъ Рабутинымъ. Каждый изъ нихъ надѣялся соблюсти при этомъ выгоды своего правительства: датскій король не желалъ видѣть на русскомъ престолѣ герцога гольштинскаго по давней враждѣ къ гольштинскому дому, германское правительство предпочитало герцогу Петра Алексѣевича, какъ родственника германскому императору[3]). Противъ Меньшикова возстали на этотъ разъ его же ближайшіе сторонники и родственники: графъ Толстой, графъ Девіеръ, Бутурлинъ, князь

---

1) С. Р. И. О., LXIV, 289 с. 2) Арсеньевъ, 221—222 с. 3) Соловьевъ, XIX, 87 с., Костомаровъ, 165—166 с., Записки Миниха (отца), 32—33 с., Вестфаленъ, С. Р. И. О., LXXV, 4—5 с.

И. А. Долгорукій и др. Всѣ они, опасаясь еще большаго развитія могущества Меньшикова при Петрѣ Алексѣевичѣ, рѣшились просить Екатерину утвердить русскій престолъ за герцогиней гольштинской, Анной Петровной[1]). Но Меньшиковъ успѣлъ предупредить своихъ враговъ, о совѣщаніяхъ которыхъ онъ узналъ, и выхлопоталъ у почти умирающей Екатерины указъ о судѣ надъ ними, за которымъ послѣдовалъ приговоръ о назначеніи имъ жестокихъ наказаній[2]). Подъ вліяніемъ же Меньшикова было составлено Бассевичемъ и подписано Екатериной ея завѣщаніе, въ которомъ установленъ порядокъ престонаслѣдія и вмѣстѣ съ тѣмъ была закрѣплена власть за Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ—органомъ знати. Въ силу завѣщанія Петръ Алексѣевичъ не могъ вступить въ управленіе государственными дѣлами „за юностью", причемъ время совершеннолѣтія не было опредѣлено[3]). Во время малолѣтства царя государствомъ долженъ былъ управлять Верховный Тайный Совѣтъ, состоявшій изъ девяти членовъ: великаго князя—наслѣдника престола, герцога, обѣихъ цесаревенъ, князей Меньшикова и Голицына, Апраксина, Головкина и Остермана. „И симъ имѣть, говорится въ завѣщаніи, полную власть правительствующаго самодержавнаго государя, токмо опредѣленія о сукцессіи ни въ чемъ не отмѣнять" (5 п.). Совѣтъ рѣшаетъ всѣ дѣла по большинству голосовъ „и никто одинъ повелѣвать не имѣетъ и не можетъ". Великій князь „по окончаніи администраціи не можетъ требовать ни отъ кого никакого отвѣта" (7 п.). Завѣщаніе предоставляетъ въ случаѣ смерти Петра Алексѣевича безъ наслѣдника право наслѣдованія престола обѣимъ

---

1) Арсеньевъ, 223 с., Донесенія франц. повѣреннаго при русскомъ дворѣ, Маньяна, С. Р. И. О., LXXV, 13 и 15 с., Herrmann: „Geschichte de russ Staaates", IV, 493—494 s. 2) Соловьевъ, XIX, 94 с. 3) Въ депешахъ иностр. пословъ говорится, что завѣщаніе опредѣляло совершеннолѣтіе Петра Алексѣевича въ 16 лѣтъ (Маньянъ, С. Р. И. О., LXIV, 593 с., Ле-Фортъ, С. Р. И. О., Ш, 468 с.).

цесаревнамъ, Аннѣ и Елизаветѣ и великой княжнѣ, Натальѣ Алексѣевнѣ съ ихъ „десцендентами" (8 п.). Обѣ цесаревны получили извѣстное денежное вознагражденіе за то, что онѣ „отъ короннаго наслѣдства своего отца выключены" (9—10 п.). Однимъ изъ пунктовъ завѣщанія было, чтобы великій князь женился на одной изъ дочерей Меньшикова (11 п.) [1]. Необходимо замѣтить, что завѣщаніе Екатерины I разнится отъ рѣшенія, составленнаго незадолго до смерти Екатерины, членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, сената, синода, генералитета и президентами коллегій, чтобы государствомъ управлялъ до совершеннолѣтія Петра Алексѣевича (16 л.) совѣтъ подъ предсѣдательствомъ герцогини гольштинской и цесаревны Елизаветы. Рѣшенія совѣта должны были быть единогласны. Отъ Петра Алексѣевича думали потребовать клятву, чтобы онъ не мстилъ по своемъ вступленіи на престолъ лицамъ, подписавшимъ смертный приговоръ его отцу [2]). Этимъ рѣшеніемъ всей знати Меньшиковъ лишался своей исключительной власти, которая переходила ко всѣмъ вельможамъ. Понятно, что Меньшиковъ не могъ быть доволенъ такимъ уменьшеніемъ своего могущества и принялъ свои мѣры, чтобы взять верхъ надъ своими соперниками и заставить ихъ признать завѣщаніе Екатерины. Какъ только умерла императрица, немедленно были собраны имъ всѣ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, сената, синода, генералитета и „другихъ чиновъ люди", въ присутствіи которыхъ было прочтено завѣщаніе Екатерины и *Петръ Алексѣевичъ* былъ объявленъ русскимъ императоромъ (7 мая 1727—19 янв. 1730) [3]). Меньшиковъ поспѣшилъ помѣстить его въ своемъ домѣ. Власть свѣтлѣйшаго князя достигаетъ теперь высшей степени своего раз-

1) Соловьевъ, 95—97 с., Арсеньевъ, 224—226 и 241 с., Ле-Фортъ, ibidem, Маньянъ, 576—585 с., Büsching: „Magasin fur die neue Historie und Geographie", 1 Theil, 17 s., Galitzin, 236—238 p. 2) Herrmann, ibidem, 495—496 s., Ле-Фортъ, 465 с., Мардефельдъ, 334 с. 3) Прот. Верх. Тайн. Совѣта, С. Р. И. О., LXIII, № 200.

витія: онъ назначенъ былъ генералиссимусомъ русскихъ войскъ и намѣревался скоро сдѣлаться тестемъ великаго князя [1]). Всѣ враги Меньшикова, подкапывавшіеся подъ его власть при Екатеринѣ (Толстой, Девіеръ и др.), были, согласно приговору, подвергнуты строгому наказанію [2]). Герцогъ гольштинскій удалился по желанію Меньшикова изъ Россіи въ свои владѣнія вмѣстѣ съ своей женой, вскорѣ умершей [3]). Могущество Меньшикова усилилось еще оттого, что переходъ его на сторону Петра II сблизилъ князя съ родовитою знатью, съ фамиліями князей Голицыныхъ и Долгорукихъ. Князья Долгорукіе получили высшія придворныя и правительственныя должности: А. Г. Долгорукій былъ сдѣланъ гофмейстеромъ при великой княжнѣ, Натальѣ Алексѣевнѣ, имѣвшей большое вліяніе на брата, императора. Князь М. В. Долгорукій былъ назначенъ въ сенаторы [4]). Меньшиковъ задумалъ привлечь на свою сторону клязей Голицыныхъ тѣмъ, что хотѣлъ женить своего сына на дочери князя Д. М. Голицына [5]). Не смотря на все это, вся знать не могла выносить долго чрезмѣрное могущество, произволъ и надменное обращеніе со всѣми князя Меньшикова, относившагося деспотически даже къ императору и членамъ царской семьи. Долгорукимъ, съумѣвшимъ сблизиться съ малолѣтнимъ императоромъ, удалось убѣдить Петра II, который самъ началъ тяготиться опекой своего будущаго тестя, арестовать Меньшикова и отправить его въ ссылку [6]). Послѣ его паденія императоромъ-отрокомъ завладѣли вполнѣ, въ свою очередь, князья Долгорукіе. Великій князь сдѣлался женихомъ сестры любимца Петра II-го, И. А. Долгорукаго, Екатерины [7]). Долго-

1) Записки Миниха (отца), 34 с., Записки Миниха (сына), 18 с., Ле-Фортъ, 473, 476—478, 481 и 487 с., Маньянъ, С. Р. И. О., LXIV, 15 с. 2) Соловьевъ, ibidem, Ле-Фортъ, 472 с. 3) Соловьевъ, 102—104 с., Маньянъ, С. Р. И. О, LXXV, 59 с. 4) Соловьевъ, 101—102 с. 5) Маньянъ, ibidem, 65 с., Ле-Фортъ, 485 и 487 с. 6) Соловьевъ, 132—144 с., Маньянъ, 79—84 с. 7) Записки Миниха (отца), 37 с., Записки Миниха (сына), 23 с.

рукіе съ помощью Остермана и другихъ членовъ совѣта стали распоряжаться всѣмъ государствомъ и, быть можетъ, надолго укрѣпили свое вліяніе на дѣла управленія, если бы они не питали страшной ненависти къ фамиліи князей Голицыныхъ, которые отвѣчали имъ тѣмъ же [1]). Долгорукіе боялись особенно князя Д. М. Голицына,—представителя родовитѣйшей знатной русской фамиліи и члена Верховнаго Тайнаго Совѣта. Но опасенія Долгорукихъ были на этотъ разъ напрасны. Князь Д. М. Голицынъ, хотя и былъ въ душѣ настоящимъ аристократомъ [2]), однако, не могъ сдѣлаться въ царствованіе Петра II главой могущественной аристократической партіи. Онъ не былъ въ состояніи стать главой правительства въ это время, какъ думали о немъ нѣкоторые иностранцы [3]). Новая, петровская Россія не наслѣдовала отъ старой, московской Руси аристократіи, какъ единаго и прочно организованнаго сословія съ опредѣленными политическими взглядами, общими интересами. Высшее сословіе при Петрѣ I и послѣ него состояло изъ нѣсколькихъ знатныхъ и незнатныхъ фамилій, между которыми была непримиримая вражда, но не было ни сознанія общихъ интересовъ, ни единодушія въ ихъ преслѣдованіи. Въ государствѣ могло пріобрѣсти значеніе только нѣсколько аристократическихъ фамилій, которыя успѣли получить вліяніе при дворѣ или же заручиться расположеніемъ сильнаго временщика [4]). „Упала, говорилъ князь Щербатовъ про времена Екатерины I и Петра II, древняя гордость дворянская, видя себя управляема мужемъ хотя достойнымъ, но изъ подлости произшедшимъ (Меньшиковымъ), а мѣсто ея заступило раболѣпство къ сему вель-

1) Herrmann, ibid., 518 s., Маньянъ, 102—104 с., Ле-Фортъ, 501 с., Мардефельдъ, 322 с., Письма о Россіи въ царствованіе Петра II въ Испанію *Дука-де-Лирія*, испанскаго посланника при русскомъ дворѣ. „Осьмнадцатый вѣкъ“, П. Бартенева, 2 кн., 32—33 с. 2) Корсаковъ: „Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII ст.“, 222—225 с. 3) Ле-Фортъ, 484 с. 4) Соловьевъ, XIX, 146 стр.

можѣ, могущему все" [1]). Но и послѣ паденія Меньшикова знать не соединилась въ одинъ союзъ съ общими интересами и между знатными фамиліями продолжались обычныя вражда и рознь. Петръ II не любилъ Голицыныхъ за ихъ бывшія сношенія съ княземъ Меньшиковымъ [2]) и охотно сближался съ Долгорукими, отвлекавшими его въ своихъ видахъ отъ скучныхъ занятій государственными дѣлами [3]). Не смотря на протесты воспитателя императора, Остермана, юный Петръ продолжалъ предаваться однимъ только развлеченіямъ [4]). Долгорукіе постоянно увозили его на охоту въ свои родовыя имѣнія около Москвы [5]). Это частое отсутствіе императора изъ Петербурга въ связи съ переводомъ нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденій въ Москву подало поводъ нѣкоторымъ иностранцамъ думать, что старая русская аристократическая партія, ненавидѣвшая всѣхъ иностранцевъ, стремится возвратиться къ старинѣ и намѣрена отказаться отъ всего, что внесено Петромъ I новаго въ устройство и жизнь русскаго общества [6]). Маньянъ даже приводитъ нѣкоторыя экономическія соображенія, которыя, по его мнѣнію, заставляютъ русскихъ вельможъ перенести царскую резиденцію изъ Петербурга въ Москву. „Нѣкоторые изъ членовъ русской знати, говоритъ Маньянъ, предвидятъ окончательное разореніе для всего русскаго дворянства отъ постоянной жизни двора въ Петербургѣ: безплодіе мѣстности около этого города заставляетъ ихъ привозить разные припасы изъ своихъ деревень. Отдаленность же ихъ помѣстій отъ Петербурга ведетъ къ постоянному захуданію ихъ вслѣдствіе богатства крестьянъ" [7]). Быть можетъ, нѣкоторые изъ русскихъ вельможъ и предпочли-бы жить въ Москвѣ, къ кото-

---

1) Ле-Фортъ, 501 с. 2—4) Мардефельдъ, 392 и 397 с., Де-Лирія, 30—32 и 121 с., Ле-Фортъ, 507 и 512—513 с. 5) Соловьевъ, 147—149 с., Маньянъ, С. Р. И. О. LXXV, 324—325, 328—329 и 339 с., Де-Лирія, 66 с., Ле-Фортъ, 504—506 с. 6) Шовеленъ къ Маньяну, 225, 238—239 с., Мардефельдъ, 364—365 с., Де-Лирія, 75 с., Ле-Фортъ, 508 с. 7) Маньянъ, 267 с.

рой они привыкли[1]), но дѣйствительная причина тяготѣнія къ Москвѣ князей Долгорукихъ и нѣкоторыхъ другихъ членовъ аристократіи заключалась не въ стремленіяхъ русской знати къ уничтоженію всего, сдѣланнаго Петромъ I, неразделявшихся членами новой, созданной имъ, аристократіи и наиболѣе виднымъ и вліятельнымъ при дворѣ иностранцемъ —Остерманомъ. Дѣло шло въ данномъ случаѣ только о закрѣпленіи господства въ управленіи за фамиліей князей Долгорукихъ, нестѣснявшихся въ средствахъ для достиженія этой своей завѣтной цѣли. Скоро могущество фамиліи Долгорукихъ, взявшихъ съ помощью Остермана верхъ надъ Голицыными[2]), увеличилось еще болѣе вслѣдствіе назначенія въ число членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта двухъ ея представителей: знаменитаго дипломата, Василія Лукича Долгорукаго и Алексѣя Григорьевича Долгорукаго. Сынъ послѣдняго И. А. Долгорукій былъ сдѣланъ оберъ-камергеромъ двора Е. В.[3]). „Князь И. А. Долгорукій, говоритъ Щербатовъ, всемогущій учинился; всѣ родственники его были возвышены, правя по изволеніямъ ихъ всѣми дѣлами имперіи“[4]). Долгорукіе сохранили за собою власть во все остальное время царствованія Петра II[5]), неожиданно скончавшагося наканунѣ своего брака съ княжной Екатериной (19 янв. 1730 г.)[6]).

Господство при Петрѣ II сначала князя Меньшикова, а потомъ фамиліи князей Долгорукихъ отразилось на управленіи тѣмъ, что все здѣсь дѣлалось сначала по волѣ Меньшикова, а потомъ Долгорукихъ. Полный произволъ всесильнаго свѣтлѣйшаго князя, ненавидимаго всею остальною знатью, безпрерывныя интриги и борьба изъ за личнаго вліянія на юнаго императора въ ея средѣ послѣ паденія Меньшикова,

1) Соловьевъ, ibidem, 153 стр. 2) Де-Лирія, 56—57 с. 3) Чт. въ общ. ист. и др. россійскихъ, 1858, III, Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта, 73 стр. 4) Щербатовъ: „О поврежденіи нравовъ“, ib., 41 с. 5) Градовскій, 145 стр., Маньянъ, 337, 428—429 и 448 с 6) Соловьевъ, 235—240 с.

которыя разъединяли даже отдѣльныхъ членовъ семьи князей Долгорукихъ (князя Алексѣя Григорьевича съ его сыномъ, Иваномъ Алексѣевичемъ [1]), должны были сильно затруднять весь ходъ управленія страной [2]) и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивать личное вліяніе временщиковъ въ высшемъ правительственномъ учрежденіи—Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. Этотъ послѣдній былъ органомъ различныхъ аристократическихъ партій, которыя пользовались имъ для достиженія своихъ цѣлей. Князь Меньшиковъ распоряжался совѣтомъ, какъ хотѣлъ. При той безграничной власти, какою пользовался онъ при Петрѣ II [3]), и при необыкновенныхъ административныхъ способностяхъ Меньшикова было естественно, что всѣ дѣла управленія были въ его рукахъ и его не менѣе даровитаго помощника—Остермана. Остальные же члены совѣта имѣли незначительное вліяніе на дѣла [4]). Изъ подлинныхъ протоколовъ засѣданій Верховнаго Тайнаго Совѣта видно, что собранія всѣхъ его членовъ были рѣдки въ пору господства Меньшикова и потомъ—Долгорукихъ. Баронъ Остерманъ часто не былъ на засѣданіяхъ совѣта или приходилъ очень поздо. Обыкновенно тайный совѣтникъ Степановъ носилъ дѣла для рѣшенія или подписи на домъ къ Меньшикову или Остерману. Такъ, напр., 21 іюля 1727 г. Степановъ ходилъ къ свѣтлѣйшему князю съ инструкціями, съ грамотой и присягой, сочиненными въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и закрѣпленными членами совѣта, и просилъ объ отправленіи сенатора Наумова въ Малороссію. Меньшиковъ сдѣлалъ нѣкоторыя из-

---

1) Де-Лирія пишетъ, что „князь И. А. Долгорукій—врагъ Остермана, а отецъ его, князь А. Г. думаетъ, что нѣтъ другаго въ мірѣ умнаго человѣка какъ Остерманъ. Князь Алексѣй завидуетъ царской милости къ сыну и желаетъ его паденія, чтобы въ милость царя попалъ другой, который былъ бы по нраву Остерману“ („XVIII в.“ II, 83 с.). 2) „Сила единаго рода (Долгорукихъ) учинила, говоритъ князь Щербатовъ, что только искатели въ ономъ чины и милости получали, а другіе уже и къ грабежу народа приступили. Насиліе заступило мѣсто прежде бывшаго и рядка“. (Ibidem, 45 с.), 3) Ле-Фортъ, 478 и 487 с., Щербатовъ, 41 с. 4) Herrmann, IV, 507 s.

мѣненія въ инструкціи и выразилъ свое согласіе на, доложенное въ тоже время, Степановымъ мнѣніе членовъ совѣта о раздачѣ деревень малопомѣстнымъ офицерамъ гвардіи. Послѣ этого Меньшиковъ заявилъ Степанову свое желаніе „видѣться, съ членами совѣта для нѣкотораго нужнаго дѣла". Всѣ они тотчасъ же поѣхали въ домъ князя, гдѣ былъ и Остерманъ [1]). Иногда Меньшиковъ прямо присылалъ приказы членамъ совѣта, которые принимали ихъ безпрекословно [2]). Такой же порядокъ рѣшенія дѣлъ продолжался и при Долгорукихъ, когда нерѣдко Остерманъ присылалъ въ совѣтъ свои „мнѣнія" [3]), или же дѣла восходили къ императору чрезъ Долгорукихъ [4]). Обыкновенно въ совѣтѣ засѣдали: князь Голицынъ, Апраксинъ и Головкинъ. Самъ императоръ рѣдко присутствовалъ въ совѣтѣ. Все управленіе государствомъ должно было, повидимому, идти при такихъ обстоятельствахъ безъ всякаго плана и системы. Въ такомъ именно видѣ дѣла правленія представлялись нѣкоторымъ иностранцамъ. Лефортъ пишетъ накапунѣ паденія князя Меньшикова (въ сент. 1727 г.): „трудно повѣрить, какимъ образомъ управляютъ этимъ (русскимъ) государствомъ: Меньшиковъ хочетъ все сдѣлать, а—дѣлаетъ только для себя" [5]). По словамъ Мардефельда, самъ Меньшиковъ ускорилъ свое паденіе, „слѣдуя единственно своей страсти къ деньгамъ и необузданному честолюбію. Ему слѣдовало бы дѣйствовать заодно съ Великимъ Тайнымъ Совѣтомъ, поддерживать хорошій государственный строй, имъ самимъ заведенный, и этимъ пріобрѣсти и удержать за собой расположеніе императора и великой княжны (Наталіи Алексѣевны). Его дѣйствія прямо противоположны всему этому: онъ присвоилъ себѣ права пра-

---

1) Подлинные протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта, С. Р. И. О., LXIII, № 71; ар. №№ 77, 89, 121, 131 и др. 2) Ibidem, № 135, 3) Ibid, №№ 187, 219, 220, 223 и др. 4) Соловьевъ, XIX, 161 с. 5) Ле-Фортъ, С. Р. И. О. III, 489 с.

вителя, прибралъ къ своимъ рукамъ все финансовое управленіе и располагалъ всѣми дѣлами какъ военными, такъ и гражданскими по своему усмотрѣнію, какъ настоящій императоръ"[1]). Но это вмѣшательство Меньшикова во всѣ дѣла правленія не мѣшало, по мнѣнію самого же Мардефельда правильному его ходу. Мардефельдъ хвалитъ „мудрое поведеніе настоящаго правительства. Теперь, говоритъ онъ, болѣе не подрываются финансы государства ненужными постройками гаваней и домовъ, страна уже больше не разоряется подобными дѣлами, сами вельможи участвуютъ въ управленіи въ Тайномъ Верховномъ Совѣтѣ и сенатѣ и тѣмъ способствуютъ наполненію и сбереженію государственной казны и процвѣтанію торговли, надъ чѣмъ здѣсь трудятся съ неустаннымъ прилежаніемъ. Въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ дѣла исполняются и отправляются быстро и по зрѣлому разсужденію"[2]). Мардефельдъ хвалитъ Остермана за его „честность, безкорыстіе и способность къ управленію государствомъ. Остерманъ поддерживаетъ систему покойнаго императора и стремится сохранить славу русскаго государства и пріобрѣтенія его, заботится ввести болѣе разумное государственное хозяйство и поднять торговлю. Этотъ планъ всѣми силами подерживается и Меньшиковымъ", которому Мардефельдъ отдаетъ преимущество предъ представителями знатныхъ русскихъ фамилій: „изъ старыхъ русскихъ господъ едва ли кто-нибудь способенъ, по его словамъ, овладѣть всѣми государственными дѣлами и занять постъ Меньшикова, съ тѣмъ же успѣхомъ и авторитетомъ, какъ князь"[3]). Послѣ удаленія Меньшикова дѣла управленія пошли хуже, если судить опять по докладамъ иностранныхъ пословъ своимъ правительствамъ.

---

1) Мардефельдъ, С. Р. И. О., XV, 386—387 с. Князь Щербатовъ также говоритъ о Меньшиковѣ, что „сей вельможа, хотя не былъ именованъ регентомъ, но дѣйствительно таковымъ былъ" (ib., 41 с.). 2) Мардефельдъ, 375—376 с. 3) Мардефельдъ, 364 с. Князь Щербатовъ также говоритъ о Меньшиковѣ, что „управленіе его было хорошо" (ib., 41 с.).

Такъ Ле-Фортъ говоритъ (въ ноябрѣ 1727 г.): „вообще и постоянствѣ правленія здѣсь не можетъ быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что все предоставляется на произволъ судьбы" [1]). Де-Лирія также писалъ (въ ноябрѣ 1728 г.): „что касается здѣшняго управленія, все идетъ дурно: царь не занимается дѣлами, да и не думаетъ заниматься ими. Всѣ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта нездоровы и потому этотъ трибуналъ, душа здѣшняго управленія, вовсе не собирается. Всѣ соподчиненныя вѣдомства остановили свои дѣла. Жалобъ бездна. Всѣ командуютъ и никто ничего не хочетъ дѣлать" [2]). Свѣдѣнія Ле-Форта и Де-Лиріи о состояніи государственнаго управленія при господствѣ Долгорукихъ вѣрны только до нѣкоторой степени: управленіе государствомъ, конечно, не могло идти, какъ слѣдуетъ, при постоянныхъ раздорахъ среди вельможъ и явныхъ стремленіяхъ Долгорукихъ овладѣть Петромъ II и государствомъ для своихъ личныхъ цѣлей. Много вредили правильному ходу дѣлъ огромная власть и исключительное преобладаніе Верховнаго Тайнаго Совѣта надъ всѣми остальными учрежденіями и неопредѣленность власти, пестрота и запутанность отношеній между совѣтомъ, сенатомъ, синодомъ и коллегіями [3]). Но не смотря на такое хаотическое состояніе высшаго управленія при Петрѣ II и аристократическій и вмѣстѣ съ тѣмъ личный его характеръ, дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта представляетъ собою въ это время продолженіе его трудовъ по выполненію преобразовательныхъ плановъ Петра I, которые совѣтъ стремился осуществить еще при Екатеринѣ I. При ея преемникѣ уже сказались результаты плодотворной для народнаго благосостоянія дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта. Народныя тягости значительно уменьшились, торговля и промышленность стали замѣтно развиваться, страна пользовалась сравнительно долгимъ миромъ. Совѣтъ не могъ уничтожить всѣхъ

---

1) Ле-Фортъ, С. Р. И. О., III, 503 с., ср. ibidem, V, 308—309, 316 и 330 с.
2) Де-Лирія, 119 с. 3) Градовскій, 143—145 с.

злоупотребленій чиновниковъ въ управленіи [1]), противъ которыхъ долго и напрасно боролся самъ Петръ Великій. Но за то „остальныя дѣла Преобразователя, которыя не шли въ разрѣзъ склонностямъ государя и интересамъ вельможъ, поддерживались и развивались, ибо сознательнаго, преднамѣреннаго противодѣйствія дѣлу преобразованія мы не замѣчаемъ ни въ комъ изъ русскихъ людей, стоявшихъ въ это время наверху“ [2]). Эти слова знаменитаго русскаго историка о характерѣ дѣятельности совѣта при Петрѣ II подтверждаются, какъ нельзя лучше, подлинными протоколами засѣданій Верховнаго Тайнаго Совѣта, къ которымъ мы и обратимся.

Верховный Тайный Совѣтъ былъ въ царствованіе Петра II, какъ и ранѣе, высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ въ имперіи [3]), власть котораго увеличилась теперь еще болѣе. Сенатъ попрежнему занималъ второстепеное мѣсто въ управленіи, былъ одной изъ коллегій съ ограниченнымъ кругомъ дѣятельности: онъ завѣдовалъ нѣкоторыми судебными, хозяйственными и полицейскими дѣлами [4]) Совѣтъ не разъ напоминаетъ сенату объ его подчиненномъ положеніи. Такъ 17 іюля 1727 г. совѣтъ дѣлаетъ выговоръ сенатору Наумову за „несидѣнье въ сенатѣ“ и приказываетъ ему прислать сенатскаго оберъ-прокурора Волкова. Послѣдній тотчасъ явился и, въ свою очередь, получилъ строгій выговоръ отъ совѣта за „неисправленіе дѣлъ сенатскихъ и что съѣзды бываютъ не по вся дни и то пріѣзжаютъ поздо, и что по счетамъ на Меерѣ такой великой суммы не взыскиваютъ и опустили, и для чего онъ должности своей не исполняетъ, и наконецъ приказано должность его и неисправленіе расписать, а для лучшаго во отправленіи сенатскихъ дѣлъ усмотрѣнія подавать журналы по вся дни, кто въ которыхъ часахъ

---

1) Соловьевъ, XIX, 171 с. 2) Соловьевъ, ibid., 181 с. 3) Сперанскій, 26 с. 4) П. С. З., VII, №№ 4970, 4990, 5038, 5052, 5218 и 5224, Büsching, XVI, 557 s. und folg.

пріѣзжать будутъ и какое отправленіе чинили" [1]). Совѣтъ не желаетъ допускать, чтобы сенатъ принималъ какое-либо участіе въ законодательной его дѣятельности и поэтому приказываетъ „разобрать всѣ указы въ сенатѣ и тѣ, кои могутъ служить закономъ, немедленно представить въ совѣтъ, чтобы пополнить ими уложеніе" [2]). Совѣтъ по своей волѣ то увеличиваетъ, то уменьшаетъ компетентность сената. Въ іюлѣ 1728 г. сенату подчинены управленіе башкирами и доимочная канцелярія [3]). Послѣ закрытія преображенской канцеляріи сенатъ долженъ былъ помогать совѣту въ разсмотрѣніи доносовъ по важнымъ дѣламъ [4]). Совѣтъ даетъ сенату право представлять кандидатовъ въ учрежденную совѣтомъ „Особую канцелярію для завѣдованія доимочными и вымороченными имѣніями" [5]). Но малороссійскія дѣла, которыми сенатъ завѣдовалъ со времени Петра I, совѣтъ считаетъ нужнымъ отчислить отъ него и передать ихъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, гдѣ они были прежде [6]). Совѣтъ же приказываетъ (16 іюля 1727 г.), чтобы сенатъ и коллегіи не „чинили выдачи изъ казны денегъ за прошлые годы" [7]). Для того, чтобы „канцеляріи Верховнаго Тайнаго Совѣта затрудненія излишняго не было", совѣтъ распоряжается, чтобы члены сената, синода и коллегій, являвшіеся въ засѣданія совѣта съ докладами, приходили вмѣстѣ съ своими секретарями, которые и записывали бы резолюціи совѣта на докладахъ [8]). Совѣтъ заставилъ признать свое высшее положеніе въ государствѣ и синодъ, и отдѣльныхъ, вліятельныхъ его членовъ. Такъ въ засѣданіи 25 іюля 1725 г., когда канцлеръ графъ Головкинъ доложилъ совѣту письмо отъ „пребывающихъ въ Англіи рос-

---

1) С. Р. И. О., LXIX, № 40. 2) Чтенія въ общ. ист. и др. россійскихъ 1858, III, Прот. 14 іюня 1728 года. Мы пользуемся протоколами, помѣщенными въ „Чтеніяхъ" только за 1728—1730 г., такъ какъ изданіе подлинныхъ протоколовъ Дубровинымъ доведено лишь до 1728 года. 3—5) Чтенія etc., Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта за 22 іюля 1728 г., 4 апр. и 19 мая 1729 г. 6—7) С. Р. И. О., LXIII, №№ 351, 352. 8) С. Р. И. О., LXIX, №№ 88 и 49.

сійскихъ духовныхъ особъ", въ которомъ онѣ „объявляютъ о присланномъ къ нимъ изъ синода указѣ о приводѣ къ присягѣ, разсуждая, что тамъ такой присяги чинить некому", совѣтъ постановилъ: „синодскихъ членовъ, призвавъ, выговаривать, что имъ такого указу не спросясь посылать было не надлежало" [1]). Вскорѣ послѣ этого выговора всему синоду былъ объявленъ въ засѣданіи совѣта его секретаремъ отъ имени князя Меньшикова приказъ, чтобы „изволили опредѣлить указомъ, дабы коломенскій архіерей имѣлъ смотрѣніе надъ здѣшними (т. е., петербургскими) попами—по примѣру того, какъ въ Москвѣ Крутицкой". Вмѣсто письменнаго указу „разсуждено синоду объявить о томъ словесно" [2]). Это нарушеніе совѣтомъ порядка подчиненности потербургскаго духовенства новгородскому архіепископу, извѣстному Өеофану Прокоповичу было вызвано враждою къ нему нѣкоторыхъ членовъ совѣта, нелюбившихъ Өеофана за „Правду воли монаршей" и „Духовный регламентъ". Особенно былъ недоволенъ имъ князь Меньшиковъ, о самовластіи котораго Өеофанъ позволилъ себѣ выразиться неодобрительно одному изъ своихъ подчиненныхъ, архимандриту Маркеллу. Дѣло о Маркеллѣ съ новгородскимъ архіепископомъ поступило въ Верховный Тайный Совѣтъ, который рѣшилъ сослать Маркелла въ Невскій монастырь. „Архіерея же велѣно призвать въ совѣтъ и объявить ему, понеже по тому дѣлу является немалая важность, а онъ въ отвѣтахъ своихъ многаго не изъяснилъ, о чемъ надлежало было въ подлинникѣ изслѣдовать, однако же то оставляется; но чтобы онъ зналъ, что ему то оставленіе учинено изъ Е. И. В. милости" [3]). Совѣтъ желалъ властвовать одинъ въ управленіи. Поэтому онъ упразднилъ независѣвшій отъ него частный кабинетъ императора вмѣстѣ съ должностью, управлявшаго имъ со времени Петра I,

1—2) С. Р. И. О. LXIX, №№ 84 и 135. 3) Ibidem, LXIII, № 381.

кабинетъ—секретаря, могущественнаго Макарова. Кабинетъ впрочемъ, былъ упразднен не сразу. Спачала совѣтъ приказываетъ, чтобы „командующіе генералы и губернаторы писали о случившихся новыхъ и важныхъ дѣлахъ, которыя не принадлежатъ коллегіямъ“, въ Верховный Тайный Совѣтъ, а не въ кабинетъ [1]). Этотъ указъ былъ вскорѣ дополненъ перечисленіемъ того, о какого рода „новыхъ и важныхъ“ дѣлахъ должно быть донесено совѣту; то были: 1) „начатіе какой войны, 2) моръ 3), какое замѣшаніе или какіе нечаянные новые припадки. А о первыхъ трехъ пунктахъ, то есть, первое: ежели кто за кѣмъ знаетъ злое умышленіе на здоровье Е. И. В.; второе—объ измѣнѣ, третье—о возмущеніи или бунтѣ, о тѣхъ изъ ближнихъ къ Петербургу губерній доносить въ сенатъ, а изъ дальнихъ губерній и провинцій писать въ Москву къ генералъ-губернатору князю Родомановскому, а въ Верховный Тайный Совѣтъ писать имъ о томъ для вѣдома немедленно“ [2]). Совѣтъ, далѣе, распоряжается, чтобы были поданы опись всѣмъ дѣламъ и вѣдомость о состояніи казны кабинета Е В. со дня его учрежденія и представлены запечатанные пакеты и кабинетскія печати [3]). Наконецъ, велѣно было сдать всѣ кабинетскія дѣла въ сенатъ и въ коллегіи, „что къ которой надлежитъ“ [4]) и запрещено „всѣмъ учрежденіямъ впредь до указу доносить въ кабинетъ о какихъ-либо дѣлахъ“ [5]).

Верховный Тайный Совѣтъ, сознавая свое первенствующее положеніе въ государственномъ управленіи, продолжалъ при Петрѣ II дополнять свое устройство и дѣйствовать въ качествѣ высшаго учрежденія, обладающаго всѣми правами власти, всѣми ея функціями. Такъ совѣтъ дѣлаетъ распоряженіе объ увеличеніи содержанія чиновниковъ своей канце-

1) С. Р. И. О., LXIII, № 242. 2) Ibidem, № 244, П. С. З., № 5078. 3) С. Р. И. О., LXIII, № 256. 4) Ibidem, LXIII, №№ 326 и 333. 5) П. С. З., VII, № 5078.

ляріи [1]), опредѣляетъ, чтобы указы совѣта въ сенатъ и коллегіи были отправляемы только за подписью тайнаго совѣтника Степанова, а не самого императора [2]). Совѣтъ назначаетъ опредѣленный день (субботу) для пріема прошеній, подаваемыхъ на Высочайшее имя [3]). Члены совѣта—дѣйствительные тайные совѣтники (князь Д. М. Голицынъ и баронъ Остерманъ) не хотятъ быть равными въ службѣ съ остальными сановниками одинаковыхъ съ ними чиновъ. Поэтому они, говоритъ Маньянъ, „потребовали себѣ, вопреки табели о рангахъ, преимущества предъ фельдмаршалами, а это повело къ спорамъ между множествомъ родовыхъ дворянъ и лицами, занимающими должности“ [4]). Совѣтъ поспѣшилъ удовлетворить аристократическія претензіи своихъ членовъ, постановивъ, что „дѣйствительные тайные совѣтники, засѣдающіе въ совѣтѣ, должны имѣть первенство на жизнь ихъ надъ другими однихъ чиновъ (полными генералами), прочимъ же вѣдаться въ чинахъ по старшинству вступленія ихъ въ чинъ“ [5]). Но Верховный Тайный Совѣтъ являлся органомъ не однихъ только аристократическихъ притязаній его членовъ; онъ охранялъ также и права, и достоинство монархической власти. Въ засѣданіи 16 іюня 1727 г. въ совѣтѣ разсуждали о томъ, чтобы Е. И. В. „изволилъ лучше самъ подписывать всѣ протоколы“ [6]) которые до этого времени подписывались одними членами совѣта. Совѣтъ не принимаетъ отъ Бассевича квитанціи герцогини гольштинской, Анны Петровны въ уплатѣ завѣщанныхъ ей Екатериной I денегъ, потому что она названа въ ней „наслѣдной принцессой россійской“: совѣтъ находитъ, что „изъ того можетъ быть предосужденіе Е. И. В., у котораго единаго въ соизволеніи есть наслѣдство россійской имперіи“ [7]). Въ засѣданіи 26 іюля 1727 г. совѣтъ рас-

1—3) С. Р. И. О., LXIX, №№ 95, 224 и 362. 4) Маньянъ, С. Р. И. О., LXXV, 310 с. 5) Чт. въ общ. ист. и др. россійскихъ, 1858, III, Протоколъ 24 февр. 1728, П. С. З., VIII, № 5245. 6—7) С. Р. И. О., LXIII, №№ 352, 360 и 77.

поряжается отобрать отъ всѣхъ коллегій, канцелярій и запретить читать въ церквахъ „манифесты 1718 г. о наслѣдствѣ, манифестъ того же года по дѣлу царевича Алексѣя Петровича и Правду воли монаршей“, которыми отвергалось законное право наслѣдованія на россійскую корону Петра II[1]).

Въ области законодательства Верховный Тайный Совѣтъ продолжалъ работать надъ составленіемъ новыхъ законовъ[2]) и организаціей учрежденій, центральныхъ и мѣстныхъ. Совѣтъ принимаетъ мѣры къ образованію лучшаго состава всѣхъ коллегій, куда было съ этою цѣлью выбрано для обученія дѣламъ изъ молодаго шляхетства по три человѣка въ каждую коллегію[3]). Три первыя коллегіи—военная, адмиралтейская и коллегія иностранныхъ дѣлъ,—выдвинувшіяся изъ числа остальныхь еще при Екатеринѣ, сохраняютъ свое исключительное положеніе и при Петрѣ II. Военная коллегія, занявшая при князѣ Меньшиковѣ первое мѣсто среди трехъ главныхъ коллегій и послѣ него перешедшая въ завѣдованіе Миниха (отца), имѣла нѣсколько подвѣдомственныхъ ей учрежденій (оберъ-коммиссаріатъ, генералъ-аудиторіатъ и др.), разбирала спеціально военныя, хозяйственныя и ревизіонныя дѣла и имѣла, подобно другимъ коллегіямъ, судебную власть надъ военнослужащими[4]). Адмиралтейская коллегія, при которой состояло до 16 конторъ[5]), имѣла право производить въ военные чины до капитана и при князѣ Меньшиковѣ могла сама распоряжаться отправленіемъ военныхъ кораблей. Но послѣ его паденія совѣтъ отнялъ это послѣднее право у адмиралтейской коллегіи, которая должна была докладывать ему о состояніи флота и производствѣ въ высшіе чины (съ капитана)[6]) Но адмиралтейская коллегія сохранила право

1) С. Р И. О , LXIX, № 91. 2) П. С. З., VIII, №№ 5287, 5348 и 5412. Чт. etc., Протоколъ 14 іюня 2728 г. 3) Соловьевъ, XIX, 173 с. 4) П. С. З., VII, № 5044 и VIII, №№ 5279 и 5667, Градовскій, 143 с. 5) Градовскій, 144 с. 6) С. Р. И. О., LXIX, №№ 174 и 256.

самостоятельнаго расходованія отпущенныхъ на нее суммъ безъ представленія отчетовъ въ ихъ употребленіи въ камеръ-коллегію [1]). Дѣятельность иностранной коллегіи значительно сокращалась при Петрѣ II, какъ и ранѣе, тѣмъ, что Верховный Тайный Совѣтъ посвящалъ много времени разсмотрѣнію и рѣшенію иностранныхъ дѣлъ [2]). Но, съ другой стороны, вѣдомство иностранной коллегіи увеличилось переходомъ въ ея завѣдованіе малороссійскихъ дѣлъ, отчисленныхъ отъ сената [3]). Верховный Тайный Совѣтъ принимаетъ нѣсколько мѣръ относительно устройства остальныхъ коллегій и другихъ учрежденій и опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній. Такъ бергъ-коллегія была замѣнена конторой, которая „подчинена къ артиллеріи“ [4]). Коллегія экономіи, камеръ-контора, всѣ московскія коллежскія конторы, синодальная контора и дикастеріи были уничтожены совѣтомъ въ видахъ сокращенія государственныхъ расходовъ; упразднены были также должность оберъ-секретаря въ синодѣ и главный магистратъ [5]), дѣла котораго были поручены коммерцъ-коллегіи [6]). По случаю пребыванія двора въ Москвѣ туда же переводятся вотчинная коллегія, юстицъ-коммерцъ-бергъ и мануфактуръ-коллегія [7]). Вѣдомство камеръ-коллегіи было увеличено предоставленіемъ ей права сбирать лифляндскія таможенныя пошлины и доходы съ дворцовыхъ мызъ [8]). Камеръ-коллегіи была подчинена соляная контора и она должна была завѣдовать солянымъ сборомъ, но расходовать его могла только по указу Верховнаго Тайнаго Совѣта [9]). Преображенская канцелярія закрывается совѣтомъ [10]). Рекетмей-

1) П. С. З., VIII, 5543. 2) См. ниже. 3) С. Р. И. О., LXIII, №№ 351 и 352. 4—7) Ibidem, №№ 326, 338, 388 и 255. 8) Ibidem, LXIX, №№ 200 и 271. 9) Ibidem, LXIX, №№ 171 и 175. Коллегіи завѣдовали только текущими дѣлами; важнѣйшія административныя положенія были изданы Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ безъ участія, а иногда даже и безъ вѣдома коллегій. Таковы были: горный, вексельный и соляной уставы (С. Р. И. О., LXIII, № 521, Чт. etc., Протоколъ 16 мая 1729 г., Сперанскій, 40 с.). 10) Чт. etc., Прот.4 апр. 1729 г.

стеру приказано принимать челобитныя на Высочайшее имя, подаваемыя въ совѣтъ, и, подписавъ, разсылать, „куда которая по указу надлежитъ". Совѣтъ разсматриваетъ придворный и гражданскій штаты [1]), опредѣляетъ штатъ двора Натальи Алексѣевны, Елизаветы Петровны и обрученной государевой невѣсты, Маріи Меньшиковой [2]) и—штатъ царицы Евдокіи Ѳеодоровны [3]). Положеніе о полиціймейстерской канцеляріи пересматривается совѣтомъ снова [4]). Дѣятельность его направлена, какъ и ранѣе, и на устройство областного управленія. Такъ въ сентябрѣ 1728 г. былъ составленъ въ совѣтѣ „наказъ губернаторамъ, воеводамъ и ихъ товарищамъ", которымъ поручаются имъ всѣ дѣла мѣстнаго управленія (гражданскія, уголовныя дѣла, сборъ податей, чрезвычайныя мѣры и проч.) [5]). Совѣтъ составляетъ еще инструкцію кіевскому генералъ-губернатору, передаетъ московскую полицію въ вѣдѣніе московскаго генералъ-губернатора [6]) и опредѣляетъ въ петербургскую ратушу одного бургомистра и двухъ бурмистровъ для разсмотрѣнія купеческихъ дѣлъ [7]). Магистраты въ городахъ упразднены совѣтомъ, потому что въ нихъ „люди напрасно задолжены", и дѣла ихъ поручены губернаторамъ и воеводамъ [8]). Особенное вниманіе совѣта привлекаютъ на первыхъ же порахъ его дѣятельности и во все царствованіе Петра II малороссійскія дѣла. Въ одномъ изъ первыхъ же засѣданій совѣта (12 мая 1727 г.) было рѣшено возстановить въ Малороссіи достоинство гетмана, сбирать тамъ съ жителей „денежные и хлѣбные доходы по пунктамъ гетмана Б. Хмѣльницкаго" и его преемниковъ и отмѣнить всѣ новые сборы, установленные малороссійской коллегіей, предсѣдатель которой долженъ былъ явиться для отчета въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было запрещено

1—2) С. Р. И. О., LXIII, №№ 326 и 346. 3) Чт. etc., Прот. 9 фев. 1728 г. 4 и 6) С. Р. И. О., LXIX, № 248. 5) П. С. З., VIII, № 5333. 7) С. Р. И. О., LXIX, №№ 106 и 136. 8) Ibidem, LXIII, № 326.

великороссіянамъ покупать земли въ Малороссіи и предписано возвратить казакамъ уже купленную у нихъ землю съ уплатою за нее по купчимъ крѣпостямъ [1]) Всѣ малороссійскія дѣла были переведены въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, гдѣ они были до Петра I [2]). Всѣ жители Малороссіи освобождены отъ сбора на полки [3]). Было запрещено „всякаго званія людямъ" селиться около царицынской линіи и въ казацкихъ городахъ [4]). 10 іюля 1728 г. послѣдовалъ указъ, чтобы въ Малороссіи „старшины и сотники не дѣлали казакамъ обидъ и тягостей, не брали съ нихъ взятокъ въ судахъ, не продавали насильно напитковъ, не наряжали казаковъ въ частныя работы, а особенно не отнимали у нихъ земель и тѣмъ не приводили ихъ въ подданство. Обиженнымъ было позволено приносить жалобы въ генеральный судъ въ Малороссіи и коллегію иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ [5]). Наконецъ, 22 авг. того же года была пожалована малороссійскому народу грамота, въ которой подтверждены всѣ его права и вольности, обезпечено ему самоуправленіе и приняты мѣры къ тому, чтобы „никому изъ малороссійскаго народа никакая обида не была учинена" [6]). Причина такихъ особенныхъ заботъ и щедраго пожалованія совѣтомъ малороссамъ разныхъ льготъ заключалась, отчасти, въ его стремленіи возстановить въ областяхъ личное управленіе [7]), но еще болѣе въ желаніи правительства привязать къ государству малороссійское войско, въ которомъ Россія нуждалась при начавшихся съ Петра I войнахъ съ турками [8]) Совѣтъ заботится, далѣе, о болѣе цѣлесообразномъ распредѣленіи городовъ съ ихъ уѣздами по губерніямъ. Такъ онъ приказываетъ присо-

1—2) С. Р. И. О., LXIII, №№ 208 и 214 и 351. 3) Ibidem, LXIX, № 9. 4) Чт. etc., Протоколъ 20 февр. 1728 г. 5—6) Чт. etc., Прот. 10 іюля и 22 авг. 1728 г. 7) Совѣтъ въ этомъ случаѣ проводилъ въ мѣстномъ управленіи тотъ же личный принципъ, на которомъ была основана и собственная его организація. 8) Соловьевъ, ibidem, 130 с.

единить угличскую провинцію къ московской губерніи[1]), а г. Олонецъ къ новгородской[2]). Совѣтъ упраздняетъ должности секретарей и подъячихъ въ тіунскихъ избахъ въ обѣихъ столицахъ[3]) и опредѣляетъ, чтобы секретари были только въ тѣхъ городахъ, гдѣ положены дьяки по указу 16 марта 1727 г.[4]) Совѣтъ жалуетъ нѣкоторыя льготы должностнымъ лицамъ и надѣляетъ привиллегіями рядовое дворянство. Такъ совѣтъ выдаетъ указъ, что „штатскимъ чинамъ ,кто въ какомъ рангѣ служитъ, и впредь пожалованы будутъ тѣмъ мѣста, съ воинскими чинами имѣть по старшинству“[5]). Совѣтъ опредѣляетъ „чины разнымъ должностнымъ лицамъ при арміи“[6]). Вдовамъ и дѣтямъ умершихъ на русской службѣ иностранныхъ офицеровъ рѣшено выдавать пенсіи по морскому уставу[7]). Отставные штабъ-и оберъ-офицеры при отставкѣ должны были награждаться за долговременную и безпорочную службу чиномъ[8]). Совѣтъ жалуетъ за заслуги разнымъ лицамъ въ вѣчное владѣніе деревни[9]), обсуждаетъ вопросъ о правахъ дворянъ и однодворцевъ относительно владѣнія землею и дачами въ нѣкоторыхъ („заказныхъ“) городахъ[10]). Дворяне, неопредѣленные къ дѣламъ въ Петербургѣ, увольняются совѣтомъ въ ихъ деревни, за исключеніемъ тѣхъ, которые должны были строить дома на Преображенскомъ островѣ[11]). Совѣтъ запрещаетъ нанимать боярскихъ дѣтей и крестьянъ, по ихъ желанію, въ солдаты, матросы и другія службы[12]) и увольняетъ въ годовой отпускъ третью часть военныхъ чиновъ изъ шляхетства, владѣющихъ деревнями[13]). Депутаты отъ дворянства же участвуютъ въ составленіи новаго уложенія[14]). Привиллегіи рыцарства и земствъ: лифляндскаго и эстляндскаго подтверждены совѣ-

---

1) С. Р. И. О., LXIII, № 413. 2) Ibidem, LXIX, № 328. 3—5) Ibidem, №№ 132, 56 и 303. 6—8) Чт. etc., Прот. 7 іюня 1728 г., 11 іюня 1729 г. и 9 іюня 1728 г. 9—10) С. Р. И. О, LXIII, №№ 223 и 316. 11—13) Ibidem, LXIX, №№ 45, 209 и 242. 14) Чт. etc. Прот. 14 іюня 1728 г.

томъ [1]) и Лифляндскому княжеству позволено имѣть по обыкновенію сеймъ [2]). Совѣтъ принимаетъ цѣлый рядъ финансовыхъ мѣръ въ виду удовлетворенія настоятельныхъ общественныхъ потребностей, облегченія податныхъ тяжестей населенія и увеличенія народнаго благосостоянія. Такъ онъ разрѣшаетъ въ нужныхъ случаяхъ сверхсмѣтные кредиты [3]), прощаетъ казенныя недоимки лицамъ и учрежденіямъ [4]), слагаетъ подушную подать съ умершихъ крестьянъ въ вотчинахъ князя Меньшикова въ Пошехонскомъ уѣздѣ [5]) и уничтожаетъ должность вальдъмейстера въ Ингерманландіи, поручая надсмотръ за лѣсами самимъ ихъ владѣльцамъ—помѣщикамъ или ихъ прикащикамъ и старостамъ [6]). Совѣтъ наблюдаетъ за состояніемъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, свѣдѣнія о которыхъ онъ приказываетъ доставлять всѣмъ учрежденіямъ [7]). Съ цѣлью сокращенія государственныхъ расходовъ совѣтомъ упраздняется нѣсколько учрежденій, центральныхъ и мѣстныхъ [8]). Въ совѣтѣ составляется новый соляной уставъ [9]), разрѣшается вольная продажа соли [10]) и утверждается новый вексельный уставъ, выработанный коммиссіей о коммерціи [11]). Совѣтъ распоряжается, чтобы ему подавали вѣдомости объ отписныхъ имѣніяхъ и позволяетъ „таковые дворы и лавки продавать съ публичнаго торга, давая преимущество прежнимъ владѣльцамъ или ихъ родственникамъ; деревень же безъ указу продавать“ не велѣно [12]). Совѣтъ разрѣшаетъ безпошлинную торговлю хлѣбомъ за границей [13]), заботится о сохраненіи лѣсовъ въ странѣ [14]), утверждаетъ права, вольности и статуты г. Риги [15]), выдаетъ разнымъ лицамъ жалованныя грамоты [16]) и издаетъ нѣсколько основныхъ положеній относительно устройства суда въ имперіи [17]).

1) Чт. etc., Прот. 11 сент. 1728 г. 2—8) С. Р. И. О., LXIII, №№ 337, 291, 295, 365, 335 и 388, 9—10) Ibidem, LXIX, №№ 521 и 529. 11—12) Чт. etc., Прот. 16 мая 1729 г. и 31 мая 1728 г. 13—16) Ibidem, Прот. 14 и 27 іюня 1728 г., 10 марта 1729 г. и 13 окт. и 10 дек. 1728 г. 17) См. ниже.

Не менѣе обширною и плодотворною для всей страны была дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта при Петрѣ II въ области администраціи, гдѣ совѣтъ разсматриваетъ и рѣшаетъ самые разнообразные вопросы и дѣлаетъ необходимыя распоряженія во всевозможныхъ случаяхъ. Теперь замѣчается даже еще большее сравнительно съ временемъ Екатерины I развитіе дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта во всѣхъ частяхъ внутренняго управленія страной. Такъ совѣтъ жалуетъ разные чины [1]), помѣстья, вотчины, дворы, деньги и пр. [2]), назначаетъ жалованье чиновникамъ [3]), опредѣляетъ и увольняетъ губернаторовъ, воеводъ и другихъ свѣтскихъ и духовныхъ должностныхъ лицъ [4]), заботится объ увеличеніи государственныхъ доходовъ [5]) и контролируетъ государственные расходы [6]). Какъ и ранѣе, совѣтъ посвящаетъ много времени обсужденію иностранныхъ дѣлъ [7]) и мѣрамъ объ улучшеніи состоянія арміи и флота [8]), разсматриваетъ разнаго рода духовныя дѣла [9]) и заботится о развитіи торговли и промышленности [10]). Совѣтъ занимается монетнымъ дѣ-

1) С. Р. И. О., LXIII, №№ 202, 216, 224, 410 и 419, LXIX, №№ 60, 317, 365, 369, 386, 390, 414, Чт. etc., Прот. 1 янв. 12, 24 и 25 февр., 10 марта, 12 и 22 іюля 1728 г., 25 февр., 6 апр., 10 мая, 20 и 23 іюня, 19 ноября и 17 дек. 1729 г., 5 и 6 янв. 1730 г. 2) С. Р. И. О., LXIII, №№ 276, 281, 288, 289, 308, 309, 331, 334, 336, 341, 345, 356, 362, 373, 402 и 409, LXIX, №№ 10, 36, 37, 43, 54, 67, 70, 79, 83, 86, 92, 93, 99, 102, 103, 105, 113, 120, 122, 157, 168, 205, 320, 339, 340, 367, 381, 420, 433 и мн. др. Чт. etc., Прот. 28 марта и 22 мая 1728 г. 3) С. Р. И. О., LXIII, №№ 203, 209, 221, 249 и мн. др., LXIX, №№ 13, 14, 31, 114, 192, 226, 280, 302, 314, 422, 470, 502 и мн. др. 4) Ibidem, LXIII, №№ 203, 212, 220, 241, 258, 279, 305, 325 и мн. др., LXIX, №№ 3, 18, 55, 80, 115, 145, 164, 212, 250, 312, 400, 450 и мн. др., Чт. etc., Прот. 14 февр. и 22 ноября 1728 г. 5) С. Р. И. О., LXIII, № 403, LXIX, №№ 51, 148, 334 и мн. др., Чт. etc., Прот., 31 янв. и 15 іюня 1728 г. 6) С. Р. И. О., LXIII, №№ 329 и 401, LXIX, №№ 63, 116, 403 и др. 7) LXIX, №№ 98, 264, 378 и др., Чт. etc., Прот. 1 янв., 12 февр., 20 март., 16, 17 и 21 мая и др. 1728 г., 27 март., 30 апр., 14, 25 и 28 мая и др. 1729 г. 8) С. Р. И. О., LXIX, №№ 9, 59, 138, 209, 241, 255, 272, 330, 385, 401, 530 и мн. др., Чт. etc., Прот. 16 янв., 12 апр. и 13 мая 1729 г. 9) С. Р. И. О., LXIII, №№ 251, 330, 405 и мн. др., XXIX, №№ 24, 68, 124, 265, 388, 447 и мн. др. 10) LXIII, №№ 235, 267, 275, 321, 414, 418 и др. LXIX, №№ 16, 50, 90, 110, 124, 142, 170, 234, 274, 403 и мн. др., Чт. etc., Прот. 31 авг. 1728 г.

ломъ [1]), улучшеніемъ путей сообщенія [2]), калмыцкими дѣлами [3]), распоряжается рубкой лѣсовъ [4]) и устраиваетъ помѣщенія для различныхъ учрежденій [5]). Наконецъ, совѣтъ считаетъ своей обязанностью позаботиться объ ускореніи рѣшенія разныхъ дѣлъ [6]), принимаетъ чрезвычайныя мѣры въ особенныхъ случаяхъ [7]), дѣлаетъ распоряженія о путешествіи въ Москву императора, членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта и другихъ особъ [8]) и объ оставшемся послѣ удаленія Меньшикова его имуществѣ [9]).

Въ сферѣ суда Верховный Тайный Совѣтъ принимаетъ съ цѣлью обезпеченія интересовъ правосудія нѣсколько важныхъ мѣръ общаго характера [10]) и рѣшаетъ въ качествѣ первой и апелляціонной инстанціи важнѣйшіе казусы изъ судебной практики. Такъ совѣтъ постановляетъ взыскивать штрафы съ судей въ вотчинной коллегіи въ случаяхъ неправильнаго рѣшенія ими дѣлъ, а также и съ челобитчиковъ, если они будутъ бить челомъ ложно [11]). Осужденные на галеры ссылаются совѣтомъ въ Сибирь [12]). Чиновъ гвардейскихъ полковъ по исковымъ и розыскнымъ дѣламъ велѣно судить въ юстицъ-коллегіи, находящихся въ отпуску—губернаторамъ [13]). Совѣтъ приказываетъ взимать съ истцовыхъ дѣлъ всякихъ чиновъ людей только однѣ пошлины по уложенью [14]) и постановляетъ, чтобы „чинить судъ безъ всякія волокиты", и чтобы въ Верховный Тайный Совѣтъ подавать столичнымъ

---

1) С. Р. И. О., LXIII, №№ 310, 312 и др., XXIX, №№ 8, 30, 176, 202, 308, 484 и др. 2) LXIII, №№ 394, 410, 415, LXIX, № 383, Чт. etc., Прот. 15 апр. 1728 г. 3) С. Р. И. О., LXIX, № 249, Чт. etc., Прот. 16 янв. 1728 г. 4) С. Р. И. О., LXIX, № 384. 5) Ibidem, №№ 257, 360 и 410. 6) С. Р. И. О., LXIX, №№ 495, 497 и 500. 7) Ibidem, № 235, Чт. etc., Прот. 4 апр. и 17 іюня 1728 и 13 авг. 1729 г. 8) С. Р. И. О., LXIX, №№ 382, 392, 405, 494 и 508. 9) Ibid., №№ 167, 176, 198, 227, 284, 287, 291, 352, 356, 357, 380, 409 и др. 10) Мы предпочитаемъ, какъ и прежде, сказать здѣсь объ общихъ мѣрахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта относительно судоустройства и судопроизводства: такимъ путемъ лучше можетъ быть выяснено участіе совѣта въ судебной функціи. 11) С. Р. И. О., LXIII, №№ 395 и 396. 12—14) Ibidem, LXIX, №№ 21 и 62, 127, 139 и 141.

учрежденіямъ ежемѣсячныя вѣдомости о всѣхъ дѣлахъ, а въ юстицъ-коллегію изъ губерній и провинцій. Въ Петербургѣ же „сдѣлать нижній судъ съ воеводой, товарищами и прочими людьми“[1]) Совѣтъ составляетъ и разсылаетъ въ суды указы о томъ, чтобы „во всемъ государствѣ судъ и расправа всѣмъ была равная и справедливая“[2]). Совѣтъ приказываетъ принять мѣры къ поимкѣ воровъ и разбойниковъ въ разныхъ губерніяхъ[3]). Морскихъ и сухопутныхъ служителей въ Кронштадтѣ за преступленія противъ службы должны были судить ихъ командиры по „силѣ указовъ и генеральнаго регламента“, а въ прочихъ случаяхъ—комендантъ на правахъ губернатора и воеводы[4]). Дѣла объ осужденныхъ колодникахъ постановлено разсматривать въ сенатѣ, а въ губерніяхъ—губернаторамъ[5]). Совѣтъ дѣлаетъ нѣсколько постановленій съ цѣлью охраненія народной нравственности при исполненіи судебныхъ приговоровъ. Такъ онъ распоряжается, чтобы въ обѣихъ столицахъ были уничтожены столбы, на которыхъ выставлялись тѣла и головы казненныхъ[6]), и чтобы смертная казнь чинилась въ столицахъ за городомъ[7]). Совѣтъ разбираетъ и рѣшаетъ всѣ важнѣйшіе судебные случаи: дѣла объ Антонѣ Девіерѣ, Толстомъ и др.[8]) о князѣ Меньшиковѣ[9]), генералъ-фискалѣ Мякининѣ[10]), адмиралѣ Змаевичѣ[11]) и дѣло Ѳеофана Прокоповича съ архимандритомъ Маркелломъ[12]). Вѣдѣнію совѣта подлежатъ всѣ дѣла о колодникахъ, которые держатся въ Преображенской канцеляріи по важнымъ дѣламъ[13]). и которые осуждены къ смертной казни[14]), а также—о ворахъ-рецидивистахъ[15]). Совѣтъ, наконецъ, самъ отправляетъ въ ссылку и освобождаетъ изъ нея лицъ разнаго званія[16]).

1—5) С. Р. И. О., LXIX, №№ 186, 202, 266, 268 и 531. 6—7) Ibidem, №№ 25 и 184. 8) LXIII, № 272. 9) LXIX, №№ 166, 190, 285, 372, 411, 490 и 516. 10) LXIII, № 322 и LXIX, 514. 11) Соловьевъ, XIX, 181 с., 12) LXIII, № 381, 13) Ibidem, №№ 386 и 410 и Чт etc., Прот. 4 апр. 1729 г., 14—15) С. Р. И. О., LXIX, №№ 40 и 254. 16) Ibidem, №№ 62, 64, 66, 70, 75, 80, 105, 109, 119, 137, 193, 213, 258, 281, 322, 328, 329, 403 и 445.

Когда умеръ Петръ II, Верховный Тайный Совѣтъ стоялъ на вершинѣ управленія государствомъ, имѣлъ въ своихъ рукахъ всѣ права самодержавной власти, которая употреблялась имъ не въ виду однихъ только интересовъ фамиліи Долгорукихъ, но и всего общества. Неожиданная смерть Петра въ тотъ моментъ когда „все, повидимому, возвѣщало Россіи долгое и безсмѣнное монархическое правленіе, а роду Долгорукихъ предвѣщало вскорѣ сліяніе съ верховною властью“ [1]) возбудила вновь вопросъ о томъ, кому царствовать на Руси? Этотъ вопросъ теперь, какъ и ранѣе—въ московскомъ государствѣ, пришлось рѣшать представителямъ русскихъ знатныхъ родовъ, засѣдавшимъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. Обстоятельства, повидимому, болѣе благопріятствовали на этотъ разъ ихъ аристократическимъ стремленіямъ, чѣмъ въ смутное время и въ оба предшествующія царствованія. Съ наступленіемъ императорскаго періода русской исторіи понятіе о наслѣдованіи престола, бывшее неопредѣленнымъ въ московскую эпоху, запуталось еще болѣе при двоевластіи или даже троевластіи Ивана и Петра Алексѣевичей и Софьи Алексѣевны. „Уставъ о наслѣдіи престола“ (1722 г.) вмѣстѣ съ „Правдой воли монаршей“ Петра I установили принципъ завѣщательнаго распоряженія царскимъ престоломъ. Но самъ Петръ не назначилъ себѣ наслѣдника и вступленіе на русскій престолъ Екатерины I произошло не по династическому праву, а по выбору „синода, сената и генералитета“, руководимыхъ княземъ Меньшиковымъ, „Случай этотъ, замѣчаетъ Карновичъ, внушалъ отважнымъ царедворцамъ мысль, что и впослѣдствіи при подобныхъ обстоятельствахъ они могутъ располагать короной, какъ распорядился уже ею однажды князь Меньшиковъ“ [2]). Послѣднему принадлежала видная роль и при воца-

---

1) С. Р. И. О., LXXV, Бюсси, 462 с. 2) Карновичъ: „Замыслы верховниковъ и челобитчиковъ въ 1730 году“, Отеч. Записки, 1872, 1-я кн., 241 стр.

реніи Петра II, такъ какъ завѣщаніе Екатерины I, въ силу котораго взошелъ на престолъ Петръ II, было внушено императрицѣ Меньшиковымъ. Неопредѣленностью понятій о престолонаслѣдіи воспользовались по смерти Петра члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, которые избрали русской императрицей герцогиню курляндскую, Анну Ивановну помимо ея старшей сестры, герцогини мекленбургской, Екатерины Ивановны. Какъ избранная императрица, Анна Ивановна должна была подчиниться предъявленнымъ ей верховниками условіямъ, которыми ея власть ограничивалась въ ихъ пользу [1]). Самовольное избраніе Анны Ивановны верховниками было естественнымъ результатомъ той верховной власти, которой они пользовались при Екатеринѣ I и Петрѣ II [2]). Предписывая Аннѣ Ивановнѣ „кондиціи", верховники думали присвоить себѣ то исключительное вліяніе, которымъ на ихъ глазахъ пользовались сначала князь Меньшиковъ, а потомъ фамилія Долгорукихъ. Но члены Верховнаго Тайнаго Совѣта не хотятъ такого господства временщиковъ. „Недавній опытъ съ Долгорукими, попавшими въ милость, заставляетъ верховниковъ, говоритъ Бюсси, страшиться власти временщиковъ, которые могли бы всегда управлять монархами вмѣстѣ съ имперіей, пока власть русскихъ монарховъ будетъ до такой степени неограниченна" [3]). То обстоятельство, что Верховный Тайный Совѣтъ стоялъ во главѣ государственнаго управленія въ продолженіе четырехъ лѣтъ также было выгодно для замысловъ верховниковъ: Верховный Тайный Совѣтъ успѣлъ стать за это время вполнѣ самостоятельнымъ и крѣпкимъ учрежденіемъ, не только воплотившимъ въ себѣ родовой принципъ, но и пріобрѣтшимъ власть, равную царской [4]). „Верховный Тайный Совѣтъ съ своимъ

1—2) Карновичъ, ibidem, 217 и 219—222. 3) С. Р. И. О., LXXV, 466; ср. Лирія, „XVIII вѣкъ", III, 30 с., Соловьевъ, XIX, 244 с. 4) Загоскинъ: „Верховники и шляхетство 1730 г.". По поводу сочин. Д. А. Корсакова: „Воцареніе Анны Ивановны". Изв. и уч. записки Имп. Казан. Унив., 1881, №1, 16—17 с. Карновичъ ibidem, 221 -224 с.

стремленіемъ къ замкнутости и съ постепенно усиливающимся значеніемъ превзошелъ, справедливо замѣчаетъ профессоръ Загоскинъ, самыя смѣлыя мечты московскаго боярства, явился квинтъ-эссенціей боярскихъ тенденцій XVI—XVII вѣковъ“ [1]). Въ числѣ условій общественной жизни новой, петровской Россіи, которыя могли поддержать аристократическія тенденціи русскаго дворянства при избраніи новаго государя въ 1730 году, было еще сильное вліяніе на умы образованныхъ русскихъ людей современныхъ западно-европейскихъ политическихъ порядковъ (шведскихъ и польскихъ). Одинъ изъ главныхъ руководителей движенія 1730 г., князь Д. М. Голицынъ былъ хорошо знакомъ съ этими порядками точно также, какъ и многіе знатные представители шляхетства [2]), одинаково стремившіеся въ это время къ обезпеченію самостоятельнаго участія въ управленія, котораго добивались и верховники [3]). Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, въ 1730 г. могли оживиться въ средѣ знати и всего русскаго дворянства традиціи о томъ политическомъ значеніи, какое имѣли ихъ предки въ московскомъ государствѣ. Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта—представители двухъ знатнѣйшихъ родовитыхъ фамилій князей Голицыныхъ и Долгорукихъ, помирившіеся между собою вскорѣ послѣ смерти Петра II,—должны были вспомнить о томъ, что московскіе бояре не разъ ограничивали въ свою пользу власть московскихъ государей [4]). Мысль объ ограниченіи правъ императорской власти была также въ одной изъ партій предъ возшествіемъ на престолъ Екатерины I: въ ея средѣ было нѣсколько лицъ, задумавшихъ ввести въ Россіи шведскій аристократическій строй [5]). Къ нимъ принадлежалъ и князь Д. М. Голицынъ.

1) Загоскинъ, ibidem, 2) Корсаковъ, названное сочиненіе., 280—297 с., Карновичъ, 224—226 с., Н. Поповъ: „Татищевъ и его время“, Москва, 1861, 94—96 с. 3) Соловьевъ, 253 с., Карновичъ, Отеч. Записки, 2-я кн., 497—506 с. 4) См. выше. Ср. Загоскинъ, ibidem, 32—38 с., Карновичъ, I, 229—231 с., Поповъ, 65—72 с. 5) Карновичъ, I, 332—333 с.

считавшій въ числѣ своихъ предковъ такихъ знаменитыхъ въ русской исторіи бояръ-патріотовъ, какими были оба князя В. В. Голицыны: „столпъ и держатель земли русской" въ смутную годину ея исторіи и сановитый „оберегатель" царскаго престола въ малолѣтство Петра I. Было бы, однако, несправедливымъ думать, чтобы князь Д. М. Голицынъ желалъ возвращенія московской старины, политическихъ московскихъ порядковъ въ полномъ и неприкосновенномъ ихъ видѣ. Какъ человѣкъ высоко образованный, знакомый основательно съ „русскими законами" [1]) и современнымъ ему строемъ европейскихъ государствъ, князь Голицынъ стремился только возстановить въ Россіи господство аристократическаго начала, побѣжденнаго могущественною властью русскихъ государей: аристократъ по происхожденію и убѣжденіямъ, князь Д. М. Голицынъ видѣлъ въ аристократическомъ правленіи „единственно благотворный для общаго блага Россіи режимъ" [2]). Князь Голицынъ обладалъ предпріимчивымъ и рѣшительнымъ характеромъ и поэтому былъ способенъ стать во главѣ движенія, могъ, по выраженію Рондо, „поднять опасный мятежъ и руководить имъ" [3]). И дѣйствительно князь Д. М. Голицынъ, „стремившійся къ власти и ограниченію самодержавія еще со времени Петра I" [4]), становится однимъ изъ вождей аристократическаго движенія 1730 г. Но князь Д. М. Голицынъ не былъ олигархомъ: какъ онъ ни былъ гордъ и надмененъ, однако, князя Голицына нельзя упрекнуть въ желаніи пользоваться властью единственно ради собственныхъ цѣлей или только въ интересахъ одной знати. Участвуя въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ съ момента его возникновенія, онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ его членовъ, занимавшихся рѣшеніемъ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ законодательства, управленія и суда [5]). Горячій патріотъ въ душѣ, князь Д. М.

---

1 и 3) С. Р. И. О., LXVI, Рондо, 159 с. 2) Корсаковъ, ib., 35—37 с. 4) Лефортъ, С. Р. И. О., V, 352 с. 5) Князь Д. М. Голицынъ былъ, между про-

Голицынъ ненавидѣлъ иностранцевъ и представителей русскаго духовенства (Ѳеофана Прокоповича и др.),—первыхъ за то, что они „явились на Русь для того, чтобы предписывать всѣмъ новые законы“ [1]), послѣднихъ потому, что они „оказали по смерти Петра I, ради низкой корысти, содѣйствіе возведенію на русскій престолъ, въ ущербъ законному премнику, женщины, которая должна была оставаться совершенно въ сторонѣ отъ престола“ [2]) (т. е. Екатерины I). Гораздо благосклоннѣе князь Голицынъ относился къ шляхетству и остальнымъ, низшимъ сословіямъ, для блага которыхъ немало онъ уже сдѣлалъ въ качествѣ члена Верховнаго Тайнаго Совѣта при Екатеринѣ I и Петрѣ II. Въ 1730 г. Голицынъ готовъ былъ допустить участіе въ управленіи для всего шляхетства Это доказывается его планомъ государственнаго устройства, надъ которымъ онъ долго работалъ вмѣстѣ съ другими членами Верховнаго Тайнаго Совѣта уже послѣ того, какъ Анна Ивановна приняла „кондиціи“ верховниковъ [3]), и присягой, составленной Голицынымъ на основаніи шляхетскихъ проэктовъ, поданныхъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, и своего собственнаго плана [4]). И въ планѣ, и въ пунктахъ присяги Голицынъ отводитъ главное мѣсто въ управленіи Верховному Тайному Совѣту, который долженъ былъ состоять изъ 10—12 членовъ. На „упалыя мѣста“ въ совѣтѣ выбираются совѣтомъ и утверждаются императрицей кандидаты изъ „первыхъ фамилій, изъ

чимъ, въ 1727 г. президентомъ коммиссіи, которой поручалось „разсмотрѣть какъ о сухопутной арміи, такъ и о флотѣ, чтобы оные безъ великой народной тягости содержимы были“. Коммиссія должна была наблюдать, чтобы помѣщики не о ременяли крестьянъ излишнимъ сборомъ оброковъ и чтобы подати были распредѣлены равномѣрно между всѣми сословіями (Карновичъ, I, 222 с.). При Петрѣ II Голицынъ былъ президентомъ коммерцъ-коллегіи (Корсаковъ, 38 с.). 1) Корсаковъ, ibidem, 35—36 с. 2) Маньянъ, С. Р. И. О., LXXV, 477 с., Депеши Вестфалена, Корсаковъ, назв. соч., № 3 приложеній, 72 с. 3) Лефортъ, 347 с., Маньянъ, 470, Мардефельдъ, С. Р. И. О., XV, 408, 410—411 и 414 с. 4) Корсаковъ, 179—188 с.

генералитета и изъ шляхетства, людей вѣрныхъ и обществу народному доброжелательныхъ". Въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ присутствуетъ императрица, которая имѣетъ здѣсь при рѣшеніи дѣлъ два голоса. Голицынъ предлагаетъ, что—бы изъ одной фамиліи не было избираемо въ совѣтъ болѣе двухъ лицъ для того, „чтобы тѣмъ никто не могъ вышней взять на себя силы". При рѣшеніи всѣхъ дѣлъ Верховный Тайный Совѣтъ долженъ имѣть въ виду, что „не персоны управляютъ закономъ, а законъ управляетъ персонами: совѣтъ состоитъ ни для какой собственной того собранія пользы, точію для лучшей государственной пользы и управленія въ помощь Е. И. В."[1]). Верховный Тайный Совѣтъ завѣдуетъ всѣми важнѣйшими государственными дѣлами по внѣшней и внутренней политикѣ. Государственный казначей, избираемый совѣтомъ, отдаетъ ему отчетъ во всѣхъ государственныхъ расходахъ. Въ совѣтъ приглашаются „для совѣту и разсужденія о всякомъ новомъ и важномъ государственномъ дѣлѣ" сенатъ, генералитетъ, коллежскіе чины, знатное шляхетство, а при обсужденіи духовныхъ дѣлъ синодальные чины и архіереи. Дѣла церковныя поручаются синоду, члены котораго избираются также, какъ и члены Верховнаго Тайнаго Совѣта. А для „вспоможенія Верховному Тайному Совѣту какъ въ дѣлахъ государственныхъ, такъ и расправныхъ" учреждается сенатъ, который состоитъ изъ 36 членовъ, избираемыхъ также изъ „фамильныхъ людей", генералитета и знатнаго шляхетства. Кромѣ сената, князь Голицынъ проэктируетъ образованіе шляхетской палаты изъ 200 членовъ, которая предназначается для охраненія правъ низшаго шляхетства въ случаѣ посягательствъ на него со стороны Верховнаго Тайнаго Совѣта. Наконецъ, палата го-

1) Слова Голицына о составѣ и назначеніи Верховнаго Тайнаго Совѣта взяты имъ изъ одного изъ шляхетскихъ проэктовъ, извѣстнаго подъ именемъ „анонимной записки" (Корсаковъ, 165 с.).

родскихъ представителей, состоящая изъ дворянства и купечества, должна была защищать отъ несправедливостей интересы торговцевъ и простаго народа. Всѣ служащіе въ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и прочихъ учрежденіяхъ избираются изъ шляхетства, особенно знатнаго. Старыя и знатныя фамиліи имѣютъ преимущество предъ остальнымъ шляхетствомъ и члены ихъ должны занимать мѣста въ службѣ сообразно своему достоинству. Приказные люди могутъ вступать въ ряды шляхетства только за „знатныя заслуги". Шляхетство поступаетъ въ военную службу не нижними чинами и матросами, а прямо офицерами и не неволею, какъ было прежде, а добровольно. Все шляхетство должно быть, какъ въ прочихъ европейскихъ государствахъ, „въ надлежащемъ почтеніи и Е. И. В. милости и консидераціи". Присяга признаетъ нерушимыми права и вольности „шляхетства" и „гражданства" Лифляндіи и Эстляндіи. Нѣсколько пунктовъ присяги князь Голицынъ посвящаетъ мѣрамъ относительно улучшенія положенія купечества и крестьянскаго населенія[1]).

Кромѣ Д. М. Голицына, членами Верховнаго Тайнаго Совѣта по смерти Петра II были: канцлеръ и графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ, баронъ Остерманъ и трое князей Долгорукихъ: Василій Лукичъ, Алексѣй Григорьевичъ и Михаилъ Владиміровичъ. Къ этимъ лицамъ присоединились въ самый день смерти Петра II и сдѣлались eo ipso членами Верховнаго Тайнаго Совѣта фельдмаршалы: князь Михаилъ Михаиловичъ Голицынъ и князь Василій Владиміровичъ Долгорукой[2]). Такимъ образомъ, въ совѣтѣ было четверо князей Долгорукихъ и двое Голицыныхъ,—представителей знатнѣйшихъ русскихъ фамилій; одинъ членъ (Головкинъ) принадлежалъ къ среднему дворянству и только Андрей Ива-

1) Корсаковъ, 111 с. и сл., ср. Маньянъ, 476 с, Рондо, 134 с, Ле-Фортъ, 352 с., Де-Лирія, 34—35 с. 2) Корсаковъ, н. с., 3—4 с.

новичъ Остерманъ былъ изъ иностранцевъ. Фамилія Долгорукихъ, преобладавшая въ совѣтѣ, гордилась своею родовитостью не меньше Голицыныхъ. Она вела свое происхожденіе отъ Рюрика и считала въ рядахъ своихъ предковъ дѣятеля смутнаго времени, князя Владиміра Тимофеевича, князя Владиміра Дмитріевича, работавшаго надъ уничтоженіемъ мѣстничества, и князя Якова Феодоровича Долгорукаго, извѣстнаго патріота времени Петра I [1]). Представителемъ фамиліи Долгорукихъ въ 1730 г. былъ князь В. Л. Долгорукій—человѣкъ весьма умный, образованный и опытный въ дѣлахъ управленія [2]). Василій Лукичъ, начиная съ 1714 г, жилъ постоянно въ разныхъ иностранныхъ государствахъ, какъ представитель Россіи, и былъ хорошо знакомъ съ государственнымъ устройствомъ Франціи, Даніи, Польши и Швеціи. Наблюденія въ послѣднихъ двухъ государствахъ за господствомъ въ нихъ аристократіи укрѣпили убѣжденія Василія Лукича, который считалъ свою фамилію знатнѣйшей во всей странѣ и былъ увѣренъ, что ея преобладаніе въ управленіи доставитъ благоденствіе всей странѣ [3]) Участіе Василія Лукича въ планѣ Алексѣя Григорьевича, желавшаго укрѣпить престолъ за своею дочерью—невѣстой Петра II [4]), доказываетъ, что онъ дѣйствительно питалъ честолюбивую мечту видѣть родъ Долгорукихъ царствующимъ въ русскомъ государствѣ. Этой фамильной „конъюнктурѣ", однако, воспротивился дядя невѣсты, фельдмаршалъ, князь Василій Владиміровичъ Долгорукой, который заявилъ всему собранію Верховнаго Тайнаго Совѣта, что „пока будетъ жива хоть единая отрасль царскаго рода, онъ не позволитъ Долгорукимъ домогаться престола" [5]) Благородный и смѣлый образъ дѣйствій фельдмаршала, открыто порвавшаго съ олигархически-

1 и 3) Корсаковъ, н. с., 20—22 и 25 с. 2) Рондо, 158 с. 4) Маньянъ, 454 с. Бюсси, 463 с. 5) Hermann, IV, 539 s, Ле-Фортъ, 343 с., Бюсси, ibidem, Де-Лирія, 29 с.

ми замыслами своихъ родственниковъ, помирилъ съ Долгорукими Голицыныхъ, которые стали съ этого времени дѣйствовать съ ними вмѣстѣ [1]). Фельдмаршалъ, князь В. В. Долгорукой былъ однимъ изъ лучшихъ представителей московскаго боярства XVII ст. Вѣрный традиціямъ своего рода, онъ былъ всегда готовъ стать за интересы земли русской [2]). Все низшее дворянство и офицеры арміи любили фельдмаршала Долгорукаго [3]). Изъ остальныхъ родовитыхъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта князь Михаилъ Владиміровичъ Долгорукой также отличался безкорыстнымъ и честнымъ характеромъ, какъ и ненавидѣвшій иноземцевъ, фельдмаршалъ, князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, котораго любилъ Петръ I и обожала вся армія за благородство и возвышенность чувствъ и поступковъ [4]). Оба князя Голицыныхъ и Долгорукіе, Василій Лукичъ и Василій Владиміровичъ, стали во главѣ всего движенія 1730 года, въ которомъ принимали участіе и остальныя знатныя фамиліи и все шляхетство [5]). Движеніе вытекало изъ стариннаго, еще не исчезнувшаго въ XVIII вѣкѣ родословнаго принципа, которымъ опредѣлялись отношенія московскаго боярства къ монархической власти, и новаго начала личной заслуги, особенно развитаго въ Россіи реформами Петра I [6]). Дошедшіе до насъ проэкты шляхетства

1) Мардефельдъ, 414 с., Рондо, 152 с., Ле-Фортъ, ibidem. 2) Корсаковъ, 30—31 с. 3) Рондо, 157 с. 4) Корсаковъ, 33 и 39—40 с., Рондо, 158 с. Головнинъ и Остерманъ не сочувствовали планамъ своихъ товарищей, опасаясь отъ осуществленія ихъ потери своего вліянія („La Cour de Russie“, 21—24 p.). 5) Въ 12 шляхетскихъ проэктахъ находится болѣе 1000 подписей лицъ изъ знатныхъ русскихъ фамилій и служилаго дворянства (Корсаковъ, 147 с.). 6) Родовитые люди, участвовавшіе въ составленіи шляхетскихъ проэктовъ: князь А. М. Черкасскій, подавшій полный и хорошо выработанный проэктъ, авторомъ котораго былъ извѣстный историкъ, Вас. Ник. Татищевъ, князь А. А. Черкасскій, князья: Барятинскіе, Долгорукіе (Сергѣй и Иванъ), Голицыны (Сергѣй и Алексѣй), Одоевскій, Шаховской, Никита Юрьевичъ Трубецкой, Юсуповъ, Куракинъ, Строгановъ и князья Щербатовы. Изъ родословныхъ, не княжескихъ фамилій: графъ Мусинъ-Пушкинъ, графъ Апраксинъ, Измайловъ, Вельяминовъ, Лопухинъ, Салтыковы, Нарышкины, Колычевъ, Дмитріевъ-Мамоновъ, Шереметьевъ и др. (Корсаковъ, 193—239 с.).

содержатъ въ себѣ одну и туже общую мысль объ ограниченіи власти Анны Ивановны, къ которому стремились и родовитые верховники. Для достиженія этой цѣли, а также обезпеченія отъ произвола со стороны знатныхъ фамилій, шляхетство считало необходимымъ самому сначала обсудить необходимыя измѣненія въ государственномъ устройствѣ [1]), а потомъ участвовать въ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ правленія [2]). По убѣжденію шляхетства господство аристократіи („общенародія“, по выраженію проэкта князя А. М. Черкасскаго) есть лучшая гарантія противъ злоупотребленій власти [3]). Одни изъ проэктовъ шляхетства оставляютъ Верховный Тайный Совѣтъ, но желаютъ увеличить число его членовъ [4]); другіе, напротивъ, предлагаютъ упразднить совѣтъ и поставить вмѣсто него во главѣ управленія сенатъ. („Вышнее правительство“ по проэкту князя Черкасскаго), куда входятъ и члены уничтоженнаго Верховнаго Тайнаго Совѣта. Проэкты, допускающіе существованіе совѣта, требуютъ, чтобы на „упалыя мѣста“ въ немъ выбирались лица изъ генералитета и шляхетства, причемъ въ совѣтѣ и другихъ учрежденіяхъ не должно быть двухъ членовъ одной и той же фамиліи [5]). На помощь Вышнему Правительству или Правленію и „для расправныхъ и судныхъ дѣлъ“ проэкты предлагаютъ учредить Нижнее правительство—собраніе изъ представителей шляхетства, которое участвуетъ въ созданіи законовъ [6]). Шляхетство и генералитетъ выбираютъ членовъ Вышняго правительства, сената, президентовъ коллегій, воеводъ и губернаторовъ, причемъ наблюдается тоже правило объ ограниченіи числа членовъ изъ одной фамиліи. Кромѣ обыкновенныхъ высшихъ учрежденій,

---

1) См.: „Способы, которыми, какъ видитца, порядочнѣе, основательнѣе и тверже можно сочинить и утвердить извѣстное, толь важное и полезное всему народу дѣло“—Корсаковъ, 172—174 с. 2—3) Корсаковъ, 148—149 и 156 с. 4) Проэкты Секіотова, Матюшкина, Колычева и анонимная записка. 5) Проэктъ Черкасскаго (5 п.), графа Мусина-Пушкина и Матюшкина. 6) См. проэкты князя Черкасскаго и Матюшкина.

шляхетство думаетъ организовать еще родъ учредительнаго собранія, которое состоитъ изъ всѣхъ членовъ Вышняго и Нижняго правительства и составляется періодически для „обсужденія важныхъ государственныхъ дѣлъ и дополненій уставовъ и пользы государственной“ [1]). Эти собранія созываются генералитетомъ и шляхетствомъ. Всѣ проэкты выставляютъ требованія сословныхъ льготъ для шляхетства, причемъ нѣкоторые наиболѣе аристократическіе проэкты (проэктъ князя Черкасскаго, анонимная записка и проэктъ 13) выдѣляютъ изъ среды шляхетства родовую аристократію („фамильныхъ особъ“). Всѣ проэкты одинаково настаиваютъ на: 1) опредѣленіи срока военной службы, 2) отмѣнѣ обязательнаго для шляхетства поступленія въ солдаты и матросы, 3) улучшеніи быта офицеровъ и 4) уничтоженіи закона объ майоратѣ. Шляхетство требуетъ, чтобы ранги давались по заслугамъ и чтобы каждый занималъ только одну должность. Наконецъ, въ шляхетскихъ проэктахъ встрѣчаются и мѣры относительно улучшенія быта духовенства, купечества и крестьянскаго населенія [2]).

Проэкты шляхетства показываютъ, что все русское дворянство, въ рядахъ котораго были и представители знатныхъ родовитыхъ фамилій, раздѣляло политическіе взгляды членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта: все шляхетство, подобно верховникамъ, желало устроить правленіе государствомъ на аристократическихъ началахъ, ограничить въ пользу дворянства власть Анны Ивановны [3]). Шляхетство готово было идти рука объ руку съ верховниками при условіи его допущенія къ преобразованію государства, участія въ его управленіи и удовлетворенія настоятельныхъ нуждъ шляхетства. Мы уже знаемъ, какъ тяжелы были для рядоваго шляхетства вѣчная

1) Это учредительное собраніе называется въ проэктѣ Черкасскаго „Вышнимъ Собраніемъ“, а въ конспектѣ шляхетскихъ требованій „сеймомъ“. 2) Корсаковъ, н. с., 159—179 с. 3) „La cour de Russie“, 46 p.

обязательная служба въ арміи и во флотѣ и законъ о единонаслѣдіи Петра I. Поэтому-то требованіе отмѣны безсрочной военной службы и майората вошло во всѣ проэкты и впослѣдствіи было удовлетворено самой Анной Ивановной. Шляхетство было солидарно, какъ показываютъ пункты присяги князя Д. М. Голицына, съ верховниками во взглядахъ на общія основанія будущаго политическаго устройства и его общественный и національный характеръ. Обѣ стороны были согласны въ томъ, чтобы все русское дворянство, исключая иноземцевъ, управляло государствомъ посредствомъ проэктированныхъ общихъ учрежденій, чтобы при замѣщеніи должностей изъ среды всего дворянства принимались во вниманіе знатность происхожденія и личныя заслуги каждаго и, чтобы самое управленіе государствомъ велось въ интересахъ всего общества. Среднее дворянство, добивавшееся участія въ управленіи государствомъ наравнѣ съ знатными, родовитыми людьми, имѣло за себя аналогичный примѣръ изъ смутнаго времени. Извѣстно, что въ то время князь Салтыковъ, одинъ изъ потомковъ котораго (Сем. Андр. Салтыковъ) былъ въ числѣ лицъ, подписавшихъ наиболѣе аристократическій проэктъ князя Черкасскаго, вмѣстѣ съ другими второстепенными боярами предложилъ московскую корону польскому королевичу Владиславу на условіяхъ, ограничивающихъ его власть въ пользу всего боярскаго сословія. По договору съ Сигизмундомъ (въ янв. 1610 г.) среднее дворянство сохраняло свое жалованье, помѣстья и вотчины наравнѣ съ знатными боярами и допускалось къ управленію государствомъ. Въ договоръ же было включено условіе, чтобы „меньшіе люди“ были возвышаемы въ службѣ по заслугамъ [1]). Но это условіе не вошло въ договоръ знатнаго боярства съ гетманомъ Жолкевскимъ (въ авг. 1670 г.): здѣсь было только ска-

1) См. выше, 451—453 стр. нашей книги.

зано: „московскихъ княженецкихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцы въ отечествѣ и чести не тѣснити и не понижати“[1]). Слѣдовательно, уже тогда въ средѣ высшаго русскаго сословія была, вытекшая изъ историческихъ условій его жизни, мысль объ опасности наплыва иностранцевъ для его правъ, выразившаяся въ шляхетскихъ проэктахъ и пунктахъ присяги князя Д. М. Голицына. Въ силу августовскаго договора 1610 г. власть должна была сосредоточиться въ рукахъ знатныхъ бояръ (членовъ думы), которымъ она дѣйствительно принадлежала въ эпоху междуцарствія. Отъ бояръ должны были зависѣть всѣ измѣненія въ законодательствѣ, обложеніе новыми податьми, судъ, ссылка въ заточеніе и конфискація имуществъ. Верховники остались также вѣрными преданіямъ старины[2]), когда они составляли свои „кондиціи“, въ которыхъ обезпечивалось исключительное, привиллегированное участіе въ управленіи государствомъ только высшему слою дворянскаго сословія. Кондиціи, подписанныя Анной Ивановной въ Митавѣ, состояли изъ восьми пунктовъ, въ силу которыхъ всѣ важнѣйшія государственныя дѣла разрѣшались только съ согласія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Эти дѣла были: начатіе войны и заключеніе мира, наложеніе новыхъ податей, производство въ высшіе штатскіе и военные чины и опредѣленіе въ высшія должности, пожалованіе вотчинъ и деревень и придворныхъ чиновъ,

1) См. выше, 451—453 с. нашей книги. 2) Примѣчаніе. Въ тогдашнемъ обществѣ жило сознаніе связи событій 1730 года съ прошлымъ Россіи. Такъ Татищевъ, доказывая вредъ господства нашей аристократіи, ссылается на бѣдствія удѣльнаго періода, который онъ признаетъ аристократическимъ (Корсаковъ, 153 с.). Маньянъ, сообщая о возстановленіи самодержавія, замѣчаетъ, что „по словамъ нѣкоторыхъ русскихъ, знакомыхъ нѣсколько съ исторіей своей страны, уже не въ первый разъ происходитъ подобный случай. Они увѣряютъ, что послѣдній царь изъ династіи Рюриковичей (В. И. Шуйскій), не имѣя наслѣдниковъ, предложилъ ограничить абсолютную власть въ пользу народа. Но предложеніе этого государя, будучи зрѣло обсуждено сообща значительнѣйшими лицами въ государствѣ, было отвергнуто, какъ вовсе неподходящее къ духу русскаго народа (Маньянъ, 506 с.).

расходованіе государственныхъ доходовъ и отнятіе у шляхетства его имѣній [1]). Участіе бояръ въ законодательствѣ, обложеніе новыми податьми и администрація и судъ во всемъ государствѣ при ихъ помощи были и въ числѣ условій, ограничивающихъ власть В. И. Шуйскаго въ пользу знатныхъ бояръ. Аристократическое движеніе 1730 г. имѣетъ еще и то общее съ событіями смутнаго времени и эпохи междуцарствія, что и въ 1730 г. сказались таже рознь и взаимная вражда между высшимъ и низшимъ слоями дворянства, которыя и теперь, какъ и ранѣе, погубили, и на этотъ разъ окончательно, общее его дѣло—обезпеченіе самостоятельнаго участія въ государственномъ управленіи. Верховники, за исключеніемъ князя Д. М. Голицына, хотѣли сначала захватить всю власть въ свои руки и исключить отъ пользованія ею рядовое дворянство, съ которымъ они вошли въ компромиссъ только послѣ того, какъ убѣдились въ невозможности достигнуть своихъ цѣлей однимъ. Въ свою очередь, и шляхетство (остальныя знатныя фамиліи, чиновные люди и дворяне), которое было не прочь отъ ограниченія власти Анны Ивановны въ пользу всего дворянства и сохраненія Верховнаго Тайнаго Совѣта, стало относиться враждебно къ верховникамъ, особенно же къ князьямъ Долгорукимъ, заявившимъ себя слишкомъ властолюбивыми, какъ только оно узнало, что большинство членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта желаетъ отстранить въ своихъ интересахъ все дворянство отъ управленія государствомъ[2]). Такъ дѣйствительно было и на самомъ дѣлѣ въ первые дни послѣ смерти Петра II.

---

1) Корсаковъ, 17—18 с., Минихъ (отецъ), 40—41 с., Минихъ (сынъ), 24 с., Рондо, 138—139 с., Ле-Фортъ, 359 с., Мардефельдъ, 404 с., Маньянъ, 494 с., Büsching, 19 s., Krusenstolpe: „Der russische Hof v. Peter I bis auf Nicolas I", Hamburg, 1855, I Theil, 142—143 s., Записки Манштейна, I Theil, 41—42 с.

2) Примѣчаніе. Тотъ фактъ, что верховники желали захватить власть въ свои руки только въ интересахъ знати, не подрываетъ общаго значенія событій 1730 г., аристократическаго характера всего движенія въ этомъ году. Стремленія верхов-

Въ собраніи членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта князь Д. М. Голицынъ, заявившій о прекращеніи кончиною Петра II мужскаго потомства Петра I, предложилъ избрать русской императрицей герцогиню курляндскую, Анну Ивановну. Когда остальные члены совѣта согласились съ княземъ Голицынымъ, послѣдній замѣтилъ, что нужно воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы „себѣ полегчить, воли прибавить: Россія весьма много претерпѣла, говорилъ Голицынъ, отъ самодержавной власти, подкрѣпленной толпою иностранцевъ, которыхъ Петръ привлекъ въ русское государство. Надлежитъ сію безмѣрную власть ограничить добрыми законами и не иначе подносить самодержавіе новой императрицѣ, какъ подъ извѣстными условіями". Эти условія („пункты") были составлены верховниками и отправлены съ депутатами (князьями В. Л. Долгорукимъ и М. М. Голицынымъ и генералъ-маіоромъ Леонтьевымъ) въ Митаву для подписи ихъ Анной Ивановной [1]). Верховники дѣйствовали тайно: о подробностяхъ избранія Анны Ивановны, которую согласились признать русской государыней члены синода, сената и генералитета, въ обществѣ не знали ничего опредѣленнаго. Скрытнымъ образомъ своихъ дѣйствій члены Верховнаго Тайнаго Совѣта нажили себѣ массу враговъ среди свѣтскихъ санов-

---

никовъ были олигархичны только въ томъ смыслѣ, что они *одни* желали въ будущемъ править государствомъ. Но какъ предшествующая ихъ дѣятельность, такъ и дѣйствія членовъ совѣта въ управленіи до провозглашенія Анны Ивановны самодержавной государыней доказываютъ, что они управляли государствомъ въ интересахъ всего народа, а не только своихъ собственныхъ. Поэтому проф. Корсаковъ правъ, когда онъ отвергаетъ обвиненія верховниковъ въ исключительныхъ олигархическихъ замыслахъ: шляхетство также требовало себѣ „воли" въ управленіи и извѣстныхъ сословныхъ привиллегій, которыя всегда принадлежатъ управляющему меньшинству въ каждомъ аристократическомъ государствѣ (Корсаковъ, 294—296 стр.). Русская знать была проникнута въ 1730 г. аристократическими тенденціями, но съ своеобразнымъ, русскимъ характеромъ, завѣщаннымъ московскою Русью: она стремилась управлять государствомъ одна безъ помощи рядоваго дворянства, особенно простаго происхожденія. 1) Маньянъ, 456—457 с., Де-Лирія, 29—30 с., Корсаковъ, 4 с. и сл. и приложенія (Депеши Вестфалена, 71—72 с.), Поповъ, 100—101 с.

никовъ, высшаго духовенства и шляхетства, неприглашенныхъ на совѣщаніе объ избраніи Анны Ивановны. „Вездѣ, писалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ—заклятой врагъ всей русской знати, особенно же князей Долгорукихъ и Голицыныхъ [1]),—слышались только горестныя нареканія на осмиричныхъ оныхъ затѣйщиковъ“ [2]). Послѣдніе, однако, не смущались этимъ и продолжали разрабатывать новую, желательную для нихъ аристократическую форму правленія, относительно которой еще не было единогласія въ средѣ верховниковъ. Маньянъ, извѣщая свое правительство объ отправленіи ими депутаціи къ курляндской принцессѣ съ предложеніемъ россійской короны на условіяхъ, ограничивающихъ ея власть, замѣчаетъ, что „верховники продолжаютъ работать надъ устройствомъ новой формы правленія. Нельзя еще сказать въ эту минуту (2 февр. 1730 г.), продолжаетъ Маньянъ, какова будетъ эта новая форма правленія, будетъ-ли оно устроено по образцу англійскаго правленія или же шведскаго. Намѣреніе старинныхъ русскихъ родовъ, однако, какъ понимаютъ, состоитъ въ томъ, чтобы воспользоваться такимъ благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ для своего освобожденія отъ ужаснаго рабства, въ которомъ до сихъ поръ они находились: они положатъ предѣлъ деспотической власти, съ которой русскіе монархи могли распоряжаться, по своей прихоти и произволу, жизнью и имуществомъ своихъ подданныхъ, безъ всякаго различія званій и безъ судебнаго разбирательства; вельможи русской имперіи, наравнѣ съ ея народомъ, не имѣютъ никакихъ привиллегій, спасающихъ ихъ отъ истязаній кнута и отъ лишенія званія и должностей“ [3]). Маньянъ подмѣтилъ и рѣзкую противоположность мнѣній о новой формѣ правленія въ средѣ знати и шляхетства. „По мнѣнію однихъ, говоритъ онъ, вновь избранная царица должна пользоваться лишь однимъ царскимъ титу-

1—2) Корсаковъ, 52 и 87 с. 3) Маньянъ, С. Р. И. О., LXXV, 458—459 с.

ломъ, а вся верховная власть должна быть сосредоточена въ собраніяхъ верховнаго совѣта, который одинъ будетъ въ правѣ располагать распредѣленіемъ должностей и управлять войскомъ; по мнѣнію же другихъ—установленіе подобнаго образа правленія не можетъ быть подходящимъ для мелкаго дворянства, составляющаго весьма значительную часть населенія въ здѣшнемъ государствѣ; нужно будетъ поставить нѣкоторыя условія, которыя предохранили бы это дворянство отъ неудобствъ, могущихъ въпослѣдствіи возникнуть"[1]). На аристократическій характеръ всего движенія 1730 г., партійность взглядовъ на новую форму правленія и рознь въ этомъ отношеніи между высшимъ и низшимъ слоями русскаго дворянства указываютъ и другіе представители иностранныхъ державъ при тогдашнемъ русскомъ дворѣ: Рондо[2]), Де-Лирія[3]), Ле-Фортъ[4]) и Мардефельдъ[5]). Дѣйствіями вер-

1) Маньянъ, С. Р. И. О., LXXV, 466—467 и 470—471 с. 2) Рондо говоритъ о мѣрахъ, принимаемыхъ верховнымъ совѣтомъ къ ограниченію права „бить кнутомъ, ссылать, казнить дворянъ по одному подозрѣнію, не давая имъ возможности оправдаться или даже узнать, въ чемъ они обвиняются". Сообщая проэктъ князя Д. М. Голицына, Рондо замѣчаетъ, что онъ „видѣлъ много другихъ проэктовъ „подписанныхъ представителями знатнѣйшихъ фамилій и представленныхъ въ Верховный Тайный Совѣтъ". Рондо находитъ ихъ мало продуманными: „привыкнувъ къ слѣпому повиновенію волѣ самодержавнаго монарха, русскіе не составили себѣ яснаго представленія объ ограниченномъ правленіи. Знати очень хотѣлось бы удержать власть въ своихъ рукахъ, мелкое же, помѣстное дворянство съ завистью глядитъ на такое присвоеніе власти, предпочитая повиноваться одному господину, чѣмъ многимъ, пока не обезпечитъ себѣ извѣстной свободы и безопасности отъ тиранніи знатныхъ фамилій (С. Р. И. О., LXVI, 133—136 с.). 3) Де-Лирія, упоминая о твердомъ рѣшеніи русской знати („націи") ограничить власть Анны Ивановны въ свою пользу, замѣчаетъ, что „еще не извѣстно, какая идея объ управленіи будетъ принята членами Верховнаго Тайнаго Совѣта. Вѣрно то, что они желаютъ, чтобы новая царица не занималась управленіемъ и въ тоже время тронъ принялъ бы законы, которые они на него налагаютъ. Партій среди дворянства, прибавляетъ Де-Лирія, безчисленное множество" („XVIII вѣкъ", III, 30 и 35 с.). 4) Ле-Фортъ подтверждаетъ (въ денешѣ отъ 2 февр.) существованіе въ дворянствѣ нѣсколькихъ плановъ управленія. „Одни, говоритъ онъ, хотятъ устроить его на подобіе Англіи, другіе—подобно Польшѣ, а третьи желаютъ республики безъ представителя, и тогда знатные уничтожили бы верховную власть и неограниченную независимость.

ховниковъ не былъ доволенъ самый горячій сторонникъ аристократическаго правленія въ Россіи, почти ближайшій свидѣтель событій 1730 г., князь М. М. Щербатовъ. „Уже собиравшіеся вельможи предопредѣлили, говоритъ онъ, великое намѣреніе, ежели бы самолюбіе и честолюбіе оное не помрачило, то есть, учинить основательные законы государству и власть государеву сенатомъ или парламентомъ ограничить. Но засѣданіе въ сенатѣ (Верх. Тайн. Совѣтѣ) токмо нѣкоторымъ родамъ предоставили; тако уменьшая излишнюю власть монарха, предавали ее множества вельможамъ со огорченьемъ множества знатныхъ родовъ и вмѣсто одного толпу государей сочиняли“ [1]). Сильное негодованіе на „затѣйку“ верховниковъ высказывалось и провинціальнымъ шляхетствомъ. „Слышно здѣсь, писало неизвѣстное лицо изъ дворянъ князю Салтыкову, что дѣлается у Васъ, или уже и сдѣлано, чтобы быть у насъ республикѣ. Я зѣло въ томъ сумнителенъ. Боже сохрани, чтобы не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій, и такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ горше прежняго идолопоклонничать и

„Новый образъ правленія, составляемый вельможами, пишетъ Ле-Фортъ 6 февр. подаетъ поводъ къ волненіямъ въ мелкомъ дворянствѣ; они говорятъ между собою: знатные предполагаютъ ограничить деспотизмъ и неограниченную власть. Эта власть должна быть умѣрена совѣтомъ, который мало по малу захватитъ въ свои руки бразды правленія. Кто намъ поручится, что нѣсколько времени спустя вмѣсто царя мы увидимъ въ лицѣ каждаго члена этого совѣта тирана, своими притѣсненіями сдѣлавшаго насъ рабами пуще прежняго? У насъ нѣтъ законовъ, которымъ бы долженъ былъ слѣдовать совѣтъ; они сами издаютъ законы и потому во всякое время могутъ ихъ уничтожить и въ Россіи будетъ господствовать анархія“ (С. Р. И. О., V, 345 и 347 с. 5) Мардефельдъ доноситъ 6 февр. изъ Москвы: „здѣсь повидимому настало междуцарствіе: всѣ дѣла лежатъ безъ производства и ничего не отправляется. Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта ежедневно собираются съ цѣлью измышлять аристократическій образъ правленія. Но духовенство и незнатное дворянство сопротивляются этому плану и желаютъ себѣ лучше одного правителя, чѣмъ восьмерыхъ“ (С. Р. И. О., XV, 408 с.).—1) Щербатовъ: „О поврежденіи нравовъ“ (Русск. Старина, 1870, II, 47 стр.).

милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно, понеже нынѣ между главными, какъ бы согласно ни было, однако жь впредь, конечно, у нихъ безъ разборовъ не будетъ; и такъ одинъ будетъ миловать, а другіе, на того яряся, вредить и губить станутъ“. Авторъ письма говоритъ еще о томъ, что „хотя бы и вольныя всего общества голосы требованы въ правленіи дѣлъ были, однакожъ бездѣльные ласкатели всегда будутъ то говорить, что главнымъ надобно“, что „главные для своихъ интересовъ будутъ прибирать къ себѣ изъ мелочи больше партизановъ и кого захотятъ, того выводить и производить станутъ, и что въ случаѣ войны, что и положено будетъ, то будетъ на главныхъ всегда въ доимкахъ, и мы, средніе, одни будемъ оставаться въ платежахъ и во всѣхъ тяготахъ“ [1]. При всей розни между верховниками и шляхетствомъ въ средѣ послѣдняго были лица, явно симпатизировавшія ихъ планамъ и довольныя ходомъ дѣлъ правленія при членахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Бригадиръ Козловскій, пріѣхавшій въ Казань въ концѣ января 1730 г., разсказывалъ губернатору, извѣстному А. П. Волынскому: „теперь у насъ прямое управленіе государства стало, порядочное, какого никогда не бывало и нынѣ уже прямое теченіе дѣламъ будетъ. Больше ни о чемъ не надо Бога просить, какъ только о томъ, чтобы между главными (то есть, членами Верховнаго Тайнаго Совѣта) согласіе было. А если будетъ между ими согласіе, такъ какъ положено, то конечно никто сего опровергнуть не можетъ. Есть нѣкоторые бездѣльники, продолжалъ Козловскій, которые трудятся и мѣшаютъ, однакожъ ничего не сдѣлаютъ; а больше всѣхъ мудрствуетъ съ своей партишкой князь А. М. Черкасскій, однакожъ ничего не успѣваютъ, и не сдѣлается“.

1) Чтенія въ общ. ист. и древностей россійскихъ, 1868, 38 с. смѣси, Сальникѣевское дѣло, „Др. и Новая Русь“, 1877, II, 34—35 с., Корсаковъ: „А. П. Волынскій“.

Вновь избранная императрица должна, по словамъ Козловскаго, „поступать такъ, какъ ей опредѣлено"; ей положено опредѣленное содержаніе и она безъ позволенія Верховнаго Тайнаго Совѣта „не повинна брать себѣ ничего, не давать никому деревень и денегъ, не держать при своемъ дворѣ своихъ свойственниковъ и никого не брать ко двору. И что она сдѣлана государыней, заключилъ Козловскій свой разсказъ, то только на первое время помазка по губамъ" [1]).

Въ то время, какъ продолжались волненія въ обществѣ и составлялись различные проэкты о новой формѣ правленія верховниками и членами знатныхъ фамилій и шляхетства, непопавшихъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, послѣдній правилъ вполнѣ государствомъ. Собственною властью онъ назначилъ двухъ новыхъ членовъ—фельдмаршаловъ, князей В. В. Долгорукаго и Голицына [2]) и наградилъ Леонтьева, который привезъ „кондиціи", подписанныя Анной Ивановной, чиномъ генералъ-лейтенанта [3]). Совѣтъ мало занимается внутренними дѣлами въ эти тревожные и роковые для него дни. Имъ только разсматриваются нѣкоторыя судебныя и хозяйственныя дѣла (дѣла по облегченію крестьянъ отъ уплаты недоимокъ, пожалованію деревень, назначенію въ должности и др.). Но особенно озабочивало членовъ совѣта дѣло объ избраніи императрицей Анны Ивановны на ограничительныхъ условіяхъ. 26 января князь В. Л. Долгорукой извѣстилъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта о согласіи на „кондиціи" Анны Ивановны, которыя она „обѣщалась содержать всѣ безъ всякаго изъятія". 28 января совѣтъ пишетъ В. Л. Долгорукому, чтобы онъ немедленно прислалъ эти „кондиціи", которыя и были привезены въ Москву 1-го февраля Леонтьевымъ. На слѣдующій день совѣтъ пригла-

---

1) Корсаковъ, ibidem, 33 с., Соловьевъ, XIX, 263—264 с. 2) Маньянъ, 456 с., Ле-Фортъ, 344 с., Вестфаленъ, 72 р., Мардефельдъ, 404 с. 3) Маньянъ, 452 с., Мардефельдъ, 412 с.

силъ въ свое засѣданіе членовъ синода, сената, генералитета и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ въ государствѣ. Здѣсь было прочитано письмо Анны Ивановны къ членамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, въ которомъ она извѣщала, что приняла русскій престолъ, „повинуяся божеской волѣ и не хотя оставить отечества и вѣрныхъ своихъ подданныхъ. Понеже, говорилось далѣе въ письмѣ, къ тому моему намѣренію потребны благіе совѣты, какъ и во всѣхъ государствахъ чинится, того для предъ вступленіемъ моимъ на россійскій престолъ по здравомъ разсужденіи изобрѣли мы потребно и для пользы россійскаго государства и ко удовольствію вѣрныхъ нашихъ подданныхъ написать, какими способы мы то правленіе вести хощемъ“ [1]). Въ этотъ благопріятный моментъ для защиты самодержавныхъ правъ Анны Ивановны никто, однако, изъ числа 500 человѣкъ—членовъ синода, сената, генералитета и другихъ, присутствовавшихъ въ собраніи, не вступился за нихъ—доказательство того, что мысль объ ограниченіи правъ Анны Ивановны въ пользу дворянства была среди него общею [2]). Письмо ея и прочитанныя вслѣдъ за нимъ „кондиціи“ были молча выслушаны всѣми „персонами“, которыя потомъ подписали благодарственный протоколъ „за такую Е. И. В. милость и всѣ согласно объявили, что тою милостью весьма довольны“ [3]). Въ засѣданіи 2 февраля началось сближеніе верховниковъ съ остальною знатью и шляхетствомъ. Князь Черкасскій предложилъ вопросъ членамъ совѣта о томъ, „какимъ образомъ впредь то правленіе быть имѣетъ“, и получилъ въ отвѣтъ отъ князя Д. М. Голицына, чтобы онъ съ своими единомышленниками, „ища общей государственной пользы и благополучія“, написалъ проэктъ отъ себя и подалъ его въ со-

---

1) Чтенія въ общ. ист. и др. россійскихъ, 1858, III. Прот. 28 янв. и 2 февр. 1730 г. 2—3) Карповичъ, назв. статья, Отеч. Записки, 1872, II, 498—499 с.

вѣтъ на другой день[1]). Наконецъ, въ томъ же знаменательномъ засѣданіи совѣта былъ арестованъ верховниками опасный противникъ ихъ плановъ—Ягужинскій, который сначала самъ настаивалъ (въ засѣданіи совѣта 19 января) на томъ, чтобы „самодержавія не было“ и просилъ В. Л. Долгорукаго „прибавить какъ можно воли“[2]), но потомъ, видя пренебреженіе къ себѣ верховниковъ, рѣшился написать письмо къ Аннѣ Ивановнѣ объ олигархическихъ замыслахъ верховниковъ. Послѣ суда надъ Ягужинскимъ (3 февраля) совѣтъ лишилъ его всѣхъ чиновъ и орденовъ и оставилъ подъ арестомъ[3]).

Начиная съ 5 февраля, стали поступать въ совѣтъ проэкты знатныхъ лицъ, членовъ сената, генералитета и всего шляхетства, всесторонне обсуждавшаго предварительно вопросъ о государственныхъ преобразованіяхъ. Знать и шляхетство прямо обвиняли верховниковъ въ проэктѣ князя Черкасскаго въ томъ, что „они надлежащій порядокъ избранія преступили“, избравши тайно курляндскую герцогиню одни, а не „съ согласія всѣхъ подданныхъ, дерзнули собою единовластительство отставить и ввести аристократію“, поступили коварно, сочинивъ одни же пункты, и обманули все шляхетство и императрицу. „А понеже, говорилось въ проэктѣ, они (верховники) надъ пристойность и законъ самовольно властъ себѣ похитили, выключа достоинство и преимущество всего шляхетства и другихъ сановъ, то намъ должно и необходимо нужно прилежностью разсмотрѣть и потому представить, что къ пользѣ государства надлежитъ, и оное свое право защищать по крайней возможности, не давая тому закоснѣть, а паче опасаться, чтобъ они, видя насъ въ оплошности, на большій безпорядокъ не дерзнули“[4]).

1—2) Корсаковъ, 121—122 и 6 с. 3) Маньянъ, 482 с., Ле-Фортъ, 349 с., Де-Лирія, 39 с., Мардефельдъ, 410 с., Рондо, 152 с. 4) Н. Поповъ: „Татищевъ и его время“, 115 с., Корсаковъ, 157 с.

Шляхетство считало своимъ правомъ избраніе государя, когда умиралъ царь, неимѣвшій наслѣдника престола. „Съ кончиною государя, говоритъ авторъ проэкта князя Черкасскаго—Татищевъ, остаются равны вообще народы въ ихъ прежнемъ станѣ и никто ни надъ кѣмъ ни малѣйшей власти не имѣетъ; но чтобы нужныя расправа и правленіе не пресѣклись, *общенародіе* уступаетъ имъ только ту власть, какову и по прежнимъ законамъ имѣли, а болѣе безъ точнаго опредѣленія отъ народа никакъ требовать не могутъ“ [1]). Шляхетство не протестовало противъ избранія Анны Ивановны, которою „весь народъ доволенъ и никто не споритъ“. Но такъ какъ государынѣ, какъ „персонѣ женской недостаетъ знанія законовъ“, то „для помощи Е. В.“ Татищевъ предлагаетъ учредить нѣсколько установленій. Замѣчательно, что шляхетство сознаетъ необходимость особаго учрежденія совѣта при лицѣ монарха, какъ законосовѣщательнаго учрежденія. „Петръ Великій, писалъ Татищевъ, хотя и мудрый государь былъ, но въ своихъ законахъ многое усмотрѣлъ, что замѣнить нужно, для котораго велѣлъ всѣ оные собравъ разсмотрѣть и вновь сочинить; того ради лучше оное прежде изданія разсматривать, нежели издавъ перемѣнять, что съ честью монарха не согласуетъ; *оное же сочиненіе никакъ невозможно одному повѣрить*, хотя бы онъ искусенъ и въ намѣреніи никакія собственныя страсти не имѣлъ, по природѣ легко погрѣшить можетъ“ [2]). Почти во всѣхъ своихъ проэктахъ шляхетство предлагало мѣры для того, чтобы гарантировать себя отъ злоупотребленій властью со стороны верховниковъ и представителей знатныхъ фамилій. Такъ челобитныя требовали, чтобы въ совѣтѣ, сенатѣ и другихъ учрежденіяхъ не было членовъ одной и той же фамиліи [3]), и чтобы высшія правительственныя мѣста замѣ-

1) Поповъ, ibidem, 116 с. 2) Корсаковъ, ibidem: 157—158 с: 3) См. Проэкты князя Черкасскаго, Мусина-Пушкина, Матюшкина, проэктъ тринадцати и конспектъ шляхетскихъ требованій, Корсаковъ, 159 с. и сл.

щались по выбору посредствомъ баллотировки [1]). Но въ тоже время родовитые люди изъ челобитчиковъ требуютъ отдѣленія старинныхъ аристократическихъ родовъ („старыхъ и знатныхъ фамилій и особъ“) отъ новаго шляхетства, къ которому относился и весь генералитетъ [2]). Требованія „знатныхъ особъ“ и шляхетства не были пріятны верховникамъ, которые, по словамъ Ѳ. Прокоповича, „разсѣевали слухъ о страшныхъ на противниковъ своихъ угроженіяхъ“ [3]). Подъ вліяніемъ страха предъ верховниками и разъединенія въ средѣ шляхетства [4]), смущаемаго къ тому же сторонниками самодержавія (Остерманомъ, Ѳ. Прокоповичемъ и др.), оно готово было идти въ своихъ требованіяхъ на уступку верховникамъ [5]). Но и послѣдніе не могли похвалиться единодушіемъ и стойкостью въ преслѣдованіи своихъ плановъ. Ѳ. Прокоповичъ какъ бы заранѣе предвидѣлъ эти раздоры въ средѣ верховниковъ, когда описывалъ „горестныя нареканія на осмиричныхъ оныхъ затѣйщиковъ. Самымъ имъ господамъ, говорилъ Прокоповичъ, нельзя быть долго въ согласіи: сколько ихъ есть человѣкъ, чуть ли не только явится атамановъ междоусобныхъ браней“ [6]). Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, сознавая свою слабость, которая особенно ярко проявилась въ поспѣшныхъ и непослѣдовательныхъ ихъ распоряженіяхъ по поводу титула Анны Ивановны и изданія манифеста объ ея возшествіи на престолъ [7]), сами рѣшились сдѣлать нѣкоторыя уступки шляхетству. Съ этою цѣлью „они начали призывать къ себѣ первѣйшихъ изъ противной компаніи и принимать съ ласкосердіемъ и къ общему согласію преклонять, ротяся и присягая, что за собственнымъ интересомъ не гонятся“. Верховники увѣряли шляхетство, что

---

1) См. у Корсакова, ibidem, проэкты Черкасскаго, Мусина-Пушкина, анонимная записка и др. 2) Корсаковъ, 125—126, 134—135, 155—157, 159 и сл. (См. Проэкты Мусина-Пушкина, Матюшкина и—тринадцати), Соловьевъ, 256—257 с. 3 и 5) Корсаковъ, 158 и 296—297 с. 4) Поповъ, 106 с. 6—7) Корсаковъ, 87, 128—129, 136—137 и 145 с.

они „имѣютъ намѣреніе всѣ чины созвать и просить отвѣтовъ, что кому заблагоразсудится къ полезнѣйшему впредь состоянію государства, обѣщая скоро то учинить, а себя, яко невинныхъ, предъ всѣми оправдать“ [1]). Такъ, казалось, создавались само собою благопріятныя условія для гармоническаго и общаго дѣйствія знати и шляхетства въ одномъ выгодномъ для обѣихъ сторонъ направленіи. Но согласіе между высшимъ и низшимъ слоями дворянства не могло установиться вслѣдствіе того, что верховники дѣйствовали не искренно, стремились видимо къ тому, чтобы сконцентрировать власть въ средѣ только двухъ знатнѣйшихъ фамилій князей Голицыныхъ и Долгорукихъ [2]) и не желали собственно допускать къ дѣламъ управленія шляхетство. Единодушіе между верховниками и шляхетствомъ подрывалось еще высокомѣрнымъ и презрительнымъ отношеніемъ къ нему и высшимъ, вліятельнымъ членамъ духовенства одного изъ главнѣйшихъ „затѣйщиковъ“—князя Д. М. Голицына [3]), хотя въ тоже время шляхетство могло опереться только на него въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, гдѣ обсуждался извѣстный намъ проэктъ князя Голицына. Большинство изъ мелкихъ дворянъ не сочувствовало его плану, по которому предполагалось предоставить значительную долю участія въ управленіи представителемъ знатныхъ фамилій и шляхетства [4]). Наконецъ, успѣху общаго дѣла дворянства мѣшали происки и интриги Остермана, Ѳ. Прокоповича и другихъ лицъ изъ шляхетства и духовенства, стоявшихъ изъ за собственныхъ видовъ на сторонѣ самодержавія [5]).

Сторонники сохраненія въ Россіи самодержавной власти явились и начали дѣйствовать въ самый первый моментъ изб-

1) Поповъ, 107 с. (слова Ѳ. Прокоповича). 2) Маньянъ, С. Р. И. О., LXXV, 511 с., La cour de Russie, 29 p. 3) Корсаковъ, 125 с. 4) Маньянъ, 475—476 с. 5) Щербатовъ: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“, Рус. Старина, 1870, II, 49 с., Соловьевъ, XIX, 259 с., Поповъ, 108—110 с.

ранія Анны Ивановны. Кромѣ Ягужинскаго въ Митаву отправили въ одно и тоже время гонцовъ съ извѣстіемъ о замыслахъ верховниковъ Ѳеофанъ Прокоповичъ и Рейнгольдъ Левенвольде [1]). Особенно много сдѣлалъ для возстановленія самодержавія Анны Ивановны Остерманъ, которому упроченіе власти родословной русской знати и вообще аристократіи грозило потерей всякаго вліянія на дѣла управленія и, быть можетъ, предстоящей высылкой изъ Россіи [2]). Остерманъ зналъ о ненависти къ нему обоихъ князей Голицыныхъ; ему также было извѣстно о сильной враждѣ къ иностранцамъ среди шляхетства, которое устраняло „иноземцевъ“ отъ обсужденія плана государственныхъ преобразованій и, какъ и князь Д. М. Голицынъ, не желало допускать ихъ къ правительственнымъ должностямъ [3]). Положимъ, князь Голицынъ оставлялъ Остермана изъ уваженія къ его заслугамъ въ числѣ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта [4]), но этимъ Остерманъ ставился въ зависимость отъ милости и расположенія къ нему верховниковъ, по отношенію къ которымъ онъ въ теченіе всѣхъ событій 1730 г. велъ себя двусмысленно, уклоняясь подъ предлогомъ болѣзни отъ рѣшительнаго выраженія своихъ взглядовъ и симпатій [5]). Теряя почти все при предполагаемомъ переходѣ власти къ старорусской, знатной партіи и

---

1) Записки Миниха (сына), 25 с. 2) Остерману сочувствовалъ среди членовъ совѣта только великій канцлеръ, графъ Головкинъ, который происходилъ изъ незнатнаго рода и не могъ разсчитывать на вліятельное положеніе въ управленіи. Головкинъ не обладалъ выдающимися административными способностями (Рондо, 156 с.) и дѣйствовалъ въ пользу самодержавія чрезъ своего зятя, Ягужинскаго (La cour de Russie, 23—24 p.). 3—4) См. Способы etc., Корсак въ, 173 с. „Планъ Голицына“, ibidem, 181 с. 5) При первомъ же слухѣ о составленіи верховниками „кондицій“ Остерманъ, по словамъ Рондо, „сообразивъ, что предположенныя перемѣны значительно уменьшатъ его значеніе, подчинивъ его верховному совѣту, задумалъ было уклониться отъ участія въ нихъ и, чтобы не подписывать проэкта, слегъ какъ бы въ припадкѣ подагры. Но Долгорукой и Голицынъ явились къ нему на домъ и заставили барона подписаться вопреки его склонностямъ“ (152 с., ср. „Записки Манштейна“, I, 43 с., Ле-Фортъ, 359 с., Де-Лирія, 35 с., Мардефельдъ, 406—408, 411 и 413—414 с.).

шляхетству [1]), Остерманъ, напротивъ, пріобрѣталъ себѣ вновь первое мѣсто въ управленіи при возстановленіи самодержавія, съ которымъ соединялось на этотъ разъ упроченіе вліянія на управленіе нѣмцевъ [2]). Другой видный сторонникъ самодержавія, Ѳ. Прокоповичъ также разсчитывалъ при самодержавіи Анны Ивановны на возвышеніе своего значенія, но только въ синодѣ [3]): онъ уже разъ пострадалъ за свои симпатіи къ протестантству [4]). Ѳ. Прокоповичъ былъ твердо убѣжденъ, что для Россіи возможно только монархическое правленіе: „понеже русскій народъ, говорилъ онъ, таковъ есть отъ природы, что только самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ" [5]). Остерманъ и Прокоповичъ находили поддержку своей дѣятельности въ пользу самодержавія въ средѣ шляхетства, гдѣ было много лицъ, недовольныхъ дѣйствіями верховниковъ и склонявшихся къ самодержавію, какъ къ исконному образу правленія русскимъ государствомъ. Сама Анна Ивановна также не была расположена къ аристократическимъ планамъ верховниковъ и сочувствовавшимъ имъ представителямъ знатнаго и рядоваго дворянства. Новая императрица хорошо помнила, какою неограниченною властью пользовался въ Россіи ея отецъ, уважала старыя учрежденія [6]) и съ самаго начала событій 1730 г. явно обнаружила склонность присвоить себѣ самодержавную власть. Въ своей борьбѣ съ верховниками и шляхетствомъ она поспѣшила опереться на войско, какъ на дѣйствительную силу [7]). По прибытіи въ село Всесвятское (около Москвы) Анна Ивановна

1) Маньянъ писалъ (6 февр.) своему правительству, что „преобладающее вліяніе Остермана на дѣла Россіи далеко не будетъ такимъ впредь при уничтоженіи старыхъ формъ правленія, вслѣдствіе чего верховная власть будетъ предоставлена старорусской партіи; сомнительно, добавлялъ Маньянъ, чтобы честолюбивый Остерманъ могъ помириться съ этою властью" (С. Р. И. О., LXXV, 498 с.). 2) Андреевъ: „Представители власти въ Россіи послѣ Петра I", Спб., 1871, 74—75 с. 3) Щербатовъ: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи", Рус. Старина, 1870, II, ibidem. 4) См. выше дѣло съ Ѳеофаномъ архимандрита Маркелла. 5) Корсаковъ, 93 с. 6) Щербатовъ, id., 51 с. 7) Карновичъ, II, 507 с.

на объявила себя полковникомъ преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ, „что было принято, по словамъ Де-Лиріи, этими двумя полками съ величайшею радостью и удовольствіемъ. Эта рѣшимость Анны Ивановны поразила многихъ, потому что это—формальный актъ самодержавія“ [1]). Другимъ такимъ актомъ было назначеніе императрицей графа С. А. Салтыкова подполковникомъ гвардіи [2]). Въ тоже время, вопреки желанію совѣта, Анной Ивановной былъ посланъ въ Митаву приказъ Бирону, чтобы онъ немедленно прибылъ въ Москву [3]). По словамъ Манштейна, Анна Ивановна „употребляла многіе способы“, къ достиженію своего намѣренія „стать русской государыней“, что она съ этою цѣлью при помощи Остермана „сѣяла несогласіе и вражду между членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, возбуждала гвардію противъ Долгорукихъ, которые желали будто бы ограничить ея власть лишь въ своихъ интересахъ. Мелкому же дворянству было внушено, что при господствѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта никто изъ нихъ не можетъ получить какого-либо чина и мѣста, и что весь народъ будетъ рабомъ совѣта [4]).

---

1) Де-Лирія, 42 с., Ле-Фортъ, 357 с., Herrmann, IV, 543 s. 2) Записки Манштейна, I, 48 с. 3) Манштейнъ, ibidem, Замѣчанія на „Записки Манштейна“, см. приложеніе къ „Запискамъ Миниха“, 139 с. 4) Манштейнъ, I. 48—49 с., Crusenstolpe: „Der russische Hof v. Peter I bis auf Nicolaus I“, Hamburg, 1855. I Theil, 146 s., Корсаковъ, 254—255 с. Авторъ „Замѣчаній на „Записки Манштейна“ сомнѣвается въ достовѣрности его свѣдѣній о стараніяхъ Анны Ивановны привлечь на свою сторону гвардію и шляхетство: по его мнѣнію „она не имѣла надобности въ такомъ образѣ дѣйствій, такъ какъ россійское дворянство, пріобыкшее въ теченіе многихъ столѣтій повиноваться самодержавной власти, дышало неимовѣрною любовью къ своимъ монархамъ“ (138 с.). Но хотя въ средѣ дворянства было, безъ сомнѣнія, много искреннихъ сторонниковъ самодержавной власти, видѣвшихъ въ Аннѣ Ивановнѣ законную наслѣдницу престола (Корсаковъ, 85 с.), въ тоже время было немало и такихъ, которые, какъ мы видѣли, были не прочь отъ ограниченія самодержавія въ пользу всего дворянства. Поэтому Карновичъ правъ, когда онъ сомнѣвается, чтобы всѣ слухи распускались дѣйствительно сторонниками самодержавія Анны Ивановны: они прямо противорѣчатъ требованіямъ шляхетскихъ проэктовъ. Скорѣе можно думать, что слухи распространялись челобитчиками на случай неудачи своихъ плановъ (Карновичъ, II, 508—509 с.).

Сами верховники помогали осуществленію намѣреній Анны Ивановны необдуманнымъ образомъ своихъ дѣйствій. Арестъ Ягужинскаго хотя и „выказалъ, по словамъ Ле-Форта, во всемъ блескѣ силу власти верховниковъ" [1]), въ тоже время подрывалъ уваженіе къ Верховному Тайному Совѣту за его самовольный и деспотическій образъ дѣйствій: „хотятъ, писалъ Лефортъ, уничтожить самодержавіе верховной власти, а верховный тайный совѣтъ самъ же дѣйствуетъ деспотически, дѣлаетъ дѣла, не спросясь никого, будто неотвѣтственное государственное учрежденіе. Этотъ опрометчивый образъ дѣйствій открываетъ глаза народу и подкрѣпляетъ его въ приверженности къ стародавнему и обыклому" [2]). Верховники „знали, что множество благородныхъ были весьма недовольны учиненными ими статьями, которыя въ руки нѣкоторыхъ родовъ всю власть правительства вручали" [3]) и принимали всякія предосторожности для того, чтобы не допустить сношеній недовольныхъ съ императрицей [4]). Съ пріѣздомъ Анны Ивановны въ Москву (10 февр.) верховники не оставили своего намѣренія удержать власть въ своихъ рукахъ и всего дворянства. Съ этою цѣлью они вошли въ компромиссъ съ нѣкоторыми лицами изъ шляхетства, результатомъ котораго было согласіе „на упалыя мѣста въ совѣтѣ выбирать кандидатовъ совѣту обще съ сенатомъ и для апробаціи представлять Е. И. В. изъ первыхъ фамилій, генералитета и шляхетства людей вѣрныхъ и обществу народному доброжелательныхъ (не воспоминая объ иноземцахъ). Въ совѣтѣ могло быть не больше двухъ персонъ одной фамиліи. Для совѣту и разсужденія о государственныхъ но-

---

1—2) Лефортъ, 351—352 с., Ле-Фортъ же сообщаетъ, что верховники два раза предлагали Ягужинскому возвратить ему свободу и всѣ чины и ордена, но онъ, „поддерживаемый главной партіей", не желалъ мириться съ ними, ожидая пріѣзда царицы (153—154 с.). 3—4) Щербатовъ, 48 с. При представленіи дворянъ Аннѣ Ивановнѣ въ с. Всесвятскомъ Долгорукіе наблюдали за тѣмъ, чтобы кто-либо не подалъ какой записки государынѣ (ibidem).

выхъ и важныхъ дѣлахъ должны были собираться въ совѣтѣ сенатъ, генералитетъ, коллежскіе чины и знатное шляхетство" [1]). Этотъ актъ былъ подписанъ членами совѣта и многими знатными лицами (графомъ Апраксинымъ, княземъ Н. Ю. Трубецкимъ, князьями М. В., С. Г. и И. Г. Долгорукими, графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, княземъ М. М. Голицынымъ и др.) [2]). „Чтобы убѣгнуть разногласія" между членами совѣта и шляхетствомъ, князь В. Л. Долгорукой предложилъ увеличить число членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта „главными" лицами, избранными изъ среды генералитета и шляхетства, и разсмотрѣть общественныя нужды выборными отъ шляхетства [3]). Въ полной увѣренности, что власть останется въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ и при новой императрицѣ, которую верховники связали ограничительными условіями, они продолжали спокойно заниматься текущими дѣлами управленія, внутренними и внѣшними. Такъ Верховный Тайный Совѣтъ разсматривалъ (10—24 февр. 1730 г.) вопросъ о казенныхъ лѣсахъ въ Казанской губерніи, сдѣлалъ распоряженіе о выдачѣ денегъ на содержаніе крѣпостей и чеканкѣ монеты. Совѣтъ потребовалъ изъ сената представить „доношенія" по разнымъ дѣламъ и постановилъ наказать разныхъ лицъ за прежнія преступленія и проступки. 17—18 февраля совѣтъ занимался иностранными дѣлами и, между прочимъ, отдалъ приказъ, чтобы тридцатитысячное вспомогательное войско, обѣщанное римскому императору, было готово къ походу [4]). Между тѣмъ, Анна Ивановна, недовольная своею второстепенною ролью въ управленіи, упорно отказывалась явиться въ засѣданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта для того, чтобы торжественно подтвердить „конди-

1—3) Корсаковъ, 249—252 с. 4) Корсаковъ, 249—250 с., примѣчаніе, Де-Лирія, 52 с., Мардефельдъ, 413 с.. Мардефельдъ передаетъ, что, по мнѣнію многихъ, этотъ приказъ только отданъ для того, чтобы показать, что Россія въ случаѣ введенія ограниченной монархіи въ состояніи будетъ дѣйствовать съ тою же силою и энергіей, какъ при неограниченномъ самодержавіи (ibidem).

ціи". Это послѣднее обстоятельство сильно смущало верховниковъ и они, по словамъ Ле-Форта, сами рѣшились предложить самодержавіе Аннѣ Ивановнѣ, которая возразила имъ, что „для нея недостаточно быть объявленной самодержицей только восемью лицами" [1]). „Несогласія между членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, который не могъ установить точнаго образа правленія, помогали лишь укрѣпленію власти государыни" [2]), которая знала о дѣйствіяхъ партіи, желавшей провозгласить ее самодержавной императрицей [3]). Въ пользу Анны Ивановны продолжалъ работать Остерманъ, который распространялъ среди гвардіи и шляхетства слухи, компрометирующіе фамилію князей Долгорукихъ. Послѣднихъ не любили вообще за ихъ непомѣрныя властолюбивыя претензіи въ прежнее царствованіе. Теперь А. Г. Долгорукой прямо обвинялся въ злоупотребленіи властью при Петрѣ II и въ обществѣ упорно держалось мнѣніе, что князя А. Г. съ его сыномъ „заставятъ отдать отчетъ въ веденіи дѣлъ и растратѣ казенныхъ денегъ, доходящей до милліона рублей" [4]). „Дворянство открыто требовало, чтобы князю А. Г. Долгорукому было запрещено впредь участвовать въ какомъ-либо вышнемъ правительствѣ" [5]). Но общее неудовольствіе среди дворянства было направлено не противъ только князя А. Г. Долгорукаго, потерявшаго всякое вліяніе въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ со дня смерти Петра II [6]), а и противъ фельдмаршала В. В. Долгорукаго [7]) и князя В. Л. Долгорукаго, который не допускалъ къ императрицѣ никого изъ своихъ противниковъ, охранялъ ее, по выраженію Прокоповича, „какъ бы нѣкій драконъ" [8]). Василій Лу-

---

1) Ле-Фортъ, С. Р. И. О., V, 367 с. 2) Ле-Фортъ, 360 с., Манштейнъ, I, 55 с. 3) Сторонники самодержавія сносились съ Анной Ивановной при посредствѣ ея сестеръ (герцогини Мекленбургской, Екатерины Ивановны и Прасковьи Ивановны и ея родственницъ: Салтыковой, Лопухиной и др.), Маньянъ, 505 с. 4) Ле-Фортъ, 359 с., Де-Лирія, 35 с. 5—7) Ле-Фортъ, стр.: 360 и 348. 8) Корсаковъ, 258 с.

кичъ преслѣдовалъ при этомъ свои личныя цѣли и „хотя толковалъ о свободѣ“, но самъ „держалъ тайно вмѣстѣ съ Остерманомъ сторону царицы“ [1]). Съ самаго ея пріѣзда онъ велъ себя двусмысленно. Такъ, когда совѣтъ поручилъ Василію Лукичу заставить Анну Ивановну вторично подписать „кондиціи“, самъ онъ не подписалъ на нихъ своего имени. Не присутствуя въ засѣданіяхъ совѣта, В. Л. Долгорукой „единственно искалъ расположенія царицы [2]), которой онъ внушалъ, по словамъ Маньяна, „намѣреніе сдѣлаться неограниченной монархиней, какъ были ея предки, воспользовавшись для этой цѣли замѣшательствомъ, въ которомъ находятся составители проэктовъ реформъ въ государственномъ управленіи“ [3]). Эти замѣшательства старался производить въ средѣ шляхетства Ѳ. Прокоповичъ съ подчиненнымъ ему духовенствомъ. Маньянъ писалъ (3 апр. 1730 г.), что „нѣкоторые наиболѣе хитрые люди изъ духовенства, оскорбленные тѣмъ, что ихъ исключили изъ собранія государственныхъ чиновъ, дѣлали всякія усилія, чтобы возстановить мелкое дворянство противъ верховнаго совѣта, и главныхъ членовъ послѣдняго изображали злодѣями, желавшими измѣненія формы правленія только для того, чтобы самимъ завладѣть верховною властью; вслѣдствіе чего рабское положеніе дворянства станетъ еще несравненно менѣе выносимымъ, чѣмъ при сохраненіи самодержавной власти“ [4]). Въ свою очередь, „Остерманъ, говоритъ Маньянъ, не преминулъ воспользоваться без-

1—2) Ле-Фортъ, 353 и 358 с. 3) Маньянъ, 495 и 497 с. 4) N. Tourgueneff: „La Russie et les russes“, Bruxelles, 1847, III, notes, 280 p.. Какую вражду питало духовенство къ верховникамъ, это видно изъ записки, которая была составлена, вѣроятно, кѣмъ-либо изъ лицъ, близкихъ къ Ѳ. Прокоповичу, уже послѣ провозглашенія Анны Ивановны самодержавной и носила заглавіе: „Изъясненіе, каковыхъ были нѣкіихъ лицъ умыслы, затѣйки и дѣйствія въ призывѣ на престолъ Е. И. В.“ Авторъ записки задался цѣлью „изъяснить намѣренія и дѣйствія“ членовъ соовѣта въ „сей затѣйкѣ“, въ которой обнаружились „приватные интересы“ князей Голицыныхъ и Долгорукихъ. Поэтому онъ разбираетъ шагъ за шагомъ всю ихъ дѣятельность, начиная со смерти Петра II и

порядкомъ, порождаемымъ разногласіями" между шляхетствомъ и верховниками, которые не желали, вопреки настойчивому требованію мелкаго дворянства, допустить въ совѣтъ кого-либо изъ ихъ среды. Остерманъ внушалъ Аннѣ Ивановнѣ, что „она достигла трона по праву рожденія" и поэтому должна отвергнуть „кондиціи", которыхъ „не предлагали даже Екатеринѣ I, не смотря на ея происхожденіе изъ ничтожества"[1]). Остерманъ агитировалъ въ гвардіи съ помощью ея офицеровъ изъ знати: князя Кантеміра, „искавшаго себѣ почестей и богатства"[2]), графа Матвѣева, князя Волконскаго, князя П. Б. Черкасскаго, князей Салтыковыхъ и многихъ другихъ[3]). Остерману удалось привлечь на свою сторону и наиболѣе видныхъ изъ числа лицъ, подававшихъ проэкты въ Верховный Тайный Совѣтъ: князя А. М. Черкасскаго, недовольнаго Долгорукими за оскорбленіе его шурина, князя Никиты Юрьевича Трубецкого[4]), отца этого послѣдняго и князя С. А. Салтыкова, близкаго родственника Анны Ивановны. Намѣреніе В. Л. Долгорукаго арестовать 25 февраля графа Головкина, князей А. М. Черкасскаго, Барятинскаго и Остермана, который успѣлъ узнать о грозившей всей его партіи участи[5]), ускорило дѣло провозглашенія самодержавія. Въ этотъ день къ императрицѣ явилась депутація отъ шляхетства во главѣ съ княземъ А. М. Черкасскимъ и просила Анну Ивановну назначить общее соб-

---

до принесенія присяги Аннѣ Ивановнѣ (20 февр.) и, между прочимъ, укоряетъ верховниковъ въ томъ, что „они въ чинъ царской самозваніемъ вступили, государыню самодержавія лишивъ, лишить намѣрены и короны за неисполненіе кондицій: а себѣ ни суду, ни наказанію не поддали, и потому на свою компанію самодержавіе перенесли" (Михайловъ: „Сборникъ историч. матеріаловъ и документовъ, относящихся къ новой русской исторіи XVIII и XIX вѣка", Спб., 1873, 11—16 с. 1) N. Tourgueneff, ibidem, 279—280 p. 2 и 4) Щербатовъ, н. с., Рус. Старина, 1870, II, 49 с. 3) Корсаковъ, 258 с. у сл.. Въ это время была пущена названными лицами среди шляхетства извѣстная намъ записка анонимнаго автора изъ провинціи, въ которой доказывалась польза самодержавія для соблюденія интересовъ мелкаго дворянства (Корсаковъ, 264 с.). 5) Herrmann, IV, 544 s.

раніе генералитета, офицеровъ и шляхетства по одному или по два лица отъ фамиліи для разсмотрѣнія по большинству голосовъ и составленія „формы государственнаго правленія", которую шляхетство предполагало потомъ представить на утвержденіе государыни [1]). Это прошеніе шляхетства, мотивированное желаніемъ разъяснить „для пользы и спокойствія всего государства сумнительства въ пунктахъ", ясно доказывало, что шляхетство не думало о безусловномъ возстановленіи самодержавія [2]). „Неудивительно, поэтому, замѣчаетъ проф. Корсаковъ, было смущеніе Анны Ивановны, которая ожидала провозглашенія ея самодержавія, а ей вдругъ поднесли челобитную съ просьбой обсудить кондиціи и шляхетскіе проэкты выборными отъ генералитета и шляхетства" [3]). При видѣ колебанія императрицы В. Л. Долгорукой предложилъ обсудить челобитную шляхетства въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, но Анна Ивановна, ободренная поддержкой своей сестры, Екатерины Ивановны, позволила самому шляхетству обсудить свое прошеніе и въ тотъ же день сообщить ей о результатахъ своихъ совѣщаній. Когда шляхетство удалилось съ этою цѣлью въ особую залу, въ его средѣ раздались голоса о томъ, что необходимо просить императрицу принять „самодержавіе, какое имѣли ея славные и достохвальные предки", и уничтожить пункты. Въ новой своей челобитной, представленной Аннѣ Ивановнѣ, шляхетство просило государыню „сочинить вмѣсто верхов-

---

1 и 3) Корсаковъ, 271—272 с., По словамъ Маньяна, прошеніе шляхетства „содержало въ себѣ девять статей, редактированныхъ княземъ Черкасскимъ по тѣмъ пунктамъ, которые были подписаны государыней въ Митавѣ". Шляхетство просило Анну Ивановну „одобрить и утвердить эти статьи въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были составлены, если только она не предпочитаетъ объявить свою волю въ пользу сохраненія самодержавной власти" (С. Р. И. О., LXXV 503 с.). Де-Лирія замѣчаетъ, что „князь Черкасскій представилъ для подписи Аннѣ Ивановнѣ проэктъ, въ которомъ власть императрицы сильно ограничивалась разными учрежденіями" („XVIII вѣкъ", Ш, 53 с., депеши Рондо, 139 с. и Ле-Форта, 368 с.). 2) Карновичъ, II, 511 с.

наго совѣта и высокаго сената одинъ правительствующій сенатъ, какъ было при Петрѣ I", и назначить въ него 21 члена. Кромѣ того, шляхетство просило предоставить ему право выбирать „баллотированіемъ на упалыя мѣста" въ сенатъ, въ губернаторы и президенты и установить для предбудущихъ временъ форму правительства"[1]). Въ прошеніи не было и помину о „кондиціяхъ" и скромныя требованія шляхетства не могли уже смутить Анну Ивановну, которой оно прямо предложило давно желанную самодержавную власть. Убѣдившись въ побѣдѣ идеи самодержавія надъ аристократическими стремленіями дворянства, императрица, поддержанная войскомъ[2]), начинаетъ дѣйствовать рѣшительно и при безмолвномъ согласіи верховниковъ объявляетъ себя самодержавной русской императрицей и разрываетъ пункты"[3]).

Такъ, не смотря на четырехлѣтнее господство въ управленіи русской аристократіи и соединенныя усилія знати и шляхетства къ упроченію своей власти и на будущее время, въ Россіи вновь восторжествовала идея самодержавія, пустившая глубокіе корни среди всего народа и самого дворянства. Русская аристократія оказалась неспособною въ виду сильнаго развитія самодержавной власти удержать за собою управленіе государствомъ, которое попало въ руки знати послѣ Петра I, благодаря слабости его преемниковъ и нѣкоторымъ другимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ. Весь ходъ событій 1730 г. указываетъ на глубокую взаимную вражду и рознь между высшимъ и низшимъ слоями русскаго дворянства. Представители того и другаго преслѣдовали свои личные интересы даже при общемъ ихъ дѣлѣ, встрѣчавшемъ явное сочувствіе не только въ средѣ всей знати, гдѣ еще были живы аристо-

---

1) „Повидимому, шляхетство имѣло намѣреніе, замѣчаетъ Германнъ, низвергнуть высшую аристократію, но еще спасти для себя нѣкоторыя льготы" (Herrmann, IV, 546 s.). 2) Соловьевъ, XIX, 266 с. 3) Маньянъ, 511—512 с., Рондо, 153 с., Де-Лирія, 53 с., Herrmann, 545 s., Корсаковъ, 273—277 с.

кратическія традиціи, но и простаго, рядоваго дворянства. Полная неудача „затѣйки“ 1730 г. оказалась гибельною для аристократическихъ плановъ русскаго дворянства, на мѣстѣ котораго въ царствованіе Анны Ивановны становятся и овладѣваютъ всѣми дѣлами государственнаго управленія нѣмцы [1]). На нихъ поспѣшила опереться Анна Ивановна, которая сама стала почти нѣмкой въ теченіе своего 18-лѣтняго пребыванія въ Курляндіи [2]) и не могла разсчитывать на знатное русское дворянство, едва неоставившее ее съ номинальной только властью [3]). Нѣмецкая олигархія систематически искореняла родословныхъ русскихъ людей (князей Долгорукихъ, Голицыныхъ и др.) [4]), мѣшавшихъ нѣмцамъ преслѣдовать свои эгоистическіе интересы [5]). Въ продолженіе царствованія Анны Ивановны знатные русскіе роды терпѣли всякаго рода униженія со стороны самой императрицы и особенно ея любимца—Бирона. „Россійскіе князья изъ знатнѣйшихъ фамилій должны были записываться въ роли придворныхъ шутовъ и дураковъ“ [6]). Князь Щербатовъ сильно негодуетъ по поводу того, что при Аннѣ Ивановнѣ „благороднѣйшихъ родовъ люди (князь М. Голицынъ, князь Н. Ф. Волконскій и графъ Апраксинъ) въ столь подлую должность были опредѣлены“ [7]). Въ суровое ея правленіе „вельможи учинились, говоритъ Щербатовъ, не совѣтниками, но дакальщиками государевыми и его любимцевъ во всѣхъ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ имѣли причину опасаться противорѣчіемъ своимъ неудовольствіе приключить“. Сенаторы, „сіи перваго правительства присутствующіе принуждены были отъ любимца чужестранца (Бирона) вытерпѣть безмолственно“ всякія оскорбленія [8]). Извѣстно, какая жестокая участь

1) Пекарскій: „Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи“, Спб., 1862, 36 с., Андреевъ, н. с., 75 с., Яблочковъ, 431 с., 2) „La cour de Russie“, 46 р. 3) Соловьевъ, 270 с., Crusenstolpe, I, 153 s. 4) Щербатовъ, 52 с., Манштейнъ, I, 58—62 с., Соловьевъ, 316—329 и 325—326 с. 5) Корсаковъ, 300—302 с. 6) Записки Миниха (сына), 93 с. 7—8) Щербатовъ, н. с., ibid., 52—53 с.

постигла кабинетъ-министра, А. П. Волынскаго, задумавшаго было освободить страну отъ ига нѣмцевъ и особенно деспотическаго режима Бирона, „чрезъ котораго царица, по словамъ Шетарди, только и видѣла, и слышала, и говорила“ [1]). А. П. Волынскій сочувствовалъ шляхетскимъ требованіямъ въ 1730 г. и въ своемъ „Генеральномъ проэктѣ“ обнаруживалъ желаніе распространить служебныя права и привиллегіи шляхетства до участія его въ управленіи страной; шляхетство должно было обучаться наукамъ въ чужихъ краяхъ для того, чтобы „у насъ были свои природные министры“. Волынскій мечталъ устроить изъ сената „высшее правительство“, которое состояло бы изъ представителей лучшихъ русскихъ фамилій [2]), устраненныхъ нѣмцами отъ дѣлъ правленія. Господство нѣмецкой партіи въ управленіи возбуждало страшное негодованіе въ средѣ знатнаго русскаго дворянства [3]). Недовольство послѣдняго увеличивалось еще болѣе при видѣ „всѣхъ усилій“, которыя „иноземное правительство употребляло для притѣсненія и разогнанія старинныхъ русскихъ фамилій“ [4]). Но всѣ опасенія нѣмецкой партіи, что власть можетъ снова перейти въ руки высшаго русскаго дворянства, были напрасны: послѣднее было теперь далеко отъ властолюбивыхъ плановъ, которые не могли осуществиться даже въ 1730 г. при болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Первымъ актомъ самодержавной власти *Анны Ивановны* (1730—1740) было уничтоженіе Верховнаго Тайнаго Совѣта [5]), которымъ она была недовольна за стремленіе верховниковъ ограничить ея власть [6]), и возстановленіе сената (4 марта 1830 г.) [7]), сообразно просьбѣ генералитета и шля-

1) Пекарскій, 20 с. 2) Корсаковъ: „А. П. Волынскій“ („Древняя и Новая Россія“), II, 32—36 и 291—292 с. 3 - 4) Пекарскій, 40 с. 5 и 7) Чт. въ общ. ист. и древн. россійскихъ, 1858 г., III, Прот. 4 марта 1730 г., П. С. З., VIII, № 5510, 6) Манштейнъ, I, 57 с.

хетства съ тѣмъ значеніемъ, какое онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ. Императрица назначила въ сенатъ столько членовъ, сколько просило шляхетство—21. Въ число ихъ попали верховники (Головкинъ, оба князя Долгорукихъ, Василій Лукичъ и Василій Владиміровичъ, князья Голицыны, Димитрій и Михаилъ, и Остерманъ) и лица, оказавшія услугу государынѣ 25 февр. (князь А. Черкасскій, князья Трубецкіе, Юсуповъ, Салтыковъ, Ягужинскій и др.)[1]). Дѣятельность реставрированнаго сената по сравненію съ энергичнымъ и властолюбивымъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ не была такъ замѣтна, особенно на первыхъ порахъ, когда, казалось, императрица „не хотѣла допускать, чтобы кто-либо управлялъ ею и дѣйствовала самостоятельно“[2]). Такъ долго удаленная отъ дѣлъ правленія, Анна Ивановна „теперь желала знать о всѣхъ дѣлахъ сама и видѣть все собственными глазами“[3]). Возстановляя правительствующій сенатъ, она, съ одной стороны, исполнила просьбу шляхетства и генералитета, которые помогли ей сдѣлаться самодержавной государыней, а съ другой—„удалила отъ себя непріятныхъ для нея и негодныхъ членовъ упраздненнаго совѣта“[4]). Что императрица не думала надѣлять большою властью сенатъ, это видно изъ того, что Ягужинскій, попавшій въ особую милость къ Аннѣ Ивановнѣ, „употребилъ всѣ усилія не участвовать въ немъ“[5]) и, все таки, былъ туда назначенъ; напуганная попыткой верховниковъ, императрица, очевидно, не хотѣла, чтобы сенатъ пріобрѣлъ большое вліяніе на дѣла управленія[6]) и предпочитала рѣшать ихъ съ лицами, пользующимися ея довѣріемъ. Поэтому вскорѣ послѣ возстанов-

1) Соловьевъ, XIX, 271—272 с. 2) Ле-Фортъ, 374 с. 3) Манштейнъ, I, 57 с. 4) Ле-Фортъ, ibidem. Германнъ говоритъ, что „дѣятельность сената была такъ ограничена, что на него тогда смотрѣли, какъ на старую кладовую для помѣщенія тѣхъ высокопоставленныхъ лицъ, которыхъ хотѣли устранить, а въ случаѣ надобности совершенно удалить изъ государственной службы“ (IV, 547 s.). 5) Ле-Фортъ, 372 с. 6) La cour de Russie, 40—41 p.

ленія первенствующаго значенія сената въ управленіи прошелъ слухъ (въ началѣ апрѣля 1730 г.) объ образованіи новаго учрежденія—кабинета изъ нѣсколькихъ членовъ, которымъ Анна Ивановна оказывала особенное довѣріе [1]). Членами этого кабинета, который существовалъ фактически съ первыхъ дней самодержавнаго ея царствованія, были: Ягужинскій, Головкинъ, Салтыковъ и Черкасскій [2]). Но негласными и главнѣйшими совѣтниками Анны Ивановны сдѣлались Остерманъ и особенно Биронъ [3]). Прежде, однако, чѣмъ нѣмцы окончательно захватили въ свои руки всѣ дѣла управленія, сенатъ поспѣшилъ воспользоваться предоставленными ему правами въ государственномъ управленіи. Хотя, по замѣчанію Сперанскаго, „съ возвращеніемъ при Аннѣ Ивановнѣ имени сенату и не была возвращена ему прежняя власть" [4]), однако, онъ оставался во главѣ управленія почти два года, впредь до оффиціальнаго учрежденія кабинета (10 ноября 1731 г.). Сенатъ при Аннѣ Ивановнѣ, за исключеніемъ этихъ первыхъ двухъ лѣтъ ея царствованія, не былъ, какъ при Петрѣ I, высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, въ которомъ сосредоточивались бы всѣ дѣла управленія: законодательныя, административныя и судебныя. Значеніе государственнаго совѣта, какое сенатъ имѣлъ при Петрѣ I, было отнято у него еще при Екатеринѣ I и Петрѣ II Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ [5]), мѣсто котораго занялъ при Аннѣ Ивановнѣ кабинетъ (съ 1731 г.). Сама императрица сначала прилагала много заботъ къ тому, чтобы дать сенату организацію, при которой всѣ дѣла управленія могли бы идти скорѣе и лучше. Съ этою цѣлью сенатъ былъ раздѣленъ на пять департаментовъ, по которымъ были распре-

---

1) Маньянъ, 521 с. 2) Ле-Фортъ, 377 с. 3) Маньянъ, 508 с., С. Р. И. О., LXXV, и Tourgueneff, III, 282—284 p., Ле-Фортъ, 382 с., Минихъ, (сынъ), 92 с., Манштейнъ, I, 165 с., Herrmann, 548 s. 4) Сперанскій, 28 с. 5) Ѳ. Дмитріевъ: „Графъ Сперанскій", Москва, 1863, 42 и 50 с.

дѣлены всѣ административныя и судебныя дѣла, и установленъ порядокъ дѣлопроизводства въ департаментахъ [1]). Раздѣленіе сената на департаменты было вызвано, главнымъ образомъ, накопленіемъ въ немъ судебныхъ дѣлъ [2]). Со времени Анны Ивановны, слѣдовательно, начинаетъ замѣтнымъ образомъ обозначаться значеніе сената, какъ преимущественно высшаго судебнаго института въ государствѣ, между тѣмъ какъ законодательство въ соединеніи съ главными отраслями администраціи составляетъ функцію особыхъ высшихъ учрежденій [3]). Для того, чтобы „челобитчики могли получить по дѣламъ своимъ справедливое и скорое рѣшеніе и искоренить непорядки и утѣсненіе бѣднымъ“ была возстановлена въ сенатѣ должность генералъ-прокурора, которая, по словамъ указа, „была неизвѣстно кѣмъ отставлена“ [4]). При помощи генералъ-прокурора въ сенатѣ сосредоточиваются разныя отрасли управленія и принимаются мѣры къ устраненію безотвѣтственности отдѣльныхъ его органовъ. Съ этою цѣлью, напримѣръ, былъ возстановленъ сибирскій приказъ [5]), которому предстояло уничтожить зло въ управленіи огромными областями имперіи, вытекавшее изъ безотвѣтственности губернаторовъ и воеводъ. Контролю сената подлежитъ дѣятельность всѣхъ коллегій [6]) и областнаго управленія. Сенатъ приказываетъ назначить воеводъ на два года; они оставляются въ своей должности и послѣ этого срока, если окажутся исправными въ отправленіи своихъ обязанностей [7]). Сенатъ принимаетъ мѣры относительно улучшенія состоянія арміи и флота [8]), торговли, медицинскаго дѣла и народнаго благосостоянія [9]). Самъ сенатъ признаетъ себя блюстителемъ правосудія въ странѣ, такъ какъ по его ини-

---

1) П. С. З., VIII, №№ 5570, 5587, 5606. 2—3) Дмитріевъ, 52, 50—51 с. 4) П. С. З., VIII, № 5625. 5) VIII, № 5659. 6) VIII, №№ 5518, 5567, 5662 и 5860. 7) VIII, №№ 5522 и 5598. 8) VIII, №№ 5504, 5505 и 5593, Соловьевъ, XIX, 285 с. 9) VIII, №№ 5086, 5594, 5620, 5644 и 5832.

ціативѣ возстановлена должность рекетмейстера въ сенатѣ [1]). Для избѣжанія несправедливыхъ рѣшеній въ судахъ сенатъ приказалъ „спорныя дѣла слушать при истцахъ и отвѣтчикахъ“ [2]). Сенатъ разрѣшаетъ въ качествѣ первой судебной инстанціи отдѣльные казусы. Такъ въ іюнѣ 1731 г. онъ производитъ дознаніе по дѣлу о непослушаніи бывшаго генералъ-лейтенанта Румянцева, отказавшагося въ „несвойственныхъ выраженіяхъ“, оскорбительныхъ для нѣмцевъ, отъ должности президента штатсъ-конторы. Сенатъ приговариваетъ его къ смертной казни и конфискаціи имущества [3]). Въ промежутокъ времени отъ возстановленія Анной Ивановной сената до оффиціальнаго учрежденія кабинета сенату принадлежало участіе въ законодательной дѣятельности. Такъ въ это время былъ изданъ въ немъ подробный регламентъ для камеръ-коллегіи [4]). По представленію сената бергъ-коллегія и мануфактуръ-контора были соединены съ коммерцъ-коллегіей въ виду того, что отъ раздѣленія ихъ „никакой пользы не было, кромѣ казеннаго убытка, и въ дѣлахъ затрудненія, и между ними излишней переписки“ [5]). По докладу сената былъ измѣненъ законъ о маіоратѣ [6]). Сенатъ занимается составленіемъ новаго уложенія [7]) и вопросами о равномѣрномъ уравненіи жалованья между военными и статскими чиновниками [8]) и регулированіи сбора подушныхъ денегъ съ крестьянъ, который былъ порученъ, какъ и при Петрѣ I, военнымъ чинамъ [9])

Сенатъ при Аннѣ Ивановнѣ не могъ долго сохранить своего первенствующаго значенія въ государственномъ управленіи. Какъ коллегіальное учрежденіе, состоящее изъ множества членовъ, сенатъ не могъ быть совѣтомъ при государынѣ, съ помощью котораго она рѣшала бы важнѣй-

---

1) VIII, № 6534. 2) VIII, № 5689. 3) Ле-Фортъ, С. Р. И. О., V, 429 с. 4) VIII, №№ 5789 и 5795. 5) VIII, № 5860. 6) VIII, № 5653. 7) VIII, №№ 5467, 5567 и 5577. 8) VIII, № 5806. 9) 1-е П. С. З., VIII, № 5789.

шія государственныя дѣла [1]). Часть ихъ—тайныя судебныя дѣла были еще въ мартѣ 1731 г. изъяты изъ вѣдомства сената и подчинены канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ [2]). Сенатъ, какъ многочисленное коллегіальное учрежденіе, не могъ удовлетворять потребности въ быстрыхъ административныхъ мѣрахъ, въ которыхъ такъ нуждалась обширная область внутренняго управленія, развившагося со времени Петра I [3]). Въ виду этихъ обстоятельствъ мѣсто сената въ управленіи скоро занялъ вновь организованный (10 ноября 1731 г.) императрицей *Кабинетъ*, начавшій дѣйствовать фактически съ первымъ же дней царствованія Анны Ивановны. Кабинетъ явился въ одно и тоже время государственнымъ совѣтомъ и министерствомъ, хотя сенатъ и продолжалъ заниматься послѣ его учрежденія многими вопросами внутренняго управленія. Князь Щербатовъ замѣчаетъ по поводу учрежденія кабинета, что „Анна Ивановна была любительница порядка и благоустройства, ничего спѣшнаго и безъ совѣту искуснѣйшихъ людей государства не начинала, отчего всѣ ея узаконенія ясны и опредѣленны". Щербатовъ относится одобрительно къ самому учрежденію кабинета, гдѣ „одинъ другому каждый мысли свои изъяснялъ и осмѣливался самой государынѣ при докладахъ противорѣчить" [4]) Значеніе совѣта придаетъ кабинету и фельдмаршалъ Минихъ, игравшій такую важную роль въ управленіи при Аннѣ Ивановнѣ. По его словамъ, кабинетъ былъ образованъ съ цѣлью „наполнить пустоту между верховной властью и сенатомъ", завѣдовалъ важнѣйшими государственными дѣлами и посылалъ именные указы сенату и другимъ присутственнымъ мѣстамъ [5]). Сынъ Миниха назы-

1) Дмитріевъ, 52—53 с., Соловьевъ, XIX, 328 с. 2) П. С. З., VIII, №№ 5727 и 5738. 3) Дмитріевъ, 51 с. 4) Щербатовъ, ibidem, 51 и 53 с. „Искуснѣйшіе люди государства", подававшіе совѣты Аннѣ Ивановнѣ въ кабинетѣ были, конечно, ея любимцы изъ нѣмцевъ; русскіе же „вельможи учинились при ней, по словамъ Щербатова же, не совѣтниками, но дакальщиками государевыми и его любимцевъ" (ibidem): 5) Записки Миниха (отца), 44 с. Необходимо замѣ-

ваетъ кабинетъ тайнымъ совѣтомъ [1]). Манштейнъ, Бюшингъ и Германнъ замѣчаютъ, что кабинетъ при Аннѣ Ивановнѣ былъ учрежденъ вмѣсто упраздненнаго Верховнаго Тайнаго Совѣта, что въ кабинетѣ сосредоточилось „главное правленіе всѣми наиважнѣйшими государственными дѣлами, безъ его согласія не могло быть рѣшено ничего и нигдѣ", и что кабинетъ посылалъ указы сенату и другимъ коллегіямъ [2]). Графъ Сперанскій говоритъ, что „кабинетъ, учрежденный 10 ноября 1731 г, вмѣсто Верховнаго Тайнаго Совѣта, вступилъ во всѣ почти права его и сохранилъ ихъ до 1741 г." [3]). Сходство кабинета съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ выражается до нѣкоторой степени въ ихъ составѣ, но еще болѣе функціяхъ кабинета и его отношеніяхъ къ сенату и другимъ учрежденіямъ. Кабинетъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ самой царицы изъ канцлера, графа Головкина, князя Черкасскаго и графа Остермана. Впослѣдствіи въ числѣ его членовъ были Ягужинскій и А. П. Волынскій, сдѣлавшійся въ одно время даже „единственнымъ докладчикомъ по дѣламъ кабинета" [4]). Но при первоначальномъ его образованіи главнымъ руководителемъ и его душею былъ Остерманъ [5]), который вмѣстѣ съ Бирономъ и Левенвольде составляли при императрицѣ тріумвиратъ вліятельнѣйшихъ въ управленіи нѣмцевъ [6]). Головкинъ и Черкасскій участво-

---

тить, что „Записка" Миниха была составлена (въ 1763 г.) имъ по порученію Екатерины II съ цѣлью доказать необходимость учрежденія государственнаго совѣта, которымъ пополнялась бы, по выраженію Миниха, пустота между верховною властью и сенатомъ (предисл., XVII с.) Намъ еще придется говорить въ послѣдствіи объ этомъ проэктѣ Миниха. 1) Записки Миниха (сына), 29 с. 2) Манштейнъ, 1, 57 с., Büsching, 1Theil, 21 s., Herrmann, IV, 551 s. 3) Сперанскій: „О государственныхъ установленіяхъ", 28 с.. „Совѣщательныя соображенія", которыя составляютъ, по словамъ графа Сперанскаго, существо нашихъ законодательныхъ установленій, съ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, измѣненіемъ его силы и имени въ замѣняющихъ его учрежденіяхъ (Кабинетѣ и др) раздѣлялись между ними и сенатомъ съ 1726 г. по 1801 г." (ibidem, 36—37 с.). 4) Корсаковъ: „А. П. Волынскій" (Др. и Нов. Россія, II, 223 с.). 5) Записки Миниха (отца), 44—46 с. 6) Ле-Фортъ, 432 и 436 с. Записки Миниха (сына), 27—29 с.

вали въ кабинетѣ только „для виду и изъ угожденія къ народу“, русской аристократической партіи [1]), которая при Аннѣ Ивановнѣ лишилась главныхъ своихъ предводителей (князей Голицыныхъ и Долгорукихъ) и должна была уступить свое мѣсто въ управленіи нѣмцамъ [2]). Составъ кабинета былъ, слѣдовательно, также аристократическій; только въ немъ не было представителей русскихъ знатнѣйшихъ фамилій съ ихъ преданіями о своемъ прежнемъ, теперь невозвратно минувшемъ политическомъ значеніи. Между кабинетомъ и Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ есть еще и то сходство, что въ первомъ учрежденіи также, какъ и въ послѣднемъ, обнаружилось сильное вліяніе на дѣла личнаго начала, которое дѣлало изъ обоихъ коллегіальныхъ учрежденій орудіе личныхъ цѣлей его членовъ [3]). Значеніе Кабинета въ высшемъ русскомъ управленіи XVIII ст., однако, не исчерпывается однимъ этимъ личнымъ его значеніемъ. Кабинетъ былъ преемникомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта во всѣхъ его функціяхъ и ближе подходилъ по характеру своей дѣятельности къ монархическому государственному совѣту, нежели Верховный Тайный Совѣтъ, бывшій за все время своего существованія преимущественно органомъ русской аристократіи. Высшій правительственный авторитетъ кабинета выражался въ томъ, что его указы, подписанные тремя кабинетъ-министрами, получали силу именныхъ повелѣній [4]), точно также, какъ указы Верховнаго Тайнаго Совѣта, подписанные всѣми его членами, признавались равносильными повелѣніямъ императрицы Екатерины I [5]). Кабинетъ, какъ и совѣтъ, обладалъ всѣми правами власти: въ немъ обсуждались всѣ новыя законодательныя мѣры; изъ него же ис-

1) Ле-Фортъ, 437 с. 2) Herrmann, IV, 551 s., Ле-Фортъ, 446 и 450 с., Соловьевъ, XIX, 326—328 с., Яблочковъ, 431 с. 3) Градовскій: „Высшая администрація Россіи въ XVIII ст.“, 150 с. и сл. 4) П. С. З., IX, № 6745 и X № 7146. 4) Карновичъ, I, 222 с.

ходили высочайшія повелѣнія по дѣламъ всякаго рода. Кабинетъ контролировалъ дѣйствія всѣхъ учрежденій и принималъ дѣятельное участіе во всемъ управленіи государствомъ [1]). Кабинетъ былъ образованъ „для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, собственному Е. В. всемилостивѣйшему рѣшенію подлежащихъ“ [2]). Есть и еще одна общая черта въ политическомъ положеніи Кабинета и Верховнаго Тайнаго Совѣта, сближающая оба эти учрежденія. Какъ и послѣ появленія совѣта, при оффиціальномъ учрежденіи кабинета власть сената значительно упала [3]). Сенатъ долженъ былъ наравнѣ съ синодомъ, коллегіями и канцеляріями подавать въ кабинетъ ежемѣсячныя вѣдомости „объ успѣхѣ въ теченіи дѣлъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и о колодникахъ“ [4]). „Сенатъ, говоритъ Минихъ (отецъ), обратился при существованіи Кабинета въ ничто. Старые сенаторы, какъ напримѣръ, князь Д. М. Голицынъ и другіе, недовольные учрежденіемъ кабинета, никогда не ѣздили въ сенатъ, отговариваясь болѣзнью. Въ сенатѣ присутствовало только два лица: кригсъ-коммиссаръ Новосильцевъ и Сукинъ, который былъ обвиненъ въ лихоимствѣ. Фельдмаршалъ Трубецкой являлся въ сенатъ изрѣдка или по своимъ частнымъ дѣламъ, или же, чтобы выказать тамъ все свое ничтожество. Въ видахъ Остермана и Черкасскаго было, добавляетъ Минихъ, чтобы въ сенатѣ присутствовали только лица, ничего незначущія“ [5]). Въ сенатѣ, слѣдовательно, еще жили традиціи объ его важной роли въ управленіи, которую онъ занималъ при Петрѣ I. Это видно, между прочимъ, и изъ того, что сенатъ не хотѣлъ сразу стать „въ вассальныя отношенія къ кабинету“ [6]) и долго отказывался признавать его верховенство въ управленіи [7]). Но потомъ сенатъ долженъ былъ подчиниться ка-

1) Дмитріевъ, 51 с. 2) П. С. З., VIII, № 5871. 3) Ле-Фортъ, С. Р. И. О., V, 437—439 с. 4) П. С. З., VIII, № 5871, IX, №№ 6952, 7095 и 7114. 5) Записки Миниха (отца), 46 и 64 с., Büsching, 1 Theil, 21 s. 6—7) Градовскій, 154 с.

бинету, куда отсылались прямо всѣ пакеты на Высочайшее имя [1]). Сенатъ долженъ былъ доставлять въ кабинетъ срочныя вѣдомости о денежной казнѣ [2]) и копіи съ получаемыхъ вѣстей о пожарахъ [3]). Кабинетъ сообщалъ сенату свои резолюціи, посылаемыя имъ прямо въ разныя присутственныя мѣста, а о дѣлахъ, подлежащихъ тайнѣ, даже не считалъ нужнымъ увѣдомлять сенатъ [4]). Въ 1736 г. сенатъ подвергся новому униженію: въ это время былъ учрежденъ подъ предсѣдательствомъ самой императрицы Высшій Судъ по дѣлу князя Кантеміра, который жаловался на неправильное его рѣшеніе сенатомъ. Судъ списывался съ кабинетомъ сношеніями, а въ сенатъ, коллегіи и прочія мѣста посылалъ указы [5]). Вышній судъ нашелъ рѣшеніе сената неправильнымъ, хотя обвинилъ въ этомъ одного сенатскаго оберъ-секретаря, который „не представлялъ сенаторамъ о неправильности ихъ разсужденій и не записалъ своихъ представленій въ журналъ“ [6]). Въ 1737 г. коллегіи получили право штрафовать губернаторовъ, не докладывая объ этомъ сенату [7]). Въ томъ же году губернаторамъ предоставлено право безъ сношеній съ сенатомъ опредѣлять воеводъ и ихъ товарищей, „дабы въ дѣлахъ не было остановки, а по опредѣленіи писать въ сенатъ“ [8]). Но не смотря на эти явные признаки паденія власти сената, его значеніе въ управленіи возрастаетъ вновь, начиная съ того-же 1737 года. Въ 1737—1739 гг. начинается видимое сближеніе сената съ кабинетомъ: въ это время появляются „генеральныя собранія“, которыя составлялись изъ

Въ подлинныхъ дѣлахъ кабинета, хранящихся въ Архивѣ М. И. Дѣлъ въ Москвѣ, есть „Записная книга указамъ кабинета съ 12 іюня 1735 г., исходящимъ и приходящимъ въ кабинетъ доношеніямъ и рапортамъ“. Графа, отведенная для доношеній изъ сената и коллегій, пуста, между тѣмъ какъ другая графа приказаній кабинета сенату и коллегіямъ, полна его указами (подлинныя дѣла кабинета, 12 связка). Сенатъ сталъ присылать доношенія въ кабинетъ только съ 1736 г. (см. 26, 43 связки и др.).—1) П. С. З., IX, № 7059. 2) XI, № 8027. 3) X, № 7270 4) XI, №№ 8109, 8153 и др. 5) IX, № 7113. 6) X, № 7143. 7) IX, № 7240. 8) X, 7328.

членовъ кабинета, сенаторовъ и особыхъ лицъ, назначаемыхъ императрицей. Въ этихъ „генеральныхъ собраніяхъ“ обсуждались разные вопросы государственнаго управленія[1]). Число „генеральныхъ собраній“ увеличивается въ 1738—1739 гг. когда ослабляется вліяніе Остермана и усиливается значеніе въ кабинетѣ русской партіи (А. П. Волынскаго и др.). На 1737—1739 г.г. падаетъ необычайное развитіе дѣятельности кабинета, что находилось въ нѣкоторой связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ это время (въ 1739 г.) кабинетъ получилъ болѣе правильную организацію: „въ виду лучшаго отправленія дѣлъ“ онъ былъ раздѣленъ на три департамента или экспедиціи (внутреннюю, иностранную и секретную экспедицію) и его канцелярія получила болѣе лучшее устройство[2]). Волынскій, пользовавшійся тогда большимъ значеніемъ при Аннѣ Ивановнѣ, думаетъ о томъ, чтобы подчинить контролю кабинета три первыхъ коллегіи (военную, адмиралтейскую и коллегію иностранныхъ дѣлъ), которыя при самомъ учрежденіи кабинета сдѣлались отъ него независимыми точно также, какъ это произошло и при образованіи Верховнаго Тайнаго Совѣта. Волынскій предполагалъ ввести въ кабинетъ сенаторовъ и тѣмъ, отчасти, поднять упавшее съ 1731 г. значеніе сената въ управленіи[3]). Но сенатъ поднимается самъ въ концѣ царствованія Анны Ивановны, не смотря на то, что проэктъ Волынскаго не былъ выполненъ. Признаками увеличивающагося его могущества является учрежденіе (въ 1738 г.) должности оберъ-прокурора, обязаннаго наблюдать за дѣлопроизводствомъ и порядкомъ въ сенатѣ и коллегіяхъ, и вторичное возстановленіе должности генералъ-прокурора, исчезнувшей съ образованіемъ кабинета[4]). Теперь въ сенатъ должны были присылаться всѣ указы, исходящіе отъ императрицы и кабинета[5]). Всѣ коллегіи, не

1) Корсаковъ, ibidem, 220 с., Градовскій, 160 с. 2) П. С. З., X, № 7907. 3) Корсаковъ, ibidem, 222 с. 4) Градовскій, 158 с. 5) П. С. З., X, №№ 7558, 7486, 7621 и 7815, XI, №№ 8109, 8153 и 8584.

исключая и первыхъ трехъ, подчиняются сенату, къ которому они обращаются за разрѣшеніемъ дѣлъ въ сомнительныхъ случаяхъ [1]). Причина такого измѣненія въ отношеніяхъ сената къ кабинету, выгоднаго для перваго, скрывалась, очевидно, въ противодѣйствіи нѣмцамъ въ кабинетѣ русской партіи (Волынскаго и др.), которое выразилось въ усиленіи вліянія на все управленіе Волынскаго, много работавшаго надъ вопросомъ объ организаціи кабинета и сената, и обширномъ заговорѣ нѣкоторыхъ русскихъ дворянскихъ родовъ противъ господства нѣмцевъ въ управленіи. Въ этотъ заговоръ были замѣшаны многіе члены фамиліи Долгорукихъ, истребленные господствующею партіей [2]).

Въ сферу дѣятельности кабинета при Аннѣ Ивановнѣ входило обсужденіе многихъ настоятельныхъ вопросовъ общественной жизни и принятіе важнѣйшихъ мѣръ по управленію государствомъ, которое велось Остерманомъ и другими нѣмцами въ духѣ реформъ Петра I. Положимъ, кабинетъ занимался преимущественно военными и иностранными дѣлами [3]). Но и Верховный Тайный Совѣтъ посвящалъ немало времени разсмотрѣнію дѣлъ этого рода, какъ впослѣдствіи—конференція и совѣты при Екатеринѣ II и Павлѣ I, къ компетенціи которыхъ относились и всѣ дѣла внутренняго управленія государствомъ. Особенное вниманіе всѣхъ высшихъ русскихъ учрежденій (Верх. Тайн. Совѣта, Кабинета

1) П. С. З., XI, №№ 8295 и 8297. 2) Германнъ, С. Р. И. О., V, 404—407 с., La cour de Russie, 55 p. 3) Въ подлинныхъ протоколахъ засѣданій кабинета, составляющихъ 145 связокъ, военныя и иностранныя дѣла занимаютъ 9/10 всего ихъ количества. Даже въ періодъ времени 1737—1739 г., отъ котораго осталось наибольшее число дѣлъ кабинета (81 связка), внутреннія дѣла мало занимаютъ кабинетъ. Такъ, напр., въ протоколахъ за 1737 годъ среди разнаго рода военныхъ дѣлъ и инструкцій кабинета полномочнымъ русскимъ министромъ на турецкомъ конгрессѣ въ Немировѣ мы находимъ только: представленіе барона Шемберга въ „кабинетное министерство" о горныхъ и рѣдкостныхъ дѣлахъ, указъ кабинета къ нему, какъ генералъ-бергъ-директору, дѣло о пожалованіи „маетности" Васагофену и инструкцію чиновникамъ, отправленнымъ кабинетомъ для освидѣтельствованія тѣла какого-то умершаго дьячка (143 св.).

и др.) XVIII столѣтія къ внѣшнимъ дѣламъ вытекало изъ того обстоятельства, что въ это время русское правительство должно было прилагать много заботъ къ поддержанію своего политическаго авторитета между европейскими государствами, въ среду которыхъ русское государство вступило дѣятельнымъ членомъ со времени Петра I. Необыкновенное развитіе политическаго могущества, достигнутаго Россіей въ XVIII вѣкѣ, было одной изъ главныхъ задачъ дѣятельности всѣхъ русскихъ государей XVIII столѣтія, которымъ въ этомъ случаѣ помогали всѣ высшія правительственныя учрежденія съ значеніемъ государственнаго совѣта. Но занятія иностранными дѣлами не мѣшали послѣднимъ обращать свое вниманіе и на внутреннее управленіе государства. Такъ кабинетъ при Аннѣ Ивановнѣ принимаетъ мѣры для лучшей организаціи состава сената, коллегій и канцелярій[1]) и издаетъ указъ о должности губернскаго прокурора, который долженъ былъ подъ угрозой строгаго наказанія „смотрѣть накрѣпко, дабы губернаторы съ товарищи должность свою хранили и ревностно всѣ дѣла порядочно отправляли“ [2]). Въ 1737 г. кабинетъ предоставилъ коллегіямъ право штрафовать губернаторовъ, которые должны были „прилично и рачительно поступать въ порученныхъ имъ дѣлахъ“ [3]). Кабинетъ опредѣляетъ жалованье товарищамъ губернаторовъ и вице-губернаторамъ[4]) и поручаетъ губернаторамъ самимъ опредѣлять воеводъ и ихъ товарищей, „дабы въ дѣлахъ не было остановки“ [5]). Въ кабинетѣ издается манифестъ (въ 1736 г.) объ ограниченіи срока военной службы шляхетства 25 годами, котораго оно добивалось еще въ 1730 г.[6]). Дополненіемъ къ этому манифесту былъ указъ о регулированіи смотровъ недорослей изъ дворянъ и объ экзаменахъ для полученія офицерскаго чина [7]). Главнымъ предметомъ заботъ кабинета было упоря-

1) П. С. З., X, 7201. 2) IX, № 6475. 3) X, № 7240. 4) IX, № 6870. 5) X, № 7328. 6) IX, № 7142. 7) X, № 7171.

доченіе взиманія и увеличеніе государственныхъ доходовъ, необходимыхъ для содержанія арміи и флота при тѣхъ тяжелыхъ войнахъ, которыя велись Россіей въ царствованіе Анны Ивановны. Съ цѣлью ввести порядокъ въ сборѣ доходовъ и отчетности въ ихъ расходованіи кабинетъ возстанавливаетъ ревизіонъ-коллегію и снабжаетъ ее регламентомъ, въ силу котораго коллегія должна была имѣть „вышнюю дирекцію“ въ обревизованіи всѣхъ счетовъ, начиная съ 1732 года [1]). Счеты съ 1719 по 1732 г. должна была провѣрить вновь учрежденная генеральная счетная коммиссія [2]), которая вскорѣ была замѣнена особой конторой при ревизіонъ-коллегіи [3]). Взысканіе недоимокъ съ 1720—1732 г.г. было возложено кабинетомъ на вновь образованный доимочный приказъ, присоединенный потомъ къ канцеляріи конфискаціи [4]). Кабинетъ разсматривалъ подробно вопросъ объ увеличеніи податей съ ясачныхъ крестьянъ [5]) и о способахъ уплаты жалованья гражданскимъ чиновникамъ [6]). Кабинетъ завѣдовалъ коммиссіями, учрежденными для обревизованія счетовъ кригсъ-коммиссаріата и провіантской канцеляріи [7]). Сенатъ долженъ былъ представлять въ кабинетъ черезъ каждыя двѣ недѣли вѣдомости о состояніи „денежной казны“ [8]), а коммерцъ-коллегія отсылать къ нему пошлины, собираемыя съ паспортовъ [9]). Кабинетъ заботится о порядкѣ сбора рекрутъ [10]). Два раза въ годъ въ него доставляются табели о комплектномъ состояніи полковъ и аммуничныхъ вещахъ [11]). Съ цѣлью приведенія въ „добрый порядокъ“ флота была учреждена подъ дирекціей графа Остермана особая коммиссія [12]), а адмираламъ и вице-адмираламъ вмѣнено въ обязанность представлять въ кабинетъ письменныя мнѣнія о лучшемъ

---

1) П. С. З., IX, № 6391. 2) IX, № 6392. 3) IX, № 6863. 4) IX, №№ 5412, 6450, 6676, 6849 и 6880. 5) Соловьевъ, XX, 191—195 с. 6) П. С. З., IX, № 7107 и X, №№ 7812 и 7813. 7) VIII, № 6155. 8) XI, № 8027. 9) XI, № 8174. 10) Соловьевъ, XX, 182—183 с. 11) П. С. З., IX, № 6833. 12) VIII, № 5937.

содержаніи флота[1]). Для разведенія карабельныхъ лѣсовъ, ихъ сохраненія и порядка рубки кабинетъ издаетъ особую инструкцію[2]). Кабинетъ занимаетъ усиленіе промышленности въ странѣ[3]) и развитіе въ Россіи горнаго дѣла, для чего былъ изданъ (въ 1739 г.) кабинетомъ бергъ-регламентъ[4]). Кабинетъ обращалъ вниманіе также на состояніе земледѣлія и народнаго благосостоянія. Такъ ему доставлялись вѣдомости о цѣнѣ хлѣба[5]) и пожарахъ въ имперіи[6]). Въ отношеніи къ крестьянскому населенію кабинетъ принимаетъ нѣкоторыя мѣры, главнымъ образомъ, въ виду исправной уплаты крестьянами податей и взысканія съ нихъ недоимокъ[7]). Кабинетъ заботится объ общественной безопасности[8]). Ему представлялись изъ сената ежемѣсячныя вѣдомости о колодникахъ[9]), Кабинету же приносились жалобы не только на медленность судопроизводства, но и на несправедливость судебныхъ рѣшеній[10]). Иногда же самъ кабинетъ выступалъ въ качествѣ первой[11]) или же апелляціонной инстанціи въ судебныхъ дѣлахъ[12]).

Такимъ образомъ, кабинетъ при Аннѣ Ивановнѣ былъ высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, въ которомъ сосредоточивались законодательство, управленіе и, отчасти, судебныя дѣла. Послѣдними, впрочемъ, завѣдовалъ преимущественно сенатъ, которому остались и нѣкоторыя административныя дѣла. Необходимо замѣтить, что вообще трудно провести опредѣленную границу между вѣдомствомъ кабинета и сената при Аннѣ Ивановнѣ. Въ теченіе первой половины XVIII ст. еще не было опредѣленныхъ представленій объ

---

1) П. С. З., VIII, № 5939. 2) VIII, №№ 6027, 6048, 6049, 6111 и 6114. 3) IX, №№ 6546, 6551, 6858, 7060, X, № 7813, XI, № 8186. 4) X, №№ 7589 и 7766; Соловьевъ, XX, 193—208 с. 5) П. С. З., X, №№ 7238 и 7396. 6) X, № 7270. 7) VIII, № 6177, IX, №№ 6453, 6653, 6682 и 6951. 8) IX, № 6645. 9) IX, №№ 6952, 7095, 7114. 10) Градовскій, 164 с. 11) Подл. протоколы засѣданій кабинета, 43 связка. 12) См. дѣло князя Кантеміра, П. С. З., IX, № 7113.

особенностяхъ каждой изъ главныхъ функцій управленія, требовавшихъ и своеобразной организаціи разныхъ высшихъ установленій, и всѣ онѣ находились во многихъ учрежденіяхъ въ безпорядочномъ, смѣшанномъ видѣ. Такъ, напримѣръ, хотя законодательство и принадлежало кабинету, но въ тоже время и сенатъ продолжалъ заниматься составленіемъ новаго уложенія[1]). Сенатъ на ряду съ кабинетомъ заботится о лучшей организаціи служилаго сословія[2]), издаетъ указы вообще о сношеніяхъ между собой различныхъ коллегій и канцелярій[3]). Сенатъ обладаетъ правомъ разрѣшать затрудненія въ дѣлахъ, которыя коллегіи не могли устранить[4]). Сенатъ вмѣстѣ съ кабинетомъ принимаетъ общія полицейскія мѣры и вѣдаетъ подробности мѣстнаго управленія[5]). Не смотря, однако, на нѣкоторое совпаденіе правъ кабинета и сената въ управленіи, несомнѣнно, что кабинетъ при Аннѣ Ивановнѣ стоялъ во главѣ всей администраціи, а участіе сената въ законодательствѣ было совершенно случайно; сенатъ былъ лишенъ въ это время не только административной инициативы, но и права верховнаго надзора надъ управленіемъ[6]), который принадлежалъ кабинету[7]). Первыя три коллегіи не были подчинены сенату, такъ какъ ихъ президенты были членами кабинета[8]). Впрочемъ, эти коллегіи сохранили независимое положеніе даже и по отношенію къ самому кабинету. Особенно возвысилась военная коллегія, которою управлялъ фельдмаршалъ Минихъ. Она получила право не исполнять сенатскіе указы въ случаѣ противорѣчія ихъ съ именными[9]). Доклады и производство въ полковники и высшіе чины стали подаваться изъ военной коллегіи прямо императрицѣ помимо сената и кабинета[10]). Воен-

1) П. С. З., VIII, №№ 5567 и 5654. 2) X, №№ 7171, 7201, 7410, 7726, XI, №№ 8043 и 8195. 3) X, №№ 7240, 7439, 7478, 7485 и 7505. 4) IX, № 6758. 5) Градовскій, 156—158 с. 6 и 8) Дмитріевъ, 52 с., Записки Миниха (сына), 98 с. 7) П. З. З., VIII, №№ 5869, 5871 и 5872. 9) VIII, № 6176. 10) VIII №№ 5920, 6155, 6178 и 6299.

ная коллегія начала дѣлать распоряженія и по иностраннымъ дѣламъ безъ сношенія съ коллегіей иностранныхъ дѣлъ, что, наконецъ, вызвало запрещеніе подобнаго образа дѣйствій со стороны военной коллегіи [1]). Въ независимомъ положеніи трехъ первыхъ коллегій, какое онѣ заняли съ перваго же момента ихъ основанія по отношенію сначала къ сенату [2]), а потомъ Верховному Тайному Совѣту и кабинету проявилось, съ одной стороны, сильное дѣйствіе личнаго начала въ высшемъ русскомъ управленіи XVIII ст., а съ другой выразилась, хотя и смутно, идея о раздѣленіи функцій власти между отдѣльными учрежденіями [3]).

Кабинетъ при Аннѣ Ивановнѣ не былъ популяренъ въ странѣ [4]), хотя „дѣла въ немъ шли надлежащимъ порядкомъ“ [5]). Причина недовольства дѣятельностью кабинета заключалась въ господствѣ въ немъ и во всемъ тогдашнемъ управленіи иноземцевъ, думавшихъ болѣе о достиженіи своихъ личныхъ цѣлей, нежели о благосостояніи всего народа, который страшно разоряли громадные расходы на веденіе войнъ и лихоимство Бирона, неостанавливавшагося предъ жестокими и мучительными наказаніями за неплатежъ недоимокъ [6]). Но и послѣ смерти Анны Ивановны кабинетъ не только не теряетъ своей главной роли въ управленіи, но еще болѣе выигрываетъ во власти, становится настоящимъ центромъ всей администраціи. Въ правленіе герцога *Бирона* (17 окт.—8 ноября 1740 г.) и слабой и неопытной въ дѣлахъ управленія принцессы брауншвейгъ-люнебургской, *Анны Леопольдовны* (8 ноября 1740 г.—25 ноября 1741 г.), къ сыну которой, Ивану Антоновичу перешелъ русскій престолъ съ низверженіемъ регента Бирона, кабинетъ „принялъ было, по

1) П. С. З., VIII, № 6911. 2) Сперанскій, ibidem, 24 с. 3) Градовскій, 194 с. 4) Записки Миниха (отца), 46 с., Ле-Фортъ, С. Р. И. О., V, 439 с. 5) Щербатовъ, п. с., 53 с. 6) Замѣчанія на Записки Манштейна въ Запискахъ Миниха (сына), 173—174 с., Корсаковъ, ibidem, 218 с.

словамъ графа Н. И. Панина, такую форму, которая могла произвесть государево общее обо всемъ попеченіе"[1]), а на самомъ дѣлѣ „обратился въ дѣйствительнаго, безконтрольнаго правителя имперіи, прикрытаго именемъ императора и правительницы"[2]). Какъ и ранѣе, въ кабинетѣ коллегіальное начало уступало единоличному, представителемъ котораго былъ сначала фельдмаршалъ Минихъ, получившій за свои заслуги при воцареніи Ивана Антоновича званіе „перваго министра въ Е. И. В. консиліяхъ", то есть, въ кабинетѣ[3]). Хитрый и честолюбивый Остерманъ, нежелавшій уступить Миниху первенства въ управленіи государствомъ, съумѣлъ скоро устранить его „съ своего пути" и снова „стать полновластнымъ хозяиномъ въ государственномъ управленіи"[4]). Кабинетъ назывался теперь „консиліями Е. И. В."[5]), обладалъ, слѣдовательно, значеніемъ государственнаго совѣта и получилъ болѣе стройную организацію. По предложенію Миниха и Остермана[6]) онъ былъ раздѣленъ на три департамента: военный, порученный Миниху, морской и иностранный—Остерману и департаментъ внутреннихъ дѣлъ—князю Черкасскому и графу Головкину. Кабинетъ-министры (члены Кабинета) должны были разсматривать только тѣ дѣла, „кои до рѣшенія кабинета касаются". „Буде же которому департаменту случится, говорится въ указѣ, такое важное дѣло, которое требуетъ неотмѣннаго общаго разсужденія, а

---

1) Докладъ графа Н. И. Панина Екатеринѣ II (Рус. Архивъ, 1871, IX, 1414 с.). 2) Пестовъ: „Императорскій кабинетъ съ 17 окт. 1740 г. по 25 нояб. 1741 г.", Архивъ Мин. Юст., II, Москва, 1886; 4 с., Градовскій, 161 с. 3) Записки Миниха (отца), 71 с. 4) Пестовъ, ibidem, Градовскій, ibidem. 5) Пестовъ, 5—6 с. 6) Участіе Остермана въ образованіи кабинета доказывается оставшеюся послѣ него запиской: „Объ управленіи Россіи", гдѣ авторъ, между прочимъ, предлагаетъ „учредить 4 дня въ недѣлѣ для Совѣта, изъ коихъ одинъ или два трактовать объ иностранныхъ, а прочіе дни—о внутреннихъ дѣлахъ, приглашать въ совѣтъ изъ сената, военной и адмиралтейской коллегій нѣсколькихъ по обстоятельству дѣлъ членовъ для отвращенія вредной зависти и рѣшать дѣла по законамъ и учрежденіямъ" (Архивъ князя Воронцова, XXIV, 1—5 с.).

одному на мѣрѣ положить невозможно, о таковомъ тотчасъ учинять общій совѣтъ“ [1]). Но и все, что рѣшалось въ каждомъ отдѣльномъ департаментѣ, вносилось затѣмъ на разсмотрѣніе общаго присутствія всѣхъ членовъ кабинета, послѣ чего изготовлялся соотвѣтствующій указъ [2]). При кабинетѣ была образована вновь должность „придворнаго рекетмейстера“, который былъ обязанъ принимать и разсматривать всѣ челобитныя, подаваемыя на Высочайшее имя [3]). Но взяточничество перваго придворнаго рекетмейстера, полковника Феннна заставило кабинетъ уничтожить эту должность и возстановить прежній порядокъ подачи прошеній прямо въ кабинетъ [4]). Дѣла поступали въ кабинетъ, разсматривались и рѣшались здѣсь опредѣленнымъ порядкомъ [5]). Исполненіе рѣшеній кабинета лежало на обязанности его канцеляріи, состоящей изъ опредѣленнаго числа членовъ (канцеляріи совѣтниковъ, тайнаго кабинетъ-секретаря и др. [6]). Кабинетъ при Иванѣ Антоновичѣ былъ законодательнымъ, административнымъ и судебнымъ учрежденіемъ и завѣдовалъ также и иностранными дѣлами.

Въ дѣлѣ законодательства кабинету принадлежала иниціатива, обсужденіе и окончательное рѣшеніе, редакція новыхъ законовъ, какъ и разъясненіе смысла старыхъ [7]). Кабинетъ обратилъ особенное вниманіе на реорганизацію различныхъ государственныхъ учрежденій: сената, синода и разныхъ коллегій и канцелярій [8]). Кабинетъ опредѣлялъ размѣры разныхъ налоговъ и сборовъ [9]), слагалъ недоимки и назначалъ оклады жалованья чиновникамъ [10]). Отъ кабинета зависѣло замѣщеніе всѣхъ должностей какъ въ высшихъ, такъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ [11]), назначеніе разныхъ наградъ за службу чиновникамъ и пожалованіе привиллегій [12]). Ка-

---

1) П. С. З., XI, № 8326. 2) Записки Миниха (отца), 80 с., Büsching, 1 Theil, 30 s. 3) П. С. З., XI, № 8288. 4—12) Пестовъ, н. ст., стр.: 16—17, 121—136, 9—14, 18 и 22, 21, 91, 96—97 и сл. и 28—40 с.. При обозрѣніи дѣятельности кабинета при Иванѣ Антоновичѣ мы пользуемся статьею г. Пестова, состав-

бинетъ контролировалъ весь ходъ администраціи посредствомъ подчиненной ему прокуратуры (генералъ-прокурора сената, синодальнаго оберъ-прокурора и прокуроровъ другихъ центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій). Въ виду этой же цѣли сенатъ долженъ былъ подавать въ кабинетъ еженедѣльные рапорты о дѣлахъ, рѣшенныхъ въ сенатѣ и подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ[1]). Частныя лица могли жаловаться кабинету на неправильныя дѣйствія разныхъ учрежденій и онъ самъ принималъ мѣры къ скорѣйшему разрѣшенію дѣлъ послѣдними[2]). Кабинетъ занимался также обсужденіемъ вопросовъ о содержаніи арміи и флота[3]) и финансовыми дѣлами—установленіемъ строгой предъ кабинетомъ денежной отчетности всѣхъ государственныхъ учрежденій и надлежащаго расходованія государственныхъ доходовъ[4]). Кабинетомъ же предпринимаются извѣстныя мѣры къ развитію торговли и промышленности, распространенію народнаго просвѣщенія[5]) и увеличенію матеріальнаго благосостоянія народа[6]). Вниманіе кабинета обращено на состояніе путей сообщенія (сухопутныхъ и водяныхъ), какъ и безопасность имуществъ отъ пожаровъ[7]). Къ его же вѣдомству относятся дѣла придворныхъ учрежденій[8]) и иностранныя[9]). Кабинетъ посылаетъ „повелительные указы“ въ синодъ, подчиненный ему наравнѣ съ другими учрежденіями[10]). Зависимость синода отъ кабинета выражалась въ назначеніи послѣднимъ епископовъ изъ кандидатовъ, представленныхъ синодомъ[11]), освобожденіи кабинетомъ духовенства отъ тѣлесныхъ наказаній[12]), разрѣшеніи кабинетомъ многихъ церковныхъ дѣлъ и разборѣ имъ жалобъ духовныхъ лицъ на расправу съ ними синода[13]). Въ послѣднемъ случаѣ „Императорскій Кабинетъ“ являлся апел-

ленною на основаніи подлинныхъ дѣлъ кабинета, хранящихся въ московскомъ Архивѣ Минист. Юстиціи, Полн. Собр. Законовъ, Исторіи Россіи Соловьева и по другимъ печатнымъ источникамъ.—1—3) Пестовъ, назв. статья, стр.: 46—47, 47—54, 58—63 и 86—92. 4—7) Ibidem, 92—113. 8—13) Ibidem, 69, 113—119, 287—288, 299—300, 303 и 65—68 с.

ляціонной инстанціей: онъ былъ высшимъ судебнымъ учрежденіемъ въ имперіи. Сенатъ долженъ былъ обращаться къ кабинету во всѣхъ затруднительныхъ судебныхъ случаяхъ, а также и тогда, когда виновнымъ грозило лишеніе ранга или же они заслуживали помилованія отъ смертной казни. Судебныя рѣшенія сената подлежали обжалованію предъ кабинетомъ, который не принималъ челобитныхъ на рѣшенія среднихъ и низшихъ судебныхъ инстанцій. Кабинету были подвѣдомственны вмѣстѣ съ канцеляріей тайныхъ розыскныхъ дѣлъ всѣ дѣла о государственныхъ преступленіяхъ, производство слѣдствій по особенно важнымъ уголовнымъ дѣламъ, всѣ дѣла о преступникахъ-иновѣрцахъ, разрѣшеніе вопросовъ о подсудности и всѣ процессуальные вопросы, освобожденіе изъ ссылки преступниковъ и возвращеніе конфискованныхъ имуществъ ихъ собственникамъ[1]).

Обширная дѣятельность кабинета при Иванѣ Антоновичѣ, въ которую входили всѣ функціи управленія, позволяетъ его сравнить съ кабинетомъ въ царствованіе Анны Ивановны и Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ: оба эти высшихъ правительственныхъ учрежденія также завѣдовали законодательствомъ, управленіемъ и судомъ. Изъ всѣхъ нихъ Верховный Тайный Совѣтъ имѣлъ аристократическій характеръ par excelence, между тѣмъ какъ тотъ и другой кабинеты подходили ближе къ типу монархическихъ государственныхъ совѣтовъ, хотя и съ нѣкоторымъ полуаристократическимъ оттѣнкомъ: въ обоихъ кабинетахъ засѣдали сановники изъ иностранцевъ (нѣмцевъ) и представителей русскихъ знатныхъ фамилій, неимѣвшіе какихъ-либо аристократическихъ традицій и склонные поддерживать самодержавную власть русскихъ государей. Сходство въ положеніи кабинета при Иванѣ Антоновичѣ съ обоими предшествовавшими ему высшими учрежденіями—Вер-

1) Пестовъ, 37—40 и 69—86 с.; Соловьевъ, XXI, 48—54 с.

ховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ и кабинетомъ при Аннѣ Ивановнѣ заключается еще въ томъ, что по сравненію со всѣми ими сенатъ занималъ второстепенное мѣсто въ управленіи, былъ подчиненнымъ имъ учрежденіемъ. При Иванѣ Антоновичѣ сенатъ лишился даже многихъ изъ тѣхъ административныхъ правъ, какія онъ имѣлъ при Аннѣ Ивановнѣ, особенно въ послѣднее время ея царствованія. „Въ теченіе всего управленія Анны Леопольдовны рѣдко можно встрѣтить, говоритъ проф. Градовскій, сенатскій указъ—все было занято распоряженіями кабинета; послѣдній наполнилъ государство и присутственныя мѣста своими указами“ [1]). Значеніе сената не увеличилось отъ того, что число сенаторовъ было умножено [2]), и что „въ одно время думали даже возвратить сенату прежній блескъ, составивъ его по большей части изъ лицъ первѣйшихъ фамилій“. Самъ же маркизъ Шетарди, который приводитъ этотъ слухъ, замѣчаетъ, что „этотъ проэктъ хорошъ въ томъ отношеніи, что исполненіемъ его настоящее правительство надѣется пріобрѣсти себѣ могущественныхъ приверженцевъ“, но что онъ не можетъ быть выполненъ: тогда кабинетъ, „отъ котораго теперь исходитъ все, лишилъ бы себя власти, которая перейдетъ къ сенату“. Шетарди сомнѣвается, чтобы „Остерманъ, такъ долго работавшій надъ присвоеніемъ ея кабинету, захотѣлъ бы подчинить себя нѣкоторой зависимости тогда, когда успѣлъ все сдѣлать подвластнымъ себѣ“ [3]). На самомъ дѣлѣ сенатъ въ правленіе Анны Леопольдовны оставался не „правительствующимъ“, а „высокимъ“, такъ какъ онъ былъ вполнѣ подчиненъ кабинету, получалъ отъ него указы и отдавалъ ему отчетъ въ

---

1) Градовскій, 161—162 с. 2) Записки Миниха (отца), 80 с., Лазовскій: „Правительствующій сенатъ съ 17 окт. 1740 г. по 25 ноября 1741 г.“. Архивъ Мин. Юст., II, 142 с. Статья г. Лазовскаго также, какъ и—г. Пестова, основана на подлинныхъ дѣлахъ сената за указанное время. 3) Пекарскій: „Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи“, 289 с.

своихъ дѣйствіяхъ[1]). Сенатъ принималъ нѣкоторое участіе въ законодательствѣ, но роль его при этомъ была второстепенная: сенатъ только представлялъ кабинету о необходимости разъясненія или дополненія извѣстной статьи закона и обнародывалъ уже состоявшіеся въ кабинетѣ указы[2]). Сенатъ продолжалъ дѣло составленія новаго уложенія[3]). Въ сенатѣ же былъ выработанъ уставъ о банкротахъ[4]). Но центромъ всей его дѣятельности при Иванѣ Антоновичѣ были судебныя дѣла, которыя все болѣе и болѣе оттѣсняютъ на второй планъ административное значеніе сената[5]). Въ указѣ 27 ноября 1740 г. сенатъ называется „главнымъ департаментомъ, который долженъ о правосудіи и скорѣйшемъ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ, не взирая на лица сильныхъ и никому не маня и не посягая, прилежное попеченіе имѣть“. Указъ порицаетъ сенатъ за „волокиту въ дѣлахъ бѣдныхъ челобитчиковъ“, предоставляетъ „въ отвращеніе медлительствъ и бѣднымъ челобитчикамъ волокитъ“ послѣднимъ подавать прошенія придворному рекетмейстеру Фенину и угрожаетъ сенату, коллегіямъ и канцеляріямъ, виновнымъ въ несправедливомъ рѣшеніи дѣлъ, штрафомъ „за нерадѣніе и волокиту“[6]). Въ томъ же 1740 г. была учреждена при сенатѣ особая коммиссія для рѣшенія неоконченныхъ дѣлъ[7]). Сенатъ долженъ былъ подавать кабинету еженедѣльныя вѣдомости о рѣшеніи дѣлъ въ немъ, коллегіяхъ и канцеляріяхъ[8]). Сенатъ является въ качествѣ первой инстанціи при обсужденіи преступленій по государственной службѣ и судебныхъ дѣлахъ, представленныхъ на его разсмотрѣніе кабинетомъ[9]). Какъ высшая инстанція, сенатъ разрѣшалъ всѣ дѣла, затруднявшія низшія инстанціи, и тѣ, которые восходили въ сенатъ въ аппелляціонномъ порядкѣ[10]). Кромѣ того, на обя-

---

1—3) Лазовскій, 137—139, 18 и 160 и 205—206 с. 4) П. С. З., XI, № 8300. 5) Градовскій, 161—162 с. 6—8) П. С. З., XI, №№ 8293, 8294 и 8299. 9—10) Ла овскій, н. с., 165—181 с.

занности сената лежало отправленіе нѣкоторыхъ дѣйствій, соприкасающихся съ главною, судебною его дѣятельностью. Такъ онъ направлялъ въ подлежащія учрежденія челобитныя, поданныя въ сенатъ просителями по незнанію, охранялъ имущества подсудимыхъ, приводилъ въ исполненіе высочайшія резолюціи о помилованіи осужденныхъ, о возвращеніи конфискованныхъ имуществъ ихъ владѣльцамъ и объ освобожденіи ссыльныхъ и каторжныхъ, издавалъ по Высочайшему повелѣнію указы „о непорицаніи" лицъ, бывшихъ подъ судомъ, но оправданныхъ, и—ближайшихъ родственниковъ осужденныхъ и, наконецъ, разсматривалъ вопросы о награжденіи за „правый" доносъ [1]). Гораздо меньшими правами сенатъ пользовался въ сферѣ внутренняго управленія, гдѣ дѣятельность его стѣсняется во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ кабинетомъ. Такъ въ военныхъ дѣлахъ (напримѣръ, при комплектованіи войскъ, расходахъ на армію и флотъ и т. п.) сенатъ былъ лишь исполнителемъ состоявшихся въ кабинетѣ повелѣній [2]). Таже самая подчиненная ему роль выпадала на долю сената въ финансовыхъ дѣлахъ [3]), торгово-промышленныхъ [4]), народномъ просвѣщеніи и продовольствіи, въ охраненіи народнаго здравія, въ улучшеніи путей сообщенія [5]) и сохраненіи общественной безопасности [6]). Сенатъ принималъ нѣкоторое участіе въ церковныхъ дѣлахъ, на сколько они соприкасались съ общегосударственными интересами, и въ дѣлахъ внѣшней политики, если они имѣли прямую связь съ внутренними дѣлами [7]). Нѣкоторыя состоявшія при сенатѣ учрежденія также завѣдовали извѣстнаго рода административными дѣлами. Такъ герольдмейстерская контора вѣдала служилое, дворянское сословіе, генералъ-рекетмейстеръ принималъ челобитныя, подаваемыя въ сенатъ, доимочная коммиссія занималась взысканіемъ недоимокъ и пр. [8]).

1—3) Лазовскій, н. с., 165—181 и 186 с. 4—5) Ibidem, 189—192 с. 6—8) Лазовскій, 194—214 с.

Воцареніе *Елизаветы Петровны* (1741—1761) было сигналомъ удаленія изъ русскаго управленія иностранцевъ—нѣмцевъ (Остермана, Миниха и др.) и возвышенія вліянія въ немъ знатныхъ представителей русскаго дворянства (графа С. Р. Воронцова, князя Черкасскаго, князя Куракина, графа Головина, Бестужева-Рюмина, Шувалова и др.)[1]), въ средѣ котораго въ это время, однако, снова обнаруживаются узкосословныя стремленія[2]). Елизавета Петровна, немало потерпѣвшая отъ господства нѣмцевъ въ Россіи, спѣшитъ возстановить учрежденія своего отца[3]) и его правило о предпочтеніи русскихъ иностранцамъ при замѣщеніи должностей въ администраціи. Русскіе люди появляются не только на высшихъ мѣстахъ въ управленіи, но занимаютъ и второстепенныя въ немъ должности. Елизавета Петровна, по словамъ Соловьева, „призвала къ дѣятельности новое поколѣніе русскихъ людей, знаменитыхъ при ней и послѣ нея“ [4]). Въ указѣ, появившемся немедленно по возшествіи на престолъ Елизаветы Петровны, было сказано, что отъ дѣятельности кабинета, замѣнившаго Верховный Тайный Совѣтъ, „произошло многое упущеніе въ дѣлахъ государственныхъ внутреннихъ всякаго званія, а правосудіе уже и весьма въ слабость пришло“ [5]). Поэтому было повелѣно: „правительствующій сенатъ да будетъ имѣть преждебывшую свою силу и власть въ уп-

---

1) Градовскій, 166—167 с., Яблочковъ, 466-468 с. 2) Латкинъ: „Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст.“, Спб., 1887, 260—261 с. 3) По словамъ князя Щербатова „возобновить всѣ законы Петра Великаго“ посовѣтовалъ Елизаветѣ Петровнѣ князь Н. Ю. Трубецкой, бывшій потомъ генералъ-прокуроромъ сената (Рус. Старина, 1870 г., 100 с.). 4) Соловьевъ, XXIV, 420—421 с. 5) Такъ характеризовалъ дѣятельность кабинета сенатъ, какъ объ этомъ заявляетъ здѣсь же сама Елизавета. Мы видѣли, однако, что кабинетъ, руководимый способными иностранцами (Остерманомъ, Минихомъ и др.), сдѣлалъ много полезнаго для государства; въ „слабости же правосудія“ скорѣе виноватъ самъ сенатъ, который въ это время завѣдовалъ, главнымъ образомъ, судебными дѣлами въ имперіи. Рѣзкій отзывъ сената о кабинетѣ объясняется антагонизмомъ, въ которомъ находились постоянно оба эти учрежденія при Аннѣ Ивановнѣ и Иванѣ Антоновичѣ.

правленіи внутреннихъ всякаго званія государственныхъ дѣлъ на основаніи, учиненномъ указами Петра Великаго" [1]). Вмѣстѣ съ возстановленіемъ сената въ прежней его силѣ кабинетъ былъ упраздненъ, а вмѣсто него учрежденъ частный кабинетъ государя, бывшій при Петрѣ Великомъ, и образована „для обсужденія важныхъ иностранныхъ дѣлъ" *Конференція*, членами которой были назначены: канцлеръ князь Черкасскій, вице-канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, графъ Головинъ и князь Куракинъ. Императрица сама обѣщалась присутствовать по временамъ въ конференціи [2]). Конференція, замѣнившая до нѣкоторой степени упраздненный кабинетъ, не могла пріобрѣсти значенія верховнаго правительственнаго учрежденія въ имперіи, какимъ явился при Елизаветѣ Петровнѣ сенатъ; послѣдній былъ при ней „высшимъ политическимъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ всѣ отрасли управленія" [3]) Сенатъ въ царствованіе Елизаветы Петровны пріобрѣлъ такую силу, что присвоилъ себѣ право самоизбранія, при помощи котораго онъ могъ бы со временемъ превратиться въ настоящую сословную корпорацію [4]). Впослѣдствіи Екатерина II говорила объ управленіи и сенатѣ при Елизаветѣ Петровнѣ: „всѣ мѣста и самый сенатъ вышли изъ своихъ основаній. Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деревни, однимъ словомъ, почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ, такъ что и мнѣ случилось слышать въ сенатѣ, что одной коллегіи хотѣли сдѣлать выговоръ за то только, что она свое мнѣніе осмѣлилась въ сенатъ представить. Чрезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ они пришли въ толь великій упадокъ, что и регламентъ вовсе позабыли, которымъ повелѣвается противъ сенатскихъ указовъ, если оные не въ силѣ зако-

---

1—2) П. С. З.₂ XI, № 8480. 3) В.-Будановъ, 234 с. 4) Дмитріевъ, 33 с.

новъ, представлять въ сенатъ, а напослѣдокъ и къ намъ. Раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное, одна форма лишь канцелярская исполняется"[1]). Такое необычайное развитіе власти сената при Елизаветѣ Петровнѣ не было слѣдствіемъ единственно желанія самой императрицы сдѣлать его верховнымъ правительственнымъ мѣстомъ въ государствѣ. Возвышеніе въ это время сената, составленнаго изъ представителей русскихъ знатныхъ фамилій, было естественной реакціей противъ устраненнаго Елизаветой господства въ управленіи нѣмцевъ и ихъ органа—кабинета. Другою причиною особенно увеличившейся власти сената было то обстоятельство, что въ составѣ сената были лица, въ средѣ которыхъ еще были живы преданія верховниковъ[2]). „Въ сенатѣ, писала Екатерина II въ наставленіи генералъ-прокурору Вяземскому, Вы найдете двѣ партіи: въ одной—людей честныхъ нравовъ, хотя иногда и недальновидныхъ разумомъ; въ другой, думаю, виды далѣе простираются, но неясно, всегда ли оные полезны? Иной думаетъ, для того, что онъ былъ въ той или другой землѣ, то въ судѣ по политикѣ той его любимой земли все учреждать должно, а все другое безъ изъятія заслуживаетъ его критику, не смотря на то, что вездѣ внутреннее распоряженіе на нравахъ націи основывается"[3]). Екатерина же упоминаетъ, какъ о причинѣ непомѣрнаго могущества сената въ управленіи при ея предшественницѣ, о „неприлежаніи къ дѣламъ ея предковъ и пристрастіи случайныхъ при нихъ людей"[4]). И дѣйствительно сама Елизавета Петровна сравнительно мало занималась дѣлами управленія[5]), предоставляя все своимъ любимцамъ,

1) Чтенія въ общ. ист. и древн. россійскихъ, 1858,, I, смѣсь, 102—103 с., („Секретнѣйшее наставленіе князю Александру Вяземскому"). 2) Дмитріевъ, 34 с., 3—4) „Секр. наставленіе кн. А. Вяземскому", ibidem. 5) Записки Миниха (отца), 89—90 с., Blum: „Ein russischer Staatsmann. Des Grafen Jakob Johann Sievers Denkwürdegkeiten zur Geschichte Russlands". L. и H., 1858, I, 133 s., La cour de Russie, 102—103 p., Щербатовъ, 109—111 с.

особенно графу Петру Ивановичу Шувалову, брату знаменитаго И. И. Шувалова, „властвовавшему въ сенатѣ и позволявшему себѣ распоряжаться произвольно всѣми дѣлами управленія“ [1]). По словамъ графа Н. И. Панина, ближайшаго, хотя и не вполнѣ безпристрастнаго свидѣтеля царствованія Елизаветы Петровны, при ней „все было жертвовано хотѣніямъ припадочныхъ людей и фаворитъ остался душею, оживотворяющею или умерщвляющею государство“. „Случайные люди“ овладѣли сначала частнымъ кабинетомъ „для собственныхъ видовъ“, а потомъ и конференціей [2]), появленіе которой, однако, не было простою случайностью. Напротивъ, конференція явилась необходимымъ учрежденіемъ, органически связаннымъ съ предшествовавшими ей высшими учрежденіями въ русскомъ управленіи съ законосовѣщательнымъ характеромъ [3]). Уступая на первыхъ порахъ первенство въ управленіи сенату, возвысившемуся вслѣдствіе указанныхъ причинъ, конференція пріобрѣтаетъ большое вліяніе на дѣла управленія во вторую половину царствованія Елизаветы Петровны, когда конференція становится во главѣ государственнаго управленія и стремится подчинить себѣ сенатъ, синодъ и ихъ конторы.

Сенатъ при Елизаветѣ Петровнѣ достигъ высшей степени развитія своего могущества, какого онъ не имѣлъ даже при Петрѣ I. Въ сферѣ законодательства сенату принадлежало право объявлять Высочайшія повелѣнія при посредствѣ генералъ-прокурора и президентовъ трехъ первыхъ коллегій [4]). Сенатъ занимается составленіемъ новаго уложенія [5]) и реорганизаціей различныхъ учрежденій и должностей, которыя были всѣ подчинены ему, какъ „первому государст-

1) Щербатовъ, 106—110 с. 2) Докладъ графа Панина Екатеринѣ II, Рус. Архивъ, 1871, IX, 1417—1418 с. 3) Дмитріевъ, 52—53 с. 4) Градовскій, 168 и 196 с. 5) Соловьевъ, XXIII, 245—248 и 288 с., XXIV, 244—245 и 246 с., Латкинъ: „Законодательныя коммиссіи“, 80 с. и сл.

венному мѣсту по своей должности и по данной власти“ [1]). Отъ зависимости отъ сената не освобождались даже первыя три коллегіи, члены которыхъ были сенаторами [2]), и синодъ, который нерѣдко получаетъ отъ него выговоры [3]). Единство въ управленіи и контроль сената надъ всею администраціей достигалось, благодаря взаимной и дружной дѣятельности самого сената, какъ коллегіальнаго учрежденія, и генералъ-прокурора—представителя личнаго элемента въ сенатѣ [4]). Всѣ коллегіи, ихъ конторы и канцеляріи должны были подавать сенату срочныя вѣдомости о рѣшенныхъ въ нихъ дѣлахъ [5]). Сенатъ совершаетъ различныя измѣненія въ организаціи центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій въ духѣ Петра I. Такъ онъ возстанавливаетъ упраздненныя при Аннѣ Ивановнѣ бергъ-и мануфактуръ-коллегіи, которыя существовали до нея со времени Петра I [6]); возобновленъ былъ сенатомъ и петровскій магистратъ [7]). Коллегія экономіи была уничтожена сенатомъ и въ его распоряженіе поступили всѣ доходы и расходы синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ [8]). Въ виду увеличенія кредита во всемъ государствѣ учреждаются въ 1754 г. государственный и дворянскій банки, уставы которыхъ были выработаны въ сенатѣ, и организуются коммерческій [9]) и артиллерійскій банки [10]). Для регулированія банковаго дѣла сенатъ принимаетъ различныя мѣры [11]). По почину своего члена, графа П. И. Шувалова, сенатъ долго занимается обсужденіемъ обширной программы разныхъ реформъ въ управленіи, предложенныхъ Шуваловымъ [12]). Сенатъ упраздняетъ коммиссію о пошлинахъ и вмѣсто нея учреждаетъ коммиссію о коммерціи [13]), которая потомъ была присоединена къ коммерцъ-коллегіи [14]). Сенатъ уничтожилъ

1) П. С. З., XV, № 11, 558. 2) XI, № 8697. 3) Соловьевъ, XXI, 257—258 с. 4) Градовскій, 196 с. 5) П. С. З., XIII, № 9585. 6) XI, № 8543. 7) XI, № 8734. 8) XII, № 8993. 9) XIV, № 10,235. 10) XV, № 10,037. 11) XIV, №№ 10,265, 10,271, 10,280, 10,347, 10,420 и др., XV, №№ 10,863, 10,866, 10,973 и др. 12) Соловьевъ, XXIII, 256—261 и 289 с. 13) П. С. З., XV, № 11,117. 14) XV, № 11,399.

счетныя конторы при военной коллегіи и коммиссаріатѣ и приказалъ счеты всѣхъ вѣдомствъ отсылать на ревизію въ ревизіонъ-коллегію[1]). Были упразднены сенатомъ также и многія другія коммиссіи и конторы и дѣла ихъ распредѣлены между сенатомъ и разными коллегіями[2]) При сенатѣ и коллегіяхъ были образованы школы, гдѣ юнкера изъ дворянъ получали юридическое образованіе[3]). Сенатъ закрѣпляетъ за посадскими мастеровыми людьми и иностранцами крестьянъ, которые оказались въ ихъ владѣніи при ревизіи[4]), и предоставляетъ устюжскимъ купцамъ право владѣть деревнями[5]). По инціативѣ П. И. Шувалова сенатъ приступаетъ къ регулированію правъ землевладѣнія посредствомъ генеральнаго межеванія въ разныхъ губерніяхъ[6]). Сенатъ при Елизаветѣ Петровнѣ имѣлъ право увеличивать или уменьшать налоги[7]). При возстановленіи власти сената ему были переданы изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ малороссійскія дѣла[8]). Сенатъ самъ производитъ нѣкоторыя измѣненія въ областной администраціи. Такъ въ 1742 г. онъ запрещаетъ губернаторамъ и воеводамъ отрѣшать секретарей въ присутственныхъ мѣстахъ безъ разрѣшенія сената[9]). Впослѣдствіи сенатъ присвоилъ себѣ право опредѣлять воеводъ собственною властью[10]). Самъ же сенатъ увеличилъ жалованье должностнымъ лицамъ въ мѣстномъ управленіи, которыя выбирались помѣщиками изъ среды дворянъ[11]). Сенатъ же обладалъ правомъ верховнаго надзора надъ дѣятельностью всѣхъ учрежденій, центральныхъ и мѣстныхъ[12]).

Особенно обширна была дѣятельность сената въ царствованіе Елизаветы Петровны въ области внутренняго управ-

---

1) П. С. З., XI, № 8676. 2) XI, №№ 8575, 8617, 8676, 8729, 8734, 8751 и 8798, 3) XI, № 8149 и XIII, № 9797. 4) XII, № 9249; Соловьевъ, XXII, 112—114 с. 5) Соловьевъ, XXIII, 135 с. 6) П. С. З, XIII, № 9876, XIV, № 10,352 и др. 7—8) XIV, №№ 10,260 и 10,498. 9) XI, № 8550. 10) XI, №№ 8865, 9084 и 11,131. 11) Соловьевъ, XXIV, 427 с. 12) П. П. З., XIII, № 10,086, Соловьевъ, XXI, 246—247 с., XXII, 34 с.

ленія. Сенатъ много сдѣлалъ для улучшенія государственныхъ финансовъ, не прибѣгая къ отягощенію населенія чрезмѣрными налогами [1]). Одной изъ важныхъ мѣръ въ этомъ отношеніи явилась ревизія, производившаяся періодически [2]). Сенатъ прилагалъ много заботъ къ развитію разныхъ родовъ промышленности и торговли [3]); такъ онъ, напримѣръ, поощрялъ распространеніе фабрикъ и заводовъ въ странѣ [11]). Сенатъ учреждаетъ таможни и слѣдитъ за правильнымъ поступленіемъ таможенныхъ сборовъ [4]). Судьба инородческихъ племенъ, находящихся въ русскомъ подданствѣ, также занимаетъ сенатъ, которому принадлежитъ все управленіе ими [5]). Сенатъ руководитъ дѣлами духовнаго вѣдомства: синодъ долженъ былъ обращаться къ нему не только во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, но и за разрѣшеніемъ многихъ вопросовъ текущей администраціи [6]). На усмотрѣніе сената представлялись важные вопросы по военному вѣдомству. Сенатъ строго слѣдилъ за употребленіемъ суммъ, назначенныхъ на содержаніе арміи и флота, распоряжался комплектованіемъ новыхъ полковъ, рекрутскими наборами, обмундированіемъ арміи, составленіемъ военнаго бюджета и др. подобными дѣлами [7]). Сенатъ прилагалъ большія усилія къ обезпеченію безопасности въ провинціяхъ, гдѣ разбои въ то время были обыкновеннымъ явленіемъ [8]). Принимались также сенатомъ мѣры къ искорененію нищенства и помощи голодающему крестьянскому населенію [9]). Наконецъ, вниманіе сената было обращено и на дѣло народнаго образованія:

---

1) П. С. З., XI, №№ 8609, 8610, 8682, 8709, 8730, 8698, 8826, XII, №№ 8940, 8942 и др. 2) XI, № 8619, Соловьевъ, XXII, 38–40, 113—114, 180 с., Градовскій, 170—176 с. 3) П. С. З., XI, №№ 8486, 8545, 8563, 8684, XIII, №№ 10,141, 10,164 и др., Соловьевъ, XXI, 190, 306—310, XXII, 31—36, 107—110, 177—188, 231—235 с., XXIII, 9—15, 27—34, 216—223 и 291 с., XXIV, 100, 173—174 и 298. 4) П. С. З., XI, №№ 8826, 8895 и 9168. 5—6) Градовскій, 177—180 с. 7) Соловьевъ, XXII, 115—116 с. и XXIII, 37 с., Градовскій, 182—183 с. 8) Градовскій, 183—185 с. 9) Соловьевъ, XXI, 312—314, XXII, 37—38, 230—240, XXIII, 18—20, XXIV, 102 с.

сенату былъ подчиненъ первый русскій университетъ (московскій), образованный въ 1754 г.[1]).

Наконецъ, въ области суда елизаветинскій сенатъ является высшимъ учрежденіемъ въ государствѣ. Высшее судебное значеніе за сенатомъ было признано указомъ 16 авг. 1760 г., въ которомъ сенатъ названъ „первымъ государственнымъ мѣстомъ по своей должности и по данной власти“, обязаннымъ истреблять лихоимство и пристрастіе судей. Сенату вмѣняется въ обязанность не давать „злымъ пощады, а невиннымъ напрасной вины не принесть, подозрительныхъ судей смѣнять, изслѣдовать и изыскивать причины къ достиженію правды и пресѣкать“ разнаго рода безпорядки въ отправленіи правосудія[2]). Въ сенатѣ издается указъ о признаніи малолѣтними людей обоего пола до 17 лѣтъ и объ освобожденіи ихъ отъ пытки и смертной казни. Сенатомъ были смягчены жестокія наказанія преступниковъ, а въ 1754 г. была отмѣнена и смертная казнь. Тѣже гуманныя начала были внесены сенатомъ при Елизаветѣ Петровнѣ въ уголовное судопроизводство[3]). Всѣ приговоры объ осужденныхъ къ смертной казни, политической смерти или вѣчной ссылкѣ должны были исполняться не иначе, какъ съ разрѣшенія сената[4]). Послѣдній предписываетъ всѣмъ коллегіямъ, конторамъ и канцеляріямъ подавать срочныя вѣдомости о содержащихся колодникахъ[5]). Эти вѣдомости разсматривались въ особо учрежденной при сенатѣ экспедиціи[6]). Сенатъ же утверждалъ приговоры по дѣламъ о тяжкихъ преступленіяхъ, совершенныхъ въ запорожскомъ войскѣ[7]). Сенатъ грозитъ строгими наказаніями разнымъ учрежденіямъ, въ которыхъ „чинится великая волокита и берутся взятки“[8]). Юстицъ-

1) П. С. З., XIV, № 10346; Градовскій, 190—191 с. 2) П. С. З., XV, № 11,558. 3) Градовскій, 188—190 с. 4) П. С. З., XII, №№ 8944 и 9312, XIII, №№ 10,101 и 10,113. 5) XIII, №№ 9585 и 10088; XV, 11,110; Соловьевъ, XXII, 37—38 с. 6) П. С. З., XV, № 11,266. 7) XIII, № 9586, Соловьевъ, XXIII, 47 с. 8) Соловьевъ, ibidem, 212—213 с.

коллегія должна была по приказу сената наблюдать за правильнымъ теченіемъ дѣлъ въ судныхъ приказахъ [1]). Нерѣдко самъ сенатъ принималъ участіе въ качествѣ высшей судебной инстанціи въ рѣшеніи различныхъ судебныхъ случаевъ [2]) и запрещалъ подавать себѣ челобитныя помимо надлежащихъ судебныхъ мѣстъ [3]).

Могущество сената при Елизаветѣ Петровнѣ подрывалось до извѣстной степени вліяніемъ „тогдашнихъ случайныхъ и припадочныхъ людей", которые, по словамъ Н. И. Панина, сдѣлали изъ возстановленнаго императрицей частнаго кабинета своего отца „злоключительный общему благу интервалъ между государемъ и правительствомъ". Панинъ замѣчаетъ, что „изъ кабинета выходили именные указы и повелѣнія во всѣ мѣста, за которыя никто не былъ отвѣтственъ". Вслѣдствіе этого „государь былъ отдаленъ отъ правительства. Фавориты хватали въ кабинетъ отовсюду дѣла, дѣлали государственные распорядки и мѣшались въ дѣла партикулярныхъ людей безъ законовъ и причинъ". Результатомъ такого порядка вещей было то, что „государственныя дѣла были безъ призрѣнія, все было смѣшано, всѣ наиважнѣйшія должности и службы были претворены въ ранги и въ награжденія любимцевъ, вездѣ фаверъ и старшинство людей опредѣляло" [4]). Этотъ рѣзкій отзывъ графа Н. И. Панина объ управленіи при Елизаветѣ Петровнѣ объясняется, отчасти, тѣмъ, что самому ему не удалось пріобрѣсти при ней исключительнаго вліянія на дѣла [5]). Но изъ источниковъ видно, что частный кабинетъ императрицы и на самомъ дѣлѣ посылалъ именные указы присутственнымъ мѣстамъ, съ которыхъ въ сенатъ доставлялись копіи [6]); въ кабинетъ же по-

---

1) Соловьевъ, XXIII, 215 с. 2) Соловьевъ, XXI, 175—176, 305 с., XXIII, 122, 126, 131, 212, 215 и 229 с., XXIV, 236, 243, 352 и 359—360 с. 3) П. С. З., XIII, № 10017. 4) Докладъ графа Н. И. Панина Екатеринѣ II (Рус. Арх., 1871, IX, 1414—1417 с. 5) Соловьевъ, XXV, 173—174 с. 6) П. С. З., XI, № 8584.

давались прошенія на Высочайшее имя [1]) и онъ занимался дѣлами флота [2]) и горными [3]). Не вполнѣ вѣрно также замѣчаніе Панина объ учрежденіи конференціи при Елизаветѣ Петровнѣ. „Конференцію сдѣлали, говоритъ онъ, тогда, когда увидѣли скоропостижную войну, требующую дѣйствительныхъ рессурсовъ: нужно стало собрать въ одно мѣсто раскиданныя части, составляющія государство и его правленіе“ [4]). Въ дѣйствительности конференція, какъ мы видѣли, была учреждена императрицей вмѣстѣ съ упраздненіемъ кабинета Анны Ивановны и возстановленіемъ правъ сената въ первый годъ возшествія на престолъ Елизаветы Петровны. На первыхъ порахъ, однако, конференція, которая должна была заниматься только иностранными дѣлами, собиралась рѣдко. Слѣды ея дѣятельности встрѣчаются съ 1745 г., когда во дворцѣ происходили совѣщанія членовъ конференціи о внѣшнихъ дѣлахъ въ присутствіи Елизаветы Петровны, которая въ этомъ году поэтому ни разу не была въ сенатѣ [5]). Въ теченіе всего 1746 года происходятъ также время отъ времени собранія конференціи, гдѣ обсуждались разнаго рода иностранныя дѣла. Въ протоколѣ засѣданій конференціи отъ 4 янв. 1746 г. сказано, что „поднесенъ былъ на всемилостивѣйшую аппробацію изготовленный указъ для собранія вновь повелѣннаго совѣта для принятія наилучшихъ и наиполезнѣйшихъ мѣръ въ прусскихъ дѣлахъ. Е. И. В. приказала въ томъ же совѣтѣ и планъ операціи учинить [6]). Очевидно, что въ данномъ случаѣ шла рѣчь о собраніи ранѣе учрежденнаго совѣта или конференціи, а не объ образованіи новаго совѣта. Это доказывается тѣмъ фактомъ, что въ послѣдующихъ собраніяхъ совѣта въ 1746 г. участвова-

---

1) П. С. З., XV, № 10,180. 2) XII, № 9153. 3) XIII, № 9952, XV, №№ 11185 и 11241. 4) Докладъ графа Н. И. Панина Екатеринѣ II (Рус. Архивъ, 1871, IX, 1417. 5) Соловьевъ, XXII, 40 с. 6) Архивъ князя Воронцова, VII, 80 с. (Дневникъ докладовъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ).

ли лица, назначенныя въ конференцію въ 1741 г.: канцлеръ, вице-канцлеръ, князь Куракинъ, а также и нѣкоторые другіе вліятельные сановники (графъ Румянцевъ, генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, князь Репнинъ, графъ П. И. Шуваловъ и др.). Въ 1746 г. конференція имѣла только нѣсколько засѣданій (7 янв., 11 авг., 29 и 31 дек.)[1]). Въ 1747 г. было одно полное собраніе конференціи[2]). Въ этомъ же году канцлеръ Бестужевъ докладывалъ государынѣ о необходимости „какъ для облегченія Е. И В. государственнаго правленія рѣшеніемъ спорныхъ въ сенатѣ и иныхъ коллегіяхъ случающихся дѣлъ, такъ и для пользы самодержавной имперіи сочинить кабинетъ изъ вѣрныхъ и надежныхъ подданныхъ“ [3]). Настаивая на образованіи такого высшаго правительственнаго учрежденія, Бестужевъ, видимо, желалъ придать прочную и опредѣленную организацію уже существующей конференціи, въ которой онъ былъ первымъ членомъ, и распространить ея компетентность на всѣ важнѣйшія государственныя дѣла. Если бы предложеніе Бестужева было принято императрицей, то во главѣ управленія государствомъ снова очутился бы только подъ другимъ именемъ упраздненный Елизаветой Петровной кабинетъ съ его законосовѣщательнымъ и высшимъ административнымъ и судебнымъ значеніемъ въ государствѣ. Но императрица, рѣшившаяся твердо держаться правительственныхъ порядковъ своего отца, не захотѣла отнимать у возстановленнаго въ своей власти сената его верховнаго значенія въ администраціи, равнявшаго его почти съ предшествующими совѣтами[4]), и конференція продолжала долго существовать (1747—1755 г.) попрежнему только для иностранныхъ дѣлъ, обсуждавшихся въ присутствіи императрицы канцлеромъ и вице-канцлеромъ[5]). Въ

1—2) Архивъ князя Воронцова, VII, 9, 112—115, 202—206 и 236—244 с. 3—4) Соловьевъ, XXII, 176—177 с. 5) Архивъ князя Воронцова, VII, стр.: 253, 262, 264, 274, 287, 297, 309, 319, 326, 333, 344 и сл., III, 333—572 с.

1757 г. Бестужевъ въ виду предстоящей войны съ Пруссіей снова напоминаетъ Елизаветѣ Петровнѣ о своемъ предложеніи учредить на этотъ разъ уже тайный военный совѣтъ, котораго „должность и упражненіе генерально всю политическую систему въ себѣ заключать имѣютъ“, и въ которомъ должны присутствовать въ числѣ членовъ канцлеръ и вице-канцлеръ [1]). Бестужевъ составилъ даже проэкты указа инструкціи тайному военному совѣту и манифеста объ его образованіи [2]). Императрица, сознавая всю важность политическихъ обстоятельствъ того времени, ограничилась, однако, тѣмъ, что повелѣла „для произведенія съ лучшимъ успѣхомъ и порядкомъ весьма важныхъ дѣлъ и для скорѣйшаго исполненія ея повелѣній“ собираться уже существующей конференціи. Членами ея продолжали состоять, как и ранѣе, подъ предсѣдательствомъ самой государыни: канцлеръ Бестужевъ, вице-канцлеръ графъ М. Р. Воронцовъ, князь Трубецкой, братья Шуваловы и др. сановники [3]). Въ засѣданіяхъ конференціи принималъ участіе и великій князь и наслѣдникъ престола, Петръ Ѳеодоровичъ [4]), который надѣялся „познакомиться здѣсь съ дѣлами имперіи“ [5]). Секретаремъ конференціи сдѣлался Волковъ, который въ послѣдующее царствованіе пріобрѣлъ большое вліяніе на всѣ дѣла управленія [6]). Конференція получила теперь опредѣленный и постоянный составъ и для сношенія ея съ сенатомъ, синодомъ и прочими учрежденіями былъ установленъ извѣстный порядокъ. Резолюціи конференціи должны были исполняться по экстрактамъ изъ ея протоколовъ, посылаемымъ въ сенатъ, синодъ и ихъ конторы, а въ прочія присутственныя мѣста конференція посылала рескрипты. Въ свою очередь, сенатъ, синодъ и ихъ конторы должны были извѣщать конференцію

---

1) Соловьевъ, XXIV, 26 с. 2 и 4) Архивъ князя Воронцова, III, 361—367 и 697—698 с., 3 и 5) Соловьевъ, XXIV, 27 и 63 с. 6) Докладъ графа Н. И. Панина Екатеринѣ II, (Рус. Архивъ, 1871, IX, 1417—1418 с.

объ исполненіи ея рѣшеній также экстрактами, а остальныя учрежденія—посылать реляціи, адресуя: „къ поданію въ учрежденную при дворѣ Е. В. конференцію“ [1]). Всѣ рескрипты конференціи должны были немедленно исполняться[2]).

Вскорѣ конференція стала надъ всѣми учрежденіями имперіи, гдѣ она должна была, по замѣчанію Миниха, „пополнить пустоту между верховною властью и сенатомъ“ [3]), то есть, сдѣлаться государственнымъ совѣтомъ[4]). Свое первенствующее значеніе въ управленіи государствомъ конференція скоро дала почувствовать своему сопернику по власти—сенату, который опять „очутился въ тѣни“ съ этого времени, такъ какъ чрезъ конференцію проходили всѣ правительственныя распоряженія[5]). Такъ въ 1759 г. сенатъ получилъ экстрактъ изъ протокола конференціи, которая требовала, чтобы сенатъ разсмотрѣлъ состояніе сборовъ въ провинціяхъ, бывшихъ подъ шведскимъ владычествомъ, и донесъ объ этомъ конференціи. Сенатъ отвѣчалъ, что онъ уже разсуждалъ по этому поводу, но не постановилъ рѣшенія во первыхъ потому, что собраніе сенаторовъ было на этотъ разъ неполное, а во вторыхъ потому, что правительствующій сенатъ, какъ „первое государственное мѣсто, кромѣ Е. И. В., не обязанъ никому свои мнѣнія подавать“. Къ тому же, спѣшитъ оговориться сенатъ, „господа конференцъ-министры всѣ сами присутствовали въ сенатѣ, слѣдовательно, то дѣло, какъ государственное, должно рѣшить сенату въ полномъ собраніи“[6]). Не смотря на такое энергичное отстаиваніе сенатомъ

1—2) П. С. З., XIV, №№ 10621 и 10720. 3) Записки Миниха (отца), 90 с. 4) Графъ С. Р. Воронцовъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ государственныхъ людей XVIII в., ставитъ конференцію при Елизаветѣ Петровнѣ въ прямую связь съ предшествующими совѣтами, начиная съ Петра I: общее между всѣми ими и конференціей было, по его словамъ, то, что въ нихъ обсуждались дѣла политическія въ присутствіи государя или безъ него (Архивъ князя Воронцова, X, 397 с.). Графъ же А. Р. Воронцовъ называетъ конференцію „постояннымъ совѣтомъ, обладавшимъ большою властью“ (Рус. Архивъ, 1883, I, 241 и 248 с.). 5) Blum, назв. соч., II, 146 s. 6) Соловьевъ. XXIV, 365 с.

своего высшаго административнаго положенія въ государствѣ, онъ принужденъ былъ не разъ отвѣчать на запросы конференціи по разнымъ вопросамъ управленія и невольно мирится съ нѣкоторымъ ограниченіемъ своей власти [1]). Еще ранѣе описаннаго инцидента въ 1757 году сенатъ долженъ былъ, по порученію конференціи, составить и подать въ нее новое учрежденіе объ управленіи архіерейскими и монастырскими имуществами [2]). Конференція разрѣшала самостоятельно и нѣкоторыя другія дѣла внутренняго управленія. Такъ въ томъ же 1757 г. конференція разсматриваетъ предложеніе графа П. И. Шувалова о средствахъ улучшенія государственныхъ финансовъ [3]) и посылаетъ въ сенатъ экстрактъ изъ своего протокола о необходимости поднять въ Россіи торговлю пенькой [4]). Въ 1758 г. въ конференціи обсуждается вопросъ о передѣлѣ мѣди въ монету и заявляется рѣшеніе подчинить собственному надзору изданіе академической газеты [5]). Въ 1760 г. конференція пересылаетъ въ сенатъ для разсмотрѣнія съ своимъ одобрительнымъ отзывомъ предложеніе таможеннаго оберъ-инспектора Шемякина относительно безпошлиннаго ввоза въ Россію шелка, золота и серебра для снабженія ими русскихъ фабрикъ. Сенатъ долженъ былъ также отвѣчать конференціи на разныя требованія объ увеличеніи суммъ на содержаніе арміи и другіе государственные расходы [6]). Въ дѣятельности конференціи встрѣчается случай выдачи ею диплома о службѣ фельдмаршалу Бутурлину, въ которомъ она удостовѣряетъ, что „всѣ учиненныя имъ распоряженія основаны на прямой ревности, осторожномъ благоразуміи, а

---

1) Сперанскій: „О государств. установленіяхъ“, Архивъ ист. и практ. свѣдѣній Калачева, 1859, Ш, 28 с. 2) П. С. З., XIV, № 10,765, Соловьевъ, ibid., 242—243 с., Ѳ. Дмитріевъ, 53 с. 3) Соловьевъ, 172 с. 4) П. С. З., XIV, № 10,622 и XV, № 11,180. 5) Архивъ князя Воронцова, III, 504—508 с. 6) Соловьевъ, XXIV, 273, 347 и 424 с.

трудолюбіе его и попеченіе простираются на все безъ изъятія"[1]). Но главныя занятія конференціи состояли въ обсужденіи разнаго рода иностранныхъ дѣлъ[2]).

Преемникъ Елизаветы Петровны, *Петръ III Θеодоровичъ* (25 дек. 1761 г.—28 іюня 1762 г.) заявилъ при своемъ возшествіи на престолъ, что онъ самъ будетъ управлять всѣми государственными дѣлами, и что поэтому „отнынѣ никакого особливаго совѣта или конференціи не будетъ, а всѣ дѣла въ своихъ коллегіяхъ отправляться имѣютъ"[3]). Всѣ дѣла конференціи были переданы изъ нея въ сенатъ и въ иностранную коллегію „по принадлежности"[4]). Но противъ упраздненія конференціи былъ канцлеръ графъ Воронцовъ, который при докладѣ Петру Θеодоровичу о разныхъ дѣлахъ въ первый же день его царствованія испрашивалъ у него повелѣнія о томъ, чтобы „совѣтъ конференціи вседневно собирался и чтобы государь назначилъ его членовъ"[5]). Воронцовъ находилъ, что организація конференціи при Елизаветѣ Петровнѣ была неудовлетворительна и незадолго до ея смерти писалъ И И. Шувалову (13 дек. 1761 г.), что „необходимо надобно, что Е. И. В. соизволила для блага всего государства конференцію на добромъ основаніи учредить, инако всѣ дѣла въ великую разстройку придутъ"[6]). Въ своемъ упомянутомъ нами докладѣ Петру III графъ Воронцовъ отвергалъ всякую возможность для императора управлять самому всѣми государственными дѣлами и предлагалъ ему образовать совѣтъ, который былъ необходимъ при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ. „Генеральныя дѣла Европы, писалъ Воронцовъ, въ такую теперь кризу пришли, что си-

---

1) Архивъ князя Воронцова, IV, 517 с. 2) Архивъ князя Воронцова, VII, 354—366 с., Соловьевъ, ibid., 212—213, 248, 251, 267 и 295—296 с., Бильбасовъ: „Исторія Екатерины II", Спб., 1890, Ш, 1-й, прил. 481—482 с. 3) Архивъ князя Воронцова, XXV, 251 с. (Докладъ графа М. Л. Воронцова Петру Ш). 4) П. С. З., XV, № 11418. 5) Архивъ князя Воронцова. VII, 527 с. 6) Архивъ князя Воронцова, XXXII, 45 с.

стему или совсѣмъ новую принять, или же во многомъ перемѣнить надобно будетъ, а съ перемѣной системы и во всѣхъ распоряженіяхъ великія перемѣны дѣлать". „Но сію новую систему, замѣчаетъ Воронцовъ, составить, ни одной пользы не пропустить, а все то предусмотрѣть, что слѣдствія предосудительнаго или вреднаго произвести могутъ, и всѣ распоряженія согласно тому учредить не можетъ ни сенатъ, ни иностранная коллегія, паче же, когда пойдутъ дѣла на перепискахъ между сенатомъ, коллегіями иностранной, военной и адмиралтейской". Въ этомъ послѣднемъ случаѣ „во первыхъ, секретъ подверженъ во многихъ рукахъ великой опасности, а дѣла промедленію, а притомъ и то легко случиться можетъ, что между разными мѣстами произойдутъ отъ неясности разныя мнѣнія, отъ того несогласія, а отъ несогласіи разногласные доклады государю". Воронцовъ увѣренъ, что при сохраненіи прежней конференціи или учрежденіи „какого-либо тому подобнаго совѣта" устранится смѣшеніе дѣлъ и установится вся система управленія. При существованіи такого совѣта, который явится „единымъ мѣстомъ всего сопряженія главныхъ дѣлъ", для государя „меньше будетъ затрудненія, несравненно больше способа и времени" управлять всѣмъ государствомъ. Отъ учрежденія совѣта „ни сенатъ, ниже которая коллегія, по мнѣнію Воронцова, немало силы своея не теряютъ": принятыя конференціей рѣшенія будутъ согласны съ системой управленія, „а точное ихъ исполненіе всегда тѣмъ же присутственнымъ мѣстамъ припадлежать будетъ". Кромѣ всѣхъ этихъ соображевій, Воронцовъ старается расположить императора въ пользу своего проэкта еще и тѣмъ, что хвалитъ дѣятельность конференціи въ первое время царствованія Петра III[1]). „По че-

1) Докладъ графа Воронцова Петру III относится къ концу января или началу февраля 1762 г. (Даневскій: „Исторія образованія государственнаго совѣта въ Россіи", приложеніе, 4 с.).

сти и съ чистою совѣстью справедливо засвидѣтельствовать могу, говоритъ онъ, что управленіе ея по сю пору дѣлами было всегда руководствовано истиннымъ и усерднымъ о пользѣ государственной попеченіемъ и патріотическою вѣрностью Вашему Величеству" [1]). Петръ Θеодоровичъ согласился съ доводами графа Воронцова и не только рѣшилъ, согласно его представленію, „оставить въ прежней силѣ и основаніи конференцію, учрежденную при Елизаветѣ Петровнѣ, для отправленія важнѣйшихъ государственныхъ и тайныхъ дѣлъ, но и точнѣе предписать важную ея должность и упражненіе" Проэктъ манифеста объ образованіи совѣта или конференціи полагаетъ „главную и первую ея должность" въ управленіи политическими дѣлами и въ разрѣшеніи, связанныхъ съ ними, вопросовъ внутренняго управленія. Въ число конференцъ-министровъ были назначены: князь Трубецкой, князь Голицынъ, канцлеръ графъ Воронцовъ, графъ Шуваловъ, Неплюевъ и генералъ графъ Воронцовъ. При конференціи была образована канцелярія, завѣдованіе которой было поручено тайному конференцъ-секретарю Волкову. Три первыя коллегіи должны были докладывать обо всѣхъ важныхъ дѣлахъ конференціи, которая посылала имъ указы. Проэктъ вмѣняетъ въ обязанность сенату „крайнее и главнѣйшее раченіе къ тому устремить, чтобы законы неотмѣнно полную свою сохраняли силу, чтобы правосудіе наблюдалось въ полной его мѣрѣ безъ всякаго лицепріятія", и чтобы исполнялись всѣ указы Петра Великаго и Елизаветы Петровны. Сенатъ обязанъ былъ слѣдить и за тѣмъ, „чтобы всѣ коллегіи, канцеляріи и присутственныя мѣста каждое исполняло прямую токмо и существительную ихъ должность, а никакое мѣсто въ дѣла другаго мѣста не вмѣшивалось, ниже въ сенатъ или какое другое высшее мѣсто какое-либо нерѣшенное дѣло переносимо было". Во всѣхъ случаяхъ,

1) Архивъ князя Воронцова, XXV, 251—254 с. (Докладъ etc.).

гдѣ „нѣтъ точныхъ и прямыхъ указовъ и законовъ“, сенатъ не долженъ употреблять сомнительнаго ихъ толкованія, а „собравъ всѣхъ коллегій президентовъ и вице-президентовъ рѣшить дѣло и поднести свое мнѣніе на высочайшее утвержденіе“. Конференція должна была управлять государственными доходами и расходами и заботиться о развитіи коммерціи. Въ конференціи предсѣдательствуетъ самъ императоръ; поэтому она посылаетъ во всѣ мѣста рескрипты и всѣ ея резолюціи приравниваются къ Высочайшимъ повелѣніямъ[1]).

Кромѣ этого „проэкта“ манифеста объ образованіи при Петрѣ III, отъ его времени остался еще „Планъ и росписаніе учрежденнаго вновь при дворѣ изъ четырехъ департаментовъ имѣющаго быть совѣта съ назначеніемъ, кому быть министромъ и кому статскимъ секретаремъ“[2]). По этому плану совѣтъ раздѣлялся на четыре департамента: 1) военныхъ дѣлъ, 2) морскихъ, 3) внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и 4) внѣшнихъ дѣлъ. Во главѣ каждаго департамента стояли статсъ-секретари, которые должны были жить во дворцѣ. Въ члены совѣта (ministres assistants) подъ предсѣдательствомъ императора назначались приближенные ко двору и вліятельные въ государствѣ лица, причемъ ихъ число было больше, нежели въ „проэктѣ“. „Планъ“ названъ въ оригиналѣ „несостоявшимся“, хотя при послѣдовавшемъ при Петрѣ III образованіи совѣта въ него вошли почти всѣ лица, обозначенныя въ „планѣ“, какъ члены совѣта[3]). „Проэктъ“ пополнялъ „планъ“ въ томъ отношеніи, что опредѣлялъ точнѣе компетентность предполагаемаго совѣта и его отношеніе къ сенату, коллегіямъ и прочимъ учрежденіямъ. Самое об-

---

1) Даневскій, н. с., приложенія, 6—9 с. 2—3) Дѣла Московскаго Архива Минист. Иностр. Дѣлъ, 3-я связка (Объ образованіи разныхъ государственныхъ учрежденій). По „плану“ членами совѣта должны были быть: императоръ, какъ предсѣдатель, оба гольштинскихъ принца, графъ Минихъ, князь Трубецкой, Вильбуа, Панинъ, Куракинъ, Нарышкинъ и гетманъ.

разованіе совѣта при Петрѣ III послѣдовало 20 мая 1762 года. Членами совѣта подъ предсѣдательствомъ императора были назначены: два гольштинскихъ принца (Георгъ и Петръ-Августъ), графъ Минихъ, князь Трубецкой, графъ Воронцовъ, генералъ-фельдмаршалъ Вильбуа, князь Волконскій и генералъ-поручикъ Мельгуновъ. Тайный секретарь Волковъ завѣдовалъ канцеляріей совѣта. Цѣль учрежденія совѣта была та, чтобы „намѣренія, принятыя къ пользѣ и славѣ имперіи и къ благополучію вѣрныхъ подданныхъ, наилучше и скорѣе въ дѣйство произведены быть могли“ [1]). Указы совѣта по важнѣйшимъ дѣламъ подписывались самимъ императоромъ, а по дѣламъ обыкновеннымъ—одними членами совѣта. Причемъ эти послѣдніе указы сравнивались съ именными указами императора. Рапорты объ исполненіи резолюцій совѣта адресовались на имя тайнаго секретаря Волкова[2]). Съ образованіемъ совѣта сенатъ лишается своего высшаго значенія въ управленіи, и безъ того подорваннаго конференціей въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны. Отъ сената было отнято право издавать безъ Высочайшей апробаціи указы, „кои въ нѣкоторый законъ или хотя въ подтвержденіе прежнихъ служатъ“ [3]). Военная и адмиралтейская коллегіи освобождаются изъ подъ зависимости отъ сената: доклады изъ нихъ идутъ, минуя сенатъ, прямо къ императору[4]). Судебная дѣятельность сената, затемненная до нѣкоторой степени въ предшествующее царствованіе обширными административными правами сената, выдвигается теперь на первый планъ: въ сенатѣ учреждается новый апелляціонный департаментъ „для скорѣйшаго рѣшенія юстицкихъ, вотчинныхъ и всякихъ апелляціонныхъ дѣлъ“[5]). Впрочемъ, сенатъ при Петрѣ III продолжаетъ заниматься и рѣ-

---

1) Соловьевъ, XXV, 9 с., Записки Миниха (отца), 94 с. 2—3) П. С. З., XV, №№ 11,538 и 11,558. 4) Ibidem, №№ 11,452, 11,458, 11,467, 11,468, 11,470, 11,476, 11,480 и 11,552. 5) XV, № 11,422.

шеніемъ дѣлъ внутренняго управленія. Такъ онъ обсуждалъ вопросы объ управленіи церковными имѣніями, раскольникахъ и состояніи государственныхъ финансовъ [1]).

Совѣтъ при Петрѣ III, въ которомъ всѣми важнѣйшими государственными дѣлами управлялъ Волковъ [2]), не успѣлъ получить вполнѣ опредѣленнаго устройства [3]), такъ какъ Петръ III долженъ былъ скоро уступить русскій престолъ своей супругѣ, знаменитой *Екатеринѣ II* (1762—1796). Въ теченіе ея продолжительнаго царствованія произошли важныя преобразованія во всей администраціи, имѣвшія тѣсную связь съ предшествующимъ ходомъ ея развитія. Въ то время были положены основанія системѣ центральныхъ учрежденій, окончательно образованныхъ въ послѣдующее царствованіе Павла I и особенно Александра I. Въ организаціи правительственныхъ учрежденій при Екатеринѣ II соединяются правильно бюрократическій, личный элементъ ихъ устройства съ коллегіальнымъ, которые были смѣшаны до сихъ поръ въ центральномъ и особенно мѣстномъ управленіи [4]). Вѣдомство всѣхъ правительственныхъ установленій опредѣляется болѣе или менѣе послѣдовательно проведеннымъ началомъ раздѣленія властей. Въ центральномъ управленіи

---

1) Соловьевъ, XXV, 19- 26 с. 2) По словамъ графа Н. И. Панина, Волковъ „исполнялъ роль перваго министра, былъ правителемъ самихъ министровъ, избиралъ и сочинялъ дѣла по самому хотѣнію и заставлялъ министровъ оныя подписывать“ (Докладъ etc., Рус. Архивъ, 1871, IX, 1418 с.). Минихъ говоритъ, что Волковъ „водилъ перомъ государя и былъ ближайшимъ его совѣтникомъ“, и что „то, съ чѣмъ соглашался Волковъ, и составляло образъ правленія при императорѣ Петрѣ III“ (Записки Миниха (отца), 95 с.). 3) Появленіе „проэкта“, „плана“ образованія совѣта и, наконецъ, сообразное съ ними, его учрежденіе доказываютъ убѣдительно, что и въ кратковременное царствованіе Петра III ясно ощущалась давно сознаваемая потребность въ созданіи государ. совѣта, удовлетворенная наконецъ въ послѣдующія царствованія, особенно при Александрѣ I, 4) Графъ Н. И. Панинъ видитъ причину безпорядковъ въ госуд. управленіи при Елизаветѣ Петровнѣ и Петрѣ III въ томъ, что при нихъ „въ верховномъ государевомъ мѣстѣ части государственныя были безъ раздѣленія и никоторая никому особливо не поручена“ (Докладъ etc., 1418 с.), ср. Ѳ. Дмитріевъ, н. с., 63 с.

обозначается три рода учрежденій: законодательное—совѣтъ, административное—генералъ-прокуроръ и судебное—сенатъ. Но наибольшаго развитія достигла при Екатеринѣ II система мѣстныхъ установленій, образованныхъ „учрежденіемъ о губерніяхъ". Всѣ административныя преобразованія Екатерины II совершались постепенно въ продолженіе всего ея царствованія. При своемъ возшествіи на престолъ Екатерина застала полный безпорядокъ во всемъ управленіи. Плохое состояніе финансовъ и всей финансовой администраціи и монетнаго дѣла, отсутствіе кредита и упадокъ авторитета власти въ провинціяхъ, гдѣ, по словамъ императрицы, „исполнялись худо указы самого сената[1]) „флотъ въ упущеніи, армія въ разстройствѣ, крѣпости въ развалинахъ; въ сенатѣ за излишество почитали государственныя дѣла слушать и оттого сдѣлалось, что иногда сами не знали, о чемъ судятъ"[2]),—такова была картина внутренняго управленія Россіи въ половинѣ 1762 г. Екатерина особенно была недовольна сенатомъ, который „вышелъ изъ границъ", удержалъ за собою право „выдавать законы, раздавать чины, достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ, почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ"[3]). Въ сенатѣ же сохранились аристократическія традиціи верховниковъ, которыя проявились при возшествіи на престолъ Екатерины II въ намѣреніи графа Н. И. Панина создать въ Россіи аристократическій государственный совѣтъ по образцу шведскаго. Панинъ предложилъ Екатеринѣ II отказаться отъ неограниченной власти и учредить постоянный совѣтъ, который можетъ гарантировать ей корону. Члены этого со-

1) „Разсказъ Екатерины II о первыхъ пяти годахъ ея царствованія", Рус. Архивъ, 1765, Ш, 479—480 с. 2) „Собственноручная записка Екатерины II о первыхъ годахъ ея царствованія", Сборн Рус. Ист. Общ., X, 380—381 стр. 3) Чтенія въ общ. ист. и др. рос., 1859, I, 102 с. (Секретнѣйшее наставленіе Екатерины II генералъ-прокурору князю Вяземскому).

вѣта, которые назначались изъ среды знати, должны были быть безсмѣнными и обладали правомъ въ случаѣ ихъ преступленій судиться только себѣ равными[1]). Екатерина II поручила Панину представить докладъ о предлагаемомъ имъ преобразованіи въ высшемъ управленіи Россіи. Мы уже знакомы съ тою частью этого доклада Панина, гдѣ онъ отзывается неодобрительно о временахъ Елизаветы Петровны и Петра III. Безпорядки при нихъ въ управленіи не могли быть устранены, по словамъ Панина, сенатомъ, который былъ при Елизаветѣ Петровнѣ центромъ всего государственнаго управленія, но онъ „подъ государевой державной властью не можетъ имѣть права законодавца, а управляетъ по предписаннымъ законамъ и правиламъ. Его первое правило наблюдать теченіе дѣлъ и производить ему принадлежащія по силѣ выданныхъ законовъ и указовъ на каждое судебное мѣсто. Сенатъ часто опредѣляетъ и рѣшитъ вредныя дѣла по законамъ, разновременно изданнымъ, часто не соображая, что по перемѣнамъ положенія въ государствѣ и по приключающимся обстоятельствамъ одно другому иногда можетъ дѣлать подрывы“. Панинъ думаетъ, что сохраненіе такого порядка вещей приведетъ къ тому, что „не только сенатъ выйдетъ изъ своихъ границъ, но и теченіе дѣлъ въ правленіи государства часто будетъ останавливаться и вмѣсто скорыхъ резолюцій будутъ нескончаемыя разсужденія и споры о новыхъ законахъ“. „Дѣйствительный успѣхъ и общая польза“ не могутъ быть достигнуты сенатомъ и при помощи коллегій и приказовъ, гдѣ дѣла „производятся больше съ наблюденіемъ одного приказнаго порядка, нежели съ попеченіемъ о дѣйствительномъ успѣхѣ и общей пользѣ, и въ границахъ собственныхъ законовъ, въ предѣлахъ которыхъ долженъ обращаться и сенатъ“. Каждый сенаторъ и судья обязаны

---

1) Castera: „Vie de Catherine II, Paris, 1797, Tome premier, 195—196 p., cp. Crusenstolpe: „Der russische Hof“, II Band, 109 s.

только „разсудить дѣло по силѣ указовъ, а сомнительное изъ того взнесть въ докладъ. Главное же и общее о всемъ государствѣ попеченіе замыкается, замѣчаетъ Панинъ, въ персонѣ государя, который можетъ произвести въ полезное дѣйство свою самодержавную и законодательную власть разумнымъ ея раздѣленіемъ между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому единственно персонъ". Для того, чтобы Екатерина могла „употребить свое право самодержавства съ полною властью къ основанію и утвержденію формы и порядка въ правительствѣ для общей пользы и благосостоянія имперіи", Панинъ предлагаетъ ей учредить „верховное мѣсто лежислаціи или законоданія, изъ котораго, яко отъ единаго государя и изъ единаго мѣста истекать будетъ собственное монаршее изволеніе, все оживотворяющее, и которое оградитъ самодержавную власть отъ скрытыхъ иногда похитителей оныя"[1]).

Вмѣстѣ съ докладомъ графъ Панинъ поднесъ Екатеринѣ II обширный проэктъ „Устава Верховному Правительству", показывающій ясно, на сколько были опредѣленны и до извѣстной степени правильны понятія государственныхъ людей второй половины XVIII в. объ основаніяхъ организаціи высшихъ учрежденій государственнаго совѣта и сената. Проэктъ Панина видитъ причину бывшихъ до этого времени частыхъ перемѣнъ въ государственномъ управленіи въ томъ, что „въ производствѣ дѣлъ дѣйствовала болѣе сила персонъ, нежели власть мѣстъ государственныхъ" и недоставало „такихъ начальныхъ основаній правительства, которыя бы его форму твердо сохранить могли. Панинъ считаетъ всѣ учрежденія послѣ Петра I непрочными и замѣчаетъ, что въ это время „иногда и самимъ верховнымъ мѣстамъ нашего самодержавнаго правительства оставалось только ихъ именованіе,

1) „Докладъ графа Панина Екатеринѣ II", Рус. Архивъ, 1871, IX и Сборн. Руск. Ист. Общества, VII, 202—209 с.

а все государство одними персонами и ихъ изволеніями безъ знаній и внѣ мѣстъ управляемо было". Недостаточность установленій и частыя злоупотребленія „привели въ такое положеніе правленіе дѣлъ" въ Россіи, что „при наиважнѣйшемъ произшествіи на монаршемъ престолѣ (воцареніе Петра III) почиталось излишнимъ и ненадобнымъ собраніе верховнаго правительства". Въ проэктѣ заявляется о твердомъ намѣреніи Екатерины II исправить различные недостатки въ управленіи, чтобы непоколебимо утвердить форму и порядокъ, которыми подъ императорскою самодержавною властью, государство навсегда управляемо быть должно". Всѣ преобразованія будутъ исходить изъ мысли Петра I о самодержавной власти русскихъ государей. Во главѣ всего управленія проэктъ ставитъ императорскій совѣтъ, гдѣ предсѣдательствуетъ сама императрица. Совѣтъ состоитъ изъ шести членовъ, въ числѣ которыхъ находятся „штацкіе министры" иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ, военныхъ и морскихъ. Каждый изъ нихъ завѣдуетъ однимъ изъ соотвѣтствующихъ четырехъ департаментовъ, на которые подраздѣляется совѣтъ. Но министры могутъ быть и не изъ числа императорскихъ совѣтниковъ. „И въ такомъ случаѣ предписанное ихъ число шести, не включая сихъ министровъ, состоять имѣетъ (1—3 и 5 §). Но какъ члены совѣта, такъ и тѣ штацкіе министры не умножаютъ классовъ учрежденныхъ, а считаются по табели о рангахъ обыкновенными чинами, кто какіе имѣть будетъ, довольствуяся отличностью монаршаго избранія къ такой знатной и важной должности" (6 §). Проэктъ точно опредѣляетъ кругъ вѣдомства и значеніе императорскаго совѣта въ государственномъ управленіи. Въ компетентность совѣта входятъ „всѣ дѣла, принадлежащія по уставамъ государственнымъ и по существу самодержавной власти" русскаго государя; „вносимые не въ присутствіи сената доклады, мнѣнія, проэкты, всякія справедливыя просьбы, точное

свѣдѣніе всѣхъ разныхъ частей, составляющихъ государство и его пользу, словомъ все то, что служить можетъ къ собственному самодержавнаго государя попеченію о приращеніи и исправленіи государственномъ" (4 §).

Панинъ старается, повидимому, придать учрежденію совѣта строго монархическій, законосовѣщательный характеръ. „Все установленіе сего императорскаго совѣта, заявляется въ проэктѣ, инаго намѣренія имѣть не можетъ и „не должно, какъ только то, чтобы средствомъ онаго самъ государь могъ объять всѣ части государственныя подъ свое монаршее попеченіе для удобнѣйшаго въ пользу общую законодательства, слѣдовательно для поданія совершенной силы дѣйствію его самодержавной власти" (6 §). „Императорскій совѣтъ, говорится въ другомъ мѣстѣ проэкта, ничто иное, какъ то самое мѣсто, въ которомъ мы объ имперіи трудимся, и потому всѣ доходящія до насъ, яко до государя, дѣла должны быть раздѣляемы между штацкими министрами (предсѣдателями департаментовъ совѣта), а они по своимъ департаментамъ должны ихъ разсматривать, выработывать, въ ясность приводить, *Намъ въ совѣтъ предлагать* и по нимъ отправленія чинить по нашимъ резолюціямъ и повелѣніямъ. Министры же должны быть живою запискою рачительному государю принадлежащаго точнаго свѣдѣнія о установленіяхъ и состояніи всѣхъ вещей, составляющихъ дѣла, порядокъ и положеніе всего государства" (§ 5). Проэктъ опредѣляетъ устройство канцеляріи, которой управляетъ директоръ съ извѣстнымъ количествомъ секретарей и другихъ чиновниковъ, и устанавливаетъ порядокъ дѣлопроизводства въ совѣтѣ. Въ засѣданіяхъ совѣта, которыя происходятъ въ опредѣленное время и въ назначенномъ для нихъ мѣстѣ, въ присутствіи государыни „каждый министръ по своему департаменту предлагаетъ дѣла, принадлежащія къ докладу и Высочайшему императорскому рѣшенію. А совѣтники императорскіе сво-

ими мнѣніями и разсужденіями оныя оговариваютъ, и мы нашимъ самодержавнымъ повелѣніемъ опредѣляемъ нашу послѣднюю резолюцію" (7—8 §§). Директоръ или правитель канцеляріи совѣта ведетъ протоколы преніямъ членовъ совѣта и Высочайшимъ резолюціямъ, постановленнымъ на докладахъ (§ 9). „Всякое новое узаконеніе, актъ, постановленіе, манифесты, грамоты, патенты, которые государи сами подписываютъ, должны быть контрасигнированы тѣмъ штацкимъ министромъ, по департаменту котораго то дѣло производилося, дабы тѣмъ публика оное отличать могла" (§ 10). „Изъ сего императорскаго совѣта, добавляетъ проэктъ, ничто исходить не можетъ инако, какъ за собственноручнымъ монаршимъ подписаніемъ" и только въ случаяхъ маловажныхъ запросовъ и справокъ по дѣламъ они подписываются однимъ изъ членовъ совѣта или же правителемъ его канцеляріи (§ 11). Вслѣдъ за образованіемъ совѣта въ проэктѣ Панина слѣдуютъ предположенія о реорганизаціи сената, которому предоставляется право „имѣть свободность представлять на Высочайшія повелѣнія, ежели они въ исполненіи своемъ могутъ утѣснять наши государственные законы или народа нашего благосостояніе" (1 §). Чего въ государственныхъ дѣлахъ сенатъ рѣшить не можетъ, о томъ онъ долженъ представлять императрицѣ (2 §). Сенатъ по проэкту раздѣляется на шесть департаментовъ, между которыми распредѣлены всѣ дѣла, бывшія въ вѣдѣніи сената. При первомъ департаментѣ сената остается генералъ-прокуроръ, а въ каждомъ изъ остальныхъ по одному оберъ-прокурору (§ 3). Дѣла въ департаментахъ рѣшаются „единогласно и на точномъ разумѣ законовъ" (§ 4). Въ сомнительныхъ же случаяхъ дѣла рѣшаются въ первомъ департаментѣ или общемъ собраніи сената по инціативѣ и при содѣйствіи генералъ-прокурора. По большинству же голосовъ и согласно съ существующими законами рѣшаются „всякія новыя и въ департ-

таментахъ еще нетрактованныя государственныя дѣла"; въ случаѣ же отсутствія законовъ дѣло восходитъ на Высочайшее усмотрѣніе[1]).

Проэктъ „Устава Верховному Правительству" Панина былъ принятъ Екатериной II, которая повелѣла составить на его основаніи манифестъ, сообщенный ею нѣкоторымъ сановникамъ съ цѣлью предварительнаго обсужденія, прежде публикаціи манифеста, предлагаемыхъ Панинымъ преобразованій въ управленіи. Одинъ изъ нихъ (быть можетъ, графъ А. П. Бестужевъ или же графъ М. Р. Воронцовъ)[2]) не замедлилъ представить свои „Замѣчанія" на проэктъ манифеста объ учрежденіи совѣта и сената съ приложенною при нихъ запискою. Авторъ „Замѣчаній" предлагаетъ болѣе точно установить порядокъ разсужденій членовъ совѣта, которыя не должны записываться въ протоколы, содержащіе одни только рѣшенія совѣта. Авторъ находитъ, что упоминаемая въ манифестѣ „свободность сената представлять Е. И. В. на собственныя Е. В. повелѣнія" заключаетъ въ себѣ „нѣкоторое сокращеніе самодержавной Е. В. власти: сенатъ и безъ того можетъ Е. В. представлять, когда о чемъ надобно будетъ по его должности, которая предписана ему отъ государя императора Петра Великаго". Наконецъ, тотъ же авторъ „Замѣчаній" совѣтуетъ изъять изъ вѣдомства сената иностранныя дѣла, „которыя никогда въ немъ не были",

---

1) Даневскій, н. с., приложенія, 11—20 с. 2) Авторъ подстрочныхъ замѣчаній къ бумагамъ Екатерины II, изданнымъ въ VII т. С. Р. И. О., подаетъ голосъ за Бестужева, такъ какъ въ манифестѣ противъ словъ: „а все государство одними персонами и ихъ изволеніями безъ знаній и внѣ мѣстъ управляемо было" приписано: „Гр. П. И. Ш., да Ив. Ив. Шуваловъ". Но такой же намекъ на господство въ управленіи „изволеній персонъ" (Шуваловыхъ) могъ сдѣлать и графъ М. Р. Воронцовъ, котораго скорѣе можно считать авторомъ „Замѣчаній" на манифестъ. На это указываетъ сходство въ одномъ мѣстѣ „Замѣчаній" и „Проэкта манифеста объ образованіи совѣта", поданнаго М. Р. Воронцовымъ Петру III. Въ обоихъ актахъ есть предложеніе, чтобы въ сомнительныхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ законовъ, сенатъ обсуждалъ дѣло въ присутствіи членовъ коллегій и потомъ представлялъ бы свое рѣшеніе на Высочайшее усмотрѣніе.

предоставить недовольнымъ рѣшеніемъ общаго собранія сената аппелировать въ совѣтъ и опредѣлить, чтобы въ случаѣ отсутствія узаконеній при рѣшеніи государственныхъ дѣлъ „сбирать сенату всѣ коллегіи и, разсудя, докладывать Е. И. В., и, принявъ резолюцію, сообщить къ сочиняемому новому уложенію“. Въ запискѣ, при которой были препровождены эти замѣчанія, ея авторъ предлагаетъ назвать совѣтъ императорскимъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, какъ это было при императрицѣ Екатеринѣ I: „сіе наименованіе доказуетъ древность государственнаго правленія, которая новостямъ предпочитается“, и такимъ образомъ, „никакимъ разнымъ разсужденіямъ повода не подается“. Члены совѣта должны называться министрами императорскаго верховнаго тайнаго совѣта и, какъ ранѣе, дѣйствительными тайными совѣтниками. Авторъ записки даетъ совѣтъ Екатеринѣ II „недреманнымъ окомъ смотрѣть, чтобъ самодержавную власть, подобно уздѣ, изъ рукъ не выпускать“, какъ это произошло при Екатеринѣ I и Аннѣ Ивановнѣ, которыя обѣ подчинили сенатъ первая верховному тайному совѣту, а вторая кабинету. Точно также и новый императорскій верховный тайный совѣтъ долженъ разрѣшать жалобы на рѣшенія сената, чѣмъ „самодержавная власть непоколебимо содержана и утверждена будетъ“ [1]). Другое мнѣніе о манифестѣ также неизвѣстнаго автора „Доклада Екатеринѣ II объ учрежденіи совѣта“ тоже „признаетъ пользу и нужду въ учрежденіи совѣта, который бы служилъ къ облегченію трудовъ“ императрицы: тогда она можетъ „обратить главное свое попеченіе на исправленіе законовъ, справедливое признаніе заслугъ и преступленій, на общую государственную экономію и народное благоденствіе“. Авторъ „Доклада“ находитъ, что главная цѣль учрежденія совѣта заключается въ „исправленіи

1) Сборникъ Рус. Ист. Общества, VII, 217—221 с.

законовъ (установленіи новыхъ и непремѣнныхъ, при соблюденіи самодержавной власти, въ случаѣ преемничества престола) и истребленіи всѣхъ нынѣ въ правительствѣ усмотрѣнныхъ недостатковъ". Опредѣленіе числа членовъ совѣта должно зависѣть отъ воли императрицы. Должности статскихъ секретарей нужно опредѣлить не въ манифестѣ, а въ составленномъ ранѣе учрежденія совѣта его регламентѣ: такимъ путемъ могутъ быть избѣгнуты всякія недоразумѣнія, споры и притѣсненія въ правахъ президентовъ трехъ главныхъ коллегій, которые должны, какъ и прежде, докладывать государю лично и независимо отъ статскихъ секретарей. Этимъ послѣднимъ необходимо предоставить право сочинять именные указы, которые касаются дѣлъ ихъ департаментовъ, а „правителю канцеляріи совѣта—только тѣ, кои не касаются до департаментовъ". Въ заключеніи къ своему „Докладу" его авторъ отзывается неодобрительно о предложеніи Панина раздѣлить сенатъ на департаменты и совѣтуетъ „оставить это на собственное разсмотрѣніе сената"[1]).

Оба неизвѣстныхъ автора мнѣній объ образованіи предполагаемаго совѣта, относятся, видимо, благопріятно къ проэкту Панина: первый изъ нихъ, выражая заботливость о томъ, чтобы при новыхъ реформахъ въ высшемъ управленіи не произошло „сокращенія самодержавной власти", въ тоже время настаиваетъ на возстановленіи прежняго верховнаго тайнаго совѣта и подчиненіи ему сената. Авторъ же „Доклада" желаетъ освободить отъ всякой зависимости отъ совѣта президентовъ трехъ первыхъ коллегій и возвысить правительственное значеніе сената на счетъ совѣта. Общее между обоими авторами было то, что они одинаково сочувствовали мысли Панина объ ограниченіи власти Екатерины II въ пользу знати[2]). Въ числѣ друзей Панина были обра-

1) Архивъ князя Воронцова, XXVI, 1—4 с. 2) Ратынскій: „Дворъ и правительство въ Россіи сто лѣтъ тому назадъ" (Рус. Архивъ, 1886, XXIV, I, 155—

зованнѣйшіе государственные люди, ясно сознававшіе необходимость учрежденія въ ту пору государственнаго совѣта въ Россіи. Такъ графъ С. Р. Воронцовъ бывшій посланникомъ въ Англіи, въ письмѣ къ Панину замѣчаетъ, что совѣтъ необходимъ, какъ высшее учрежденіе, гдѣ должны разсматриваться важнѣйшія какъ внутреннія, такъ и внѣшнія дѣла: такимъ путемъ будетъ устранена возможность вредныхъ для государства ошибокъ со стороны представителей высшей администраціи, которые не будутъ нести отвѣтственности за свою дѣятельность[1]). Графъ С. Р. Воронцовъ, слѣдовательно, желалъ образовать государственный совѣтъ съ обширною и безотвѣтственною властью въ государствѣ. Не такъ благосклонно отнесся къ проэкту Панина одинъ изъ членовъ бывшаго при Петрѣ III совѣта, генералъ-фельцехмейстеръ, Вильбуа, спрошенный Екатериной. По мнѣнію Вильбуа, авторъ „Проэкта“ „подъ видомъ защиты монархіи тонкимъ образомъ склоняется къ аристократическому правленію. Обязательный и государственнымъ закономъ установленный императорскій совѣтъ и вліятельные его члены могутъ съ теченіемъ времени подняться до значенія соправителей. Императрица, по своей мудрости, отстранитъ все то, изъ чего впослѣдствіи могутъ произойти вредныя дѣйствія. Ея разумъ и духъ не нуждаются ни въ какомъ особенномъ совѣтѣ, только здравіе ея требуетъ облегченія отъ невыносимой тяжести необработанныхъ и восходящихъ къ ней дѣлъ. Но для этого нужно только раздѣленіе ея частнаго кабинета на департаменты съ статсъ-секретаремъ для каждой“.

---

156 с.). По словамъ Ратынскаго, графъ Н. И. Панинъ, увлекаясь аристократическимъ правленіемъ въ Швеціи (до 1772 г.), гдѣ онъ былъ посланникомъ при Елизаветѣ Петровнѣ, желалъ вмѣстѣ съ Тепловымъ создать въ Россіи такой порядокъ вещей, который „оставляя верховную власть въ принципѣ самодержавною, давалъ бы возможность нѣсколькимъ сановникамъ имѣть вліяніе на ея рѣшенія и тѣмъ самымъ ее ограничивать“ (ibidem).—1) Русскій Архивъ, 1874, II, 291—297 с.

Императрица, замѣчаетъ Вильбуа, можетъ выбирать въ число своихъ совѣтниковъ способнѣйшихъ людей, между тѣмъ какъ въ случаѣ учрежденія императорскаго совѣта ея воля будетъ связана избранными въ него членами. Вильбуа одобряетъ предлагаемое Панинымъ дѣленіе совѣта на департаменты, которые должны состоять изъ небольшаго числа членовъ. Для русскаго монарха, заключаетъ свое мнѣніе Вильбуа, нужна неограниченная власть. Императорскій же совѣтъ слишкомъ приблизитъ подданнаго къ государю и у подданнаго можетъ явиться желаніе подѣлить власть съ государемъ"[1]). Противъ проэкта Панина высказался еще графъ Бестужевъ, представившій Екатеринѣ II всю опасность учрежденія императорскаго совѣта, „съ которымъ она должна будетъ раздѣлить власть, пріобрѣтенную съ такимъ трудомъ"[2]). Но и независимо отъ неодобрительныхъ отзывовъ Вильбуа и Бестужева о проэктѣ Панина послѣдній не могъ разсчитывать, чтобы императрица приняла безпрекословно всѣ его предложенія о реформахъ въ управленіи. Для Екатерины казалось подозрительнымъ то, что инициатива учрежденія совѣта исходитъ отъ графа Н. И. Панина, который думалъ по отстраненіи отъ престола Петра III возвести на него малолѣтняго его сына, Павла, а Екатерину назначить только правительницей до совершеннолѣтія императора[3]). Екатерину оскорбляло также то недовѣріе къ ея силамъ и способностямъ, какое высказалъ Панинъ въ своемъ проэктѣ объ ограниченіи власти императрицы отъ вліянія фаворитовъ[4]). Въ самомъ проэктѣ Екатеринѣ не нравилось названіе управляющихъ департаментами совѣта „министрами", въ которыхъ она видѣла лицъ, облеченныхъ обширною и неопре-

---

1) Blum: „Ein russischer Staatsmann" (Sievers), I, 144—146 s. 2) Castera, 197 p., Crusenstolpe, 11,111 s. 3) Соловьевъ, XXV, 150 с., Crusenstolpe, II, 19—23 s. 4) Соловьевъ, XXV, 150 с., Брикнеръ: „Исторія Екатерины II", Спб., 1885, IV, 618 с.

дѣленною властью: императрицу стѣсняло то, что она должна была назначить въ совѣтъ опредѣленное число членовъ. Могло возбудить недовѣріе Екатерины предоставляемое проэктомъ министрамъ-председателямъ департаментовъ совѣта—право контрасигнировать всѣ законы, акты, постановленія, манифесты, грамоты и патенты, исходящіе изъ совѣта: вслѣдствіе этого „министры" могли бы пріобрѣсти особенное вліяніе на важнѣйшія государственныя дѣла и общественную жизнь, которое подрывало бы авторитетъ монархической власти. Ея права несомнѣнно уменьшались и правомъ сената представлять государынѣ о неудобствахъ исполненія Высочайшихъ повелѣній. Плохую услугу оказали Панину защитники его „Проэкта", особенно неизвѣстный авторъ „Замѣчаній", предложившій назвать императорскій совѣтъ императорскимъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ. Это предложеніе могло навести Екатерину на мысль, что и новый совѣтъ обратится въ такое же аристократическое учрежденіе, какимъ былъ верховный тайный совѣтъ при Екатеринѣ I [1]). При своемъ возшествіи на престолъ Екатерина II не была противъ допущенія къ дѣламъ управленія высшаго дворянства; по ея собственнымъ словамъ, она „чувствовала великую склонность чтить древніе роды", желала возстановить ихъ блескъ пожалованіемъ орденовъ, назначеніемъ въ должности старшихъ въ родѣ, если только они имѣютъ достоинства, „а также раздачею пенсій и даже помѣстій, смотря по надобности и заслугамъ". Но все это Екатерина была готова сдѣлать для знати въ виду того, чтобы увеличилось могущество и обаяніе монархической ея власти: „государи, думала она, кажутся великими по мѣрѣ того, какъ природные знатные и приближенные благоденствуютъ въ отношеніи богатства" [2]). Екатерина не хотѣла отказываться отъ само-

1) Соловьевъ, ibid., 182 с. 2) „Собственноручные замѣтки великой княгини Екатерины Алексѣевны (Екатерины II)", Сб. Рус. Ист. Общ., 83—84 с.

державной власти, которой давно уже пользовались ея предшественники на русскомъ престолѣ и въ необходимости которой для блага Россіи она была искренно убѣждена [1]). Монархическіе взгляды Екатерины II были главною причиною, почему она не согласилась образовать, сообразно проэкту Панина, въ Россіи государственный совѣтъ, хотя сначала она было и рѣшилась послѣдовать его предложенію. На это указываетъ назначеніе графа А. Бестужева „первымъ императорскимъ сановникомъ и первымъ членомъ новаго, учрежденнаго при дворѣ императорскаго совѣта" [2]). Кромѣ Бестужева, были назначены императрицей и другіе члены совѣта: графъ Кирилъ Разумовскій, графъ Михаилъ Романовичъ Воронцовъ, князь Яковъ Шаховской, графъ Н. И. Панинъ, графъ Захаръ Чернышевъ, князь Михаилъ Волконскій и Г. Г. Орловъ [3]). Изъ этихъ членовъ совѣта графъ Панинъ долженъ былъ управлять департаментомъ внутреннихъ дѣлъ, графъ Воронцовъ—„чужестраннымъ" и графъ Чернышовъ—военнымъ департаментомъ [4]). На основаніи проэкта Панина былъ составленъ и подписанъ Екатериной „Манифестъ объ учрежденіи императорскаго совѣта и раздѣленіи сената на департаменты", причемъ названіе „министровъ"

---

1) Брикнеръ, ibidem, 617—618 с. Въ „Секретн. наставленіи князю А. Вяземскому" Екатерина писала: „Россійская имперія есть столь обширна, что кромѣ самодержавнаго государя, всякая другая форма правленія вредна ей; ибо всѣ прочія медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣютъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и почитающаго общее добро своимъ собственнымъ" (Чт. въ общ. ист. и древн. россійскихъ, 1858, I, 103 с.). Такого же образа мыслей Екатерина продолжала держаться и во все свое царствованіе. „Я въ душѣ республиканка, говорила она своимъ приближеннымъ (1782—1783 г.), и деспотизма ненавижу. Но для блага народа русскаго абсолютная власть необходима" (Записки А. М. Тургенева"—Рус. Старина, 1889, LXI, 210 с.). 2) С. Р. И. О., VII, 143 с. Эти слова находятся въ черновомъ проэктѣ манифеста о Бестужевѣ, а въ печатномъ (П. С. З., XVI, № 11,659) ихъ уже нѣтъ. 3) С. Р. И. О., VII, 201 с. 4) Управляющій морскимъ департаментомъ совѣта не былъ назначенъ Екатериной.

замѣнено словомъ „статскихъ секретарей“ и число членовъ совѣта увеличено до девяти. Но потомъ манифестъ былъ надорванъ, актъ объ образованіи совѣта остался необнародованнымъ, а его учрежденіе необразованнымъ [1]). Изъ проэкта Панина было примѣнено къ практикѣ Екатериной только раздѣленіе сената на департаменты съ подробнымъ обозначеніемъ компетентности каждаго изъ нихъ [2]).

Не смотря на то, что совѣтъ не былъ образованъ въ 1762 году, сама Екатерина хорошо сознавала всю его необходимость для упроченія своей власти и управленія такимъ обширнымъ монархическимъ государствомъ, какъ Россія[3]). Даже въ то время, когда шли разсужденія по поводу проэкта Панина, Екатерина созываетъ (17 авг. 1762 г.) собраніе „большаго государственнаго совѣта“ [4]). Когда затѣмъ проэктъ Панина не былъ принятъ, толки объ устройствѣ государственнаго совѣта продолжались [5]). Англійскій посланникъ, графъ Мерси-Аржанто пишетъ графу Кауницу (въ февралѣ 1763 г.): „сначала здѣсь намѣрены были учредить для завѣдованія внѣшними дѣлами государственный совѣтъ. Это предположеніе обсуждалось въ собраніи знатнѣйшихъ лицъ русской націи и по вопросамъ о назначеніи членовъ совѣта и способѣ созданія этого учрежденія между ними обнаружилось большое несогласіе, такъ что самое предположеніе будетъ совершенно оставлено и дѣла останутся по старому, какъ и прежде, въ рукахъ Панина“ [6]). Но 18 окт. того-же 1763 г.

---

1) С. Р. И. О., VII, 210 с. 2) Необходимо замѣтить, что проэктъ Панина объ учрежденіи императорскаго совѣта оказалъ несомнѣнное вліяніе на позднѣйшее образованіе Екатериной совѣта при Высочайшемъ дворѣ, и что планъ Панина объ организаціи совѣта былъ въ числѣ матеріаловъ при преобразованіи екатерининскаго совѣта въ александровскій непремѣнный совѣтъ или, быть можетъ, и—государственнаго совѣта 1810 г.: манифестъ объ учрежденіи императорскаго совѣта былъ найденъ императоромъ Николаемъ I въ кабинетѣ покойнаго государя Александра Павловича (С. Р. И. О., VII, 217 с.). 3—6) Донесенія графа Мерси-Аржанто Маріи Терезіи и графу Кауницу (С. Р. И. О., XLVI, стр.: 44, 38, 342 и 345).

Мерси-Аржанто пишетъ: „на дняхъ рѣшено собираться еженедѣльно два раза государственному совѣту, въ составъ котораго вошли: графъ Бестужевъ, оберъ-гофмейстеръ Панинъ, вице-канцлеръ князь Голицынъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ Неплюевъ“ [1]). „По случаю кончины короля польскаго, добавляетъ Мерси-Аржанто, государственный совѣтъ былъ созванъ вчера“ [2]). Слѣдовательно, фактически государственный совѣтъ существовалъ, хотя и не въ полномъ и опредѣленномъ видѣ, въ первые годы царствованія Екатерины II, которая не оставляла потомъ мысли объ его образованіи Въ 1763 г. она поручаетъ фельдмаршалу Миниху представить записку объ устройствѣ высшаго управленія въ Россіи. Минихъ пишетъ свой: „Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'Empire de Russie“, гдѣ задается цѣлью доказать необходимость учрежденія въ Россіи государственнаго совѣта, который „наполнялъ бы пустоту между верховною властью и сенатомъ“ [3]). Минихъ разсматриваетъ всѣ прежнія попытки восполненія этой „пустоты“, начиная съ Петра I, когда она образовалась, находитъ ихъ недостаточными и предлагаетъ Екатеринѣ II совершить этотъ важный трудъ въ преобразованіи высшаго русскаго управленія. „Благо государства, говоритъ Минихъ, требуетъ, чтобы громадное разстояніе, существующее между высшею властью и властью сената, было восполнено учрежденіемъ совѣта. Этотъ совѣтъ долженъ состоять изъ многихъ лицъ, которыя, находясь у государственнаго кормила, могли бы искусно направлять всѣ дѣла имперіи, облегчать этимъ труды Е. В. императрицы и избавлять ее отъ тягости входить въ подробности не особенно важныхъ дѣлъ“. Минихъ предлагаетъ распредѣлить государственныя дѣла между различ-

---

1—2) Донесенія графа Мерси-Аржанто Маріи Терезіи и графу Кауницу (С. Р. И. О., XLVI, стр.: 377, 644 и 645). 3) Записки Миниха (отца), предисловіе, XVI—XVII с.

ными департаментами совѣта: иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ, финансовъ и торговли, военнымъ и морскимъ департаментомъ. Во главѣ каждаго изъ нихъ должны были стоять особыя лица, избранныя самой императрицей изъ числа способнѣйшихъ администраторовъ. Эти „пять лицъ и составляли бы совѣтъ Е. В., который представлялъ бы ей сущность дѣлъ и, руководясь мудрыми рѣшеніями государыни, изготовлялъ бы необходимые указы сенату и тѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, которыя не находятся въ прямой отъ него зависимости. Въ каждомъ департаментѣ слѣдовало бы имѣть канцелярію, секретарей изъ способныхъ и честныхъ чиновниковъ". Минихъ увѣренъ, что отъ предлагаемаго имъ устройства государственнаго совѣта водворится „удивительный порядокъ въ управленіи дѣлами" въ государствѣ [1]). Но Совѣтъ Миниха имѣлъ видъ не государственнаго совѣта, какъ законосовѣщательной коллегіи, члены которой имѣли бы равныя права при обсужденіи всѣхъ государственныхъ дѣлъ, а совѣта министровъ, управляющихъ отдѣльными департаментами совѣта, какъ своими канцеляріями. Такого почти рода совѣтъ изъ приближенныхъ къ императрицѣ лицъ (Панина [2]), Бестужева, князя Голицына и Неплюева) существовалъ до самого 1768 г.; онъ собирался обыкновенно два раза въ недѣлю для обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ управленія [3]). О чрезвычайныхъ собраніяхъ такого совѣта изъ высшихъ сановниковъ упоминаетъ Н. И. Панинъ въ письмѣ къ Екатеринѣ II, писанномъ наканунѣ формальнаго открытія совѣта въ 1768 году [4]).

Не рѣшаясь въ началѣ своего царствованія дать совѣту прочное, формальное образованіе изъ опасенія оживленія въ

---

1) Ibidem, 95—99 с. 2) Хотя проэктъ Панина объ образованіи импер. совѣта и не былъ осуществленъ, однако, самъ онъ продолжалъ пользоваться особеннымъ довѣріемъ императрицы, которая обыкновенно „разсматривала наединѣ съ нимъ политическія дѣла" (письмо графа С. Р. Воронцова къ императору Александру Павловичу, Архивъ князя Воронцова, X, 397 р.). 3) Соловьевъ, XXV, 182 с., Мерси-Аржанто, 644—645 с. 4) Даневскій, приложенія, 20—21 с.

немъ аристократическихъ стремленій знати, Екатерина II въ тоже время хорошо понимала необходимость организовать самостоятельно законодательную часть въ управленіи, которая находилась до нея въ безпорядочномъ и смѣшанномъ съ другими правительственными функціями видѣ: императрица держалась въ своей дѣятельности опредѣленныхъ принциповъ, политическихъ и административныхъ, и никогда не оставляла безъ вниманія ни одного проэкта[1]). Екатерина обратила свое вниманіе на состояніе законодательства въ русскомъ государствѣ въ первое же время своего царствованія. „Законы наши, писала она въ „Секретнѣйшемъ наставленіи князю Вяземскому", требуютъ поправленія: 1) чтобы все ввести въ одну систему, которой и держаться надлежитъ, 2) чтобы отрѣшить тѣ, которые оной прекословятъ и 3) чтобы раздѣлить временные и на персонъ данные отъ вѣчныхъ и непремѣнныхъ. О семъ уже было помышляемо, добавляетъ Екатерина, но короткость времени меня къ произведенію сего въ дѣйство еще не допустила" [2]). Къ недостаткамъ русскаго законодательства она, кромѣ того, относила: 1) несмѣтное количество законовъ и постановленій, 2) частыя измѣненія, дѣлаемыя въ однихъ и тѣхъ же законахъ, 3) небрежность судей и судовъ въ соблюденіи законовъ и 4) смѣлость, проявляющаяся въ утаиваніи отъ свѣдѣнія народа проступковъ судей и другихъ коронныхъ чиновниковъ [3]). Екатерина II, проявлявшая сильную инициативу во всей своей правительственной дѣятельности, рѣшилась преобразовать всѣ русскія административныя учрежденія сообразно съ хорошо знакомой ей теоріей раздѣленія властей Монтескье[4]). Безразличное смѣшеніе въ нихъ всѣхъ

---

1) Comte-de-Segur: „Memoires" (Oeuvres completes, Paris), II, 200 p. 2) Чт. въ общ. ист. и др. рос., 1858, I, 104 с. 3) С. Р. И. О., XLII, 458 с. 4) Въ своемъ „Наказѣ" Екатерина II дѣлаетъ различіе между законодательной властью, защитительной (судебной) и совершительной (администраціей) („Наказъ", 23, 26 и 27 п.).

функцій управленія съ вытекающимъ отсюда безграничнымъ произволомъ его органовъ императрица думала устранить тѣмъ, что она выдѣлила изъ сената законодательную и административную функцію и оставила въ его вѣдѣніи судебныя дѣла, которыми сенатъ сталъ заниматься преимущественно еще въ предшествующія царствованія[1]). Выдѣленіе законодательныхъ дѣлъ изъ вѣдомства сената произошло въ торжественной формѣ созванія депутатовъ знаменитой „Коммиссіи о составленіи новаго уложенія" (1767 г.). Въ манифестѣ объ учрежденіи коммиссіи Екатерина говоритъ, что „великое помѣшательство въ судѣ и расправѣ, слѣдовательно и въ правосудіи, составляетъ недостатокъ во многихъ случаяхъ узаконеній, въ другихъ же великое число оныхъ, по разнымъ временамъ выданныхъ". Другой недостатокъ законодательства—„несовершенное различіе между непремѣнными и временными законами, затмѣніе страстными толками прямого ихъ разума и противорѣчіе ихъ существующимъ обычаямъ". Императрица находитъ „утѣшеніе и облегченіе великаго бремени управленія государственнаго въ томъ, чтобы *видѣть законы въ своей силѣ и почтеніи*, а правосудіе въ дѣйствіи"[2]). Такъ на „Коммиссію" была возложена труднѣйшая задача реорганизаціи всего тогдашняго общественнаго и политическаго строя на основаніи новыхъ, ясныхъ и опредѣленныхъ законовъ. Она должна была познакомить Екатерину съ общественнымъ состояніемъ русскаго народа и раздѣлить съ ней обширный трудъ по законодательству[3]). Коммиссія 1767 г. имѣла большое вліяніе на послѣдующую законодательную дѣятельность Екатерины II, которая говоритъ сама, что она „подала ей свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, собрала всѣ части закона и разобрала ихъ по матеріямъ и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы не началась

1) Градовскій, 217 с.; см. выше. 2) П. С. З., XVII, № 12,801. 3) Соловьевъ, XXVII, 89 с.

турецкая война, когда депутаты коммиссіи были распущены"[1]). Но если, съ одной стороны, наказы депутатовъ и ихъ рѣчи въ засѣданіяхъ „Коммиссіи" познакомили императрицу со всѣмъ тогдашнимъ общественнымъ бытомъ, его необходимыми потребностями и запросами, то, съ другой, тѣже наказы, рѣчи и пренія въ собраніяхъ депутатовъ должны были убѣдить Екатерину въ полномъ раздвоеніи между высшимъ и низшимъ слоями русскаго дворянства, его равнодушіи къ своимъ политическимъ правамъ и общегосударственнымъ интересамъ, мѣсто которыхъ занимали въ дворянскихъ наказахъ узкіе, сословные интересы дворянскаго сословія[2]). Императрица теперь могла спокойно приступить къ образованію въ высшемъ управленіи государственнаго совѣта, который долженъ былъ помогать ей въ обширныхъ реформахъ, продолжавшихся во все царствованіе Екатерины II, и въ правительственной ея дѣятельности. Созданіе ею государственнаго совѣта, какъ чисто монархическаго, законодательнаго учрежденія, должно было завершить собою тотъ медленный процессъ его развитія, который продолжался со времени образованія самодержавной власти русскихъ государей и въ первой половинѣ XVIII в. затормозился оживившимися, благодаря благопріятнымъ обстоятельствамъ, аристократическими тенденціями высшаго русскаго сословія. При образованіи совѣта Екатерина дѣйствуетъ также постепенно, какъ и при всѣхъ остальныхъ своихъ реформахъ. Разочаровавшись въ дипломатическихъ способностяхъ графа Н. И. Панина, который продолжалъ пользоваться довѣріемъ Екатерины до 1768 г.[3]), государыня учредила вскорѣ послѣ распущенія коммиссіи 1767 года „Совѣтъ при Высочайшемъ дворѣ" (1768 г.). Такъ, замѣчаетъ графъ С. Р. Воронцовъ, „графъ

1) Иконниковъ: „Правительствующій сенатъ въ царствованіе Екатерины II" (Рус. Архивъ, 1888, I, 29—34 с.). 2) Латкинъ: „Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст.", 255 с. и сл.; Соловьевъ, XXVII, 90—107 с. 3) Архивъ князя Воронцова, X, 398—400 с.

Панинъ лишился вліянія, пріобрѣтеннаго имъ на императрицу, а государство выиграло то, что отправленіе дѣлъ улучшилось, и что водворилось болѣе согласія и гармоніи между всѣми отраслями управленія“ [1]). Совѣтъ, имѣвшій сначала, обычную въ первые годы царствованія Екатерины II, форму чрезвычайныхъ собраній довѣренныхъ ея лицъ [2]), скоро получаетъ опредѣленную и прочную организацію, вслѣдствіе чего онъ становится постояннымъ учрежденіемъ съ законосовѣщательнымъ характеромъ. Въ 1769 г. послѣдовалъ указъ объ учрежденіи совѣта на время войны (турецкой) въ Высочайшемъ присутствіи „для разсужденія и бдѣнія, дабы ничего проронено не было, что служить можетъ къ оборонѣ и безопасности государства и дабы скорѣйшія сношенія установить между учрежденныхъ политическихъ и казенныхъ мѣстъ“ [3]). Вслѣдъ за указомъ объ образованіи совѣта ему данъ былъ „Наказъ“, гдѣ опредѣлено устройство совѣта и указаны также дѣла, подлежащія разсмотрѣнію совѣта, и порядокъ въ немъ дѣлопроизводства. Въ совѣтѣ было образовано два департамента, сообразно двумъ главнымъ предметамъ управленія, подлежащимъ его обсужденію. Въ силу „Наказа“ въ совѣтъ „входитъ все то, что касается до нынѣшней войны, какъ по политическимъ дѣламъ, такъ и по военнымъ, а вслѣдствіе сихъ двухъ предметовъ и внутреннія государственныя распоряженія, какъ то: 1) планъ войны, 2) планы операцій военныхъ, 3) сверхштатныя пропитанія, 4) сверхштатныя издержки, 5) сношенія съ производящими сіи положенія въ дѣйство департаментами, 6) проэкты, къ тому подлежащіе, и 7) мирные договоры. Рѣшенія совѣта исполняются „тѣми мѣстами, до которыхъ они

1) Архивъ князя Воронцова, X, ibidem. 2) Засѣданія совѣта открылись въ 1768 г. при необыкновенныхъ условіяхъ и поэтому въ него попали лица, на которыхъ поспѣшилъ на запросъ Екатерины указать ей Панинъ (братья Панины, Разумовскій, Голицынъ, Чернышовъ, Волконскій, Григорій Орловъ и Вяземскій), см. Даневскій, прилож., 21 с., 3) П. С. З., XVIII, № 13.232.

принадлежатъ". Канцелярія совѣта состоитъ изъ ея правителя и двухъ секретарей. Правитель канцеляріи совѣта „сообщаетъ членамъ то, что каждому по его департаменту исполненіе поручается" и ведетъ протоколы преніямъ членовъ совѣта въ его засѣданіяхъ и Высочайшимъ резолюціямъ на рѣшенія совѣта [1]).

Собранія совѣта, какъ постояннаго высшаго государственнаго учрежденія, начинаются съ 22 янв. 1769 года. Въ совѣтѣ предсѣдательствуетъ сама императрица, переставшая послѣ того присутствовать въ сенатѣ, который снова и на этотъ разъ навсегда уступаетъ совѣту первое мѣсто въ управленіи [2]). На первыхъ порахъ въ совѣтѣ сосредоточиваются военныя и иностранныя дѣла, но затѣмъ въ него начинаютъ стекаться и всѣ дѣла внутренняго управленія, которыя находились въ тѣсной связи съ внѣшними дѣлами [3]). Вліяніе и власть совѣта распространяются постепенно на всѣ отрасли управленія и онъ дѣлается необходимою, органическою его частью [4]), органомъ верховнаго управленія государствомъ [5]). Членами совѣта, кромѣ назначенныхъ въ 1768 году, были еще: графъ Григорій Орловъ [6]), князь Потемкинъ [7]), князь Безбородко, при которомъ дѣлопроизводство въ совѣтѣ получило правильный ходъ [8]), и другіе сановники. Въ засѣданія совѣта приглашались иногда лица, спеціально зна-

1) П. С. З., XVIII, №№ 13,233. 2) Соловьевъ, XXIX, 117 с., „Записки Дашковой", Лондонъ, 1859, 227 с., Брикнеръ, ibidem, IV, 620 с., 3) Архивъ госуд. совѣта, изд. Калачева, I, 1, предисл., 3 с. 4) Екатерина, повидимому, въ одно время (въ 1773 г.) желала упразднить совѣтъ, но это ея намѣреніе не было серьезнымъ; въ то время совѣтъ пріобрѣлъ уже дѣйствительное вліяніе на все управленіе и Екатерина была недовольна только тѣмъ, что „виды нѣкоторыхъ членовъ совѣта были несогласны съ ея взглядами" (С. Р. И. О., XLII, 356 с. 5) Это доказывается всею дѣятельностью совѣта при Екатеринѣ II (см. ниже). 6) Барсуковъ: „Жизнь графа Орлова", Рус. Архивъ, 1873, I, 62—66 с. и сл. 7) „Записки графа Рибопьера", Рус. Архивъ, 1877, I, 479 с. 8) Григоровичъ: „Канцлеръ князь Безбородко", Рус. Архивъ, 1875, I, 223—226 с.

комыя съ дѣлами, подлежащими его обсужденію. Канцелярія совѣта находилась подъ управленіемъ ея правителя, который велъ протоколы засѣданій совѣта [1]). Когда императрица не присутствовала въ совѣтѣ, протоколы его засѣданій подносились на ея утвержденіе однимъ изъ членовъ совѣта. Съ назначеніемъ въ совѣтъ князя Безбородко (въ 1786 г.) на его имя стали поступать всѣ письма, мнѣнія, проэкты и другія бумаги, имѣющія отношеніе къ занятіямъ совѣта. Безбородко же докладывалъ императрицѣ о дѣлахъ, рѣшенныхъ въ совѣтѣ [2]). Дѣятельность совѣта охватываетъ всѣ отрасли управленія: онъ является законодательнымъ, высшимъ административнымъ и судебнымъ учрежденіемъ. Въ него входятъ для разсмотрѣнія многія законоположенія, изданіемъ которыхъ ознаменовалось царствованіе Екатерины II. Необходимо, однако, замѣтить, что важнѣйшія изъ нихъ: учрежденіе о губерніяхъ, „грамота о преимуществахъ россійскому дворянству и грамота на права и выгоды городамъ россійской имперіи“ и др. были составлены внѣ совѣта, въ которомъ они были только прочтены и одобрены совѣтомъ [3]). Но это обстоятельство не подрываетъ высшаго правительственнаго значенія совѣта. Екатерина всегда обладала энергичной, личной иниціативой въ дѣлахъ правленія и предпочитала въ особенности въ первые годы своего царствованія поручать составленіе законодательныхъ актовъ отдѣльнымъ лицамъ и коммиссіямъ. Однако, она считала нужнымъ внести въ совѣтъ указанные законы, и совѣтъ не ограничился однимъ безмолвнымъ соглашеніемъ съ ними, а въ послѣдующихъ засѣданіяхъ возбудилъ и рѣшилъ нѣкоторые вопросы, относящіеся къ осуществленію упомянутыхъ актовъ [4]). Такъ совѣтъ позволилъ себѣ указать на исключительно сословный харак-

1) А. Г. С., предисловіе, XI и XIV с. 2) Григоровичъ, ibidem, 3) Ibidem, I, 2, 208—209, 351 и 359 с. 4) А. Г. С., I, 2, 210 с. и сл., 352 с. и сл., 359 с. и сл.

теръ грамоты о дворянствѣ, предоставляемыхъ ею правъ и преимуществъ одному дворянскому сословію[1]) Но и независимо отъ актовъ, миновавшихъ совѣтъ, въ него вносилось много проэктовъ другихъ важныхъ законовъ[2]). Такъ совѣтъ занимался обсужденіемъ измѣненій въ организаціи сената и коллегій[3]) и устройства различныхъ мѣстныхъ учрежденій[4]), разсматривалъ вопросъ объ учрежденіи банковъ (ассигнаціоннаго и заемнаго) и банковыхъ конторъ[5]). Затѣмъ предметомъ разсужденій совѣта были: назначеніе чрезвычайныхъ налоговъ, увеличеніе пошлинъ, заключеніе внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ, составленіе государственнаго бюджета[6]) проэктъ кредитнаго устава[7]), уставъ о цензурѣ[8]) и опредѣленіе рекрутской и земской повинностей и обыкновенныхъ податей и пошлинъ[9]). Кромѣ правъ дворянскаго и городскаго сословія совѣтъ работаетъ надъ опредѣленіемъ правъ и лицъ сельскаго состоянія (крестьянъ, дворовыхъ людей), колонистовъ, евреевъ и иностранцевъ[10]). Совѣтъ принимаетъ различныя мѣры къ урегулированію производства спиртныхъ напитковъ и, между прочимъ, составляетъ новый уставъ о винѣ, приводитъ въ порядокъ таможенные сборы, монетное и горное дѣло, торговлю солью, охраненіе лѣсовъ и управленіе казенными имѣніями въ западныхъ и остзейскихъ губерніяхъ[11]) Совѣтъ считаетъ необходимымъ установить общія правила относительно производства въ чины[12]), организаціи орденскаго суда и капитула[13]) и дѣлаетъ нѣкоторыя измѣненія въ постановленіяхъ о бракахъ православныхъ съ иновѣрцами[14]) и о порядкѣ гражданскаго судопроизводства[15]).

---

1) А. Г. С., I, 2, 268—269 с. 2) Обязанности членовъ совѣта при Екатеринѣ II были на столько важны, что всѣ они должны были при вступленіи въ должность приносить присягу въ томъ, что они будутъ хранить въ тайнѣ разсужденія о государственныхъ дѣлахъ, подлежащихъ обсужденію совѣта (А. Г. С., I, 1, предисл., XV с.). 3—11) А. Г. С., I, 2, стр: 3, 215 с. и сл., 514 с. и сл., 406 с. и сл., 723—726, 729—730, 267—286, 287—351 и 359 с. и сл. 12—15) Ibidem, стр.: 267—272, 5—8, 383—386 и 387—392 с.

Дѣятельность совѣта направлена также на улучшеніе организаціи внутренней и внѣшней торговли: онъ разсматриваетъ докладъ коммиссіи коммерціи объ учрежденіи консуловъ въ разныхъ областяхъ, положеніе о складахъ разныхъ товаровъ въ Петербургѣ, о предметахъ, ввозимыхъ въ страну изъ иностранныхъ государствъ, составляетъ новый тарифъ и пр.[1]). Совѣтъ озабочиваетъ развитіе промышленности (фабрикъ и заводовъ), путей сообщенія, благоустройство въ городахъ и селахъ, народное просвѣщеніе и призрѣніе и народное продовольствіе[2]) Относительно всѣхъ вопросовъ внутренняго управленія мы находимъ въ протоколахъ засѣданій совѣта при Екатеринѣ II самыя разнообразныя мѣры, предпринимаемыя имъ для удовлетворенія дѣйствительныхъ потребностей общественной жизни[3]). Но особенно много времени екатерининскій совѣтъ посвящаетъ разнымъ иностраннымъ дѣламъ[4]) и военному и морскому управленію[5]). Совѣтъ принимаетъ и чрезвычайныя мѣры въ случаяхъ, угрожающихъ общей безопасности и народному благосостоянію (напр., при моровой язвѣ 1771 г., бунтѣ Пугачева и казаковъ)[6]). Наконецъ, совѣтъ при Екатеринѣ II былъ и высшей судебной инстанціей по дѣламъ, предлагаемымъ на его разсмотрѣніе императрицей или вносимымъ въ совѣтъ сенатомъ и генералъ-прокуроромъ[7]).

Такимъ образомъ, про учрежденный Екатериной совѣтъ нельзя сказать, чтобы „онъ носилъ одно имя государственнаго установленія безъ ощутительнаго вліянія на дѣла общественныя", какъ впослѣдствіи выразился о немъ указъ 1801 г.[8]). Участіе въ администраціи и судѣ екатерининска-

---

1—2) А. Г. С., I, 2, 591—678 и 678—722 с. 3) Мы не излагаемъ здѣсь подробно содержанія всѣхъ протоколовъ засѣданій совѣта при Екатеринѣ II, предполагая вернуться къ его дѣятельности во 2-мъ томѣ нашего изслѣдованія. 4) См. 1 ч. I т. А. Г. С. 5) Ibidem, I, 2. 21—192 с. 6) Ibidem, I, 1, 391—458 с. 7) Ibidem, I, 2, 731—747. 8) П. С. З., XXVI, № 19,806. О дѣятельности совѣта при Екатеринѣ упоминаютъ, между прочимъ, Храповицкій („Дневникъ

го совѣта было только незначительнѣе по сравненію съ его законосовѣщательной функціей. По словамъ Сперанскаго, „совѣтъ сей былъ единственно совѣщательный; никакой власти исполнительной ему не было предоставлено. Въ него поступали кромѣ военныхъ казенныя, правительственныя, а иногда и частныя дѣла безъ точнаго, однако, опредѣленія“ [1]). Но это отсутствіе опредѣленной компетентности не мѣшало, какъ мы видѣли, обладать совѣту Екатерины II правами, дѣлавшими изъ него настоящій государственный совѣтъ русской имперіи, стоявшій въ качествѣ высшей, апелляціонной инстанціи надъ сенатомъ [2]), которому онъ даже дѣлалъ выговоры [3]). Сама императрица лишаетъ сенатъ законодательныхъ правъ, отстраняетъ его отъ участія во всѣхъ своихъ административныхъ реформахъ и въ „Коммиссіи о составленіи новаго уложенія“, и постепенно сосредоточиваетъ въ немъ, какъ „хранилищѣ законовъ“ [4]) одни только судебныя дѣла. Вскорѣ послѣ своего воцаренія Екатерина преобразовала сенатъ (въ 1763 г.), раздѣливъ его сообразно проэкту Панина на шесть департаментовъ. Каждый изъ нихъ сталъ теперь отдѣльною, самостоятельною частью сената, между тѣмъ какъ сенатскіе департаменты временъ Анны Ивановны были лишь простыми, подготовительными коммиссіями, такъ что весь сенатъ составлялъ до его реформы при Екатеринѣ II одинъ департаментъ [5]). Подносимыя на Высочайшее утвержденіе единогласныя рѣшенія каждаго изъ департаментовъ получали теперь силу закона. Въ случаѣ же разногласія сенаторовъ въ отдѣльныхъ департаментахъ дѣла пе-

---

Храповицкаго“, Спб., 1874, стр.: 80, 94, 103, 156, 195, 228, 264, 327, 330 344, 361, 364, 376, 391, 394 и 411), Грановскій (Записки, Рус. Старина, 1878, XV, стр.: 249, 252—254, 486—488, 496, 690—691 и 701 с., XVI, стр.: 16, 29, 221—222, 226—227, 231 и 412 с.) и Державинъ (см. Записки).—1) Сперанскій, 27—28 с. 2) Иконниковъ: „Сенатъ при Екатеринѣ II“, Рус. Арх., 1888, I, 26. 3) Записки Державина, 316—317 с. 4) „Наказъ“ Екатерины II, 26 п. 5) Разсказъ Екатерины II etc., Рус. Архивъ, 1885, III, 481 с.

реходили въ общее собраніе сената [1]). Изъ четырехъ департаментовъ, находившихся въ Петербургѣ, въ первомъ были сосредоточены важнѣйшія, „государственныя и политическія дѣла“ и при немъ долженъ былъ состоять генералъ-прокуроръ. Второму департаменту поручены дѣла судебныя. Въ третій и четвертый департаменты входила переписка по дѣламъ, завѣдованіе которыми было поручено особымъ лицамъ. Пятый и шестой департаменты, преобразованные изъ сенатскихъ конторъ въ Москвѣ, вѣдали одинъ административныя, а другой судебныя дѣла. Такимъ образомъ, въ вѣдомствѣ сената было установлено ясное различіе между административной и судебной его функціей. Сенатъ дѣйствовалъ самостоятельно, но только подъ контролемъ генералъ-прокурора, „блюстителя законовъ и въ дѣлахъ судебныхъ“ [2]). Но раздѣленіе сената на департаменты уменьшило его власть: раздробленный на части, сенатъ уже не могъ сохранить прежней своей власти, въ особенности при самостоятельной въ немъ власти генералъ-прокурора [3]). Сенатъ былъ лишенъ права объявлять именные указы; это право перешло теперь къ генералъ-прокурору [4]). „О всѣхъ своихъ изъясненіяхъ закона и всѣхъ перемѣнахъ въ собственныхъ рѣшеніяхъ сенатъ долженъ былъ представлять доклады на Высочайшее усмотрѣніе“ [5]). Ни одно сомнительное дѣло даже въ области суда не могло быть рѣшено въ сенатѣ, который обязанъ былъ докладывать о немъ императрицѣ [6]). Въ тѣхъ случаяхъ, если коллегія усмотритъ разногласіе сената въ двухъ одинаковыхъ рѣшеніяхъ, она должна была представить объ этомъ сенату и государынѣ [7]). Оттого все законодательство при Екатеринѣ II приняло казусный характеръ [8]). Отъ сената отходятъ постепенно разные административные вопросы, раз-

1) Сперанскій, 28—29 с 2) Градовскій, 209 с. 3) Иконниковъ, н. ст., 27 с., 4) Ѳ. Дмитріевъ, 58 с. 5) Градовскій, 215 с. 6) П. С. З., XVIII, № 13,683, 7) XVII, № 12,461. 8) Сперанскій, ibidem.

рѣшеніе которыхъ поручается ею отдѣльнымъ довѣреннымъ лицамъ. Военная и адмиралтейская коллегіи освобождаются изъ подъ зависимости отъ сената, получая именные указы отъ самой императрицы[1]). Вновь образованный межевой департаментъ сената пользуется тѣмъ же правомъ непосредственныхъ сношеній съ государыней[2]), какъ и камеръ-коллегія и вновь образованная для управленія духовными имуществами коллегія экономіи и канцелярія опекунства иностранныхъ дѣлъ[3]). Генералъ-рекетмейстеръ принимаетъ жалобы на рѣшенія департаментовъ и общаго собранія сената, которыя по его докладу императрицѣ нерѣдко были отмѣняемы особыми указами[4]). Вообще правительственное, особенно же административное значеніе сената было уменьшено возвысившеюся властью генералъ-прокурора[5]), у котораго сенатъ находился въ полной подчиненности[6]). Роль сената въ государственномъ управленіи должна была также измѣниться съ учрежденіемъ Екатериной II губерній (въ 1775 г.). Новое ихъ устройство было основано на началѣ раздѣленія функцій власти,—разграниченія судебной власти отъ административной, чѣмъ былъ положенъ конецъ безпредѣльному произволу въ мѣстномъ управленіи. Администраціей должны были завѣдовать здѣсь губернскія правленія; финансами—

---

1) П. С. З., XIX, № 13,614. 2) XVII, №№ 12,488 и 12,540, XXIII, № 17,227. 3) Градовскій, 210—216 с. 4) Сперанскій, 31 с.. См. объ административной дѣятельности сената при Екатеринѣ II въ П. С. З., XVI, №№ 11,655, 11,669, 11,684, 12,126, 12,127, 12,129, 12,030, 12,075, 12,079, 12,134, XVII, №№ 12,398, 12,459, 12,465, 12,545, 12,655, XIX, №№ 13,471, 13,478, 13,962, 14,040, 44,063, 14,206, XX, №№ 14,239, 14,415, 14,834, 15,094, XXI, №№ 15,117, 15,140, 15,178, 15,278, 15,361, 15,362, 15,463, 15,575, XXII, №, 15,930, XXIII, №№ 16,930, 17,213, 17,239, 17,523; ср. въ исторіи Соловьева (по 1774 г.): XXV, 136—173 и 262—295, XXVI, 21—53, XXVII, 5—72 и 144—158 и XXIX, 117—158 с.; о суд. дѣятельности сената при Екатеринѣ II см. въ П. С. З., XVI, №№ 11,709, 11,726, 12,023, 12,024, 12,046, 12,171, XVII, №№ 12,512, 12,569, 12,703, XVIII, №№ 12,881, 12,949, 13,170, 13,395, XX, № 14,681, XXI, №№ 15,224, 16,022, 16,045, 16,397, XXIII, №№ 16,949 и 17,213. 5) Градовскій, 216 прим. 6) Иконниковъ, 28—29 с.

казенныя палаты; уголовныя дѣла поручены палатѣ уголовнаго суда, гражданскія—палатѣ суда гражданскаго. Кромѣ общихъ судовъ для нѣкоторыхъ дѣлъ былъ организованъ особенный судъ (совѣстный). Въ судебныхъ учрежденіяхъ было образовано двѣ инстанціи. Всѣ эти учрежденія образованы коллегіально; власть же правительственная, исполнительная была предоставлена отдѣльнымъ лицамъ (намѣстникамъ или генералъ-губернаторамъ въ губерніяхъ, капитанъ-исправникамъ въ уѣздахъ). Контроль надъ дѣятельностью губернскихъ учрежденій былъ возложенъ на намѣстниковъ и прокуратуру [1]). Мѣстное начальство получило право дѣлать сенату представленія о неудобствахъ въ исполненіи законовъ [2]). Въ губернскія учрежденія, организованныя такимъ образомъ, перешли всѣ дѣла разныхъ коллегій и канцелярій, которыя теперь дѣлаются излишними и поэтому начинаютъ постепенно закрываться Екатериной. Только три первыя коллегіи, управлявшія центральными административными дѣлами, остаются въ неприкосновенности. За исключеніемъ ихъ, всѣ остальныя коллегіи должны были закончить свои дѣла подъ руководствомъ особыхъ довѣренныхъ лицъ, назначенныхъ императрицей. Именными указами закрываются постепенно: вотчинная коллегія, коллегія экономіи, юстицъ-коллегія и ревизіонъ-коллегія, посредствомъ которыхъ сенатъ имѣлъ вліяніе на мѣстное управленіе [3]). Къ 1797 г. остались незакрытыми только: коммерцъ-коллегія, медицинская, коллегія лифляндскихъ дѣлъ и римско-католическая [4]).

Съ учрежденіемъ губерній сенатъ лишился непосредственнаго вліянія на дѣла мѣстнаго управленія, надъ которыми онъ имѣлъ теперь слабый надзоръ, хотя съ перенесеніемъ коллегій въ мѣстности сенатъ и сдѣлался высшимъ контролирующимъ и объединяющимъ все управленіе учреж-

1) Лохвицкій, Губернія, etc., 204—220 с. 2) Ѳ. Дмитріевъ, 63—65 с. 3) Градовскій, 236—237 с. 4) Сперанскій, 32 с.

деніемъ[1]). Самое устройство сената оказалось теперь несообразнымъ съ новыми мѣстными учрежденіями. Въ сенатъ теперь поступали дѣла изъ 42 палатъ гражданскаго и уголовнаго суда и изъ такого же числа губернскихъ правленій и казенныхъ палатъ. Самый способъ производства дѣлъ въ сенатѣ не былъ такъ точно опредѣленъ и разграниченъ, какъ это было сдѣлано въ губернскихъ учрежденіяхъ[2]). Отсюда же произошли затрудненія и крайняя медленность въ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ[3]), что заставило императрицу подумать о преобразованіи сената сообразно новому устройству мѣстнаго управленія. И дѣйствительно вскорѣ послѣ учрежденія губерній Екатерина начинаетъ работать надъ планомъ новаго преобразованія сената, который она до конца своего царствованія стремилась, по словамъ Грибовскаго, „освободить отъ канцеляріи, одолѣвшей сенатъ“[4]). Главною цѣлью плана было согласить организацію сената съ устройствомъ мѣстныхъ учрежденій. По проэкту о преобразованіи сената, написанному Екатериной въ 1775 г., первый департаментъ сената долженъ былъ соотвѣтствовать губернскому правленію. Въ компетентность его входили: обнародованіе и исполненіе законовъ, высшая полиція, надзоръ надъ чиновниками, опредѣленіе въ нѣкоторыя должности и возвышеніе чиновниковъ до извѣстнаго чина. Во второмъ департаментѣ должны были сосредоточиться финансы, какъ и въ казенныхъ палатахъ, дѣятельность которыхъ онъ долженъ былъ контролировать. Во главѣ втораго департамента стоялъ государственный казначей, при которомъ были четыре сенатора, управлявшіе отдѣльными экспедиціями департамента. Третій департаментъ завѣдовалъ попрежнему дѣлами нѣкоторыхъ привиллегированныхъ областей и придворнымъ управленіемъ;

---

1) Градовскій, 234 с. 2) Сперанскій, 33 с. 3) А. Г. С., изд. Калачева, I, 2, 3—4 с.; Сперанскій, ibidem. 4) Грибовскій: „Записки о императрицѣ Екатеринѣ Великой“, Москва, 1864, изд. 2-е, 26 с.

въ немъ только были образованы двѣ секціи—для администраціи и судебныхъ дѣлъ. Четвертый департаментъ, также раздѣленный на два отдѣленія, былъ апелляціонной инстанціей для гражданскихъ и уголовныхъ палатъ. Московскіе департаменты сената предполагалось оставить въ прежнемъ видѣ. Три первыя коллегіи подчинялись первому департаменту сената, второму и четвертому, смотря по роду дѣлъ: относительно исполненія общихъ законовъ онѣ отвѣчали предъ первымъ департаментомъ,—употребленія ассигнованныхъ въ ихъ распоряженіе суммъ—финансовымъ департаментомъ и въ уголовныхъ дѣлахъ—судебнымъ департаментомъ сената[1]). Отъ этого плана преобразованія Екатериной сената отличается „Проэктъ указа сенату", составленный Екатериной около 1788 г. По этому проэкту въ сенатѣ долженъ былъ предсѣдательствовать государь; въ сенатѣ присутствовали намѣстники въ бытность свою въ столицѣ. Установленъ minimum членовъ, необходимый для того, чтобы могло составиться засѣданіе сената (12). Каждый департаментъ раздѣленъ на три присутствія и къ каждому изъ департаментовъ сената приписаны дѣла южной, средней и сѣверной полосы Россіи. Сенатъ по „Проэкту" раздѣляется также, какъ и по „Плану", на четыре департамента, вѣдомство которыхъ обозначается въ первомъ нѣсколько иначе, нежели во второмъ. Такъ въ компетентность перваго департамента сената входили, кромѣ государственныхъ и исполнительныхъ дѣлъ, еще жалобы на намѣстническія правленія. Второй вѣдалъ уголовныя дѣла, слѣдственныя въ преступленіи должностей и дѣла тайной экспедиціи. Въ третьемъ сосредоточивались апелляціи на коллегіи или палаты гражданскаго суда и ему же поручались „государственныя домостроительныя или экономическія и казенныя дѣла (казенныя палаты)". Въ „Проэктѣ" 1788 г.

Blum, ibidem, II Abth., IV Buch, 150—152 s.

о сенатѣ сказано, что онъ не „судебное мѣсто, а хранилище узаконеній", чѣмъ ему присвояется высшій контроль надъ дѣятельностью органовъ мѣстнаго управленія [1]), котораго онъ лишился съ учрежденіемъ губерній. „Проэктъ" опредѣляетъ также составъ департаментовъ и говоритъ еще о генеральномъ судѣ, который составляется „изъ сената, синода, четырехъ первыхъ классовъ имперіи и изъ предсѣдателей государственныхъ и прочихъ судебныхъ палатъ или какой на лицо, находящихся въ томъ мѣстѣ" [2]).

Сенатъ, какъ преимущественно центральное судебное учрежденіе, былъ организованъ Екатериной II на коллегіальномъ принципѣ; въ должности генералъ-прокурора воплотилось при ней личное начало, какъ основаніе организаціи административныхъ учрежденій. Необходимо, однако, замѣтить, что бюрократическій элементъ существовалъ въ высшемъ русскомъ управленіи еще ранѣе Екатерины II. Такъ военная и адмиралтейская коллегіи, ставшія вмѣстѣ съ иностранной коллегіей съ самаго возникновенія коллегій при Петрѣ I въ независимое отношеніе къ сенату и замѣнявшимъ его потомъ высшимъ учрежденіямъ (Верх. Тайн. Совѣту и Кабинету), управлялись при Аннѣ Ивановнѣ спеціально назначенными лицами—генералъ-директорами. Бюрократически

1) Градовскій, 224 с. 2) Дѣла комитета предсѣдателей департаментовъ государственнаго совѣта, 2-я папка, 1 тетрадь, журналы 9—10, по Арх. Гос. Сов. № 4. Графъ Сперанскій въ своемъ сочиненіи: „О государственныхъ установленіяхъ", дѣлаетъ извлеченія изъ обоихъ проэктовъ и, между прочимъ, замѣчаетъ, что предполагалось учредить отдѣленія сената въ Кіевѣ и Казани, а для „дѣлъ важнѣйшихъ устроить въ сенатѣ верховный уголовный и совѣстный судъ" (52 с.). Преобразованію сената на основаніи „проэкта" противился генералъ-прокуроръ Вяземскій, который опасался вслѣдствіе точнаго опредѣленія дѣлъ сената потерять свое вліяніе на мѣстное управленіе (Blum, ibidem, 157 s. und folg.). Но и сама Екатерина была недовольна „планомъ", которымъ возстанавливались коллегіи со всею отличавшею ихъ медленностью (Ѳ. Дмитріевъ, 67 с.). Мы возвратимся во 2 т. св. работы къ екатерининскимъ сенатскимъ проэктамъ, имѣвшимъ тѣсную связь съ исторіей сената при Александрѣ I.

управлялась при ней еще бергъ-коллегія, порученная генералъ-оберъ-директору и подчиненная однимъ Высочайшимъ повелѣніямъ [1]). Мы видѣли, что личный элементъ бралъ перевѣсъ надъ коллегіальнымъ и въ организаціи Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета, имѣвшихъ въ государственномъ управленіи, между прочимъ, значеніе министерствъ. При Екатеринѣ II личное начало въ управленіи начинаетъ выдѣляться еще болѣе. Во главѣ всей администраціи стояла сама императрица, непосредственнымъ органомъ которой явился генералъ-прокуроръ, бывшій, по словамъ Трощинскаго, „дѣйствительнымъ министромъ Е. И. В. по всѣмъ общимъ дѣламъ государственнаго управленія“ [2]). Генералъ-прокуроръ является представителемъ императрицы въ „Коммиссіи о составленіи новаго уложенія“, труды которой онъ раздѣляетъ съ депутатами. Въ сенатѣ генералъ-прокурору принадлежитъ тоже первое мѣсто: онъ наблюдаетъ за дѣятельностью всѣхъ департаментовъ, особенно же перваго, гдѣ концентрировались важнѣйшія дѣла внутренняго управленія. Генералъ-прокуроръ былъ директоромъ сенатской канцеляріи [3]). Отъ имени сената онъ докладывалъ государынѣ обо всѣхъ дѣлахъ, разсматриваемыхъ въ сенатѣ, какъ административныхъ, такъ и судебныхъ [4]). Чрезъ генералъ-прокурора же шли доклады отъ президентовъ всѣхъ коллегій [5]), какъ и губернаторовъ [6]). Генералъ-прокуроръ завѣдовалъ всей прокуратурой въ государствѣ [7]). Въ рукахъ его сосредоточиваются всѣ финансовыя дѣла, которыя отдѣляются отъ сената. Ему же поручены: ревизія всѣхъ счетовъ, монетное дѣло, соляное и военное управленіе, горнозаводская промышлен-

1) Ѳ. Дмитріевъ, 54—56 с. 2) Трощинскій: „О неудобствахъ, происходящихъ отъ государственнаго правленія по формѣ единоличной, введенной закрытіемъ коллегій и отмѣною коллежскаго обряда и подтвержденной общимъ учрежденіемъ министерствъ 1810—1811 годовъ“ (С. Р. И. О., III, 27 с.). 3) П. С. З., XIX, № 14,192. 4) Сперанскій, 30—31 с. 5) П. С. З., XVIII, № 13,243. 6) XX, № 14,287. 7) XIX, № 13,708.

ность, банки и мѣстные пути сообщенія. Генералъ прокуроръ былъ главою и всей судебной части въ управленіи, такъ какъ онъ контролировалъ дѣятельность судебныхъ департаментовъ сената. Однимъ словомъ, въ лицѣ генералъ-прокурора соединялись (съ 1764 г.) званіе министра юстиціи, министра финансовъ, государственнаго казначея и контролера и министра внутреннихъ дѣлъ[1]). Генералъ-прокуроръ былъ поставленъ Екатериной II не на ряду съ сенатомъ, какъ это было при Петрѣ I, а надъ нимъ; такъ представитель власти, надзирающей за ходомъ всего управленія, обратился въ непосредственнаго администратора[2]). Генералъ-прокуроръ считаетъ въ правѣ требовать отъ сената помощи въ его административной дѣятельности[3]) и подчиняетъ себѣ синодъ[4]). Предложенія генералъ-прокурора, объявляемыя въ формѣ Высочайшихъ повелѣній, заключали въ себѣ нерѣдко рѣшенія важнѣйшихъ административныхъ дѣлъ[5]). Сенатъ долженъ былъ выслушивать экстренныя предложенія генералъ-прокурора, хотя бы вслѣдствіе этого нарушался очередной порядокъ въ обсужденіи дѣлъ. Но и во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ генералъ-прокуроръ (Вяземскій) съумѣлъ обезпечить перевѣсъ своему голосу, добившись отъ императрицы приказа, чтобы дѣла въ сенатѣ рѣшались по большинству голосовъ, которыми онъ заручался заранѣе[6]). Генералъ-прокуроръ былъ членомъ совѣта, гдѣ онъ упорно отстаивалъ свои мнѣнія. Такъ, по разсказу Храповицкаго, споръ Вяземскаго съ совѣтомъ о мѣдной монетѣ былъ разрѣшенъ уже самой императрицей[7]). Обширная власть генералъ-прокурора въ управленіи при Екатеринѣ II вызывала ропотъ и жалобы со стороны разныхъ лицъ. Такъ Державинъ писалъ, что „злоупотребленіемъ законовъ генералъ-прокуроръ присвоилъ

---

1) Сперанскій, 33 с., Градовскій, стр.: 216—221, 234—235, 238—239 и 240—250. 2) Ѳ. Дмитріевъ, 70 с. 3-4) Градовскій, 218 с. 6) Blum, ibidem, II, 148 s. 5 и 7) Дневникъ Храповицкаго, 244—246 с.

себѣ всю, такъ сказать, самодержавную власть“ [1]). Эти злоупотребленія дѣйствительно были возможны потому, что должность генералъ-прокурора была выдѣлена изъ сената и въ его рукахъ сосредоточилась почти вся центральная административная власть. Генералъ-прокуроръ надзиралъ за всею дѣятельностью сената и мѣстныхъ учрежденій, но самъ въ своей всепоглощающей дѣятельности не былъ подчиненъ контролю какого-либо учрежденія. Исключительное вліяніе генералъ-прокурора во внутреннемъ управленіи ослабло только въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, которая стала поручать управленіе нѣкоторыми вѣдомствами отдѣльнымъ лицамъ[2]). Эти послѣднія получили тоже значеніе министровъ, какимъ пользовался при Екатеринѣ генералъ-прокуроръ[3]). Первыя же три государственныя коллегіи выдѣляются окончательно, какъ особыя, самостоятельныя части управленія[4]).

Резюмируя все сдѣланное Екатериной II для преобразованія высшаго управленія въ Россіи, мы находимъ значительныя и важныя въ немъ измѣненія. Екатерина отдѣлила вполнѣ центральное управленіе отъ мѣстнаго, причемъ это послѣднее получило правильную организацію. Но и въ сферѣ высшаго управленія были совершены Екатериной II необходимыя для ея времени реформы. Три главныя функціи

---

1) Записки Державина, 439 с. 2) По словамъ Грибовскаго, князь Безбородко „докладывалъ государынѣ обо всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ, особливо тяжебныя объ имѣніяхъ; чрезъ него же они и окончаніе свое получали“. Послѣ Безбородко такимъ же значеніемъ пользовался при Екатеринѣ II князь Зубовъ. Грибовскій упоминаетъ объ особыхъ дняхъ для докладовъ, назначаемыхъ для генералъ-прокурора, вице-канцлера, оберъ-прокурора синода и др. лицъ, и трехъ родахъ дѣлъ, возложенныхъ на князя Зубова (Записки, стр.: 11, 14, 27, 52 и 58 и сл.). 3—4) Градовскій, 253—255 и 139 с. Нѣкоторыя административныя дѣла были поручаемы Екатериной II своему частному кабинету, въ которомъ было нѣсколько секретарей (Храповицкій, Грибовскій). По словамъ Sabathier de Cabres'a, частный кабинетъ императрицы, гдѣ были секретарями Олсуфьевъ, Тепловъ и Елагинъ, разсматривалъ внутреннія дѣла, вопросы мануфактурной промышленности, дѣла сената и провинцій и др. (Sabathier de Cabres: „Catherine II, sa cour et la Russie en 1772“, Berlin, 1862, 40—41 p.).

управленія были раздѣлены между собою и отправленіе ихъ поручено отдѣльнымъ учрежденіямъ: законодательство—совѣту, управленіе—генералъ прокурору и другимъ отдѣльнымъ лицамъ съ правами министровъ. Сенатъ сдѣлался высшимъ судебнымъ учрежденіемъ въ государствѣ. Но Екатерина не довела до конца свои преобразованія. Совѣтъ при ней еще не получилъ опредѣленнаго устройства и самостоятельное участіе его въ законодательныхъ дѣлахъ ослаблялось личною дѣятельностью императрицы и обширными правами генералъ-прокурора и другихъ лицъ, которымъ она довѣряла разнаго рода важнѣйшія государственныя дѣла. Личному элементу въ высшемъ управленіи также не было отведено при Екатеринѣ опредѣленнаго и надлежащаго мѣста: личное начало въ управленіи представлялось, главнымъ образомъ, генералъ-прокуроромъ, въ должности котораго соединялось нѣсколько отдѣльныхъ министерствъ. Нѣкоторыми дѣлами внутренняго управленія продолжалъ заниматься и сенатъ, хотя въ тоже время болѣе точно выяснилось его значеніе, какъ центральнаго судебнаго учрежденія [1]).

Императоръ *Павелъ Петровичъ* (1796—1801), воспитанный вдали отъ двора Екатерины II [2]), нелюбимый своею матерью, которая не допускала его къ участію въ дѣлахъ правленія [3]), проявилъ при своемъ возшествіи на престолъ не-

1) Трощинскій, ibidem, 27 с. 2) Воспитателемъ Павла Петровича былъ графъ Н. И. Панинъ, „мечтавшій перенести въ Россію законныя формы шведскаго государственнаго устройства". Поэтому въ Павлѣ Петровичѣ были такъ сильно развиты чувство законности и отвращеніе къ госуд. переворотамъ, доказательствомъ чего служитъ, между прочимъ, актъ о престолонаслѣдіи, изданный Павломъ I въ день коронованія (Кобеко: „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ", Спб., 1882, 297—299 с.). 3) Такъ, когда Павелъ Петровичъ заявилъ матери о своемъ желаніи участвовать въ занятіяхъ совѣта (послѣ 1773 г.), Екатерина рѣшительно отклонила его просьбу подъ тѣмъ предлогомъ, что она считаетъ неумѣстнымъ его поступленіе въ совѣтъ, въ которомъ „виды другихъ часто несогласны съ ея собственными" и который она предполагаетъ упразднить (С. Р. И. О., XLII, 356 с.). Но совѣтъ продолжалъ существовать до конца царствованія Екатерины II, а Павелъ Петровичъ попрежнему жилъ въ Гатчинѣ вдали отъ всякихъ дѣлъ.

обычайную энергію въ занятіяхъ государственными дѣлами и въ преобразованіи всего управленія, которое было направлено, большею частью, къ отмѣнѣ учрежденій Екатерины II. Не смотря на это, въ царствованіе Павла Петровича продолжалось совмѣстное развитіе коллегіальнаго и личнаго принципа въ управленіи, хотя послѣдній и бралъ верхъ надъ первымъ, благодаря личной дѣятельности самого императора. Двѣ дошедшія до насъ собственноручныя записки объ управленіи Павла Петровича даютъ понятіе о планѣ государственныхъ реформъ, которыя онъ предполагалъ осуществить въ свое царствованіе. Павелъ Петровичъ хотѣлъ обратить правительствующій сенатъ исключительно въ судебное мѣсто, которое состояло бы изъ двухъ департаментовъ: уголовнаго и гражданскаго. Все центральное управленіе императоръ думалъ поручить семи главнымъ департаментамъ подъ начальствомъ министровъ. Генералъ-прокуроръ, по проэкту Павла Петровича, завѣдовалъ, въ качествѣ министра юстиціи, только юстицъ- и вотчинной коллегіями. Особое значеніе въ администраціи пріобрѣтала канцелярія государя, составленная по числу департаментовъ изъ семи отдѣленій, изъ которыхъ въ каждомъ сосредочивались дѣла одного департамента. Доклады министровъ поступали въ эту канцелярію и отсюда уже восходили къ императору, который объявлялъ свои рѣшенія той-же канцеляріи. Государственный совѣтъ долженъ былъ состоять изъ министровъ и вице-канцлеровъ тѣхъ департаментовъ, въ которыхъ полагались эти сановники, и служить единственно для облегченія сношеній между министрами [1]). Совѣтъ, слѣдовательно, имѣлъ бы значеніе комитета министровъ, между тѣмъ какъ императорская канцелярія являлась дѣйствительнымъ средоточіемъ высшаго управленія государствомъ. Этотъ проэктъ преобразованія въ высшемъ управле-

1) „Предначертанія Павла I о разныхъ государственныхъ должностяхъ“, Дѣла Комитета 6 дек. 1826 г., № 6.

скаго Устава, то онъ также отвергъ принципіальное начало Французскаго права и допустилъ обжалованіе въ порядкѣ ревизіи оправдательныхъ рѣшеній присяжныхъ, впрочемъ съ ограниченіемъ. Протестъ прокурора можетъ быть принесенъ лишь при наличности 4-хъ изъ 8 указанныхъ въ ст. 377 поводовъ къ отмѣнѣ рѣшенія, а именно, при незаконномъ составѣ коллегіи судей или присяжныхъ, при участіи въ рѣшеніи судьи или присяжнаго, абсолютно неспособнаго къ отправленію судейскаго званія, при участіи судьи или присяжнаго, либо устраненнаго или неправильно неустраненнаго по отводу, при веденіи главнаго производства въ отсутствіи прокурора или иного лица, участіе котораго требуется закономъ, и сверхъ того — при неправильной постановкѣ или неправильномъ опущеніи вопросовъ присяжнымъ (ст. 379).

стр. 108 и 109. Какъ указываютъ мотивы (стр. 109), наравнѣ съ такимъ разрѣшеніемъ вопроса относительно кассаціи рѣшенія присяжныхъ, благопріятнаго подсудимому, въ постановленіяхъ устава о кассаціонномъ производствѣ въ двоякомъ отношеніи признается начало favor defensionis. 1) И здѣсь, по общему началу, отъ обвиненія требуется достовѣрность, защитѣ идетъ въ пользу сомнѣніе: такъ нарушенія формъ и обрядовъ не принимаются въ разсчетъ для кассаціи въ пользу подсудимаго, когда несомнѣнно обнаруживается, что таковыя не могли вредно повліять на рѣшеніе. Напротивъ, такія нарушенія только тогда могутъ быть приняты въ основаніе кассаціи во вредъ обвиняемаго, когда обнаруживается, что они могли отозваться вреднымъ для обвиненія образомъ на рѣшеніи. 2) Прокурору отрѣзана возможность—подъискивать поводы кассаціи послѣ оправданія подсудимаго, чтобы подъ этимъ предлогомъ добиваться новаго производства. Поэтому, кассаціонные поводы, относительно которыхъ мыслимо опасеніе такого образа дѣйствія, могутъ быть предъявляемы обвинителемъ лишь подъ условіемъ, когда въ судебномъ засѣданіи онъ протестовалъ противъ допущенія нарушенія, требовалъ судебнаго опредѣленія и немедленно послѣ отказа или объявленія судебнаго опредѣленія, заявилъ о намѣреніи своемъ принести кассаціонный протестъ (§ 281 отдѣлъ послѣдній, § 344 послѣдній и предпослѣдній отдѣлы). Эти два принципіальныя правила Австрійскаго устава проникнуты процессуальной мудростью, они къ сожалѣнію совершенно отсутствуютъ въ отечественномъ правѣ и отечественной кассаціонной практикѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Изслѣдованіе писателями новой школы уголовнаго права въ Италіи отдѣльныхъ карательныхъ средствъ. Вопросъ о смертной казни, воззрѣнія Ломброзо, Ферри, Пулья, Гарофало, Сетти. Родственныя воззрѣнія Бельтрани-Скаліа, Кризафулли, Ціино. Пріюты для душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности.

Въ своемъ стремленіи преобразовать теорію и практику уголовнаго права, новая школа отводитъ значительное мѣсто изслѣдованію отдѣльныхъ карательныхъ средствъ, задаваясь цѣлью привести ихъ въ соотвѣтствіе съ выработанными ею классами преступниковъ. Эти средства раздѣляются, какъ мы видѣли выше, на mezzi repressivi, соотвѣтствующія современнымъ наказаніямъ лишенія свободы, и mezzi eliminativi т. е. средства выдѣленія или отброса негоднаго члена изъ общества. Придавая послѣднимъ средствамъ первенствующее значеніе, новая школа придаетъ лишь второстепенное значеніе первымъ и почти совсѣмъ игнорируетъ современный типъ наказанія лишенія свободы.

Первое мѣсто среди средствъ выдѣленія принадлежитъ смертной казни. Изслѣдованіе вопроса о желательности и возможности полной отмѣны ея составляло давнюю задачу юридической школы уголовнаго права, разрѣшеніе которой покрыло неувядаемой славой дорогія криминалисту имена Беккаріа, Карминьяни, Каррара, Буччеллати, Эллеро, Цуппетта, Пессина, Миттермайера, Бернера, Гейера, Гольцендорфа и нашего Кистяковскаго. Итальянская антропологo-позитивная школа уголовнаго права въ лицѣ Ломброзо, Гарофало, Сетти совсѣмъ иначе отнеслась къ этому вопросу. Въ наше время, когда казалось бы смертной казни долженъ былъ наступить конецъ de jure, а не de facto только, смертная казнь на-

ходитъ страстную поддержку въ новой школѣ и затѣмъ въ нѣкоторыхъ писателяхъ, тѣсно примыкающихъ къ ней по этому вопросу.

I.

Ломброзо главнымъ образомъ высказался по этому предмету въ двухъ сочиненіяхъ: L'uomo delinquente и Sull, incremento del delitto in Italia e sui mezzi d'arrestarlo. Въ первомъ сочиненіи Ломброзо считаетъ изслѣдованіе по этому вопросу при современномъ ограниченномъ примѣненіи смертной казни празднымъ [1]). Во второмъ сочиненіи Ломброзо признаетъ смертную казнь „радикальнѣйшимъ средствомъ соціальной защиты, самымъ логическимъ въ смыслѣ уголовной соціологіи и не только согласнымъ съ закономъ подбора вида, но и записаннымъ на слишкомъ многочисленныхъ страницахъ въ книгѣ природы". Но вслѣдъ за этимъ Ломброзо замѣчаетъ, что онъ не хотѣлъ касаться этого вопроса. Такъ, трудно вырвать чувство отвращенія къ ней, укоренившееся у извѣстнаго народа, къ тому же число осужденій къ смертной казни до того понизилось въ Европѣ, что смерть не можетъ служить средствомъ подбора и вѣроятность ея непримѣненія обращается въ полную несомнѣнность. Поэтому Ломброзо рекомендуетъ временно сохранить смертную казнь, пока продолжаются преступленія, совершаемыя тайными обществами и тюрьма не обезпечиваетъ общества противъ побѣга преступниковъ, сохранивъ такую казнь навсегда для преступленій, совершаемыхъ осужденными пожизненно [2]).

---

[1]) L'uomo delinquente изд. 2-е 1878 г. прим. стр. 438. Здѣсь встрѣчается слѣдующее замѣчаніе: Нѣжное чувство цивилизованныхъ народовъ, требующее отмѣны смертной казни, слишкомъ почтенно, чтобъ оспаривать его, тѣмъ болѣе, что своеобразное впечатлѣніе, производимое смертною казнью, хладнокровно опредѣляемой судьей и исполняемой надъ лицомъ, сохранившимъ въ моментъ казни чувство презрѣнія къ ней—часто умножаетъ преступленія въ силу подражанія и создаетъ въ черни культъ относительно жертвы.

[2]) Sull' incremento стр. 79. Въ работѣ Troppo Presto 1888 года, страстной полемикѣ противъ проэкта угол. улож. Занарделли, ставшаго уголовнымъ уло-

Такимъ образомъ, Ломброзо по принципу вполнѣ приверженецъ смертной казни; практически онъ желаетъ сохранить ее временно для цѣлаго вида преступленій и безусловно для спеціальнаго вида преступниковъ. Уступки дѣлаются исключительно въ виду общественнаго мнѣнія.

Болѣе сильныя колебанія по этому вопросу—колебанія, приводящія къ отрицанію смертной казни, находимъ у Ферри, который всего опредѣленнѣе высказывается въ своей книгѣ „Nuovi orizzonti di diritto e procedura penale“. Говоря о прирожденныхъ преступникахъ и предлагая ихъ помѣщать въ спеціальныя заведенія пожизненно или безсрочно — авторъ ставитъ вопросъ, не лучше ли было бы примѣнять смертную казнь къ этимъ уродливымъ существамъ, постоянно угрожающимъ обществу. „Смертная казнь начерчена природой во всякомъ углѣ вселенной и во всякомъ моментѣ всемірной жизни. Она не безусловно противурѣчитъ праву, ибо когда она совершенна необходима, какъ напримѣръ при необходимой оборонѣ, личной или соціальной, она совершенно справедлива...., мало этого всеобщій законъ эволюціи показываетъ, что прогрессъ всякого живого вида совершается благодаря постоянному подбору, происходящему путемъ смерти менѣе сильныхъ въ борьбѣ за существованіе. Поэтому искусственный подборъ, совершаемый обществомъ въ собственной средѣ, посредствомъ истребленія вредныхъ для его бытія элементовъ, былъ бы согласенъ не только съ правомъ, но и съ естественнымъ закономъ“.

Однако авторъ не считаетъ возможнымъ преувеличивать значеніе этихъ выводовъ, нужно принимать ихъ, по его мнѣнію, съ ограниченіями, всегда необходимыми въ этихъ сложныхъ вопросахъ, не под-

---

женіемъ 1889 г. въ формѣ монографій по отдѣльнымъ вопросамъ, составленныхъ членами nuova scuola—Ломброзо въ пользу смертной казни ссылается на наличность прирожденныхъ преступниковъ, людей рожденныхъ для зла и организованныхъ для зла, атавистически воспроизводящихъ собой не только наиболѣе дикихъ людей, но и наиболѣе свирѣпыхъ животныхъ, плотоядныхъ и грызуновъ, что устраняетъ въ насъ чувство жалости къ нимъ, такъ какъ они не подобные намъ люди, а дикіе звѣри (стр. 23).

дающихся односложному, рѣшительному разрѣшенію.—Идея искуственнаго подбора, перенесенная въ область соціологіи безусловно, не только узаконивала бы, но даже дѣлала бы обязательнымъ истребленіе всѣхъ лицъ съ природными недугами или одержимыхъ неизлѣчимыми и прилипчивыми болѣзнями. Сверхъ того—иное дѣло признавать законность смертной казни въ извѣстныхъ случаяхъ, иное дѣло ея полезность и необходимость въ нормальныхъ условіяхъ жизни. Въ послѣднемъ случаѣ охрана общества депортаціей или вѣчнымъ заключеніемъ, при устраненіи злоупотребленія помилованіемъ, при серьезныхъ гарантіяхъ—можетъ быть истинной замѣной смертной казни. Наконецъ, полезность и дѣйствительность смертной казни въ смыслѣ средства охраны представляются сомнительными. Преступленія совершаются или по аффекту или въ силу обдуманнаго намѣренія: въ первомъ случаѣ преступникъ ни о чемъ не думаетъ, во второмъ онъ руководится надеждой на безопасность. Такой надеждѣ благопріятствуетъ въ Италіи какъ многочисленность случаевъ (40%), въ которыхъ виновные остаются неизвѣстными, такъ въ особенности присущая преступникамъ черта непредусмотрительности. Нельзя полагаться на показанія того или другаго осужденнаго относительно испытываемаго имъ страха смертной казни въ виду различія психологическихъ моментовъ передъ совершеніемъ преступленія и таковаго же въ виду неминуемаго наказанія. Далѣе, статистика удостовѣряетъ, что число совершаемыхъ преступленій, облагаемыхъ смертной казнью, не зависитъ отъ числа осужденій къ смертной казни и случаевъ ея исполненія, завися отъ другихъ факторовъ, какъ это видно на примѣрѣ Тосканы, дающей пропорціонально меньшее число таковыхъ преступленій сравнительно съ провинціями, гдѣ она существуетъ. И если во Франціи, при значительномъ усиленіи преступности и увеличеніи народонаселенія, дѣла объ убійствѣ, отравленіи, отцеубійствѣ и простомъ убійствѣ понижаются съ 500 въ 1826 г. до 423 въ 1831 г. тогда какъ случаи примѣненія смертной казни съ 197 падаютъ на 1—трудно убѣдиться, въ томъ, чтобы

опытъ свидѣтельствовалъ о практической пользѣ смертной казни, какъ средства общественной защиты. Словомъ, смертная казнь въ своей односложной простотѣ, ничто иное, какъ легкая панацея, а не разрѣшеніе сложной задачи. Убивать неисправимыхъ—это мысль, являющаяся непосредственно (еще Дидро говорилъ, что злоумышленниковъ надо убивать, а не наказывать). Въ матеріальныхъ и нравственныхъ условіяхъ соціальной жизни и въ опытѣ примѣненія смертной казни слѣдуетъ искать необходимыя ограниченія такой идеи [3]).

Если, такимъ образомъ, Ломброзо, будучи въ принципѣ приверженцемъ смертной казни, не вѣритъ возможности ея практическаго примѣненія,—а Ферри въ концѣ концовъ отвергаетъ ее, то Пулья является ея принципіальнымъ противникомъ. Въ своемъ изслѣдованіи о преступленіи убійства Пулья заявляетъ, что ему представляется страннымъ—какъ представители позитивнаго направленія могутъ утверждать необходимость смертной казни и приписывать мягкости наказанія увеличеніе преступности. Смертная казнь предназначается, очевидно, для прирожденныхъ преступниковъ, но она лишена устрашающаго воздѣйствія на такихъ лицъ. Такимъ образомъ, она сводится къ простому акту варварства и насилія противъ виновнаго [4]).

II.

Наиболѣе энергическимъ приверженцемъ смертной казни среди „новыхъ криминалистовъ" является Гарофало. Въ первомъ выпускѣ моего настоящаго труда было показано, какъ этотъ талантли-

---

[3]) Указ. соч. стр. 520—531. Изложенное мѣсто у Ферри, составляя воспроизведеніе вѣрныхъ воззрѣній знаменитыхъ противниковъ смертной казни, Гольцендорфа, Каррара, Миттермайера, крайне рѣзко выходитъ изъ рамки воззрѣній новой школы и является вѣрной критикой ниже излагаемыхъ воззрѣній Гарофало.

[4]) Il reato di omicidio saggio di diritto criminale positivo 1881 г.—На томъ же основаніи Пулья высказывается противъ смертной казни и въ другой работѣ своей La psico-fisiologia e l'avvenire della scienza criminale (Archivio di Psich. II стр. 70).

вый авторъ, примѣняя воззрѣнія Дарвина къ уголовному праву, высказывается за принципъ исключенія изъ общества и искусственнаго подбора по отношенію къ извѣстнымъ преступникамъ, указывая на размноженіе таковыхъ въ силу происхожденія преступнаго потомства отъ преступныхъ родителей и требуя смертной казни для улучшенія расы [5]).

Гарофало выставляетъ, какъ важнѣйшее основаніе для смертной казни — необходимость устранить возможность повторенія для виновниковъ дѣяній, особенно страшныхъ по низости мотива или жестокости способа совершенія. Средствомъ „сдѣлать такого преступника безусловно безвреднымъ, вырвать съ корнемъ ядовитое растеніе“ Гарофало признаетъ единственно смертную казнь. Вѣчное одиночное заключеніе въ цѣпяхъ, по мнѣнію автора, недостаточно обезпечиваетъ общество, такъ какъ осужденный можетъ быть освобожденъ при бунтѣ или мятежѣ, можетъ быть помилованъ. Наконецъ, вѣчное заключеніе не исключаетъ возможности побѣга и случаевъ убійствъ бѣжавшими преступниками. Словомъ, невозможно придумать какого либо средства, кромѣ смерти, для доставленія обществу нравственной увѣренности въ безусловной безвредности проступника; вотъ почему исключеніе изъ общества никогда не будетъ безусловнымъ, если оно не будетъ неотмѣнимымъ. „Неотмѣнимость — это слово, которымъ аболиціонисты пользуются противъ насъ, какъ страшнымъ оружіемъ, воспринято и усвоено нами. Неотмѣнимость — это высшее преимущество смертной казни. Но еслибъ даже допустить невѣроятное, а именно, что спеціальное предупрежденіе могло бы быть достигнуто какимъ либо средствомъ съ сохраненіемъ жизни виновнаго, — все же вопросъ не рѣшался бы

---

[5]) Антрополого-позитивная школа уголовнаго права въ Италіи вып. 1 глава 3-я стр. 390—401. Въ цѣломъ рядѣ работъ Гарофало настойчиво утверждаетъ необходимость смертной казни: сюда относятся кромѣ его работъ: Di un criterio positivo della penalita и Criminologia, еще работа Гарофало по поводу отмѣны смертной казни по проэкту Итальянск. угол. улож. Contro la corrente, pensieri sulla proposta abolizione della pena di morte nel progetto del nuovo codice penale Italiano 1888 г.

этимъ, такъ какъ оставалась бы недостигнутой цѣль устрашенія, которая должна быть осуществлена въ подобныхъ случаяхъ во что бы то ни стало" [6]). Авторъ приводитъ по этому поводу мнѣніе Гольцендорфа, по которому смертная казнь лишена устрашительнаго значенія, такъ какъ она представляется преступнику сомнительнымъ и далекимъ будущимъ, не удерживающимъ его въ виду несомнѣнной выгоды. Не оспаривая этого положенія, Гарофало замѣчаетъ, что не всѣ однако преступники столь отважны, есть между ними и робкіе. Возможность воздѣйствія угрозы смертной казни, неопредѣлимая путемъ цифры, все же обладаетъ громадной важностью, если бъ страхъ наказанія остановилъ бы руку хотя одного преступника. Не придавая чрезмѣрнаго значенія вообще наказанію, должно признать, что смертная казнь обладаетъ силой устрашенія несравненно высшей, чѣмъ другія наказанія. Тамъ, гдѣ въ законодательствѣ нѣтъ смертной казни, преступникъ предвидитъ вѣчное заключеніе, какъ крайній изъ рисковъ, которымъ онъ подвергается; тамъ, гдѣ она есть,—онъ предвидитъ и ее, такъ что какъ бы ни была отдаленна вѣроятность ея примѣненія, смертная казнь, ничего не уменьшая относительно другихъ угрожающихъ возможностей, прибавляетъ новое впечатлѣніе опасности, несравненно высшей. Независимо отъ сказаннаго нужно имѣть въ виду, что предупредительное дѣйствіе наказаній не должно измѣряться разсчетами лицъ, рѣшившихся совершить преступленіе, его надо искать въ впечатлѣніяхъ лицъ, обладающихъ преступными побудами, но еще не ставшими преступниками. Кто будетъ спорить, что когда въ числѣ рисковъ, сопряженныхъ съ преступленіемъ имѣется смертная казнь, мысль о преступленіи, мелькнувшая въ умѣ человѣка, скорѣе и легче будетъ отвергнута, чѣмъ когда наибольшимъ рискомъ является только лишеніе свободы. Правда аболиціонисты возражаютъ на это, что лица, коихъ природа не гнушается убійствомъ, не боятся смертной казни. Но это положеніе

[6]) Di un criterio positivo стр. 83, 84,—Contro la corrente стр. 37—39.

постоянно опровергается опытомъ. Такъ, убійца начальника пожарной команды въ Неаполѣ былъ до того убѣжденъ въ отмѣнѣ смертной казни, что убійство, какъ онъ сознавался, было совершено имъ съ цѣлью обезпечить себѣ на всю жизнь жилище и пищу, безъ надобности прибѣгать къ труду или нищенству. Извѣстный убійца, солдатъ Мисдеа, до послѣдней минуты не вѣрилъ исполненію надъ нимъ смертной казни. Точно также карабинеръ Марино сознавался, что онъ убилъ своего начальника, разсчитывая провести на каторгѣ остававшееся ему время службы. Однимъ словомъ, истинный прирожденный преступникъ не признаетъ другого наказанія, кромѣ смертной казни. Съ другой стороны, одинъ фактъ бытія смертной казни въ законодательствѣ и примѣненія ея къ важнѣйшимъ преступникамъ значительно вліяетъ на меньшія преступленія, такъ какъ, по вѣрному замѣчанію Туріелло, при отсутствіи смертной казни вся карательная лѣстница, вся устрашительность закона обезцвѣчиваются по отношенію къ впечатлительной фантазіи народа въ моментъ страстнаго возбужденія, предшествующаго преступленію. Напротивъ, чувство страха сохранялось бы при умышленіи даже преступленія, не наказуемаго смертной казнью, если бы умыслившій таковое бы зналъ, что надъ нимъ есть власть, уполномоченная посылать на вѣрную смерть. Авторъ припоминаетъ случай изъ судебной практики, гдѣ человѣкъ, готовый убить своего врага, отбросилъ ружье, вспомнивъ о нѣсколькихъ послѣдовавшихъ въ судѣ смертныхъ приговорахъ и крикнулъ при этомъ своей жертвѣ: „Благодари судъ, возстановившій смертную казнь“. Въ странахъ, гдѣ люди придаютъ значеніе только „вещамъ опредѣленнымъ,—конкретнымъ, не разсчитывая на далекія вѣроятности будущаго, необходимы наказанія строгія, быстрыя, точныя, сильно поражающія воображеніе. Для человѣка культурнаго достаточенъ строй продолжительной и однообразной дисциплины, для людей грубыхъ необходимы печалящія наказанія и смертная казнь“ (Спенсеръ)[7].

---

[7]) Contro la corrente, стр. 21—24.

Наоборотъ, даже пожизненное заключеніе лишено устрашающаго значенія. Современная гражданственность не терпитъ истязаній надъ заключеннымъ. Венеціанскіе pozzi и piombi исчезли, одиночное содержаніе въ ergastolo по проэкту Итальянскаго уложенія—десятилѣтнее, а по истеченіи этого срока осужденный допускается въ общество другихъ осужденныхъ [8]). Исполнители самаго строгаго закона непремѣнно смягчаютъ его, человѣкъ устаетъ мучить беззащитнаго ближняго. Самое страшное преступленіе блѣднѣетъ со временемъ. Осужденный, съ своей стороны, въ общеніи съ другими заключенными быстро усвоиваетъ привычки среды. А когда привычка сдѣлана, страданіе исчезаетъ. Съ другой стороны каторжныя тюрьмы (ergastolo) въ глазахъ постороннихъ лицъ не будутъ существенно отличаться отъ другихъ тюремъ, такъ какъ различія режима будутъ ускользать отъ нихъ. Народъ единственно увидитъ нарушеніе связи, существующей въ его совѣсти между смертью невиннаго и смертью его убійцы. Народъ будетъ знать, что убійца проживаетъ въ тюрьмѣ, но не будетъ знать и не захочетъ знать ничего другого.

Авторъ, далѣе, разбираетъ и пытается опровергнуть аргументъ противниковъ смертной казни, „оказывающійся лишеннымъ цѣны въ виду шагнувшей впередъ психологіи". Утверждаютъ, что соціальная реакція не должна заимствовать своей формы у преступнаго дѣйствія, иначе нарушается то же самое чувствованіе, которое было нарушено и преступленіемъ. Поэтому реакція противъ убійства не должна быть убійствомъ. Эта мнимая аксіома представляется, по мнѣнію Гарофало, совершенно ложною. Во первыхъ,—во всякомъ порядкѣ естественныхъ феноменовъ противудѣйствіе проявляется обыкновенно способомъ, аналогичнымъ дѣйствію, противъ котораго оно направлено. Это бываетъ при механическомъ толчкѣ, при нервномъ потрясеніи. Почему бы и при нарушеніи нравственныхъ чувствованій, дѣйствію и проти-

[8]) По Итальянскому Уложенію 1889 г. этотъ срокъ одиночнаго заключенія въ ergastolo сокращенъ до 7 лѣтъ (ст. 12-я).

вудѣйствію не выражаться въ тождественной формѣ? Далѣе, можно ли сказать, что всеобщее чувство человѣколюбія и благоволенія (pietà) столь же нарушается смертью виновнаго, какъ оно нарушается совершеннымъ имъ преступленіемъ? Развитіе и всеобщность инстинкта человѣколюбія заставляютъ казаться совершенно неподобнымъ намъ человѣка, лишеннаго такого инстинкта, и внушаетъ къ нему антипатію. Поэтому, наша симпатія не можетъ возбуждаться къ лицу, совершенно отличному отъ насъ психически, не могущему считаться членомъ общества, а выросшему въ немъ, какъ худая трава, которую требуется вырвать. Наша симпатія могла бы быть возбуждена единственно въ случаѣ причиненія такому лицу физическихъ страданій, вотъ почему наша гражданственность отмѣнила мученія, которыя передъ казнью заставляли выносить осужденнаго. „Но если гражданственное общество отвращается отъ безполезныхъ страданій, то оно не оплакиваетъ, а, напротивъ, требуетъ истребленія существа, съ которымъ у него нѣтъ общихъ нравственныхъ чувствованій и въ особенности человѣколюбія, укорененнаго въ организмѣ нашей расы“ [9]). Авторъ, выдвигаетъ и другой аргументъ противъ оспариваемаго имъ возраженія. Жестокое дѣяніе, проникнутое альтруистической цѣлью, не нарушаетъ нашего нравственнаго чувства. Такъ хирургъ, совершающій ампутацію, не можетъ считаться лишеннымъ нравственнаго чувства, онъ преодолѣваетъ отвращеніе, возбуждаемое причиняемой имъ болью, чтобъ спасти жизнь мучимаго имъ лица. Необходимость предупредить будущее важнѣйшее зло, грозящее больному, принуждаетъ его оставаться наружно нечувствительнымъ къ настоящему страданію больнаго.

Далѣе, отмѣна смертной казни не означаетъ только, что средство безусловнаго исключенія замѣняется другимъ, менѣе вѣрнымъ и не-

---

[9]) Этотъ аргументъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ изложенъ Гарофало въ Criminologia въ связи съ обоснованіемъ принципа исключенія изъ общества, былъ уже разобранъ и оцѣненъ мною въ 1-мъ выпускѣ моей работы глава IV, III, стр. 393—394.

имѣющимъ свойства неотмѣнимаго. Она влечетъ другое, весьма тяжкое послѣдствіе. Сообразно ученію господствующей юридической школы о необходимости сохраненія уголовной пропорціи — отмѣна смертной казни произведетъ переворотъ въ лѣстницѣ наказаній; на ея мѣсто будетъ поставлено пожизненное заключеніе, а пожизненное заключеніе въ тѣхъ преступленіяхъ, за которое оно полагалось при наличности смертной казни, въ свою очередь будетъ замѣнено временнымъ заключеніемъ. Такимъ образомъ, по новому Итальянскому проэкту убійство непредумышленное, за которое Сардинское Уложеніе грозило пожизненнымъ заключеніемъ, будетъ наказываться смирительнымъ домомъ отъ 20—24 лѣтъ. Такому же наказанію, болѣе или менѣе увеличенному, будетъ подлежать и убійца, совершившій преступленіе съ истязаніями при признаніи за нимъ смягчающихъ обстоятельствъ Такимъ образомъ, средство выдѣленія изъ общества будетъ примѣняться къ наименьшему числу преступниковъ, тогда какъ дѣйствующій законъ исключалъ на всю жизнь тѣхъ, которымъ оставлялъ жизнь. По новому закону многіе изъ такихъ злоумышленниковъ будутъ освобождаться въ возрастѣ полнаго мужества и, вступая въ бракъ, будутъ размножать преступное племя бродягъ, эпилептиковъ и убійцъ [10]).

Сверхъ предъявленія указанныхъ доводовъ въ пользу смертной казни, Гарофало пытается обосновать необходимость этой карательной мѣры данными уголовной статистики. Статистика, по мнѣнію его, удостовѣряетъ значительное уменьшеніе наиболѣе крупной преступности (преступленій противъ жизни) тамъ, гдѣ смертная казнь примѣняется наиболѣе часто и, наоборотъ, увеличеніе или по крайней мѣрѣ неподвижный уровень преступности, тамъ гдѣ смертная казнь не примѣняется. Такъ, въ Бельгіи соотвѣтственно съ установив-

---

[10]) Contro la corrente VI стр. 37—38, 48 и 49. Авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи распространяется о значеніи закона наслѣдственности въ явленіи преступности и пытается этимъ закономъ подтвердить необходимость смертной казни. Эти соображенія представляютъ повтореніе соотвѣтствующаго отдѣла Criminologia, изложеннаго и разобраннаго въ 1-мъ вып. моей настоящей работы (гл. 3-я ст. 394—407).

шимся съ 1863 года обычаемъ замѣны смертной казни другими наказаніями число обвиняемыхъ въ убійствѣ съ 34 въ 1865 г. возвысилось до 120 въ 1875 году. Число преданныхъ суду въ Пруссіи за убійство въ 1861 г.=207 лицамъ, это число въ связи съ постояннымъ непримѣненіемъ смертной казни къ осужденнымъ съ 1860 до 1870 г. увеличивалось и достигло въ 1878 году до 518. Увеличеніе числа преступленій противъ жизни въ Швейцаріи побудило къ дарованію кантонамъ въ 1879 г. права возстановленія смертной казни въ кантональныхъ законодательствахъ. Во Франціи было значительное уменьшеніе преступленій противъ жизни съ 1850 по 1878 годъ въ связи съ значительнымъ количествомъ случаевъ исполненія смертной казни. Въ 1877 году послѣдовало лишь 31 осужденія къ смертной казни, но послѣ многочисленныхъ помилованій, дарованныхъ Греви, число убійствъ съ 613 повысилось до 660 въ 1879 году, въ 1880 году достигло 675, въ 1881 году — 697. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія изъ 30-ти осужденныхъ къ смертной казни было казнено семь — въ 1884 году. Англія, гдѣ смертная казнь почти постоянно исполнялась „относительно щедрымъ образомъ", представляетъ уменьшеніе наиболѣе тяжкихъ кровавыхъ преступленій: съ 608 въ 1857 году они понизились до 429 въ 1880 году. Въ Тосканѣ, по заявленію Министра Вакка, въ Палатѣ Депутатовъ 8-го Марта 1865 года, въ періодъ 1854—59 годовъ при наличности смертной казни число осужденныхъ за предумышленное убійство равнялось 14, — въ слѣдующее же за отмѣной смертной казни пятилѣтіе (1859—1864 года), это число возросло до 21. По статистикѣ 1881—1885 года число осужденныхъ за преступленія, ранѣе обложенныя смертною казнью, возросло для всей Тосканы до 70, противъ числа 14 осужденныхъ за однородныя преступныя дѣянія за пятилѣтіе 1854—1859, когда смертная казнь существовала въ Тосканѣ, и числа 21 таковыхъ же осужденныхъ за пятилѣтіе, слѣдовавшее непосредственно за отмѣной смертной казни. Число предъявленныхъ въ округѣ Флорентинской Палаты

обвиненій въ предумышленномъ убійствѣ было 15-ть въ періодъ 1855—1859 г., 23 въ періодъ 1859—1864 г., 35 въ періодъ 1881—1885 г.; число обвиненій по дѣламъ, подлежавшимъ смертной казни по уложенію 1853 года, возвысилось во второмъ періодѣ до 38 противъ числа 20 перваго періода [11]).

Замѣчательное совпаденіе смягченія наказанія по закону 1861 года (въ связи съ умножившимися помилованіями) и увеличенія цифры важнѣйшей преступности представляетъ Неаполитанская область. Въ этой области въ 1833 году было осужденныхъ къ смертной казни 95, изъ коихъ нѣкоторое число казнено, тогда какъ въ 1880 году осужденныхъ тамъ же было 49 и не было ни одного исполненія смертной казни. А между тѣмъ въ 1833 году было квалифицированныхъ убійствъ 205, въ томъ числѣ 5 отцеубійствъ, въ 1880 г. первыхъ было 378, въ томъ числѣ 18 отцеубійствъ. Точно также противъ 695 простыхъ убійствъ 1833 года 1880 годъ представляетъ 1061 убійство. Во всей Италіи съ 1863 по 1880 годъ отцеубійства умножились отъ 12 до 39, дѣтоубійства съ 44 до 82, квалифицированныя убійства (assassini) съ 285 до 705; супругоубійства и братоубійства удвоились. Съ десятилѣтія 1850—1860 года къ десятилѣтію 1860—70 года послѣдовало увеличеніе на 22% въ дѣяніяхъ, влекущихъ смертную казнь и на 64% въ дѣяніяхъ, облагаемыхъ пожизненной каторгой. Такое увеличеніе совпадаетъ съ смягченіемъ наказаній по законамъ 1859 и 1861 г. и съ ослабленіемъ репрессіи, благодаря введенію суда присяжныхъ. Наконецъ, осужденные къ каторжнымъ работамъ и къ другимъ уголовнымъ наказаніямъ, равнявшіеся 15,037 въ 1862 году, достигли цифры 32,538 въ 1882 го-

---

11) Contro la corrente Appendice III, къ стр. 9 и 10, 59 и 60. Однако затѣмъ Гарофало въ Appendice IV къ страницамъ 12, 13 и 14-й оговариваетъ и исправляетъ допущенную имъ ошибку: показанное имъ въ періодъ 1881—1885 годовъ число (70) въ дѣйствительности относится не къ осужденнымъ за предумышленное убійство, влекшее за собою ранѣе смертную казнь, а къ другимъ видамъ убійства, не облагавшимся смертной казнью по Тосканскому Уложенію 1853 года.

ду, т. е. свыше двойнаго числа по истеченіи двадцатилѣтія. Осужденные пожизненно почти удвоились въ теченіи 13 лѣтъ (они равнялись 2945 въ 1870 г., 5363 въ 1883 году). Авторъ вслѣдъ за тѣмъ обращается къ анализу „великаго статистическаго аргумента“ Итальянскихъ аболюціонистовъ, къ недавнему уменьшенію, констатированному въ Италіи, числа заявленныхъ случаевъ убійства, равнявшагося 5222 въ 1882 году и понизившагося до 4228 въ 1884 году. Тѣмъ не менѣе число квалифицированныхъ убійствъ въ послѣднемъ году оказывается превышающимъ соотвѣтствующее число въ года, предшествующіе 1878 году, и кромѣ того превышаетъ среднее ежегодное число въ теченіи десятилѣтія (1475 въ 1884 г. противъ средняго числа, равнаго 1400). Что касается до убійствъ простыхъ, то таковыхъ было заявлено въ 1885 году 2843, т. е. немного меньше средняго ежегоднаго числа того же десятилѣтія (3081). Но и самый фактъ уменьшенія нѣкоторыхъ преступныхъ дѣяній лишенъ рѣшительнаго значенія и можетъ разсматриваться лишь какъ легкое колебаніе, въ крайнемъ случаѣ уравнивающее увеличеніе преступныхъ дѣяній въ 1878, 1879 и 1880 г. Съ другой стороны преступная дѣятельность не изъемлется изъ всеобщаго закона предѣльности, преступность разливается широко, но не до безконечности, она достигаетъ естественныхъ предѣловъ, когда всѣ преступныя силы исчерпались, когда достигнуто явленіе, называемое Ферри преступнымъ насыщеніемъ (saturazione criminosa) [12]).

Наконецъ, Гарофало оспариваетъ и утвержденіе, что въ вопросѣ о смертной казни надо уважать общественное чувство, противное таковой въ Италіи. Сомнѣваясь въ правдивости отвращенія къ пролитію крови убійцъ тамъ, гдѣ проливается кровь столькихъ невинныхъ жертвъ, Гарофало утверждаетъ, что мнимая нетерпимость относительно смертной казни въ сущности варварская нетерпимость относительно опредѣленной, но безличной власти госу-

---

[12]) Указ. соч. стр. 9—13.

дарства которую, Итальянцы разучились уважать въ теченіе многихъ столѣтій. Къ движенію противъ смертной казни постоянно примѣшивается „обязательная нота либерализма“, что можетъ быть объясняется чужеземнымъ господствомъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ въ прошедшемъ. Наконецъ существуетъ доктринерское движеніе противъ смертной казни, поддерживаемое печатью, утверждающею ея несовмѣстимость съ современной гражданственностью. „Въ вопросѣ о смертной казни мои соотечественники не правы, когда они провозглашаютъ славой Италіи отмѣну смертной казни, можетъ случиться, что таковая представится знаменіемъ нашего легкомыслія, для того, кто увидитъ у насъ цифры, несравненно болѣе высокія преступности, сравнительно съ цифрами уголовной статистики другихъ государствъ, и замѣтитъ, что не смотря на меньшую преступность, смертная казнь тамъ и чаще примѣняется судьями и чаще исполняется“ [13]).

III.

Подобно Гарофало, защитникомъ смертной казни является и Сетти въ своей книгѣ „L'esercito e la sua criminalita“. Не признавая какого либо чрезвычайнаго предупредительнаго дѣйствія за смертной казнью, авторъ утверждаетъ, что она обладаетъ несомнѣнно устрашающимъ свойствомъ относительно многихъ преступниковъ и склонныхъ къ преступности лицъ, и видитъ признаніе этого факта даже у многихъ аболиціонистовъ, которые стремятся отыскать иное наказаніе, обладающее въ той же мѣрѣ устрашительностью, какъ и смертная казнь. Такіе поиски повели къ мысли объ ergastolo, каторжной тюрьмѣ съ безусловнымъ десятилѣтнимъ одиночнымъ заключеніемъ, которая характеризуется въ проектѣ Манчини, какъ „отличная отъ всѣхъ другихъ мѣстъ лишенія свободы по силѣ лишеній и страданій, какъ самая мрачная и

---

[13]) Указ. соч. стр. 53—58.

ужасная мѣра, какую только могло создать человѣческое воображеніе, могила для живыхъ существъ, извергнутыхъ обществомъ навсегда изъ своей среды". Противъ возраженія, что большинство преступниковъ или совсѣмъ не думаютъ при совершеніи преступленія о наказаніи, или же слѣпо надѣятся не быть изобличенными, что многіе вовсе не дорожатъ жизнью, авторъ указываетъ, что не должно, останавливаться только на людяхъ, подпавшихъ вліянію преступнаго побуда и недоступныхъ мысли о наказаніи. Надо брать людей, въ совѣсти которыхъ церковь, школа, семья способны вызвать сочувственный откликъ и которымъ сохранившійся страхъ наказанія не даетъ возможности надѣяться избѣжать таковаго. У такихъ лицъ представленіе о смертной казни производитъ путемъ безсознательной работы мысли привычку взвѣшивать послѣдствія собственныхъ дѣйствій, побужденіе остерегаться поводовъ и соблазновъ къ преступленію.

Авторъ, далѣе, обращается къ возраженію противниковъ смертной казни относительно недостатка ея примѣрности. Такъ, вскорѣ послѣ преступленія убійцы Мисдеа послѣдовало преступленіе тоже солдата, Костанцо, повторившее въ точности преступленіе перваго; далѣе, во Франціи, преступленіе Gamahut, убійцы старухи Ballerich, было воспроизведено въ преступленіи Marchandon, убійцы г-жи Cornet. Указанныя явленія, по мнѣнію Сетти, объясняются какъ наличностью прирожденныхъ преступниковъ, неспособныхъ управлять своими животными побудами, такъ и склонностью преступнаго подражанія. Такая склонность способна устранять примѣрность и устрашеніе, присущія смертной казни. Но криминалистъ, изучающій новое проявленіе преступности, воспроизводящее предшествующее, не долженъ забывать, что если онъ принужденъ записывать лишнее преступленіе, онъ не въ состояніи одновременно прибавить единицы къ статистикѣ случаевъ воздержанія отъ преступленія, обусловленнаго разумной репрессіей. Немногіе сознаютъ, что конецъ Мисдеа и Костанцо обладалъ силой ослабить у другихъ лицъ преступный помыслъ и направить мысль склон-

наго къ преступленію лица на предвидѣніе послѣдствій преступленія.

Авторъ вслѣдъ затѣмъ переходитъ къ возраженію аболиціонистовъ относительно неотмѣнимости смертной казни и опасности легальнаго убійства. Такіе случаи, по словамъ Сетти, крайне рѣдки въ Италіи. Въ 1875 г. когда предсѣдатель коммиссіи сената по составленію уголовнаго уложенія Музіо захотѣлъ привести нѣсколько примѣровъ, то пришлось восходить къ 1840 г., чтобъ найти одинъ такой случай. Далѣе писатели, указывающіе на судебныя ошибки (Гольцендорфъ Люка, Таллакъ, Фицъ-Рой Келли) получаютъ свои данныя не на основаніи исполненныхъ приговоровъ и позднѣйшихъ опредѣленій о реабилитаціи казненныхъ, а изъ исходовъ вторичнаго судебнаго разбора послѣ кассаціи перваго приговора, изъ рѣшеній присяжныхъ и существа свидѣтельскихъ показаній. Рѣдкость исполненія ошибочныхъ осужденій обусловливается какъ особо тщательнымъ разсмотрѣніемъ случаевъ, сопряженныхъ со смертной казнью, кассаціонными судами, всегда входящими при этомъ въ оцѣнку существа дѣла и всегда могущими найти поводъ къ кассаціи для обращенія дѣла къ новому производству, такъ и широкимъ примѣненіемъ помилованія. Авторъ останавливается на одномъ указаніи оффиціальной итальянской статистики, повидимому удостовѣряющему фактъ судебныхъ ошибокъ: по этому указанію—въ десятилѣтіе 1867—1876 годовъ изъ 222 лицъ, осужденныхъ судебными приговорами къ смерти, 20 были оправданы вслѣдъ затѣмъ судомъ при новомъ разсмотрѣніи дѣла вслѣдствіи кассаціи перваго приговора. Такимъ образомъ, по словамъ одного знаменитаго писателя (Манчини), если бы не послѣдовало кассаціи или помилованія, то 20 лицъ неповинныхъ сложили бы свои головы на эшафотѣ. Авторъ возражаетъ противъ этого вывода слѣдующимъ образомъ: первыя рѣшенія, въ отличіе отъ вторыхъ, были постановлены на основаніи свидѣтельскихъ показаній, болѣе свѣжихъ, не пострадавшихъ по случаю протеченія времени отъ забвенія, не измѣнившихся въ силу состраданія къ подсудимому, чѣмъ

вполнѣ и объясняется различіе первыхъ и вторыхъ рѣшеній. Къ тому же можно спросить, не смѣшалъ ли составитель статистическаго документа случаевъ погашенія уголовнаго преслѣдованія по законнымъ причинамъ съ случаями оправданія. Конечно, достаточно одного случая осужденія невиннаго, чтобы отнять обаяніе и достоинство у карательной юстиціи. Но этой истинѣ, говорящей преимущественно чувству, можно противупоставить иную, а именно: не менѣе ужасенъ, не менѣе заслуживаетъ сожалѣнія случай, когда невинному опредѣляется наказаніе злоумышленника—вѣчное заключеніе. Если, далѣе, ошибка въ осужденіи вредитъ одному невинному, то развѣ ошибка въ оправданіи не вредитъ тысячѣ невинныхъ, только другимъ образомъ. Наконецъ возможность ошибки можетъ быть устранена улучшеніемъ процессуальныхъ порядковъ. Въ этомъ отношеніи Сетти одобряетъ предложеніе Сенатской коммиссіи 1875 года о томъ, чтобъ смертная казнь не примѣнялась, разъ изъ числа 12 присяжныхъ трое не соглашаются на рѣшеніе, влекущее таковую.

Авторъ обсуждаетъ, далѣе, возраженіе противниковъ смертной казни, что она безусловно, безспорно несовмѣстна съ нашей современной гражданственностью. По мнѣнію Сетти, этотъ доводъ опровергается, какъ многочисленными рѣшеніями присяжныхъ, такъ и военныхъ судовъ, допускающихъ смертную казнь. Послѣдніе за за одно пятилѣтіе присудили къ ней число лицъ, двойное сравнительно съ осужденными къ вѣчнымъ каторжнымъ работамъ. Первые допустили примѣненіе смертной казни въ слѣдующемъ числѣ случаевъ: въ 1869 г.—55, въ 1874 г.—81, въ 1875 г.—98, въ 1876 г.—88, въ 1877 г.—102, въ 1878 г.—64, въ 1879 г.—87, въ 1880 г.—101, въ 1882 г.—73, въ 1883 году—70. Точно также многочисленны такія рѣшенія присяжныхъ и во Франціи, гдѣ напр. 13 Іюня 1885 г. присяжные произнесли не менѣе 4 осужденій къ смертной казни въ одинъ день. Къ тому же указанное положеніе о противурѣчіи смертной казни современному культурному строю не мирится съ увеличеніемъ преступности по-

всемѣстно, во Франціи, Бельгіи, Австріи, Испаніи. Сетти, оспариваетъ, также чтобы общественное мнѣніе свидѣтельствовало о противурѣчіи смертной казни культурѣ нашего времени. Отвергая возможность видѣть въ журналистахъ представителей такого мнѣнія вслѣдствіе тенденціозно-либеральнаго отношенія ихъ къ вопросу въ угоду публики, Сетти признаетъ еще менѣе возможнымъ считать за представителя общественнаго мнѣнія народъ, который, будучи склоннымъ въ спокойномъ состояніи дать согласіе на отмѣну смертной казни, вслѣдъ затѣмъ готовъ устремляться на зрѣлище казни. Наконецъ, устойчивости и согласія въ мнѣніяхъ по этому вопросу не найдется и среди отборной по уму части населенія, среди спеціалистовъ въ области науки уголовнаго права, а равно среди магистратуры. Соціальные и антропологическіе факторы всегда содѣйствовали и содѣйствуютъ опредѣленію какъ преступленія, такъ и формъ наказанія, поэтому не слѣдуетъ удивляться большой неустойчивости мнѣній большинства людей и даже юристовъ по этому предмету. По отношенію спеціально къ смертной казни опытъ жизни, публичныя событія и обстоятельства частной жизни, погашеніе юношеской бодрости, ослабленіе тѣла и охлажденіе воображенія способны превращать наиболѣе горячаго приверженца смертной казни въ холоднаго, спокойнаго, сдержаннаго противника ея, способнаго улыбаться и протягивать свои руки къ жизни, именно когда она мало по малу ускользаетъ. Такъ Миттермайеръ, который изъ своихъ послѣднихъ 50 лѣтъ употребилъ 25 на борьбу съ аболиціонистами, самъ сдѣлался апостоломъ отмѣны смертной казни, хотя и съ меньшей силой аргументаціи, чѣмъ прежде. Такъ и Карминьяни изъ сильнѣйшаго приверженца смертной казни сдѣлался ея противникомъ. Гаусъ при изслѣдованіи проэкта Бельгійскаго уложенія написалъ докладъ противъ отмѣны смертной казни, оставшійся знаменитымъ, а потомъ пораженный разнообразіемъ воззрѣній, отказался отъ своихъ выводовъ. Точно также Arrivabene, подавъ голосъ въ 1865 году за удержаніе смертной казни, писалъ въ послѣдніе годы своей

жизни Люка, что онъ вѣроятно въ настоящее время вотировалъ бы противъ нея [14]).

Къ писателямъ антропологo-позитивной школы по своимъ воззрѣніямъ на смертную казнь примыкаютъ Мартинъ Бельтрани-Скаліа, ученый тюрьмовѣдъ и генеральный директоръ Итальянскихъ тюремъ, далѣе психіатръ Цінно и членъ аппеляціонной палаты Кризафулли. Въ сочиненіи своемъ: „Riforma penitentiaria in Italia, studi e proposte“ 1879 года, Б. Скаліа въ отдѣлѣ „Proposte“ (т. е. практическихъ предложеній) останавливается на вопросѣ о смертной казни. Авторъ исходитъ отъ убѣжденія, что нація въ правѣ прилагать смертную казнь, когда доказано, что таковая способна охранить общественную безопасность, точно также какъ и въ правѣ возложить священный налогъ крови, для охраны чести или неприкосновенности территоріи. Однимъ изъ главнѣйшихъ аргументовъ въ пользу смертной казни для Б. Скаліа служитъ то обстоятельство, что большія Европейскія государства не могли рѣшиться на этотъ важный шагъ, рѣшились отмѣнить ее лишь Швейцарія (1874 г.) и Голландія (въ 1870 г.). Впрочемъ, по мнѣнію Б. Скаліа, опытъ малыхъ государствъ, гдѣ она отмѣнена de jure или de facto, не можетъ считаться удачнымъ. Въ Голландіи оказалось увеличеніе преступленій противъ жизни, въ 1871 и 1872 году въ Бельгіи по свидѣтельству генеральнаго прокурора Delecourt послѣдовало увеличеніе важныхъ преступленій послѣ 1863 г., когда смертная казнь постоянно стала замѣняться пожизненнымъ заключеніемъ.

Вообще аргументы противъ смертной казни единственно доказываютъ одно, что она теряетъ значеніе пропорціонально возможности для преступника избѣгнуть ее: „Если бы наиболѣе отчаянному преступнику дать въ руки ножъ и въ виду намѣченной имъ жертвы воздвигнуть эшафотъ, съ тѣмъ чтобъ совершивъ преступленіе онъ немедленно долженъ былъ взойти на него, мало, очень

---

[14]) Указ. соч. глава VII La pena di morte стр. 181—236.

мало лицъ приняли бъ это условіе. Не можетъ быть болѣе убѣдительнаго доказательства въ томъ, что смертная казнь не потеряла своего устрашительнаго значенія. Въ пользу репрессивности смертной казни, по мнѣнію Б. Скаліа, говоритъ энергичное появленіе разбойничества путемъ вотированныхъ Парламентомъ исключительныхъ мѣръ безопасности. Репрессивности смертной казни не противурѣчитъ и примѣръ Тосканы, такъ какъ послѣ отмѣны ея въ указанной странѣ въ 1786 году пришлось ввести ее снова въ силу усиленія особенно тяжкихъ преступленій, послѣ реформы 30-го Ноября 1786 г. какъ это явствуетъ изъ доклада Джюсти, президента di Buono-Governo основаннаго нъ еженедѣльныхъ отчетахъ судей и протоколовъ уголовныхъ дѣлъ. Однако, признавая особую силу довода противъ смертной казни, коренящагося въ возможности непоправимыхъ судебныхъ ошибокъ, Бельтрани Скаліа особенно подробно разсматриваетъ этотъ доводъ. Возможность непоправимыхъ ошибокъ устраняется при обставленіи смертной казни необходимыми гарантіями справедливаго приговора. Успѣхи гражданственности и наукъ юридическихъ и экспериментальныхъ содѣйствуютъ уменьшенію возможности такихъ ошибокъ. Если отвергать смертную казнь въ силу непоправимости судебныхъ ошибокъ, то требуется отмѣнить всѣ наказанія, такъ какъ всѣ они обладаютъ эквивилентомъ въ жизни человѣка. Такъ по даннымъ статистики изъ числа осужденныхъ на 5 лѣтъ на 71% освобожденныхъ приходится 29% умершихъ въ тюрьмѣ, изъ осужденныхъ на 10 лѣтъ на 58% лицъ первой категоріи приходится 42% умершихъ, наконецъ изъ осужденныхъ на 15 лѣтъ на 20 лицъ первой категоріи приходится 80% умершихъ. Поэтому аболиціонисты должны бы убѣдиться въ томъ, что при отмѣнѣ смертной казни чрез палача осужденный къ 15 годамъ тюрьмы будетъ „осужденнымъ къ смерти, приговоръ котораго исполняется каждый день“ [15]).

---

[15]) Указ. соч. стр. 235—251. Позднѣе Бельтрани Скаліа пришлось высказаться, по поводу проэкта уголовнаго уложенія Занарделли Савелли 1883 г., о смертной казни въ письмѣ на имя Шарля Люка, напечатанномъ въ Rivista di

Ziino признаетъ отрицательное отношеніе къ смертной казни въ Италіи послѣднимъ остаткомъ спекулятивныхъ предразсудковъ о священности и неприкосновенности человѣческой личности. Различая въ человѣческомъ обществѣ людей съ возвышеннымъ душевнымъ строемъ, далѣе, людей слабыхъ, людей, въ коихъ зло временно преодолѣло надъ добромъ, наконецъ звѣрей, неподдающихся гражданственности, авторъ, вслѣдъ за Morselli, полагаетъ, что общество должно почитать первыхъ, охранять вторыхъ, заточать и исправлять третьихъ, наконецъ истреблять четвертыхъ, какъ убиваютъ тигровъ [16]). Crisafulli [17]), заявляя себя аболиціонистомъ по убѣжденію и по чувству, считаетъ себя обязаннымъ высказаться противъ исключенія смертной казни изъ уголовнаго уложенія по слѣдующимъ основаніямъ. Бываютъ случаи безусловной необходимости смертной казни, преступленія крайней тягости, которымъ должны соотвѣтствовать наказаніе крайней тягости. Если предположить возрожденіе разбойничества въ Неаполитанской области, появленіе на скамьяхъ подсудимыхъ виновниковъ 160 и болѣе убійствъ, то невозможно въ такихъ случаяхъ довольствоваться наказаніемъ 20 лѣтъ каторжной работы. Въ случаяхъ нападеній вооруженныхъ шаекъ, въ случаяхъ обороны отъ мятежа, возстанія меньшинства противъ большинства, всегда будутъ дѣйствія, наказываемыя смертной казнью, притомъ на правовомъ основаніи,

---

discipline carcerarie 1884 года fas. 3—4. Въ этомъ письмѣ Скаліа заявляетъ, что онъ остается при убѣжденіи о необходимости сохраненія смертной казни въ уголовномъ уложеніи и выставляетъ слѣдующіе аргументы: a) Salus publica, въ смыслѣ неприкосновенность жизни частныхъ лицъ, suprema lex esto. b) Есть существа рожденныя съ инстинктами дикихъ звѣрей и ихъ слѣдуетъ уничтожать. c) Всегда и вездѣ общество прибѣгало къ смертной казни при поставленіи въ опасность условій его существованія. d) Всѣ аболиціонисты признаютъ въ видѣ исключенія необходимости смертной казни при чрезвычайныхъ условіяхъ. e) Устрашительность ея доказывается статутами ассоціаціи каморристовъ, гдѣ во главѣ наказаній ставится смертная казнь Если злоумышленники такого мнѣнія о смертной казни, то и мы не должны имѣть о ней болѣе щепетильнаго мнѣнія.

16) Fisio-patologia del delitto Cap. 7 § 207, p. 431—434.

17) Il giudizio penale dell' Italia, 1884 г.

когда она существуетъ въ законѣ, безъ таковаго, когда она отмѣнена. Сами аболиціонисты признаютъ законность смертной казни въ исключительныхъ случаяхъ, но тогда вопросъ сводится не къ существу, а къ формѣ, отмѣнить ли смертную казнь, и возвращаться къ ней въ случаѣ надобности, или заранѣе записать ее въ кодексѣ [18]).

IV.

Коренное значеніе по вопросу о смертной казни въ наши дни принадлежитъ отрицательному отношенію къ ней въ общественномъ сознаніи и чувствѣ, обусловленномъ постепеннымъ смягченіемъ нравовъ и развитіемъ культуры, успѣхами общественной и частной благотворительности, наконецъ, убѣжденіемъ относительно присущихъ смертной казни сравнительно съ другими наказаніями очевидныхъ недостатковъ и отсутствія необходимости въ ней для охраны правопорядка. Этотъ несомнѣнный фактъ, это широко распространенное психологическое явленіе нетерпимости къ смертной казни по мѣрѣ сближенія европейскихъ народовъ относительно общаго уровня культуры, имѣетъ всеобще историческое значеніе [19]).

---

[18]) Указ. соч. VII стр. 235—251.

[19]) Указанная точка зрѣнія по вопросу о смертной казни, положенная мною ранѣе въ основаніе моего очерка о смертной казни въ докладѣ Коммиссіи Московскаго юридическаго общества о проэктѣ новаго отечественнаго уголовнаго уложенія (Юр. Вѣстн. 1883 г. № 3-й) точно также излагается въ трудахъ Кистяковскаго, Изслѣдованіе о смертной казни 1869 г., а равно Сергѣевскаго, Лишеніе жизни, какъ уголовное наказаніе (Юрид. Вѣст. 1879 г., а равно въ пособіи къ лекціямъ изд. 2). Новѣйшій изслѣдователь вопроса о смертной казни Карневале, констатируя нетерпимость къ смертной казни въ современномъ культурномъ строѣ жизни, объясняетъ его сознаніемъ, что смертная казнь въ наше время перестала быть необходимостью (La Questione della pena di morte nella filosofia scientifica per Emmanuele Carnevale 1888 г.). Это объясненіе имѣетъ несомнѣнно основаніе для нашего времени. Но указаннымъ образомъ нельзя объяснять ту нравственную враждебную смертной казни струю, которая можетъ быть прослѣжена во всѣ времена исторіи, даже въ эпохи сильнѣйшаго господства смертной казни, и которой христіанство дало новую силу. Тардъ, который въ вопросѣ о смертной казни колеблется между „protestation du coeur, horreur croissante, suscitée par la peine de mort", и между утилитаризмомъ, благопріят-

Указаннымъ явленіемъ, отрицательнымъ отношеніемъ къ смертной казни въ общественномъ сознаніи и чувствѣ, объясняется постоянный процессъ ея вымиранія, какъ въ смыслѣ законодательной угрозы, такъ и дѣйствительнаго исполненія ея. Этотъ процессъ, отмѣченный отмѣной смертной казни въ Россіи въ XVIII столѣтіи при Елисаветѣ Петровнѣ, отмѣной смертной казни въ Тосканѣ въ 1786 г. и въ Австріи при Іосифѣ II въ 1797 году, съ особенной силой развивается въ нашемъ столѣтіи въ нѣсколькихъ паралельныхъ формахъ. Первая форма — отмѣна смертной казни въ законодательствахъ, она наблюдается преимущественно въ небольшихъ государствахъ, въ Румыніи съ 1864 г., Португаліи съ 1867 г., Голландіи съ 1881 года, республикѣ С. Марино съ 1848 года, нѣкоторыхъ государствахъ бывшаго Германскаго союза, Саксоніи, Ольденбургъ, Ангальтъ, Нассау, большинствѣ кантоновъ Швейцаріи, нѣкоторыхъ С. Американскихъ штатахъ (Мичиганъ, Родъ-Эйландъ, Висконсинъ, Мэнъ) и Южно-Американскихъ государствахъ (Колумбія, Венецуэла, Коста-Рика). Въ наши дни, на нашихъ глазахъ совершилось знаменательное событіе отмѣны смертной казни въ одномъ изъ великихъ европейскихъ государствъ, а именно Италіи, которая, не смотря на возродившуюся на ея почвѣ горячую проповѣдь смертной казни, не смотря на значительное развитіе тяжкой преступности, въ новомъ Уложеніи 1889 года рѣшилась исключить смертную казнь[20]). Не менѣе важное

нымъ смертной казни, очень вѣрно указываетъ на souffle de clémence, распознаваемый съ древнѣйшихъ временъ. Самъ Тардъ допускаетъ возможность, что вѣковой прогрессъ, приведшій къ крайнему ограниченію смертной казни, есть фактъ безповоротный и объясняетъ его постоянной ассимиляціей между членами общества, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ законовъ подражанія (Philosophie pénale Ch. 9 La peine de mort p. 527—529).

[20]) Къ современной Италіи точно примѣняются какъ бы пророческія прекрасныя слова Карминьяни, относимыя имъ въ его знаменитой публичной лекціи 36-го года къ республиканскому Риму: „Vedreste col sorgere della civiltà antica le nubi di questo cielo burrascoso diradarsi sopra la Italia e scendere su Roma un raggio vivificatore di sole a bandirne la pena di morte (Una lezione accademica sulla pena di morte detta nella università di Pisa 18 Marzo 1836 г.). И дѣйствительно, только объединенная Италія съ столицей Римомъ оказалась способной на смѣлый шагъ, сдѣланный въ новомъ уложеніи 30 Іюня 1889 года.

значеніе принадлежитъ другой формѣ постепеннаго вымиранія смертной казни, путемъ постояннаго обхода ея на практикѣ при оставленіи въ законодательствѣ. Нѣтъ почти ни одной страны въ Европѣ, гдѣ, существуя на бумагѣ, смертная казнь не устранялась бы въ дѣйствительности, путемъ ли помилованія со стороны правительственной власти, признаніемъ ли смягчающихъ обстоятельствъ или даже оправданіемъ подсудимаго со стороны присяжныхъ. Устраненіе смертной казни помилованіемъ, съ замѣной ея лишеніемъ свободы, заслуживаетъ особаго вниманія, наглядно показывая, что органы правительственной власти, представляющіе въ странѣ элементъ наиболѣе консервативный, наиболѣе отвѣтственный по части репрессіи преступленій, вполнѣ солидарны съ общественнымъ мнѣніемъ. Сказанное относительно смертной казни путемъ помилованія весьма ясно удостовѣряется статистическими данными Франціи. Такъ во Франціи изъ 11-ти пятилѣтнихъ періодовъ за время съ 1826 по 1880 годъ первый періодъ (1826—1830 годъ), даетъ 65% исполненныхъ приговоровъ, 35% приговоровъ, по которымъ смертная казнь была замѣнена лишеніемъ свободы. Напротивъ въ одиннадцатомъ періодѣ процентъ исполненныхъ приговоровъ=26%, приговоровъ, по которымъ смертная казнь была замѣнена другимъ наказаніемъ=74 [21]). До какой степени присяжные въ той же странѣ устраняютъ примѣненіе смертной казни путемъ оправдательныхъ рѣшеній и допущенія смягчающихъ обстоятельствъ, это видно изъ того, что въ періодъ 1873—1880 года по пяти преступленіямъ, влекущимъ смертную казнь (parricide, assassinat, empoissonement, infanticide, incendie d'édifice habité) изъ 5149 подсудимыхъ 2628 было признано виновными, относительно 2429 таковыхъ лицъ были допущены присяжными смягчающія обстоятельства и такимъ образомъ устранена смертная казнь. Осуждено судомъ къ смертной казни было 199, казнено же 68 человѣкъ (вслѣдствіе помилованія остальныхъ 131) [22]). Если

---

21) Lucas De l'état anormal en France de la répression en matière capitale гл. III, стр. 356.

22) Lucas тоже соч. § II, стр, 21 и 22, далѣе стр. 126 Tableau C. Изъ от-

обратиться къ Англійской уголовной статистикѣ, то она также представляетъ два существенные фактора, все болѣе и болѣе съуживающіе примѣненіе смертной казни, а именно многочисленныя помилованія и наибольшее число оправданій по дѣламъ, влекущимъ смертную казнь сравнительно съ другими дѣлами. Въ теченіе десятилѣтняго періода (1879—1888 г.) включительно, въ Англіи и Уэльсѣ 672 лица были преданы суду за „wilful murder", преступленіе, влекущее смертную казнь. Изъ нихъ 299 лицъ были осуждены къ смертной казни, 373 лица были оправданы или признаны душевно-больными (лицъ первой категоріи было 231, второй 142). Изъ числа 299 осужденныхъ почти половинѣ (145 лицамъ) была дарована замѣна смертной казни лишеніемъ свободы, 154 лица было казнено. Въ теченіе указаннаго десятилѣтія обвинительные приговоры по всѣмъ дѣламъ вообще (въ томъ числѣ по дѣламъ сокращеннаго порядка)=79%, по дѣламъ уголовнымъ въ тѣсномъ смыслѣ (indictable offenses) они=77%, наконецъ по дѣламъ о преступленіяхъ, облагаемыхъ смерткой казнью (Capital cases) эти приговоры=45%, случаи же дѣйствительнаго исполненія смертной казни=23%, такъ что обвиняемые въ убійствѣ лица имѣютъ несравненно болѣе шансовъ избѣгнуть отвѣтственности, чѣмъ другіе преступники [23]).

чета объ отправленіи уголовнаго правосудія во Франціи за года 1881—1885 оказывается, что по преступленіямъ, влекущимъ смертную казнь, присяжными была признана наличность смягчающихъ обстоятельствъ относительно 91% подсудимыхъ (Extrait du rapport sur l'administration de la justice criminelle въ B. S. G. P. 1887 г. стр. 500 и слѣд.). По отчету объ отправленіи уголовнаго правосудія за 1887 г. во Франціи 683 лица обвинялись въ преступленіяхъ, влекущихъ смертную казнь, 61%, 413 лицъ оправдано; 39%, 270 лицъ признано виновными съ смягчающими обстоятельствами, 28 лицъ осуждено къ смертной казни, казнено шесть.

[23]) Official statistics and Reports on Capital Punishment (issued by the Howard association 1890 г.). Такое меньшее количество обвинительныхъ приговоровъ по дѣламъ, влекущимъ смертную казнь, прекрасно объясняется въ указанномъ изданіи помимо отвращенія къ смертной казни у присяжныхъ еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: наибольшая степень достовѣрности естественно требуется присяжными въ дѣлахъ, влекущихъ неотмѣнимое и непоправимое наказаніе. А между тѣмъ такія преступленія, какъ убійство, совершаются втайнѣ, единственный сви-

Такой же характеръ случайности, колебаній и неопредѣленности, устраняющій начало несомнѣнности примѣненія кары, носитъ исполненіе смертной казни въ Австріи: съ 1874 года по конецъ 1876 года изъ 291 смертнаго приговора было исполнено лишь восемь. Смертная казнь ни разу не исполнялась въ 1869, 1872, 1874 годахъ, по одной казни было исполнено въ 1870, 1871, 1873 годахъ. Въ 1875 г. было четыре, въ 1876 г. три казни. Съ 1866 года по 1876 годъ изъ 662 смертныхъ приговоровъ 79 были замѣнены пожизненной, а 195 лишь двадцатилѣтнимъ тяжкимъ тюремнымъ заключеніямъ[24]). Далѣе крайне рѣдкое исполненіе смертной казни сравнительно съ числомъ постановленныхъ приговоровъ встрѣчается и въ Германіи. Съ 1858 г. по 1862 г. включительно было постановлено въ Пруссіи 147 смертныхъ приговоровъ, исполнено же было 17. Съ 1870 г. по 1878 годъ въ Пруссіи не было исполнено ни одного приговора. Въ Бельгіи съ 1864 г. по 1890 годъ не было исполнено ни одного смертнаго приговора. Точно то же явленіе постояннаго обхода смертной казни съ замѣной ея наказаніемъ лишенія свободы встрѣчается и въ Швеціи. Такъ за періодъ времени съ 1749 года по 1859 годъ среднее ежегодное число исполненныхъ смертныхъ приговоровъ постепенно спустилось съ 47,4 до 7,2, съ 1860—1864 годъ это число понизилось до цифры 3[25]). Въ Португаліи, отмѣнившей смертную казнь за преступленія общаго права, а равно и политическія, законами 6 Іюля 1852 года и 1 Іюня 1867 года, смертная казнь за долго передъ ея отмѣной фактически не исполнялась[26]). Точно также въ Голландіи смертная казнь до ея отмѣ-

---

дѣтель, лицо пострадавшее, устраняется въ силу свойства самого преступленія. Поэтому выходитъ, что тамъ гдѣ требуется непосредственное свидѣтельство, получаются лишь косвенныя улики.

[24]) Wahlberg Gesammelte kleinere Schriften II (Neuere Praxis und Geschichte der Todesstrafe in Österreich (стр. 149 и сл.). По свидѣтельству Тауфера изъ 89 смертныхъ приговоровъ, постановленныхъ въ Кроаціи и Славоніи за 1864—1877 годъ было исполнено всего два приговора.

[25]) Olivercrona Om Dödstraffet 1866 г. стр. 101.

[26]) Послѣдняя казнь за преступленіе общего права была исполнена въ Пор.

ны по закону 17 Сентября 1870 г. съ 1860 года фактически не примѣнялась. Наконецъ, смертная казнь не исполняется въ Финляндіи со времени Высочайшаго манифеста 21 Апрѣля 1826 г.

Установленное въ предшествующемъ изложеніи явленіе, а именно существованіе въ современномъ Европейскомъ строѣ государственной и частной жизни рѣшительнаго теченія противъ осуществленія смертной казни, въ дѣйствительности ведетъ къ тому, что какимъ бы спеціальнымъ практическимъ цѣлямъ смертная казнь по мнѣнію ея защитниковъ ни удовлетворяла, всякіе разсчеты въ этомъ отношеніи упадаютъ, такъ какъ удовлетвореніе означеннымъ цѣлямъ прежде всего предполагаетъ дѣйствительное исполненіе угрозы смертной казни, которое въ наши дни оказывается лишь крайне рѣдко достижимымъ. Такимъ образомъ, смертная казнь дѣлается наименѣе репрессивнымъ наказаніемъ. Виновникъ преступленія, облагаемаго смертной казнью, рискуетъ всего менѣе сравнительно съ другими преступниками. Противъ закона и уголовнаго преслѣдованія слагается безсознательный, безмолвный, всеобщій заговоръ, при томъ со стороны не лицъ, подобныхъ преступнику, какъ въ другихъ дѣлахъ, а со стороны напротивъ лучшихъ элементовъ населенія, „создается гибельный предразсудокъ, который связываетъ стыдъ и укоризну съ содѣйствіемъ закону“ (Bentham). Этимъ объясняются колебанія свидѣтелей въ своихъ показаніяхъ, колебанія присяжныхъ относительно своихъ рѣшеній по дѣламъ, влекущимъ смертную казнь. Когда же постановляется приговоръ,

---

тугаліи въ 1843 году. Передъ тѣмъ былъ случай исполненія смертной казни, произведшій крайне тяжелое впечатлѣніе на зрителей. Осужденный не могъ двигаться, его принесли на носилкахъ, какъ неподвижную массу. Тягость вызваннаго его видомъ впечатлѣнія усилилась тѣмъ обстоятельствомъ, что съ духовникомъ осужденнаго на мѣстѣ казни произошелъ ударъ и онъ испустилъ духъ ранѣе напутствуемаго имъ преступника. Не смотря на то, что смертная казнь осталась въ военно-уголовномъ кодексѣ Португаліи, она не примѣняется съ 1849 года, когда была произведена послѣдняя казнь надъ воинскимъ чиномъ. (Rivista penale 1887 г. Vol. XXV. La pena di morte in Portogallo стр. 382 и сл. и тоже изданіе 1889 года Vol. XXX. Torres-Campos Il diritto penale Portoghese al Congresso giuridico di Lisboa стр. 213—219).

осуждающій къ смертной казни, то высшіе правительственные органы колеблятся исполнять его [27]).

Тѣмъ не менѣе, конечно, нельзя ограничиться сдѣланными указаніями. Умножившіеся въ послѣднее время приверженцы смертной казни указываютъ на неблагопріятное къ ней отношеніе законодательства и судебной практики, какъ явленіе анормальное. Раздаются голоса, требующіе возстановленія въ широкой мѣрѣ de jure и de facto этого наказанія. Должно остановиться, поэтому, на разсмотрѣніи отдѣльныхъ доводовъ, выставляемыхъ въ пользу смертной казни писателями Итальянской антропологo-позитивной школы и родственными ей по воззрѣніямъ на этотъ вопросъ учеными.

Главный доводъ, съ которымъ читатель встрѣчается у Ломброзо, Гарофало, Ціино, — это необходимость устраненія рецидивы относительно кровавыхъ преступленій, устраненія возможности новаго убійства со стороны уже осужденнаго за убійство и оставленнаго въ живыхъ звѣря. Очевидно, нельзя не сочувствовать вполнѣ такому пожеланію, такой заботѣ объ охранѣ человѣческой жизни. Но едва ли справедливо ожидать безусловнаго достиженія указанной цѣли отъ смертной казни. Такъ наличность смертной казни въ законодательствѣ сама по себѣ, по указаннымъ выше основаніямъ, не можетъ содѣйствовать болѣе успѣшному открытію задержанію и осужденію виновника кроваваго преступленія, относительно котораго необходимо сдѣлать рецидиву невозможной. Если, далѣе, по мнѣнію Гарофало, лишь смертная казнь, а не пожизненное заключеніе, въ виду возможности помилованія можетъ сдѣлать преступника безвреднымъ для общества, то очевидное дѣло такимъ доводомъ не-

---

[27]) Ср. Tallack, Penological and preventive principles, 1889 г. Impossibility of enforcing capital punihsment. Указавъ на то, что половина осужденныхъ къ смертной казни въ Англіи въ послѣдніе года была подвергнута номинально безсрочному заключенію, что болѣе, чѣмъ три четверти убійцъ въ Германіи, Франціи, Австріи, Соединенныхъ Штатахъ С. Америки избѣгаютъ смертной казни, авторъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ „This world-wide impossibility of carrying capitale punishment in effect.... constitutes a principal reason for objecting to it. Such a general and intrinsec defect is fatal to its claims of efficiency (стр. 161-я).

столько доказывается необходимость смертной казни, сколько необходимость реформы или отмѣны института помилованія [28]). Точно также возможность мятежа или возстанія, могущая повести къ освобожденію осужденнаго изъ пожизненнаго заключенія, не служитъ въ пользу смертной казни: если принимать въ соображеніе такую отдаленную возможность, то можно допустить и другую, столь же отдаленную возможность освобожденія, благодаря мятежу или возстанію или другимъ какимъ либо обстоятельствамъ, человѣка, осужденнаго къ смертной казни, въ теченіе болѣе или менѣе длиннаго періода, обыкновенно проходящаго между постановленіемъ приговора и исполненіемъ наказанія. Конечно, возможность побѣга изъ мѣста заключенія безусловно неустранима. Однако такимъ соображеніемъ въ пользу смертной казни можетъ пожалуй руководиться страна, находящаяся въ столь ненормальныхъ условіяхъ, что она не способна устеречь своихъ заключенныхъ въ дурно устроенныхъ мѣстахъ отбытія наказанія, въ такомъ случаѣ можетъ быть на лицо печальная и не служащая къ чести государственнаго общежитія необходимость. Но когда этотъ доводъ выставляется въ смыслѣ общаго основанія, говорящаго въ пользу смертной казни, онъ въ сущности является аргументомъ лѣниваго. Еще въ 1804 году Фейербахъ, самъ убѣжденный приверженецъ смертной казни блестящимъ образомъ возражалъ противъ этого довода, положеннаго Клейншродомъ въ основаніе смертной казни для извѣстныхъ тягчайшихъ преступниковъ въ своемъ проэктѣ уголовнаго уложенія для Куръ-Пфальцъ-Баваріи [29]). Клейншродъ предлагалъ смертную казнь для означенныхъ лицъ, когда при заключеніи ихъ въ тюрьмы остается явная опасность побѣга таковыхъ и повторенія ими ранѣе совершенныхъ преступленій. „Возможность

---

[28]) Такую реформу для приданія наибольшей репрессивности пожизненному заключенію путемъ допущенія помилованія лишь въ видѣ акта парламента требуетъ напр. Romilly (The punishment of death 1886 г Letter IV стр. 109).

[29]) Kritik des Kleinschrodschen Entwurfs zu einem peinlichem Gesetzbuch für die Chur-Pfalz-Bairischen Staten von Dr. Paul Iohann Anselm Feuerbach Giessen 1804 г. 2 Theil 3 Abtheilung I Todesstrafe стр. 163—165.

устроенія тюрьмы и цухгауса такимъ образомъ, чтобы побѣгъ былъ сдѣланъ, если не безусловно, то почти неисполнимымъ, удостовѣряется жизненнымъ опытомъ, говоритъ Фейербахъ, передъ нимъ должна замолкнуть лѣность съ ея обычнымъ возраженіемъ: этого нельзя сдѣлать. Постановленіе закона, гласящее, что преступникъ долженъ быть казненъ, при явной опасности самоосвобожденія, если перевесть его на удобопонятный языкъ, означаетъ слѣдующее: такъ какъ наши цухгаусы, тюрьмы и полицейскія мѣста задержанія такъ плохи, что на лицо явная опасность самоосвобожденія заключеннаго, такъ какъ проще и дешевле человѣку отрубить голову, чѣмъ принять надлежащія мѣры для устраненія возможности такого дѣянія, то лучше уже закласть того, котораго нельзя оставить живымъ, не подвергаясь отъ него опасности. Нѣтъ сомнѣнія,—такой рѣчи не мѣсто въ уложеніи справедливаго и мудраго государя[30]).

Съ другой стороны, требованіе объ устраненіи путемъ смертной казни однородной рецидивы со стороны убійцы упускаетъ изъ виду, что возможность кроваваго преступленія не можетъ быть отрицаема по отношенію и къ другимъ тяжкимъ злодѣямъ, оставленнымъ въ живыхъ, хотя и не убійцамъ. Такимъ образомъ, этотъ доводъ долженъ вести къ крайнему расширенію области смертной казни. Затѣмъ остается случай убійства тюремныхъ должностныхъ лицъ осужденнымъ къ пожизненному заключенію преступникомъ, случай, для котораго уже аббатъ Мабли требовалъ смертной казни, а вслѣдъ за нимъ, какъ было указано выше,—требуетъ и Ломброзо. Можно утверждать, однако, что пожизненное одиночное заключеніе, соединенное съ особо суровымъ порядкомъ содержанія осужденнаго и особыми мѣрами предосторожности, способно служить какъ достаточной угрозой для предупрежденія надобныхъ случаевъ, такъ и мѣрой обезпеченія противъ повторенія таковыхъ[31]). Кромѣ

---

[30]) Тамъ же стр. 272.

[31]) Ср. у Карминьяни случай убійства въ Тосканѣ однимъ каторжникомъ тюремнаго стража въ 1784 г. въ Тосканѣ, когда смертная казнь тамъ de facto

того, какъ справедливо указываетъ Гольцендорфъ, нельзя упускать изъ виду, что лица, осужденныя къ смертной казни, также находятся какъ бы въ состояніи безнаказанности, а между тѣмъ таковыя лица гораздо чаще посягаютъ на собственную жизнь, чѣмъ жизнь лицъ тюремной стражи.

Что касается до втораго довода, именно преимущественной устрашительности смертной казни, сравнительно съ другими наказаніями, въ томъ числѣ пожизненнымъ заключеніемъ, то слѣдуетъ признать, что ни Гарофало, ни Бельтрани Скаліа, не удалось привести сколько нибудь новыхъ и солидныхъ аргументовъ противъ крѣпко укрѣпленной позиціи аболиціонистовъ по этому вопросу. Цѣлый рядъ статистическихъ данныхъ свидѣтельствуетъ о томъ, что страшнѣйшія преступленія не умножались, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ странахъ, послѣ отмѣны смертной казни, цѣлый рядъ свидѣтельствъ компетентнѣйшихъ лицъ относительно отдѣльныхъ случаевъ въ практикѣ удостовѣряетъ малую устрашительность смертной казни, тщательный анализъ психологическаго строя опаснѣйшихъ преступниковъ раскрываетъ ихъ безучастіе къ угрозѣ и исполненію этого наказанія. Всѣ эти данныя до такой степени многочисленны, такъ ясно и полно установлены, что потребовалось бы гораздо болѣе, чѣмъ даютъ Итальянскіе приверженцы смертной казни, для ихъ опроверженія [32]).

не примѣнялась, и страшный по суровости порядокъ отбытія пожизненнаго заключенія, назначенный убійцѣ великимъ герцогомъ Леопольдомъ (Una lezione accademica, примѣчаніе 69 къ стр. 86). Molinier, сообщая объ этомъ случаѣ, признаетъ, что нельзя придумать, помимо смертной казни, болѣе страшнаго наказанія. Но, отвергая таковое, Французскій ученый справедливо замѣчаетъ, что возможно обострить первое наказаніе, отбываемое виновнымъ, такими мѣрами, которыя окажутся въ соотвѣтствіи съ громадностью вновь совершеннаго преступленія (Etudes sur le nouveau projet du code pénal pour le royaume d'Italie. 1879 г. вып. 1, стр. 28 и 29).

[32]) Многочисленнѣйшіе примѣры см. у Миттермайера, Смертная казнь, русскій переводъ Саранчева, Гольцендорфа Mord und Todesstrafe гл. 2-я—11-я, Donkersloot Todestrafe und Psychologie, переводъ съ голландскаго, Livingston Exposé d'un systéme de legislation pour l'état de Louisiane 1872 года Т. I, стр. 55—95, 343—393. Lucas Du systéme penal 1827 г. Deuxiéme partie ch. V et VI,

Относительно воздѣйствія угрозы и дѣйствительнаго исполненія

183—218, а равно у Франческо Каррара въ ниже указ. работахъ. Вопросъ объ устрашительности смертной казни вызвалъ разногласія двухъ почтенныхъ англійскихъ судей передъ коммиссіей 1865 года, производившей изслѣдованіе о смертной казни. Сэръ Джемсъ Фицъ Джемсъ Стифенъ высказался въ утвердительномъ смыслѣ, утверждая, что, во первыхъ, человѣкъ, идущій на преступленіе, помышляетъ о возможности поплатиться за него повѣшеніемъ, что, далѣе, во вторыхъ, убійство представляется людямъ вообще страшнымъ дѣломъ вслѣдствіе того, что оно влечетъ за собою позорное лишеніе жизни. Напротивъ, другой верховный судья, сэръ Джонъ Денманъ заявилъ, что законъ о смертной казни лишенъ предупредительнаго воздѣйствія и что, если взять различные классы убійцъ, то смертная казнь больше сдѣлала по части внушенія, чѣмъ по части предупрежденія убійства. Таллакъ, сообщающій эти отзывы о смертной казни въ своей брошюрѣ 1890 года, заявляетъ, что слѣдуетъ прійти въ концѣ концовъ къ заключенію относительно безсилія смертной казни въ смыслѣ устрашенія и приводитъ собственное показаніе, данное имъ передъ коммиссіей: „Я полагаю, что смертная казнь была бы наиболѣе устрашающимъ наказаніемъ для извѣстнаго класса преступниковъ при безусловной несомнѣнности ея исполненія, но это условіе можетъ быть только воображаемымъ; она никогда не примѣнялась, не примѣняется и не будетъ примѣняться такимъ образомъ. Затѣмъ есть другой классъ преступниковъ, относительно котораго устрашеніе путемъ смертной казни немыслимо. Я разумѣю виновниковъ убійства, совершеннаго подъ вліяніемъ сильнѣйшей страсти, опьяненія, бѣшенства, ревности. Some general observations on the penalty of death by W. Tallack 1890 г. issued by the Howard assossiation. Франческо Каррара сообщаетъ на основаніи своего опыта защитника, что въ чередовавшіеся съ 1831 года періоды дѣйствія и отмѣны смертной казни въ Луккской области онъ никогда не замѣчалъ связи совершенныхъ преступленій съ наличностью или отсутствіемъ смертной казни. (Opuscoli II. Sulla crisi legislativa in Italia). Далѣе Каррара утверждаетъ фактъ равнодушія къ смертной казни тягчайшихъ преступниковъ: „Теряя вѣру въ будущую жизнь, они равнодушно относятся къ смерти.... Вѣчное заключеніе унизило бы ихъ въ собственныхъ глазахъ,—висѣлица или топоръ являются для нихъ чѣмъ то облагороживающимъ (тамъ же, Frammenti sulla pena di morte). Точно также и Карминьяни уподобляетъ убійцъ игрокамъ, которые противъ отнятой у жертвы жизни ставятъ собственную жизнь на карту (указ. соч. стр. 84-ая прим. 63). Гольцендорфъ въ вышеуказанномъ классическомъ сочиненіи своемъ такъ характеризуетъ профессіональныхъ преступниковъ: „Презирать опасность для жизни—считается у нихъ мужествомъ, заслуживающимъ уваженіе товарищей по шайкѣ“ (гл. 9 стр. 98). Наконецъ Ромильи также удостовѣряетъ равнодушіе къ смертной казни тягчайшихъ преступниковъ, обусловленное распространеннымъ въ преступномъ мірѣ понятіемъ о похвальности безстрашія передъ смертью (Punishment of death 1886 г. Letters Ch. V и VII). Замѣчательно, что еще въ 1791 году Lepelletier St.-Fargeau провозглашалъ ту же истину передъ учредительнымъ собраніемъ: „Les grands criminels ont presque toujours de commun avec les plus vertueux des hommes, les héros mêmes, le mépris de la mort“.

смертной казни на тягчайшихъ преступниковъ противъ мнѣнія Гарофало и Бельтрани Скаліа весьма убѣдительно высказываются, какъ это показано выше, два изъ приверженцевъ антропологопозитивной школы Ферри и Пулья. Оба они утверждаютъ, что угроза смертной казни не производитъ впечатлѣнія на тягчайшихъ преступниковъ. Ни къ какому иному выводу нельзя и прійти, если принимать въ разсчетъ нравственную нечувствительность и непредусмотрительность delinquenti—nati, т. е. два главныя психологическія свойства преступниковъ, на которыя такъ часто указываетъ новая школа. Поэтому, настаивая на моментѣ устрашительности смертной казни для таковыхъ преступниковъ, Гарофало въ сущности становится въ нѣкоторое противурѣчіе съ однимъ изъ главныхъ положеній этой школы. Что касается до приводимыхъ Гарофало и Скаліа примѣровъ устрашительности смертной казни, то они чрезвычайно слабы. Единственный случай, говорящій въ пользу Гарофало,—это случай человѣка, бросившаго ружье, при воспоминаніи о нѣсколькихъ состоявшихся въ судѣ передъ тѣмъ осужденіяхъ. Но этому примѣру можно несомнѣнно противупоставить весьма много противуположныхъ, указанныхъ въ литературѣ вопроса. Когда же Гарофало говоритъ объ убійцахъ Марино и Мисдеа, то эти примѣры въ сущности говорятъ противъ Гарофало, такъ какъ если и вѣрить ихъ показаніямъ, во всякомъ случаѣ указанные преступники, не смотря на существованіе смертной казни въ Италіи во время совершенныхъ ими преступленій, не боялись ея, а разсчитывали избѣгнуть ея. Опытъ показываетъ, что такая надежда свойственна весьма многимъ преступникамъ, коимъ угрожаетъ смертная казнь. Точно также безплоднымъ представляется и доводъ Бельтрани Скаліа о томъ, что если бы дать ножъ въ руки отчаянному преступнику и воздвигнуть эшафотъ, на который онъ долженъ взойти немедленно по совершеніи преступленія, то мало найдется лицъ, которыя были способны согласиться на это условіе. Я называю этотъ доводъ безплоднымъ потому, что ничего подобнаго въ жизни не можетъ встрѣтиться. Главнѣйшій доводъ противъ устрашительности

смертной казни состоитъ въ томъ, что при совершеніи преступленія она представляется очень отдаленнымъ и весьма сомнительнымъ послѣдствіемъ, а между тѣмъ устрашительность, по старому, крайне вѣрному наблюденію, зависитъ не столько отъ строгости наказанія, сколько отъ несомнѣнности пораженія имъ виновнаго. Если бы въ примѣрѣ Бельтрани Скаліа подставить на мѣсто приготовленнаго эшафота тюрьму пожизненнаго заключенія, то никакой разницы относительно воздѣйствія на преступника отъ такого измѣненія нельзя себѣ представить. Когда далѣе Бельтрани Скаліа ссылается по части устрашительности смертной казни на практику наказаній у каморристовъ, то очевидно упускается изъ виду, что современное государство по части своей карательной дѣятельности не можетъ пойти въ науку къ разбойничьей шайкѣ. Для шайки, составленной изъ лицъ глубоко испорченныхъ и объявившихъ войну обществу и праву, разумѣется не существуетъ никакихъ сдержекъ при саморасправѣ съ виновными передъ шайкой членами. При такихъ условіяхъ, конечно, мыслимо и усвоеніе смертной казни особой устрашительности. Но страшно и подумать, къ какимъ послѣдствіямъ повело бы подражаніе со стороны государства карательнымъ порядкамъ каморры.

Вообще всѣ соображенія Гарофало относительно того, что безъ смертной казни вся система наказаній блѣднѣетъ, что угроза смертной казни оказывается дѣйствительною даже по отношенію къ меньшимъ преступленіямъ, не обложеннымъ этимъ наказаніямъ, представляются лишенными всякихъ положительныхъ основаній. Высокій шпицъ въ видѣ смертной казни на верху лѣстницы наказаній вовсе не входитъ въ задачи уголовной политики и ничему не помогаетъ. Если смертная казнь не устрашаетъ тягчайшихъ преступниковъ, надѣющихся, какъ видно изъ примѣровъ самого Гарофало, что она къ нимъ примѣнена не будетъ, то какъ допустить возможность ея вліянія на мелкихъ злоумышленниковъ, рецидивистовъ, очень хорошо знающихъ по неоднократному опыту, что она къ нимъ никакого соотношенія не имѣетъ.

По вопросу объ устрашительности смертной казни Сетти implicite признаетъ недостаточность таковой по отношенію къ наиболѣе крупнымъ злодѣямъ и усвоиваетъ ей преимущественно значеніе средства общаго предупрежденія для людей, доступныхъ вліянію общежительныхъ факторовъ. Противъ этого слѣдуетъ замѣтить, что крайне важная цѣль общаго предупрежденія достигается нравственнымъ значеніемъ угрозы уголовнаго закона, какъ порицанія, ея гармоніей съ нравственными началами и укрѣпленіемъ таковыхъ. Но можно ли усвоивать такое значеніе смертной казни? Ей приписывается, какъ извѣстно, наоборотъ, крайне дурное, развращающее вліяніе на народную нравственность. Этотъ доводъ противъ смертной казни весьма старый, съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ выставленъ факты не переставали накопляться въ пользу его, и онъ покоится на совершенно достовѣрномъ опытѣ [33]). Самъ Сетти принужденъ признать за прирожденными преступниками инстинктъ подражанія, что подтверждается многочисленными примѣрами изъ судебной практики. Однако не одни только такія лица, а значительное количество лицъ безъ рѣзко выраженныхъ преступныхъ склонностей, безъ преступной дѣятельности въ своемъ прошедшемъ, подпадаютъ этому инстинкту [34]). Сверхъ того смертная казнь вредно

---

[33]) Ср. докладъ Французскому Національному Собранію въ 1791 году Lepelletier St. Fargeau объ отмѣнѣ смертной казни въ Recueil des débats des assemblées legislatives de la France sur la question de la peine de mort par Charles Lucas (1831 года), гдѣ уже говорится о пагубномъ вліяніи смертной казни на нравы.

[34]) На инстинктъ подражанія, возбуждаемый зрѣлищемъ смертной казни, указываетъ вышеприведенный докладъ (стр. 36 и 37 изданія Lucas). Многочисленные факты изъ судебной практики относительно такого анормальнаго инстинкта, ср. у Ducpetiaux De la mission de la justice humaine et de l'injustice de la peine de mort 1827 года стр. 41—50, гдѣ приводится рядъ свидѣтельствъ врачей, а именно Галля, Марка, Барбье, Эскироля и Жорже о многочисленныхъ преступленіяхъ, вызванныхъ подражаніемъ преступному дѣянію, получившему особенную гласность, а равно обусловленныхъ публичнымъ исполненіемъ смертной казни. Преступленіе Генріетты Корнье, няньки, убившей безъ всякой причины и варварскимъ образомъ чужаго ребенка и подвергнутой за это дѣяніе смертной казни, вызвало въ непродолжительномъ времени цѣлый рядъ подобныхъ убійствъ. Примѣры изъ Англійской практики см. у Гольцендорфа въ выше-

воздѣйствуетъ на нравы и въ другомъ отношеніи. То чувство спасительнаго страха и отвращенія передъ пролитіемъ человѣческой крови, которое лучше всякихъ наказаній гарантируетъ благо неприкосновенности человѣческой жизни, способно несомнѣнно притупляться и исчезать подъ вліяніемъ существованія смертной казни въ законѣ и ея широкаго примѣненія въ жизни. Нравственно-правовыя требованія обладаютъ тѣмъ большей силой, чѣмъ съ большей очевидной обязательностью, чѣмъ съ большимъ характеромъ всеобщности и необходимости они обращаются къ человѣку. Когда же правосудіе прибѣгаетъ къ тому же способу, который послужилъ преступнику для его преступныхъ цѣлей, когда зритель невольно сравниваетъ, по выраженію Гольцендорфа, холодное заранѣе обдуманное намѣреніе убійцы съ таковымъ же палача и уравниваетъ исполнителя наказанія и наказываемаго, то изъ всеобщности нравственно-праваго требованія дѣлается опасное для нравовъ исключеніе. И въ самомъ дѣлѣ, съ исполненіемъ смертной казни связываются послѣдствія, которыя удостовѣряются многочисленными наблюденіями. Мѣсто совершенія акта человѣческаго правосудія превращается въ поприще дурныхъ страстей, самые порочные инстинкты разнуздываются, тутъ же совершаются новыя преступленія, а вслѣдствіе того нездороваго и дурнаго возбужденія, которое охватываетъ толпу, зарождаются и полагаются гибельныя условія для будущихъ преступленій [35]). Ука-

---

указ. соч. гл. 12 Hinrichtungen als Anreiz zu Mordthaten, гдѣ между прочимъ сообщается о двухъ случаяхъ убійства, совершенныхъ женщинами подъ вліяніемъ прочтенныхъ въ газетахъ извѣстій о совершенномъ убійствѣ (стр. 125). Изъ немногочисленной хроники исполненія смертной казни въ Женевѣ Guénoud приводитъ случай, гдѣ осужденный передъ казнью говорилъ, что онъ можетъ объяснить совершенное имъ кровавое дѣло единственно крайне сильнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него однажды видомъ исполненія смертной казни (La criminalité a Genève au XIX siècle, 1891 г. стр. 89 и 90).

[35]) Вредное вліяніе исполненія смертной казни на нравы чрезвычайно часто указывалось въ литературѣ вопроса. По наблюденіямъ Гольцендорфа не только чернь въ большихъ городахъ обнаруживаетъ при исполненіи смертной казни свои дурные инстинкты, но и сельское населеніе показываетъ себя по этому случаю съ самой дурной стороны. Отсюда этотъ ученый заключаетъ, что смертная казнь развращаетъ даже лучшіе элементы населенія (Mord und Todesstrafe гл.

занный фактъ, сознанный въ настоящее время, какъ неподлежащій сомнѣнія, повелъ къ совершенію смертной казни въ закрытомъ помѣщеніи тюрьмы, негласно [36]). Но по поводу этой реформы, долж-

---

10-я стр. 113, прим. 44). Извѣстно возмутительное поведеніе толпы въ Лондонѣ во время казни Миллера въ 1864 г., сопровождавшейся многочисленными кражами и грабежами вблизи висѣлицы (ср. Olivercrona Om Dödstraffet стр. 151, прим. **). Ливингстонъ разсказываетъ, что во время казни нѣкоего Лехлера въ Лондонѣ двадцать восемь лицъ было арестовано за убійство и кражи (Exposé d'un sistême de législation criminelle pour l'état de Louisiane, Франц. изд. 1872 г. Т. I, стр. 356 и 367). Многочисленные случаи проявленія отвратительныхъ суевѣрій при исполненіи смертной казни, напр. черпаніе ложками крови казненнаго, обмакиваніе платковъ въ его крови, что происходило между прочимъ при казни Pranzini въ 1887 г. въ Парижѣ, собраны у Rebaudi, La pena di morte Roma 1885 года.

[36]) Такой способъ исполненія смертной казни принятъ въ законодательствахъ Англійскомъ (съ 1867 г.), Германскомъ, Австрійскомъ, Шведскомъ, Венгерскомъ, отечественномъ, (зак. 1881 г. Мая 26 дня, ст. 963 уст. уг. суд.), а равно въ законодательствахъ многихъ С. Американскихъ штатовъ (Нью-Іоркъ, Массачузетсъ), гдѣ указанный порядокъ исполненія смертной казни вошелъ въ употребленіе съ 1825 г. Первоначальный толчекъ этому вопросу во Франціи былъ данъ Шарлемъ Люка, представившимъ въ 1867 году петицію о непубличномъ исполненіи смертной казни Сенату, отвергшему таковую. Позднѣе Дюфоръ составилъ коммиссію для выработки проэкта объ устраненіи публичности смертной казни и этотъ проэктъ былъ представленъ министромъ Леруайе въ 1879 года въ палату депутатовъ. Однако проэктъ остался безъ дальнѣйшаго движенія. Въ 1884 году сенаторъ Барду предложилъ сенату проэктъ по тому же предмету. Этотъ проэктъ былъ принятъ сенатомъ, но ожидаетъ еще разсмотрѣнія палаты депутатовъ. Изъ числа отзывовъ представленныхъ магистратурой по поводу проэкта Барду замѣчателенъ отзывъ Парижскаго генеральнаго прокурора, удостовѣряющаго о случаѣ убійства, совершенномъ немедланно послѣ казни однимъ изъ зрителей надъ другимъ. Ср. B. S. G. P. 1887 г. Séance de la Société générale des prisons 6 Février 1887 г. Discussion du rapport sur la peine de mort стр. 126, 16 Mars Discussion sur la publicité des éxécutions capitales et l'abolition de la peine de mort стр. 241 и сл. (одобреніе проэкта Барду обществомъ) и, наконецъ, séance 27 Avril 1887 г., discussion. Замедленіе рѣшенія вопроса во Франціи въ значительной степени обусловливается тѣмъ, что аболиціонисты видятъ въ устраненіи публичности смертной казни переходную мѣру къ ея отмѣнѣ, а защитники ея именно вслѣдствіе этого отстаиваютъ публичность смертной казни. Въ книгѣ своей De L'état anormal de la répression en France 1885 г. Люка замѣчаетъ, что если съ точки зрѣнія нравственной и соціальной устраненіе публичности смертной казни настоятельно требуется, то съ точки зрѣнія уголовнаго права эта мѣра является скорѣе шагомъ, неизбѣжно ведущимъ къ ея отмѣнѣ. Очень сильно высказывается за непубличность смертной казни почтенный Парижскій

но замѣтить, что защитники смертной казни, разсчитывающіе устраненіемъ публичности освободить эту карательную мѣру отъ вреднаго воздѣйствія не должны слишкомъ много полагаться на такой результатъ [37]). Вообще, по справедливому замѣчанію Франческо Каррара, если при публичномъ исполненіи смертной казни, устраняется вредъ непосредственнаго нездороваго воздѣйствія на нервы зрителей, вредъ физіологическій, то во всякомъ случаѣ неустраняется вредное психологическое вліяніе, обусловленное оглашеніемъ казни въ газетныхъ отчетахъ. „Устраняется развращеніе чувствъ, не устраняется развращеніе мысли“ [38]). Точно также и Гольцендорфъ утверждаетъ, что вслѣдствіе описанія малѣйшихъ подробностей исполненія смертной казни въ газетахъ, исполненіе приговора содѣйствуетъ „оживленію и распространенію полузабытыхъ воспоминаній объ убійствахъ и способѣ ихъ совершенія“, прибавляя, что „трудно оцѣнить причиняемый такимъ образомъ нравственный вредъ, но нельзя оспоривать наличности такого вреда“ [39]). Если, такимъ образомъ, негласное совершеніе смертной казни является не-

---

слѣдственный судья Guillot въ своемъ прекрасномъ трудѣ Les prisons de Paris et les prisonniers 1890 года, справедливо замѣчая при томъ, что мало удалить смертную казнь отъ взоровъ публики, если одновременно не запретить подробныхъ отчетовъ о совершеніи смертной казни въ газетахъ (указ. соч. Ch. 14 La dernière étape стр. 417).

[37]) И въ самомъ дѣлѣ, корреспондентъ „Temps“ (№ 27, 3 Octobre 1887 г.) говоря о надеждахъ, возлагаемыхъ на публичное исполненіе смертной казни, заявляетъ, что не смотря на такой существующій въ Англіи уже 19 лѣтъ порядокъ—безобразныя явленія, происходящія на Place de la Roquette въ Парижѣ разыгрываются и въ Лондонѣ у стѣнъ тюрьмы. Такъ, при исполненіи смертной казни надъ Израилемъ Липскимъ, собравшаяся у воротъ Ньюгета толпа своимъ безобразнымъ, неприличнымъ и свирѣпымъ видомъ не уступала Парижской черни. Къ тому же въ этой толпѣ были не одни подонки населенія, а и свѣтскіе люди, даже аристократы. Указывая, далѣе, что многіе настойчиво старались попасть въ составъ jury коронера, осматривающаго трупъ казненнаго, корреспондентъ прибавляетъ, что примѣръ въ Англіи не говоритъ въ пользу huis clos, какъ средства, способнаго облагородить обстановку исполненія смертной казни (B. S. G. P. 1887 г. Peine de mort стр. 843—848).

[38]) Предисловіе къ Итальянскому переводу работы Гейера о смертной казни 1869 года, стр. VII.

[39]) Указ. соч. гл. XI стр. 118.

совершенной попыткой устранить очевидно вредоносныя свойства ея, то, не говоря уже о томъ, что признаніе самимъ законодателемъ крупнаго порока удерживаемаго имъ учрежденія не содѣйствуетъ дѣлу правосудія, указанный способъ жертвуетъ непосредственной устрашительностью, которая такъ высоко цѣнится ея приверженцами, какъ видно изъ вышеприведеннаго примѣра Скаліа. „Болѣе чѣмъ столѣтіе защитники смертной казни твердятъ, что никакое другое наказаніе не обладаетъ столь чудесной силой устрашенія, какъ видъ падающей подъ топоромъ головы или болтающагося на висѣлицѣ трупа, а нынѣ они сами хотятъ устранить изъ излюбленнаго ими средства врачеванія самый дѣйствительный элементъ его терапевтической силы!... Гдѣ же ваша логика?" [40]). Далѣе, непубличное исполненіе непремѣнно требуетъ извѣстной, хотя бы ограниченной гласности, для устраненія всякихъ сомнѣній какъ относительно тождества осужденнаго и казненнаго субъекта, такъ и относительно строго-легальнаго исполненія наказанія. Гарантіей въ этомъ отношеніи служитъ присутствіе при непубличномъ исполненіи смертной казни какъ должностныхъ, такъ и частныхъ лицъ, послѣднихъ въ качествѣ торжественныхъ свидѣтелей, призываемыхъ отъ общества. Но такимъ образомъ на должностныхъ и частныхъ лицъ возлагается тяжкая повинность, могущая отражаться, какъ показываетъ опытъ, тяжкимъ душевнымъ заболѣваніемъ [41]).

---

[40]) Carrara въ указ. мѣстѣ стр. IX.

[41]) Допускаютъ присутствіе частныхъ лицъ, въ качествѣ представителей общества и торжественныхъ свидѣтелей, не дѣлая такого присутствія обязательнымъ наши отечеств. уст. уг. суд. (ст. 963 п. 5), Австрійскій (ст. 404) и Германскій уставы (ст. 486) Шведскій законъ 1877 г. и Англійское законодательство. Такое присутствіе является обязательнымъ по законодательствамъ Швейцарскихъ кантоновъ (верхняго Унтервальдена, Валлиса, Цуга, С. Галлена и Люцерна), удерживающимъ смертную казнь. По законамъ штата Конектикута допускаются при совершеніи смертной казни какъ представители прессы, такъ и другія лица, избранныя и приглашенныя шерифомъ, для удостовѣренія публики, что исполненіе приговора происходило достойнымъ образомъ (Ср. B. Sociéte générale des prisons 1886 г. Les exécutions capitales et leur publicité, Premiére Partie. Compte rendu de l'enquête internationale стр. 156—175). См. у Кистя-

Несомнѣнно, сверхъ того, что въ исполненіи смертной казни есть еще и другая сторона, вредно вліяющая на нравы населенія, при томъ на людей хорошихъ и при посредствѣ хорошихъ чувствованій, что совершенно несовмѣстно съ цѣлью общаго предупрежденія преступленій, усвоиваемой Сетти смертной казни. Не разъ указывалось, какъ негодованіе къ преступнику исчезаетъ и смѣняется жалостью, когда онъ схваченъ, осужденъ, когда его ожидаетъ смерть. Такое чувствованіе не зависитъ отъ публичнаго или непубличнаго исполненія смертной казни. Къ тому же осужденный къ смерти виновникъ ужаснаго дѣла большей частью умираетъ раскаявшимся грѣшникомъ. Наказаніе поражаетъ такимъ образомъ совсѣмъ иное лицо, чѣмъ то, которое совершило преступное дѣло. Вслѣдствіе этого реакція противъ преступленія утрачиваетъ свое значеніе, такъ какъ вызвавшее его дѣяніе какъ бы вытѣсняется изъ общественнаго сознанія создаваемымъ актомъ исполненія казни сочувствіемъ къ преступнику, наказаніе не въ силахъ утверждать того спасительнаго отвращенія къ преступленію и его дѣятелю, которое должно быть важнѣйшимъ результатомъ общаго предупрежденія путемъ карательныхъ средствъ [42]).

Сверхъ представленія разнообразныхъ доводовъ въ пользу устрашительности смертной казни, Гарофало и Сетти настаиваютъ на отсутствіи устрашительности пожизненнаго лишенія свободы. Устрашительность, какъ представленіе о чувствительномъ и крайне нежелательномъ злѣ, физическомъ и нравственномъ, составляет-

---

ковскаго указ. соч. стр. 62 относительно сопряженной съ негласнымъ исполненіемъ смертной казни обязанности, „вредной для душевнаго и физическаго здоровья оффиціальныхъ и частныхъ лицъ". О протестѣ въ Бельгіи апелляціонныхъ судовъ противъ обязанности присутствія при исполненіи казни см. у Бернера Abschaffung der Todesstrafe 1861 г. § 15.

[42]) На этой неблагопріятной сторонѣ смертной казни особенно настаиваетъ Romilly въ вышеуказанномъ сочиненіи. Ср. Hetzel Die Todesstrafe in ihrer kulturgeschichtlichen Entwicklung 1870 года, Schlussbetrachtung 2. Der politische Standpunkt, гдѣ авторъ между прочимъ цитуетъ слова Miss Wright: „Забываются черныя дѣла преступника, когда его кровь проливается передъ нами (стр. 458).

ся изъ ряда впечатлѣній, въ число которыхъ входитъ несомнѣнность примѣненія наказанія, далѣе сумма лишеній, соединенныхъ съ отбытіемъ наказанія и продолжительность таковыхъ. Очевидно, что пожизненное или долгосрочное лишеніе свободы способно обладать устрашительностью въ указанномъ смыслѣ. Конечно, то чувство ужаса, которое испытываетъ преступникъ въ виду исполненія смертной казни послѣ состоявшагося о немъ приговора, послѣ отверженія просьбы помилованія, не соединяется съ предстоящимъ преступнику послѣ его осужденія лишеніемъ свободы. Но это чувство, внушаемое смертной казнью, ничему не помогаетъ, оно наступаетъ слишкомъ поздно, уже послѣ совершенія преступленія, котораго не предупредила угроза смерти, и является только безполезнымъ, придаточнымъ мученіемъ, обостряющимъ казнь. Если говорятъ, что угроза пожизненнымъ или долгосрочнымъ заключеніемъ не устрашаетъ, то вѣдь во всякомъ случаѣ специфическая устрашающая сила смертной казни въ моментъ, предшествующій совершенію преступленія, не доказана. Несомнѣнно, что съ абсолютно—пожизненнымъ заключеніемъ соединяются многочисленныя затрудненія и указанія на эти затрудненія со стороны Гарофало справедливы. Но дѣло вовсе не въ недостаткѣ чувствительности карательнаго зла. Дѣло въ томъ, что безсрочное заключеніе, безъ надежды на облегченіе участи, производитъ такое сильнѣйшее нравственное страданіе и отчаяніе, такое анормальное состояніе заключенныхъ, что по свидѣтельству почтенныхъ тюрьмовѣдовъ, какъ Du Cane и Tallack, лишеніе свободы продолжительное, но допускающее надежду до заключеннаго на освобожденіе или связанное съ заключительнымъ періодомъ облегченія въ порядкѣ содержанія, представляется крайне желательнымъ [43]).

Что касается до указанія Гарофало на переворотъ въ лѣстни-

[43]) Ср. Tallack Periological and preventive Principles, наблюденія самого Tallack относительно осужденныхъ пожизненно, а равно директоровъ Англійскихъ тюремъ Du Cane и Ирландскихъ Barlow (Perpetual or Life Imprisonment стр. 154—158).

цѣ наказаній, которымъ сопровождается отмѣна смертной казни, поставленіе пожизненнаго заключенія на мѣсто смертной казни, и замѣна пожизненнаго заключенія, въ случаяхъ, гдѣ оно полагалось ранѣе, срочнымъ, то, конечно, явленіе такого перемѣщенія указано вѣрно. Однако, спрашивается что изъ этого слѣдуетъ? Смягченіе наказаній въ смыслѣ уменьшенія сроковъ продолжительности лишенія свободы—исторически-соціальный фактъ, поэтому Гарофало напрасно ссылается на пристрастіе юристовъ къ отвлеченной пропорціи. Безусловно-пожизненное лишеніе свободы, какъ показано выше, все болѣе и болѣе встрѣчаетъ препятствія въ практическихъ потребностяхъ тюрьмовѣдѣнія. Слѣдовало бы также доказать, что въ судебной практикѣ Италіи было возможно примѣнять пожизненное заключеніе въ той широкой мѣрѣ, которую допускало напр. Сардинское уложеніе. Если же въ пользу расширенія безусловнаго пожизненнаго заключенія Гарофало ссылается на необходимость предупрежденія браковъ преступниковъ и размноженія преступнаго класса, то этотъ доводъ доказываетъ слишкомъ много. Требовалось бы предупредить возможность потомства у многочисленныхъ бродягъ, нищихъ, мелкихъ воришекъ, которыхъ одинаково нельзя подвергать ни смертной казни, ни пожизненному заключенію, и которые числомъ своимъ во много разъ превосходятъ тягчайшихъ преступниковъ.

V.

Если смертная казнь, какъ уголовное наказаніе, является въ наши дни, согласно вышеизложеннымъ даннымъ de jure и de facto въ процессѣ постепеннаго вымиранія, то этимъ уже опровергаются попытки Гарофало и Сетти доказать, что она не противорѣчитъ современному культурному строю. Не останавливаясь на доводѣ объ „отсутствіи подобія“ у преступниковъ съ лицами непреступнаго населенія и о невозможности, поэтому, симпатія у послѣднихъ къ первымъ, доводѣ, основанномъ на теоретическомъ и отвлеченномъ

положеніи новой школы объ „особой преступной расѣ“ и непринимающемъ въ разсчетъ несомнѣнныхъ данныхъ живой дѣйствительности, я отмѣчу ссылку Гарофало въ пользу смертной казни за убійство на обычное въ естественныхъ феноменахъ сходство между дѣйствіемъ и противудѣйствіемъ. Такая ссылка съ одной стороны совершенно недопустима, такъ какъ вопросъ идетъ о совмѣстимости гуманнаго чувства съ смертной казнью, а между тѣмъ въ естественныхъ феноменахъ, разумѣется, о такомъ чувствѣ не можетъ быть и рѣчи. Съ другой стороны, говорить о такомъ сходствѣ дѣйствія и противудѣйствія, не значитъ ли это вводить контрабандой понятіе о возмездіи и соотвѣтствіи наказанія съ преступленіемъ, за которое новая школа такъ сильно упрекаетъ классическую, болѣе этого — становиться на точку зрѣнія специфическаго возмездія Гегеля, великаго метафизика, въ вопросѣ о смертной казни. Вслѣдъ за однимъ уподобленіемъ авторъ въ пользу согласія смертной казни съ гуманнымъ чувствомъ переходитъ къ уподобленію ея хирургической операціи, видя общее въ нихъ — достиженіе благой цѣли путемъ мучительнаго дѣйствія. Нужно ли указывать на тотъ софизмъ, который заключается въ этомъ положеніи? Исходя отъ уподобленія общества организму, а преступника порочному члену таковаго, можно сближать смертную казнь и хирургическую операцію. Но уподобленіе и образъ остаются законными, пока они не отождествляются съ реальными вещами, а въ настоящемъ случаѣ, пока хирургическая операція и смертная казнь берутся безотносительно къ живымъ людямъ, какъ исполнителямъ, такъ и объектамъ таковыхъ двухъ дѣйствій. Когда же отъ сравненія мы перейдемъ къ дѣйствительности, то окажется, что хирургъ доставляетъ мученіе паціенту, во первыхъ съ его согласія, далѣе въ интересахъ его здоровья и жизни, а не въ интересахъ третьяго лица, которому смерть паціента должна послужить на благо, каковымълицомъ при смертной казни является общество. Хирургъ, который бы насильственно сдѣлалъ операцію кому нибудь съ цѣлью цѣною его жизни помочь здоровью третья-

го лица, былъ бы преступникомъ. Отсюда полнѣйшая невозможность того тезиса, который ставитъ Гарофало, смѣшивая образъ и дѣйствительное явленіе [44]).

Точно также въ виду указаннаго процесса вымиранія смертной казни въ Европѣ трудно спорить противъ наличности противнаго ей общественнаго мнѣнія, какъ это дѣлаютъ Гарофало и Сетти. Гдѣ искать болѣе полнаго и выразительнаго проявленія этого мнѣнія, какъ не въ органахъ правительственной и законодательной власти, какъ не въ членахъ общества, призываемыхъ для отправленія правосудія. Конечно, можно указывать, какъ это дѣлаетъ Бельтрани Скаліа, что смертная казнь de jure отмѣнена только въ небольшихъ государствахъ, можно указывать, что въ большинствѣ государствъ она остается въ законѣ. Но дѣло въ томъ, что и въ этихъ государствахъ отношеніе общественнаго мнѣнія къ вопросу періодически и рельефно выражается въ требованіяхъ, заявляемыхъ въ законодательныхъ собраніяхъ относительно отмѣны смертной казни, въ поучительныхъ дебатахъ, которыми они сопровождаются, причемъ каждая попытка приближаетъ къ разрѣшенію вопросу. Если принять въ соображеніе вносившіяся въ теченіе нынѣшняго столѣтія въ Англійскій парламентъ предложенія, приводившія къ крайнему съуженію области смертной казни, если припомнить вотумъ С. Германскаго рейхстага въ 1870 году, высказавшагося противъ смертной казни 118 голосомъ противъ 81 при второмъ чтеніи проэкта уголовнаго уложенія, и допущеніе таковой тѣмъ же собраніемъ при третьемъ чтеніи большинствомъ восьми голосовъ въ виду единственно невозможности созданія единаго уложенія иной цѣной, далѣе, постановленія Итальянской палаты депутатовъ 1865 и 1877 г. объ отмѣнѣ смертной казни, предшествовавшія состоявшейся въ 1889 году отмѣнѣ, наконецъ рядъ предложеній объ отмѣнѣ смертной казни во Франціи въ послѣднее время, то трудно оспоривать значеніе общественнаго мнѣнія по разсматриваемому во-

---

[44]) Trattando l'ombre, come cosa salda. Dante Purg. XXI, 136.

просу, не смотря на то, что смертная казнь и осталась въ законодательствѣ трехъ изъ указанныхъ государствъ [45]).

Правда, въ пользу согласія смертной казни съ воззрѣніями современнаго общества, Сетти ссылается на многочисленные приговоры военныхъ судовъ, а равно таковыя же рѣшенія присяжныхъ, допускающія смертную казнь. Особыя требованія воинской службы и дисциплины создаютъ особое положеніе первыхъ, вслѣдствіе чего приговоры таковыхъ судовъ не могутъ приниматься въ разсчетъ. Что же касается до рѣшеній присяжныхъ, то не говоря уже о противуположныхъ примѣрахъ, указанныхъ выше изъ Англійской и Французской судебной практики, явленіе, отмѣченное Сетти, объясняется очень просто и совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, который придается ему авторомъ. Постоянное неисполненіе смертныхъ приговоровъ, съ замѣной смертной казни лишеніемъ свободы, побуждаетъ присяжныхъ изрекать рѣшенія, допускающія смертную казнь, при сознаніи, что таковая исполнена не будетъ. Наконецъ Сетти ссылается на разногласія по вопросу о смертной казни среди наиболѣе развитыхъ людей и даже спеціалистовъ. Конечно отрицать таковыя нельзя. Тѣмъ не менѣе въ наши дни, не смотря на то, что число приверженцевъ смертной казни и умножилось среди ученыхъ, противники ея преобладаютъ. Далѣе, разногласія между защитниками и противниками, за немногими исключеніями, не прин-

---

45) Первыя попытки смягченія варварскаго вначалѣ нынѣшняго столѣтія Англійскаго законодательства составляютъ заслугу сэра Ромильи, вносившаго рядъ предложеній объ отмѣнѣ смертной казни за большей частью незначительныя преступленія съ 1808 и по 1818 годъ, когда ему удалось добиться отмѣны таковой за карманную кражу. Предложенія объ отмѣнѣ смертной казни вносились въ послѣднее время въ Англійскій парламентъ въ 1872 и 1881 годахъ, при чемъ въ теченіе 9 лѣтъ количество голосовъ меньшинства, противнаго смертной казни, возвысилось на 17. Крайне значительны предшествовавшія постановленію С. Германскаго рейхстага объ отмѣнѣ смертной казни пренія, гдѣ съ особенной силой говорили противъ нея депутаты изъ нѣмецкихъ земель, болѣе 20 лѣтъ послѣ отмѣны 48 года обходившихся безъ нея, а равно изъ Саксоніи, за два года передъ тѣмъ отмѣнившей ее (въ томъ числѣ знаменитый генералъ-прокуроръ Шварце). Во Франціи предложенія объ отмѣнѣ смертной казни были внесены въ Палату Депутатовъ въ послѣднее время въ 1881 и 1886 году.

ципіальнаго свойства, споръ идетъ преимущественно о томъ, желательно ли въ настоящее время совсѣмъ исключить ее изъ законодательства, или же нужно, въ виду временныхъ условій, сохранить ее въ законѣ, при продолженіи опыта ея непримѣненія въ дѣйствительности. По части communis opinio существенно не столько разногласіе мнѣній вообще, сколько то обстоятельство, что въ рядахъ новой Итальянской школы, на ряду съ Гарофало и Сетти, являются такой скептикъ, какъ Ферри, и противникъ, какъ Пулья, что ученые натуралисты какъ Молешоттъ и Бенедиктъ, солидарные съ Итальянской антропологической школой, горячо привѣтствуютъ отмѣну смертной казни въ новомъ Итальянскомъ уголовномъ уложеніи [46]. Необходимо остановиться на той аргументаціи, которой Сетти пытается ослабить значеніе авторитетныхъ по вопросу о смертной казни мнѣній Миттермайера и Карминьяни, объясняя свой-

---

[46]) По части Молешотта ср. рѣчь этого престарѣлаго корифея матеріалистической метафизики въ Итальянскомъ Сенатѣ при обсужденіи проэкта новаго уголовнаго уложенія. Молешоттъ между прочимъ заявилъ, что смертная казнь осуждается однимъ положеніемъ: лучше тысяча убійцъ, освобожденныхъ отъ эшафота, и сдѣланныхъ безвредными въ заключеніи, чѣмъ казнь одного невиннаго. (Lavori parlamentari, изд. Unione tipografico-editrice Torinese, Duscussione al Senato dal 8—17 Novembre 1888). По части Бенедикта ср. его возраженія противъ смертной казни на конгрессѣ уголовной антропологіи въ Римѣ въ 1885 году, гдѣ этотъ вопросъ, по выраженію Лакасання, былъ внесенъ сюрпризомъ и въ отсутствіе многихъ членовъ, но устраненъ отъ обсужденія собраніемъ какъ неуказанный въ программѣ (Actes du congrés de Rome), а также статью Бенедикта въ журналѣ Грюнхута Zeitschrift für öffentliches und privatrecht 1889 г. о проэктѣ Занарделли. Въ указанной статьѣ Бенедиктъ настаиваетъ на томъ, что благоустроенныя государства нашего времени могутъ обходиться безъ смертной казни при хорошихъ тюремныхъ порядкахъ и что вопросъ о смертной казни не вопросъ сентиментальности въ отношеніи преступниковъ, а вопросъ этики для карательнаго правосудія. Указавъ далѣе, что аргументъ „der blutdürstigen Positivisten“ о невозможности измѣренія вырожденныхъ преступниковъ человѣческой мѣркой, о необходимости истребленія ихъ, согласно теоріи выдѣленія, по истинѣ неспособенъ убѣдить кого либо, Бенедиктъ утверждаетъ, что этотъ аргументъ ведетъ слишкомъ далеко, къ истребленію не только извѣстныхъ категорій убійцъ, но и всѣхъ неисправимыхъ преступниковъ, далѣе къ оффиціальному истребленію лицъ, обремененныхъ заразными болѣзнями и способныхъ передавать потомству тяжкіе недуги. „Логика фанатиковъ висѣлицы должна вести къ человѣческой бойнѣ“ (указ. ст. стр. 197).

ство научныхъ убѣжденій причинами, ничего общаго съ научной истиной не имѣющими. Обращеніе Миттермайера изъ защитника смертной казни въ противника, по мнѣнію Сетти, объясняется старческимъ возрастомъ и усиленіемъ привязанности къ жизни. Легко видѣть, что такое объясненіе очень произвольно. Въ старческомъ возрастѣ человѣкъ дѣлается недовѣрчивѣе и мнительнѣе; въ сознаніи своей физической слабости онъ болѣе тревожно относится ко всему, что можетъ повредить его здоровью и грозить благу жизни; поэтому противнику смертной казни, если уже усвоивать возрасту вліяніе на научныя убѣжденія, естественнѣе въ старости сдѣлаться ея защитникомъ, а не наоборотъ, какъ это случилось съ Миттермайеромъ. Этотъ незабвенный ученый, такимъ образомъ, своимъ примѣромъ служитъ не въ пользу приверженцевъ смертной казни. Онъ въ позднемъ возрастѣ пришелъ къ убѣжденію о возможности устраненія смертной казни изъ современнаго строя общественной жизни на основаніи громаднаго усвоеннаго имъ матеріала опытныхъ фактовъ законодательства и судебной практики, не вслѣдствіе усиленной приверженности къ благу жизни, а вслѣдствіе умудреннаго сознанія [47]). Точно также невѣрно и указаніе Сетти на колебанія Карминьяни въ этомъ вопросѣ. Этотъ ученый, правда, въ юношескомъ возрастѣ, въ 1797 году написалъ небольшое сочиненіе въ пользу смертной казни. Но отъ этого мимолетнаго взгляда онъ отказался въ 1803 году, когда онъ еще молодымъ человѣкомъ былъ призванъ на каѳедру въ Пизанскій университетъ, и съ тѣхъ поръ до самой смерти онъ оставался вѣренъ воззрѣніямъ, выраженнымъ имъ въ своей извѣстной публичной лекціи о смертной казни [48]).

Замѣчательно, что кромѣ Миттермайера можно указать еще

---

47) Ср. характеристику процесса воззрѣній Миттермайера у Кистяковскаго, Изслѣдованіе о смертной казни (стр. 20—25).

48) Ср. статью Каррара въ Opuscoli VI. Cantu e Carmignani, гдѣ авторъ, ученикъ Карминьяни, исправляетъ невѣрныя показанія Канту о воззрѣніяхъ своего учителя.

на Фейербаха, лорда Брума, Гольцендорфа, сдѣлавшихся съ годами изъ сторонниковъ—противниками смертной казни. Это указываетъ на вліяніе болѣе богатаго жизненнаго опыта, большаго увеличенія научнаго и судебно-практическаго матеріала, большей зрѣлости мысли, показываетъ явственно, по словамъ Гетцеля, въ какую сторону направляется культурный прогрессъ [49]).

Наконецъ, слѣдуетъ признать, что заявленія Гарофало о томъ, что умственное теченіе противъ смертной казни въ Италіи—доктринерское, коренящееся въ нездоровомъ либерализмѣ и оппозиціи правительству, заявленія, сдѣланныя въ 1888 г. въ виду обсужденія проэкта Занарделли, опровергаются исторіей вопроса о смертной казни въ Италіи. Наравнѣ съ знаменитой книгой Беккаріа, имѣвшей столь громадное вліяніе на гуманныя воззрѣнія государей внѣ Италіи, величайшее значеніе принадлежитъ иниціативѣ вѣнценоснаго аболиціониста, великаго герцога Леопольда Тосканскаго, отмѣнившаго смертную казнь въ Тосканѣ въ 1786 году. Эта реформа пустила такіе глубокіе корни, она такъ сильно и глубоко вошла въ нравы, что и позднѣе, не смотря на временныя, неоднократныя возстановленія смертной казни, таковая примѣнялась крайне рѣдко въ Тосканѣ до самой окончательной отмѣны ея въ 1859 году. Въ нашемъ столѣтіи теченіе противъ смертной казни было до такой степени лишено вообще въ Италіи оппозиціоннаго характера, что, какъ заявилъ Манчини въ Итальянской палатѣ депутатовъ при обсужденіи проэкта Занарделли [50]), во время господства

[49]) Громанъ въ своей работѣ: „Christentum und Vernuft für die Abschaffung der Todesstrafe" утверждаетъ, что Фейербахъ подъ конецъ своей жизни убѣдился въ неправомѣрности смертной казни. Цитуя это показаніе, сынъ знаменитаго криминалиста, Людвигъ Фейербахъ въ изданной имъ книгѣ Anselm Ritter von Feuerbach's Leben und Wirken 1852 г. замѣчаетъ, что свидѣтельство Громана основано вѣроятно на частномъ письмѣ отца его къ Громану (т. I, стр. 252-я примѣч. *). Относительно перемѣны въ воззрѣніяхъ лорда Брума ср. Hetzel, указ. соч. стр. 316, о Гольцендорфѣ—Гетцель сообщаетъ тамъ же на основаніи словеснаго сообщенія перваго.

[50]) Lavori parlamentari del nuovo codice penale Italiano, Discussione della Camera dei deputati dal 26 Maggio al 9 Giugno 1888 г. изд. Unione tipografica—editrice Torinese, рѣчь Манчини VI, стр. 352.

Бурбоновъ самъ Манчини, а равно его другъ Пизанелли въ Неаполѣ, далѣе Амари, преподаватель Палермскаго университета, всѣ трое проповѣдывали съ каѳедры неправомѣрность смертной казни, и такое преподаваніе было, говорилъ Манчини, терпимо, „не смотря на то, что на тронѣ сидѣлъ Фердинандъ II“. При объединеніи Италіи въ 1859 году, Итальянское правительство поспѣшило утвердить постановленіе временнаго Тосканскаго правительства объ отмѣнѣ смертной казни. Далѣе, отношеніе Итальянскаго правительства къ вопросу знаменуется постоянной замѣной въ теченіи болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ приговоровъ о смертной казни лишеніемъ свободы, дарованіемъ жизни королемъ Гумбертомъ при вступленіи на престолъ въ 1878 году 85 осужденнымъ къ смертной казни, помилованіемъ въ 1879 году посягнувшаго на его жизнь Пассананте. Въ теченіи долголѣтнихъ, начатыхъ съ 1866 года работъ по составленіи единаго Итальянскаго уложенія, правительство вносило рядъ проэктовъ (1868, 1876, 1883 и 1887 г.) безъ смертной казни, вслѣдствіе разумнаго убѣжденія, что въ видахъ объединенія Италіи нельзя навязать смертной казни Тосканѣ и что долгій опытъ непримѣненія ея на практикѣ наглядно показалъ возможность обходиться безъ нея въ уложеніи. Палата Депутатовъ резолюціями 1865, 1877 и 1888 годовъ высказалась въ одинаковомъ смыслѣ. Въ послѣднее время порядокъ обсужденія проэкта Занарделли 1887 года, сдѣлавшагося уголовнымъ уложеніемъ 1889 года, доклады коммиссій Сената и Палаты Депутатовъ, полныя глубочайшаго интереса пренія въ обѣихъ Палатахъ лѣтомъ и осенью 1888 года, краснорѣчиво опровергли упрекъ умственному теченію въ Италіи противъ смертной казни въ „доктринерствѣ“. Такъ, коммиссія Сената единогласно приняла предложеніе объ отмѣнѣ смертной казни, не смотря на то, что она имѣла своимъ президентомъ Вилліани, который, будучи министромъ, въ 1874 году вносилъ проэктъ уложенія со смертной казнью въ Сенатъ. Въ преніяхъ въ парламентѣ о проэктѣ Занарделли обнаружилось замѣчательное единогласіе въ представителяхъ страны

по разсматриваемому вопросу. Изъ 26 ораторовъ, участвовавшихъ въ обсужденіи проэкта съ 26 Мая по 9 Іюня 1888 г. только одинъ депутатъ (Кимирри) высказался относительно преждевременности отмѣны смертной казни. Въ Сенатѣ въ засѣданіяхъ его съ 8-го по 17-е Ноября 1888 года изъ 22-хъ ораторовъ защитникомъ смертной казни явился одинъ сенаторъ Вителески. Сенаторъ Вилліани, напомнивъ о проэктѣ 1874 года, заявилъ, что условія общественной безопасности въ то время были совершенно иныя, далекія отъ тѣхъ, въ которыхъ къ счастью находится современная Италія. „Вспомните, сказалъ Вилліани, что разбойничество подавлено, что Романья освобождена отъ кровожадныхъ шаекъ, при современномъ порядкѣ вещей съ спокойной совѣстью, по долгу добраго гражданина, я подаю голосъ за отмѣну смертной казни".

Такимъ образомъ оказывается, что съ 1786 года, со времени правленія великаго герцога Леопольда и до 1889 года,—года созданія Итальянскаго уголовнаго уложенія безъ смертной казни, правительственная власть въ Италіи дѣйствовала въ вопросѣ о смертной казни въ полной солидарности съ общественнымъ сознаніемъ и никакой оппозиціи первому со стороны послѣдняго не было. Отсюда видно, что конецъ текущаго и конецъ прошлаго вѣка смыкаются крѣпкой связью гуманной, практически—разумной государственной внутренней политики. Тоскана послужила живымъ примѣромъ и убѣжденіемъ для объединенной Италіи нашихъ дней. Въ виду историческихъ фактовъ и исторической необходимости, упрекъ въ легкомысленномъ либерализмѣ, обращенный противъ аболиціонистовъ въ Италіи, самъ собою падаетъ. Цѣною отмѣны смертной казни Италія обладаетъ давно желаннымъ и давно ожидаемымъ единымъ уголовнымъ уложеніемъ. Это уложеніе уже теперь повлекло за собою рядъ плодотворныхъ законовъ, обусловленныхъ его созданіемъ, каковы реформы въ уголовномъ процессѣ, созданіе единаго кассаціоннаго суда, тюремная реформа [51]). Како-

[51]) Disposizioni per l'attuazione del codice penale, Regio decreto 1 Dicembre 1889 г., Legge 6 Dicembre 1888 г. che deferisce alla Cassazione di Roma la

во бы ни было будущее, имена почтенныхъ дѣятелей, содѣйствовавшихъ объединенію Италіи по части уголовнаго законодательства и много лѣтъ настаивавшихъ на уложеніи безъ смертной казни, имена Карминьяни, Пизанелли, Манчини, Эллеро, Каррара, Буччелати, будутъ произноситься съ уваженіемъ и сочувствіемъ во всемъ культурномъ мірѣ. Писатели, неусмотрѣвшіе въ ходѣ вопроса о смертной казни со стороны ея противниковъ ничего, кромѣ доктринерскаго пристрастія, явно показали этимъ, что упрекъ, сдѣланный ими лучшимъ умственнымъ силамъ своей страны, въ сущности относится къ нимъ. Когда Гарофало говоритъ, что иностранцы упрекнутъ Италію за легкомысленную отмѣну смертной казни, то факты самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаютъ эти слова. Проэктъ Занарделли былъ принятъ съ горячимъ сочувствіемъ лучшими представителями науки уголовнаго права въ Европѣ, безъ различія направленій, сочувствіемъ, которое еще усилилось при превращеніи проэкта въ уголовное уложеніе 30 Іюня 1889 года[52]).

---

cognizione di tutti gli affari penali del Regno, Legge sulla riforma penitenziaria, 14 Luglio 1889 г. съ принадлежащимъ къ этому закону декретомъ о тюремномъ Совѣтѣ 1890 г. и тюремными регламентами (ср. оффиц. изданіе Ordinamento generale della administrazione carceraria 1891 г.).

[52]) Изъ многочисленныхъ отзывовъ о проэктѣ Занарделли ср. отзывъ Вальберга (Die Strafgesetzgebung für das Königreich Italien mit besonderer Rücksichtnahme auf der Strafgezetzentwurf von 1887 г. Wien 1888 г.), оканчивающійся указаніемъ, что проэктъ послужитъ твердой основой для объединенія уголовнаго права въ Италіи и что онъ приспособленъ къ конституціонному развитію Италіи и ея народному характеру (стр. 40). Нѣмецкій ученый иного направленія, чѣмъ Вальбергъ, Листъ такъ оканчиваетъ свой отзывъ о проэктѣ: „Проэктъ Занарделли,—блестящее свидѣтельство національной мощи, неопровержимое доказательство призванія Италіи къ законодательству, основаннаго на непрерывной духовной работѣ прошлыхъ вѣковъ,—указываетъ на выходящую за предѣлы отечества объединяющую и примиряющую народы—научную связь (Der Italienische Strafgesetzentwurf von 1887 г. B. Allgemeiner Theil kritisch besprochen von Dr. Franz von Liszt 1888 г.). Крайне замѣчательна телеграмма Гольцендорфа къ профессору Lucchini отъ 19 Ноября 1888 г. по полученіи извѣстія о принятіи сенатомъ проэкта Занарделли, слѣдующаго содержанія: „Дорогой коллега! Наконецъ единое уголовное уложеніе на зло Ватикану! И такъ Италія будетъ первая страна между великими державами, отмѣнившая смертную казнь. Слава

VI.

Въ предшествующемъ изложеніи были разобраны доводы Итальянскихъ антропологовъ криминалистовъ въ пользу смертной казни, а равно попытки показать, что движеніе противъ нея въ сущности искусственное и далекое отъ потребностей дѣйствительной жизни. При этомъ читатель почти не находитъ разбора приписываемыхъ смертной казни недостатковъ, каковы: отсутствіе степенимости, дѣлимости, индивидуализированія, свойство пораженія невиновныхъ лицъ, близкихъ виновному [53]). Наконецъ, коренной порокъ неотмѣнимости и невознаградимости, при пораженіи невиннаго, Гарофало возводитъ даже на степень достоинства. Сетти и Бельтрани-Скаліа касаются этого порока, но ограничиваются общими мѣстами, свидѣтельствующими, какъ трудно оспоривать его. Во всѣ времена опасность смертной казни въ смыслѣ пораженія ею невиннаго, притомъ неотмѣнимаго пораженія, сознавалась чрезвычайно живо [54]). Этой опасностью смертная казнь отдѣляется отъ

великодушному королю, простившему посягнувшаго на него преступника. Слава національному парламенту, ставшему выше старыхъ предразсудковъ! Слава итальянскимъ криминалистамъ, защитникамъ отмѣны смертной казни со временъ Беккаріа и до дней Манчини и Занарделли. Вашъ новый кодексъ послужитъ мнѣ для постояннаго сравненія съ германскимъ". О томъ, какъ встрѣчено было Итальянское уложеніе въ компетентныхъ кругахъ Франціи свидѣтельствуютъ: докладъ Lacointa о проэктѣ въ Парижскомъ тюремномъ обществѣ (B. S. G. P. 1889 г. Janvier-Mars, Discussion), далѣе появившіеся во Франціи 1890 года три перевода: Lacointa, Sarraute и Turrel. Переводъ Lacointa, снабженный прекраснымъ предисловіемъ и многочисленными примѣчаніями, напечатанъ на государственный счетъ по приказанію Министра Юстиціи. Въ Германіи вышли въ 1890 г. два перевода, Базельскаго профессора Тейхмана и прокурора Стефана.

[53]) Tarde, Philosophie pénale, замѣчаетъ съ свойственнымъ ему, не смотря на талантливость, легкомысліемъ, что большинство аргументовъ противниковъ смертной казни такъ слабо, что нельзя было бы объяснить себѣ успѣха, которымъ они пользуются, если бы не имѣть въ виду чисто религіознаго источника ихъ (стр. 531). Далѣе, возражая противъ недостатка дѣлимости, Тардъ ссылается на уравненіе мелкихъ преступниковъ путемъ релегаціи съ крупными преступниками, подвергаемыми транспортаціи (ст.532). Но вѣдь это значитъ—одно зло оправдывать наличностью другаго.

[54]) Это обнаруживается наприм. въ процессуальныхъ постановленіяхъ Талмуда, —содѣлывавшихъ примѣненіе смертной казни почти невозможнымъ. Ср. Rivista penale V. XIV Castelli Della pena di morte nella legislazione ebraica.

другихъ наказаній непроходимой пропастью. Сторонники смертной казни пытаются указывать, какъ это дѣлаетъ между прочимъ Бельтрани-Скаліа, что смертная казнь въ указанномъ отношеніи не отличается отъ другихъ наказаній, что при всякомъ наказаніи ошибка можетъ быть неотмѣнимой, что продолжительное лишеніе свободы, примѣненное къ невинному, равняется медленной смерти [55]). Всѣ эти соображенія несомнѣнно только болѣе или менѣе удачные софизмы и ошибочное осужденіе къ смертной казни отнюдь не можетъ уравниваться съ ошибочнымъ осужденіемъ къ другому наказанію. Осужденіе къ лишенію свободы невиннаго, хотя бы эта ошибка и долгое время не была обнаружена, все таки въ большинствѣ случаевъ смѣняется обнаруженіемъ истины, возвращеніемъ осужденному свободы, возстановленіемъ чести и правъ осужденнаго при его жизни. Очевидно, ничего подобнаго при ошибочномъ примѣненіи смертной казни быть не можетъ. Невинно-казненный умираетъ въ горьчайшемъ сознаніи сдѣланной ему несправедливости, возстановленія и исправленія которой, по самому свойству наказанія, ему не дано будетъ увидѣть,—несправедливости, которая особенно глубоко хоронится вмѣстѣ съ тѣломъ осужденнаго и обнаруженіе которой, хотя бы въ интересахъ доброй памяти и семьи осу-

---

[55]) Слѣдуетъ замѣтить, что цифры смертности, указанныя Бельтрани-Скаліа, при долгосрочномъ 15 лѣтнемъ заключеніи (см. выше стр. 166) исключительно высокія. Такъ, напр. по Англійской тюремной статистикѣ среднее число случаевъ смерти въ долгосрочныхъ тюрьмахъ на срокъ 5 лѣтъ и свыше было 10, 78, на тысячу, за 1879—1889, что близко подходитъ къ смертности при долгосрочномъ заключеніи въ одиночныхъ тюрьмахъ Бельгіи (1, 61%). Ср. B. S. G. P. 1891 г. Statistique des prisons de la Grande Bretagne (1889—1890), par Léon Lallemant и Starke Das Belgische Gefängnisswesen, стр. 253. По наблюденіямъ Сихарта относительно Виртембергскаго цухтгауса Людвигсбургъ за 1872—1880 годы категоріи осужденныхъ долгосрочныхъ даютъ относительно меньшее число смертныхъ случаевъ, чѣмъ категоріи краткосрочныхъ, далѣе значительное большинство смертныхъ случаевъ въ различныхъ по сроку заключенія классахъ гораздо болѣе приближается къ началу, чѣмъ къ концу отбытія наказанія, что объясняется Сихартомъ возникновеніемъ причинъ заболѣваній, поведшихъ къ смерти, внѣ тюрьмы. Это обстоятельство подрываетъ значеніе вредоноснаго вліянія тюрьмы и, слѣдовательно, приравненіе, дѣлаемое Бельтрани-Скаліа лишенія свободы къ медленной смерти.

жденнаго, особенно сильно затрудняется. И въ самомъ дѣлѣ, несправедливо осужденный къ лишенію свободы имѣетъ возможность хлопотать о раскрытіи истины. Когда же невинный былъ подвергнутъ смертной казни, то лица, особенно способнаго добиваться разоблаченія истины, не существуетъ, и настоящему виновнику, воспользовавшемуся ошибкой юстиціи, нечего опасаться [56]. Это сознаніе совершенно исключительной неотмѣнимости и невознаградимости судебной ошибки при смертной казни и объясняетъ въ значительной степени многія явленія, ранѣе указанныя, колебанія свидѣтелей по дѣламъ, влекущимъ смертную казнь, многочисленные оправданія и акты помилованія по этимъ дѣламъ [57]. Предлагать какія нибудь процессуальныя гарантіи, какъ это дѣлаютъ приверженцы смертной казни, мало помогаетъ. Въ лучшемъ случаѣ создаются палліативы, могущіе уменьшать, но не устранять судебныя ошибки. Какія бы ни давались процессуальныя гарантіи, судебныя ошибки не перестаютъ смущать общественное чувство справедливости. Такъ, напримѣръ, требуемое въ Англіи единогласіе присяжныхъ не спасаетъ эту страну отъ судебныхъ ошибокъ. Судебныя ошибки вообще зависятъ не столько отъ дурныхъ процессуальныхъ порядковъ, отъ плохаго судебнаго персонала, сколько отъ несчастной комбинаціи объстоятельствъ, непреодолимо воздѣйствующей на убѣжденіе самыхъ осторожныхъ судей и вводящей ихъ въ обманъ. Съ другой стороны, процессуальныя гарантіи, различныя строгія тре-

---

[56]) На это свойство смертной казни подавлять возможность открытія судебной ошибки не разъ указывалось, наприм. Гольцендорфомъ (указ. сочин.), который чрезвычайно вѣрно напоминаетъ о крайней неохотѣ судебнаго персонала признавать наличность судебныхъ ошибокъ и ссылается на недавній образъ дѣйствія Французскаго кассац. суда по дѣлу Лезюрка (гл. XXIV стр. 297—299).

[57]) Такъ Таллакъ приводитъ слѣдующій случай объясненія однимъ присяжнымъ оправдательнаго рѣшенія относительно пяти обвинявшихся въ убійствѣ лицъ, возбудившаго удивленіе въ публикѣ: „Мы были увѣрены въ ихъ виновности, но не вполнѣ. А между тѣмъ, мы чувствовали, что лишь безусловная достовѣрность, невозможная въ данномъ случаѣ, могла бы побудить насъ предать пять человѣкъ неотмѣнимой смерти. Поэтому намъ ничего не оставалось какъ оправдать ихъ“ (Some general observations an the penalty of death).

бованія по части доказательствъ (напримѣръ запретъ пользованія косвенными уликами) ведутъ не къ устраненію ошибокъ, а къ устраненію смертной казни de facto. Такъ, при сомнѣніяхъ, обусловленныхъ возможностью непоправимой ошибки, единогласное или требующее усиленнаго большинства рѣшеніе будетъ съ трудомъ составляться. Поэтому, охрана невиннаго въ сущности отъ такихъ мѣръ не выигрываетъ, виновный же получаетъ только лишніе шансы [58]).

Сила возраженія, коренящаяся въ возможности судебныхъ ошибокъ, побуждаетъ сторонниковъ смертной казни прибѣгать къ доводу, принципіально и фактически невѣрному. Такъ Сетти утверждаетъ, что судебныя ошибки при примѣненіи смертной казни бываютъ рѣдки. Прежде всего въ такомъ вопросѣ непозволительно ссылаться на количественную сторону. Когда говорятъ о такихъ недостаткахъ какого либо учрежденія, съ которыми можно мириться, то естественно говорить о томъ, часто или рѣдко проявляются эти недостатки. Въ данномъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о вопіющемъ общественномъ бѣдствіи, указывать на рѣдкость его, все равно, что насмѣхаться надъ несчастными, которыхъ постигло страшное, хотя рѣдкое зло. Законодатель понималъ это, говоря, что лучше освободить десять виновныхъ, чѣмъ погубить одного невиннаго. Затѣмъ, если обратиться къ положенію о рѣдкости судебныхъ ошибокъ, поражающихъ невиннаго, то оно оказывается глубоко несправедливымъ. Сетти, какъ было показано выше, утверждаетъ рѣдкость дѣйствительнаго исполненія ошибочныхъ приговоровъ, осуждающихъ къ смерти. Но если бы это было и совершенно справедливо, этимъ не устраняется огромное и прискорбное зна-

---

[58]) Въ 1870 году при преніяхъ въ рейхстагѣ Ласкеръ въ своей превосходной рѣчи возражалъ противъ предложеннаго одимъ членомъ единогласія присяжныхъ по дѣламъ, влекущимъ смертную казнь, и сравнилъ предложенную мѣру съ порядкомъ, сложившимся на основаніи истолкованія одного мѣста изъ Библіи у древнихъ Евреевъ. По этому порядку убійца подвергался смертной казни, если онъ заявлялъ о своемъ умыслѣ постороннему, выслушивалъ отъ него предостереженіе, что замышляемое преступленіе обложено смертью, и совершалъ тѣмъ не менѣе преступное дѣло.

ченіе ошибочныхъ осужденій, хотя бы и не исполненныхъ, такъ какъ во множествѣ относящихся сюда случаевъ только счастливая случайность спасаетъ невиннаго. Возлагать же ожиданія на такую случайность и успокоиваться на этомъ основаніи, конечно, нѣтъ никакой возможности. Чтобы мы сказали, если бы кто нибудь вздумалъ утверждать въ виду ряда посягательствъ на жизнь одного или многихъ людей, не окончившихся смертнымъ исходомъ только по счастливой случайности, что личная и общественная безопасность нисколько не терпитъ отъ такихъ посягательствъ, такъ какъ жертвы ихъ остались въ живыхъ? Съ другой стороны, смертная казнь, какъ я указывалъ выше, обладаетъ свойствомъ, особенно успѣшно хоронить вмѣстѣ съ жертвой и судебную ошибку; „нельзя забывать, что несомнѣнное установленіе легальнаго убійства возможно лишь въ одномъ случаѣ, а именно когда вмѣсто осужденнаго найдутся истинные виновные, которые не только добровольно изобличатъ себя, но и найдутъ судей, склонныхъ принять отъ нихъ повинную“ [59]). Поэтому — ошибочныя осужденія, неповлекшія за собою исполненія казни, даютъ основаніе заподозрѣвать, что въ числѣ исполненныхъ осужденій есть случаи печальныхъ, но только не обнаруженныхъ ошибокъ.

Если, такимъ образомъ, становясь на правильную точку зрѣнія, понимать подъ судебными ошибками случаи ошибочнаго осужденія къ смертной казни, какъ повлекшіе, такъ и неповлекшіе исполненія таковой, то придется признать число такихъ ошибокъ значительнымъ. Старинная судебная практика, какъ Италіи, такъ и другихъ государствъ, представляетъ много случаевъ судебныхъ ошибокъ, весьма хорошо удостовѣренныхъ въ силу позднѣйшаго возстановленія чести и памяти невинно-казненнаго [60]). Можетъ ли

---

[59]) Гольцендорфъ ср. указ. соч. гл. XXIV стр. 298. Чтобы оцѣнить вѣрность этого замѣчанія ср. ниже сообщаем..е по дѣлу Borras.

[60]) Тщательное собщеніе свѣдѣній о судебныхъ ошибкахъ всѣхъ временъ у Rebaudi La pena di morte e gli errori giudiziari. Изъ многочисленныхъ случаевъ судебныхъ ошибокъ старинной Итальянской практики, приведенныхъ у него, особенно сохранились въ народной памяти два случая. Первый—это казнь

похвалиться новое время, не смотря на улучшеніе судебныхъ порядковъ значительнымъ успѣхомъ въ смыслѣ уменьшенія ошибочныхъ осужденій?

Рядъ судебныхъ ошибокъ въ новѣйшей Итальянской практикѣ былъ указанъ Манчини въ докладѣ Съѣзду Итальянскихъ юристовъ 1872 года. Сюда относится между прочимъ получившее громкую извѣстность дѣло Сантіуніони, осужденнаго къ смертной казни и, послѣ возобновленія дѣла Туринскимъ кассаціоннымъ судомъ, оправданнаго при вторичномъ разсмотрѣніи. По этому дѣлу фактъ судебной ошибки удостовѣряется не оправдательнымъ вторичнымъ рѣшеніемъ присяжныхъ послѣ кассаціи перваго обвинительнаго рѣшенія, каковое обстоятельство, по мнѣнію Сетти, еще не доказываетъ судебной ошибки, а наличностью законной причины возобновленія дѣла, двухъ приговоровъ, осуждающихъ различныя лица по одному и тому же преступленію и несовмѣстныхъ между собою (ст. 688 Итальян. уст. уг. суд.). Что же касается до тѣхъ случаевъ, гдѣ оправдательное рѣшеніе присяжныхъ послѣ кассаціи смѣняли собою обвинительное рѣшеніе, то они, если прямо и не доказываютъ судебной ошибки, представляютъ, однако, сильное предположеніе въ пользу таковой. Сказанное именно относится къ случаю, удостовѣренному Итальянской статистикой, относительно оправданія изъ числа 222 первоначально осужден-

---

въ Венеціи Pietro Tasca, извѣстнаго подъ именемъ fornaretto (мальчика-булочника). Позднѣйшее раскрытіе невинности его повело къ обычаю провозглашенія передъ Венеціанскими судьями по дѣламъ, влекущимъ смертную казнь, торжественнаго предостереженія: „Ricordatevi del povero fornaretto“. Другой случай—казнь невинно-осужденнаго Antonio Foscarini въ XVI ст., память о которомъ была впослѣдствіи торжественно возстановлена Совѣтомъ X, что засвидѣтельствовано поставленнымъ ему въ церкви Св. Евстахія памятникомъ. Далѣе, извѣстенъ цѣлый рядъ случаевъ судебныхъ ошибокъ сопряженныхъ съ казнью невинно осужденныхъ во Франціи и предшествовавшихъ печальному и всемірно-извѣстному дѣлу Каласа. Таковы дѣла маршаловъ Biéze и Coucy de Vervins (1549), Turgis, Tallebot и Lebrasseur (1625), маркиза и маркизы d'Anglade (1688), A. Lebrun (1690), Ferrière (1699) Vallet du Pin (1725), невинность которыхъ, подобно Каласу, была возстановлена впослѣдствіи оффиціальными актами (ср. Rebaudi указ. соч. стр. 186—195).

ныхъ 20 лицъ при вторичномъ сужденіи. Допуская даже ослабленіе и ухудшеніе доказательственнаго матеріала при вторичномъ разбирательствѣ, сравнительно съ первымъ, чѣмъ объясняется, по мнѣнію Сетти, фактъ оправданія 20 лицъ, осужденныхъ ранѣе къ смерти, все же этотъ исходъ представляется поразительнымъ. Кто возьмется утверждать, что ни одно изъ этихъ 20 оправдательныхъ рѣшеній не зависѣло отъ появленія новыхъ доказательствъ, опровергающихъ первоначальныя, отъ раскрытія слабости доказательствъ перваго производства, кто рѣшится сказать, вопреки поразительнаго противурѣчія результатовъ двухъ производствъ, что ни одной судебной ошибки по этимъ двадцати дѣламъ не было? И такъ остается въ концѣ концовъ вѣроятность нѣкотораго числа судебныхъ ошибокъ, неопредѣлимаго только въ точной цифрѣ, что нисколько не служитъ къ успокоенію.

Если обратиться затѣмъ отъ Италіи къ другимъ странамъ, то и тамъ мы встрѣчаемъ частые случаи рѣшеній, оказывающихся впослѣдствіи ошибочными. Достаточно вспомнить строго достовѣрные случаи судебной ошибки въ дѣлахъ Лезюрка, Ленье, Дуазъ, наконецъ, въ самое послѣднее время дѣло Испанца Боррасъ, осужденнаго за убійство къ смертной казни, замѣненной ему безсрочными каторжными работами, и получившаго свободу по случаю помилованія президентомъ республики вслѣдствіе неутомимыхъ усилій сенатора Марку, убѣдившаго Министра Юстиціи въ невинности Borras [61]).

---

[61]) Ср. крайне любопытный мемуаръ по дѣлу Borras Сенатора Марку (Une erreur judiciaire, L'affaire Borras condamné à mort ef par commutation de peine aux travaux forcés a perpétuité, gracié par le Président de la république, Second mémoire par M. F. Marcou Sénateur de L'Aude 1891 г.). Этотъ мемуаръ указываетъ на прискорбную бытовую черту, а именно противудѣйствіе со стороны должностныхъ лицъ попыткамъ возстановленія чести Borras. Такъ, апелляціонный судъ въ Монпелье при возникшемъ уже по осужденіи Borras дѣлѣ о нѣкоторомъ Roussel, бѣжавшемъ изъ Франціи послѣ убійства Pradiés въ Испанію и давшемъ тамъ сознаніе, хотя и неполное, полицейской власти о собственномъ участіи въ этомъ убійствѣ, своей поспѣшностью при прекращеніи преслѣдованія противъ Roussel далъ закрыться источнику удостовѣренія относительно не-

Точно также судебныя ошибки обнаруживаются, къ несчастью, за послѣднее время въ большомъ числѣ и въ другихъ странахъ. Въ теченіи 1882 года открылось три случая судебныхъ ошибокъ, вполнѣ удостовѣренныхъ въ Австріи и, если не во всѣхъ случаяхъ осужденному невинному грозило поплатиться головой, то это нисколько не уменьшаетъ важности ихъ по вопросу о смертной казни. Такъ, напримѣръ, майоръ Гелле отбывалъ уже 17 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія за растрату, совершенную по его словамъ другимъ лицомъ, и въ 1882 году это обстоятельство вполнѣ подтвердилось. Леопольдъ Громанъ находился уже шесть мѣсяцевъ подъ стражей за убійство матери, когда въ 1882 году является истинный виновникъ преступленія и сознается въ немъ. Это сознаніе вполнѣ согласуется съ обстоятельствами дѣла и Громаннъ освобождается отъ наказанія. Катерина Штейнеръ была осуждена къ смертной казни за убійство и содержалась подъ стражей, пока нѣкто Варшауеръ не сознался въ этомъ преступленіи. Штейнеръ вслѣдствіи этого сознанія въ Мартѣ 1882 года освобождается изъ подъ стражи, спасеніе ея отъ незаслуженной смертной казни обусловливалось случайностью, замедленіемъ кассаціоннаго суда при разсмот-

---

винности Borras. Далѣе, сенаторъ Марку, по словамъ его, встрѣтилъ очень настойчивую оппозицію въ своихъ почтенныхъ усиліяхъ относительно раскрытія невинности Borras въ директорѣ уголовныхъ дѣлъ министерства юстиціи Dumas, въ отличіе отъ самого министра Fallières, принявшаго горячее участіе въ судьбѣ Borras. Помилованіе президентомъ республики представлялось по этому прискорбному дѣлу единственнымъ исходомъ, не смотря на всеобщее убѣжденіе въ невинности Borras. Торжественное возстановленіе чести Борраса въ судебномъ порядкѣ было невозможно вслѣдствіе формальнаго основанія—отсутствія условія, требуемаго ст. 443 Французскаго Устава, а именно наличности двухъ несовмѣстныхъ между собою приговоровъ по одному и тому же преступленію и о различныхъ лицахъ. Дѣло Borras, обнаруживъ недостаточность Французскаго закона о порядкѣ возобновленія уголовныхъ дѣлъ, вѣроятно послужитъ сильнымъ побужденіемъ для реформы ст. 443 уст. уг. суд., обсужденіе которой предстоитъ въ непродолжительномъ времени Французской Палатѣ Депутатовъ. Ср. Proposition de loi tendant à modifier les dispositions de l'article 443 du code d'Instruction criminelle presentée par Charles Boysset, Chambre des deputés, Session de 1886 г., и Rapport fait au nom de la commission chargée d'examiner la proposition de loi de M. Charles Boysset, Chambre des députés, Session de 1888 г.

рѣніи ея дѣла. Точно также въ послѣднее время были раскрыты три судебныя ошибки и въ Германіи. Нѣкто Бёзе былъ осужденъ въ 1872 году къ смертной казни за убійство по собственному сознанію, но черезъ девять лѣтъ обвиняемый въ другомъ преступленіи сознается въ преступленіи, за которое былъ осужденъ Бёзе. Въ Альтонѣ былъ задержанъ одинъ морякъ за какой то проступокъ; сидя въ заключеніи, онъ разсказываетъ товарищу по заключенію, что 10 лѣтъ тому назадъ онъ поджегъ по приказанію капитана Датскій корабль близъ мыса Горна и взвелъ обвиненіе на своего товарища, который и былъ осужденъ въ Даніи къ 10 лѣтней каторгѣ. Этотъ разсказъ вполнѣ подвердился, и морякъ былъ выданъ Датскому правительству. Въ 1880 году ассизный судъ въ Эберфельдѣ осудилъ нѣкоего Люкенгауса за убійство, совершенное въ 1877 году, но вначалѣ 1882 года открылось, что убійство было совершено лицомъ, эмигрировавшимъ въ Америку и сознавшимся передъ тѣмъ своему родственнику въ преступленіи [62]).

По сообщеніямъ Howard-Association въ 1865 г. былъ осужденъ къ смертной казни въ Лондонѣ Итальянецъ Поллиціони, онъ былъ помилованъ, а впослѣдствіи былъ обнаруженъ настоящій виновникъ преступленія. Въ 1876 году былъ осужденъ къ смертной казни нѣкоторый Habron, казнь была ему замѣнена пожизненнымъ лишеніемъ свободы, а въ 1879 году виновникомъ этого преступленія оказался Peace, осужденный за другое преступленіе и сознавшійся въ преступленіи, приписанномъ Habron. Точно также были осуждены къ смертной казни и спасены, по выраженію Таллака, „находясь на волоскѣ отъ смерти", слѣдующія лица: Alice Rhodes 1877 г., W. Siddle въ 1888 г. Travis въ томъ же году. Въ годовомъ отчетѣ Гоуардовскаго общества за 1891 годъ указаны слѣдующія случаи судебныхъ ошибокъ: въ С.-Американскихъ соединенныхъ штатахъ въ указанномъ году одинъ умирающій показалъ, что онъ совершилъ убійство, за которое нѣкій Thomas

---

[62]) Означенные случаи извлечены изъ Вѣнской Allgemeine Juristen Zeitung 1882 года.

Camp былъ повѣшенъ 22 года тому назадъ. Нѣкій Crane, также передъ смертью, сознался въ дачѣ ложнаго показанія противъ Starnicker, осужденнаго къ пожизненному заключенію. Заявленіе Crane было оффиціально провѣрено и Starnicker освобожденъ отъ наказанія. Далѣе въ 1891 году въ Небраскѣ лицо, долгое время находившееся въ безвѣстномъ отсутствіи, возвратилось домой, послѣ того, какъ нѣкій Маріонъ въ 1887 году былъ повѣшенъ за мнимое убійство этого лица[63]).

Независимо отъ сказаннаго, слѣдуетъ имѣть въ виду, что судебныя ошибки, при наличности смертной казни, представляются особенно опасными по случаю возможности ошибочнаго опредѣленія вмѣняемости и казни душевно больнаго преступника. Такія ошибки съ одной стороны крайне трудно устранимы вслѣдствіе разногласія въ мнѣніяхъ психіатровъ, недостатковъ установленія вмѣняемости и причинъ, устраняющихъ таковую, въ законѣ, неудовлетворительности экспертизы. Обнаруженіе же этихъ ошибокъ дѣлается невозможнымъ, такъ какъ для этого требовалось бы дальнѣйшее изслѣдованіе и наблюденіе относительно субъекта, подвергнутаго смертной казни. Съ другой стороны, опасность ошибки усиливается значительнымъ количествомъ душевно больныхъ среди убійцъ. Такъ, по разсчету вице-президента Англійскаго статистическаго общества Dr. William Guy, душевно больныхъ приходится менѣе двухъ на каждую тысячу населенія въ Англіи и Уэльсѣ, душевно больныхъ преступниковъ приходится 57 на 1000 душевно здоровыхъ, среди же спеціальнаго класса виновниковъ убійствъ отношеніе душевно больныхъ къ душевно здоровымъ равняется 145 на 1000 лицъ т. е. $14^1/_2$%[64]). На сколько часты случаи нераспознанія

---

[63]) Изданія Гоуардовскаго общества: Official statistics and reports (1890) on capital punishment и Annual report Octobre 1891 г, стр. 15. Указанія на другія судебныя ошибки ср. у Миттермайера, Гетцеля, Carmignani, Ducpetiaux, Гольцендорфа, Lucas, я здѣсь указываю на наиболѣе новые и притомъ несомнѣнные случаи.

[64]) Some general observations on the penalty of death Howard association 1890 года.

душевной болѣзни у преступниковъ видно изъ того, что, по разсчету главнаго врача Дальдорфской лечебницы въ Берлинѣ Зандера, изъ числа 159 лицъ, приходившихъ неоднократно въ столкновеніе съ уголовнымъ закономъ и содержавшихся по случаю послѣдующаго обнаруженія у нихъ душевной болѣзни какъ въ Дальдорфской, такъ и въ другихъ Берлинскихъ лечебницахъ, 119 лицъ т. е. 75% были осуждены и подвергнуты наказанію по крайней мѣрѣ одинъ разъ, уже находясь въ состояніи душевной болѣзни. Если Итальянская школа въ лицѣ Ломброзо настаиваетъ на тѣсной связи, на частомъ стеченіи преступленія и душевной болѣзни, фактѣ, независящемъ отъ парадоксальнаго объясненія таковаго въ указанной школѣ, то очевидно, что пренебреженіе этимъ фактомъ въ вопросѣ о смертной казни можетъ объясняться только крайнимъ равнодушіемъ къ существенному интересу—охраны душевно больныхъ отъ незаслуженнаго наказанія.

Положеніе Сетти о томъ, что осужденіе невиннаго въ сущности не бо́льшее зло, чѣмъ оправданіе виновнаго, крайне парадоксально, оно идетъ противъ очевидности, хорошо и давно воспринятой въ общественномъ сознаніи. Эти два случая ошибки совершенно несоизмѣримы. Какъ справедливо говоритъ Іонъ, при оправданіи виновнаго страдаетъ правопорядокъ, при осужденіи невиннаго правопорядокъ и невинно-осужденный. Въ послѣднемъ случаѣ, имѣется на лицо, сверхъ общаго со случаемъ оправданія виновнаго явленія безнаказанности для заслужившаго наказанія,—такъ какъ привлеченіе и осужденіе виновнаго дѣлается невозможнымъ вслѣдствіе подстановки на его мѣсто невиннаго,—еще вопіющее попраніе права, невознаградимое и непоправимое при наличности смертной казни.

VII.

Значительное мѣсто, какъ было показано выше, отводится Гарофало, даннымъ уголовной статистики, которыми онъ пытается подтвердить положеніе о томъ, что въ связи съ устраненіемъ смерт-

ной казни изъ законодательства, или съ обходомъ ея въ судебной практикѣ, преступность увеличивается или по крайней мѣрѣ не уменьшается. При колебаніяхъ преступности въ зависимости отъ разнообразныхъ факторовъ, объясненіе таковыхъ однимъ указаннымъ факторомъ представляется крайне спорнымъ. Поэтому, если бы даже цифры уголовной статистики рѣшительно удостовѣряли ростъ преступности послѣ отмѣны смертной казни de jure или de facto, то для установленія причиннаго отношенія между двумя явленіями требовалась бы возможность устраненія всякихъ другихъ общественныхъ условій, способныхъ по опыту содѣйствовать такому результату, какъ несуществующихъ. Нельзя не замѣтить, что данныя уголовной статистики могутъ представляться, далѣе, недостаточными и въ силу неудачнаго подбора статистическихъ фактовъ въ качествѣ показателей увеличенія преступности. Наконецъ, если дѣлать выводы изъ цифръ преступности по вопросу о смертной казни, то аргументировать въ пользу ея, какъ это считаетъ возможнымъ Гарофало, тѣмъ, что преступность послѣ отмѣны или періода непримѣненія смертной казни остается неподвижной, во всякомъ случаѣ недопустимо. Отсутствіе измѣненій въ результатѣ, послѣ исчезновенія условія, предполагаемаго существеннымъ по отношенію къ результату, показываетъ отсутствіе причинной связи между таковымъ условіемъ и результатомъ. Въ послѣдующемъ изложеніи будетъ показано, что многочисленныя статистическія данныя, приводимыя Гарофало, либо не доказываютъ защищаемаго имъ тезиса, либо представляются сами по себѣ крайне спорными и даже недостовѣрными.

Такъ, увеличеніе преступности въ Бельгіи съ 1863 года, когда смертная казнь перестала исполняться, сравнительно съ предшествующимъ періодомъ ея дѣйствительнаго осуществленія, опровергается изслѣдованіемъ преступности въ этой странѣ, сдѣланнымъ Van Alleynes, за время съ 1831 по 1885 годъ, изъ котораго явствуетъ, напротивъ, постоянное уменьшеніе тягчайшей преступности, не исключая и періода 1863—1875 годовъ, при постоян-

номъ, одновременномъ ростѣ населенія, при чемъ наилучшимъ состояніемъ по части преступности пользуется Льежскій округъ, гдѣ съ самаго созданія Бельгійскаго королевства смертная казнь была исполнена однажды. И въ самомъ дѣлѣ, преступность въ этомъ округѣ, дающая съ 1831 по 1839 годъ 1713 обвиняемыхъ или одного обвиняемаго на 6629 жителей, 25 лицъ осужденныхъ къ смертной казни и 55 лицъ, осужденныхъ къ каторжной работѣ даетъ въ пятилѣтіе съ 1881—1885 года 154 обвиняемыхъ, одного обвиняемаго на 48,282 жителя, 6,5 осужденныхъ къ смертной казни и каторжнымъ работамъ [65]). Указанное Гарофало увеличеніе преступности въ Пруссіи въ періодъ 60—70-хъ годовъ не можетъ объясняться неисполненіемъ смертной казни съ 1870 по 1878 годъ. До какой степени неисполненіе смертной казни не играло никакой роли относительно уменьшенія или умноженія такихъ преступленій явствуетъ изъ того, что въ 1855—57 годахъ было казнено за простыя убійства 14 лицъ, въ 1858—60 го-

---

[65]) Rivista penale V. XXIV, Statistica criminale nel Belgio, Cronaca стр. 196 и 197. Относительно своихъ данныхъ объ уменьшеніи числа обвиняемыхъ въ убійствѣ съ 1864 по 1875 годъ въ Бельгіи Гарофало не указываетъ источника въ своей брошюрѣ „Contro la corrente", но въ Criminologia онъ ссылается на показанія генеральнаго прокурора Delecourt о значительномъ увеличеніи преступленій противъ жизни въ связи съ фактической отмѣной смертной казни. Нужно однако замѣтить, что эти показанія послужили предметомъ запроса въ Бельгійской Палатѣ Депутатовъ 1878 года и были опровергнуты министромъ Lantsheere, который указалъ, что если сравнить два періода по семи лѣтъ (1857—1863 г. и 1863—1870 годовъ), то окажется тягчайшихъ преступленій противъ личности въ первый—707, а во второй—749, что, въ виду значительнаго прироста населенія, свидѣтельствуетъ о неподвижности въ преступности. Въ томъ же засѣданіи Thonissen объяснилъ указанное Delecourt увеличеніе кровавыхъ преступленій неблагопріятными условіями мѣстности Charleroy, богатой каменно-угольными копями и представляющей скопленіе пришлаго населенія (Rivista di discipline carcerarie VI, 1876 г. Sulla pena di morte. Estratto degli atti delle Camera dei deputati del Belgio, Seduta dal 9 Dicembre 1875 г.). Наконецъ, по доставленнымъ Howard association изъ Бельгіи оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, за десятилѣтіе 1846—1855 г., при исполненіи смертныхъ приговоровъ было 143 таковыхъ и 36 случаевъ исполненія смертной казни, въ десятилѣтіе 1876—1885 было 87 таковыхъ приговоровъ и ни одного случая исполненія (Official statistics 1890 г.).

дахъ лишь 1 лицо, затѣмъ въ 1859—61 годахъ число простыхъ убійствъ противъ 56—58 годовъ уменьшилось на 54 случая. Далѣе въ 1855—57 годахъ было казнено за предумышленное убійство 64 лица, число же осужденныхъ за это преступленіе=128. Между тѣмъ въ 1858—1860 годахъ было казнено за то же преступленіе только 10-ть лицъ, при числѣ осужденныхъ въ три указанные года, равномъ только 85 вмѣсто 128 [66]).

Должно сверхъ того замѣтить, что увеличеніе преступности въ Пруссіи въ 1878 году, сравнительно съ таковой же въ началѣ 60-хъ годовъ, ничего не доказываетъ относительно смертной казни и потому, что въ 1866 году Прусское уголовное уложеніе было распространено на значительную территорію дотолѣ самостоятельныхъ государствъ, присоединенную къ Пруссіи послѣ войны 1866 года, а также и въ виду общаго огромнаго подъема преступности послѣ Франко-Прусской войны, связь которой съ непримѣненіемъ смертной казни рѣшительно ничѣмъ не удостовѣряется, такъ какъ въ указанный періодъ растутъ въ числѣ и преступленія, къ которымъ примѣняются законы во всей строгости и не дается помилованія [67]).

Указанное Гарофало увеличенія числа убійствъ во Франціи за послѣднее время, конечно, вѣрно, но невѣрно связывать это обстоятельство съ системой бывшаго президента Греви помилованія убійцъ. По Французской уголовной статистикѣ за время съ 1826—1880 годъ, раздѣленное на 11 пятилѣтій оказывается пониженіе въ ходѣ преступленій противъ жизни, не смотря на указанное мною выше огромное различіе пропорціи исполненныхъ и неисполненныхъ приговоровъ о смертной казни въ первое и послѣднее пятилѣтіе [68]).

---

[66]) Эти данныя заимствованы изъ монографіи Іона, Über die Todesstrafe 1867 года.

[67]) Holtzendorff, Nuove esperienze sulla pena di morte въ Rivista penale Vt XVII, стр. 139.

[68]) Ср. выше стр. 170 настоящей 2-й главы. Ср. также Jules Socquet Contribution à l'étude statistique de la criminalité en France de 1826—1880. Lyon 1884 г. съ предисловіемъ Bronardel, гдѣ этотъ ученый заявляетъ: „Contrairemen·

Если же оказывается, что случаи убійствъ въ послѣднее время умножаются во Франціи, то это явленіе гораздо естественнѣе объясняется нѣкоторыми анормальными условіями, какъ относящимися спеціально къ карательной дѣятельности, такъ и болѣе общаго, соціальнаго свойства. Къ условіямъ перваго рода относится полное разстройство тягчайшаго наказанія лишенія свободы, каторжныхъ работъ по закону 30 Мая 1854 года, оказывающагося лишеннымъ репрессивнаго характера и представляющагося для преступниковъ болѣе желательнымъ, чѣмъ непосредственно низшее на карательной лѣстницѣ наказаніе—réclusion. А такъ какъ смертная казнь обыкновенно замѣняется каторжными работами, то и выходитъ, что для тягчайшихъ преступленій не существуетъ соотвѣтствующихъ имъ по силѣ репрессіи карательныхъ средствъ [69]). Дру-

---

à ce que l'on admet généralement la criminalité contre la vie des personnes adultes n'augmente pas en France, elle diminue. Тоже удостовѣряется и въ докладѣ Министра Юстиціи президенту республики La justice pénale en France de 1826—1880 г. И въ самомъ дѣлѣ, какъ это указываетъ и Ферри, число дѣлъ о предумышленномъ убійствѣ, отравленіи, отцеубійствѣ и простомъ убійствѣ опускается съ 560 въ 1825 году до 423 въ 1881 году, не смотря на послѣдовавшее увеличеніе народонаселенія, тогда какъ въ первомъ году смертная казнь была исполнена 197 разъ, а въ послѣднемъ 1 разъ.

[69]) Критика устроенія каторжныхъ работъ, а равно требованіе реформы лишенія свободы для тягчайшихъ преступниковъ на основаніи режима одиночнаго заключенія у Lucas, De l'état anormal de la répression en matière de crimes capitaux Titre III. § 1—2. Указанныя свойства наказанія каторжныхъ работъ повели съ одной стороны къ изданію ряда новыхъ регламентовъ, 1888, 1890 и 1891 годовъ, вводящихъ строгій дисциплинарный порядокъ для каторжныхъ, а съ другой стороны къ выработкѣ закона Berenger. Проэктъ этого закона предлагаетъ восьмилѣтнее одиночное заключеніе для осужденныхъ къ каторгѣ безъ срока передъ транспортаціей такихъ лицъ и распространяетъ это правило на всѣхъ осужденныхъ, коимъ смертная казнь замѣнена каторжными работами безъ срока (Bulletin de la société générale des Prisons 1887 г., стр. 658—665, проэктъ закона съ мотивами). Сенатъ принялъ этотъ законъ съ уменьшеніемъ одиночнаго заключенія на два года (Bulletin за 1888 г. стр. 682—698). А коммиссія Палаты депутатовъ совсѣмъ передѣлала его, предложивъ отбытіе наказанія въ предѣлахъ отечественной территоріи, далѣе установивъ одиночное заключеніе до одного и двухъ лѣтъ для временной каторги 5 и 10 лѣтней, наконецъ одиночное заключеніе трехъ-лѣтнее для осужденныхъ къ безсрочной каторгѣ, а равно осужденныхъ къ таковой взамѣнъ смертной казни. Транспортація по проэк-

гимъ крайне неблагопріятнымъ условіемъ является, по сознанію Французскихъ криминалистовъ и тюрьмовѣдовъ, крайняя медленность осуществленія закона 1875 года объ одиночномъ заключеніи для всѣхъ осужденныхъ къ лишенію свободы не свыше года, зависящая отъ недостатка доброй воли департаментовъ и ведущая къ тому, что реформа краткосрочнаго лишенія свободы по закону 1875 года отодвигается на десятки лѣтъ. Крайне неблагопріятно отражается на репрессіи и устарѣвшій Наполеоновскій уголовный кодексъ, къ преобразованію котораго приступлено въ настоящее время, благодаря между прочимъ настойчивымъ указаніямъ Люка̀, учрежденіемъ въ 1887 г. по декрету президента республики коммиссіи для составленія проэкта новаго уголовнаго кодекса. Къ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ уголовно-правоваго свойства присоединяются условія, коренящіеся во внутреннихъ порядкахъ современнаго республиканскаго строя Франціи. Не имѣя возможности распространяться по этому предмету, укажу лишь на крайне печальную постановку первоначальнаго образованія, вслѣдствіе оффиціально-антирелигіознаго направленія. Эта особенность Французскаго внутренняго строя слѣдующимъ образомъ характеризуется почтеннымъ Гоуардовскимъ обществомъ. „Увеличеніе преступленій во Франціи достаточно объясняется страшнымъ административнымъ преступленіемъ лишенія молодаго поколѣнія религіозной свободы. Служители евангелія изгнаны изъ школъ, атеисты ихъ замѣнили, библейскія картины отняты у дѣтей, имя Господне вычеркнуто изъ школьныхъ книгъ, христіанскія сестры удалены изъ больницъ и замѣнены женщинами худшаго качества для ухода за больными и умирающими“ [70]).

ту Палаты допускается въ заморскія колоніи по отбытіи части наказанія (указ. изд. 1891 г. La peine des travaux forcés substitués à la peine de mort, rapport de Hausmann стр. 749—755).

[70]) Howard Association Annual Report Octobre 1891 г. стр. 911. Этотъ рѣзкій отзывъ авторитетнаго Англійскаго общества и указаніе связи отмѣченнаго явленія съ усиленіемъ преступности находитъ подтвержденіе у значительнѣйшихъ французскихъ криминалистовъ и тюрьмовѣдовъ. Такъ Adolphe Guillot (Les

Затѣмъ примѣръ Швейцаріи, пересмотръ въ 1879 г. 65 ст. федеральной конституціи 1874 года, запрещавшей кантонамъ сохранять въ своемъ законодательствѣ, или вновь вводить у себя смертную казнь, въ смыслѣ отмѣны этого запрета, не можетъ служить доводомъ въ пользу смертной казни [71]). Отмѣна 65-й ст. федеральной конституціи была достигнута незначительнымъ большинствомъ при народномъ голосованіи 200,485 голосовъ, т. е. 52% всѣхъ лицъ, подававшихъ голоса противъ 181,588 т. е. 47,5%, что указываетъ на сильное разногласіе въ мнѣніяхъ. Далѣе, правомъ внесенія смертной казни въ законодательство воспользовались съ 1879 года по настоящее время всего 8 кантоновъ,

---

Prisons de Paris 1890 г. ch. XI) объясняетъ усиленіе преступности въ департаментахъ, гдѣ наименѣе безграмотныхъ, безбожной школой (L'école sans Dieu). Ср. также превосходныя страницы противъ полнаго исключенія религіознаго элемента во Французскихъ щколахъ подъ предлогомъ мнимо нейтральнаго отношенія къ религіи у Joly La France criminelle 1879 г. Ch. XII. Instruction et ignorance. Наравнѣ съ устраненіемъ религіознаго элемента въ школѣ во Франціи происходитъ и ослабленіе религіознаго элемента въ тюрьмахъ, что наглядно выражается крайнимъ пониженіемъ вознагражденія тюремныхъ духовниковъ Палатой депутатовъ при обсужденіи тюремнаго бюджета въ 1888 году. Сенаторъ Беранже характеризовалъ эту мѣру въ Сенатѣ въ слѣдующихъ рѣзкихъ выраженіяхъ: Je prétends soutenir qu'elles (т. е. les réductions) désorganisent absolument le service réligieux; non seulement qu'elles sont trés manvaises par le sentiment, qui les a dictées, mais qu'elles sont impraticables, que l'administration penitentiaire sera daus l'impossibilité avec ces faibles ressources de maintenir partout un service réel. Послѣ противудѣйствія Палатѣ депутатовъ по этому вопросу Сенатъ къ сожалѣнію долженъ былъ уступить, ср. Bulletin de la Société génerale des Prisons 1888 г. Budget penitentiaire a la Chambre des déprutes, au Sénat et a le Chambre des deputés стр. 400 и сл. 536 и сл.

[71]) Относитекьно движенія въ Швейцаріи, приведшаго къ пересмотру ст. 65 союзной конституціи ср. составленный мною очеркъ въ докладѣ коммиссіи Московскаго Юридическаго общества относительно 2 ст. проэкта уголовнаго уложенія Редакціонной коммиссіи (Юрид. Вѣст. 1883 г. № 3, стр. 448—452). Новѣйшія свѣдѣнія въ текстѣ излагаются мною на основаніи работы Dr. Guillaume Etat actuel de la question de la peine de mort en Suisse въ Zeitschrift für Schweizerische Statistik 3 и 4 Quartalhaft 1886 г., а равно капитальнаго оффиціальнаго изданія, въ которомъ собраны и сопоставлены уголовные законы Швейцарскихъ кантоновъ въ виду предстоящаго объединенія Швейцарскаго уголовнаго права: Carl Stooss Les Codes pénaux Suisses rangés par ordre de matiéres et publiés à le démande du Conseil féderal 1890 г.

представляющихъ 20% всего населенія, а именно: Appenzell Inner Rhoden (въ 1880 году), Unterwalden ob dem Wald и Uri (въ томъ же году), Schwyz (въ 1881 году), Zug (въ 1882 году), St.-Gallen, Luzern, Wallis (въ 1883 году). Въ противуположность этимъ кантонамъ 17 остальныхъ, т. е. ²/₃ всѣхъ кантоновъ, невоспользовались правомъ возстановленія смертной казни. Изъ нихъ отмѣнили у себя смертную казнь ранѣе конституціи 1874 года слѣдующіе: Нёвшательскій съ 1854 года, Тессинскій и Женевскій съ 1871 года, Базель-городской съ 1872 года, Базель-сельскій съ 1873 года, Бернскій съ 1874 года. Ни одна смертная казнь не была исполнена до настоящаго времени въ Базелѣ-городскомъ съ 1819 года, въ Фрейбургѣ съ 1832 года, въ Гларусѣ съ 1836 года, Солотурнѣ съ 1854 года, Шафгаузенѣ съ 1848 года, Граубюнденѣ съ 1847 года, Вадтѣ съ 1867 года, Швицѣ съ 1840 года, Женевѣ съ 1861 года. Долгій опытъ, удостовѣрилъ въ указанныхъ кантонахъ относительно возможности обходиться безъ смертной казни, такъ какъ усиленія преступности въ связи съ отмѣной смертной казни не было замѣчено [72]). До какой степени движеніе 1879 года въ пользу смертной казни мало соотвѣтствовало истинной потребности, это доказывается, сверхъ оппозиціи наиболѣе компетентныхъ лицъ даже въ тѣхъ кантонахъ, которые вновь ввели ее, еще слѣдующимъ любопытнымъ событіемъ въ Цюрихскомъ кантонѣ. 27 Мая 1883 года, вопреки отклоняющаго введеніе смертной казни заключенія великаго Совѣта, 28,394 голосами противъ 25,259 голосовъ при народномъ голосованіи было рѣшено въ принципѣ возстановить ее. Когда же вслѣдствіе этого рѣшенія потребовалось внести въ конституцію кантона постановленіе о смертной казни за убійство, то это предложеніе 5 Іюня 1885 года было отвергнуто 27,577 голосовъ противъ 21,377 т. е. вопросъ о смертной казни оказался перерѣшеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ [73]). Слѣдуетъ, далѣе, замѣтить,

[72]) Указ. работа д-ра Гильома стр. 183—187.

[73]) Ср. въ указ. работѣ доктора Guillaume обсужденіе вопроса, слѣдуетъ ли

что смертная казнь въ нѣкоторыхъ возстановившихъ ея кантонахъ обставляется процессуальными постановленіями, которыя должны вести къ ограниченію ея дѣйствительнаго примѣненія. Такъ въ Цугѣ требуется для смертнаго приговора большинство 5 изъ 7 судей, въ Люцернѣ предоставляется судьѣ опредѣлять вмѣсто смертной казни при смягчающихъ обстоятельствахъ пожизненное заключеніе. Если, такимъ образомъ, самъ законъ въ указанныхъ кантонахъ позаботился отъ ограниченіи примѣненія смертной казни, то съ другой стороны и Швейцарская судебная практика, подобно практикѣ другихъ государствъ, свидѣтельствуетъ, что въ наше время угроза смертной казни въ законѣ крайне рѣдко можетъ осуществляться въ дѣйствительности.

И въ самомъ дѣлѣ, до самаго послѣдняго времени, въ Швейцаріи, не смотря на возстановленіе смертной казни въ восьми кантонахъ, не было ни одного случая дѣйствительнаго ея исполненія. Въ С. Галленѣ она была въ одномъ случаѣ назначена по суду за дѣтоубійство, но великій Совѣтъ замѣнилъ ее лишеніемъ свободы. Въ Люцернѣ на первыхъ же порахъ послѣ введенія смертной казни, въ 1885 г. нѣкій Матманнъ былъ осужденъ къ смертной казни за убійство своего ребенка при отягчающихъ обстоятельствахъ. И тѣмъ не менѣе, при разсмотрѣніи ходатайства осужденнаго о помилованіи въ великомъ Совѣтѣ, членъ этого Совѣта, притомъ принадлежащій къ консервативной партіи, Сегессеръ энергически вы-

---

признать, что постановленіе 27 Мая 1883 года сохраняетъ силу на томъ основаніи, что 5 Іюля 1885 года разрѣшался не принципіальный вопросъ о возстановленіи смертной казни, окончательно разрѣшенный въ 1883 году, а вопросъ о способѣ ея введенія? Почтенный авторъ приходитъ къ заключенію, по моему мнѣнію, совершенно правильному, что въ 1883 и 1885 годахъ разрѣшался одинъ и тотъ же принципіальный вопросъ, такъ какъ ни одинъ голосъ не подавался противъ способа исполненія смертной казни, предложеннаго великимъ Совѣтомъ, и 5 Іюня 1885 г. также какъ и 27 Мая 1883 г. приверженцы смертной казни были за сдѣланное предложеніе, а противники—противъ него. „C'est donc bien la peine de mort, qui a été condamnée le 5 Juillet 1885 à Zurich et ce fait semble annuler purément et simplement le vote de 1883 года“ (указ. ст. стр. 182 и 183-я).

сказался за замѣну смертной казни пожизненнымъ заключеніемъ, которое и было даровано убійцѣ 95 голосами противъ 35 [74]). Докторъ Гильомъ замѣчаетъ въ своей статьѣ, что такой исходъ дѣла Матманна равняется фактической отмѣнѣ смертной казни въ Люцернѣ, и объясняетъ результатъ послѣдняго голосованія въ Цюрихѣ впечатлѣніемъ, произведеннымъ помилованіемъ Матманна [75]). Другой случай, возбудившій вопросъ о примѣненіи смертной казни, произошелъ въ Люцернскомъ кантонѣ въ 1890 году. Нѣкій Кауфманнъ былъ признанъ виновнымъ въ отцеубійствѣ, совершенномъ при отсутствіи всякихъ смягчающихъ обстоятельствъ, и осужденъ къ смертной казни. Существовало столь сильное предположеніе въ пользу того, что приговоръ будетъ исполненъ, что кантональное правительство сдѣлало уже всѣ нужныя приготовленія къ смертной казни и вызвало палача въ Люцернъ. Тѣмъ не менѣе, великій Совѣтъ, разсмотрѣвъ просьбу Кауфманна о помилованіи, 74 голосами противъ 49 удовлетворилъ этому ходатайству, постановивъ подвергнуть Кауфманна пожизненному заключенію, усиленному пятилѣтнимъ одиночнымъ содержаніемъ. Въ виду Совѣта, кромѣ ходатайства о помилованіи защитника подсудимаго, было еще два ходатайства: Henry изъ Женевы и тюремнаго директора въ Люцернѣ, Циммермана. Послѣдній заявилъ Совѣту, что, по его мнѣнію, освобожденіе Кауфманна отъ смертной казни не представляется угрозой для общественной безопасности, такъ какъ онъ не обычный преступникъ, и просилъ Совѣтъ ввѣрить ему преступника [76]).

---

74) См. рѣчь Сегессера въ указ. статьѣ д-ра Гильома стр. 181-я. Сегессеръ окончилъ ее слѣдующими словами: „Я достигъ возраста, когда всякій день я могу ожидать призыва къ другой жизни, я не хотѣлъ бы явиться передъ Вѣчнымъ Судьей съ окровавленными руками“.

75) Указ. статья стр. 182-я.

76) Ср. отчетъ о засѣданіи великаго Совѣта въ Berner Zeitung 1890 года № 191 отъ 14 Августа. Въ той же газетѣ въ № 186 отъ 9 Августа за нѣсколько дней до рѣшенія великаго Совѣта была напечатана весьма интересная статья „Die Aufgabe der Begnadigungsbehörde“, гдѣ, указавъ на помилованіе Матманна, вина котораго была несравненно тяжелѣе вины Кауфманна, редакція дѣ-

Въ началѣ 1892 года, черезъ 24 года послѣ послѣдней смертной казни, исполненной въ Швейцаріи (въ Лозаннѣ 10-го Января 1868 года), 18 Марта нов. ст. въ Люцернѣ былъ казненъ Итальянецъ Gatti за убійство Маргариты Дегенъ при крайне отягчающихъ вину обстоятельствахъ. Великій Совѣтъ отвергъ просьбу о помилованіи со стороны осужденнаго, а равно таковую же просьбу тюремнаго духовника Біанкетти 87-ми голосами противъ 38-ми [77]). По этому дѣлу можно сдѣлать два замѣчанія: невольно вспоминаются предшественники Gatti, оставленные въ живыхъ Матманнъ и Кауфманнъ, и трудно отрицать поразительное неравенство въ карательныхъ послѣдствіяхъ, испытанныхъ двумя послѣдними сравнительно съ Gatti при одинаковости совершеннаго всѣми тремя преступленія. Вышеприведенное замѣчаніе Бернской газеты по дѣлу Кауфманна вполнѣ примѣняется и къ Gatti [78]). Далѣе, можно замѣтить, что Gatti—подданный страны, гдѣ смертная казнь отмѣнена въ законѣ, совершаетъ убійство въ Люцернскомъ кантонѣ, гдѣ таковая существуетъ. Здѣсь на лицо фактъ однородный съ сообщаемымъ Франческо Каррара, а именно, что онъ видѣлъ обвиняемаго, пришедшаго изъ Тосканы поддѣлывать монету въ Лукку, тогда какъ въ первой странѣ за это преступленіе не полагалась, а во второй полагалась смертная казнь [79]).

лаетъ слѣдующее заявленіе: „Welch ein grässliches Zeugniss fur die Unfähigkeit der Menschen die Gerechtigkeit auszuüben wäre es, wenn der begnadigte Mattmann dem nicht begnadigtem Kaufmann ein Blutgerüst herrichten müsste“.

[77]) О засѣданіи великаго Совѣта, а равно объ исполненіи казни надъ Gatti въ закрытомъ помѣщеніи тюрьмы см. Люцернскую газету Vaterland № 64 и 65, 1892 года. Гатти далъ сознаніе въ совершенномъ имъ преступленіи только въ послѣдніе дни передъ казнью. Изъ отзывовъ консервативныхъ органовъ, какъ напр. Vaterland, одобряющаго рѣшеніе Совѣта и утверждающаго, что въ народонаселеніи кантона было сильное движеніе въ пользу исполненія приговора, можно однако видѣть, что казнь Гатти встрѣтила сильную оппозицію въ газетахъ противуположнаго направленія.

[78]) На неравенство и произволъ въ судебной практикѣ, когда „одинъ разъ дается помилованіе, а въ другой разъ не дается“, указываетъ и „Oberländisches Volksblatt“ въ своей статьѣ по дѣлу Gatti (25 Марта 1892 года).

[79]) Opuscoli II. Sulla crisi legislativa in Italia стр. 172.

Указаніе Гарофало на связь уменьшенія тягчайшей преступности въ Англіи [80]) съ болѣе частымъ примѣненіемъ смертной казни совершенно упускаетъ изъ виду огромныя и почтенныя усилія, сдѣланныя въ указанной странѣ какъ по части улучшенія тюремныхъ порядковъ, такъ и въ особенности по части дополнительныхъ къ карательной системѣ средствъ борьбы съ преступностью [81]). Приписывать болѣе частому дѣйствительному исполненію смертной казни въ Англіи завидное уменьшеніе преступности въ этой странѣ не приходится [82]). Выше уже было показано, что не смотря на болѣе частое исполненіе смертной казни сравнительно съ другими странами Европы, обвиняемые въ убійствѣ и тамъ имѣютъ несравненно болѣе шансовъ избѣжать отвѣтственности, а изъ осужденныхъ къ смертной казни половина избѣгаютъ этого наказанія.

Необходимо, далѣе, остановиться на заявленіяхъ Гарофало, а равно

---

[80]) Уменьшеніе преступности въ Англіи за 20 лѣтъ, т. е. за періодъ съ 1869 по 1888 годъ=35,1%, при увеличеніи народонаселенія къ послѣднему году противъ 1869 года на 6½ милліоновъ лицъ. Въ 1869 году одинъ преступникъ приходился на 254,3 лицъ населенія, въ 1888 году одинъ преступникъ приходился на 506,3. (Ср. Grosvenor Statistics of the abatament in crime in England and Wales in twenty years ended 1887—1888 г., Journal of the royal Statistical Society 1890 г.).

[81]) Въ указанномъ въ предшествующемъ примѣчаніи докладѣ Англійскому статистич. обществу крайне утѣшительный результатъ значительнаго уменьшенія преступности въ Англіи объясняется успѣшной дѣятельностью полиціи, развитіемъ Reformatory и Industrial Schools, Discharged Prisoners-Aid Societies, и наконецъ изданіемъ „Summary Juridictions Act" 1879 г. содѣйствовавшаго быстрому слѣдованію наказанія за проступкомъ (указ. работа Part IV. Some probable causes of the general abatement of crime стр. 403—405).

[82]) Въ изданіи Гоуардовскаго Общества „Official statistics and reports on capital punishment" (1890) встрѣчается слѣдующее указаніе: „Жизнь и собственность были крайне мало обезпечены въ Англіи при широкомъ употребленіи виселицы въ XVIII столѣтіи. Джонъ Гоуардъ издалъ таблицу случаевъ исполненія смертной казни въ одномъ Лондонѣ въ теченіе 23-хъ лѣтъ, оканчивавшихся въ 1771 году. Изъ нея видно, что тогда было въ семь разъ болѣе случаевъ смертной казни, чѣмъ въ соотвѣтствующій періодъ, оканчивающійся въ 1871 году. Но въ эру королевы Викторіи жизнь и собственность пользуются несравненно большей безопасностью, чѣмъ столѣтіе тому назадъ, когда Лондонцы не могли отправляться въ окрестности столицы, не подвергая опасности своей жизни отъ разбойниковъ".

Бельтрани-Скаліа относительно усиленія преступности въ Тосканѣ въ связи съ отмѣной смертной казни въ этой странѣ, заявленіяхъ, идущихъ въ разрѣзъ съ прочно сложившимся убѣжденіемъ. Къ періоду, слѣдовавшему непосредственно за отмѣной смертной казни въ 1786 году и ознаменованному, по словамъ Бельтрани-Скаліа, усиленіемъ преступности, относятся слѣдующія данныя, сообщаемыя Карминьяни. Въ 1787 году было совершено два убійства, точно также по два было совершено въ 1788 и 1789 году. Въ 1790 году не было совершено ни одного. Въ 1791 году убійства достигли до цифры 4-хъ, въ 1792 году—до десяти, въ 1793 году—до девяти, въ 1794 году—до семи и до такой же цифры до Августа 1795 года, времени возстановленія смертной казни. Однако, по объясненіи Карминьяни, отмѣна смертной казни тутъ не причемъ. И въ самомъ дѣлѣ въ 1786—1790 годахъ убійства были рѣдки, не смотря на отмѣну смертной казни. Увеличеніе таковыхъ Карминьяни объясняетъ ослабленіемъ полицейской бдительности и предупредительной дѣятельности, что явствуетъ какъ изъ свойства убійствъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были совершены въ дракѣ, такъ и изъ многочисленности убійствъ, совершенныхъ иностранцами послѣ возстановленія смертной казни въ 1795 г. [83]).

Ссылка Гарофало на повышеніе числа осужденныхъ за убійство съ 14 въ 1854—59 г. при наличности смертной казни до 21 въ 1869 г. при отмѣнѣ ея можетъ столько же доказывать увеличеніе репрессіи, сопутствующей отмѣнѣ смертной казни, сколько и увеличеніе числа преступленій вслѣдствіе отмѣны смертной казни. Что число преступленій въ Тосканѣ не увеличилось съ отмѣной смертной казни въ 1853 году, это подтверждаетъ тотъ же министръ Вакка, у котораго Гарофало заимствовалъ свои свѣдѣнія объ осужденныхъ за два періода, наличности и отмѣны смертной казни. Изъ вычисленія, сдѣланнаго Вакка, оказывается, что съ 16-го Апрѣля 1852 года, дня возстановленія смертной казни въ Тосканѣ, до

---

[83]) Указ. выше соч. примѣч. 80 къ стр. 95.

30 Апрѣля 1859 года, дня отмѣны таковой было совершено, 27 умышленныхъ убійствъ, а съ 1-го Мая 1859 года и до 1-го Ноября 1864 года оказывается 22 случая убійствъ [84]). Что касается до умноженія обвиненій въ Флорентинской апелляціонной Палатѣ противъ періода 1855—1859 года въ періоды 1859—1864, 1882—1885 годы, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что 1859—1869 годы совпадаютъ съ переходнымъ временемъ, когда Тоскана отъ Лотарингской перешла къ Піемонтской династіи т. е. съ эпохой огромнаго соціальнаго и политическаго переворота. Относительно періода 1881—1885 годовъ слѣдовало бы доказать, что увеличеніе преступности, указываемое Гарофало, представлялось болѣе значительнымъ, чѣмъ въ остальной Италіи, гдѣ смертная казнь осталась въ законѣ.

За устраненіемъ указанныхъ доводовъ можно привести слѣдующія данныя, удостовѣряющія, что отмѣна смертной казни не вліяла неблагопріятно на преступность въ Тосканѣ. Существуетъ важный документъ, докладъ правительственной коммиссіи 1809 года Наполеону 1-му, въ которомъ указывается, что уголовная статистика трехъ послѣднихъ лѣтъ правленія великаго герцога Леопольда представляла болѣе чѣмъ на половину меньшее число преступленій сравнительно съ числомъ таковыхъ, совершенныхъ въ одинаковый періодъ правленія королевы Этрурской, хотя въ послѣднемъ періодѣ и была возстановлена въ Тосканѣ смертная казнь [85]). Такъ, далѣе, по свидѣтельству Манчини въ его объяснительной запискѣ къ проэкту 1876 года, не существуетъ разницы въ пропорціи, какъ преступности къ народонаселенію, такъ и тягчайшихъ преступныхъ дѣяній къ общей массѣ таковыхъ въ провинціяхъ Тосканы и Лукки съ 1860—1876 годъ (т. е. послѣ отмѣны смертной каз-

---

[84]) Цитата заимствована изъ доклада коммиссіи Палаты Депутатовъ 1888 г. о проэктѣ Занарделли (Relazione della Commissione della Camera dei deputati 1888 г. стр. 50).

[85]) Этотъ документъ приводится въ книгѣ Sclopis La domination des Francais en Italie 1861 г. Цитата заимствована мною изъ указ. выше доклада парламентской коммиссіи о проэктѣ Занарделли (ст. 49).

ни въ указанныхъ провинціяхъ), сравнительно съ другими Итальянскими провинціями, подчиненными Сардинскому уложенію, сохранившему смертную казнь [86]). Изъ статистическаго изслѣдованія Curcio 1872 г. относительно двухъ десятилѣтій 1852—1862 и 1862—1872 годъ явствуетъ, что облагавшіяся ранѣе смертной казнью преступленія уменьшились на 14 въ округѣ Флоренціи и увеличились до 40 въ округѣ Лукки, въ цѣломъ же оказалось уменьшеніе на 4 во всей Тосканѣ [87]). Къ тому же выводу приводитъ исчисленіе средняго числа убійствъ въ трехлѣтіе съ 1873 года по 1875 годъ сравнительно съ среднимъ населеніемъ въ это трехлѣтіе въ 16-ти провинціяхъ въ Италіи. Изъ него слѣдуетъ, что тогда какъ Тоскана, Эмилія и Ломбардія даютъ меньшій процентъ на милліонъ жителей (первая—3,08, вторая—3,07, третья—3), Пулья, Мархія, Базиликата, Сардинія, Калабрія, Абруццы, Кампанья, Умбрія, Римская провинція и Сицилія, относительно которыхъ въ отличіе отъ Тосканы, смертная казнь сохранена въ законѣ, даютъ постепенно повышающійся процентъ, доходящій до 5,47 въ Сардиніи, 7,93 въ Калабріи, 8,16, 7,33 въ Абруццахъ и Кампаніи, 13,82 въ Римѣ, 14,28 въ Сициліи [88]). Изъ этихъ цифръ явствуетъ, что смертная казнь не въ силахъ подавить дурныхъ условій общественной нравственности въ южныхъ мѣстностяхъ Италіи, слѣдуетъ, далѣе, съ другой стороны, что отсутствіе смертной казни сочетается съ низшей преступностью въ Тосканѣ, что наконецъ Тоскана безъ смертной казни и нѣкоторыя провинціи сѣверной Италіи, состоявшія до 1880 года подъ дѣйствіемъ смертной казни, находятся одинаково на благопріятномъ уровнѣ относительно преступности.

---

[86]) Relazione sul progetto di codice penale 1876 г. (Progetto Mancini) въ Allegati del codice penale, (Progetto Savelli 1883 г.).

[87]) Saggio statistico въ Atti del 1 Congresso giuridico. Цитата заимствована мною у Rebaudi, вышеуказанное сочиненіе стр. 79.

[88]) Эта цитата заимствована изъ статьи Angelucci, Psicologia del uomo delinquente въ Rivista sperimentale di freniatria e di medicina legale 1877 года стр. 688.

Такимъ образомъ, оказывается невозможнымъ утверждать, что въ Тосканѣ отмѣна смертной казни знаменуется усиленіемъ преступности. Затѣмъ слѣдуетъ перейти къ статистическимъ даннымъ преступности Итальянскаго королевства. Эти статистическія данныя служатъ Гарофало, какъ для осужденія практиковавшагося въ Италіи до 1889 года обычая замѣны смертной казни лишеніемъ свободы, такъ и въ особенности въ качествѣ предостереженія противъ предложенной проэктомъ Занарделли и осуществленной уголовнымъ уложеніемъ 1889 года отмѣны смертной казни. Должно замѣтить, прежде всего, что сопоставленіе цифръ осужденныхъ Неаполитанской области въ 1833 году и въ той же области въ 1880 году т. е. на разстояніи болѣе полу-столѣтія, совершенно не принимаетъ въ разсчетъ ни роста населенія за это время, ни различія процессуальныхъ учрежденій временъ Бурбоновъ съ одной стороны, временъ Савойской династіи съ другой. Сверхъ того спрашивается, насколько надежны статистическія данныя того времени? Въ этомъ отношеніи позволительно усомниться [89]).

Что касается до общей преступности Италіи, то она дѣйствительно чрезвычайно велика и никто, конечно, не подумаетъ этого оспоривать. Но если таковъ фактъ, то нѣтъ никакой надобности его преувеличивать. А между тѣмъ, такъ поступаютъ Итальянскіе антропологи криминалисты, которые безъ достаточнаго основанія оспориваютъ отмѣчаемый въ уголовной статистикѣ Италіи процессъ медленнаго, хотя и не чуждаго колебаній, пониженія тягчайшей преступности съ 1880 года по 1889 годъ. Спорить противъ этого совершенно тщетно въ виду ежегодныхъ превосходныхъ сборниковъ оффиціальной статистики Италіи. Первое указаніе этого пониженія тягчайшей преступности принадлежитъ профессору Лукки-

---

[89]) Статистика, говоритъ Бельтрани-Скаліа, продуктъ новѣйшей цивилизаціи, и если возникаютъ сомнѣнія относительно оглашенныхъ въ наше время статистическихъ данныхъ, я принимаю всегда съ недовѣріемъ таковыя, относящіяся къ половинѣ текущаго столѣтія, а равно къ изданнымъ лѣтъ 20 назадъ (указ. соч. стр. 246).

ни, изъ года въ годъ обращавшаго вниманіе на этотъ результатъ въ журналѣ Rivista penale на основаніи ежегодныхъ рѣчей прокуратуры [90]). Разсмотрѣніе статистическихъ данныхъ, относящихся къ преступленіямъ, обложеннымъ смертной казнью по Сардинскому уложенію до 1889 г. за десятилѣтіе 1880—1889 года, приводитъ къ тому, что положеніе Гарофало объ увеличеніи тягчайшей преступности въ связи съ фактическимъ устраненіемъ смертной казни до 1889 года не находитъ опоры въ уголовной статистикѣ.

Если остановиться на числѣ существенныхъ по данному вопросу квалифицированныхъ убійствъ (въ томъ числѣ и покушеній) за десятилѣтіе 1880—1889 года, удостовѣренныхъ донесеніями и жалобами прокурорскому надзору, то оказывается что таковыхъ было: 1671 въ 1880 году, 1523 въ 1881 году, 1592 въ 1882 году, 1444 въ 1883 году, 1475 въ 1884 году, 1401 въ 1885 году, 1352 въ 1886 году, 1244 въ 1887 г., 1303

---

[90]) Ср. Rivista penale, начиная съ 1883 года XVIII, Discorsi d'apertura per l'anno 1883 г. Stato e movimento della criminalita стр. 487 и сл. изслѣдованіе хода преступности, начиная съ 1880 г., приводящее къ выводу, что „преступность въ послѣдніе годы понижается; далѣе тоже изданіе 1884 года XX. Stato e movimento della criminalità стр. 499-я, 1885 года XXII—обозрѣніе хода преступности и выводъ о постепенномъ улучшеніи въ ея состояніи противъ утвержденій антропологической школы „o marea crescente della criminalità". Въ 1885 году директоръ учрежденной въ 1882 году коммиссіи уголовной статистики Bodio оффиціально удостовѣряетъ въ засѣданіи ея, что „преступность въ своей совокупности, а именно по части преступленій, наиболѣе нарушающихъ общественную безопасность, представляетъ склонность къ пониженію". Въ концѣ 1885 года вышло удостовѣряющее это положеніе изданіе „Movimento della delinquenza negli anni 1873—1884", (извлеченіе изъ него ср. въ Archives d'anthropologie criminelle 1886 года). На основаніи свода Итальянской судебной статистики за 1889 годъ (Statistica giudiziaria penale per l'anno 1889 года Roma 1891 года), цифры преступныхъ дѣяній, по которымъ послѣдовали донесенія и жалобы прокурорскому надзору за десятилѣтіе 1880—1889 года представляются въ слѣдующемъ видѣ: въ 1880 г.—290,432, въ 1881 г.—264,529, въ 1882 г.—263,019, въ 1883 г.—260,276, въ 1884 г.—253,275, въ 1885 г.—242,841, въ 1886 г.—256,101, въ 1887 г.—253,539, въ 1888 г.—269,086, въ 1889 году—276,160. Число преступленій, по коимъ производились предварительныя слѣдствія за эти года: 244,985, 204,215, 208,643, 206,636, 202,054, 198,040, 210,683, 210,316, 223,784, 231,739. (Prospetto XCVI, стр. CXLI).

въ 1888 году, 1297 въ 1889-мъ году. Число квалифицированныхъ убійствъ, разсмотрѣнныхъ судебными мѣстами, выражается за указанное десятилѣтіе слѣдующими цифрами: 943 въ 1880 году, 852 въ 1881 году, 804 въ 1882 году, 782 въ 1883 году, 690 въ 1884 году, 791 въ 1885 году, 770 въ 1886 году, 616 въ 1887 году, 538 въ 1888 году, 504 въ 1889 году. По части разбоевъ, (grassazioni), и вымогательствъ, отягченныхъ убійствомъ, разсмотрѣнныхъ ассизными судами, имѣются слѣдующія цифры: въ 1880 году 143, въ 1881 году—168, въ 1882 и 1883 году—119, въ 1884 году—80, въ 1885 году—91, въ 1886 году—78, въ 1887 году—77, въ 1888 году—67, въ 1889 году—73. Такимъ образомъ, число квалифицированныхъ убійствъ понижается съ 943 (въ 1880 году) до 504 (въ 1889 году), число разбоевъ, отягченныхъ убійствомъ, съ 143-хъ въ первомъ до 73-хъ въ послѣднемъ. При обозрѣніи числа преступленій противъ лицъ, необлагавшихся смертной казнью по Сардинскому уложенію, а именно простыхъ убійствъ и тѣлесныхъ поврежденій, повлекшихъ за собою смерть, оказывается, что эти преступленія также представляютъ понижающуюся съ нѣкоторыми колебаніями прогрессію: число таковыхъ, разсмотрѣнныхъ судебными мѣстами=2240 въ 1880 г. и 2034 въ 1889 г., съ постепеннымъ пониженіемъ въ промежуточные годы. Тоже явленіе пониженія представляютъ и разбои, не сопровождавшіеся убійствомъ, число таковыхъ, разсмотрѣнныхъ судебными вѣстами, ниспадаетъ постепенно съ незначительными колебаніями отъ 1212 въ 1880 г. и до 571 въ 1889 г. Точно также пониженіе въ числѣ представляютъ и преступленія противъ общественнаго спокойствія: число ихъ по судебнымъ приговорамъ=37,993 въ 1884 г. и 29,765 въ 1889 году [91]). Изложенныя цифры вполнѣ оправдываютъ слѣ-

[91]) Указ. изд. Prospetto XCVIII. Въ отличіе отъ указанныхъ преступленій за 10-лѣтіе 1880—1880 года оказывается увеличеніе, удостовѣренное судебными производствами, по слѣдующимъ группамъ преступленій, а) поврежденіямъ здоровья, число которыхъ увеличивается съ 64,160 въ 1884 г. до 72,948 въ 1889 году; b)

дующій отзывъ Луккини: „Есть достаточное основаніе вполнѣ довѣрять уменьшенію тягчайшей преступности въ Италіи, не смотря на отмѣну смертной казни, не смотря на господство системы законовъ, правилъ и принциповъ, осуждаемой новой школой, признаваемой ею не только несовершенной и недостаточной, но и вполнѣ ошибочной и даже просто абсурдной, смѣшной, нелогичной и способной благопріятствовать преступности“ [92]).

Слѣдуетъ сверхъ того замѣтить, что, не смотря на очень значительныя цифры преступленій противъ жизни, большинство убійствъ въ Италіи, по выраженію Бодіо, такъ сказать, импровизированныя, совершенныя въ пылу аффекта, что, по замѣчанію Луккини, значительно уменьшаетъ ихъ количественное значеніе [93]). Уменьше-

---

преступленій противъ нравственности=623 въ 1880 г. и 831 въ 1889 году; с) преступленій противъ торговыхъ уставовъ: они=480 въ 1880 г. и возростаютъ до 1351 въ 1889 г. Преступленія противъ собственности представляютъ за указанное десятилѣтіе слѣдующій ходъ: число удостовѣренныхъ судебными производствами квалифицированныхъ кражъ уменьшается съ 1880 г., въ которомъ оно= 12,194, къ 1885 году до цифры 7,541. Съ этого года оно постепенно увеличивается, достигая цифры 8068 въ 1889 году. Общая сумма всѣхъ преступныхъ дѣяній представляетъ увеличеніе съ 1883 г. по 1889 годъ съ 305,063 въ первомъ году до 370,482 въ послѣднемъ. Но какъ указано въ оффиціальномъ изданіи Итальянской уголовной статистики за 1889 г. категорія дѣлъ, производящая это увеличеніе, состоитъ изъ предусмотрѣнныхъ спеціальными законами и уставами дѣяній, представляющихъ большей частью полицейскія нарушенія (contravenzioni), подсудныя преторамъ. И въ самомъ дѣлѣ таковыя съ 82,296 въ 1884 году возвысились до 118,189 въ 1889 году, (указ. изд. Introduzione Capo VI Riassunto dello movimento della delinquenza negli anni 1879—1889 годовъ стр. CXLVI—CXLIX). Что увеличеніе преступныхъ дѣяній въ цѣломъ обусловливается увеличеніемъ малой преступности, это доказывается и данными, относящимися къ числу лицъ, осужденныхъ за 10-лѣтіе 1880—1889 г. преторами, исправительными судами и ассизными судами: тогда какъ число осужденныхъ преторами увеличивается съ цифры 1880 года=262,035 до цифры 292,041—1889 года, число осужденныхъ исправительными судами съ 66,244 1881 года уменьшается до 54,088, а число осужденныхъ ассизными судами съ 7805-ти въ 1880 году также постепенно падаетъ до цифры 5089 въ 1889 году (указ. изд. стр. CXXXVI —VII).

[92]) Le droit pénal et les nouvelles théories par Luigi Lucchini 1892 г. переводъ Итальянскаго сочиненія 1886 года I semplicisti del diritto penale съ предисловіемъ Lecointe.

[93]) Указ. Франц. изд. стр. 43.

ніе тягчайшей преступности за десятилѣтіе 1880—1889 г. оспоривается, какъ было показано выше, Гарофало на томъ основаніи, что это—легкое колебаніе, въ крайнемъ случаѣ компансирующее подъемъ преступности годовъ 78—79 и 1880 г. Однако относиться такимъ образомъ къ указываемому явленію нельзя. Весьма справедливо оцѣнивается оно нашимъ русскимъ изслѣдователемъ, Тарновскимъ, имѣвшимъ, впрочемъ, въ виду лишь шестилѣтіе съ 1880—1885 годъ. „Это пониженіе тяжкой преступности, говоритъ онъ, въ особенности отрадно въ Италіи, издавна извѣстной наибольшей частью самаго важнаго преступленія—убійства.... Конечно, продолжаетъ тотъ же авторъ, нельзя утверждать, что уменьшеніе числа преступленій будетъ идти тѣмъ же путемъ, напротивъ того, слѣдуетъ ожидать колебаній и временныхъ повышеній, но тѣмъ не менѣе рѣшительное пониженіе тяжелыхъ преступленій является несомнѣнно признакомъ улучшенія общественныхъ порядковъ въ Италіи, хотя бы въ смыслѣ огражденія человѣческой жизни“ [94]). Ферри въ послѣднемъ изданіи Nuovi Orizzonti [95]) утверждаетъ, что преступленія противъ личности за десятилѣтіе 1880—1889 ростутъ, ссылаясь на повышеніе преступленій противъ женской чести и противъ здоровья. Что касается до уменьшенія тягчайшихъ преступленій противъ жизни, явленія, называемаго имъ статистическимъ парадоксомъ, то Ферри объясняетъ это явленіе тенденціей прокурорскаго надзора, по которой эти должностныя лица, вслѣдствіе ли желанія уменьшить статистическія цифры высшей преступности или же намѣренія обезпечить себѣ обвинительный приговоръ путемъ измѣненія подсудности, предпочитаютъ квалифицировать преступленія противъ жизни, когда смерти не послѣдовало, какъ тѣлесныя поврежденія [96]). Слѣдуетъ сказать противъ этого

94) Преступность въ Италіи, Германіи и Франціи (по новѣйшимъ статистическимъ даннымъ) Е. Тарновскаго. Юридич. Вѣстникъ 1888 г. № 2-й.

95) Это 3-е изданіе вышло одновременно съ Французскимъ переводомъ 1892 года во время печатанія настоящаго моего труда. Оно вмѣсто прежняго претенціознаго названія носитъ болѣе скромное „Sociologia criminale“.

96) Sociologia criminale Cap. 2, стр. 260 и 261.

соображенія, что оно только предположеніе и что увеличеніе тѣлесныхъ поврежденій, при уменьшеніи тягчайшихъ посягательствъ противъ жизни, во всякомъ случаѣ благопріятный симптомъ общественной жизни. При этомъ необходимо замѣтить, что подъ рубрикой тѣлесныхъ поврежденій въ оффиціальныхъ сборникахъ Итальянской статистики къ таковымъ преступнымъ дѣяніямъ присоединяются и другіе проступки противъ личности, вслѣдствіе чего поврежденія здоровья искусственно увеличиваются въ числѣ (ср. Prospetto XCVIII, стр. CXLVI—CXLVII примѣчаніе а указ. Итальянскаго изданія).

Такимъ образомъ, разборъ данныхъ, относящихся къ уголовной статистикѣ Бельгіи, Пруссіи, Франціи, Швейцаріи, Англіи и Италіи, вопреки Гарофало, свидѣтельствуетъ объ отсутствіи вліянія отмѣны смертной казни на повышеніе преступности. Сверхъ того, въ пользу того же положенія можно привести еще данныя изъ судебной практики Голландіи, Португаліи, Финляндіи. По свидѣтельству Голландскаго министра Моддермана отмѣна смертной казни въ 1870 году въ Голландіи имѣла слѣдующія послѣдствія: при существованіи смертной казни съ 1860 по 1869 годъ было постановлено судами 78 смертныхъ приговоровъ; въ періодъ послѣ ея отмѣны съ 1870—1879 года было постановлено только 47 приговоровъ за такія дѣянія, которыя ранѣе влекли за собою смертную казнь. Нѣсколько иной, но тоже противурѣчащій положенію о неблагопріятномъ вліяніи отсутствія смертной казни на преступность результатъ обнаруживается при сравненіи большихъ періодовъ времени между собою. Голландскій министръ юстиціи Van Beerenbroek сообщилъ въ 1889 г. Англійскому Гоуардовскому обществу, что преступленія убійства, взятыя соотносительно къ населенію уменьшаются, среднее число убійствъ съ 1849 по 1869 годъ было 11½ въ годъ или 1 на 325,000 человѣкъ. Среднее ежегодное число убійствъ съ 1869 по 1880 г. было 13, но такъ какъ населеніе увеличилось, то одно убійство приходилось на 346,000. Въ 1878 году было совершено 14 убійствъ,

въ 1888 году—12. Относительно Португаліи имѣются оффиціальныя свѣдѣнія, что послѣ отмѣны de jure смертной казни въ 1867 году и замѣны таковой 20 лѣтнимъ заключеніемъ убійства уменьшились въ числѣ. До отмѣны смертной казни число таковыхъ преступленій никогда не падало ниже цифры 140 ежегодно, доходя въ нѣкоторые годы до цифры 220. Въ 1880 году число таковыхъ преступленій=110-ти [97]). Что касается Финляндіи, то смертная казнь въ означенной странѣ со времени Высочайшаго Манифеста 21 Апрѣля 1826 года, какъ извѣстно въ этой странѣ не примѣняется, но долговременный опытъ, по свидѣтельству Финляндскихъ юристовъ, не обнаружилъ вреднаго вліянія такой практики для общественной безопасности [98]).

VIII.

Среди различныхъ доводовъ, выставляемыхъ въ пользу смертной казни ея Итальянскими приверженцами, аргументація Кризафулли представляется съ своеобразнымъ характеромъ. Она направлена къ тому, чтобъ показать, что сами противники смертной казни непослѣдовательны, признавая ея необходимость въ видѣ исключенія, и что устраненіе этого наказанія изъ уложенія не можетъ помѣшать ея возстановленію при обстоятельствахъ, настоятельно требующихъ ея примѣненія. Эта аргументація становится повидимому на почву живой дѣйствительности, а стремленія аболиціонистовъ представляются чисто отвлеченными, такъ какъ, по словамъ Кризафулли, все сводится къ формѣ: помѣщать ли смертную казнь въ общемъ уложеніи или въ исключительныхъ законахъ. Тѣмъ не менѣе, такой способъ аргументаціи долженъ былъ признанъ по существу невѣрнымъ. Большинство противниковъ смертной казни дѣйствительно становится на единственно правильную,

---

97) Ср. Official statistics on capital punishment (1890), Гоуардовскаго Общества, Holland, Portugal.

98) Относительно Финляндіи ср. выпускъ 1-й моего настоящаго труда главу 4-ю, примѣчаніе 218 къ стр. 496.

по моему мнѣнію, точку зрѣнія, признавая это наказаніе несоотвѣтствующимъ уровню современной культуры, современнымъ требованіямъ относительно карательнаго средства, и настаивая на возможности обходиться безъ него. Эти писатели вмѣстѣ съ тѣмъ признаютъ, что не смотря на присущіе смертной казни крупные недостатки, нѣтъ возможности видѣть въ ней абсолютно незаконнаго карательнаго средства, нѣтъ разумнаго основанія оспоривать права государства на внесеніе этого наказанія въ уголовное законодательство и на примѣненіе его въ жизни [99]). Вслѣдствіе этого, возражая противъ бытія смертной казни, какъ кары за преступленія общаго права въ періодъ нормальнаго теченія государственной жизни, приверженцы указаннаго общаго начала послѣдовательно допускаютъ необходимость смертной казни при исключительныхъ

---

[99]) Къ указанному направленію, оспоривающему смертную казнь со стороны существенныхъ ея недостатковъ и отсутствія дѣйствительности, принадлежитъ Беккаріа, не смотря на то, что онъ одновременно отрицалъ правомѣрность смертной казни въ виду общественнаго договора. И въ самомъ дѣлѣ, Беккаріа, въ противурѣчіе съ такимъ отрицаніемъ, допускалъ необходимость смертной казни во времена анархіи, а равно когда она—истинное и единственное средство отвратить другихъ отъ преступленій (Dei delitti e delle pene, изд. 1834 г. гл. XVI Della pena di morte). Точно также и юридическая школа въ Италіи, идущая отъ Беккаріа, въ лицѣ Каррара оспориваетъ смертную казнь въ силу отсутствія матеріальной необходимости такой мѣры въ нормальныя времена государственной жизни (Programma II стр. 121). Другой представитель этой школы Буччелати допускаетъ смертную казнь въ видѣ изъятія для чрезвычайныхъ условій общественной жизни въ исключительныхъ законахъ, предназначенныхъ не для постояннаго отправленія правосудія, а для временной охраны общества (ср. его статью La pena di morte e il Senato Italiano, Rivista penale IV, 1876 г.). Такое же воззрѣніе находимъ у Гольцендорфа (Das Verbrechen das Mordes und die Todesstrafe 1875 г. гл. XV), у Гербста (Zur Frage der Aufhebung der Todesstrafe 1879 г., стр. 8 и 9), у Келлера (Rivista penale IV, 1876 г. La pena di morte). Укажу на точное выраженіе мысли объ исключительномъ кругѣ дѣйствія смертной казни въ объяснительной запискѣ проэкта новаго отечественнаго Уложенія: „смертная казнь, какъ мѣра взысканія, въ недалекомъ будущемъ должна исчезнуть изъ общихъ гражданскихъ кодексовъ. О ней можетъ быть рѣчь только въ законахъ чрезвычайныхъ, воспринимающихъ силу при совершенно особыхъ условіяхъ общественной жизни, когда нарушается обыкновенное теченіе правосудія и мѣры уголовныя отодвигаются на второй планъ; таковы законы, дѣйствующіе во время войны, въ виду непріятеля (объяснит. записка изд. 1885 г. стр. 36—37).

условіяхъ государственной жизни, условіяхъ крайней необходимости. Къ такимъ условіямъ относятся военное время и создаваемыя имъ особенныя требованія, случаи морскаго мятежа и разбоя, далѣе чрезвычайныя времена государственной жизни, когда борьба съ исключительной преступностью приближается скорѣе къ войнѣ, необходимой оборонѣ, чѣмъ къ отправленію нормальнаго правосудія [100]).

Трудно также оспоривать необходимость сохраненія смертной казни въ видѣ исключенія для нѣкоторыхъ спеціальныхъ порядковъ государственнаго строя,—для института воинской службы. Такимъ образомъ получается рядъ существенныхъ исключеній изъ общаго начала о возможности обходиться безъ смертной казни въ наше время. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ, какъ это утверждаетъ Кризафулли, что разъ допускаются эти исключенія, нечего хлопотать объ изъятіи смертной казни изъ уголовныхъ уложеній. Вездѣ наравнѣ съ постоянными законами мирнаго времени существуютъ законы, разсчитанные на исключительныя условія государственной жизни [101]), но исключеніе только утверждаетъ общее начало. Какъ прекрасно говоритъ Гольцендорфъ, если сравнивать государство съ кораблемъ, а правителя съ кормчимъ, то для временъ опасности кораблекрушенія необходимо допускать аварію, при которой многія цѣнныя правовыя блага отбрасываются въ силу крайней необходимости. Но между исключительными, временными

---

[100]) Такіе исключительные случаи и условія, требующіе смертной казни, указываются Гольцендорфомъ, который при этомъ цитуетъ § 4 закона о введеніи Германскаго Уголовнаго Уложенія. Въ этомъ § перечисляются 10 группъ преступленій, наказуемыхъ вообще лишеніемъ свободы, но облагаемыхъ смертной казнью на театрѣ войны или при объявленіи мѣстности въ осадномъ положеніи. Въ числѣ исключительныхъ явленій, вызывающихъ спеціальную репрессію, Гольцендорфъ указываетъ на дѣятельность анархической партіи. Angesicht der Anarchie ist die Frage zu stellen welche Mittel den inneren Friedenstand am sichersten und schellsten herzustellen geignet sind; Die Analogie des Kriegs, der Selbsthülfe und der Nothwehr ist viel mehr zutreffend als das Recht des Friedens (вышеуказ. соч. гл. XV стр. 170, курсивъ въ подлин.).

[101]) Buccellati въ указанной статьѣ цитуетъ Итальянскій законъ Pica, направленный на подавленіе разбойничества, далѣе, Англійскіе законы 1848 и 1870 года, направленные на охрану мира и безопасности въ Ирландіи.

законами и постояннымъ уложеніемъ существенная разница, и вовсе не одно и тоже, будетъ ли находиться смертная казнь въ первыхъ или послѣднемъ. По отношенію къ первымъ законамъ всѣ недостатки смертной казни отступаютъ на заднiй планъ передъ потребностями крайней необходимости. При нормальномъ теченіи государственной жизни, напротивъ, недостатки этого карательнаго средства неблагопріятно отражаются на отправленіи правосудія и тяжело ложатся на невинныхъ лицъ. Исключительные законы противъ разбойничества въ Италіи, сопровождавшіеся дѣйствительнымъ примѣненіемъ смертной казни въ началѣ 60 годовъ, сдѣлали свое дѣло и были смѣнены законодательствомъ нормальнаго времени съ минованіемъ условій, вызвавшихъ ихъ. Однако изъ того, что, какъ утверждаетъ Кризафулли, нельзя отрицать возможности возникновенія вновь необходимости подобныхъ законовъ, вовсе не слѣдуетъ, что отмѣна смертной казни въ Итальянскомъ Уложеніи была безцѣльнымъ дѣломъ. Нормальное законодательство своимъ воспитательнымъ вліяніемъ способно съуживать потребность въ примѣненіи исключительныхъ законовъ.

IX.

Вмѣстѣ съ вопросомъ о смертной казни писатели новой Итальянской школы уголовнаго права посвятили особое вниманіе вопросу объ устройствѣ особыхъ пріютовъ для содержанія лицъ душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности [102]). Эти

---

[102]) Избранный мною терминъ, общій, охватывающій всѣ случаи стеченія душевной болѣзни и совершенія преступнаго дѣянія въ одномъ лицѣ, объемлющій какъ душевно-больныхъ, совершившихъ преступленіе въ состояніи болѣзни (verbrecherische Irre, criminal lunatics), такъ и лицъ, заболѣвшихъ душевной болѣзнью при отбытіи наказанія, (irre Verbrecher, insane convicts). Для этихъ двухъ категорій я держусь терминовъ: преступные душевно-больные и душевно-больные преступники. Чижъ не допускаетъ термина „преступные помѣшанные", такъ какъ душевно-больной не можетъ быть преступникомъ и предлагаетъ такой терминъ: „душевно-больные, совершившіе дѣяніе, которое было бы преступнымъ, если бы было совершено здоровымъ" (Вѣстникъ Клинической и Судебной психіатріи и невропаталогіи 1889 г.). Вполнѣ соглашаясь въ принципѣ съ авторомъ, я нахожу, что предложенный имъ терминъ неудобенъ по его сложности.

заведенія вводятся ими въ общую систему карательныхъ учрежденій, какъ одна изъ необходимыхъ ступеней лѣстницы наказаній, что составляетъ послѣдовательный выводъ изъ общихъ воззрѣній школы, стирающихъ различіе между здоровымъ и душевно-больнымъ по отношенію къ преступности и сводящихъ наказаніе на степень единственно охраны общества посредствомъ отсѣченія порочнаго члена. Такія заведенія для душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности, manicomi criminali, разсматриваются писателями антропологической школы, какъ учрежденія, обѣщающія рядъ благодѣтельныхъ послѣдствій для общественной и частной безопясности, настойчивая же пропаганда такихъ заведеній признается ими, какъ одна изъ наиболѣе блестящихъ и безспорныхъ заслугъ „новой" школы. Вопросу о такихъ заведеніяхъ посвященъ рядъ изслѣдованій Итальянскихъ психіатровъ, какъ-то: Lombroso [103]), Biffi [104]), Tamburini [105]), Ruggiero [106]) и Virgilio [107]), его также касаются Гарофало, Ферри, Пулья. Наиболѣе характеристичными являются воззрѣнія Ломброзо и Тамбурини, на которыхъ я и остановлюсь преимущественно,—указавъ затѣмъ на нѣкоторыя разногласія съ этими двумя корифеями ихъ товарищей по изслѣдованію этого вопроса.

Прежде, чѣмъ перейти къ разбору воззрѣній Итальянскихъ писателей, необходимо указать на законодательныя попытки устроенія спеціальныхъ заведеній для душевно-больныхъ, прикосновен-

---

[103]) L'uomo delinquente изд. 2-е Cap. XVIII Terapia del delitto manicomi criminali стр. 441—464, его же Sull' istituzione dei manicomi criminali in Italia въ R. D. C. 1872 г. II, стр. 105 и сл., равно La nuova proposta di legge sui manicomi criminal' въ Arch. di Psichiatria 1881 г. II стр. 154.

[104]) Sulla fondazione d'un manicomio criminale in Italia (Sunto della memoria, R. D. C. 1872 г. стр. 426 и сл.).

[105]) J manicomi criminali (Studi bibliografici R. D. C. III, 1873 г. стр. 35—49-я). Его же Sui manicomi criminali e une lacuna della odierna legislazione (R. D. C.).

[106]) Sui pazzi criminali in Italia, Appendice all' opera del dottore Baer Le prigioni R. D. C. 1875 г. стр. 311—329.

[107]) Sui manicomi criminali, докладъ 2-му конгрессу Итальянскаго общества психіатровъ (отчетъ въ Rivista sperimentale di Freniatria 1878 г. стр. 748—749).

ныхъ преступности. Эти законодательныя попытки, частью, какъ будетъ показано, послужили основаніемъ для указанныхъ воззрѣній, частью сами возникли подъ вліяніемъ такихъ научныхъ взглядовъ, что въ особенности относится къ новѣйшимъ проэктамъ Итальянскому и Французскому.

Первое мѣсто по части практическихъ опытовъ устроенія спеціальныхъ заведеній для душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности, занимаетъ Англія, съ ея извѣстнымъ, предназначеннымъ для такихъ лицъ обширнымъ пріютомъ въ Бродмурѣ, существующимъ съ 1863 года на основаніи закона 6 Августа 1860 года (23—24 Vict), о центральныхъ государственныхъ пріютахъ для указанныхъ лицъ [108]). Должно замѣтить прежде всего, что Англія, — что обыкновенно опускается изъ виду, — знаетъ не одинъ однообразный, а нѣсколько паралельныхъ порядковъ содержанія душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности. На основаніи указаннаго закона 6-го Августа 1860 года въ Бродмуръ направляются лица, оправданныя присяжными по случаю душевной болѣзни и подлежащія безсрочному содержанію „по благоусмотрѣнію королевы", далѣе, лица, подлежащія содержанію по распоряженію секретаря внутреннихъ дѣлъ по случаю душевной болѣзни, обнаруженной при предварительномъ производствѣ или послѣ судебнаго приговора до исполненія таковаго и, наконецъ, insane convicts, забо-

---

[108]) Относительно Англійскаго законодательства о душевно-больныхъ и Бродмурскаго заведенія въ частности см. слѣдующіе труды: статью доктора Motet о Broadmoor въ Bulletin de la Société générale des Prisons 1884 г. № " и 3-й (почти дословный переводъ Nicholson A chapter of the history of criminal lunacy in England 1877 г. и отчетовъ д-ра Orange за 1878—1879 г.); далѣе работу д-ра Foville La législation rélative aux aliénés en Angleterre et en Ecosse 1885 г., книгу Ашротта Strafensystem und Gefängnisswesen in England, отдѣленіе 2-е § 18, Die Behandlung geisteskranker Verbrecher insbesondere, Enquête Парижскаго тюремнаго общества, Bulletin 1879 г., отзывы объ Англійскомъ законодательствѣ, Murray Brown, Tallack, Berwick-Baker, Layton-Lownden, Константиновскій, Русское законодательство объ умалишенныхъ, его исторія и сравненіе съ иностранными законодательствами 1887 г. приложенія, IV, стр. 169—198. Историческій очеркъ Англійскаго законодательства по разсматриваемому вопросу см. у Motet.

лѣвшія душевной болѣзнью при отбытіи наказанія. Черезъ 10-ть лѣтъ послѣ основанія Бродмурскаго центральнаго заведенія, пребываніе послѣдней категоріи душевно-больныхъ отозвалось многочисленными побѣгами и нападеніями заключенныхъ на сторожей заведенія [109]). Поэтому, секретарь внутреннихъ дѣлъ сдѣлалъ распоряженіе о содержаніи таковыхъ лицъ не въ Бродмурѣ, а въ специальномъ заведеніи (lunatic division) тюрьмы Woking. Эта мѣра дала весьма удовлетворительные результаты, въ теченіи 11 лѣтъ не было случая побѣга изъ заведенія, но съ 1886 года больные категоріи convict insane направляются снова въ Бродмуръ. Однако по смыслу указаннаго закона и существующей практики далеко не всѣ душевно-больные, прикосновенные преступности, сосредоточиваются въ Бродмурѣ. Законъ 1860 г. предоставлялъ королевѣ право дѣлать распоряженіе о содержаніи такихъ лицъ въ пріютахъ графствъ, а равно въ другихъ общественныхъ заведеніяхъ. Далѣе, заболѣвшіе душевной болѣзнью при отбытіи наказанія преступники по истеченіи срока наказанія подлежатъ перемѣщенію изъ Бродмура въ пріюты графства. Государственный секретарь внутреннихъ дѣлъ въ правѣ и самъ распоряжаться о перемѣщеніи душевно-больныхъ изъ Бродмура въ другія общественныя заведенія [110]). Наконецъ, въ Бродмуръ во всякомъ случаѣ направляются лица тяжкой преступности, лица же отбывающія наказанія въ мѣстныхъ тюрьмахъ при заболѣваніи душевной болѣзнью отводятся въ мѣстныя общественныя заведенія для душевно-больныхъ [111]). По-

---

[109]) Относительно крайняго неудобства совмѣстнаго содержанія criminal lunatics и insane convicts д-ръ Orange указывалъ въ отчетѣ 1872 г., замѣчая, что нельзя допускать, чтобы лица первой категоріи терпѣли отъ развратнаго поведенія и сквернословія лицъ второй категоріи, и несли тяжкую дисциплину, потребную для послѣднихъ. За р.зделеніе этихъ категорій высказывались и Commissioners in lunacy (ср. указ. статью д-ра Моте стр. 182—183).

[110]) Foville указ. соч. стр. 179. По словамъ Фовилля, изучившаго Англійскій порядокъ на мѣстѣ, государственный секретарь часто пользуется этимъ правомъ по отношенію къ больнымъ, по отношенію которыхъ такая мѣра представляется удобною.

[111]) Чтобы составить себѣ понятіе о составѣ населенія Brodmoor слѣдуетъ

рядковъ содержанія въ Бродмурѣ существенно подходитъ къ порядку обыкновенныхъ общественныхъ заведеній для душевно-больныхъ, поражая посѣтителей необыкновеннымъ комфортомъ. Паціенты занимаются сельскими работами и ремеслами. Комфортабельное устройство Бродмурскаго заведенія ведетъ къ чрезвычайно высокой цифрѣ расходовъ приходящихся на отдѣльнаго паціента, цифрѣ=45 фунтовъ стерлинговъ и превосходящей значительно цифру расходовъ другихъ общественныхъ заведеній [112]). Характеристическая особенность Бродмура—крайняя осторожность относительно освобожденія лицъ, совершившихъ тяжкое преступленіе въ душевной болѣзни: они не освобождаются изъ заведенія даже при полномъ изцѣленіи, когда остается опасеніе относительно возможности возвращенія болѣзни.

Въ Шотландіи содержаніе душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности, регулируется закономъ 25 Августа 1857 года. Въ этой странѣ не существуетъ отдѣльнаго пріюта, какъ Бродмуръ, а есть отдѣленіе при Пертской тюрьмѣ, куда помѣщаются лица, освобожденныя отъ уголовнаго преслѣдованія, оправданныя по суду вслѣдствіе совершенія преступленія въ душевной болѣзни, а равно лица, заболѣвшія при отбытіи наказанія. Въ отличіе отъ Англіи въ означенномъ отдѣленіи сосредоточиваются душевно-больные безъ различія осужденныхъ за тяжкія преступленія и мелкіе проступки, безъ перемѣщенія въ обыкновенное общественное заведе-

---

имѣть въ виду, что съ основанія заведенія до 31 Октября 1888 года по таблицамъ д-ра Оранжа было принято 1475 душевно-больныхъ, изъ коихъ 750 criminal lunatics и 725 insane convicts, изъ первой группы умерло 185, изъ второй 78. Было перемѣщено въ обыкновенныя общественныя заведенія, изъ первой группы 11, напротивъ изъ второй 481, по истеченіи срока наказанія таковыхъ лицъ (цитата взята изъ соч. Сандера и Рихтера Die Beziehungen zwischen Geistesstörung und Verbrechen 1886 г. статья перваго Sind besondere Anstalten für die geisteskrenken Verbrecher nothwendig стр. 339 примѣч. *).

[112]) Такая цифра указывается Ашроттомъ, какъ средняя для 1883—1884 годовъ (указ. соч. стр. 218). Въ 1887 году Парламентъ вотировалъ 38,549 фунт. стерл. на годовое содержаніе Бродмура, что составляетъ при 500 заключенныхъ расходъ въ 70 ф. на каждаго (Tallack, Penological and Preventive Principles стр. 157 примѣч. *).

ніе лицъ осужденныхъ по окончаніи срока наказанія. Наоборотъ, преступные душевно-больные категоріи „благоусмотрѣнія королевы", разъ они признаются рѣшительно безобидными, переводятся изъ Пертскаго отдѣленія въ обыкновенное общественное заведеніе. Для лицъ этого класса, хотя бы и выздоровѣвшихъ, но тѣмъ не менѣе возбуждающихъ опасеніе возврата болѣзни, по закону 1871 года допускаются условные отпуски съ разрѣшенія секретаря внутреннихъ дѣлъ [113]).

Порядокъ содержанія душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности въ С.-Американскихъ штатахъ, при всемъ разнообразіи постановленій отдѣльныхъ штатовъ, представляетъ слѣдующія общія черты. Спеціальныхъ заведеній, предназначенныхъ для указанныхъ душевно-больныхъ въ С.-Американскихъ штатахъ, за исключеніемъ Нью-Іоркскаго штата, не существуетъ. Весьма широкое участіе въ разрѣшеніи вопроса о душевной болѣзни лицъ, привлеченныхъ къ предварительному слѣдствію или преданныхъ суду, предоставлено коллегіи присяжныхъ. Признаніе наличности душевной болѣзни у такихъ лицъ влечетъ за собою обязательное помѣщеніе въ обыкновенное заведеніе для душевно-больныхъ [114]). Въ Нью-Іоркскомъ штатѣ существуетъ государственный пріютъ въ Оборнѣ. Въ этотъ пріютъ направляются обвиняемые въ наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ, указанныхъ въ законѣ, какъ-то: убійствѣ, разбоѣ, отравленіи, при признаніи ихъ душевно-больными особой коммиссіей, а равно и заболѣвшіе душевной болѣзнью при отбытіи наказанія. Осужденные къ смертной казни и заболѣвшіе душевной болѣзнью послѣ произнесенія приговора помѣщаются по распоряженію губернатора штата въ государственный пріютъ. Вы-

---

[113]) Foville указ. соч. Ecosse, стр. 181—196.

[114]) Ср. въ Enquête Парижскаго тюремнаго общества, Bulletin 1879 г. свѣдѣнія по данному вопросу, полученныя изъ слѣдующихъ Штатовъ: Индіана, Мэнъ, Пенсильванія, Виргинія, Висконсинъ, Сѣверная Каролина, Мериледнъ, Тенесси (стр. 169—177, 250—254). Переводъ постановленій этихъ штатовъ у Константиновскаго указанное соч. приложенія.

здоровленіе такого лица удостовѣряется однимъ изъ Commissioners of Lunacy и судьей верховнаго суда штата[115])

Особое значеніе по части законодательныхъ попытокъ устройства спеціальныхъ заведеній для содержанія душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности, принадлежитъ въ наше время Италіи, Франціи, Испаніи. Въ Италіи съ давняго времени, какъ въ парламентѣ, такъ и въ научныхъ кругахъ предъявлялось требованіе объ изданіи общаго закона о душевно-больныхъ, а равно постановленій о душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности. Въ этомъ смыслѣ въ 1862 году высказывались конгрессы психіатровъ въ Сіенѣ и Римѣ, а въ 1878 и 1881 году конгрессы франіатрическаго Итальянскаго общества. Къ законодательнымъ работамъ, посвященнымъ душевно-больнымъ, Итальянское правительство приступило съ 1872 года. Въ видѣ опыта для осужденныхъ, заболѣвшихъ душевной болѣзнью, было устроено отдѣленіе при карательномъ заведеніи (casa penale) въ Аверсѣ для 250—300 лицъ, опытъ который оказался удачнымъ[116]). Въ 1875 году депутатъ де-Ренцисъ предложилъ въ Палатѣ дневной порядокъ, принятый Палатой, объ устройствѣ нѣсколькихъ государственныхъ

---

[115]) Passez, Situation des aliénés criminals aux Etats Unis de l' Amerique, извлеченіе изъ статьи International Record Wines, въ Bulletin Société générale des Prisons 1890 г., далѣе Reuss Rechtsschutz der Geisteskranken auf Grundlage der Irrengesetzgebung in Europa und Nord-America 1888 г. § 35 и Das Gesetz das Staates New-Jork, также § 99 текстъ закона. Въ настоящее время существуютъ проэкты устройства спеціальныхъ заведеній для душевно-больныхъ прикосновенныхъ преступности въ штатахъ Массачузетсѣ и Иллинойсѣ.

[116]) Въ 1886 году это отдѣленіе было замѣнено спеціальнымъ заведеніемъ, устроеннымъ въ бывшей виллѣ Медичи Ambrogiana близъ Montelupo во Флорентинскомъ округѣ. Это заведеніе принимаетъ обвиняемыхъ, обнаружившихъ признаки душевной болѣзни при производствѣ дѣла, а равно заболѣвшихъ душевной болѣзнью въ мѣстахъ отбытія наказанія. Соотвѣтственно этимъ двумъ классамъ имѣются два отдѣленія: судебное и карательное. Со времени открытія заведенія съ 1886 г. въ теченіе 14 мѣсяцевъ туда поступило 116 душевно-больныхъ, въ томъ числѣ лица, содержавшіеся ранѣе въ обыкновенныхъ общественныхъ заведеніяхъ. Ср. статью Il manicomio criminale dell' Ambrogiana presso Montelupo Fiorentino въ Rivista di discipline carcerarie 1888 г. fas. 1—2, отчеты директора Ponticelli, а равно врача заведенія Algeri.

пріютовъ для душевно-больныхъ, обвиняемыхъ или осужденныхъ лицъ. Въ 1881 году министромъ Депретисомъ былъ внесенъ въ Парламентъ проэктъ закона о душевно-больныхъ. Ст. 28—36 проэкта посвящены manicomi criminali т. е. специальнымъ заведеніямъ для содержанія и леченія душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности. Таковыя заведенія учреждаются на государственный счетъ (ст. 28), они предназначаются: a) для лицъ, заболѣвшихъ душевной болѣзнью во время отбытія наказанія, за исключеніемъ лицъ, по свойству болѣзни, безобидныхъ и одержимыхъ параличемъ, равно заболѣвшихъ преходящимъ душевнымъ страданіемъ; такія лица, равно осужденные къ лишенію свободы не свыше года, остаются въ мѣстѣ заключенія (ст. 29-я); b) для обвиняемыхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, особенно многократныхъ рецидивистовъ, о которыхъ состоялось опредѣленіе о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія или оправдательный приговоръ. Судъ, признавая, по выслушаніи двухъ экспертовъ, что такія лица дѣйствительно и постоянно угрожаютъ общественной безопасности вслѣдствіе душевной болѣзни, прирожденной или пріобрѣтенной, а не преходящей, можетъ постановить о содержаніи таковыхъ въ minicomio criminale. Освобожденіе такихъ лицъ зависитъ отъ суда, по выслушаніи экспертовъ относительно безопасности этой мѣры (ст. 30-я). Заболѣвающіе во время производства уголовнаго дѣла помѣщаются по судебному опредѣленію въ обыкновенныхъ заведеніяхъ для душевно-больныхъ, но могутъ перемѣщаться и въ manicomio criminale (ст. 31). Лица, помѣщенныя въ специальное заведеніе для душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности, оставляются тамъ по истеченіи срока наказанія до полнаго исцѣленія, или отдаются семействамъ ихъ, или же переводятся въ общественныя или частныя заведенія согласно опредѣленія суда, по выслушаніи экспертовъ (ст. 34).

Въ основаніе этихъ постановленій были положены, какъ видно изъ объяснительной записки, слѣдующія соображенія: заболѣвшіе душевной болѣзнью при отбытіи наказанія лица не должны

оставаться въ мѣстѣ заключенія по недостатку медицинской помощи, а равно въ интересахъ соблюденія тюремной дисциплины. Лица, освобожденныя отъ уголовнаго преслѣдованія или оправданныя по суду по случаю совершенія ими преступленія въ состояніи душевной болѣзни, угрожаютъ значительной опасностью при отсутствіи въ законѣ мѣръ предупрежденія противъ дѣяній таковыхъ лицъ въ случаѣ возврата болѣзни. Отсюда необходимость помѣщенія такихъ лицъ въ заведенія, притомъ спеціальныя, такъ какъ они вносили бы смуту и безпорядокъ въ обыкновенныя общественныя заведенія. Возможность злоупотребленій устраняется при поставленіи этой мѣры въ зависимость отъ опредѣленія суда о необходимости таковой, при наличности сверхъ того въ моментъ дѣянія тяжкой формы душевной болѣзни, прирожденной или пріобрѣтенной [117]).

Означенный проэктъ подвергся позднѣйшей переработкѣ въ 1886 и 1890 году, но не дошелъ до парламентскаго разсмотрѣнія. Тѣмъ временемъ было издано Итальянское уголовное уложеніе 1889 г., которымъ допускалась возможность помѣщенія лица оправданнаго по случаю совершенія преступленія въ состояніи душевной болѣзни въ общественное заведеніе для душевно-больныхъ. Однако вопросъ о спеціальныхъ пріютахъ (manicomi criminali) оставался открытымъ. Этотъ вопросъ разрѣшенъ въ недавнее время новымъ Итальянскимъ тюремнымъ уставомъ, вводящимъ судебные пріюты для душевно-больныхъ (manicomi giudiziari) [118]).

---

[117]) Ср. текстъ проэкта, а равно объяснительную записку въ Rivista penale XIV, 1881 г. Rassegna parlamentare Italiana, Progetto Depretis sugli alienati e sui manicomi publici, privati e criminali стр. 433—440 и 518—527. Переводъ проэкта у Константиновскаго указ. соч. прилож. стр. 208—219. Критика проэкта у Ломброзо, Nuova proposta di legge sni manicomi criminali (Archivio di Psich. II, стр. 184—197). Разборъ Итальянскаго проэкта сравнительно съ Французскимъ правительственнымъ проэктомъ закона о душевно-больныхъ у Тамбурини: I progetti di legge sugli alienati e sui manicomi in Italia ed in Francia въ Rivista della beneficenza pubblica (Anno XI, 1883 г.).

[118]) Ordinamento generale della amministrazione carceraria 1891 г. изданный въ силу закона 14 Іюля 1889 г. о тюремной реформѣ.

Сущность постановленій новаго устава состоитъ въ слѣдующемъ: судебные пріюты, въ которыхъ сочетается карательное содержаніе и леченіе, предназначаются для осужденныхъ къ лишенію свободы свыше года, заболѣвшихъ душевной болѣзнью. Осужденные къ тюремному заключенію менѣе года, заболѣвшіе душевной болѣзнью, но безобидные, паралитики и заболѣвшіе преходящимъ душевнымъ страданіемъ оставляются въ мѣстахъ отбытія лишенія свободы, если въ нихъ существуютъ приспособленія для леченія и пребываніе такихъ лицъ не вредитъ внутреннему порядку заведенія. Въ противномъ случаѣ они отсылаются въ судебныя или обыкновенныя заведенія для душевно-больныхъ.

Обвиняемые, оправданные за силой 46 уложенія по болѣзненному разстройству душевной дѣятельности въ моментъ дѣянія и подлежащіе содержанію въ заведеніи для душевно-больныхъ, помѣщаются въ судебные пріюты для душевно-больныхъ, но въ специальное отдѣленіе. Леченіе содержащихся въ такихъ пріютахъ лицъ ввѣряется медику-хирургу психіатру, носящему званіе врачебнаго директора; но административная дирекція всегда поручается особому должностному лицу, какъ и въ обыкновенныхъ мѣстахъ отбытія наказанія [119]).

---

[119]) Regolamento generale, Disposizioni speciali pei manicomi giudiziarii ст. 469—472 и 475-я. Сверхъ судебныхъ пріютовъ новый Итальянскій тюремный уставъ знаетъ еще два типа спеціальныхъ заведеній: это Case di custodia (буквально—дома содержанія подъ стражей) и Stabilimenti penali pei condannati affetti da ubbriarchezza abituale (заведенія для обычныхъ пьяницъ). Первыя—предназначены для лицъ, признанныхъ согласно ст. 47-й уголовнаго уложенія дѣйствовавшими въ состояніи уменьшенной вмѣняемости. Такое состояніе по указанной статьѣ влечетъ понижение сроковъ назначеннаго въ законѣ за преступное дѣяніе наказанія съ отбытіемъ таковаго въ Casa di custodia до тѣхъ поръ, пока надлежащая власть не распорядится отмѣнить этотъ порядокъ исполненія наказанія. Въ этомъ случаѣ остающееся время отбывается въ соотвѣтствующемъ приговору суда карательномъ заведеніи. Поступленіе въ Casa di custodia и переводъ оттуда въ общее карательное заведеніе происходитъ по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, согласно постановленію судебной власти. Дисциплинарный порядокъ case di custodia отличается нѣкоторыми облегченіями сравнительно съ порядкомъ обыкновенныхъ мѣстъ лишенія свободы, каковы напр. отсутствіе обязательныхъ работъ, болѣе легкія дисциплинарныя

Въ объяснительной запискѣ къ уставу указывается, что, несмотря на разногласія въ наукѣ по вопросу о желательности устройства спеціальныхъ заведеній для душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности, сравнительно съ помѣщеніемъ ихъ въ обыкновенныя заведенія для душевно-больныхъ, Итальянское законодательство избрало первый способъ. Основаніемъ къ тому послужили опасенія разногласій между государствомъ и общинами при иномъ рѣшеніи, а также опасность для общежитія отъ побѣговъ душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности, изъ обыкновенныхъ заведеній, лишенныхъ возможности предупрежденія таковыхъ [120]).

Законодательныя попытки устройства спеціальныхъ заведеній для душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности, были сдѣланы въ послѣднее время въ обширныхъ размѣрахъ во Франціи, подъ вліяніемъ выставленныхъ въ указанной странѣ учеными обществами, а равно отдѣльными писателями требованій. Однако, какъ будетъ показано, это теченіе въ концѣ концовъ не привело къ положительнымъ результатамъ и даже смѣнилось теченіемъ въ противуположномъ смыслѣ. Дѣйствующій французскій законъ 1838 года о душевно-больныхъ не предусматривалъ спеціальнаго класса таковыхъ прикосновенныхъ преступности. Вызывавшіяся этимъ пробѣломъ неудобства и затрудненія повели путемъ административнаго распоряженія къ устройству въ 1876 году при центральномъ домѣ въ Gaillon отдѣленія для заболѣвшихъ душевной болѣзнью, а равно оказавшихся эпилептиками мужчинъ, осужденныхъ къ тюремному заключенію свыше года или болѣе строгому наказанію. Таковыя лица переводятся изъ мѣста отбытія наказанія въ Гальонское отдѣленіе по распоряженію министра, отъ котораго зависитъ и возвращеніе осужденнаго въ мѣсто отбытія наказанія по

взысканія, при томъ съ разрѣшенія врача (ст. 481—485). Заведеніями для обычныхъ пьяницъ служатъ отводимыя для такихъ лицъ согласно 2 п. 48 ст. Уг. Улож. особыя отдѣленія въ мѣстахъ лишенія свободы (ст. 486).

[120]) Relazione a S. E. Il Cavaliere Francesco Crispi главнаго директора тюремъ Бельтрани-Скаліа Января 1891 г. указ. изд. стр. CX.

излеченіи. По истеченіи срока наказанія, въ случаѣ непослѣдовавшаго излеченія, заключенные отдаются на попеченіе семейнымъ или же направляются въ департаментское заведеніе для душевнобольныхъ. Больные занимаются въ отдѣленіи ремесленными или земледѣльческими работами, на нихъ распространяются правила о тюремномъ трудѣ. Въ теченіе періода 1877—1882 г. въ указанномъ отдѣленіи лечилось 579 душевно-больныхъ и эпилептиковъ [121]).

Ограничивавшееся лишь одной категоріей душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности, Гальонское отдѣленіе не удовлетворяло высказывавшимся во Франціи теоретиками и практиками требованіямъ о помѣщеніи и содержаніи такихъ лицъ. Въ литературѣ эти требованія высказывались Georget въ 1828 году, Brierre de Boismont въ Annales d'hygiéne 1846 года. Legrand du Saulle требовалъ центральнаго пріюта, исключительно предназначеннаго для душевно-больныхъ, подвергавшихся уголовному преслѣдованію, или по крайней мѣрѣ спеціальныхъ кварталовъ въ четырехъ главныхъ общественныхъ заведеніяхъ Франціи. Эти требованія мотивировались особенными свойствами такихъ душевно-больныхъ, трудностью надзора за ними въ обыкновенныхъ общественныхъ заведеніяхъ, а равно вреднымъ вліяніемъ ихъ на душевнобольныхъ, не приходившихъ въ столкновеніи съ уголовнымъ закономъ [122]). Въ 1881 году, а равно въ 1882 году происходили пренія во Французскомъ медико-психологическомъ обществѣ, въ которомъ практики-психіатры, Brunet и Billod защищали спеціальныя заведенія для лицъ, совершившихъ преступленіе въ со-

---

[121]) Sur le service et le quartier spécial des détenus aliénés et épileptiques à la maison centrale de Gaillon, Note 50 Эрбетта въ Rapport fait au nom de la Commission chargée d'éxaminer la projet de loi portant révision de la loi du 30 Juin 1838 sur les aliénés par Théophile Roussel Sénateur 1884 г. Г. I.

[122]) Не имѣя подъ руками работъ Georget, Brierre de Boismont и Legrand du Saulle, я цитирую ихъ по Falret Les aliénés et les établissements pour les aliénés 1890 года стр. 211, 250 и 251, а равно Allemann, Des aliénés criminels 1891 г. Ch. V. Asiles d'aliénés criminels стр. 157 и 158.

стояніи душевной болѣзни, а равно заболѣвшихъ душевной болѣзнью при отбытіи наказанія. Должно, впрочемъ, указать и на мнѣнія, враждебныя спеціальнымъ заведеніямъ для таковыхъ лицъ, выраженныя въ собраніяхъ спеціалистовъ. На конгрессѣ душевной медицины 1889 года въ Парижѣ докторъ Rouillard внесъ предложеніе о безсрочномъ содержаніи преступныхъ душевно-больныхъ, хотя бы и излечившихся, въ виду опасности возврата болѣзни и совершенія новыхъ преступленій, но это предложеніе было отклонено конгрессомъ [123]). На одновременно бывшемъ въ Парижѣ конгрессѣ судебной медицины Garnier въ своемъ докладѣ: Sur le criminel instinctif et les droits de la défense sociale, а равно Sémal въ докладѣ: La prison—asile pour les criminels aliénés, настаивали на спеціальномъ заведеніи для инстинктивныхъ преступниковъ и преступныхъ душевно-больныхъ. Противъ нихъ высказался Лаккасань, признавая достаточнымъ устройство спеціальныхъ отдѣленій для послѣднихъ лицъ при обыкновенныхъ общественныхъ заведеніяхъ [124]). Вопросъ о спеціальныхъ заведеніяхъ перешелъ во Франціи въ область законодательныхъ постановленій въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ вмѣстѣ съ вопросомъ о реформѣ вообще законодательства о душевно-больныхъ. Учрежденная въ 1881 году Французскимъ правительствомъ для пересмотра закона 1838 г. о душевно-больныхъ коммиссія составила проэктъ реформы, внесенный въ Сенатъ. Сенатская коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Théophile Roussel, въ теченіе двухъ лѣтъ выработала значительно передѣланный ею противъ правительственнаго проэктъ. Въ сессіи 1887 года Сенатъ принялъ проэктъ этой коммиссіи съ незначительными измѣненіями. Какъ въ правительственномъ 1881 года, такъ и въ принятомъ Сенатѣ проэктѣ учреждаются два типа спеціальныхъ заведеній для душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности: отдѣленіе при тюрьмахъ для заболѣвшихъ душевной бо-

---

[123]) Ср. отчетъ въ Archives d'anthropologie criminelle 1889 г.
[124]) Ср. отчетъ въ томъ же изданіи 1889 г.

лѣзнью во время отбытія наказанія лицъ и центральные пріюты для преступныхъ душевно-больныхъ (aliénés dits criminels).

Въ отдѣленія при тюрьмахъ помѣщаются признанныя душевно-больными или эпилептиками во время отбытія наказанія лица, осужденныя къ уголовнымъ наказаніямъ и къ исправительнымъ свыше года тюрьмы. Государство устроиваетъ одинъ или нѣсколько пріютовъ для преступныхъ душевно-больныхъ обоего пола т. е. лицъ, совершившихъ преступленіе въ состояніи душевной болѣзни и освобожденныхъ отъ уголовнаго преслѣдованія, или оправданныхъ по судебному приговору въ силу невмѣняемости. Въ эти же пріюты могутъ помѣщаться душевно-больные, совершившіе преступное дѣяніе въ обыкновенномъ общественномъ заведеніи, а равно осужденные къ исправительному наказанію на срокъ ниже года, заболѣвшіе при отбытіи наказанія, когда по истеченіи установленнаго по приговору срока министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ опаснымъ освободить таковыхъ лицъ или перемѣстить ихъ въ обыкновенное заведеніе. Всякій душевно-больной можетъ быть переведенъ изъ спеціальнаго государственнаго пріюта въ пріютъ своего департамента въ силу опредѣленія министра внутреннихъ дѣлъ, состоявшагося по мотивированному предложенію врача заведенія и по отобраніи заключенія отъ высшаго комитета о душевно-больныхъ [125]).

Сенатскій проэктъ съ 5 Іюня 1888 года поступилъ на разсмотрѣніе избранной Палатой депутатовъ комиссіи, внесшей въ него существенныя измѣненія по вопросу о центральныхъ спеціальныхъ пріютахъ. Въ докладѣ, составленномъ Bourneville отъ имени комиссіи, значится, что комиссія совершенно раздѣлила взглядъ Сената относительно помѣщенія лицъ, заболѣвшихъ душевной болѣзнью въ мѣстахъ отбытія наказанія, въ спеціальныя отдѣленія при этихъ мѣстахъ, что совершенно согласуется съ существующимъ въ Гальонской тюрьмѣ порядкомъ. Напротивъ, комиссія

---

[125]) Ср. текстъ проэкта, принятаго Сенатомъ, ст. 36—38 въ указываемомъ въ слѣдующемъ примѣчаніи докладѣ Bourneville.

не видитъ основанія для отдѣленія отъ обыкновенныхъ душевно-больныхъ такъ называемыхъ преступныхъ (aliénés dits criminels). И въ самомъ дѣлѣ, таковые — больные, совершившіе преступленіе въ силу душевнаго разстройства, вслѣдствіе котораго они признаются невмѣняемыми. Они, поэтому, имѣютъ право на одинаковый порядокъ содержанія съ другими больными, т. е. въ пріютахъ своихъ департаментовъ. Помѣщать ихъ въ специальные пріюты, значило бы удалять ихъ отъ семейныхъ и незаслуженно отягощать ихъ положеніе. Къ тому же, приверженцы центральныхъ пріютовъ для преступныхъ душевно-больныхъ требуютъ помѣщенія тамъ же и душевно-больныхъ, признанныхъ особо опасными. Такая практика представляла бы важныя неудобства. Можно бояться, чтобы врачи не увлеклись подъ вліяніемъ заявленій надзирателей и надзирательницъ желаніемъ отдѣлываться отъ неудобныхъ и склонныхъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ больныхъ. Всѣ общественныя заведенія имѣютъ отдѣленія съ одиночными помѣщеніями для больныхъ такой категоріи, а равно требующихъ особаго надзора. Въ нѣкоторыхъ общественныхъ заведеніяхъ достигнуто устройство отдѣленій съ еще большими приспособленіями, чѣмъ въ обыкновенныхъ отдѣленіяхъ для буйныхъ, какъ напримѣръ въ общественномъ пріютѣ Saint Robert, близъ Гренобля. А такое приспособленіе можетъ быть сдѣлано повсюду [126]). Докладъ коммиссіи Палаты депутатовъ остался безъ разсмотрѣнія за окончаніемъ сессіи Палаты.

Въ 1890 году въ Палату депутатовъ былъ внесенъ проэктъ закона о душевно-больныхъ депутатомъ Рейнахомъ, который по вопросу о содержаніи душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности, воспроизводитъ постановленія Сенатскаго проэкта съ незначительными измѣненіями [127]). 17 Марта 1891 г. была избрана

---

[126]) Rapport fait au nom de la Commission chargée d'examiner le projet de loi adopté par le Sénat tendant à la révision de la loi 30 Juin 1838 г. sur les aliénés, par M. Bourneville, Deputé Paris 1890 г. стр. 38—39.

[127]) Proposition de loi sur le régime des aliénés, présentée par M. Joseph

коммиссія для разсмотрѣнія проэкта Рейнаха, а затѣмъ въ томъ же году указанный проэктъ былъ препровожденъ на разсмотрѣніе Высшаго совѣта публичнаго призрѣнія (Conseil supérieur de l'assistance publique). Въ указанномъ совѣтѣ членъ его Monod, сославшись на то, что среди заболѣвшихъ душевной болѣзнью преступниковъ должно различать два класса, заболѣвшихъ во время отбытія наказанія и заболѣвшихъ по истеченіи срока наказанія, требовалъ устройства отдѣльныхъ пріютовъ для каждой изъ этихъ категорій и сверхъ того отдѣльныхъ заведеній для преступныхъ душевно-больныхъ. Другой членъ, Bourneville, возражалъ, что устройство такихъ пріютовъ безполезно и что заболѣвшіе въ мѣстѣ отбытія наказанія должны содержаться въ отдѣленіяхъ при этихъ мѣстахъ, а если они безобидны, то въ департаментскихъ пріютахъ. Согласно съ этимъ заявленіемъ совѣтъ вотировалъ соотвѣтствующую таковому редакцію ст. 35 проэкта. Что касается до устройства центральныхъ пріютовъ для преступныхъ душевно-больныхъ, то совѣтъ отвергъ указанную мѣру и поэтому исключилъ статью 37 проэкта Рейнаха, посвященную этимъ пріютамъ. Постановленіе совѣта въ этомъ отношеніи состоялось подъ вліяніемъ мнѣнія извѣстнаго Magnan, утверждавшаго, что преступные душевно-больные прежде всего больные и въ качествѣ таковыхъ имѣютъ право на такой же уходъ, какъ и обыкновенные душевнобольные[128].

Напротивъ, коммиссія Палаты депутатовъ въ своемъ докладѣ высказалась за постановленія Сенатскаго проэкта о центральныхъ государственныхъ пріютахъ для преступныхъ душевно-больныхъ,

---

Reinach, Deputé 1890 г. Въ статьѣ 36 Сенатскаго проэкта о перемѣщеніи заболѣвшихъ душевной болѣзнью преступниковъ изъ тюрьмы въ спеціальныя отдѣленія проэктъ Рейнаха замѣняетъ слова: Peuvent etre conduits словами sont conduits, далѣе дополняетъ эту статью словами: всѣ другіе душевно-больные (т. е. сверхъ указанныхъ категорій) направляются въ департаментскіе пріюты.

[128]) Bulletin de la Société générale des prisons 1890 г. Aliénés criminels стр. 1000—1001, а также текстъ проэкта, принятаго Высшимъ совѣтомъ публичнаго призрѣнія въ приложеніяхъ (№ 2) къ указанному въ слѣдующемъ примѣчаніи докладу Lafont.

въ виду необходимости для такихъ лицъ особаго порядка надзора и нежелательности смѣшенія ихъ съ другими лицами, страдающими душевнымъ разстройствомъ [129]).

Въ послѣднее время и Испанія вступила на путь законодательныхъ постановленій относительно размѣщенія и содержанія душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности.

Въ представленномъ въ 1888 году Испанскому Сенату Министромъ Martinez проэктѣ предполагается устройство судебныхъ пріютовъ для осужденныхъ, заболѣвшихъ душевной болѣзнью, для обвиняемыхъ, признанныхъ душевно-больными, и для обвиняемыхъ, относительно которыхъ возникаетъ сомнѣніе о здравомъ состояніи душевной дѣятельности (ст. 2-я). Перемѣщеніе въ спеціальный пріютъ лицъ первой категоріи зависитъ отъ суда, постановившаго приговоръ. Опредѣленіе суда возбуждается прокурорскимъ надзоромъ по сообщенію директора тюрьмы и послѣ освидѣтельствованія, произведеннаго коммиссіей изъ четырехъ врачей, въ томъ числѣ двухъ психіатровъ. По излеченіи паціента судъ, по докладу директора судебнаго пріюта, можетъ представить правительству о полномъ или частичномъ помилованіи (ст. 4—11). Если и по истеченіи срока наказанія паціентъ оказывается неизлечившимся, то судъ или возвращаетъ таковаго его семейству, или распоряжается о помѣщеніи его въ обыкновенное общественное заведеніе, или наконецъ удерживаетъ его, признавая таковаго опаснымъ, въ судебномъ manicomio (ст. 12).

Что касается до обвиняемыхъ, признанныхъ душевно-больными, то судъ, по выслушаніи экспертовъ, принимаетъ противъ нихъ одну изъ трехъ указанныхъ въ ст. 12 мѣръ. По отношенію къ виновникамъ преступленія противъ личности или поджога судъ постановляетъ о содержаніи таковыхъ въ судебномъ manicomio до полнаго выздоровленія, за исключеніемъ лицъ увѣчныхъ и безобид-

[129]) Rapport fait au nom de la commission chargée d'examiner la proposition de loi de M. Joseph Reinach sur le régime des aliénés par M. Ernest Lafont 1891 г. стр. 118 и 119.

ныхъ, направляемыхъ въ обыкновенное общественное заведеніе или къ ихъ семействамъ (ст. 15—16). Но если существуетъ опасеніе возврата болѣзни, то съ разрѣшенія суда указанныя выздоровѣвшія лица подвергаются безсрочному содержанію (ст. 17-я). Наконецъ, лица, возбуждающія сомнѣнія о здравости ихъ душевнаго состоянія, содержатся въ испытательномъ отдѣленіи manicomio подъ наблюденіемъ назначенныхъ судомъ экспертовъ (ст. 25-я)[130]).

Бельгійскій законъ 1874 года незнаетъ специальныхъ заведеній для преступныхъ душевно-больныхъ или душевно-больныхъ преступниковъ, ограничиваясь требованіямъ отдѣльнаго содержанія этихъ лицъ въ обыкновенныхъ общественныхъ заведеніяхъ, указанныхъ особо правительствомъ (ст. 44). Тѣмъ не менѣе въ послѣднее время и Бельгія выработала проэктъ такихъ заведеній, учреждаемыхъ на счетъ государства, куда должны помѣщаться какъ осужденные къ уголовному или исправительному наказанію, заболѣвшіе во время отбытія наказанія, такъ и лица, оправданныя по судебному приговору по причинѣ невмѣняемости, наконецъ лица, находящіяся въ обыкновенномъ общественномъ заведеніи и обнаружившія извращенные или опасные побуды, или же опасныя по своей безнравственности для другихъ больныхъ[131]). Что касается до другихъ европейскихъ государствъ, то они не отличаютъ душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности, отъ всякихъ другихъ душевно-больныхъ путемъ изолированія однихъ отъ другихъ. Въ Германіи можно указать на нѣкоторыя тюрьмы, при которыхъ имѣются отдѣленія для заболѣвшихъ душевно-больныхъ. Такова, напримѣръ, Вальдгеймская тюрь-

---

[130]) Asiles judiciaires d'aliénés en Espagne par M-me Y. Beaury-Saurel въ Bulletin de la Société générale des prisons 1888 г. ст. 763-я, переводъ полнаго текста проэкта, см. также изложеніе содержанія проэкта у Ломброзо въ предисловіи къ Итальянскому переводу книги Drago (I criminali nati 1890 г. Sulla diffusione della antropologia criminale стр. XVIII и XIX).

[131]) Bulletin Парижскаго тюремнаго общества 1891 года, Revue pénitentiaire стр. 812—817. Противъ этого проэкта высказывается бывшій главный начальникъ бельгійскаго тюремнаго управленія Gautier de Rasse изъ за неизгладимаго пятна, которое Бельгійскій проэктъ кладетъ на несчастныхъ лицъ безъ особенной пользы для общественной безопасности.

ма въ Саксоніи. Въ нашемъ отечествѣ точно также не существуетъ спеціальныхъ заведеній для преступныхъ душевно-больныхъ и душевно-больныхъ преступниковъ. Можно только отмѣтить, что въ 1883 году главнымъ тюремнымъ управленіемъ было признано необходимымъ приспособить на счетъ тюремнаго вѣдомства два свободныхъ барака при прежней загородной больницѣ на станціи Удѣльной Финляндской желѣзной дороги для помѣщенія душевно-больныхъ арестантовъ. Съ переходомъ больницъ въ завѣдываніе С.-Петербургскаго городскаго общественнаго управленія, оно предложило передать въ пользованіе города занимавшіеся такими арестантами два барака, взамѣнъ чего обязывалось предоставить для психически больныхъ арестантовъ 30 постоянныхъ мѣстъ въ городской больницѣ Св. Николая Чудотворца, каковое соглашеніе и состоялось въ 1887 году [132]).

X.

Воззрѣнія Итальянскихъ ученыхъ, принадлежащихъ къ новой школѣ, въ главныхъ чертахъ покоятся на тѣхъ же основаніяхъ которыя, какъ показано было выше, выставлялись во Франціи по вопросу о спеціальныхъ заведеніяхъ для душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности. Такъ, по мнѣнію Ломброзо и Тамбурини, такіе душевно-больные, оставаясь въ мѣстахъ отбытія наказанія, прежде всего лишены всего необходимаго для леченія и врачебнаго надзора, далѣе такія лица становятся очагомъ смутъ, источникомъ нарушеній дисциплины. При помѣщеніи ихъ въ обыкновенныя общественныя заведенія они вносятъ туда всѣ пороки и обычаи безнравственныхъ классовъ, заводятъ ссоры и смуты, подго-

---

[132]) Ср. обзоръ десятилѣтней дѣятельности главнаго тюремнаго управленія 1879—1889 г. С.-Петербургъ 1890 г. VIII. Мѣропріятія по тюремно-санитарной части стр. 95. Поучительную и любопытную характеристику отдѣленія для душевно-больныхъ арестантовъ за 1883—1887 годы даетъ д-ръ Чижъ въ своей статьѣ: „Душевно-больные арестанты“ въ Вѣстникѣ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи 1888 г. вып. 1.

зариваютъ товарищей къ побѣгу. Они внушаютъ, далѣе, отвращеніе и страхъ въ другихъ больныхъ, непричастныхъ преступленію, и родственникахъ ихъ. Даже лица, сдѣлавшіеся жертвой преступнаго побуда, внушеннаго болѣзнью, безъ преступности въ прошедшемъ, по неспокойному нраву своему опасны для другихъ душевно-больныхъ. Поэтому для двухъ указанныхъ классовъ нужны manicomi criminali. Къ лицамъ, заслуживающимъ помѣщенія въ такія специальные пріюты, Ломброзо и Тамбурини относятъ и мормоновъ С. Америки, и анархистовъ, и членовъ Парижской коммуны, описанныхъ Laborde [133]). Только спеціальныя заведенія для душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности, могутъ устранить, по мнѣнію Ломброзо, противурѣчіе, возникающее между юстиціей и общественной безопасностью по поводу лицъ, относительно которыхъ нельзя рѣшить, болѣзнь или испорченность подвинула ихъ на преступленіе, каковы, напр. женоубійца Хоринскій, Verger, убійца-эпилептикъ Парижскаго архіепископа, Costa, убійца 18 лѣтъ [134]). По изложеннымъ основаніямъ Ломброзо требуетъ помѣщенія въ спеціальныя заведенія (manicomi criminali) слѣдующихъ лицъ: 1) Заболѣвшихъ душевной болѣзнью при отбытіи наказанія и одержимыхъ опасными маніями—поджога, убійства, половаго разврата. 2) Душевно-больныхъ, подвергавшихся вслѣдствіе подобныхъ тенденцій преслѣдованію, пріостановленному по душевной болѣзни. 3) Обвиняемыхъ въ страшныхъ преступленіяхъ безъ яснаго мотива или мотива, соотвѣтствующаго дѣянію. 4) Людей непреступнаго характера, подвинутыхъ на преступленіе обычной болѣзнью (эпилептиковъ и вообще наслѣдственниковъ). Душевно-больные, поступающіе изъ тюремъ, должны содержаться въ особыхъ отдѣленіяхъ. Другіе душевно-больные должны соединяться въ небольшихъ группахъ съ разъединеніемъ на ночь.

---

[133]) Lombroso L'uomo delinquente, изд. 2-е 1878 стр. 444—448, Sull'istituzione dei manicomi criminali in Italia въ Rivista di discipline carcerarie T. II, стр. 109—114. Tamburini I manicomi criminali тамъ же T. III, стр. 40, 45, 47.

[134]) Lombroso R. D. C. II, стр. 115.

Дисциплина должна быть строгая, надзоръ болѣе пристальный, чѣмъ въ заведеніи для обыкновенныхъ душевно-больныхъ, сходный съ тюремнымъ надзоромъ. Работы должны быть соотвѣтственныя силамъ больныхъ. Дирекція должна быть медицинская, персоналъ тюремный. Лица, признаваемыя постоянно опасными, не должны никогда освобождаться. Душевно-больные съ внезапными припадками и перемежающимся страданіемъ предназначаются къ освобожденію послѣ 2-хъ лѣтняго содержанія, они подвергаются по выходѣ изъ заведенія медицинскому осмотру въ теченіе многихъ лѣтъ [135]). Въ отличіе отъ Ломброзо и Тамбурини, Биффи значительно съуживаетъ кругъ лицъ, подлежащихъ помѣщенію въ manicomi criminali. Въ виду меньшаго процента душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности, въ Италіи (0,38%), сравнительно съ Англіей, а равно въ виду отсутствія опасныхъ свойствъ у Итальянскихъ душевно-больныхъ въ отличіе отъ таковыхъ Англійскихъ, Биффи признаетъ нужнымъ помѣщеніе въ особыхъ заведеніяхъ преступныхъ душевно-больныхъ хрониковъ, а равно лицъ, которыхъ неудобно оставлять въ тюрьмѣ. Всѣ остальные заболѣвшіе въ тюрьмѣ преступники подлежатъ содержанію, по мнѣнію Биффи, въ особыхъ больничныхъ отдѣленіяхъ при тюрьмахъ [136]). По мнѣнію доктора Ruggiero нѣтъ основанія помѣщать въ manicomi criminali лицъ, заболѣвшихъ душевной болѣзнью въ мѣстахъ отбыванія наказанія, такъ какъ, состоя подъ замкомъ, они не могутъ угрожать опасностью ни обществу, ни семейнымъ, ни самимъ себѣ. Такія лица, конечно, подлежатъ леченію, но всякое благоустроенное мѣсто отбытія наказанія должно обладать средствами леченія арестантовъ и въ томъ числѣ отдѣленіемъ для душевно-больныхъ, съ надлежащими приспособленіями. Помѣщеніе душевно-больныхъ арестантовъ въ особый пріютъ авторъ допускаетъ лишь при недостаточности тюремной больницы, а равно когда боль-

---

[135]) Lombroso L'uomo delinquente 2 изд. стр. 461—469, R. D. C. стр. 121—122.
[136]) Указ. выше статья стр. 425 и 426.

ные являются настолько безпокойными, что нарушаютъ дисциплину заведенія, или же представляются неизлечимыми. Главное назначеніе manicomio criminale—служить мѣстомъ содержанія для лицъ, совершившихъ преступленіе въ состояніи душевной болѣзни или заболѣвшихъ таковой болѣзнью во время производства дѣла до судебнаго приговора. Они во всякомъ случаѣ должны содержаться отдѣльно отъ душевно-больныхъ преступниковъ, лицъ заболѣвшихъ во время отбытія наказанія [137]).

Работа Руджеро вызвала возраженіе Тамбурини, въ которомъ особенно ясно формулируются требованія новой школы. Тамбурини не допускаетъ возможности содержанія и леченія заболѣвшаго при исполненіи наказанія преступника въ особомъ отдѣленіи при тюрьмѣ, вслѣдствіе трудности осуществленія надлежащаго врачебнаго режима и ухода, обусловленнаго особенностями душевной болѣзни у преступниковъ. Такими особенностями являются: a) опасный характеръ душевной болѣзни, коренящейся въ прирожденныхъ причинахъ, одинаково производящихъ преступность и душевную болѣзнь, и осложненной низкими инстинктами и гнусными тенденціями, b) трудность діагноза случаевъ простой испорченности и душевной болѣзни, въ виду родства между послѣдней и преступностью, c) своеобразный способъ симуляціи извѣстной формы душевной болѣзни такими лицами, при наличности у нихъ иной формы. Manicomi criminali особенно необходимы для формъ промежуточныхъ между преступленіемъ и душевной болѣзнью (zona intermedia Maudsley), къ которымъ принадлежатъ monomania intellitiva, affettiva, impulsiva и pazzia morale. Лица, одержимыя этими формами болѣзни, обыкновенно признаются виновными и вполнѣ вмѣняемыми, или признаются въ состояніи уменьшенной вмѣняемости и подвергаются наказанію, хотя и смягченному, а не леченію. Устройство manicomi criminali устранитъ разногласія между юристами и присяжными съ одной, медиками съ другой

---

[137]) Указ. выше статья стр. 311—329.

стороны. Юристы будутъ допускать эти посредствующія состоянія, зная, что признанныя свободными отъ уголовной отвѣтственности лица не будутъ находиться на свободѣ, далѣе признанныя въ состояніи уменьшенной вмѣняемости найдутъ себѣ настоящее мѣсто въ manicomi criminali. Слѣдовало бы, по мнѣнію Tamburini, допустить два типа спеціальныхъ заведеній, для двухъ категорій душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности, изъ коихъ одни носили бы названіе Manicomio penitenziario pei criminali, а другія Casa di custodia sanitaria pei pazzi pericolosi [138]).

Виргиліо высказывается за спеціальные пріюты для обѣихъ категорій, т. е. преступныхъ душевно-больныхъ и душевно-больныхъ преступниковъ, предостерегая противъ соединенія лицъ той и другой категоріи въ однихъ помѣщеніяхъ и признавая желательнымъ устройство не одного, подобнаго Бродмурскому, пріюта, а нѣсколькихъ. Такіе пріюты, по мнѣнію Виргиліо, должны носить названіе заведеній лечення и безопасности. Въ отличіе отъ нихъ должны бы учреждаться истинные уголовные пріюты (manicomi criminali) для осужденныхъ, особенно опасныхъ лицъ, одержимыхъ нравственнымъ помѣшательствомъ, симуляторовъ. Такое учрежденіе могло бы примыкать къ центральному мѣсту отбытія наказанія, какъ это предлагаютъ Крафтъ-Эббингъ и Роллеръ [139]).

Требованія Ломброзо, Тамбурини и Виргиліо относительно устроенія manicomi criminali защищаются особенно настойчиво Ферри. Ссылаясь на опытъ Англіи, Шотландіи и С. Американскихъ штатовъ, Ферри вмѣстѣ съ тѣмъ пытается опровергнуть высказанныя противъ особыхъ пріютовъ для душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности лицъ, возраженія. Въ самомъ дѣлѣ, вопреки положенію Фальре, что преступникъ, если онъ оказывается душевно-больнымъ, вполнѣ подчиняется постановленіямъ общаго права о душевно-больныхъ, должно сказать, что такой душевно-

---

[138]) Указ. выше работа въ Rivista di discipline carcerarie 1876, стр. 440—449.
[139]) Rivista sperimentale di freniatria 1878 г. стр. 748—749.

больной существенно отличается отъ другихъ больныхъ тѣмъ, что онъ убилъ, укралъ, а другіе, напротивъ, безобидны. Разсужденіе Фальре коренится на почвѣ общихъ началъ, устраняемыхъ современной наукой, что сумасшествіе — несчастіе, а преступленіе— продуктъ злой и свободной воли. А между тѣмъ должно признать, что какъ первое, такъ и второе независятъ отъ нашей свободной воли, и то, и другое представляютъ несчастіе. Точно также, по мнѣнію Ферри, устраняется возраженіе противъ Англійской системы безсрочнаго содержанія душевно-больнаго, совершившаго преступленіе, исходящее изъ того, что нельзя содержать пожизненно такихъ лицъ, не смотря на послѣдовавшее выздоровленіе, только потому, что они совершили убійство. Это возраженіе устраняется психіатріей, удостовѣряющей высокій процентъ повторнаго заболѣванія душевной болѣзнью, особенно частаго въ опасныхъ формахъ, оно, далѣе, устраняется юридически въ силу принципа соціальной защиты, пропорціональной степени внушаемаго преступникомъ страха (temibilitá), будетъ ли преступникъ больной или здоровый. Въ соотвѣтствіи съ принципами новой школы Ферри требуетъ „помѣщенія въ manicomio criminale всѣхъ душевно-больныхъ виновниковъ тягчайшихъ преступленій. Этому режиму должны подчиняться освобожденные отъ уголовнаго преслѣдованія до суда или оправданные по суду по случаю душевной болѣзни, далѣе заболѣвшіе такой болѣзнью при отбытіи наказанія, наконецъ душевно-больные, производящіе безпорядокъ въ обыкновенныхъ лечебницахъ [140]).

XI.

Таковъ научный матеріалъ, который мы находимъ въ Итальянской антрополого-позитивной школѣ уголовнаго права по вопросу о помѣщеніи душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности. Для надлежащей оцѣнки этого вопроса необходимо разсмотрѣть от-

---

[140]) Nuovi orizzonti Cap. IV, а равно послѣднее изд. этого сочиненія Sociologia criminale Cap. IV, стр. 715—721.

дѣльно предложенія дѣлаемыя по отношенію къ преступнымъ душевно-больнымъ и душевно-больнымъ преступникамъ. Можно ли считать строго доказанной необходимость спеціальныхъ заведеній (manicomi criminali) для душевно-больныхъ первой группы т. е. лицъ, совершившихъ преступное дѣяніе въ состояніи душевной болѣзни? Для криминалиста въ виду понятія о невмѣняемости указанныя лица ничѣмъ не отличаются отъ всякаго другаго душевно-больнаго, поэтому ихъ положеніе должно опредѣляться фактомъ душевной болѣзни, а не обстоятельствомъ совершенія преступленія. Цѣлый рядъ почтенныхъ психіатровъ въ отличіе отъ Итальянскихъ ученыхъ сходится въ этомъ основномъ положеніи съ криминалистами. Выше было уже указано на мнѣнія Bourneville, Lacassagne и Magnan. Замѣчательно, что Legrand du Saulle, нѣкогда бывшій защитникомъ спеціальныхъ заведеній для преступныхъ душевнобольныхъ высказался предъ Сенатской коммиссіей въ 1882 году въ противуположномъ смыслѣ, считая совершенно достаточнымъ для содержанія этихъ лицъ обыкновенныя заведенія для душевно-больныхъ. Особое значеніе по этому вопросу принадлежитъ взгляду Фальре. Этотъ почтенный и значительный ученый утверждаетъ, что нельзя говорить о преступныхъ душевно-больныхъ въ силу того, что душевная болѣзнь устраняетъ понятіе преступности и преступленіе душевнно-больныхъ лицъ — послѣдствіе чистой случайности. Преступные душевно-больные ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ душевно-больныхъ [141]). Нѣмецкіе психіатры Гутчъ [142]) и Видемейстеръ [143]) высказываются противъ помѣщенія преступныхъ душевно-больныхъ въ спеціальныя заведенія на томъ основаніи, что дѣяніе, совершенное въ состояніи душевной болѣзни, теряетъ по этой причинѣ преступный характеръ и обнаруживаетъ лишь опас-

---

[141]) Les aliénés et les asiles d'aliénés 1890 г. VII. Des asiles spéciaux pour les aliénés dits criminels рѣчь 1868 г.

[142]) Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie т. 30, 1873 г. Wohin mit den geisteskranken Verbrechern стр. 394.

[143]) Тоже изд. т. 28, 1871 г. Specialasyle für verbrecherische Irren.

ный характеръ больнаго, соотвѣтственно которому должны быть приняты мѣры содержанія. Одинаковаго мнѣнія держится и врачъ Брухсальской тюрьмы Ribstein, полагающій, что душевно-больной, совершившій преступленіе, не есть преступникъ, а просто больной, можетъ быть и опасный, подлежащій помѣщенію въ обыкновенный пріютъ для душевно-больныхъ[144]).

Что можно сказать противъ такого положенія? Полемизируя противъ высказывающаго ту же мысль Фальре, Ферри ссылается на то, что одни душевно-больные обременены преступнымъ дѣяніемъ, тогда какъ другіе безобидны. Но вслѣдъ затѣмъ Ферри, во имя современной науки, утверждаетъ, что какъ преступность, такъ и душевная болѣзнь—одинаково несчастіе. Если сопоставить между собой эти два положенія, то оказывается, что полагаемое въ первомъ различіе между преступными и непреступными душевно-больными въ виду признака преступности уничтожается вторымъ положеніемъ, отождествляющимъ душевную болѣзнь и преступность вслѣдствіе общаго имъ свойства несчастнаго явленія. Во всякомъ случаѣ Ферри не въ силахъ удостовѣрить факта специфической преступности, усвоиваемой имъ душевно-больнымъ. То обстоятельство, что одни душевно-больные совершили, а другіе не совершали преступнаго дѣянія, на которое ссылается Ферри, какъ чисто внѣшнее, независящее отъ внутренняго строя тѣхъ и другихъ, такъ какъ всѣ душевно-больные способны совершать преступленіе, оставаясь безъ призора, рѣшительно не имѣетъ значенія. Въ этомъ отношеніи прекрасно говоритъ Зандеръ: „Неужели же мы будемъ считать несчастную женщину, убившую своего ребенка въ состояніи меланхоліи, менѣе заслуживающею состраданія, чѣмъ другую женщину, одержимую тѣмъ же страданіемъ, которую охранили отъ преступленія, помѣстивъ ее днемъ ранѣе въ больницу[145])". Точно

[144]) Holtzendorff Handbuch der Gefängnisskunde T. II, Отд. III, монографія подъ заглавіемъ: „Criminal-Anstalten und Irrengefängnisse" стр. 520 и сл.

[145]) Die Beziehungen zwischen Geistesstörung und Verbrechen nach Beobachtungen in der Irrenanstalt Dalldorf von Dr. Sander und Dr. Richter Berlin

также весьма существеннымъ является отзывъ доктора Чижъ по поводу преступныхъ душевно-больныхъ, основанный на личномъ опытѣ автора при завѣдываніи отдѣленіемъ душевно-больныхъ арестантовъ при больницѣ Св. Пантелеймона. „Признавая, что душевно-больные, совершившіе преступленіе, не представляютъ ничего особеннаго сравнительно съ обыкновенными больными, что дѣяніе, ими совершенное и квалифицируемое, какъ преступное, если оно совершено здоровымъ, не болѣе какъ несчастная случайность, ничего общаго съ душевной болѣзнью неимѣющая, мы не имѣемъ никакого права искать причиннаго отношенія между формою болѣзни и числомъ преступленій. Душевно-больные, какъ таковые, не должны совершать преступленій. Чѣмъ дѣло призрѣнія душевно-больныхъ поставлено лучше, тѣмъ рѣже душевно-больные совершаютъ преступленія“ [146]).

Ломброзо и Тамбурини высказываются за спеціальныя заведенія для преступно-душевно больныхъ, ссылаясь на неудобство ихъ содержанія въ обыкновенныхъ общественныхъ заведеніяхъ вслѣдствіе свойственнаго имъ буйнаго нрава и внушаемаго другимъ больнымъ отвращенія. Можно спросить прежде всего, насколько указанное неудобство вознаграждается выгодами помѣщенія такихъ лицъ въ спеціальныя заведенія?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ получается изъ отчета д-ра Пельмана, подробно осматривавшаго заведеніе Broadmoor въ Англіи, которое оба итальянскіе психіатры выставляютъ образцомъ для подражанія. Вотъ какія впечатлѣнія вынесъ Пельманъ изъ своего посѣщенія Broadmoor'a: „Идея — соединить въ одномъ заведеніи всѣхъ преступныхъ душевно-больныхъ на первый взглядъ заманчива, всякій директоръ лечебницы для душевно-больныхъ выскажется apriori

---

1889 г. статья Зандера Zur Statistik der mit dem Strafgesetz in Conflict gerathenen Geisteskranken стр. 151.

[146]) Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи 1888 г. Вып. I, Душевно-больные арестанты (стр. 45 и 46).

за взятіе у него такихъ больныхъ, но при этомъ упускается изъ виду, что зло, которое хотѣли избѣгнуть въ другихъ мѣстахъ, усиливается здѣсь въ Broadmoor до такой степени, что всякій надзоръ становится невозможнымъ, не смотря ни на какія усилія, и я думаю, что здѣсь произведенъ опытъ, неспособный поощрять къ подобнымъ мѣропріятіямъ. Душевно-больные съ преступными наклонностями и побудами во всякомъ случаѣ могутъ подчиняться надзору и сдерживаться среди другихъ душевно-больныхъ, что почти невозможно, когда душевно-больные съ такими особенностями собраны въ одномъ мѣстѣ" [147]). Точно также и англійскіе психіатры относятся критически къ системѣ, учрежденной въ Broadmoor. Такъ д-ръ Бэкниль въ сочиненіи, изданномъ въ 1851 году (о классификаціи и содержаніи душевно-больныхъ) утверждаетъ, что многіе преступные душевно-больные могутъ безъ всякаго неудобства содержаться совмѣстно съ обыкновенными душевно-больными и что, наоборотъ, нѣкоторые душевно-больные, никогда не подвергавшіеся уголовному преслѣдованію, являютъ порочныя наклонности, содѣлывающія ихъ опасными въ обыкновенныхъ лечебницахъ. Поэтому Бекниллъ отвергаетъ потребность въ спеціальномъ заведеніи для всѣхъ criminal lunatics, полагая, что такое заведеніе требуется для душевно-больныхъ съ преступными тенденціями, хотя и не принадлежащихъ къ criminal lunatics [148]). Далѣе самый фактъ особенныхъ затрудненій, связанныхъ будто бы съ пребываніемъ преступныхъ душевно-больныхъ въ обыкновенныхъ лечебницахъ по случаю особенно тревожнаго нрава ихъ и тяжелаго воздѣйствія на другихъ больныхъ, не подтверждается. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательны отзывы нашихъ отечественныхъ практиковъ психіатровъ, Данилло и Яковенко. Первый изъ нихъ въ своемъ докладѣ Съѣзду русскихъ врачей

---

147) Reiseerrinerungen aus England und Frankreich A. Z. f. P. 1871 г. т. 27, стр. 183 и сл.

148) Цитовано по вышеуказанной статьѣ Моте, а также по работѣ Foville Les législation rélative aux aliénés au Angleterre et en Ecosse 1885 г.

1887 г. по отдѣленіи психіатріи выставилъ и обосновалъ слѣдующіе тезисы: 1) Душевно-больные подсудимые и преступники по существу не отличаются ничѣмъ отъ душевно-больныхъ другихъ категорій, 2) въ виду этого устройство особыхъ отдѣленій для группы больныхъ подъ именемъ „преступныхъ“ не оправдывается съ научной точки зрѣнія. 3) Если душевно-больной подсудимый или преступникъ опасенъ, то отдѣленіе его отъ другихъ душевно-больныхъ необходимо. 4) При больничныхъ заведеніяхъ необходимо спеціальное отдѣленіе для испытуемыхъ и для опасныхъ помѣшанныхъ (преступныхъ или непреступныхъ), угрожающихъ порядку въ заведеніи [149]). Точно также и другой психіатръ—практикъ, ординаторъ Бурашевской колоніи Тверскаго земства для душевно-больныхъ д-ръ Яковенко представилъ Съѣзду слѣдующіе замѣчательные результаты собственныхъ наблюденій относительно содержанія въ обыкновенныхъ больницахъ душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности. Такіе больные, по словамъ этого практика, не представляютъ ничего особеннаго сравнительно съ другими душевно-больными, опасные элементы попадаются между послѣдними столь же часто, какъ и между первыми. Въ Бурашевской колоніи испытуемые даютъ значительно большой % хорошо дисциплинированныхъ, способныхъ къ работѣ и пользованію свободой лицъ. Изъ числа преступныхъ душевно-больныхъ ничтожный процентъ представляется вреднымъ элементомъ въ больницѣ [150]).

Такой же отзывъ по части спеціальныхъ заведеній для преступныхъ душевно-больныхъ далъ и нашъ психіатръ практикъ д-ръ

---

[149]) Труды 1-го Съѣзда отечественныхъ психіатровъ 5—11 января 1887 г. въ Москвѣ, VI, о призрѣніи душевно-больныхъ подсудимыхъ, преступниковъ, а равно лицъ, находящихся на испытаніи въ умственныхъ способностяхъ (стран. 194—201).

[150]) Указ. изд. VII. Помѣщать ли душевно-больныхъ преступниковъ вмѣстѣ съ другими душевно-больными, или устраивать для нихъ особыя заведенія. Авторъ, впрочемъ, рекомендуетъ устройство особыхъ заведеній для малолѣтнихъ, эпилептиковъ, слабоумныхъ и вообще отсталыхъ, а также заведеній для душевно-больныхъ особо опасныхъ, хотя бы и не совершившихъ преступленія, по формѣ болѣзни, а равно представляющихъ типъ преступнаго человѣка.

Баженовъ на конгрессѣ уголовной антропологіи въ Парижѣ въ 1889 году. Возражая противъ заявленія Ферри, что aliénés criminels непохожи на другихъ душевно-больныхъ и совершенно сливаются съ обыкновенными преступниками, Баженовъ замѣтилъ, что это положеніе справедливо лишь по отношенію къ наслѣдственникамъ—вырожденнымъ (degénéres heréditaires). „Я утверждаю напротивъ, что душевно-больные, совершившіе преступленіе, всецѣло (en tous points) подобны другимъ душевно-больнымъ и существенно отличаются отъ другихъ преступниковъ. Нельзя классифицировать душевно-больныхъ, смотря по тому, совершили ли они или нѣтъ тотъ или другой безумный актъ, будетъ ли этотъ актъ преступный или непреступный по уложенію. Душевно-больныхъ можно классифицировать лишь по совокупности симптомовъ болѣзни. Имѣя въ своемъ управленіи заведеніе для душевно-больныхъ, я никогда не замѣчалъ, чтобы больные, помѣщенные въ силу оправдательнаго рѣшенія присяжныхъ, требовали измѣненія нормальнаго порядка заведенія [151]).

Далѣе, вопросъ объ умѣстности содержанія преступныхъ душевно-больныхъ сообща съ другими больными въ обыкновенныхъ лечебницахъ обстоятельно разобранъ д-ромъ Лангрейтеромъ, врачемъ больницы для душевно-больныхъ въ Эйхбергѣ и тюремнымъ врачемъ въ Эбербахѣ. И этотъ писатель исходитъ отъ общаго начала, что подобно тому, какъ помѣщаютъ въ лечебницу обыкновеннаго душевно-больнаго, чтобы онъ на свободѣ не натворилъ бѣды, такъ точно помѣщаютъ туда же и душевно-больнаго, обнаружившаго свою общеопасность преступнымъ дѣяніемъ. Что касается до отношенія лицъ послѣдней категоріи къ ихъ непричастнымъ преступности товарищамъ, то практики врачи могутъ удостовѣрить слѣдующій фактъ: воспоминаніе о совершенномъ какимъ

---

151) Возраженія д-ра Баженова противъ доклада Ферри: Sur le valeur rélative des conditions individuelles, physiques, sociales, qui déterminent le crime въ Actes du II Congrés international d'anthropologie criminelle Paris 1889 года, стр. 286—288.

либо изъ душевно-больныхъ преступленіи быстро изглаживается изъ памяти другихъ душевно-больныхъ, а также должностныхъ лицъ заведенія. Жалобы обыкновенныхъ душевно-больныхъ на больныхъ, соприкасавшихся съ преступностью, крайне рѣдки.... Если бы захотѣть отдѣлять отъ другихъ паціентовъ лицъ, когда либо бывшихъ подъ уголовнымъ судомъ, то какъ положить границу? Слѣдуетъ ли отдѣлять виновниковъ убійства или и другихъ, некровавыхъ преступленій? Что дѣлать съ тѣмъ, кто совершилъ преступленіе въ стѣнахъ лечебницы, гдѣ совершается безчисленное количество тѣлесныхъ поврежденій, обидъ словомъ и дѣломъ. Слѣдуетъ поэтому предоставить врачу заведенія дѣлить и распредѣлять своихъ паціентовъ по ихъ индивидуальности [152]).

Отмѣчу наконецъ по данному вопросу вѣское мнѣніе Крафтъ-Эббинга, который высказывается за помѣщеніе лицъ, совершившихъ преступленіе въ состояніи душевной болѣзни въ обыкновенныя заведенія, допуская необходимость спеціальныхъ пріютовъ (Verbrecher-Asylen) лишь для неизлечимыхъ и хроническихъ больныхъ, непригодныхъ въ силу ихъ общеопасности и впечатлѣнія, произведеннаго ихъ дѣяніемъ, для содержанія въ обыкновенныхъ заведеніяхъ [153]). Также въ пользу помѣщенія преступныхъ душевно-больныхъ въ обыкновенныя общественныя заведенія высказывается и Кирнъ: онъ утверждаетъ что лѣтописи пріютовъ для душевно-больныхъ содержатъ много примѣровъ преступленій душевно-больныхъ по обдуманному плану, явленіе, замѣчаемое даже у слабоумныхъ. И все таки такія лица безпрепятственно принимаются повсюду въ обыкновенныя общественныя заведенія [154]).

Такимъ образомъ, можно признать съ значительнымъ основаніемъ, что въ виду отсутствія существеннаго различія между обы-

---

[152]) A. Z. für Psych. т. 43, 1886 г. Über die Unterbringung geisteskranker Verbrecher und verbrecherischer Geisteskranken (стр. 380—487).

[153]) Friedreichs Blätter für gerichtliche Medicin B. 24. Цитата заимствована у Reuss, вышеуказанное сочинененіе стр. 158.

[154]) Friedreichs Blätter für gerichtliche Medicin B. 235. Цитата заимствована у Reuss, указ. соч. стр. 182.

кновенными и преступными душевно-больными, долженствующаго вести къ одинаковому порядку содержанія тѣхъ и другихъ, въ виду отсутствія практической потребности, засвидѣтельствованнаго многими врачами, отдѣленія одной категоріи отъ другой, не представляется достаточнаго основанія для помѣщенія и содержанія преступныхъ душевно-больныхъ въ особыхъ государственныхъ пріютахъ въ смыслѣ по крайней мѣрѣ всеобще-необходимой мѣры. На этомъ можно бы и остановиться относительно первой категоріи душевно-больныхъ, прикосновенныхъ преступности, если бы Итальянскіе психіатры и антропологи-криминалисты не настаивали на одной, спеціальной сторонѣ этого вопроса. Созданіе особыхъ лечебницъ служитъ указаннымъ авторамъ желаннымъ средствомъ обезпеченія общества отъ извѣстныхъ, крайне неудобныхъ категорій лицъ, каковы одержимые нравственнымъ и импульсивнымъ помѣшательствомъ, разные mattoidi и политическіе агитаторы, словомъ чрезвычайно разнообразное множество лицъ, возбуждающихъ въ судахъ сомнѣніе относительно ихъ вмѣняемости. Разбираемое предложеніе было сдѣлано еще ранѣе, чѣмъ Ломброзо была формулирована знаменитая теорія о тождествѣ прирожденнаго преступника, нравственно-помѣшанннаго и скрытнаго эпилептика (epileptico criminale sive larvato). Между тѣмъ въ настоящее время, когда нравственно помѣшанный по теоріи, возвѣщенной urbi et orbi, превратился въ тягчайшаго преступника съ звѣрными инстинктами, благодаря атавизму не только человѣческому, но и предъчеловѣческому, животному,—органически лишеннаго нравственнаго чувства, какимъ образомъ можно допустить такихъ нравственно-помѣшанныхъ т. е. настоящихъ и кровныхъ преступниковъ въ manicomi criminali. Никто изъ Итальянскихъ психіатровъ и юристовъ, примыкающихъ къ новой школѣ, не считаетъ возможнымъ лечить такихъ лицъ, они обрекаются на безвозвратное исключеніе изъ общества. Если вообще рекомендуется не помѣщать преступныхъ душевно-больныхъ вмѣстѣ съ обыкновенными душевно-больными, ради внушаемаго первыми послѣднимъ отвращенія, то едва

ли тягчайшіе преступники найдутъ себѣ соотвѣтственное мѣсто въ обществѣ лицъ, цѣлую жизнь свободныхъ отъ преступности и совершившихъ преступленіе въ несвободномъ душевномъ состояніи. Наконецъ помѣщать въ manicomi criminali маттоидовъ, анархистовъ, мормоновъ значитъ сознавать искусственно центры самыхъ безпокойныхъ и опасныхъ элементовъ и приносить имъ въ жертву задачи леченія и содержанія душевно-больныхъ, хотя и прикосновенныхъ преступности, но нисколько не отличныхъ отъ обыкновенныхъ душевно-больныхъ. Ломброзо и Тамбурини разсчитываютъ, что при наличности manicomi criminali юристы не будутъ бояться оправдывать нѣкоторыхъ субъектовъ, относительно которыхъ сомнительно, больные ли они или здоровые преступники. Едва ли ожиданіе такихъ благихъ послѣдствій въ этомъ отношеніи основательно. Можно бояться, что осужденіе душевно-больнаго съ одной стороны сдѣлается еще болѣе возможнымъ, чѣмъ въ настоящее время вслѣдствіе разсчета на возможность перевода такого лица во всякое время изъ мѣста заключенія въ manicomio criminale [155]). Затѣмъ, съ другой стороны опасность помѣщенія душев-

---

[155]) Указанное опасеніе находитъ себѣ полное подтвержденіе въ заявленіи Менделя на Съѣздѣ психіатровъ въ Эйзенахѣ. Этотъ почтенный Берлинскій психіатръ возражалъ противъ центральныхъ пріютовъ для обремененныхъ преступностью душевно-больныхъ, указывая, что это учрежденіе вредно повліяетъ на разрѣшеніе вопроса о вмѣняемости. Судьи и присяжные еще болѣе, чѣмъ теперь, будутъ склонными осуждать преступника, успокоиваясь на мысли, что если онъ дѣйствительно боленъ, онъ во всякомъ случаѣ попадетъ въ пріютъ. Эта мысль также послужитъ для судебныхъ врачей желаннымъ выходомъ въ затруднительныхъ и сомнительныхъ случаяхъ. (Цитата взята у Зандера вышеуказ. соч. стр. 394—395). Тоже самое говоритъ и Гутчъ относительно пріютовъ въ родѣ Broadmoor и Dundrum. Вотъ его чрезвычайно сильный отзывъ: Man fand durch, ausgedehnte Zuweisungen in dieselben т. е. въ указанные пріюты, eine Gelegenheit sich über die Schwierigkeiten der Zurechnungsfrage vor und nach der Verurtheilung mit Leichtigkeit hinwegzusetzen, verfiel jedoch damit in die entgegengesetzte Härte und Inhumanitat, indem man zweifelhalte Kranke oft anlässlich geringfügiger Gesetzübertretungen lebenslänglich oder during her Majesty's pleasure einsperrte (A. Z. f. P. 30 B. 1873 г. Ч. 4, стр. 396). Ср. также относящіеся по данному вопросу свѣдѣнія относительно практики помѣщенія преступныхъ душевно-больныхъ въ отдѣленіи Пертской тюрьмы въ Шо-

но-здороваго обвиняемаго, хотя и совершившаго преступленіе въ состояніи болѣзни, дѣлается весьма значительной при томъ преобладаніи цѣлей предупрежденія, которыя связываются съ manicomi criminali въ глазахъ Итальянскихъ психіатровъ.

XII.

Слѣдуетъ перейти къ другой категоріи, къ душевно-больнымъ преступникамъ, т. е. лицамъ, заболѣвшимъ душевной болѣзнью въ мѣстахъ отбытія наказанія. Съ вопросомъ о помѣщеніи и содержаніи этихъ лицъ связываются большія разногласія и контроверсіи. Различныя рѣшенія этого вопроса смѣняютъ другъ друга, какъ я покажу въ послѣдующемъ изложеніи, въ Нѣмецкой спеціальной литературѣ, которая имъ особенно занималась, подобно фигурамъ въ калейдоскопѣ[156]). Еще въ 1865 году психіатръ Theodor Simon высказался въ вышеуказанной мною работѣ, что заболѣвшіе при отбытіи наказанія острымъ душевнымъ страданіемъ должны помѣщаться въ особыхъ отдѣленіяхъ тюремныхъ лазаретовъ, заболѣвшіе въ тюрьмахъ хроническими и неизлечимыми фор-

---

тландіи въ работѣ Симона: Die Behandlung geisteskranker Verbrecher, Учрежденные въ 1857 г. Commissioners of Lunacy высказались рѣшительно противъ помѣщенія совершившихъ преступленіе душевно-больныхъ съ душевно-больными преступниками, указывая на то, что первые должны отправляться въ обыкновенныя лечебницы, между тѣмъ какъ они помѣщаются въ отдѣленіи указанной тюрьмы въ качествѣ indefinite т. е. на неопредѣленное время, притомъ безъ достаточнаго основанія. Такъ, одинъ слабоумный попалъ въ число такихъ indefinite въ отдѣленіе Пертской тюрьмы за то, что получивъ фунтъ стерлинг. для размѣна, онъ размѣненныхъ денегъ хозяину невозвратилъ (Horn Viertelsjahrschrift für gerichtl. Medicin etc 1865 г. B. 2, стр. 202).

[156]) Къ этому классу душевно-больныхъ примѣняются по преимуществу слова Рейсса: „Eine Hochfluth von Schriften dräuet dem entgegen, der durch die Scylla und Charibdis der Ideenbrandung will, welche um diese Klasse der Irren wallet und siedet (указ. соч. § 63. Die geisteskranken Verbrecher стр. 155-я). Предлагаемый очеркъ разногласій съѣздовъ спеціалистовъ, составленъ мною главнымъ образомъ по вышеуказанной монографіи Зандера, а также реферату Маркарда на съѣздѣ 1883 года въ Вѣнѣ.

мами въ обыкновенныя общественныя заведенія, притомъ въ особыя отдѣленія впредь до возможности совмѣстнаго содержанія ихъ съ другими душевно-больными. За устройство спеціальныхъ отдѣленій для душевно-больныхъ преступниковъ при тюрьмахъ высказывались слѣдующіе Нѣмецкіе врачи: Delbrück [157]) и Moritz [158]), далѣе Damerow, хотя и съ многочисленными оговорками [159]), Baer [160]). Рядомъ съ возникновеніемъ въ Германіи отдѣленій при тюрьмахъ для содержанія заболѣвшихъ душевной болѣзнью арестантовъ (напримѣръ отдѣленіе Брухсальской тюрьмы въ Баденѣ), благопріятное такимъ отдѣленіемъ теченіе мысли проявилось въ резолюціяхъ двухъ съѣздовъ, тюрьмовѣдовъ и психіатровъ. Такъ въ 1874 году съѣздъ общества Нѣмецкихъ практиковъ-тюрьмовѣдовъ въ Берлинѣ постановилъ слѣдующую резолюцію: „Собраніе считаетъ необходимымъ и исполнимымъ устройство въ болѣе значительныхъ мѣстахъ отбытія наказанія отдѣленій для душевно-больныхъ преступниковъ ради содержанія и леченія таковыхъ“. Эта резолюція, состоявшаяся по выслушаніи рефератовъ тюремныхъ врачей Дельбрюка, Бера и Маркардта, расходится съ мнѣніями, высказанными при преніяхъ директорами Брухсальской тюрьмы Эйхродтомъ и Эккертомъ, знакомыми практически съ такими отдѣленіями и отдававшими преимущество центральнымъ пріютамъ

---

[157]) A. Z. f. P. XI, XIV, XX, а равно въ Blätter für Gefängnisskunde т. IX, докладъ Берлинскому съѣзду тюрьмовѣдовъ о содержаніи душевно-больныхъ и немощныхъ преступниковъ стр. 113—144.

[158]) Caspers Viertelsjahrschrift XXII.

[159]) A. Z. f. P. XIX. Этотъ авторъ желаетъ удаленія изъ мѣстъ отбытія наказанія только лицъ, излеченіе которыхъ вѣроятно подъ условіемъ перемѣщенія въ общественное заведеніе, а равно лицъ презумптивно-неизлечимыхъ. Для тѣхъ и другихъ лицъ Дамеровъ допускаетъ содержаніе въ обыкновенномъ общественномъ заведеніи и только при недостаткѣ мѣста или при наличности другихъ затрудненій рекомендуетъ особыя отдѣленія при тюрьмахъ.

[160]) Baer требуетъ леченія преступниковъ, заболѣвшихъ острымъ преходящимъ страданіемъ, въ тюремной больницѣ, для больныхъ съ развитыми формами душевной болѣзни онъ предлагаетъ особыя отдѣленія при мѣстахъ отбытія наказанія (указ. изд. IX, докладъ Берлинскому съѣзду о содержаніи душевно-больныхъ и немощныхъ преступниковъ стр. 145—186).

для душевно-больныхъ преступниковъ. Директоръ Герлицкаго смирительнаго дома Крелль допускалъ содержаніе означенныхъ лицъ въ отдѣленіяхъ при тюрьмахъ лишь до установленія неизлечимости такихъ лицъ. Извѣстный практикъ-тюрьмовѣдъ d'Alinge высказался за помѣщеніе душевно-больныхъ преступниковъ въ особыя отдѣленія при обыкновенныхъ общественныхъ заведеніяхъ.

Точно также за отдѣленія при тюрьмахъ для содержанія и леченія душевно-больныхъ преступниковъ высказалось въ 1875 г. общество нѣмецкихъ психіатровъ на съѣздѣ въ Мюнхенѣ.

Тѣмъ временемъ (въ 1876 году) устройство особыхъ отдѣленій для душевно-больныхъ преступниковъ при тюрьмахъ получило практическое осуществленіе и въ Вальдгеймской тюрьмѣ въ Саксоніи. Крайне важное значеніе принадлежитъ работѣ тюремнаго врача Кнехта относительно личнаго опыта, вынесеннаго имъ изъ отдѣленія для душевно-больныхъ, содержавшихся при указанной тюрьмѣ. Отмѣтивъ благопріятные, обнаруженные въ этомъ отдѣленіи результаты (чрезвычайныхъ мѣръ относительно паціентовъ не требовалось, неудобные субъекты значительно исправлялись подъ вліяніемъ мягкаго режима), Кнехтъ однако высказывается за предпочтительность большаго самостоятельнаго пріюта сравнительно съ тюремными отдѣленіями въ виду бо̀льшаго удобства группировки больныхъ, разъединенія и размѣщенія неспокойныхъ лицъ въ такомъ пріютѣ, а равно вслѣдствіе связаннаго съ отдѣленіями неудобства, неблагопріятнаго вліянія на психическое состояніе больнаго впечатлѣній тюремнаго порядка [161]). На съѣздѣ Союза нѣмецкихъ врачей психіатровъ въ 1882 году въ Эйзенахѣ выставляется въ замѣнъ отдѣленій при тюрьмахъ для заболѣвшихъ душевной болѣзнью арестантовъ уже видоизмѣненное требованіе, а именно отдѣленій при особенныхъ тюрьмахъ для преступниковъ—инвалидовъ, по образцу таковыхъ карательныхъ Англійскихъ за-

---

[161]) Knecht, Die Irrenstation bei der Strafanstalt Waldheim A. Z. f. Psychiatrie т. 37, стр. 43.

веденій въ Woking и Parkhurst. Такъ психіатръ Циннъ, отвергая въ своемъ докладѣ помѣщеніе душевно-больныхъ преступниковъ въ обыкновенныхъ общественныхъ заведеніяхъ, (тезисъ 1-й), выставилъ слѣдующія требованія: „Острыя, быстро протекающія душевныя болѣзни заключенныхъ подлежатъ вѣдѣнію самихъ мѣстъ отбытія наказанія (тезисъ 3-й). Желательно устройство заведеній отбытія наказанія для тѣлесно и душевно-слабыхъ лицъ, подобныхъ существующимъ въ Англіи „тюрьмамъ для инвалидовъ". При нихъ должны находиться отдѣленія для заболѣвшихъ душевной болѣзнью заключенныхъ, по скольку они не подходятъ подъ тезисъ 3-й, до наступленія возможности помѣщенія ихъ въ обыкновенное заведеніе для душевно-больныхъ безъ вреда для общественной безопасности. Въ эти же отдѣленія помѣщаются заболѣвшіе при предварительномъ производствѣ лица, если они ранѣе были наказаны и принадлежатъ къ разряду „Verbrecher—naturen" (4). Въ преніяхъ по указаннымъ тезисамъ Гутчъ и Кнехтъ высказались противъ рекомендованныхъ собраніями спеціалистовъ въ 1874 и 1875 годахъ отдѣленій при мѣстахъ отбытія наказанія вообще. Гутчъ защищалъ особыя мѣста отбытія наказанія, для содержанія какъ страдающихъ психическимъ разстройствомъ, такъ и одержимыхъ психическими и тѣлесными недостатками, а равно сочетаніе съ такими мѣстами отдѣленій для леченія излечимыхъ субъектовъ. Собраніе, не давъ прямого отвѣта на поставленные вопросы, постановило ходатайствовать передъ правительствомъ объ устроеніи надлежащаго психіатрическаго ухода за заболѣвшими въ тюрьмахъ острыми формами душевной болѣзни, а равно объ устроеніи надлежащаго призрѣнія за душевно-больными въ предстоящемъ имперскомъ законѣ объ исполненіи наказаній, съ тѣмъ, чтобы впредь до изданія этого закона помѣщеніе таковыхъ лицъ въ обыкновенныя общественныя заведенія для душевно-больныхъ не допускалось. Тотъ же вопросъ подвергся дальнѣйшему обсужденію на съѣздѣ общества нѣмецкихъ практиковъ-тюрьмовѣдовъ въ Вѣнѣ въ 1883 году, гдѣ Кнехтъ и Гутчъ высказались противъ

помѣщенія душевно-больныхъ преступниковъ въ отдѣленіяхъ при тюрьмахъ. Кнехтъ съ удареніемъ указывалъ на недостатокъ интереса и внимательнаго отношенія тюремныхъ должностныхъ лицъ въ Германіи къ психическому состоянію заключенныхъ. Далѣе, Кнехтъ въ виду опыта въ Вальдгеймѣ и Брухсалѣ повторилъ сдѣланное имъ ранѣе возраженіе противъ такихъ отдѣленій, а именно недостаточность помѣщеній и невозможность многосторонней группировки душевно-больныхъ, и замѣтилъ, что въ такихъ отдѣленіяхъ нельзя достигнуть успокоительнаго воздѣйствія на больныхъ, обусловленнаго твердо сплоченной, равномѣрно регулированной и спокойно протекающей жизнью большаго заведенія. Гутчъ указывалъ на неудовлетворительные и неблагопріятные дѣлу порядки, обыкновенно встрѣчаемые въ тюрьмахъ съ такими отдѣленіями: многія, требующія лечебнаго режима лица, не могущія найти мѣста въ отдѣленіи, остаются въ тюрьмѣ подъ строгой, несоотвѣтствующей ихъ состоянію дисциплиной, тогда какъ другія лица оставляются въ отдѣленіи дольше, чѣмъ это было бы строго нужно,—ради того только, чтобы изъять ихъ изъ порядка тюремнаго строя. Распредѣленіе работъ происходитъ часто скорѣе сообразно интересамъ администраціи, чѣмъ интересамъ больныхъ. Требованія врача вообще повсюду встрѣчаютъ препятствія, устранимыя только въ большихъ, ввѣренныхъ исключительно врачамъ заведеніяхъ.

На основаніи указанной критики отдѣленій для душевно-больныхъ преступниковъ при тюрьмахъ оба врача высказываются за помѣщеніе этихъ лицъ въ отдѣленіяхъ при тюрьмахъ для инвалидовъ, подобныхъ англійскимъ тюрьмамъ: Woking близъ Лондона и Parkhurst на островѣ Уайтѣ. Кнехтъ выставляетъ двѣ главныя выгоды этого порядка: путемъ постояннаго сообщенія съ заключенными должностныя тюремныя лица привыкнутъ считаться съ человѣческими дефектами и слабостями, познаютъ нужды лечебницы и скорѣе будутъ склоняться давать преобладающее значеніе сужденіямъ врача. Сверхъ того лица изъ числа душевно-больныхъ, облада-

ющія тѣлесной силой, будутъ доставлять заведенію элементъ, дающій возможность полезнаго употребленія. Авторъ ссылается на то, что въ Woking-prison онъ нашелъ въ Августѣ 1881 года изъ 150 человѣкъ отдѣленія душевно-больныхъ 19 человѣкъ на фермѣ заведенія, столько же въ прачешной, 30 человѣкъ занятыхъ работами по домашней чисткѣ. Такимъ образомъ отдѣленіе для душевно-больныхъ является въ органической связи съ заведеніемъ, а не излишнимъ придаткомъ. Гутчъ требуетъ самостоятельныхъ, значительной величины заведеній, совмѣщающихъ въ себѣ и мѣсто лишенія свободы, и пріютъ для душевно-больныхъ, заболѣвающихъ душевной болѣзнью при отбытіи наказанія, до истеченія срока назначеннаго по судебному приговору. Эти заведенія должны обладать всѣми аппаратами для леченія и призрѣнія современной психіатріи съ видоизмѣненіями, обусловленными необходимостью предупрежденія побѣга. Служа пріютомъ для душевно-больныхъ преступниковъ, эти заведенія должны послужить также помѣщеніемъ для всѣхъ неподдающихся строгому отбытію наказанія осужденныхъ. Управленіе таковыми должно бы ввѣряться врачу. Впрочемъ Кнехтъ, не разсчитывая на пересадку Англійскихъ учрежденій (тюремъ для инвалидовъ) на нѣмецкую почву, рекомендуетъ устройство центральныхъ пріютовъ для душевно-больныхъ преступниковъ, отвергая отдѣленія для таковыхъ при обыкновенныхъ общественныхъ заведеніяхъ, какъ это дѣлается въ Голландіи и Бельгіи, въ виду сильнаго отвращенія къ пріему таковыхъ лицъ со стороны директоровъ заведеній. Кнехтъ однако считаетъ возможнымъ устроеніе отдѣленій для душевно-больныхъ преступниковъ при общественныхъ заведеніяхъ для душевно-больныхъ и немощныхъ лицъ (Irren-Siechen Anstaltan), такъ какъ обладающіе тѣлесной силой душевно-больные (rüstig Irre) нашли бы тамъ цѣлесообразныя занятія, не вступая въ конкурренцію съ другими больными. Гутчъ вѣритъ въ практическое осуществленіе требуемыхъ имъ заведеній лишь въ большихъ государствахъ,—при ограниченности круга дѣятельности призрѣнія душевно-больныхъ предпо-

чтительны, по его мнѣнію, отдѣленія при обыкновенныхъ тюрьмахъ [162]).

Высказанныя на Съѣздѣ при преніяхъ различныя мнѣнія были слѣдующимъ образомъ резюмированы д-ромъ Маркардомъ. Никто изъ докладчиковъ не высказался за отдѣленія для душевно-больныхъ преступниковъ при обыкновенныхъ общественныхъ заведеніяхъ. За самостоятельныя заведенія для указанныхъ лицъ высказались Пиндеръ и Кнехтъ, но при этомъ Кнехтъ и Гутчъ признавали преимущественно желательными отдѣленія при тюрьмахъ для инвалидовъ, съ чѣмъ согласился и Циннъ по отношенію къ хроническимъ и неизлечимымъ случаямъ. Какъ minimum допускаются Пиндеромъ, Кнехтомъ и Гутчемъ отдѣленія при мѣстахъ отбытія лишенія свободы, которыхъ желаетъ и Циннъ для случаевъ острой и скоропреходящей болѣзни. Самъ Маркардтъ высказывается за заведенія, по образцу Англійскихъ тюремъ для инвалидовъ. Однако собраніе, по докладу Иллинга приняло слѣдующую резолюцію: „Лица, отбывающія наказаніе, при заболѣваніи подлежатъ леченію безъ замедленія. Устроеніе особыхъ заведеній съ этой цѣлью неисполнимо. Душевно-больные въ легкихъ формахъ и слабоумные должны помѣщаться въ лазаретахъ мѣста отбытія наказанія, которые съ этой цѣлью должны быть снабжены надлежащими приспособленіями для содержанія и леченія“.

Наконецъ разсматриваемый вопросъ составилъ предметъ обсужденія Сѣверо-западнаго союза тюрьмовѣдовъ въ Гильдесгеймѣ въ 1885 году. Референтъ д-ръ Кроне, директоръ Берлинской тюрьмы, выставилъ слѣдующія положенія: „1) Лица, осужденныя къ лишенію свободы и впавшія передъ отбытіемъ или во время отбытія наказанія въ душевную болѣзнь, принимаются въ общественное заведеніе для душевно-больныхъ, по скольку въ тюремномъ лазаретѣ оказывается невозможнымъ примѣнять къ нимъ надлежащій психіатрическій порядокъ содержанія. 2) Въ пріютахъ для ду-

162) Ср. доклады: Кнехта въ Blätter für Gefängnisskunde т. XVII, стр. 142—159 и Гутча тамъ-же стр. 199—207.

шевно-больныхъ должны быть сдѣланы надлежащія приспособленія къ содержанію этихъ больныхъ въ интересахъ общественной безопасности". Собраніе не приняло этихъ тезисовъ, но, по замѣчанію доктора Зандера, изъ хода преній видно, что оно больше занялось вопросомъ, когда слѣдуетъ признавать осужденнаго заболѣвшимъ душевной болѣзнью и какимъ образомъ должно быть установлено это состояніе, полагая, повидимому, что вслѣдъ за удостовѣреніемъ таковаго осужденный выходитъ изъ области психіатрической компетенціи [163]).

За требованіе помѣщенія душевно-больныхъ преступниковъ въ особыхъ тюрьмахъ для инвалидовъ высказывается въ послѣднее время докторъ Schäfer, указывая на существующія въ Германіи заведенія напр. Hubertsburg въ Саксоніи, гдѣ соединяются тѣлесно-немощные съ душевно-больными, эпилептиками и идіотами [164]). Точно также новѣйшій писатель по этому вопросу Ribstein также считаетъ помѣщеніе душевно-больныхъ преступниковъ въ тюрьмахъ для инвалидовъ наилучшимъ разрѣшеніемъ вопроса. По его мнѣнію, въ такія заведенія должны бы приниматься дряхлые, тѣлесно-истощенные, увѣчные, недоразвитые, паралитики, глухіе, слѣпые, нѣмые, всѣ душевно-больные и психически-порочные, всѣ нуждающіеся въ убѣжищѣ, а равно подлежащія медицинскому наблюденію лица. Упомянувъ затѣмъ о необходимости достаточно обширныхъ помѣщеній для размѣщенія разныхъ паціентовъ, приспособленій для разнообразныхъ занятій, въ особенности на воздухѣ, учрежденія больничнаго отдѣленія для лицъ съ развитыми формами болѣзни, Рибштейнъ указываетъ на слѣдующія выгоды помѣщенія душевно-больныхъ преступниковъ въ тюрьмахъ для инвалидовъ: исключительное завѣдываніе заведенія лицомъ медицинской профессіи, значительный лечебный и профилактическій аппаратъ, цѣлесообразныя занятія для душевно-больныхъ, распредѣленіе ихъ

---

[163]) Указ. монографія Зандера стр. 351—352.

[164]) Zur Revision der Frage nach der Unterbringung der geisteskranker Verbrecher въ A. Z. f. Psychiatrie 1888 г. т. XXIV, стр. 33.

требуетъ заразъ отъ одного лица, долженъ чувствоваться сильнѣе, чѣмъ многіе налоги, распадающіеся на нѣсколько актовъ взиманія, то онъ требуетъ также бóльшей степени предусмотрительности, общественности, готовности къ жертвамъ и патріотизма, чѣмъ какая вообще существуетъ. Посредствомъ единственнаго подоходнаго налога было бы невозможно привлечь къ равномѣрному несенію государственныхъ повинностей владѣльцевъ небольшихъ и самыхъ маленькихъ доходовъ, которые однако составляютъ значительное большинство всѣхъ налогоплательщиковъ, какъ то возможно, напр., посредствомъ налоговъ на расходъ. Понятно, что общественнымъ союзамъ приходится считаться съ этимъ психологическимъ фактомъ и по отношенію къ налогамъ изыскивать или удерживать такіе виды ихъ, которые возможно менѣе заставляютъ чувствовать свой гнетъ. Быстрое возрастаніе государственныхъ расходовъ, которое должно сдѣлать вдвое чувствительнѣе гнетъ единственнаго налога, поддерживаетъ подобныя соображенія. Ибо небезъосновательно опасеніе, что жалобы на высоту этого единственнаго налога легко могутъ побудить парламентъ къ отказу въ такихъ расходахъ, которые при менѣе чувствительной множественности налоговъ были бы разрѣшены.

3) Если опредѣленіе общаго дохода лица представляетъ большія затрудненія, то еще труднѣе прослѣдить измѣняющуюся величину дохода въ каждое время и привести въ исполненіе соображенія, вызываемыя различными источниками, изъ которыхъ получается доходъ.

Оставляя дальнѣйшіе выводы до слѣдующаго отдѣла, установимъ только тотъ фактъ, что общій подоходный налогъ, какъ единственный налогъ, не проведенъ нигдѣ, —повсюду государственныя потребности удовлетворяются большимъ или меньшимъ числомъ отдѣльныхъ налоговъ.

Если при существующихъ обстоятельствахъ мы признаемъ множественность налоговъ неизбѣжной, то все же она въ на-

стоящее время представляется совершенно иной, чѣмъ прежде. Въ прежнее время совмѣстное существованіе, безъ всякой системы, безчисленныхъ налоговъ вносило съ собой не мало погрѣшностей противъ требованій справедливости и народнаго хозяйства, такъ какъ большая часть государствъ, руководясь исключительно фискальными мотивами, облагало тѣ предметы, которые сподручно было обложить и которые обѣщали хорошій доходъ. Только новое время, съ сознаніемъ своихъ цѣлей и задачъ, старается осуществить возможное соглашеніе множественности налоговъ съ высшими принципами податнаго дѣла: на мѣсто множества налоговъ выступаетъ система.

Трудности, которыя предстоитъ преодолѣть такой системѣ, чрезвычайно велики. Слѣдуетъ привлечь къ обложенію отдѣльные виды дохода, или такія дѣйствія налогоплательщика, въ которыхъ проявляется его обладаніе извѣстнымъ доходомъ и имуществомъ. Тутъ можетъ случиться, что одинъ налогъ падетъ исключительно на нѣкоторые классы,—тогда нужно избирать другіе налоги, которые равномѣрно распространились бы на прочіе классы. Или при общихъ налогахъ, которые, какъ напр., обложеніе общихъ съѣстныхъ припасовъ, касаются всѣхъ классовъ населенія, нѣкоторые классы неизбѣжно будутъ облагаться въ несоразмѣрно высокой степени: тогда опять необходимы другіе общіе или спеціальные налоги, которые бы установили уравнительность. Кромѣ всего этого слѣдуетъ имѣть въ виду то, что обложеніе соизмѣряется съ государственными потребностями, возвышается и понижается, и что оно при всѣхъ обстоятельствахъ должно доставить то, что нужно государству.

9. Раздѣленіе налоговъ.

§ 88.—По различнымъ критеріямъ налоги могутъ быть раздѣлены на группы, изъ которыхъ упомянемъ о слѣдующихъ главнѣйшихъ:

По свойству благъ, въ которыхъ налогъ уплачивается, различаютъ:

1) натуральные налоги, т. е., налоги отправляемые продуктами и услугами,

2) денежные налоги, т. е., налоги платимые наличными деньгами.

Первые часто примѣнялись въ прежнія времена, при натуральномъ хозяйствѣ, когда денежные знаки еще были рѣдки, встрѣчаются еще и теперь при мало развитомъ состояніи; въ развитыхъ же государствахъ они замѣнены денежными взносами.

§ 89.—По продолжительному или временному характеру налоговъ различаютъ:

1) обыкновенные налоги, составляющіе нераздѣльную часть финансоваго хозяйства и повторяющіеся въ каждомъ финансовомъ году;

2) чрезвычайные налоги, взимаемые въ случаяхъ особенныхъ потребностей, напр., въ случаѣ войны.

Чрезвычайные налоги играли большую роль въ прежнія времена, когда обложеніе только понемногу начинало развиваться; при нашихъ современныхъ условіяхъ временный чрезвычайный налогъ, напротивъ, только искажалъ бы и разрушалъ порядокъ, который старались создать раціональной податной системой. Оставляя исключительные случаи, теперь въ смыслѣ чрезвычайнаго обложенія можетъ быть рѣчь только объ экстраординарномъ повышеніи существующихъ налоговъ.

§ 90.—Смотря по тому, какъ опредѣляется платежная способность для цѣлей обложенія, непосредственно или посредственно, различаютъ подати (Schatzung) и налоги (Aufschlag)*).

---

*) Въ русскомъ языкѣ нѣтъ терминовъ, соотвѣтствующихъ указаннымъ въ скобкахъ нѣмецкимъ словамъ; переводъ ихъ черезъ „подати" и „налоги" не точенъ, такъ какъ въ настоящее время эти выраженія употребляются почти, какъ синонимы; но по ихъ грамматическому происхожденію—отъ „давать" и „налагать" они даютъ каждое особый оттѣнокъ понятія, нѣсколько сходный съ различіемъ переводимыхъ нѣмецкихъ терминовъ. Прим. перев.

Именно, подлежащій налогу доходъ привлекается къ обложенію такимъ путемъ, что опредѣляются и облагаются или различныя самостоятельныя части дохода, составляющія общій доходъ лица, или дѣйствія и затраты, въ которыхъ проявляется извѣстное обладаніе доходомъ и имуществомъ и изъ которыхъ можно составить сужденіе о доходѣ, напр., потребленіе напитковъ, табаку, сахару.

§ 91. По способу взиманія налоги раздѣляются на прямые и косвенные[1]).

---

[1]) Приводя здѣсь различіе между прямыми и косвенными налогами исключительно въ отношеніи способа взиманія, я возвращаюсь къ первоначальному различенію ихъ. Теперь называютъ обыкновенно всѣ оцѣночныя подати—прямыми, всѣ другіе налоги, слѣдовательно всѣ налоги на расходъ, на обращеніе цѣнностей и налоги съ характеромъ пошлинъ,—косвенными налогами; при этомъ дошли даже до «прямо взимаемыхъ косвенныхъ налоговъ». Основаніе такого обозначенія, идущаго въ разрѣзъ съ обычнымъ словоупотребленіемъ, можетъ быть двоякое. Или удерживается упомянутое выше дѣленіе по формамъ взиманія и, такъ какъ относительно большинства, и при томъ самыхъ важныхъ налоговъ на потребленіе косвенное взиманіе является единственно возможнымъ, то это названіе неточно примѣняется и ко всѣмъ прочимъ налогамъ на потребленіе, а ради упрощенія—и къ такимъ видамъ налоговъ, которые вообще нельзя подвести подъ категорію прямыхъ. Или «прямымъ» и «косвеннымъ» налогамъ стараются придать иной смыслъ, сравнительно съ первоначальнымъ, и ввести въ нихъ понятіе, которое въ то же время должно объяснять природу и характеръ налоговъ. Именно, прямыми называютъ такіе налоги, которые падаютъ на доходъ и имущество въ ихъ непосредственномъ обнаруженіи (доходъ, прибыль съ капитала, промысла и т. д.); косвенными—такіе, которые ложатся на посредственныя проявленія, обнаруживающіяся въ расходахъ и обращеніи цѣнностей. Это раздѣленіе, противорѣча прежнему научному и общему словоупотребленію, обнимаетъ въ одномъ наименованіи налоги совершенно разнородные и различные по своей внутренней природѣ; а между тѣмъ общее имя можетъ дать поводъ думать, что рѣчь идетъ объ однородныхъ составныхъ частяхъ. Для распредѣленія всѣхъ налоговъ по ихъ характеру на двѣ группы, дѣлятъ ихъ еще, и наиболѣе удачно, на подати (Schatzungen) и налоги (Auflagen), хотя и отъ такого дѣленія не много пользы для научной обработки. Въ противоположность высказанному мною прежде взгляду по поводу

Прямые налоги взимаются непосредственно съ того, на кого они должны пасть; при нихъ, слѣдовательно, налогоплательщикъ и несущій налогъ—одно и тоже лицо.

Косвенные налоги тѣ, которые по основаніямъ податной техники взимаются не непосредственно съ того, на кого они должны пасть, а съ третьяго лица, которому предоставляется затѣмъ возвратить себѣ налогъ съ лица, несущаго его по закону. Объ этомъ подробно было сказано выше, когда шла рѣчь о переложеніи.

Прямые налоги обыкновенно вызываютъ существенныя и продолжительныя отношенія между фискомъ и плательщикомъ, такъ какъ главнѣйшіе изъ нихъ взимаются въ опредѣленные сроки, въ опредѣленныхъ суммахъ и съ опредѣленныхъ лицъ, на основаніи податныхъ кадастровъ и листовъ. Косвенные налоги лишь въ видѣ исключенія вызываютъ отношенія между лицомъ, несущимъ налогъ, и фискомъ и только случайныя или временныя между фискомъ и плательщикомъ, причемъ по большей части взимаются по тарифамъ.

§ 92.—По способу назначенія потребныхъ податныхъ суммъ государственной властью и распредѣленія ихъ между плательщиками различаются налоги раскладочные (Repartitionssteuern), или контингентированные (Kontingentierungssteuern), и окладные (Quotitätssteuern).

Въ первыхъ государственная власть опредѣляетъ сумму налога, въ которой она нуждается, и предметъ, подлежащій обложенію; въ большинствѣ раскладочныхъ налоговъ,—кромѣ того еще податной субъектъ и подающую на него сумму налога; иногда впрочемъ она ограничивается опредѣленіемъ

очерка Коссы, мнѣ думается теперь всего удобнѣе основать различіе между прямыми и косвенными налогами исключительно на способѣ ихъ взиманія, во всемъ же остальномъ—разложить податную систему на ея существенныя составныя части и каждую разсматривать отдѣльно.

податной суммы и податнаго предмета и распредѣленіемъ этой суммы по отдѣльнымъ политическимъ тѣламъ, провинціямъ, общинамъ, обществамъ, предоставляя имъ дальнѣйшее распредѣленіе.

Въ окладныхъ налогахъ, напротивъ, установляется только окладъ налога (Steuersatz), причитающагося съ податнаго субъекта; только по поступленіи всѣхъ податныхъ платежей, т. е. по истеченіи финансоваго періода, фактически составляется разсчитанная сумма.

Такъ называемые прямые налоги, особенно налоги на прибыль, напр. отъ промысла, капитала, бываютъ обыкновенно раскладочными, такъ какъ облагаемые налогомъ доходы плательщиковъ по большей части продолжительны по природѣ и потому даютъ возможность точно отмѣтить податные субъекты и объекты. Налоги на расходъ въ большинствѣ случаевъ бываютъ окладными, потому что облагаемыя ими дѣйствія, если въ общемъ и могутъ быть предполагаемы, то все же никакъ не могутъ быть высчитаны впередъ. Впрочемъ и при налогахъ на расходъ бываетъ видъ раскладки, когда извѣстными контрибуэнтами или группами ихъ вносится огульная или абонементная сумма (Pauschal-oder Aversalsumme) вмѣсто неоднократныхъ платежей налога.

§ 93.—По способу наложенія податей, т. е. по тому, какъ установляется податная доля каждаго плательщика, различаютъ:

1) точное наложеніе, опредѣляемое на основаніи прямыхъ данныхъ,

2) наложеніе, произведенное по примѣрному вычисленію и предположеніямъ.

Послѣдній видъ наложенія податей, по общему правилу примѣняемый только при невозможности перваго, хуже и во всякомъ случаѣ несправедливѣе. Иногда онъ встрѣчается еще въ налогахъ на расходъ, напр., въ упомянутомъ выше слу-

чаѣ, когда извѣстнымъ налогоплательщикамъ предоставляется вмѣсто точно опредѣленныхъ взносовъ налога дѣлать огульный взносъ.

Первый видъ раскладки налоговъ, безъ сомнѣнія, лучше и справедливѣе, но въ то же время и труднѣе. Здѣсь дѣло идетъ о томъ, чтобы точно опредѣлить величину или количество, а часто и качество податнаго объекта, напр. земли, капитала, пива, сахару, и соотвѣтственно этому назначить налогъ.

Въ настоящее время государство только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ приступать къ констатированію податнаго объекта черезъ посредство однихъ своихъ органовъ; вслѣдствіе безконечной запутанности отношеній, съ которыми приходится здѣсь считаться, оно принуждено прибѣгать къ содѣйствію большаго или меньшаго круга подданныхъ. Это содѣйствіе можетъ оказываться отчасти плательщиками налоговъ, мѣстными органами, особыми коммиссіями и частными лицами.

а) Самими плательщиками. Это выражается въ показаніяхъ и деклараціяхъ т. е. въ заявленіяхъ плательщиковъ касательно обстоятельства, служащихъ къ опредѣленію ихъ податной обязанности, напр. касательно ихъ дохода и имущества, вида, способа и объема ихъ промышленнаго производства, касательно производимыхъ ими товаровъ и т. д. При этомъ плательщикъ налога принуждается къ декларація. Чтобы декларація по возможности согласовалась съ истиной, ее подкрѣпляютъ присягой или сообщаютъ во всеобщее свѣдѣніе для общественнаго контроля. Но если уже сама декларація представляетъ слабыя стороны, хотя ея нельзя и недолжно избѣгать, то эти средства обезпеченія ея правдивости являются еще слабѣе. Въ общемъ должно ограничиться точной провѣркой подозрительныхъ декларацій и строгимъ наказаніемъ умышленнаго обмана.

б) Мѣстными органами, а также и другими должностными лицами, напр., нотаріусами. Они должны давать нуж-

ныя свѣдѣнія податнымъ органамъ, а часто и сообщать декларацiи налогоплательщиковъ.

в) Особыми коммиссiями (податными комитетами). Имъ, вмѣстѣ, съ государственными органами, предоставляется разсмотрѣнiе и окончательное установленiе оснований для обложенiя.

г) Отдѣльными частными лицами. Частныя лица, которыя могутъ дать свѣдѣнiя о важныхъ для податной раскладки обстоятельствахъ, касающихся третьихъ лицъ, часто бываютъ обязаны къ представленiю такихъ показаний (увѣдомлений, Meldeangabe); напр. хозяева относительно находящихся у нихъ въ услуженiи, должники относительно кредитора, наниматели относительно сдающихъ въ наемъ.

Если примѣненiемъ означенныхъ способовъ стараются по возможности точно опредѣлить податную обязанность плательщиковъ, то, съ другой стороны, и этимъ послѣднимъ, какъ упомянуто выше, должна быть предоставлена возможность протеста (Reclamation) противъ неправильной раскладки и взиманiя.

§ 94.—Наконецъ по хозяйственному значенiю предметовъ подлежащихъ налогамъ различаются:

1) налоги на прибыль (Ertragssteuern), 2) налоги съ обращенiя имуществъ (vom Vermögensverkehr), 3) на расходъ (Aufwandsteuern), 4) личные и подоходные (Personal- und Einkommens-), и 5) съ имуществъ (Vermögensbesitzsteuern).

Это послѣднiе дѣленiе, распредѣляющее всѣ налоги, находящiеся въ большей части современныхъ податныхъ системъ, по опредѣленнымъ, ясно разграниченнымъ одна отъ другой, группамъ, положено въ основу дальнѣйшаго изложенiя податной системы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Налоги на прибыль (прямые).

1. Понятіе и раздѣленіе.

§ 95.—Налоги на прибыль (Ertragssteuern)—это налоги на хозяйственную прибыль; послѣдняя служитъ податнымъ источникомъ.

Поэтому можетъ быть, и на самомъ дѣлѣ есть, столько видовъ налоговъ на прибыль, сколько существуетъ видовъ прибыли. Такъ какъ прибыль можетъ извлекаться изъ земли, изъ капитала, изъ промышленныхъ предпріятій и изъ предложенія услугъ, то и налоги на прибыль распадаются на четыре главные вида, которые обыкновенно носятъ названіе: поземельные налоги, налоги на прибыль съ капитала, промысловые налоги и налоги на заработки. Послѣдній видъ налоговъ въ нѣкоторыхъ податныхъ законахъ называется также подоходнымъ налогомъ (Einkommensteuer).

Особенность природы подомовой ренты, представляющейся отчасти капитальной, отчасти поземельной рентой, вызвала то, что ее стали облагать особымъ налогомъ на строенія (Gebäudesteuer). Вмѣстѣ съ тѣмъ явились еще особые налоги для отдѣльныхъ спеціальныхъ источниковъ прибыли, требующіе особаго вида раскладки, напр., налоги на землю, занятую лѣсомъ, на рудники, крупныя предпріятія, поземельные оброки и т. п.

Податнымъ объектомъ служитъ частью сама прибыль, частью—лежащій въ ея основѣ факторъ производства.

Податнымъ субъектомъ является получающій прибыль собственникъ или владѣлецъ.

Всѣ эти налоги суть налоги реальные или объективные, т. е. относятся только къ источнику и размѣру прибыли, но не касаются совсѣмъ, или касаются лишь поверхностно, личныхъ обстоятельствъ владѣльца. Чѣмъ болѣе при-

нимаютъ они во вниманіе эти послѣднія, тѣмъ ближе подходятъ къ настоящимъ личнымъ или субъективнымъ налогамъ.

По взиманію эти налоги прямые, пожалуй за однимъ исключеніемъ, и потому берутся съ того, на кого должны падать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вызывая продолжительныя отношенія между плательщиками и податнымъ учрежденіемъ, они являются налогами раскладочными.

Ихъ наложеніе совершается вышеуказаннымъ точнымъ порядкомъ, т. е. на основаніи должностной оцѣнки или провѣренной декларацін. Обыкновенно ограничиваются тѣмъ, что вмѣсто конкретной величины прибыли за послѣдній хозяйственный годъ за основаніе обложенія берутъ среднюю прибыль нѣсколькихъ лѣтъ, предшествовавшихъ вычисленію налога.

Мы разсмотримъ по порядку налоги поземельные, налоги на строенія, на капитальную ренту, промысловые и на заработки и въ концѣ постараемся дать общую оцѣнку налоговъ на прибыль.

Литература.—Höfken, Reform der direkten Steuern in Österreich, Wien 1860. E. Nasse, Bemerkungen über das preussische Steuersystem, Bonn 1861. Bossart, Zur Reform des Systems der direkten Steuern, Hannov. 1872. Fr. I. Neumann, Ertragssteuern oder persönliche Steuern etc., Freiburg 1876. v. Helferich, Die Reform der direkten Steuern etc. въ Zeitschr. f. d. ges. St.-W. 1873. R. Burcart, Die Reform der direkten Steuern etc., въ Annalen des Deutschen Reichs. 1874. K. Th. Eheberg, Die Revision der direkten Steuern etc. въ Jahrb. f. Gesetzg., Verw. u. V.-W. 1881. v. Riecke, Die direkten Steuern vom Ertrag etc., Stuttg. 1882. v. Chlonau, Systematisches Handbuch der direkten Steuern in Österreich, 7 Aufl., Leipz. 1881. Stéilberg, System der direkten Steuern, Berlin 1882. O. Warschauer, Die Reform der direkten Steuern in Preussen, Leipzig. 1889. W. v. Lesigang, Die bisherigen Versuche zur Reform der direkten Steuern in Österreich, въ Finanzarchiv VI, 538.—A. Scialoja, Dei tributi diretti въ Nuova Antologia 1867—68. M. Minghetti, Dell'ordinamento delle imposte dirette, ibid. 1869. Perroux,

Législation des contributions directes, 3 éd. Paris 1876; по нѣмецки въ переводѣ Joppen'a: Die französischen direkten Steuern, Strassburg 1874. Ricca-Salerno. Die neue Regelung der Grundsteuer und die Steuerreform in Italien, въ Finanzacrhiv 1885.—О положительномъ законодательствѣ см. особенно у А. Вагнера въ Schönbergs Handbuch, 2 изд. т. III; стр. 184 и сл.

2. Поземельный налогъ.

§ 96.—Поземельный налогъ есть налогъ, платимый съ получаемой отъ земли прибыли сельскимъ хозяиномъ, т. е. тѣмъ лицомъ, которое старается пріобрѣсти прибыль отъ хозяйства.

Онъ самый древній изъ налоговъ на прибыль, и это вполнѣ объясняется тѣмъ, что большое значеніе заключающагося въ землѣ доходнаго имущества не могло пройти незамѣченнымъ именно въ прежніе вѣка, когда движимое имущество только начинало понемногу выдвигаться, благодаря торговлѣ и промышленности. Но и теперь этотъ налогъ занимаетъ первое мѣсто, такъ какъ даетъ наибольшія суммы и распространяется на обширнѣйшій кругъ народа.

§ 97.—Податнымъ источникомъ поземельнаго налога служитъ сельско-хозяйственная прибыль. Поэтому первая задача обложенія состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить размѣръ этого податнаго источника для финансовъ, при чемъ доходоспособность отдѣльныхъ земельныхъ участковъ стараются опредѣлить изъ ряда фактовъ.

Въ прежнее время въ качествѣ основанія обложенія довольствовались приблизительной оцѣнкой, руководясь внѣшними признаками производства (число плуговъ и животныхъ, количество посѣва); въ настоящее же время, при возрастающемъ значеніи податной системы и ростѣ знаній и техники, такой суммарный образъ дѣйствій становится все менѣе удовлетворительнымъ, и стараются возможно точно и тщательно опредѣлить моменты, обусловливающіе высоту прибыли. Это достигается системой кадастра.

§ 98.—Обратить экономическій податной источникъ въ финансовый объектъ налога, не прибѣгая къ декларaціямъ плательщиковъ, можно только такимъ путемъ, что сперва измѣрить землю по сравненію съ извѣстной единицей (іохомъ, днемъ работы, гектаромъ и т. д.) и потомъ опредѣлить доходъ съ этой единицы.

Такимъ образомъ, кадастръ, какъ основаніе раскладки налога, представляетъ точное топографическое описаніе земли и почвы по количеству и качеству. Соотвѣтственно этому, операціи кадастра бываютъ техническаго и экономическаго характера.

Техническія операціи обнимаютъ:

1) измѣреніе мѣстности по правиламъ тріангуляціи и тригонометріи;

2) составленіе топографическихъ картъ, представляющихъ въ графическомъ изображеніи результаты измѣренія и земельные участки мѣстности или въ отдѣльныхъ парцеллахъ (парцеллярный кадастръ- Parzellenkataster), или по имѣніямъ (Gutskataster), по ихъ положенію и способу обработки.

Экономическія операціи, примыкающія къ техническимъ, состоятъ въ опредѣленіи и установленіи средней доходоспособности отдѣльныхъ земельныхъ участковъ.

Это установленіе въ свою очередь можетъ быть произведено двумя способами—непосредственно и посредственно.

При посредственномъ способѣ за основаніе берется или покупная цѣна земельныхъ участковъ или, арендная плата (Werthkataster). Оцѣнка прибыли по покупной цѣнѣ можетъ дать удовлетворительные результаты только въ рѣдкихъ случаяхъ, именно при оживленномъ переходѣ земельныхъ участковъ изъ рукъ въ руки. Въ другихъ случаяхъ на продажную цѣну оказываютъ вліяніе очень многіе моменты, не стоящіе ни въ какомъ соотношеніи съ доходоспособностью имѣнія,

напр., субъективная оцѣнка (Affectionswerth), благопріятное стеченіе обстоятельствъ (Konjuncturen) въ цѣнахъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, принужденіе, нужда, спросъ на опредѣленный видъ, напр., на мелкіе земельные участки; или же эту цѣну вообще трудно опредѣлить по случаю рѣдкаго совершенія торговыхъ сдѣлокъ. Болѣе удовлетворительной является оцѣнка по арендной платѣ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ хозяйство на земельныхъ участкахъ ведется по большей части арендаторами и гдѣ строгія наказанія караютъ обманныя стачки между собственниками и арендаторами.

При непосредственной оцѣнкѣ, или бонитировкѣ (Bonitierung), опредѣляютъ среднюю или нормальную прибыль земельныхъ участковъ путемъ прямой оцѣнки, ихъ доходоспособности, выводя послѣднюю изъ ряда фактовъ. Такими фактами служатъ качество почвы, естественное положеніе и средства сообщенія, видъ культуры и полевой системы, видъ, способъ и средства хозяйства и т. п. Все это съ достаточной точностью принимается во вниманіе, и, при предположеніи средняго прилежанія и средней рабочей силы и, интеллигентности, изо всего выводится ожидаемая годичная прибыль.

Чтобы избѣжать возрастающихъ съ ростомъ интензивности культуры затрудненій для оцѣнки отдѣльныхъ участковъ земли и для ихъ сравненія другъ съ другомъ, установляютъ извѣстные классы земельныхъ участковъ (Bonitätsklassen), опредѣляютъ типичные (Mustergründe) или нормальные участки и затѣмъ заносятъ всѣ парцеллы въ соотвѣтствующіе классы. Въ этомъ дѣлѣ соображенія покупной и арендной цѣны могутъ оказать большую услугу для правильности операціи.

Въ большинствѣ случаевъ опредѣляется сперва средняя валовая прибыль (Rohertrag) участковъ, а затѣмъ, за вычетомъ среднихъ издержекъ производства, получается чистая прибыль (Reinertrag), подлежащая обложенію. При вычисленіи издержекъ производства принимаются во вниманіе отдален-

ность земельнаго участка отъ столицы и рынка, мѣстная высота рабочей платы и размѣръ процентовъ, видъ хозяйства и т. д.

Нѣкоторыя податныя системы ограничиваются опредѣленіемъ одной валовой прибыли. Эта метода, хотя и проще, легче и неприхотливѣе, однако является менѣе совершенной, такъ какъ при одинаковыхъ валовыхъ доходахъ чистая прибыль можетъ быть совершенно различна, въ зависимости отъ естественнаго плодородія и веденія хозяйства. Строгость налога на валовую прибыль часто смягчается тѣмъ, что освобождаютъ отъ налога требующееся для посѣва и другихъ нуждъ.

На основаніи установленныхъ, путемъ измѣренія земли и оцѣнки, размѣровъ и класса земельнаго участка, опредѣляется затѣмъ податная обязанность отдѣльныхъ плательщиковъ.

§ 99.—При этомъ видѣ раскладки налогъ падаетъ обыкновенно не на чистую поземельную ренту, въ смыслѣ Рикардо, а также и на доходъ сельскаго хозяина, получаемый изъ другихъ источниковъ.

Если разложить весь сельско-хозяйственный доходъ на его составныя части, то мы найдемъ въ немъ:

1) такъ называемую поземельную ренту, въ смыслѣ политической экономіи, т. е. доходъ отъ самой почвы;

2) прибыль на приложенный къ землѣ капиталъ, какъ связанный неразрывно съ землей, въ формѣ различныхъ улучшеній, такъ и служащій для хозяйственнаго производства, напр., капиталъ, состоящій въ машинахъ, орудіяхъ и т. п.,

3) прибыль отъ труда земледѣльца.

Если сложить поземельную ренту и прибыль отъ капитала, затраченнаго на улучшенія, составляется доходъ собственника, какъ таковаго; если соединить доходъ отъ оборотнаго капитала и отъ сельско-хозяйственнаго труда—за вычетомъ, конечно, рабочей платы,—то получится промышленная или предпринимательская прибыль.

Въ нѣкоторыхъ податныхъ системахъ облагаютъ налогомъ преимущественно ту прибыль, которая достается собственнику какъ таковому, тогда какъ промышленная прибыль облагается особымъ налогомъ—промысловымъ или даже остается совсѣмъ не обложенной прямыми налогами. Въ большинствѣ же случаевъ законодательства о поземельныхъ налогахъ не обращаютъ вниманія на различіе промышленной прибыли и процентовъ капитала отъ собственно поземельной ренты, а направляютъ налоги такъ, чтобы ими обложить всѣ элементы сельскохозяйственной прибыли. Чѣмъ въ высшей мѣрѣ это происходитъ и чѣмъ больше, съ другой стороны, скидываются издержки производства, тѣмъ ближе подходитъ этотъ налогъ къ собственно подоходному налогу (Einkommensteuer) на самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ.

§ 100.—Такимъ образомъ, въ кадастрѣ, какъ указано выше, излагаются результаты измѣренія и оцѣнки; кромѣ того онъ содержитъ въ себѣ имена податныхъ субъектовъ и указанія относительно суммъ налога. Кромѣ своего прямаго назначенія, кадастръ служитъ еще и другимъ цѣлямъ, напр. военнымъ, цѣлямъ устройства улицъ, ипотечному дѣлу, очистки имѣній отъ долговъ.

При составленіи кадастра слѣдуетъ по возможности наблюдать, чтобы кадастрируемая прибыль соотвѣтствовала дѣйствительности. Хотя по своей природѣ кадастръ въ общемъ долженъ на долгое время оставаться въ своемъ первоначальномъ видѣ, однако съ теченіемъ времени могутъ произойти перемѣны, требующія для устраненія несправедливостей пересмотра и исправленій кадастра. Такія перемѣны касаются какъ лицъ, такъ и имуществъ.

Что касается лицъ, то всѣ происходящія перемѣны собственниковъ земельныхъ участковъ отмѣчаются путемъ регулярнаго внесенія въ кадастръ.

Что касается перемѣнъ въ имуществахъ, т. е. въ ихъ

доходоспособности, то онѣ могутъ относиться или къ отдѣльнымъ имѣніямъ и участкамъ, или ко всѣмъ вмѣстѣ.

Измѣненія въ доходоспособности отдѣльныхъ имуществъ могутъ быть быть или въ смыслѣ повышенія, или въ смыслѣ пониженія, вслѣдствіе перемѣнъ, напр., въ относительномъ положеніи къ главному мѣсту сбыта, въ высотѣ издержекъ производства и пр. Равнымъ образомъ могутъ открыться новые участки земли, годные для сельско-хозяйственнаго пользованія, или годные раньше участки могутъ потерять свое значеніе, напр. вслѣдствіе природныхъ явленій. Во всѣхъ этихъ случаяхъ на податномъ управленіи лежитъ задача содѣйствовать возстановленію уравнительности тамъ, гдѣ наступили очевидныя неравенства.

Могутъ также произойти такого рода обстоятельства, которыя въ значительной мѣрѣ и на продолжительное время уменьшаютъ прибыль сельскаго хозяйства вообще или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ отраслей его, напр., сильная заграничная конкурренція въ производствѣ хлѣба. Если податнымъ органамъ мало дѣла до временныхъ явленій этого рода, то напротивъ продолжительное уменьшеніе прибыли должно вести къ уменьшенію налога, если плательщики поземельнаго налога должны нести податную тяжесть въ справедливой пропорціи по сравненію съ другими плательщиками налоговъ на прибыль.

§ 101.—Система кадастра, достоинства которой нѣкоторое время стояли внѣ сомнѣнія, теперь имѣетъ значительное число противниковъ. Указываютъ на то, что самый и справный кадастръ все же не гарантируетъ равномѣрности обложенія. Во первыхъ, при чрезвычайной продолжительности времени, потребнаго для кадастрированія, невозможно, чтобы мѣстности и земельные участки въ концѣ работы были обложены въ одинаковомъ отношеніи съ кадастрированными въ началѣ работы; во вторыхъ, немыслимо, чтобы оцѣнка земельныхъ участ-

ковъ была свободна отъ ошибокъ и произвола, и въ третьихъ, всѣ владѣльцы, которые, благодаря улучшеніямъ, увеличили доходность своихъ имѣній, пріобрѣтаютъ на будущее время неправильное преимущество. Эти неудобства не въ силахъ устранить даже частый пересмотръ, такъ какъ онъ можетъ распространяться только на отдѣльные случаи. Во всякомъ случаѣ, говорятъ, огромные расходы кадастрированія не стоятъ въ прямомъ соотвѣтствіи съ получаемыми результатами. Вслѣдствіе этого неоднократно уже рекомендовалось замѣнить кадастръ деклараціями владѣльцевъ, которыя, разумѣется, должны подлежать контролю особыхъ комитетовъ. При этомъ указываютъ, что деклараціи, какъ онѣ уже существуютъ въ нѣкоторыхъ видахъ налоговъ, много дешевле для финансоваго управленія и легко могутъ слѣдовать за измѣнчивыми отношеніями прибыли. Путемъ ихъ ближе подходятъ къ обложенію дѣйствительной прибыли, и можно налогъ на прибыль отъ земли обратить въ сельско-хозяйственный подоходный налогъ, тогда какъ установленіе „нормальной прибыли" путемъ кадастровыхъ операцій въ значительной долѣ основывается на абстракціи.

Съ другой стороны, и система декларацій тоже вызываетъ серьезныя возраженія, и при томъ въ поземельномъ налогѣ, можетъ быть, даже больше, чѣмъ въ какомъ либо другомъ. Кромѣ общихъ приводимыхъ противъ нея основаній, что показанія даются очень неточныя, такъ какъ у каждаго есть интересъ уменьшить свою податную обязанность, приводятъ еще спеціальное соображеніе, что крестьянинъ, особенно не изъ зажиточныхъ, часто даже не въ состояніи точно высчитать свой доходъ, потому что книги обыкновенно не ведутся, а зачастую встрѣчающееся натуральное хозяйство еще болѣе запутываетъ отношенія. Поэтому противники декларацій стоятъ за удержаніе кадастра, приводя въ его пользу тѣ доводы, что онъ, если и не безъ недостатковъ, все же допу-

скаетъ значительно меньше произвола отдѣльныхъ лицъ, чѣмъ декларацiи, и что его недостатки могутъ быть сглажены чрезвычайными ревизiями, касающимися самаго кадастрированiя, (т. н. Peräquationen); большiя издержки его вознаграждаются тѣми большими выгодами, которыя онъ приноситъ не только въ техникѣ налоговъ, но и въ другихъ отношенiяхъ.

Если нельзя отрѣшиться отъ приведенныхъ выше соображенiй противъ кадастроваго обложенiя, то это еще не значитъ, чтобы, пока остается въ силѣ существующая система обложенiя прибыли, его слѣдовало совсѣмъ отмѣнить или замѣнить другимъ видомъ поземельнаго налога или лично-подоходнымъ налогомъ. Во первыхъ, оно приноситъ финансамъ постоянную, каждый годъ достигающую почти одинаковаго размѣра податную сумму; во вторыхъ, отмѣна существующаго налога, при ипотечномъ характерѣ его, была бы подаркомъ владѣльцу не только въ размѣрѣ разовой суммы налога, но и въ размѣрѣ капитализированнаго налога; въ третьихъ, и при кадастровомъ обложенiи можно отчасти слѣдить за измѣняющимися отношенiями прибыли путемъ пересмотровъ. Заслуживаетъ вниманiя проэктъ, вмѣсто взиманiя съ отдѣльныхъ лицъ, брать налоги съ мѣстныхъ политическихъ союзовъ, къ которымъ эти лица принадлежатъ, т. е. съ общинъ, въ одной суммѣ по даннымъ кадастра и предоставлять имъ раскладку податнаго взноса между плательщиками тоже на основанiи кадастра, но также и по соображенiи со всѣми другими моментами, влiяющими на прибыль.

Литература.—Кромѣ указанной въ § 95 литературы см. еще: Hoffmann, Die Zulässigkeit einer landwirthschaftlichen Gewerbesteuer neben der Grundsteuer, въ Ztschr. f. d. ges. Staatsw. 1854. Kries, Vorschläge zur Regulierung der Grundsteuer in Preussen, Potsdam 1855. Mascher, Grundsteuerregulierung in Preussen, Potsdam 1862. Gneist, Das englische Grundsteuersystem, Berlin 1859. Vocke, Ueber Besteuerung der Landwirthschaft, въ Ztschr. f. d. ges. Staatsw. 1873–74. K. W. Riecke, Die neuen württem-

bergischen Steuerkataster, въ Finanzarchiv V, 320. H. Howard, Wie hat sich der Landwirth zur progressiven Einkommensteuer zu verhalten? Leipzig 1889. C. Coffinières, Études sur le budget et spécialement sur l'impot foncier, Paris 1848. V. Noizet. Du catastre et de la delimination des héritages, Paris 1863. L. Tegas, Sulla perequazione fondiaria, Pinarolo 1875. G. Sonnino, Il catastro e la perequazione dell'imposta fondiaria, Firenze 1875. A. Messedaglia, Relazione sul titolo I del progetto di legge sul riordamento dell imposta fondiaria, Roma 1884. *G. Cannada-Bartoli, Il catasto della imposta fondiaria. Napoli 1890. Ricca-Salerno, Die neue Regelung der Grundsteuer und die Steuerreform in Italien, въ Finanzarchiv 1885. J. v. Keussler, Reform der Grundsteuer in Russland vom I. 1887, въ Finanzarchiv II, 217. Его же, Erhöhung der Grundsteuer und Steuer von städtischen Liegenschaften, ibid. VI, 331 *Лебедевъ. О поземельномъ налогѣ. Спб. 1868. *Тернеръ, О поземельномъ налогѣ въ иностранныхъ государствахъ. Спб. 1860. *Веселовскій К. Начало и постепенное преобразованіе системы поземельныхъ налоговъ въ Россіи (Ж. М. Г. Им. 1841 г. ч. 1). *Калачовъ, О писцовыхъ книгахъ. (Рус. В. 1869, № 5) *В. Судейкинъ. Прямые налоги и ихъ организація во Франціи. Спб. 1886. Горбъ-Ромашкевичъ, Поземельный кадастръ. Ч. I. Варш. 1892—О лѣсномъ налогѣ, какъ особой формѣ поземельнаго налога, см.: K. Papius, Die Grundsteuer von der Holzwirthschaft, Frankf. a. M. 1842. Biersack, Die Grundsätze der Waldwerthberechneg und der Veranschlagung der Waldungen bunhufs ihrer Besteuerung, Suppl. zu Heyer's allgem. Forst- und Jagdzeitung, Bd. 2, H. I., Frankf. a. M. 1859/60. J. Albert, Lehrbuch der Forstgrundsteuerermittelung, Wien 1866.

3. Налогъ на строенія.

§ 102.—Налогъ на строенія (Gebäudesteuer), называемый также подомовымъ (Haus- oder Häusersteuer), есть налогъ на получаемую собственникомъ прибыль отъ строеній. Начало этого налога, правда въ болѣе простой формѣ подымныхъ и поочажныхъ податей (Feuer-, Heerd-, Rauchfangsteuern) и въ иныхъ формахъ, относится къ значительно отдаленнымъ временамъ.

Хозяйственный источникъ налога лежитъ здѣсь въ доходоспособности домовъ. Для опредѣленія послѣдней слѣдуетъ

разсмотрѣть, какому назначенію служатъ строенія. Въ этомъ отношеніи различаютъ:

1) сельско-хозяйственныя постройки, т. е. такія, которыя служатъ жилищемъ сельскихъ обывателей, помѣщеніемъ для ихъ скота, помѣщеніемъ для склада и обработки сельско-хозяйственныхъ продуктовъ;

2) промышленныя постройки, т. е. тѣ, которыя потребны для производства промысловъ и предпріятій;

3) городскія жилыя строенія, предназначаемыя исключительно для отдачи въ наемъ или собственнаго жилья.

Изъ разсмотрѣнія этихъ цѣлей очевидно, что о прибыли самаго строенія, какъ таковаго, а слѣдовательно и о налогѣ на прибыль отъ него можетъ идти рѣчь только въ томъ случаѣ, когда дома эксплуатируются какъ капиталъ для извлеченія изъ него ренты, когда постройка домовъ для отдачи въ наемъ и снятіе квартиръ является доходнымъ дѣломъ. Тамъ, гдѣ строеніе является только вспомогательнымъ средствомъ промысла, не можетъ быть рѣчи о самостоятельной прибыли отъ него, въ строгомъ смыслѣ: постройки, служащія къ производству промысла, скорѣе должны подпадать подъ промысловый налогъ, а помѣщенія, нужныя для сельско-хозяйственнаго производства, —подъ налогъ на сельско-хозяйственныя предпріятія или, если таковой не существуетъ,—подъ поземельный. Но такъ какъ вычисленіе той части прибыли, которая причитается на промышленныя и сельско-хозяйственныя строенія, чрезвычайно затруднительно, то обыкновенно отказываются облагать служащія промышленнымъ цѣлямъ постройки совмѣстно съ соотвѣтствующимъ промысломъ, а склоняются къ общему налогу на прибыль, т. е. обнимающему всякую постройку. Такой налогъ не вызываетъ недоразумѣній, даже находитъ себѣ оправданіе въ основахъ податной техники, лишь бы только было обращено достаточное вниманіе на положеніе другихъ налоговъ съ прибыли, особенно

налоговъ поземельнаго и промысловаго, и на предназначеніе построекъ. Послѣднее фактически принимается въ разсчетъ особенно по отношенію къ сельско-хозяйственнымъ постройкамъ, на помѣщенія же, служащія промышленнымъ цѣлямъ, обыкновенно не обращаютъ особеннаго вниманія.

§ 103.—Если разсматривать факторы прибыли отъ строеній, то можно найти въ ней:

1) прибыль отъ земли, на которой стоитъ строеніе;

2) прибыль отъ самого строенія, т. е. процентъ вложеннаго въ постройку капитала.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ сельско хозяйственныхъ строеніяхъ часть прибыли, причитающаяся на занимаемое пространство земли, несравненно болѣе значительна, чѣмъ въ городскихъ. Соотвѣтственно этому въ современномъ податномъ законодательствѣ центромъ тяжести обложенія служитъ для сельско-хозяйственныхъ строеній, главнымъ образомъ, размѣръ застроеннаго пространства, для отдаваемыхъ въ аренду домовъ—размѣръ арендной прибыли. Нѣкоторыя податныя системы ограничиваются простымъ различеніемъ городскихъ и сельскихъ строеній, причемъ въ законѣ должно заключаться опредѣленіе, разумѣется не свободное отъ произвола, что считать городомъ и что—сельской общиной?

Поэтому и наложеніе подати будетъ различно, смотря по тому, относится ли оно къ городскимъ, или къ сельскимъ, вѣрнѣе сельско-хозяйственнымъ, строеніямъ. Общая черта обоихъ видовъ обложенія та, что опредѣленіе всѣхъ относящихся къ нему обстоятельствъ производится, какъ и при поземельномъ налогѣ, путемъ кадастра, подомоваго или по строеніямъ.

§ 104.—1) Обложеніе городскихъ строеній.—Для опредѣленія размѣра налога здѣсь обыкновенно руководствуются различными внѣшними признаками, напр.,

количествомъ комнатъ, печей, числомъ дверей и оконъ. Впрочемъ подобный способъ обложенія городскихъ построекъ справедливо начинаетъ выходить изъ употребленія, потому что, не говоря уже о дурныхъ послѣдствіяхъ, которыя могутъ съ нимъ связываться (напр., вызываемая имъ экономія воздуха и свѣта), несомнѣнно, что указанные признаки не находятся въ необходимой связи съ домовой рентой.

Гдѣ, какъ въ городахъ, дѣло идетъ преимущественно о жилыхъ строеніяхъ, отдаваемыхъ въ наемъ, тамъ является единственно правильнымъ и не вызывающимъ особенныхъ затрудненій непосредственное опредѣленіе дохода и обложеніе по фактической наемной доходности каждаго отдѣльнаго дома. Владѣлецъ обязанъ объявить свой годичный доходъ отъ сдачи въ наемъ, и это объявленіе будетъ тѣмъ больше соотвѣтствовать дѣйствительности, что его легко провѣрить черезъ жильцевъ. Оцѣнка чрезъ особые органы имѣетъ мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о домахъ и квартирахъ, которые или не заняты, или заняты самимъ владѣльцемъ. Что владѣлецъ долженъ платить налогъ и за ту часть дома, которую онъ самъ занимаетъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, потому что и здѣсь есть доходъ, только скрытый.

Налогъ можетъ взиматься только съ чистой прибыли, т. е. за вычетомъ изъ валовой прибыли расходовъ по исправленію, ремонту, страховкѣ и погашенію долга. Но трудность вычисленія этихъ расходовъ, мѣняющихся въ зависимости отъ мѣста, климата, строительнаго матеріала и т. д., часто приводитъ къ налогу прямо по валовой прибыли.

Наряду съ обложеніемъ самого строенія облагается отдѣльно и земля, на которой стоитъ домъ, и при томъ даже по самому высокому классу поземельнаго налога. Въ послѣднее время, когда стремятся къ обложенію въ большинствѣ случаевъ незаслуженной прибыли отъ конъюнктуры, выставляется требованіе, что доходъ отъ сдачи въ наемъ дома долженъ всегда

согласоваться съ занимаемымъ имъ земельнымъ участкомъ, чтобы соразмѣрно съ независимымъ отъ воли владѣльца повышеніемъ или пониженіемъ земельной ренты могло наступать возвышеніе или пониженіе налога. Впрочемъ цѣлесообразность такой податной комбинаціи является спорной, по меньшей мѣрѣ, пока не удалось вообще подчинить прибыль отъ коньюнктуры обложенію налогомъ.

§ 105.—2) Обложеніе сельскихъ строеній.— Простѣйшій способъ обложенія строеній, расположенныхъ въ деревняхъ или мѣстечкахъ, или служащихъ сельскому хозяйству, состоитъ въ томъ, что налогъ опредѣляютъ прямо по пространству занятому постройками, иногда присоединяя сюда и принадлежащіе имъ дворы (налогъ по пространству, Arealsteuer). Такой налогъ самъ по себѣ очень простъ, но произволенъ; такъ какъ, уже помимо того, что величина участка не служитъ безусловнымъ указаніемъ на доходоспособность, а скорѣе находится въ сильной зависимости отъ системы хозяйства и часто мѣняющагося способа постройки, окажется весьма труднымъ привести его въ правильное соотношеніе съ налогомъ на наемную плату.

Самымъ лучшимъ средствомъ для избѣжанія такого произвола служитъ классный налогъ на строенія (Gebäudeklassensteuer). Такъ какъ отдача въ наемъ помѣщеній въ деревнѣ и маленькихъ городахъ имѣетъ мѣсто только въ рѣдкихъ случаяхъ и потому индивидуальная оцѣнка дохода каждаго отдѣльнаго строеній невозможна, то установляются классы налога, по которымъ потомъ расцѣниваются отдѣльныя строенія точно такъ же, какъ при поземельномъ налогѣ Чтобы привести въ извѣстность прибыль и по ней установить классы, за основу можно принять покупную или арендную плату а также рядъ другихъ признаковъ, напр., размѣръ застроеннаго земельнаго участка, размѣръ относящейся къ нему земли, находящейся въ сельско-хозяйственномъ пользованіи, чи-

сло этажей, число и величину комнатъ и т. п. Само собой понятно, пересмотры здѣсь также необходимы, какъ и при поземельномъ налогѣ.

Литература.—Кромѣ приведенной въ § 95 литературы по налогамъ на прибыль вообще см. еще: W. Vocke, Über Häusersteuer mit besonderer Rücksicht auf Bayern, въ Ztschr. f. d. ges. Staatswiss. 1875. F. v. Myrbach, Die Besteuerung der Gebäude und Wohnungen, Tübingen 1886.—*M. v. Heckel, Die Reform der Gebäudegrundsteuer in Frankreich, въ Finandarchiv'ѣ 1891. I. A. Nagórny, Impot des batiments, Varsovie 1865. *Ольхинъ, Домовая и квартирная подать въ Австріи и Франціи. Спб. 1862.

4. Налогъ на прибыль съ капитала.

§ 106.—Налогъ на прибыль съ капитала (Kapitalrentensteuer), называемый также налогомъ на проценты съ капитала или на проценты по ссудамъ (Kapital-, Leihzinssteuer), самый юный изъ налоговъ, есть налогъ, платимый капиталистомъ съ прибыли отъ капитала (въ тѣсномъ смыслѣ) т. е. налогъ на процентную прибыль (Zinsrente).

Противъ обложенія прибыли съ капитала приводится много доводовъ. Находятъ его несправедливымъ, потому что во многихъ случаяхъ оно ведетъ къ двойному матеріальному обложенію, напр., тогда, когда вмѣстѣ съ обремененнымъ гипотекой домомъ или земельнымъ участкомъ облагается и самая прибыль гипотеки. Затѣмъ, высказываются опасенія, что налогъ легко можетъ быть переложенъ кредиторомъ на должника. Указываютъ и на неизбѣжныя несправедливости, вызываемыя природой различныхъ капиталовъ, поддающихся легче или труднѣе опредѣленію, и постоянной подвижностью рентъ, за которой не въ силахъ услѣдить никакая метода взиманія.

Но если даже допустить, что этотъ налогъ представляетъ особенныя трудности для раскладки и взиманія, все же нельзя придавать имъ рѣшающаго значенія вопреки принципу справедливости, который требуетъ, чтобы общее правило при-

мѣнялось и къ прибыли на капиталъ, когда всѣ другіе виды прибыли подлежатъ обложенію. Во всякомъ случаѣ выполненіе этого принципа заслуживаетъ предпочтенія передъ опасеніемъ кажущагося двойнаго обложенія и воображаемыхъ переложеній. Точно также опасеніе помѣшать капиталообразованію, оправдываемое развѣ при особенно высокихъ налогахъ и плохомъ распредѣленіи ихъ, въ настоящее время оказывается шаткимъ въ виду быстраго роста и громаднаго хозяйственнаго значенія движимаго капитала. Кромѣ того, нѣкоторыхъ невыгодныхъ послѣдствій можно избѣжать путемъ освобожденія отъ налога самыхъ малыхъ рентъ. Техническія трудности тоже не неодолимы, — въ общемъ онѣ даже не больше, чѣмъ въ другихъ налогахъ; а если можно положиться на показанія владѣльцевъ капитала, то этотъ налогъ доставитъ еще меньше затрудненій, чѣмъ большая часть другихъ налоговъ.

§ 107. — Если разсматривать природу всей прибыли съ капитала, валоваго процента (Bruttozins), то въ составѣ прибыли часто можно найти кромѣ чистаго процента еще премію за рискъ. Однако освобождать послѣднюю отъ налога не слѣдуетъ, потому что вычисленіе чистаго процента возможно только при условіи совершенно произвольныхъ предположеній, напр. на основаніи опредѣленнаго, обычнаго въ данной мѣстности размѣра процентовъ, и потому что она составляетъ тоже часть дохода, не облагаемую никакихъ другимъ налогомъ.

Какъ весь процентъ долженъ привлекаться къ обложенію, такъ должны подлежать налогу и всякіе капиталы, приносящіе ренту, будутъ ли они заключаться въ ипотечныхъ и заемныхъ долговыхъ требованіяхъ, или въ текущихъ счетахъ, въ частныхъ или общественныхъ цѣнныхъ бумагахъ, получается ли рента въ видѣ процентовъ, или въ видѣ ежегодныхъ взносовъ на погашеніе долга (Annuitäten). Равнымъ

образомъ, подлежать налогу должны всѣ капиталисты, получающіе ренту въ предѣлахъ страны, если только они не подлежатъ уже подобному налогу въ другой какой либо мѣстности. Исключеніе часто дѣлается только относительно прибылей, получаемыхъ отъ акцій или подобныхъ имъ цѣнныхъ бумагъ, такъ какъ онѣ подчиняются другому обложенію, напр., такъ наз. подоходному налогу.

Обложеніе общественныхъ цѣнныхъ бумагъ, особенно государственныхъ долговыхъ обязательствъ, часто служитъ еще предметомъ споровъ.

Противники такого обложенія называютъ его несправедливымъ и незаконнымъ, потому что должникъ, т. е. государство, посредствомъ налога снова беретъ отъ вѣрителя часть процента или, при налогѣ на купоны, удерживаетъ часть изъ обѣщаннаго въ заемномъ обязательствѣ. Но кромѣ того случая, когда государство опредѣленно обѣщало свободу процентовъ отъ налога, по отношенію къ вѣрителямъ государства въ этомъ обложеніи будетъ допущено также мало правонарушенія, какъ по отношеніи къ чиновникамъ въ обложеніи получаемаго ими отъ государства содержанія, такъ какъ тотъ юридическій титулъ, по которому платятся проценты, и тотъ, по которому взимаются налоги, совершенно различны.

§ 108.—Что касается обложенія и взиманія налога на капитальную ренту, то прежде всего можно различать обложеніе и взиманіе прямое, или непосредственное, и непрямое, или посредственное.

1) Непрямое обложеніе у должника. Оно происходитъ такимъ путемъ, что должникъ обязывается показать ссудные проценты и уплатить причитающійся съ нихъ налогъ; а ему предоставляется вычесть сумму налога изъ процентныхъ денегъ, платимыхъ вѣрителю. Эта метода съ успѣхомъ могла бы найти примѣненіе при такъ называемомъ налогѣ на купоны общественныхъ цѣнныхъ бумагъ, такъ какъ здѣсь

вѣритель не можетъ уклониться отъ вычета налога при разсчетѣ процентовъ. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ ее можно рекомендовать небезусловно, потому что освобожденіе маленькихъ рентъ и дегрессивное обложеніе при ней невозможны безъ долгой процедуры возвращенія, и потому что она имѣетъ мѣсто только въ примѣненіи къ общественнымъ цѣннымъ бумагамъ, и при томъ только ко внутреннимъ. Кромѣ того, при ней вѣрители государства привлекаются къ обложенію исправнѣе прочихъ, а это, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть невыгодно самому государству, можетъ сдѣлать его кредитъ болѣе дорогимъ.

Для обложенія процентовъ по частнымъ долговымъ требованіямъ это непрямое взиманіе трудно примѣнить, такъ какъ грозитъ опасность, что должнику не удастся возвратить налогъ съ вѣрителя; и это тѣмъ меньше ему должно удаться, чѣмъ выше самый налогъ. Вслѣдствіе этого будетъ въ интересахъ самого должника умалчивать о суммѣ ссуднаго процента и лишать государство налога. Кромѣ того, нерѣдко бываетъ, что должникъ изъ личныхъ или дѣловыхъ интересовъ считаетъ нужнымъ скрывать свою задолженность. Этимъ способомъ можно было бы подчинить обложенію только тѣ частныя долговыя требованія, которыя, какъ гипотеки, занесены въ общественныя книги; а это съ равнымъ успѣхомъ, и даже еще лучше, достигается путемъ прямаго обложенія. Во всякомъ случаѣ и здѣсь, какъ и въ налогѣ на купоны, возникаютъ крупныя несправедливости.

2) Прямое обложеніе у вѣрителя. Всего проще было бы привлечь къ обложенію рентныя полученія, обязавши вѣрителя къ декларацін или показанію, если бы только у плательщиковъ налога было побольше сознанія своего долга, а возможность утайки ренты поуменьшилась; на самомъ же дѣлѣ очень легко скрыть не только размѣръ ренты, но и фактъ полученія ея вообще. Тѣмъ не менѣе способъ этотъ

все таки еще самый подходящій, потому что бросающіяся въ глаза несправедливости со стороны закона здѣсь устраняются, допустимы освобожденіе и пощада мелкихъ капиталистовъ, и переложеній, по крайней мѣрѣ прямо, не требуется. Конечно и въ этомъ случаѣ на добросовѣстность капиталистовъ придется воздѣйствовать путемъ угрозы строгимъ наказаніемъ за обманы, путемъ провѣрки показаній ихъ особыми комитетами, путемъ усиленнаго контроля при случаяхъ открытія наслѣдства и дополнительныхъ денежныхъ штрафовъ и вычетовъ налога, или даже чрезъ взиманіе его съ должника, и распубликованіе окладныхъ листовъ. Напротивъ въ интересахъ охраны права нельзя одобрить, когда для полученія возможно точной декларацін, хотятъ юридическое достоинство долговаго требованія поставить въ зависимость отъ явки его въ податное управленіе.

Налогъ можетъ взиматься или по классамъ, когда для капитальной ренты отъ извѣстнаго minimum'а до извѣстнаго maximum'а назначается одинъ классъ и взимается одинаковый налогъ, или еще лучше въ процентномъ отношеніи къ объявленной рентѣ. По приведеннымъ выше основаніямъ въ пользу прогрессіи (или дегрессіи) эта послѣдняя ни въ одномъ налогѣ не находитъ себѣ бо́льшаго примѣненія, чѣмъ въ данной подати.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что для обложенія капиталовъ часто рядомъ съ налогами на капитальную ренту взимаются еще налоги съ обращенія имуществъ, которые въ надлежащемъ соединеніи могутъ служить дополненіемъ къ первымъ и подчинять обложенію нѣкоторые капиталы, приносящіе ренту и однако легко ускользающіе отъ опредѣленія, или облагаемые недостаточно (См. объ этотъ слѣдующую главу).

Литература.—См. выше § 95. Кромѣ того: J. v. Helferich, Über die Einführung einer Kapitalsteuer in Baden,

въ Ztschr. f. d. ges. Staatswiss. 1846. W. Vocke, Über Kapitalrentenbesteuerung, ibid. 1865. J. Lehr, Kapitalisierungssteuer, Zinsrentensteuer und Doppelbesteuerung, ibid. 1877.

5. Промысловый налогъ.

§ 109.—Промысловый налогъ (Gewerbesteuer) есть налогъ, платимый промышленникомъ съ прибыли отъ промысла.

Подъ промысломъ, подлежащимъ налогу, обыкновенно разумѣется всякое самостоятельное промысловое занятіе въ широкомъ смыслѣ слова, будетъ ли оно въ формѣ ремесла, домашней промышленности, оптовой или розничной торговли, транспортныхъ, страховыхъ или иныхъ предпріятій. Только прибыль нѣкоторыхъ большихъ предпріятій, особенно принадлежащихъ обществамъ, напр. акціонернымъ, облагается, по техническимъ соображеніямъ, особыми налогами или иными видами налоговъ на прибыль. Такъ какъ промысловый налогъ вообще считается однимъ изъ самыхъ новыхъ, то онъ долженъ сообразоваться съ другими налогами на прибыль, относительно категорій лицъ, на которыхъ онъ падаетъ.

Оправданіе промысловаго налога не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, разъ придерживаются системы обложенія прибыли, такъ какъ онъ является необходимымъ дополненіемъ къ налогамъ поземельнему, на строенія и на ренту съ капитала. Возраженія противъ этого налога, какъ то: трудность взиманія, опасеніе стѣсненія промышленности, частые случаи переложенія налога на потребителей и постоянная измѣнчивость прибылей, отчасти преувеличены, отчасти неосновательны и во всякомъ случаѣ отступаютъ назадъ передъ тѣмъ соображеніемъ, что обложеніе прибылей безъ промысловаго налога представляло бы при современныхъ отношеніяхъ значительный пробѣлъ.

§ 110.—Налогъ долженъ по возможности падать на чистую прибыль промысла, получающуюся за вычетомъ изъ вало-

ваго дохода издержекъ на поддержанiе въ исправности и амортизацiю машинъ и орудiй, на платежъ процентовъ и жалованья рабочимъ. Но точное опредѣленiе издержекъ производства при нынѣшней перемѣнчивости влiяющихъ на нихъ факторовъ, особенно техники и системы обмѣна, является въ большинствѣ случаевъ настолько затруднительнымъ, что большая часть податныхъ законодательствъ ограничивается для обложенiя только приблизительной оцѣнкой чистаго дохода по извѣстнымъ признакамъ.

Анализируя чистый доходъ отъ промысла, нетрудно видѣть, что онъ представляется смѣшаннымъ, т. е. состоящимъ изъ различныхъ частей, именно изъ рабочей прибыли, процента на капиталъ и предпринимательской прибыли, которыя всѣ вмѣстѣ должны облагаться податью. Изъ этихъ частей преобладающее значенiе получаетъ то та, то другая, смотря по природѣ промысла; но обусловливаемое этимъ различiе доходоспособности отдѣльныхъ промысловъ можетъ быть принято во вниманiе законодательствомъ большею частью только въ очень общемъ видѣ.

§ 111.—Наложенiе промысловой подати можетъ производиться по опредѣленiю или дѣйствительной прибыли, или средней, нормальной.

1) Наложенiе по непосредственному опредѣленiю чистой прибыли.—Оно, естественно, дало бы прекрасные результаты, если бы было осуществимо. Но общему осуществленiю его препятствуютъ значительныя затрудненiя, изъ которыхъ самое существенное заключается опять въ недостаточной добросовѣстности податныхъ субъектовъ. Такъ какъ при этомъ прямомъ обложенiи дѣйствительной прибыли въ основу должны быть положены декларацiи промышленниковъ, то безъ значительнаго контроля здѣсь никогда нельзя добиться удовлетворительныхъ результатовъ. Подобный же контроль невозможенъ безъ разсмотрѣнiя дѣловыхъ данныхъ, такъ не-

охотно допускаемаго промышленниками, и даже совсѣмъ непримѣнимъ къ тѣмъ случаямъ, для которыхъ не существуетъ обязанности веденія книгъ. Относительно акціонерныхъ и подобныхъ имъ промышленныхъ обществъ, которыя по закону обязаны публичной отчетностью, прямое обложеніе можетъ вполнѣ примѣняться; но конечно и здѣсь остается еще затрудненіе установить подходящія правила для вычисленія чистаго дохода въ противоположность валовому и относительно высоты налога провести настоящее соотношеніе между обложеніемъ промысла по дѣйствительной прибыли и по опредѣленной путемъ оцѣнки.

2) Обложеніе по оцѣнкѣ средней прибыли. Здѣсь раскладка производится на основаніи извѣстныхъ признаковъ, которые должны представить приблизительную картину большей или меньшей доходности промысла. Ясно, что при огромномъ числѣ видовъ промысловъ и необыкновенномъ разнообразіи ихъ должны быть существенныя различія и въ законодательствахъ отдѣльныхъ странъ.

До нѣкоторой степени удовлетворительный налогъ получается только тогда, когда, какъ это бываетъ въ большинствѣ податныхъ законовъ, одинаковые, т. е. одного рода промыслы сперва объединяются по группамъ или классамъ и для каждой группы назначается минимальный процентъ обложенія соразмѣрно съ средней доходоспособностью ея. Затѣмъ отъ этого минимальнаго процента обложенія въ каждой группѣ отдѣльные промыслы уклоняются больше или меньше, смотря по ихъ значенію, установленному на основаніи извѣстныхъ признаковъ.

При опредѣленіи этихъ признаковъ различаютъ промыслы съ характеромъ исключительно или преимущественно мѣстнаго сбыта и такіе, сбытъ которыхъ не связанъ съ опредѣленнымъ мѣстомъ.

a) При мѣстныхъ промыслахъ (Localgewerben) при-

знакъ величины дохода думаютъ найти прежде всего въ размѣрахъ поселенія, исходя изъ того положенія, что чѣмъ обширнѣе поселеніе, тѣмъ больше долженъ быть сбытъ, а слѣдовательно и доходъ, — предположеніе, оказывающееся, конечно, такъ же часто справедливымъ, какъ и ложнымъ. Вслѣдствіе этого возвышаютъ налогъ, особымъ путемъ для каждой отдѣльной группы промысловъ, по размѣрамъ поселенія (окладъ по мѣстности); поселенія, въ свою очередь, раздѣляются по числу жителей. Разумѣется, окладъ налога измѣняется не пропорціонально дѣйствительному числу жителей какого либо мѣста, а установляется нѣсколько классовъ мѣстностей. — Но промыслы одной и той же мѣстности могутъ далѣе различаться по объему производства; для опредѣленія его установляются опять новые признаки, сообразно съ природой каждой отдѣльной группы промысловъ. Такимъ образомъ къ различію по мѣстности присоединяется еще различіе по спеціальному объему отдѣльныхъ промысловъ въ одной группѣ (окладъ по объему производства). — Признаками этого объема служатъ: величина постояннаго капитала, напр., число и сила машинъ и снарядовъ, число и обширность помѣщеній и складовъ, и затѣмъ величина оборотнаго капитала, напр. число рабочихъ, количество обрабатываемаго сыраго матеріала или продуктовъ. Поэтому два промысла, принадлежащіе къ одной и той же группѣ, хотя и равные по объему производства, но находящіеся въ разныхъ мѣстахъ, облагаются различно въ зависимости отъ размѣровъ поселенія; тогда какъ два другіе промысла, находящіеся въ одной мѣстности, но различающіеся по объему, облагаются различно въ зависимости отъ величины ихъ объема. Такимъ образомъ на основаніи совокупной раскладки по мѣсту производства и по объему его опредѣляется податная доля каждаго отдѣльнаго промышленника.

б) При тѣхъ промыслахъ, сбытъ которыхъ не имѣ-

етъ мѣстнаго характера, раскладка по мѣстности не примѣнима: они облагаются окладомъ, измѣняющимся по объему производства, высчитаннымъ впередъ въ нѣсколько болѣе высокомъ размѣрѣ.

§ 112.—Этотъ способъ обложенія, съ большими или меньшими видоизмѣненіями, существуетъ почти повсюду. Отдѣльныя государства довели специализацію въ промысловыхъ тарифахъ до чрезвычайно широкихъ размѣровъ. Но несмотря на громадный трудъ, потребовавшійся для составленія группъ, опредѣленія классовъ мѣстностей и установленія соотвѣтствующихъ признаковъ, это обложеніе остается все же еще очень неудовлетворительнымъ. Признаки, даже при наилучшемъ выборѣ, въ большинствѣ случаевъ даютъ только картину приблизительной валовой, а не чистой прибыли: раскрытіе признаковъ, напр., констатированіе количества сырого матеріала или продуктовъ, даже у отдѣльныхъ промышленниковъ, часто представляетъ большія затрудненія; установленіе классовъ мѣстностей и заключеніе по нимъ о средней доходности произвольно и часто не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; сравненіе отдѣльныхъ группъ промысловъ между собой относительно налогоспособности на основаніи признаковъ едвали возможно; наконецъ въ примѣненіи къ большимъ общественнымъ предпріятіямъ, напр. къ банковому дѣлу, агентурѣ, коммиссіонерству и др. дѣламъ, способъ этотъ совершенно непригоденъ. Поэтому, чтобы исправить и пополнить систему признаковъ, въ означенныхъ случаяхъ совершенно отказываются отъ нея и поручаютъ кадастрирующему органу производить непосредственную оцѣнку прибыли и особенно принимать въ соображеніе извѣстную зажиточность.

Реформу промысловаго налога лучше всего произвести такимъ же путемъ, какъ и поземельнаго налога, именно установить на основаніи промысловаго кадастра общую сумму налога для каждой группы промысловъ и для каждой мѣстности

или округа и предоставить ея дальнѣйшее распредѣленіе между отдѣльными лицами или принадлежащимъ къ группѣ промышленникамъ, или особому комитету изъ ихъ состава.

§ 113. — Оживленные споры вызывалъ постоянно, какъ замѣчено уже выше, вопросъ о томъ, должны ли сельскіе хозяева, наряду съ поземельнымъ налогомъ, облагаться также сельско-хозяйственнымъ промысловымъ или предпринимательскимъ налогомъ. Вопросъ этотъ не можетъ быть разрѣшенъ абсолютно; большею частью разрѣшеніе это зависитъ отъ того, какъ поставленъ поземельный налогъ, обнимаетъ ли онъ собой и сельско-хозяйственную промышленную прибыль, или нѣтъ. Во всякомъ же случаѣ арендаторъ долженъ подлежать особому налогу, будетъ ли то промысловый налогъ, или, какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ государствахъ вслѣдствіе трудности сравненія сельско-хозяйственнаго производства и собственно промысловъ, налогъ подоходный или на рабочую прибыль.

Не менѣе спорнымъ является обложеніе рудниковъ. По большей части здѣсь не соблюдается никакой опредѣленной системы, и обложеніе производится примѣнительно къ прежнимъ правоотношеніямъ, въ формѣ горной десятины, владѣльческой пошлины (Recessgeld), платы за надзоръ, отчасти по величинѣ занятой рудниками мѣстности, отчасти путемъ подоходнаго налога. Собственно промысловый налогъ здѣсь трудно примѣнить вслѣдствіе особенностей природы горнаго дѣла.

Литература. — См. выше § 95. Кромѣ того: Hoffmann, Die verschiedenen Methoden der rationellen Gewerbebesteuerung въ Ztschr. f. d. ges. Staatsw. 1850. Его же, Die Zulässigkeit einer landwirthschaftlichen Gewerbesteuer, ibid. 1854. W. Vocke, Ueber das bayerische Gewerbesteuergesetz vom 1. Iuli 1856, ibid. 1861. Его же, Die Besteuerung der Gewerbe in England, ibid. 1862. Прибавленія къ этому Helferich'a, ibid. 1862. C. Dietzel, Die Besteuerung der Aktien-Gesellschaften, Köln 1859. R. Koch, Zur Besteuerung der Lombardgeschäfte. Finanzarchiv 1885. R. Meyer, Zur Geschichte der Hausirsteuern im Deutschen Reich

ibid. 1885. G. Schanz, Die Besteuerung der Genossenschaften in den deutschen Staaten und in Österreich, ibidem 1886. Emminghaus, Die Belegung des auswärtigen Versicherungsanstalten mit directen Steuern etc., ibid. 1887.—A. Arndt, Die Besteuerung der Bergwerke, въ Jahrb. f. N. Ö. 1881. *Осокинъ, О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи. Каз. 1856. *Субботинъ, Русскій промысловый налогъ М. 1877. *Львовъ, Промысловый налогъ и методы его установленія, М. 1880. *Тереховъ, Подоходная подать и результаты ея примѣненія. Варш. 1891.

6. Налогъ на прибыль отъ труда.

§ 114.—Этотъ налогъ (Steuer vom Arbeitsertrag), называемый также налогомъ на рабочую плату и жалованье, налогомъ на заработокъ или (спеціально) налогомъ подоходнымъ, есть налогъ на личный заработокъ, получаемый отъ труда.[1]

Подъ личнымъ заработкомъ слѣдуетъ разумѣть такой, который получается исключительно трудомъ безъ помощи или при незначительной помощи орудій, инструментовъ и т. д.; при этомъ не дѣлается различія, будетъ ли трудъ по природѣ физическій, или умственный. Соотвѣтственно этому сюда относятся: заработная плата простыхъ рабочихъ, содержаніе лицъ, состоящихъ на частной и общественной службѣ, и гонораръ такъ наз. свободныхъ профессій, напр., врачей, писателей, художниковъ, адвокатовъ, нотаріусовъ и т. п.

Этимъ опредѣляется и объемъ даннаго налога. Разумѣется, здѣсь нельзя установить точныхъ границъ, потому что кругъ лицъ, понимаемыхъ подъ именемъ работниковъ въ обширномъ смыслѣ слова, и самъ по себѣ очень растяжимъ, и въ дальнѣйшемъ стоитъ еще въ связи съ вопросомъ о томъ, какъ широко идутъ другіе налоги на прибыль. Послѣднее относится преимущественно къ обложенію свободныхъ профессій: гдѣ онѣ не облагаются промысловымъ налогомъ, въ пользу котораго есть кое-какіе доводы, по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ, тамъ, разумѣется, должны подлежать этому налогу.

Принципіальное оправданіе настоящаго налога не можетъ подлежать сомнѣнію, разъ находятъ оправданіе другіе налоги на прибыль, такъ какъ этотъ налогъ является только послѣднимъ звеномъ до извѣстной степени раціональной податной системы.

Однако нельзя сказать, чтобы вопросъ этотъ не возбуждалъ споровъ. Относительно обложенія содержанія и пенсій служащихъ лицъ выставляется возраженіе, что оно приноситъ съ собой несправедливое уменьшеніе того жалованья, которое было обѣщано при назначеніи. Но возраженіе это неправильно, потому что, какъ и при налогѣ на купоны, обложеніе исходитъ здѣсь совершенно изъ другаго юридическаго титула, чѣмъ назначеніе содержанія. Конечно, можно было бы опредѣлить содержаніе чиновнику за предварительнымъ вычетомъ суммы налога и черезъ это упростить кассовое дѣло и счетоводство. Но тутъ является другое соображеніе, — что это, пожалуй, приметъ видъ привилегіи и затемнитъ отношеніе между государственными доходами и расходами.

Не меньше голосовъ раздавалось и противъ обложенія заработной платы, какъ дохода незначительнаго, измѣнчиваго и непостояннаго. Несомнѣнно, справедливость требуетъ, чтобы и доходъ отъ ручнаго труда участвовалъ въ несеніи государственныхъ тяжестей. При этомъ, конечно, незначительность и непостоянство его должны быть соотвѣтственно принимаемы во вниманіе, такъ чтобы, напр., обложеніе здѣсь въ общемъ было ниже, чѣмъ въ другихъ видахъ прибыли, и чтобы извѣстный minimum вознагражденія совершенно освобождался отъ налоговъ. Кромѣ того, слѣдуетъ имѣть въ виду еще одинъ пунктъ, именно то, какъ поставлены въ странѣ налоги на потребленіе. Если они распространяются главнымъ образомъ на тѣ предметы потребленія, которые идутъ преимущественно для рабочихъ классовъ, то введеніе еще добавочнаго прямаго налога на заработокъ будетъ для этихъ послѣднихъ

несправедливымъ чрезмѣрнымъ отягощеніемъ. Если къ этому присоединить еще, что налогъ на заработную плату вслѣдствіе низкаго процента обложенія и безчисленныхъ освобожденій можетъ дать въ результатѣ только незначительный сборъ, что онъ вызываетъ различныя затрудненія для плательщиковъ, когда они къ сроку должны представить свой налогъ, что взиманіе многочисленныхъ мелкихъ платежей доставляетъ много труда и расходовъ,—то станетъ понятно, почему возбуждается вопросъ, оправдывается ли особый налогъ на заработокъ съ точки зрѣнія справедливости и цѣлесообразности.

§ 115.—При наложеніи этой подати плательщики раздѣляются обыкновенно на указанныя выше три группы—чернорабочихъ и находящихся въ услуженіи, чиновниковъ, лицъ свободныхъ профессій. Относительно чиновниковъ, состоящихъ на общественной службѣ, наложеніе не представляетъ затрудненій, такъ какъ содержаніе ихъ можетъ быть точно констатировано показаніями высшаго начальства и даже взиманіемъ черезъ его посредство. Больше затрудненій относительно служащихъ по вольному найму, однако и здѣсь можно получить удовлетворительный результатъ, если обязать служащихъ или ихъ хозяевъ къ представленію декларацій и принимать контролирующія мѣры. Кого по смыслу закона считать служащимъ, должно быть точно опредѣлено въ самомъ законѣ. Критеріемъ въ данномъ случаѣ обыкновенно служатъ извѣстная высота получаемаго содержанія и продолжительность срока договора о службѣ.

Еще затруднительнѣе обложеніе заработной платы и самое трудное—обложеніе гонораровъ свободныхъ профессій. Здѣсь приходится основываться на однихъ показаніяхъ заинтересованныхъ лицъ, а эти показанія тѣмъ болѣе недостаточны, что примѣненіе контроля и ревизіи едвали возможны, особенно по отношенію къ послѣднему случаю; развѣ что можетъ пособить нѣсколько угроза строгими наказаніями.

На основаніи общепризнаннаго факта, что декларація значительно отстаютъ отъ дѣйствительности, предлагаютъ и по отношенію къ этому налогу, подобно промысловому, примѣнить обложеніе по признакамъ. Но какой признакъ положить въ основаніе? Развѣ число услугъ врача, адвоката, писателя? Называли также жилище. Но величина квартиры зависитъ отъ множества условій, не стоящихъ ни въ какомъ соотношеніи съ прибылью отъ труда, напр., отъ числа членовъ семьи, гигіеническихъ соображеній, посторонняго дохода и т. д. Всѣ эти условія придется принимать въ соображеніе при кадастрированіи налога по квартирамъ; кромѣ того должно сообразить положеніе квартиры относительно средствъ сообщенія, высоты этажа, большей или меньшей степени элегантности и удобства и т. д. Въ общемъ противъ такой раскладки налога, получится больше возраженій, чѣмъ противъ обложенія по деклараціямъ.

Рекомендуется также оцѣнка способности плательщиковъ черезъ особые комитеты, примѣняемая не безъ успѣха въ нѣкоторыхъ государствахъ. Въ общемъ отъ нея слѣдуетъ ожидать прекрасныхъ результатовъ, во всякомъ случаѣ лучшихъ, чѣмъ отъ трудно поддающихся контролю показаній.

§ 116.—Наконецъ, должно замѣтить, что необходимость и объемъ этого налога зависитъ отъ общаго состава податной системы. Приводимое ниже ученіе объ общемъ подоходномъ налогѣ покажетъ, что въ отдѣльныхъ податныхъ системахъ налогъ на прибыль ограничивается четырьмя другими видами прибыли, личный же заработокъ облагается исключительно посредствомъ общаго податнаго налога.

Литература.—Относящаяся сюда литература будетъ указана въ 4-й главѣ.

7. Оцѣнка налоговъ на прибыль.

§ 117.—Оцѣнка обложенія прибыли должна исходить изъ

вопроса, можетъ ли и насколько можетъ это обложеніе удовлетворять высшимъ принципамъ податной системы. Естественно, окончательный приговоръ можно произнести только по сообраҗенію съ остальнымъ обложеніемъ, практикующимся въ странѣ. Впрочемъ обложеніе прибыли представляетъ такіе специфическіе недостатки и преимущества сравнительно съ другими налогами, что вполнѣ допускаетъ и отдѣльную оцѣнку.

Обратимъ вниманіе сперва на недостатки. Всѣ они являются только прямымъ послѣдствіемъ объективнаго обложенія, господствующаго въ налогахъ на прибыль, извѣстнаго игнорированія личности субъекта имущества. Исходнымъ пунктомъ служитъ фикція доходоспособности объекта, самаго источника дохода, тогда какъ рѣшительное вліяніе на высоту прибыли принадлежитъ именно личности. Это не такъ проявляется въ налогахъ на ренту съ капитала, на городскіе дома, и налогахъ на заработную плату и жалованье, потому что при первыхъ двухъ видахъ надѣются выяснить дѣйствительную прибыль путемъ показаній, а при послѣднихъ, кромѣ того, чистая прибыль и доходъ и, слѣдовательно, объективное и субъективное обложеніе, часто совпадаютъ. Значительно яснѣе это проявляется въ налогахъ поземельномъ и промысловомъ: здѣсь субъектъ имущества, т. е. его прилежаніе, знаніе дѣла, интеллигентность, энергія, оказываютъ рѣшающее вліяніе на высоту прибыли. Если этому личному вліянію не придаютъ значенія, распредѣляютъ налоги по средней доходности и признакамъ, какъ обыкновенно практикуется въ налогахъ на прибыль, то обложеніе будетъ тѣмъ несправедливѣе, чѣмъ больше дѣйствительное участіе субъекта имущества въ прибыли. Противъ возраженія на это, будто въ основаніе кладется только среднее прилежаніе и среднія способности и потому каждый хозяинъ можетъ достигнуть этой степени, слѣдуетъ, не говоря уже о другомъ, замѣтить, что доходность, особенно въ промышленномъ дѣлѣ, зависитъ также и отъ дру-

тихъ качествъ, присущихъ не каждому и не подводимыхъ подъ среднюю мѣрку, а нерѣдко даже отъ общественныхъ отношеній, конъюнктуръ, которыя совершенно не поддаются воздѣйствію отдѣльныхъ лицъ.

Вызываемую этимъ несправедливость можно назвать еще незначительной по сравненію съ той, какая получается отъ непринятія во вниманіе долговъ, обременяющихъ прибыль. При строго же объективномъ обложеніи состояніе задолженности и не можетъ приниматься въ разсчетъ; такъ что задолжавшій и обремененный долгами сельскій хозяинъ, домовладѣлецъ, промышленникъ будетъ подлежать обложенію въ такой же мѣрѣ, какъ и свободный отъ долговъ. Допущеніе вычета пассивныхъ капиталовъ при налогѣ на ренту съ капитала стоитъ въ противорѣчіи съ объективнымъ налогомъ и вызываетъ новыя несправедливости по отношенію къ другимъ налогоплательщикамъ. Высказывается мысль, что на помощь должнику долженъ придти законодатель, предоставивши ему право вычитать соотвѣтствующую сумму налога изъ процентовъ, платимыхъ кредитору; съ подобнымъ взглядомъ, подходящимъ къ подоходному обложенію, можно согласиться, но болѣе чѣмъ сомнительно, получится ли желаемый результатъ отъ такой въ высшей степени запутанной операціи.

Далѣе, обложеніе прибыли, съ его тяжеловѣсными кадастровыми операціями не можетъ совсѣмъ или, покрайней мѣрѣ, плохо можетъ слѣдовать за измѣняющимися условіями техники, обращенія и образованія цѣнъ. Поэтому разность между кадастрированными и дѣйствительными отношеніями, особенно при неподвижномъ кадастрѣ, будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше протекло времени съ момента производства кадастра.

§ 118.—Наряду съ этими недостатками, лежащими въ обложеніи прибыли вообще, есть еще такіе, которые вошли въ существующія системы налоговъ на прибыль, то допускающія

пробѣлы, то невѣрно устанавливающія взаимное отношеніе между отдѣльными налогами по высотѣ податнаго процента. Представленной нами выше и существующей во многихъ государствахъ системѣ обложенія прибыли, правда, нельзя отказать въ извѣстной раціональности, такъ какъ она старается обнять всѣ отдѣльные источники прибыли, а вмѣстѣ и общую прибыль народнаго хозяйства (мы не говоримъ здѣсь объ освобожденіи отъ налоговъ, предоставляемомъ по достаточнымъ основаніямъ); но недостатокъ этой системы заключается въ томъ, что она не можетъ осуществить надлежащую соразмѣрность между отдѣльными частями. Причины этого, о которыхъ уже говорилось при разсмотрѣніи отдѣльныхъ налоговъ, въ общемъ слѣдующія:

1) Невозможно устроить раскладку налоговъ, и прежде всего выбрать окладъ налога, такъ, чтобы всѣ виды прибыли были привлечены въ одинаковой мѣрѣ, т. е. въ одинаковомъ процентномъ отношеніи къ прибыли. При одномъ налогѣ окладъ опредѣляется по величинѣ и качеству земельнаго участка, при другомъ по арендной платѣ, при третьемъ по размѣрамъ области сбыта, или также по числу работниковъ или по какому иному признаку. Все эти величины несоизмѣримыя. Какъ бы ни были удачно выбраны онѣ для раскладки родственныхъ между собой налоговъ одного вида, но для равномѣрнаго обложенія нѣсколькими видами налоговъ онѣ не представляютъ ни малѣйшихъ основаній для сравненія. Къ тому же нельзя обойти вопросъ, не должна ли фундированная прибыль подлежать болѣе высокому обложенію сравнительно съ нефундированной. Разъ этотъ вопросъ разрѣшить въ утвердительномъ смыслѣ, получаются новыя затрудненія.

2) Второй источникъ неравномѣрности обложенія заключается въ томъ, что объекты, подлежащіе налогу, очень различны по уловимости. Напр. земля, строенія, жалованье чиновниковъ ни при какихъ обстоятельствахъ не могутъ

укрыться совсѣмъ отъ обложенія, тогда какъ это очень легко можетъ случиться съ рентой отъ капитала и гонорарами свободныхъ профессій. Такимъ образомъ нѣкоторые классы лицъ будутъ обременены несравненно болѣе, чѣмъ другіе.

Если, кромѣ того, припомнить всѣ трудности, которыя возникаютъ отъ принятія или непринятія въ соображеніе издержекъ производства, отъ чего въ одномъ случаѣ получается полный переходъ къ субъективному обложенію, а въ другомъ нѣтъ и малѣйшей попытки къ нему, то мы, конечно, будемъ далеки отъ того, чтобы считать этотъ видъ обложенія совершеннымъ.

§ 119.—Всѣ указанныя темныя стороны имѣютъ и для финансоваго управленія очень важныя послѣдствія, которыми, особенно въ настоящее время, при доказанномъ возрастаніи бюджета расходовъ, пренебрегать не слѣдуетъ. Это — невозможность сильно увеличивать доходъ отъ налоговъ на прибыль и соразмѣрять его съ возрастающими государственными расходами. Такъ какъ число податныхъ объектовъ въ общемъ прибываетъ медленно, то значительнаго увеличенія податной суммы можно достигнуть только путемъ увеличенія податнаго оклада отдѣльныхъ налоговъ; а въ этомъ случаѣ не трубуетъ доказательства, что обложеніе, само по себѣ несовершенное, будетъ тѣмъ несовершеннѣе и обременительнѣе, чѣмъ выше его размѣръ. И наконецъ, добавочные налоги, взимаемые обыкновенно наряду съ государственными налогами другими политическими союзами, и получающееся такимъ путемъ повышеніе налоговъ на прибыль служатъ лучшимъ указаніемъ на несправедливости существующей системы.

§ 120.—На ряду съ указанными недостатками обложенія прибыли есть и особыя преимущества его. Таковыхъ, главнымъ образомъ, слѣдующія два:

1) Обложеніе прибыли, благодаря своему объективному характеру, позволяетъ привлечь такіе виды прибыли, которые

при подоходномъ налогѣ могли бы легко ускользнуть отъ обложенія. Мы разумѣемъ здѣсь прибыль, получаемую въ странѣ иностранцами.

2) Обложеніе прибыли при всякихъ обстоятельствахъ обезпечиваетъ государству опредѣленный доходъ, мало измѣняющійся и независящій отъ случайностей, а это фактъ неоцѣнимой важности Если налоги на прибыль и нелегко приноровляются къ возрастающей финансовой потребности, то они все же удовлетворяютъ большей части ея почти съ абсолютной опредѣленностью.

§ 121.—Значеніе этихъ двухъ преимуществъ достаточно велико, чтобы оправдать удержаніе системы налоговъ на прибыль, разъ она получила право гражданства. Полнаго уничтоженія налоговъ на прибыль нельзя одобрить и потому, что налоги эти, особенно поземельные и на строенія, зачастую получаютъ видъ реальной повинности, обыкновенно принимаемой въ разсчетъ при покупкѣ недвижимаго имѣнія. Отмѣна налоговъ, какъ уже было замѣчено выше, обратится тогда для случайнаго владѣльца въ подарокъ, размѣръ котораго опредѣляется количествомъ не только разоваго налога, но и капитализированной суммы его.

Разсмотрѣніе всѣхъ недостатковъ налоговъ на прибыль приводитъ насъ къ двумъ неоспоримымъ требованіямъ на будущее время.

Во первыхъ, податной окладъ существующихъ налоговъ на прибыль не долженъ быть значительно возвышаемъ сравнительно съ его первоначальнымъ размѣромъ.

Во вторыхъ, обложеніе прибыли должно быть какимъ либо способомъ поставлено въ связь съ тѣмъ обложеніемъ, которое распространяется на доходъ и соображается съ личными моментами, не принимаемыми въ соображеніе при обложеніи прибыли.

Для этого существуютъ два пути: или обратить налоги на

прибыль въ спеціальные подоходные налоги, принимая въ разсчетъ при каждомъ изъ нихъ личныя отношенія; или оставить существованіе налоговъ на прибыль и рядомъ установить подоходный налогъ, пожалуй, въ соединеніи съ поимущественнымъ.

Первый путь въ техническомъ отношеніи, во всякомъ случаѣ, много труднѣе: стоитъ припомнить только неизбѣжную при немъ систему показаній и задолженности. Менѣе удобенъ онъ и потому еще, что расчлененіе одного налога на нѣсколько самостоятельныхъ частей всегда остается источникомъ всякихъ несправедливостей. Второй путь, неоднократно съ успѣхомъ примѣнявшійся по частямъ, повидимому, можетъ смягчить многочисленныя строгости обложенія, удовлетворить требованіямъ финансовой политики и послужить переходомъ къ настоящему подоходному обложенію. Объ этомъ будетъ рѣчь въ 4-ой главѣ.

Литература. (*)—W. Vocke, Steuerobjekt und Realsteuer, въ Finanzarchiv 1892, I.

Глава вторая.

Налоги съ обращенія имуществъ.

1. Понятіе и раздѣленіе.

§ 122.—Налоги съ обращенія имуществъ (Vermögensverkehr) суть налоги на нѣкоторыя, появляющіяся въ юридическомъ или хозяйственномъ оборотѣ, движимыя или недвижимыя имущества, части имуществъ, имущественныя цѣнности и имущественныя права.

Податной источникъ ихъ заключается отчасти въ получаемыхъ отъ оборота имуществъ доходахъ и прибыляхъ, отчасти въ прочемъ имуществѣ тѣхъ лицъ, между которыми происходитъ переходъ имуществъ.

Податнымъ объектомъ ихъ служитъ находящееся въ

обращенiи имущество или документъ объ этомъ обращенiи; субъектомъ ихъ по большей части бываетъ лицо, получающее имущество, а иногда также владѣлецъ имущества или тотъ, кто извлекаетъ выгоду изъ обращенія имущества. Налоги эти объективнаго характера и какъ таковые не принимаютъ въ соображенiе личныхъ отношенiй плательщиковъ.

Отъ собственно имущественныхъ налоговъ или налоговъ съ владѣнія имуществомъ они отличаются тѣмъ, что первые всецѣло или отчасти распространяются на имущество, спокойно находящееся въ чьихъ либо рукахъ, тогда какъ вторые касаются только тѣхъ имуществъ, которыя находятся въ состоянiи перехода изъ однихъ рукъ въ другія.

Съ внѣшней стороны нѣкоторые изъ этихъ налоговъ обнаруживаютъ сходство съ пошлинами, особенно съ пошлинами судебными, и потому, напр., налоги съ обращенія недвижимыхъ имуществъ въ практикѣ называются также пошлинами съ перемѣны владѣнія. Взимаются они частью въ связи съ обращенiемъ къ суду, частью оплата ихъ происходитъ въ видѣ штемпельнаго сбора, практикующагося при пошлинахъ. Даже прототипъ свой они зачастую находятъ въ старой системѣ пошлинъ регальнаго характера. Однако отъ пошлинъ налоги эти отличаются существенно:

1) по предмету, которымъ въ одномъ случаѣ является дѣйствiе органовъ, въ другомъ—находящееся въ переходѣ владѣнія имущество;

2) по финансовой цѣли, которую при пошлинахъ слѣдуетъ видѣть въ возмѣщенiи причиненныхъ государству расходовъ, а при этихъ налогахъ—въ полученiи настоящаго дохода;

3) по высотѣ размѣра, которая въ первомъ случаѣ опредѣляется количествомъ причиненныхъ расходовъ, во второмъ—размѣромъ цѣны имущества.

Какъ ни ясно это различiе представляется въ теорiи, какъ ни отчетливо выступаетъ оно при многихъ изъ этихъ сборовъ,

однако бываетъ не мало случаевъ, которые трудно отнести къ той или другой категоріи, особенно когда вмѣстѣ съ переходомъ имущества должна выступать и должностная дѣятельность государственныхъ органовъ.

Эти налоги на обращеніе цѣнностей по большей части причисляются къ прямымъ налогамъ, такъ какъ взимаются съ тѣхъ, на кого должны падать. Самое взиманіе можетъ производится отчасти непосредственно, черезъ податныя учрежденія или тѣ органы, при посредствѣ которыхъ совершается переходъ имуществъ, отчасти посредственно черезъ самихъ плательщиковъ въ различныхъ формахъ штемпельной оплаты. Относящіяся сюда замѣчанія достаточно изложены въ ученіи о пошлинахъ.

Настоящее систематическое раздѣленіе этихъ налоговъ очень трудно, потому что введеніе ихъ обусловливалось преимущественно финансовыми соображеніями. Часто, не преслѣдуя какой либо опредѣленной системы, прибѣгали къ подобнымъ налогамъ, если они обѣщали значительный доходъ и при томъ не очень сильно погрѣшали противъ другихъ принциповъ податной системы. Для дальнѣйшаго обозрѣнія лучше всего, думаю, избрать слѣдующее раздѣленіе:

1) налоги съ обращенія имуществъ между живыми; въ частности: а) налоги съ перехода недвижимости, б) съ передачи движимаго имущества, в) съ договоровъ;

2) налоги съ обращенія имуществъ по случаю смерти;

3) эквивалентъ налога.

Вмѣстѣ съ обозрѣніемъ этихъ отдѣльныхъ видовъ параллельно будетъ даваться и оцѣнка ихъ.

Литература.—О налогахъ на обращеніе цѣнностей вообще см. приведенныя выше на стр. 69 сочиненія и статьи Ал. Мейера, Р. Фридберга и В. Безобразова.

2. Налоги съ обращенія имуществъ между живыми.

§ 123.—1) Налогъ съ перехода недвижимаго

имущества (Uebertragungssteuer, Steuer vom Immobiliarvermögensverkehr, Besitzveränderungssteuer) Этотъ налогъ взимается при перемѣнахъ, происходящихъ во владѣніи недвижимостью или въ равносильныхъ съ этимъ правахъ (земельные оброки, вѣчные вклады). Слѣдовательно онъ является при куплѣ и обмѣнѣ, при перемѣнахъ вслѣдствіе экспропріаціи и присужденія, вслѣдствіе брачныхъ и наслѣдственныхъ договоровъ, дареній и фундушей между живыми и т. д.

Раскладка этого налога, далеко отодвигающагося назадъ по своему историческому началу, производится обыкновенно въ процентномъ отношеніи къ цѣнѣ, о которой идетъ дѣло; взиманіе совершается непосредственно чрезъ податные или иные облеченные на это правомъ органы.

Налогъ этотъ до сихъ поръ подвергается самой разнорѣчивой оцѣнкѣ.

Противники его утверждаютъ, что въ немъ оказывается недостатокъ справедливости и снисходительности. Именно онъ, во первыхъ, падаетъ односторонне на недвижимое владѣніе, и при томъ больше на городское, чѣмъ на сельское, и этимъ еще увеличиваетъ бремя, лежащее и безъ того на немъ въ видѣ налоговъ на прибыль; во вторыхъ, эти перемѣны владѣнія настолько же могутъ служить и признакомъ нужды, какъ и благосостоянія; въ третьихъ, налогъ соображается исключительно съ продажной цѣной, не обращая вниманія на ожидаемую прибыль и личныя отношенія, особенно же долговыя; кромѣ того при немъ возможны переложенія отъ стороны экономически болѣе сильной на болѣе слабую.

Напротивъ, въ пользу данныхъ налоговъ выставляютъ прежде всего то, что постоянно возрастающая потребность въ финансахъ заставляетъ отыскивать новые источники доходовъ. Нѣсколько болѣе высокое обложеніе недвижимаго имущества оправдывается, далѣе, тѣмъ, что цѣна этого имущества особенно въ городахъ, и его доходность въ общемъ значительно

поднимается, по большей части независимо отъ заслуги собственниковъ, благодаря одной конъюнктурѣ, а между тѣмъ обложеніе прибыли не можетъ слѣдовать за этимъ увеличеніемъ ренты. Соображеніе, что перемѣна владѣнія можетъ быть столько же признакомъ и нужды, сколько благосостоянія, справедливо; но изъ него не вытекаетъ необходимости полнаго уничтоженія налога, а возникаетъ только требованіе, что налогъ долженъ ложиться на пріобрѣтателя, а не на того, кто передаетъ имущество. Налогъ, конечно, не долженъ быть слишкомъ великъ, иначе оправдаются соображенія, высказываемыя противниками его; далѣе высота налога должна соизмѣряться съ цѣной, о которой идетъ дѣло; въ третьихъ, переходъ владѣнія между ближайшими родственниками, особенно въ нисходящей линіи долженъ облагаться въ наименьшей мѣрѣ; наконецъ, въ такомъ же соотвѣтствіи долженъ быть привлеченъ къ обложенію переходъ движимаго имущества.

Литература.—C. v. Czörnig, Die Abgaben von der Uebertragung unbeweglichen Eigenthums etc., Triest. 1869.

§ 124.—2) Налоги съ обращенія движимаго имущества. Въ практикѣ встрѣчаются: а) налоги на квитанціи и счета (квитанціонныя марки), б) налоги на дѣловыя письма, накладныя, коносаменты, складочныя удостовѣренія и т. п., в) налоги на векселя (вексельный гербовый сборъ), г) на биржевыя записи (Schlussnoten) т. е. на удостовѣреніе о совершеніи сдѣлокъ, такъ называемый биржевой налогъ, д) налоги съ договоровъ купли и поставки, съ аукціоновъ, е) налоги на акціи и паевые документы, на внутреннія и иностранныя процентныя бумаги и долговыя обязательства, ж) налоги на страховые полисы, з) налоги на игорныя ставки и прибыли. Въ этомъ перечисленіи названы не всѣ встрѣчающіеся налоги на обращеніе движимости, а только главнѣйшіе.

Большая часть этихъ налоговъ объясняется прежде всего

финансовыми соображеніями, затѣмъ желаніемъ привлечь къ обложенію обращеніе движимыхъ имуществъ наряду съ обращеніемъ недвижимости, во имя требованій уравнивающей справедливости, наконецъ все очевиднѣе выражающимся развитіемъ движимаго имущества. Это имѣетъ особенное значеніе по отношенію къ налогамъ на дѣловыя письма, накладныя и т. д.; на договоръ купли и поставки, на счета и квитанціи. Хотя вполнѣ объяснимо и въ нѣкоторомъ отношеніи находитъ себѣ оправданіе строгое привлеченіе движимаго имущества къ несенію налоговъ, однако нѣкоторые изъ этихъ налоговъ подаютъ поводъ къ серьезнымъ недоразумѣніямъ. Такъ, напр., налоги на квитанціи: или они распространяются только на тѣ квитанціи, которыя не могутъ ускользнуть отъ обложенія, именно на квитанціи и счета, представляемые по поводу доставки товара или услугъ общественнымъ органамъ,—въ такомъ случаѣ налогъ или перелагается во всемъ объемѣ на государственную кассу, или падаетъ односторонне на нѣкоторыхъ поставщиковъ; или же налоги эти должны распространяться на всѣ квитанціи и т. д.,—тогда очень трудно вести контроль, и гнетъ налога вызываетъ крайнюю безформенность обращенія, опасную въ юридическомъ отношеніи. Кромѣ того получаютъ незаслуженное преимущество акты имущественнаго обращенія при покупкѣ на наличныя деньги.

Что касается налоговъ на векселя, то въ пользу его можно привести слѣдующее: при не особенно высокомъ окладѣ онъ необременителенъ; падаетъ на торговые и по большей части налогоспособные классы; берется преимущественно изъ прибыли, получаемой при обращеніи векселей.

Изъ налоговъ на обращеніе всего скорѣе находятъ себѣ оправданіе и основу налогъ на биржевыя записи, такъ наз. биржевой налогъ, и налогъ на игорныя ставки и прибыли.

Биржевой налогъ распространяется на биржевыя за-

писи по поводу совершенія и продленія (Prolongation) сдѣлокъ о куплѣ и поставкѣ всякаго рода относительно векселей, цѣнныхъ бумагъ, иностранныхъ банковыхъ билетовъ и бумажныхъ денегъ и т. д. Этотъ налогъ тѣмъ легче находитъ себѣ основаніе, что касается преимущественно особыхъ операцій крупной торговли и распространяется на такіе классы населенія, которые путемъ налога на прибыль рѣдко облагаются въ надлежащемъ отношеніи къ ихъ платежной способности, именно на капиталистовъ и банкировъ. Поскольку онъ касается спекулятивной торговли цѣнными бумагами и биржевой игры, онъ ложится, по крайней мѣрѣ отчасти, на биржевую прибыль, которая очень часто можетъ ускользнуть отъ всѣхъ другихъ налоговъ; въ этомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ, какъ налогъ на игорныя ставки и, какъ таковой, находитъ себѣ новое оправданіе.

Впрочемъ, чтобы быть до нѣкоторой степени удовлетворительнымъ, налогъ этотъ долженъ: 1) взиматься въ процентномъ отношеніи къ цѣнѣ, а не въ видѣ фиксированнаго гербоваго сбора, 2) быть не слишкомъ высокимъ. Фиксированный гербовый сборъ представляетъ несомнѣнную поблажку болѣе крупнымъ оборотамъ, которые обладаютъ сами по себѣ большею налогоспособностью; только процентный или повышающійся въ легкой прогрессіи налогъ будетъ удовлетворять своей цѣли. Но налогъ не долженъ быть также слишкомъ высокъ, если не хотятъ, чтобы обращеніе прекратилось на внутреннихъ биржахъ и перешло на иностранныя. Правда, и при этихъ условіяхъ все еще остается довольно много недостатковъ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что налогоспособное имущество, состоящее въ цѣнныхъ бумагахъ, облагается биржевымъ налогомъ неполно и неравномѣрно, что переложенія часто находятъ себѣ мѣсто и что необходимыя мѣры контроля создаютъ извѣстнаго рода стѣсненія для обмѣна.

Трудность проведенія процентнаго биржеваго налога путемъ обложенія каждаго единичнаго посѣтителя биржи вызвала предположеніе взимать этотъ налогъ какъ контингентированный, т. е. въ такомъ видѣ чтобы законъ опредѣлялъ для всѣхъ имѣющихся въ виду биржъ, и при томъ для каждой порознь, годичную круговую сумму (Pauschalsumme), платимую по сдѣлавшимся извѣстными годичнымъ оборотамъ, какъ общій налогъ, и чтобы эта сумма распредѣлялась потомъ предсѣдателемъ биржи или особо уполномоченной на то коммиссіей между отдѣльными членами.

Что касается налоговъ на игорныя ставки и прибыли, то первыя являются не столько налогами на обращеніе, сколько видомъ налоговъ на расходы; въ качествѣ послѣднихъ они находятъ себѣ даже больше оправданія, чѣмъ нѣкоторые другіе налоги съ расходовъ, потому что въ игорной ставкѣ несомнѣнно выражается часть дохода, безъ которой можно обойтись. Прибыль же отъ игры и счастья относительно обложенія должна разсматриваться одинаково съ дареніемъ и наслѣдствомъ между лицами, не находящимися въ родствѣ; съ ними она схожа по своей внутренней природѣ, и потому достаточно сослаться на налогъ съ наслѣдства.

Литература.—C. v. Czörnig, Die Besteuerung der Wechsel etc., Triest 1870. R. Friedberg, Die Börsensteuer, Berlin 1875. Perrot, Die Börse und die Börsensteuer, Berlin 1876. Его же, Die Börsensteuer, Berlin 1880. R. Friedberg, Vorschläge zur technischen Durchführung einer prozentualen Börsensteuer, Jena 1882. Ehrenberg, Die Fondsspeculation und die Gesetzgebung, Berlin 1883. O. Arendt, Börsensteuer und Börsenoganisation, Berlin 1885. Heckscher, Die Börsensteuer, въ Social. Zeitfragen 1885. Hecht, Die Geschäftssteuer auf Grunlage des Schlussnotenzwangs; 5 Aufl., Stuttg. 1885. R. Friedberg, Das Reichsbörsensteuergesetz, въ Jahrb. f. N. Ö. u. St. 1885. G. Cohn, Ein Wort zur Börsensteuer, въ его Nationalök. Studien, Stuttg. 1886 (изъ Jahrb. f. N. Ö. u. St. 1885).

§ 125.—Налоги съ договоровъ.—Это налоги съ до-

говоровъ объ арендѣ и наймѣ недвижимости. Гдѣ землевладѣніе обложено поземельнымъ налогомъ и налогомъ на переходъ недвижимости, тамъ эти налоги съ договоровъ являются тяжелымъ бременемъ; при нѣкоторой высотѣ своей они могутъ быть даже препятствіемъ для аренднаго и участковаго хозяйства и потому находятъ себѣ объясненіе только въ фискальныхъ основаніяхъ.

3. Налогъ съ обращенія имуществъ по случаю смерти.

(Налогъ съ наслѣдства).

§ 126.—Налогъ съ обращенія имущества по случаю смерти, называемый обыкновенно налогомъ съ наслѣдства, есть налогъ на имущество, переходящее къ наслѣдникамъ по случаю смерти наслѣдодателя. Податнымъ источникомъ и податнымъ объектомъ служитъ вся сумма наслѣдства, насколько она состоитъ въ активѣ; податнымъ субъектомъ является наслѣдникъ или наслѣдники.

Налогъ съ наслѣдства есть налогъ на обращеніе, потому что онъ падаетъ на имущество, находящееся въ состояніи перехода; но онъ въ нѣкоторомъ смыслѣ также имущественный налогъ, и при томъ общій, такъ какъ взимается со всего имущества наслѣдодателя.

§ 127.—Этотъ налогъ подвергался также различной оцѣнкѣ. Противники его опирались преимущественно на слѣдующіе два аргумента:

1) Налогъ съ наслѣдства, принимающій обыкновенно на практикѣ очень высокій окладъ, значительно уменьшаетъ достающееся наслѣдникамъ имущество и этимъ приводитъ къ невыгоднымъ послѣдствіемъ для народнаго хозяйства. Именно, въ то время какъ налогъ на прибыль и подоходный налогъ, которые субъектъ хозяйства долженъ покрыть изъ своихъ обычныхъ поступленій, даютъ или, по крайней мѣрѣ, могутъ дать побужденіе къ сложенію суммы налога путемъ улучшенія и

увеличенія производства, здѣсь, въ силу того, что наслѣдникъ получаетъ имущество, пріобрѣтенное не его трудомъ, обыкновенно не оказывается никакого стимула къ возврату поглощенной налогами суммы.

2) Налогъ съ наслѣдства часто поражаетъ не приращеніе имущества, а основу хозяйственнаго существованія наслѣдниковъ, напр., малолѣтнихъ сиротъ. Наслѣдники еще при жизни наслѣдодателя съ нимъ вмѣстѣ пользовались наслѣдуемымъ имѣніемъ, и полученіе такого наслѣдства не дѣлаетъ ихъ богаче. Часто, вопреки факту полученія наслѣдства, наслѣдники оказываются даже въ худшемъ положеніи, чѣмъ прежде, такъ какъ у нихъ отпадаетъ доля пользованія всѣмъ тѣмъ, что умершій пріобрѣталъ еще своей хозяйственный дѣятельностью.

Противъ этихъ аргументовъ сторонники разсматриваемаго налога приводятъ слѣдующія соображенія:

1) Вопросъ о томъ, возмѣщается наслѣдниками или нѣтъ часть имущества, взятая изъ наслѣдства для уплаты налога, не можетъ подлежать разрѣшенію въ общемъ видѣ, потому что окончательное рѣшеніе здѣсь зависитъ отъ духовныхъ и нравственныхъ свойствъ народа и отдѣльныхъ лицъ. Во всякомъ случаѣ для наслѣдниковъ не окончательно исключается возможность возстановить поглощенныя части состава имущества въ длинный промежутокъ времени, въ теченіи котораго обыкновенно производится взиманіе налога. Находящееся въ нѣкоторой связи съ выше приведеннымъ возраженіемъ соображеніе о томъ, будто налогъ съ наслѣдства разбивается объ экономическіе принципы податной системы, какъ падающій на имущество, а не на доходъ, шатко, потому что для податнаго субъекта, т. е. для наслѣдника, наслѣдство, поскольку оно состоитъ въ активѣ и, слѣдовательно, поскольку вообще подлежитъ налогу, всегда является доходомъ, и даже по отчисленіи налога все таки представляетъ увеличеніе его имущества.

2) Что касается втораго возраженія, то противъ него слѣдуетъ замѣтить, что при наслѣдствахъ очень часто идетъ рѣчь не о продолженіи пользованія имуществомъ, находившимся и прежде въ обладаніи того же самого семейства, а о приращеніи имущества для постороннихъ лицъ, имѣющемъ видъ прибыли. Въ первомъ случаѣ соотвѣтственнаго отношенія къ дѣлу можно достигнуть путемъ освобожденія отъ налоговъ небольшихъ наслѣдствъ и сравнительно невысокимъ обложеніемъ или даже освобожденіемъ наслѣдствъ, переходящихъ къ родственникамъ первой степени вообще.

§ 128.—Съ возраженіями, выставляемыми противъ налога на наслѣдства, тѣмъ больше нельзя согласиться, что есть не мало аргументовъ, которые могутъ быть приведены въ его пользу и не только одобрить его съ точки зрѣнія справедливости, но и поставить наряду съ лучшими налогами вообще по основаніямъ цѣлесообразности.

Во первыхъ, чисто техническія преимущества. Налогъ этотъ доставляетъ полную возможность привлеченія податнаго объекта, не представляетъ затрудненій для раскладки и взиманія, требуется съ плательщика въ тотъ моментъ, когда тотъ при средствахъ, и, какъ налогъ съ незаслуженнаго, т. е. пріобрѣтеннаго не своимъ трудомъ приращенія имущества, по большей части мало чувствителенъ.

Еще больше значенія имѣютъ другія преимущества. Налогъ съ наслѣдства есть одинъ изъ немногихъ налоговъ, при которыхъ нѣтъ опасности переложенія; онъ не связанъ и съ особеннымъ обремененіемъ наслѣдниковъ, такъ какъ для раздѣла наслѣдства и вступленія въ него имъ все равно приходится озаботиться принятіемъ всего имущества наслѣдодателя и обращаться за содѣйствіемъ общественныхъ органовъ. Самое же важное то, что благодаря этому налогу открывается возможность привлеченія къ налогу всего имущества, даже той движимости, которая ускользаетъ отъ всѣхъ другихъ налоговъ,

какъ напр. состоящая въ предметахъ роскоши всякаго рода, и даже той, которую умершій при жизни своей фактически выгородилъ отъ обложенія.

Налогъ съ наслѣдства является необходимымъ дополненіемъ другихъ налоговъ на обращеніе имуществъ еще и потому, что падаетъ на многія недвижимыя и движимыя имущества, которыя въ теченіе цѣлыхъ поколѣній не отчуждаются, а только переходятъ по наслѣдству и потому недоступны для этихъ другихъ налоговъ. Дальнѣйшее преимущество, связанное съ налогомъ на наслѣдство есть то, что доходъ отъ него долженъ повышаться съ ростомъ народнаго благосостоянія.

Какъ доводы въ пользу налога на наслѣдство, приводятся еще два дальнѣйшія соображенія. Во первыхъ, право государства установлять этотъ налогъ думаютъ вывести изъ того, что именно государство, такъ сказать, творитъ и гарантируетъ наслѣдственное право, и что оно въ правѣ поэтому требовать часть наслѣдства на цѣли государственныя. Во вторыхъ, соціально-политическій характеръ налога на наслѣдство стараются поставить выше его финансово-хозяйственнаго значенія. Но въ обѣихъ этихъ мотивировкахъ, подозрительныхъ по своимъ послѣдствіямъ, нѣтъ никакой надобности для оправданія налога на наслѣдство. Достаточно сослаться на приведенные раньше высшіе принципы податной системы.

§ 129.—Преимущества налога на наслѣдство повели на практикѣ къ повсемѣстному включенію его въ систему налоговъ; принципы же, положенные въ основу его раскладки, въ разныхъ государствахъ различны. Относительно раскладки принимаются въ соображеніе главнымъ образомъ слѣдующіе пункты:

1) Налогъ съ наслѣдства долженъ распространяться на все имущество, движимое и недвижимое, пріобрѣтательное и потребительное, переходитъ ли оно въ полную собственность или только въ пользованіе; между наслѣдованіемъ по завѣща-

нію и по закону различія не дѣлается. Слѣдуетъ упомянуть только о томъ, что налогъ съ наслѣдства долженъ падать лишь на ту сумму, на какую дѣйствительно обогащается лицо, получающее наслѣдство, за вычетомъ, слѣдовательно, всѣхъ долговъ и повинностей, переходящихъ вмѣстѣ съ наслѣдуемымъ имѣніемъ.

2) Налогъ долженъ падать на всѣхъ наслѣдниковъ; исключеніе можетъ быть допускаемо развѣ только по отношенію къ родственникамъ первой степени; но и это не должно быть безусловнымъ, разъ законъ допускаетъ возможность сообразоваться съ конкретнымъ положеніемъ наслѣдниковъ. Напротивъ, по указаннымъ выше основаніямъ вполнѣ оправдывается, чтобы ближайшіе родственники по нисходящей линіи и, пожалуй, супруги облагались наименьшимъ окладомъ, и чтобы этотъ послѣдній повышался по мѣрѣ отдаленности степеней родства, такъ чтобы достигалъ высшаго размѣра въ случаѣ наслѣдованія чужеродцемъ. Мелкія наслѣдства могутъ совсѣмъ освобождаться отъ налоговъ, равнымъ образомъ могутъ приниматься въ соображеніе завѣщанія въ пользу благотворительныхъ учрежденій и т. п.

3) Наряду съ этой прогрессіей податнаго оклада по степени родства рекомендуется также прогрессія въ средѣ самыхъ этихъ категорій, установляемыхъ родствомъ, именно прогрессія по величинѣ наслѣдства. Получившій большое наслѣдство, несомнѣнно, является несравненно болѣе способнымъ къ платежу, чѣмъ тотъ, кому досталась небольшая сумма.

4) Налогъ съ наслѣдства въ общемъ можетъ быть выше другихъ налоговъ, но не такъ высокъ, чтобы подъ его гнетомъ страдала свобода завѣщаній. Общія границы указать нельзя.

5) Не лишено значенія также высказанное съ разныхъ сторонъ предложеніе, при опредѣленіи высоты налога въ отдѣльныхъ случаяхъ соображаться съ временемъ, которое про-

текло между двумя открытіями наслѣдства, чтобы не слишкомъ умалить имущества, подлежащія частымъ наслѣдственнымъ переходамъ вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ. Впрочемъ соображеніе это имѣетъ силу только при наслѣдованіи въ средѣ одного и того же семейства.

§ 130.—Въ тѣсной связи съ налогомъ на наслѣдство стоитъ также налогъ на дарені я, о которомъ мы уже выше упоминали. Ясно, что первый можетъ быть успѣшенъ только при томъ условіи, когда второй идетъ съ нимъ рука объ руку. Путемъ даренія, выдѣловъ, назначенія приданаго и т. п. легко можно было бы обходить налогъ съ наслѣдства, особенно движимости, и скрывать происшедшій раньше обходъ налога. Поэтому рекомендуется налогъ на даренія разлагать вообще такъ же, какъ и налогъ на наслѣдство.

Литература.—H. v. Scheel, Erbschaftssteuer und Erbrechtsreform, Jena 1875; 2 Aufl. 1877. J. Baron, Zur Erbschaftssteuer, въ Jahrb. f. N.Ö.u.St. 1876. E. Leser, Die britische Erbschaftsbesteuerung, въ Zeitschr. f. d. ges. Staatsw. 1881. H. Geffcken, Erbrecht und Erbschaftssteuer въ Jahrb. f. Gesetzg., Verw. u. Volksw. 1881. Die Erbschafts- und Schenkungssteuer, въ Annalen des d. R. 1887, H. 4. R. v. der Borght, Das niederländische Erbschaftssteuergesetz, въ Finanzarchiv V, 1069. J. v. Keussler, Das russische Erbschafts- und Schenkunzssteuergesetz, въ Finanzarchiv V, 1096.—Bouillon, Traité sur les successions au point de vue fiscal, 4 ed., Paris 1880. *Львовъ, Налогъ съ наслѣдства по современному ученію финансовой науки. Каз. 1883.

4. Эквивалентъ налоговъ.

§ 131.—Эквивалентъ налоговъ, называемый въ практикѣ также эквивалентомъ пошлинъ, имѣетъ цѣлью дополнительное обложеніе того имущества, которое изъято изъ свободнаго обращенія.

Какъ извѣстно, существуетъ цѣлый рядъ юридическихъ субъектовъ имущества, которые по самому назначенію своему удерживаютъ имущество въ продолженіе цѣлыхъ поколѣній.

Таковы юридическія лица, общественныя корпораціи, торговыя и страховыя общества, товарищества, союзы и т. п. Принадлежащія имъ имущества, изъятыя изъ свободнаго обращенія, принято называть имуществами мертвой руки.

Налагаемый на эти имущества эквивалентъ налоговъ должно разсматривать какъ дополненіе налоговъ на обращеніе въ двоякомъ смыслѣ: во первыхъ, какъ дополненіе налоговъ на обращеніе имущества между живыми, во вторыхъ—какъ эквивалентъ налоговъ съ наслѣдства.

Эквивалентъ налоговъ относится обыкновенно только къ недвижимымъ имуществамъ и состоитъ или въ ежегодномъ налогѣ на прибыль съ соотвѣтствующихъ имуществъ, слѣдовательно фактически—въ надбавкѣ къ поземельному налогу, или же въ налогѣ, взимаемомъ періодически въ болѣе долгіе сроки и соизмѣряемомъ съ имущественной цѣнностью недвижимости. Вся трудность состоитъ въ томъ, чтобы правильно опредѣлить годичныя надбавки и періоды, т. е. настоящее соотношеніе этого налога съ тѣми, которые взимаются съ имуществъ свободнаго обращенія. Въ общемъ, второй видъ эквивалента налоговъ долженъ избираться предпочтительно передъ первымъ, потому что при немъ яснѣе выражается специфическая природа налоговъ на обращеніе. Что при эквивалентѣ налоговъ движимое имущество указанныхъ юридическихъ лицъ на практикѣ остается свободнымъ отъ обложенія, тогда какъ при свободномъ переходѣ оно подлежитъ налогу съ наслѣдства, это едва ли можетъ быть оправдано.

5. Оцѣнка налоговъ на обращеніе.

§ 132.—Дѣлая оцѣнку налоговъ на обращеніе имуществъ, слѣдуетъ прежде всего исключить изъ ихъ числа налогъ на наслѣдство. Онъ, какъ указано выше, имѣетъ много основаній для своего оправданія: онъ всеобщъ и справедливъ, при раціональной раскладкѣ не опасенъ въ экономическомъ отно-

шенiи, прибыленъ въ финансовомъ отношенiи и взимается безъ особенныхъ техническихъ затрудненiй.

Осужденiе, произносимое нерѣдко наукой относительно другихъ налоговъ на обращенiе, не касается налога на наслѣдство, потому что этотъ послѣднiй занимаетъ прочное положенiе не только какъ дополненiе и существенная часть ихъ, но и какъ самостоятельный налогъ.

§ 133. — Что касается остальныхъ налоговъ на обращенiе, то общее мнѣнiе не въ пользу ихъ; даже лежащую въ основѣ ихъ идею часто считаютъ совершенно недостигающей цѣли.

Къ ложной оцѣнкѣ ихъ часто приводило то обстоятельство, что всѣ налоги на обращенiе думали разсматривать и обсуждать съ точки зрѣнiя цѣлой системы, въ томъ же родѣ, какъ налоги на прибыль. Но и развитiе, какое приняли эти налоги въ исторiи, и форма, по большей части придаваемая имъ въ практикѣ законодательствъ, не позволяютъ считать этотъ взглядъ основательнымъ и вѣрнымъ. Налоги на обращенiе не представляютъ изъ себя какой либо системы, подобно налогамъ на прибыль или на расходы, но должны, каждый самъ по себѣ, разсматриваться преимущественно только какъ дополненiе къ другимъ налогамъ, главнымъ образомъ къ налогамъ на прибыль, а также къ субъективнымъ налогамъ, т. е. собственно подоходнымъ, съ назначенiемъ восполнять пробѣлы, оставляемые этимъ налогами.

Между тѣмъ эта точка зрѣнiя выступила на первый планъ только въ новѣйшее время. По большей части поводомъ къ налогамъ на обращенiе служило не стремленiе къ большей справедливости, а забота о самосохраненiи государства. Когда по какимъ либо основанiямъ не рѣшались покрывать возрастающiя потребности государства путемъ увеличенiя налоговъ на прибыль или на расходы, или же путемъ установленiя ихъ вновь, то подчиняли налогу такiе случаи обращенiя цѣнности, въ которыхъ обнаруживалось извѣстное обладанiе имуществомъ.

Поэтому первоначально взимались отдѣльные налоги съ обращенія имуществъ безъ соображенія съ основаніями справедливости, прежде и вообще упускаемыми изъ виду, и притомъ налоги эти связывались съ обращеніемъ имуществъ такого рода, имущественное значеніе которыхъ было наиболѣе очевиднымъ, которыхъ прибыль была наибольшей и наиболѣе вѣрной, а потому и болѣе налогоспособной, и которыхъ переходъ всего меньше могъ совершаться въ тайнѣ,— именно имуществъ недвижимыхъ. Въ исторіи они извѣстны подъ именемъ Mortuarien, Besthaupt*) и т. п. Когда же дошли до убѣжденія, что движимые капиталы въ промышленности и торговлѣ являются, по меньшей мѣрѣ, настолько же доходоспособными, если только не больше, и увидѣли, что налоги на промыслы и капитальную ренту, при всей осмотрительности ихъ раскладки, нигдѣ не достигаютъ правильнаго соотвѣтствія съ платежной способностью предпринимателей, капиталистовъ и другихъ общественныхъ классовъ, то обратились къ налогамъ на обращеніе также и движимаго имущества. Въ настоящее время все больше стали ссылаться на уравнивающую справедливость, которая рядомъ съ налогами на обращеніе недвижимости требуетъ также налоговъ на движимость.

§ 154.—Это основаніе до нѣкоторой степени, несомнѣнно, справедливо. Не трудно доказать, что крупная торговля, цѣнными бумагами и рента съ капитала несутъ слишкомъ мало повинностей, сравнительно съ другими источниками дохода. Гдѣ посредствомъ налоговъ на обращеніе удается подвести подъ обложенія не облагавшіяся раньше налогомъ части общаго дохода или коснуться прибыли отъ спекуляцій и конъюнктуръ, легко ускользающихъ отъ всякаго другаго обложенія, тамъ эти налоги дѣйствительно могутъ восполнять пробѣлы въ

---

*) Такъ назывались нѣкоторые средневѣковые сборы съ наслѣдствъ въ пользу церкви и территоріальныхъ владѣльцевъ. (Пр. пер.)

податной системѣ, тамъ и по внутренней своей природѣ они являются больше налогами на прибыль или пріобрѣтеніе, чѣмъ на имущества. Тамъ они не только пріурочиваются къ случайнымъ проявленіямъ частей имущества въ повседневномъ оборотѣ, но и стремятся соотвѣтствующимъ образомъ обложить платежную способность. Съ этой точки зрѣнія находятъ себѣ оправданіе налоги на биржевыя записи и векселя. При другихъ налогахъ на обращеніе имущества, напр. при налогахъ на акціи и паи, ренту, долговыя обязательства и т. д., въ сущности получается, въ большей или меньшей степени, двойное матеріальное обложеніе, даже если налоги эти уплачиваются изъ коммерческой прибыли, связанной съ актомъ обращенія. Ибо здѣсь налоги на обращеніе могутъ разсматриваться какъ дополнительные только въ томъ случаѣ, когда обнаруживающееся при нихъ имущество не было достаточно обложено податью въ моментъ своего образованія: это конечно иногда бываетъ, но не всегда. Правда, очевидное увеличеніе движимаго имущества даетъ государству увѣренность, что одни налоги на прибыль и общій доходъ не достаточно сильно поражаютъ это имущество въ соотвѣтствіи съ платежной способностью его.

Также и налогамъ съ операцій надъ недвижимымъ имуществомъ старались найти основаніе въ томъ, что будто поземельный и подомовый налоги не обнимаютъ *дѣйствительнаго* дохода, такъ какъ не могутъ слѣдовать за возвышеніемъ цѣнъ. Но и это вѣрно только до нѣкоторой степени и во всякомъ случаѣ не оправдываетъ того высокаго размѣра, въ которомъ налоги съ обращенія недвижимости взимаются въ большей части государствъ.

Въ примѣненіи къ *другимъ* налогамъ на обращеніе это относительное оправданіе не приложимо; для нихъ существуетъ только одно объясненіе — возрастающая для государства потребность въ средствахъ. *Противъ* нихъ можно выставить

цѣлый рядъ основаній, изъ которыхъ наиболѣе существенныя приведены выше, при обозрѣніи отдѣльныхъ налоговъ.

§ 135.—Теперь замѣчается то явленіе, что налоги на обращеніе цѣнности во многихъ государствахъ за послѣднее время все болѣе утрачиваетъ характеръ дополнительныхъ и добавочныхъ къ другимъ налогамъ и находятся въ состояніи перехода къ настоящему поимущественному обложенію. Стремленіе, очевидно, направляется къ тому, чтобы путемъ обложенія отдѣльныхъ актовъ обращенія осуществить обложеніе имущества. Это было бы аналогично съ обложеніемъ расходовъ; какъ здѣсь доходъ лица долженъ подпадать подъ налогъ чрезъ обложеніе главнѣйшихъ актовъ расходованія, такъ тамъ должно подпадать имущество чрезъ обложеніе существеннѣйшихъ случаевъ перехода.

На вопросѣ о томъ, могутъ ли вообще быть оправданы имущественные налоги, мы здѣсь не станемъ больше останавливаться; о немъ будетъ говориться ниже, при разсмотрѣніи имущественныхъ налоговъ. Въ этомъ мѣстѣ слѣдуетъ вкратцѣ коснуться только вопроса о томъ, какъ наука должна держать себя по отношенію къ такой тенденціи практики.

Что современные налоги на обращеніе не соотвѣтствуютъ понятію дополнительныхъ, уже показано выше. Что они и въ смыслѣ самостоятельныхъ поимущественныхъ налоговъ недостаточны, это ясно ужъ изъ одного того факта, что ими не затрогиваются очень многіе и важные виды имущественнаго обращенія.

Для приданія имъ удовлетворительнаго положенія представляется два пути: или обратить эти налоги въ прежній видъ, такъ чтобы они были только добавочными къ налогамъ на прибыль; или же дать имъ дальнѣйшее преобразованіе, такъ чтобы они, по извѣстной планомѣрности, встали наряду съ другими налогами, какъ номинальные имущественные налоги.

Въ первомъ случаѣ налоги на обращеніе, наряду съ налогами на наслѣдство и даренія, пожалуй, должны были бы ограничиться налогами на обращеніе недвижимаго имущества, вексельнымъ гербовымъ сборомъ и биржевымъ налогомъ. Но и при такомъ условіи является едвали устранимое препятствіе въ возрастающей потребности въ финансахъ.

Если избрать второй путь, то для приданія хотя нѣкоторой удовлетворительности налогамъ на обращеніе придется работать въ томъ направленіи, чтобы эти налоги обнимали по возможности все имущество, появляющееся въ обращеніи, поскольку изъ него можно вывести заключеніе о чистой прибыли или общемъ доходѣ. Этого послѣдняго требованія нужно безусловно строго держаться. Въ самомъ дѣлѣ, имущественный налогъ, который долженъ взиматься въ продолжительный періодъ времени и не вредить народному хозяйству, можетъ быть только номинальнымъ, т. е. такимъ, чтобы имущество при немъ служило только масштабомъ налога, а не самымъ источникомъ его. Преобразованіе налоговъ на обращеніе могло бы вести къ этой цѣли, главнымъ образомъ, съ одной стороны, именно когда были бы поставлены рядомъ налоги съ обращенія недвижимости и налоги съ перехода промышленныхъ и торговыхъ предріятій, т. е. болѣе крупныхъ. Въ возможности проведенія такого налога на практикѣ не можетъ быть сомнѣнія. Затѣмъ, оправданіе его находится въ обложеніи другихъ переходовъ имущества, въ его дополнительномъ характерѣ.

Другимъ требованіемъ, которому должно слѣдовать раціональное обложеніе переходовъ имущества, было бы возможное устраненіе фиксированнаго гербоваго сбора и послѣдовательное проведеніе обложенія по степенямъ, соразмѣрно съ обращающейся цѣнностью. Если строго держаться той мысли, что налогъ на обращеніе долженъ падать на имущество или, вѣрнѣе, на представляемый имъ до-

ходъ, то справедливое распредѣленіе податнаго бремени можетъ доставить только налогъ по степенямъ. Фиксированный же гербовый сборъ имѣетъ такое же дѣйствіе, какъ и посословный налогъ, т. е. онъ несоразмѣрно сильно падаетъ на владѣльцевъ мелкихъ имуществъ и снисходителенъ къ крупнымъ.

Конечно, и путемъ этихъ реформъ не устраняются нѣкоторыя изъ указанныхъ выше неудобствъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Налоги на расходъ.

1. Понятіе и раздѣленіе.

§ 136.—Налоги на расходъ (Aufwandsteuern, также наз. Aufschläge), суть налоги, падающіе на расходъ лица т. е. на употребленіе имущества, выражающееся въ потребленіи извѣстныхъ благъ и услугъ и пользованіи ими. Обоснованіе ихъ заключается въ предположеніи, что существуетъ извѣстная соразмѣрность между расходами, производимыми налогоплательщиками на опредѣленныя цѣли, и ихъ доходами.

Податной источникъ въ налогахъ на расходъ есть доходъ. Податными объектами служатъ различные предметы, потребленіе и употребленіе которыхъ облагается налогомъ. Податная единица есть извѣстная мѣра или вѣсъ ихъ, ихъ число или какой либо иной признакъ.

Такимъ образомъ, налоги на расходъ имѣютъ назначеніемъ облагать доходъ посредствомъ обложенія расходовъ. Тогда какъ налоги на прибыль, на имущество и на доходъ стремятся непосредственно охватить платежную способность контрибуэнтовъ, налоги на расходы поражаютъ только посредственныя проявленія ея, когда она обнаруживается въ потребленіи дохода [1].

---

[1]) Поэтому вообще налоги на расходъ называютъ косвенными на-

§ 137.—Предположеніе, что между удовлетвореніемъ потребностей и средствами къ нему, между расходами и доходами существуетъ соразмѣрность, безъ сомнѣнія является до извѣстныхъ предѣловъ правильнымъ. Чѣмъ удачнѣе выбраны въ этомъ смыслѣ предметы обложенія расходовъ, тѣмъ болѣе оно будетъ справедливымъ. Косвенные налоги должны быть организованы такимъ образомъ, чтобы контрибуэнтъ могъ расширять или суживать свое потребленіе въ зависимости отъ своего дохода и высоты налога, чтобы онъ самъ могъ принять на себя въ большей или меньшей степени или вовсе не принять бремя налога, сообразуясь съ своей податной силой.

Для осуществленія этой цѣли предлагали общіе налоги на расходъ, т. е. налоги, которые должны охватывать всю совокупность издержекъ лица. Однако не нужно доказательствъ, что такое обложеніе связано съ огромными расходами и съ чрезвычайнымъ стѣсненіемъ частной и промышленной жизни.

Точно также неудачны попытки найти единственный предметъ, потребленіе и употребленіе котораго могло бы разсматриваться, какъ надежное и точно соотвѣтствующее выраженіе дѣйствительнаго дохода. Ибо, если обложить налогомъ абсолютно необходимый предметъ потребленія, то налогъ долженъ дѣйствовать какъ поголовный и, слѣдовательно, оказаться слишкомъ обременительнымъ для бѣднѣйшихъ классовъ; если же наложить его на предметъ, безъ котораго можно болѣе или менѣе обойтись, то, даже при высокомъ податномъ окладѣ, онъ будетъ приносить лишь незначительный доходъ.

Поэтому не остается инаго пути, какъ распространить обложеніе расхода, по крайней мѣрѣ пока оно касается податныхъ объектовъ туземнаго производства, на извѣстное боль-

---

логами, хотя нѣкоторые изъ нихъ взимаются прямо, т. е. именно съ того лица, на котораго должны падать. См. примѣчаніе къ стр. 108.

шее или меньшее количество объектовъ,—количество, достаточно большое и разнообразное, чтобы составить комбинацію, которая бы дѣлала возможнымъ раціональное обложеніе различныхъ классовъ населенія и выполняла финансовую цѣль. Затѣмъ должно избѣгать причиненія слишкомъ большихъ стѣсненій домашней и хозяйственной жизни. Очевидно, поэтому, что, одобрять ли обложеніе издержекъ или нѣтъ, тамъ гдѣ оно существуетъ, все сводится къ выбору податныхъ объектовъ.

§ 138.—Налоги на расходъ могутъ подраздѣляться на классы или группы по различнымъ точкамъ зрѣнія. Главные признаки для болѣе детальнаго раздѣленія суть: а) конкретный, чисто физическій видъ предметовъ, б) значеніе ихъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, в) мѣсто производства предмета и г) способы взиманія и наложенія.

а) по отношенію къ конкретному виду облагаемыхъ предметовъ чаще всего различаютъ:

1. Налоги на жизненныя средства, именно налоги на хлѣбъ или муку (помолъ), мясо, соль, сахаръ, на нѣкоторые колоніальные товары, слущащіе жизненными средствами.

2. Налоги на напитки, именно налоги на пиво, вино, виноградное сусло, спиртъ, кофе, чай.

3. Налоги на остальные предметы потребленія и пользованія, напр. на табакъ и мыло, матеріалы отопленія, освѣщенія и одежды, на спички, игорныя карты, керосинъ, календари, газеты, лошадей, экипажи, квартиры и т. п.

§ 139.—б) По отношеніи къ значенію податныхъ объектовъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей различаютъ:

1) Налоги на необходимые предметы потребленія; это прежде всего налоги на хлѣбъ, мясо и соль, называемые также налогами на средства питанія (Verzehrungssteuer), за-

тѣмъ налоги на топливо, матеріалы для освѣщенія и одежды и т. п.

2) Налоги на общеупотребительные, не необходимые предметы, какъ кофе, чай, пиво, вино, сахаръ, табакъ, календари, газеты.

3) Налоги на предметы роскоши: экипажи, лошадей, прислугу и т. д.

Изложенная здѣсь группировка отдѣльныхъ предметовъ конечно можетъ подвергаться измѣненіямъ въ зависимости отъ мѣста и времени. Не только обычаи и привычки, т. е. общія культурныя условія цѣлаго народа и отдѣльныхъ сословій, но и часто естественныя явленія климатическія рѣшаютъ вопросъ о томъ, должно ли отнести предметъ къ первому, второму или третьему классу. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что предметы одного и того же рода, смотря по ихъ качеству, могутъ относиться то къ необходимымъ предметамъ, то къ предметамъ роскоши; стоитъ подумать прежде всего о множествѣ подраздѣленій мясныхъ продуктовъ.

§ 140.—в) По отношенію къ мѣсту производства облагаемыхъ предметовъ различаютъ налоги на туземные и на иностранные продукты. Послѣдніе, требующіе совершенно инаго способа наложенія и взиманія, чѣмъ первые, обыкновенно называются пограничными таможенными пошлинами или просто таможенными пошлинами.

§ 141.—г) По отношенію къ способамъ взиманія и наложенія различаютъ: 1) монополіи и 2) собственно налоги.

1) Монополія.—Подъ фискальной или податной монополіей разумѣютъ исключительное право государства на производство и сбытъ, иногда также только на производство или только на сбытъ извѣстныхъ продуктовъ,—право, которымъ государство пользуется независимо отъ общаго права и свободной конкурренціи, съ цѣлью изъ продажи этихъ продуктовъ извлекать прѣбыль бóльшую обыкновенной; этотъ излишекъ

прибыли и слѣдуетъ разсматривать какъ налогъ. Въ зависимости отъ того, распространяется ли монополизированіе соотвѣтствующихъ промышленныхъ занятій на всѣ эти операціи, или только на отдѣльныя части ихъ, говорятъ о полныхъ или частичныхъ монополіяхъ. Послѣднія могутъ быть монополіями одной фабрикаціи, или одной торговли, или даже только одной оптовой торговли. Монополія не есть особый видъ налога, а лишь особый способъ взиманія налоговъ на потребленіе. Здѣсь казенные оптовые и мелочные продавцы точно такъ же заставлютъ потребителя уплатить налогъ въ повышенной цѣнѣ товара, какъ фабриканты, оптовые и мелочные торговцы — въ настоящихъ налогахъ на расходъ.

Главнѣйшими промышленными занятіями, на которыя государства оставляютъ за собой исключительныя права съ цѣлью взиманія налоговъ, служили и служатъ производство и сбытъ соли, табаку, спирта, керосина, зажигательныхъ спичекъ, папиросной бумаги.

Хотя податная монополія, разсматриваемая съ чисто технической точки зрѣнія, пригодна для цѣлаго ряда предметовъ и обѣщаетъ крупные доходы; хотя, далѣе, возможность соотвѣтствующаго справедливости обложенія продуктовъ по качеству присуща ей въ гораздо высшей степени, чѣмъ какой либо иной формѣ обложенія расходовъ, тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности она находитъ себѣ примѣненіе въ сравнительно немногихъ случаяхъ. Примѣненіе монополіи всегда обозначаетъ ограниченіе свободнаго обращенія, вытѣсненіе частнохозяйственной дѣятельности, лишеніе возможности существованія многихъ отдѣльныхъ лицъ; все это служитъ причиной, почему къ монополіи не слѣдуетъ прибѣгать безъ настоятельныхъ поводовъ. Для введенія монополіи, поэтому, всегда необходимо доказательство, что невозможно исчерпать соотвѣтствующимъ образомъ податную силу предмета путемъ обычнаго обложенія расходовъ.

2) Налоги на расходъ въ собственномъ смыслѣ. — Налоги на расходъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ облагаютъ предметы свободнаго оборота весьма различнымъ образомъ и способомъ наложенія. Взиманіе налога происходитъ частью прямо, при такъ наз. налогахъ на роскошь, частью косвенно. Согласно всей природѣ удовлетворенія потребностей и проявленія издержекъ первый видъ взиманія можетъ примѣняться только къ немногимъ предметамъ и потому не можетъ быть особенно доходнымъ въ финансовомъ отношеніи. Значительно болѣе важными налогами являются косвенные. Именно чрезвычайная трудность прямо привлекать къ обложенію потребленіе многихъ предметовъ, распадающееся между множествомъ людей и на множество актовъ потребленія, повело къ обложенію этихъ предметовъ, если они производятся внутри страны, у производителя или продавца, или, если они привозятся изъ за-границы, у импортёра, т. е. тамъ, гдѣ они находятся въ большомъ количествѣ и не легко могутъ пройти незамѣченными и необложенными. Производитель или торговецъ уплачиваетъ государству налогъ впередъ и старается затѣмъ получить его обратно съ потребителя, посредствомъ соотвѣтствующей надбавки къ цѣнѣ своихъ товаровъ. Такимъ образомъ переложеніе налога является въ этомъ случаѣ условіемъ справедливаго распредѣленія. Едва ли нужно упоминать, что косвенный налогъ на потребленіе, если онъ долженъ и можетъ падать только на туземныхъ потребителей, долженъ возвращаться производителю обложенныхъ товаровъ въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что они вывозятся за границу. Это возвращеніе есть естественное и необходимое послѣдствіе взиманія у производителя. Если бы налогъ оставался на производителѣ и при вывозѣ имъ товаровъ за границу, то, такъ какъ переложеніе здѣсь не осуществимо, обложеніе въ конечномъ результатѣ пало бы на производителя и крайне затрудняло бы для него конкурренцію за границей.

Эти косвенные налоги на расходъ по отношенію къ моменту, въ который они взимаются, могутъ быть снова раздѣлены на группы.

Именно, налогъ можетъ взиматься или во время фабрикаціи, или во время передвиженія товаровъ.

Какъ совершается процессъ обложенія въ отдѣльныхъ случаяхъ, будетъ указано ниже, при разсмотрѣніи различныхъ видовъ ихъ. Здѣсь достаточно указать на то, что податная техника пользуется, смотря по особенностямъ природы облагаемаго предмета, тѣми моментами производства и торговли или обоихъ вмѣстѣ, которые представляютъ наиболѣе благопріятныя условія для обложенія.

1) Что касается налоговъ на производство или фабрикацію, то это—налоги или съ сыраго матеріала, или съ полуфабриката, или съ готоваго продукта, при чемъ, естественно, они могутъ падать только на предметы туземнаго производства. Тамъ, гдѣ опредѣленіе для налога количества и качества матеріала представляется очень труднымъ, обложеніе совершается по извѣстнымъ признакамъ и средствамъ производства, которые даютъ возможность заключенія о первомъ, напр. по вмѣстимости сосудовъ, употребляемыхъ въ извѣстной стадіи производства. Изобрѣтеніе и примѣненіе особыхъ предписаній и аппаратовъ особенно для опредѣленія качества, какъ спиртомѣровъ, сахарометровъ, контрольныхъ, счетныхъ и вѣсовыхъ аппаратовъ, значительно усовершенствовало процессъ обложенія.

Налоги на фабрикацію примѣняются преимущественно къ тѣмъ объектамъ, производство которыхъ происходитъ въ крупныхъ предпріятіяхъ и сконцентрировано въ немногихъ пунктахъ, такъ что взиманіе и надзоръ легки и не требуютъ большихъ расходовъ. Гдѣ это возможно безъ слишкомъ большаго стѣсненія промышленности, наложеніе должно происходить по готовому продукту, а взиманіе—по возможности прибли-

жаться къ тому моменту, когда продуктъ дѣйствительно поступаетъ въ потребленіе. Хотя обложеніе сыраго матеріала имѣетъ то преимущество, что подлежащій налогу продуктъ облагается въ началѣ производства и производство далѣе уже не стѣсняется, но оно по большей части можетъ дать только обложеніе количества, а не качества. Напротивъ налогъ на фабрикатъ даетъ возможность, по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ, облагать и качество, вслѣдствіе чего потребленіе лучшихъ и болѣе утонченныхъ продуктовъ, въ которомъ обыкновенно обнаруживается также и высшій доходъ, можетъ быть обложено сильнѣе. Оно заслуживаетъ предпочтенія также и потому, что переложеніе налога съ производителя на потребителя, обычное предположеніе всякаго косвеннаго налога, совершается во всякомъ случаѣ легче и ровнѣе, если моменты уплаты налога и полученія цѣны быстро слѣдуютъ другъ за другомъ, чѣмъ если податной предметъ долженъ еще пройти нѣсколько стадій оборота, прежде чѣмъ достигнуть потребителя и дѣйствительнаго плательщика налога.

2) Что касается налоговъ, взимаемыхъ во время передвиженія товаровъ, то здѣсь нужно различать продукты, поступающіе изъ-за границы или отправляемые за границу, отъ продуктовъ, произведенныхъ внутри страны и здѣсь же потребляемыхъ.

Тѣ подлежащіе налогу предметы, которые идутъ въ страну для потребленія изъ-за границы, облагаются на границѣ страны или собственно въ таможняхъ посредствомъ таможенныхъ пошлинъ (ввозныя таможенныя пошлины) по особымъ тарифамъ. Точно также облагаются тѣ предметы, которые должны подлежать налогу (вывозной таможенной пошлинѣ) передъ выходомъ въ чужую область. Оплата таможенной пошлиной происходитъ, смотря по роду ввозимаго или вывозимаго предмета, или по вѣсу, или по числу штукъ, или по цѣнности.

Но налоги, взимающіеся во время передвиженія, часто встрѣчаются и по отношенію къ предметамъ внутренняго производства частью какъ налоги съ передвиженія въ собственномъ смыслѣ слова, частью какъ налоги на торговлю

И тѣ и другіе, обыкновенно въ связи съ налогами на производство и сбытъ, имѣютъ мѣсто тамъ, гдѣ эти послѣдніе одни не могутъ охватить предметъ желаемымъ образомъ. Такъ существуютъ, напр., торговые налоги на оптовую и раздробительную торговлю виномъ и водкой, облагающіе эти напитки рядомъ съ налогомъ на ихъ производство. Или существуютъ собственно налоги на передвиженіе, т. е. взимаемые съ соотвѣтствующихъ товаровъ, находящихся въ обращеніи, въ удобный моментъ ихъ перевозки; такъ напр. налоги на напитки, когда послѣдніе приготовляются къ отправкѣ изъ заводовъ, или поступаютъ въ погреба для раздробительной продажи. Изъ налоговъ этого рода чаще всего встрѣчаются тѣ, которые подъ именемъ внутреннихъ таможенныхъ сборовъ, октруа, привратныхъ сборовъ поступаютъ въ замкнутыя части государственной области, особенно въ города. Впрочемъ большая часть этихъ налоговъ взимаются не въ пользу государства, а въ пользу общинъ.

Наконецъ особый видъ взиманія налоговъ состоитъ въ такъ наз. сборахъ за патенты или лицензіи. Это суть абонементы или платежи въ общихъ суммахъ съ извѣстныхъ производителей и торговцевъ по предварительному соглашенію съ податнымъ управленіемъ вмѣсто спеціально исчисляемыхъ налоговъ на потребленіе или рядомъ съ ними.

§ 142.—Для систематическаго разсмотрѣнія налоговъ на расходъ необходимо налоги на расходъ въ собственномъ смыслѣ отдѣлить отъ таможенныхъ пошлинъ.

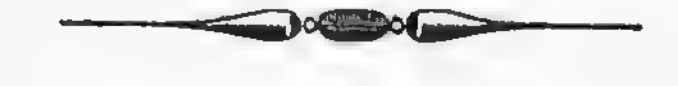
Эти послѣднія по многимъ основаніямъ требуютъ особаго разсмотрѣнія. Они могутъ распространяться на меньшее или

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ЛИЦЕЕМЪ.

№ 29.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литогр. М. Х. Фалькъ, Духовская ул., соб. домъ.
1892.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

Приложеніе къ Временнику Демидовскаго Юридич. Лицея.

ОГЛАВЛЕНІЕ

№ 29-го Юридической Библіографіи.

1. *С. А. Бершадскій:* „Очерки исторіи философіи права“. Выпускъ I., С.-Петербургъ, 1892, 266 стр.

Исторія философіи права принадлежитъ въ ряду юридическихъ наукъ къ философско-историческимъ дисциплинамъ, отличающимся отъ положительныхъ юридическихъ наукъ тѣмъ, что въ нихъ изслѣдуются исторически сущность права, его принципъ, происхожденіе и значеніе права въ соціальной жизни. Отсюда можно видѣть, на сколько важное значеніе имѣетъ исторія философіи права, гдѣ всѣ эти принципіальные вопросы науки права изучаются въ томъ видѣ, какъ они развивались въ исторіи цивилизаціи, въ связи съ разнообразными общими, философскими міровоззрѣніями, смѣнявшими одно другое въ общечеловѣческомъ мышленіи о мірѣ и человѣкѣ. Изложеніе постепеннаго развитія въ исторіи идеи права, „изслѣдованіе причинъ возникновенія тѣхъ разнообразныхъ этическихъ теорій, которыя послужили основаніемъ современныхъ ученій о правѣ и государствѣ“, составляетъ содержаніе исторіи философіи права, по словамъ профессора Бершадскаго (3 с.), который предназначаетъ свои „Очерки“ служить пособіемъ студентамъ при слушаніи лекцій по исторіи философіи права. Трудъ Бершадскаго является вполнѣ своевременно въ нашей философско-юридической литературѣ, гдѣ нѣтъ полнаго руководства по этой наукѣ, если не считать соч. проф. Чичерина и Рѣдкина. Обширное и обстоятельное сочиненіе послѣдняго должно было, согласно намѣренію автора, обнять весь курсъ исторіи философіи права, но выпущенные покойнымъ Рѣдкинымъ семь томовъ заключаютъ въ себѣ только древній періодъ исторіи философіи права. Бершадскій помѣщаетъ трудъ Чичерина въ числѣ общихъ учебниковъ по исторіи философіи права, но почему-то не упоминаетъ о сочиненіи Рѣдкина въ своей кни-

гѣ, гдѣ содержится исторія философіи права въ древности, среднія вѣка и—изъ новаго ея періода—ученія о правѣ школы естественнаго права, особенно же Гуго, Гроція, Гоббза, Локка и Монтескье. Мы укажемъ на основные философско-юридическіе взгляды Бершадскаго, а также на „оригинальныя особенности" въ его воззрѣніяхъ, на которыя самъ авторъ обращаегъ вниманіе своихъ читателей-спеціалистовъ.

Бершадскій начинаетъ съ понятія міра, какъ „объективированнаго процесса вѣчнаго развитія или реализаціи вѣчнаго начала въ многообразіи преходящихъ явленій". Отъ философіи, изучающей принципы отдѣльныхъ областей знанія, авторъ отличаетъ метафизику—философію всего сущаго. Философія права—изслѣдованіе началъ права въ ихъ статическомъ, неизмѣнномъ видѣ, исторія же философіи права, наоборотъ, изучаетъ принципы права въ историческомъ процессѣ ихъ измѣненія. Задача этой послѣдней науки состоитъ въ указаніи разнообразныхъ попытокъ обоснованія этическихъ началъ въ различныхъ философскихъ системахъ и въ уясненіи значенія этихъ этическихъ теорій для установленія понятій о правѣ и государствѣ. Первыя юридическія и политическія теоріи обязаны своимъ появленіемъ античному міру, гдѣ была извѣстна только политическая свобода и государственная власть была безгранична, индивидуумъ былъ лишенъ личной, индивидуальной свободы Весь общественный строй древнихъ арійскихъ народовъ, ихъ семья, бракъ, отцовская власть, положеніе жены и дѣтей, право собственности и наслѣдство опредѣлялись первобытной религіей, которая имѣла такое же рѣшающее значеніе и въ дальнѣйшихъ формахъ античной семьи: родѣ, племени и городѣ—государствѣ. Древніе арійцы вѣрили, что человѣкъ продолжаетъ жить и послѣ смерти и поэтому его родственники обязаны заботиться о поддержкѣ его загробной жизни, доставлять ему пищу и питье Бершадскій объясняетъ религіозные обряды древнихъ народовъ тѣмъ, что они не различали души отъ тѣла и полагали, что вмѣстѣ съ тѣломъ погребается и душа человѣка. Кромѣ поклоненія предковъ, арійскимъ народамъ было извѣстно еще поклоненію священному огню.

Религія была у нихъ сначала чисто семейною, домашнею и только съ образованіемъ родовъ, племенныхъ и городскихъ союзовъ она теряетъ свой узкій характеръ. Семья была, прежде всего; религіознымъ союзомъ, сохраненіе котораго было въ интересахъ культа предковъ Поэтому вступленіе въ бракъ было обязанностью каждого, а безбрачіе—тяжкимъ грѣхомъ. Культомъ же предковъ вызывалось родство только по отцу и безграничная зависимость всѣхъ членовъ семьи отъ его главы—мужчины и отца, бывшаго ихъ верховнымъ и единственнымъ судьею. Семья, увеличенная и расширенная посредствомъ естественнаго размноженія, усыновленія и пріобщенія къ семейному культу разныхъ постороннихъ лицъ, называется родомъ. Родовые же союзы образовали государство при помощи уже другой религіи—обоготворенія силъ природы. Антропоморфированныя силы природы одинаково властвовали надъ умами всѣхъ людей, внушая имъ то чувство благодарности и благоговѣнія, то чувство страха. Земля, свѣтъ и пр. подъ именами Геры, Феба одинаково стояли надъ всѣми семьями. Поэтому семьи соединялись сначала въ фратріи, изъ которыхъ образовались филы или трибы; изъ этихъ же послѣднихъ возникало государство Такъ соединеніе религіозныхъ вѣрованій вело къ соединенію политическому. Также и верховная власть въ государствѣ имѣетъ свое основаніе въ религіи. Владыка государства—царь въ тоже время и первосвященникъ. Благодаря необходимой въ интересахъ безпрерывнаго принесенія жертвъ предкамъ неприкосновенности, непоколебимости домашняго очага и родовой могилы, возникало и понятіе собственности. Вообще весь общественный бытъ древности былъ проникнутъ религіозными идеалами, которые были очень грубы. Древній человѣкъ смотрѣлъ на божество, какъ на существо съ человѣческими нравами, наклонностями и страстями. Боги были только необыкновенными могущественными людьми. Религіозному освященію подлежала и вся публичная жизнь. Такъ дѣятельность народнаго собранія,—власти, по преимуществу законодательной, носила религіозный характеръ, а законы были выраженіемъ воли боговъ. Поэтому всякій законъ издавался навѣки и не подлежалъ измѣненію. Юри-

дическая защита была также тѣсно связана съ религіозными вѣрованіями, буквой закона. Чужестранецъ, не зная религіозныхъ обрядовъ, не могъ молиться божеству и прибѣгать къ защитѣ закона. Слѣпымъ же поклоненіемъ внѣшней обрядности, составлявшей сущность древней религіи, объясняются консерватизмъ и формализмъ древняго права. Высшею религіозною ступенью развитія сравнительно съ религіей очага и предковъ является политеизмъ. Теперь человѣкъ, замѣчая въ самомъ себѣ духовныя силы, надѣляетъ ими и окружающую природу. Человѣкъ политеизма олицетворялъ отдѣльныя силы природы въ видѣ отдѣльныхъ божествъ. На этой ступени развитія появляются попытки теогоніи и космогоніи, возникаютъ и первые зачатки философскаго мышленія (3—17).

Проф. Бершадскій примыкаетъ къ школѣ натуралистовъ—эволюціонистовъ, когда онъ объявляетъ міръ „объективированнымъ процессомъ вѣчнаго развитія"; вмѣстѣ съ эволюціонистами онъ раздѣляетъ и взглядъ на безцѣльность процесса міроваго развитія, гдѣ реализируется какое-то невѣдомое „единое, вѣчное начало". Съ этимъ воззрѣніемъ трудно мирится признаніе автором самостоятельнаго научнаго значенія за метафизикой, отвергаемой рѣшительно позитивной школой во всѣхъ ея оттѣнкахъ. Бершадскій принимаетъ за аксіому, устанавливаемое о. Контомъ, различіе между статическимъ и динамическимъ въ примѣненіи его къ отличію между философіей и исторіей философіи права. Между тѣмъ, принципы права, изслѣдуемые философіей права, не остаются въ неизмѣнномъ видѣ, такъ какъ понятіе права по его существу постепенно развивается, уясняется въ исторіи цивилизаціи. Съ другой стороны, въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ выражается развитіе идеи права въ исторіи, также заключается извѣстный неизмѣнный и постоянный элементъ. Бершадскій правъ, когда онъ связываетъ понятіе права и государства съ этическими теоріями, появляющимися въ различныхъ философскихъ системахъ. Точно также вѣренъ и его взглядъ на неразрывную связь всего общественнаго строя античныхъ народовъ съ ихъ религіей—культомъ предковъ. Но высказываемое авторомъ мнѣніе о

различіи поклоненія предкамъ и—огню и происхожденіи культа предковъ не можетъ быть принято въ наукѣ, гдѣ существуетъ взглядъ, что поклоненіе огню есть только одинъ изъ необходимыхъ обрядовъ культа предковъ: посредствомъ огня совершалось принятіе предками жертвъ, приносимыхъ имъ родственниками. Мы не можемъ согласиться съ Бершадскимъ, что культъ предковъ вытекъ будто бы изъ воззрѣнія древнихъ народовъ, что душа не отдѣляется отъ тѣла и послѣ смерти человѣка. Возникновеніе культа предковъ указываетъ скорѣе на то, что въ образованіи культа предковъ выразилось представленіе примитивныхъ людей о присутствіи въ человѣкѣ высшаго духовнаго начала, которое при видимомъ уничтоженіи тѣла послѣ смерти человѣка продолжаетъ еще жить за гробомъ. Дикари вѣрили, что души умершихъ жили, какъ замѣчаетъ Спенсеръ, подобно тому, какъ живутъ люди во снѣ. Но понятіе объ умершихъ, какъ божествахъ, вліяло, по словамъ Мэна, сильно на развитіе власти отца въ патріархальной семьѣ, хотя и въ предшествующей ей семьѣ матріархальной это понятіе несомнѣнно уже возникло и первыми обоготворяемыми предками были умершіе люди, отличавшіеся при своей жизни какими-либо выдающимися достоинствами. Бершадскій начинаетъ рѣчь прямо съ патріархальной семьи, совершенно игнорируя матріархальную съ ея своеобразнымъ религіознымъ міровоззрѣніемъ и юридическимъ строемъ матріархальнаго общества. Въ этотъ первоначальной формѣ совмѣстной жизни людей на ряду съ культомъ предковъ существовало и обоготвореніе силъ природы людьми. Эта религія физической природы, выражавшаяся въ матріархальной семьѣ въ обоготвореніи производительныхъ силъ, явилась не послѣ культа предковъ, какъ это утверждаетъ Бершадскій вмѣстѣ съ Ф. Куланжемъ, а гораздо раньше этой примитивной же религіи. Неразвитый умъ и сильное воображеніе дикаря поражали, прежде всего, видимыя силы природы и кровожадность огромныхъ дикихъ животныхъ, съ которыми онъ не могъ бороться. Примитивный человѣкъ надѣлялъ силы природы тѣми же свойствами, какія онъ находилъ въ себѣ, такъ что политеизмъ вовсе не высшая ступень религіознаго развитія

по сравненію съ культомъ предковъ, какъ это утверждаетъ Бершадскій, а наоборотъ самая низшая, первоначальная. Точно также нельзя ставить антропоморфизмъ впереди политеизма, потому что обоготвореніе человѣкомъ собственныхъ свойствъ и качествъ предполагаетъ развитіе въ немъ идеи о своей самостоятельности и независимости отъ природы. А эта идея явилась только въ античномъ мірѣ и не была извѣстна Востоку, гдѣ господствовалъ политеизмъ. Нельзя отрицать вообще вліянія примитивной религіи на образованіе государства, появленіе котораго въ первобытномъ обществѣ совпадаетъ съ возникновеніемъ политеизма: первоначальная семья независимо отъ своей формы была зародышемъ и государства; послѣднее произошло не „изъ родовъ и племенъ“, а изъ тѣхъ же примитивныхъ семей, въ нѣдрахъ которыхъ рано появилась потребность въ внутренней и внѣшней безопасности и образовались судъ внутри и посредничество внѣ семей въ сношеніяхъ ихъ между собою въ мирное время.

Изложеніе философскихъ ученій о правѣ и государствѣ Бершадскій начинаетъ Ѳалесомъ, за которымъ слѣдуютъ элеаты (Ксенофанъ, Парменидъ, Зенонъ), атомисты (Демокритъ), Пиѳагоръ и Гераклитъ. Ученіе послѣдняго о непрестанномъ измѣненіи всѣхъ вещей и неустойчивости всего индивидуальнаго, какъ общемъ міровомъ законѣ, легло въ основаніе этическихъ и юридическихъ взглядовъ школы софистовъ, появившейся въ Греціи послѣ персидскихъ войнъ, когда вслѣдствіе паденія поземельной аристократіи и возростанія денежнаго капитала власть переходитъ къ демосу и вліяніе на народныя собранія дѣлается доступнымъ только людямъ, обладающимъ даромъ краснорѣчія. Опираясь на принципъ всеобщей измѣняемости, софисты отрицали религію, право и нравственность и почитали единственнымъ закономъ для индивидуума его произволъ (29 с.). Противъ софистовъ выступилъ Сократъ, который вопреки софистамъ построилъ ученіе о добродѣтели, правѣ и государствѣ на изученіи основныхъ свойствъ человѣческой природы (30—38 с.). Особенно долго и подробно останавливается Бершадскій на ученіи Платона и Аристотеля, дѣлая обстоятельную оцѣнку ихъ взглядамъ на мораль, право и

государство (39—88 с.). Причемъ, авторъ указываетъ, между прочимъ, на „историческіе мотивы“ платоновскаго идеала государства. Общественными причинами воззрѣнія Платона на государство, въ которомъ всѣ живутъ только ради государства, являются: паденіе послѣ Перикла демократіи въ Аѳинахъ и развитіе въ обществѣ стремленія положить личное благо въ основаніе государственнаго устройства. Платонъ проповѣдуетъ подчиненіе личной воли волѣ общей, отреченіе отъ личнаго счастья для блага общаго и воззрѣніе на земную жизнь, какъ на подготовленіе къ лучшему бытію въ царствѣ идей. Всѣ эти черты ученія Платона заставляли долгое время видѣть въ немъ предвозвѣстника христіанства. Сходство между ними заключается въ томъ, что по воззрѣнію Платона душа отдѣлена отъ тѣла, индивидуальна безмертна и за добродѣтельную жизнь въ государствѣ вознаграждается единеніемъ съ истиной въ царствѣ идей. Тотъ же взглядъ на душу человѣка и ея временное пребываніе на землѣ и стремленіе къ спасенію за гробомъ содержится и въ христіанскомъ ученіи Существенная разница между взглядами Платона и христіанствомъ состоитъ въ томъ, что Платонъ предназначалъ людей къ жизни въ національномъ (греческомъ) государствѣ и цѣлью жизни каждого ставилъ лишь благо государства. Христіанство же не ограничивается предѣлами государства, а обнимаетъ всѣхъ людей и ставитъ цѣлью ихъ жизни спасеніе и благо каждаго человѣка. Основная мысль Платона—іерархія идей, изъ которыхъ одна стоитъ надъ другой. Божество Платона—отвлеченное понятіе истины, добра и красоты. Оно не имѣетъ съ міромъ ничего общаго, не движется ни состраданіемъ, ни любовью. По христіанскому же ученію Богъ—Создатель міра, Существо, одушевленное любовью къ Нему; предъ Нимъ всѣ равны (59—61 стр.).

Въ противоположность объективному философскому направленію Платона і Аристотеля, видѣвшихъ въ идеѣ. разумѣ основаніе всего міра, циники (Антисфенъ), киренаики, стоики, (Зенонъ), эпикурейцы (Эпикуръ) и скептики (Карнеадъ) исходили въ своихъ воззрѣніяхъ изъ субъективнаго взгляда на личное

счастье въ смыслѣ субъективнаго самоудовлетворенія, какъ на базисъ и цѣль всей жизни человѣка. Причемъ, міръ низводится этими древними философскими школами на степень условія, необходимаго для проявленія личности (88—102 с.). Скептики въ своей философской системѣ не оставили неприкосновенной ни одной изъ сферъ духовной жизни человѣка Нѣтъ ничего достовѣрнаго здѣсь на землѣ и тотъ же неразсѣеваемый ничѣмъ мракъ царствуетъ и за предѣлами земнаго—таковъ окончательный выводъ философіи скептиковъ. Послѣднею попыткой познать сущее явилась въ древности философія неоплатониковъ (Плотина), которые ввели въ область философія мистическое начало (103—105 стр.). Бершадскій яркими красками рисуетъ нравственное и умственное состояніе древняго римскаго общества предъ появленіемъ въ немъ христіанства и тотъ коренной переворотъ, какой оно произвело въ древнемъ мірѣ. Высшіе классы, потерявшіе вѣру въ боговъ, не находили утѣшенія въ философіи, которая или рекомендовала апатію, или же предлагала произвольное удаленіе изъ этого міра. Низшіе классы, и въ особенности рабы, не понимая философіи, не могли найти утѣшенія и въ религіи: подобно среднимъ классамъ, они не были въ состояніи служить своимъ богамъ. Вѣка завоеваній и обращеніе въ рабовъ всѣхъ, сопротивляющихся съ оружіемъ въ рукахъ, наполняли римскія владѣнія людьми безъ боговъ, семьи и отечества. Нѣтъ счастья здѣсь, нѣтъ и надежды въ томъ мірѣ, такъ какъ боги далеко или перешли на сторону римлянъ. Отсутствіе свободы и правосудія, тяжкіе налоги, всеобщее обѣднѣніе, религіозный индиферентизмъ или безвѣріе, отчаяніе здѣсь и въ будущемъ—такова картина римскаго общества. Среди этого мрака и отчаянія появляется христіанство, возвѣстившее равенство всѣхъ людей предъ Единымъ Творцемъ міра. Христіанство отдѣлило церковь отъ государства, чѣмъ положено было твердое различіе между правомъ и нравственностью. Широкая сфера нравственной стороны человѣка уходитъ теперь отъ воздѣйствія и опредѣленія государственной власти. Вмѣсто стоической апатіи, скептической атараксіи, неоплатоническаго экстаза христіанство проповѣдуетъ любовь, ко-

торая не можетъ замкнуться въ самосозерцаніи. Христіанская любовь есть требованіе дѣятельной энергіи, заставляющее человѣка забывать о себѣ для другихъ. Христіанство обращалось не къ сильнымъ и богатымъ, а ко всѣмъ людямъ безъ исключенія, особенно же къ бѣднымъ, рабамъ и угнетеннымъ. Оно вдохнуло въ душу людей новую жизнь, новыя стремленія. Христіанство явилось на крикъ отчаянія личности, разочарованной въ знаніи и подавленной произволомъ властителей. Соединеніе германскихъ и славянскихъ элементовъ полагаетъ основаніе совершенно новой политической и умственной жизни европейскаго міра (100—108 стр.).

Говоря объ отношеніяхъ германцевъ къ римской имперіи, Бершадскій останавливается на вопросѣ о вліяніи германцевъ на развитіе понятій права и государства. Долгое время думали, говоритъ онъ, что варвары внесли новыя, неизвѣстныя древнему міру идеи и, прежде всего, идею личной свободы. Такъ Тацитъ рисуетъ въ радужномъ видѣ семейный и общественный бытъ древнихъ германцевъ. Также смотрѣли на нихъ Цезарь и Западные Отцы церкви. Современная историческая наука, однако, взглянула на варваровъ иначе. По мнѣнію Гизо, Литтре и др. ея представителей, германцы въ моментъ своего появленія на границахъ римской имперіи стояли на той же степени варварства, на которой мы донынѣ можемъ видѣть полудикія племена. Такъ уваженіе къ женщинѣ, о которомъ свидѣтельствуютъ Цезарь и Тацитъ, только кажущееся: на самомъ дѣлѣ жена у германцевъ покупалась мужемъ у ея родныхъ, какъ раба или вещь, и германцы, взваливая на женщину всѣ хозяйственныя заботы и проводя все свободное отъ войны время въ играхъ въ кости, проигрывали часто вмѣстѣ съ своимъ имуществомъ своихъ женъ и дѣтей. Идеальный взглядъ на бытъ древнихъ германцевъ произошелъ у Цезаря и Тацита изъ сравненія чудовищъ разврата современнаго ему общества съ грубостью и простотою варваровъ. Отцы же церкви благосклонно смотрѣли на варваровъ потому, что римское общество скептически относилось къ христіанству, разсматривая его, какъ новое философское ученіе, толковало его посвоему; варва-

ры же безпрекословно повиновались церкви, принимая безъ всякихъ сомнѣній новое ученіе. Поэтому церковь смотрѣла на германцевъ, какъ на орудіе, посланное Господомъ для уничтоженія древняго языческаго міра. Но если, прибавляетъ Бершадскій, варвары не внесли новыхъ идей и новой нравственности, то все же они принесли новое чувство независимости и жизненной энергіи (110—112 стр.). Но не смотря на критику современными учеными разсказовъ о германцахъ Цезаря и Тацита, несомнѣнно, что вліяніе „варваровъ" на развитіе понятій права и государства отличалось существеннымъ отъ римскаго вліянія на всѣ юридическія и политическія понятія и учрежденія древности. Въ римскомъ правѣ впервые въ исторіи человѣчества развилось понятіе *равенства*, указывающее на то, какъ высоко стояла въ римскомъ обществѣ отдѣльная личность. Но въ тоже время римлянамъ было чуждо понятіе *свободы* личности, уваженіе въ каждомъ личнаго достоинства и признаніе права на развитіе индивидуальныхъ силъ всякой личности. Поэтому мы встрѣчаемся въ Римѣ на ряду съ строгимъ и послѣдовательно проводимымъ всюду принципомъ юридическаго равенства римскихъ гражданъ возмутительныя проявленія произвола въ семейныхъ, имущественныхъ и публичныхъ отношеніяхъ. На эту черту римской жизни указываетъ и самъ Бершадскій, когда онъ говоритъ, что римляне, стремившіеся къ властвованію надъ всѣми культурными народами древняго міра, требовали отъ нихъ безусловнаго повиновенія извнѣ издаваемымъ законамъ, царствовали надъ ними силою своего оружія. Римскій народъ, замѣчаетъ самъ же авторъ, привыкъ къ механическому повиновенію и всякая иниціатива, всякій частный починъ были подавлены въ немъ безусловно. Между тѣмъ, продолжаетъ онъ, характерною чертою варваровъ служитъ безусловное самоопредѣленіе всякаго: герцоги, графы, старшины повелѣваютъ варварами только до тѣхъ поръ, пока тѣ желаютъ подчиняться; въ варварскомъ обществѣ частному произволу предоставлена самая широкая сфера (112 с.).

Въ тѣсной связи съ необыкновенно развитымъ въ германцахъ чувствомъ индивидуальности стоитъ развитіе въ средніе вѣка

въ Западной Европѣ феодализма и сословно-общественнаго строя всѣхъ западно-европейскихъ государствъ. Поэтому феодальное право и право различныхъ средневѣковыхъ сословій имѣетъ важное значеніе въ исторіи развитія общаго понятія права. Между тѣмъ, Бершадскій не затрогиваетъ этого вопроса, почти ничего не говоритъ о сущности феодальнаго права, когда описываетъ состояніе Европы съ VI по X в. по Р. Хр. Онъ обращаетъ вниманіе читателя только на тотъ фактъ, что первыми колонизаторами римскихъ странъ, разоренныхъ варварами, были *монахи* и *воины*. При безпрерывномъ опустошеніи германцами римскихъ провинцій, когда ни жизнь, ни имущество ихъ жителей не были обезпечены отъ опасности нападенія и гибели, было естественно, говоритъ онъ, поселеніе въ разоренныхъ мѣстахъ лицъ, которымъ не страшны были никакія лишенія, и кто готовъ былъ пострадать отъ рукъ варваровъ. Послѣдніе пріучались уважать христіанскихъ монаховъ за ихъ строгую, полную лишеній жизнь. Неприкосновенность церкви распространяется мало помалу и на живущихъ вблизи нея. Другими лицами, защищавшими безпріютное населеніе, явились предводители отдѣльныхъ частей германскихъ племенъ, которые въ силу своего мужества становились „баронами“, обладавшими достаточной силой, для охраны жителей пригородовъ около ихъ замковъ. Произволъ и насиліе самихъ феодаловъ ограничиваетъ возроставшая постепенно въ Западной Европѣ *королевская власть*, которая теперь выступаетъ охранителемъ интересовъ духовенства и городовъ противъ притязаній феодальныхъ бароновъ. Послѣ нѣсколькихъ общихъ замѣчаній о схоластикѣ, арабахъ и изложенія ученія Ѳомы Аквинскаго Бершадскій переходитъ къ эпохѣ возрожденія наукъ и искусствъ и вліянію городовъ на измѣненіе общественныхъ средневѣковыхъ отношеній. Города развиваютъ свою силу и начинаютъ противостоять феодаламъ послѣ крестовыхъ походовъ. Образовавшіеся союзы городовъ становятся на столько могущественными, что рѣшаются помѣряться силами даже съ императорами и даже побѣждаютъ ихъ. За городскими стѣнами еще всецѣло господствуетъ грубая сила: свое право приходится доказывать вездѣ

съ оружіемъ въ рукахъ. Безнаказанность за преступленія феодаловъ соединяется съ ихъ правомъ объявлять и вести войны съ своими сосѣдями и даже съ самимъ сюзереномъ. Въ городахъ, наоборотъ, начинаетъ господствовать законъ, вслѣдствіе чего развиваются быстро промыслы и торговля и горожане наживаютъ громадныя богатства, превосходившія королевскія. Вмѣстѣ съ спокойною, богатою жизнью появляются въ городахъ стремленія, новые идеалы, чуждые среднимъ вѣкамъ. Неизвѣстное имъ жизнерадостное настроеніе проявляется во всемъ: философіи, правѣ, изящной литературѣ, музыкѣ, въ живописи, ваяніи, въ складѣ жизни, постройкахъ, одеждѣ. Единственная беллетристика среднихъ вѣковъ—житія святыхъ, рыцарскіе сказочные романы, да пѣсни бродячихъ менестрелей, единственная философія—схоластика. Въ городскихъ государствахъ времени возрожденія возникаетъ самобытная національная литература. Вслѣдъ за божественной комедіей *Данта*, сонатами *Петрарки*, новеллами *Боккачіо* появляются первыя историческія сочиненія *Макіавелли* и др. Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія издаются греческіе и римскіе классики. Примѣненіе артиллеріи къ военному дѣлу демократизируетъ войска. Появляется сознаніе необходимости постоянныхъ армій, а вмѣстѣ съ тѣмъ—конецъ феодальному безправію и неурядицѣ. Человѣческая мысль, отринувъ авторитетъ схоластиковъ и Аристотеля, стремится самостоятельно идти по тому пути, на который указывали древніе, читать прямо въ великой книгѣ природы. Открытіе слѣдуетъ за открытіемъ и послѣ самого важнѣйшаго изъ нихъ—открытія Коперника представились очевидными безконечность міра и ничтожество человѣка. Теперь уже сдѣлалось невозможнымъ средневѣковое міровоззрѣніе, на мѣстѣ котораго возникаетъ новое—раціоналистическое (122—127 с.). Все направленіе новой философіи и основанныя на ней ученія о правѣ и государствѣ опираются, главнымъ образомъ, на сочиненія *Декарта*, который разработалъ основныя начала раціонализма. Послѣдній былъ философской системой, опирающейся на разумъ отдѣльнаго индивида, какъ совокупность вѣчныхъ, предшествующихъ опыту, истинъ и ис-

точникъ всего познанія. Подъ разумомъ раціонализмъ понималъ или формы мышленія или волю. Сообразно этому образовалось два направленія раціонализма. Первымъ изъ нихъ является объективный раціонализмъ Спинозы, которымъ человѣкъ приравнивается къ механизму. Представителемъ раціонализма субъективнаго былъ Г. Гроцій съ своими послѣдователями и Кантъ и его школа. Бершадскій останавливается преимущественно на этой послѣдней формѣ раціонализма и при изложеніи его основныхъ началъ въ примѣненіи ихъ къ ученію школы естественнаго права о правѣ и государствѣ высказываетъ много оригинальныхъ, хотя и не всегда вѣрныхъ замѣчаній.

Въ исторіи Европы новаго времени, говоритъ Бершадскій, главнымъ факторомъ выступаетъ свободная человѣческая личность, которая внѣ города встрѣчала всюду отношенія, опиравшіяся на отжившіе и окаменѣвшіе въ своей неподвижности феодальные порядки. Этотъ строй, покоящійся на началѣ частнаго права, постоянно оказывался препятствіемъ для дѣятельности государственной власти на пути къ достиженію общественнаго благосостоянія. Поэтому необходимо было найти такое первооснованіе всѣхъ правъ, которое было бы древнѣе самыхъ древнихъ феодальныхъ хартій, предоставлявшихъ необыкновенныя привиллегіи феодальному дворянству и духовенству. Отправнымъ пунктомъ для доказательства полной непригодности средневѣковыхъ учрежденій и основаніемъ для построенія новаго общественнаго порядка послужила человѣческая личность: то, что вытекаетъ изъ человѣческаго разума, древнѣе всѣхъ историческихъ установленій. Умственное движеніе, начинающееся въ Европѣ съ эпохи возрожденія и основывающееся на независимости личности, не могло быть въ согласіи съ объективнымъ раціонализмомъ, утверждавшимъ неизмѣнность всего существующаго, какъ основаннаго на разумѣ. Субъективный раціонализмъ, сначала занявшійся разрѣшеніемъ практическихъ вопросовъ (о бытіи Бога, безсмертіи души, свободы воли и др.), приступилъ къ установленію общихъ началъ, которыя сводили бы все разнообразіе дѣйствительности къ одному началу. Это стремленіе мысли све-

сти все къ одному началу объясняется тѣмъ движеніемъ, которое прежде всего обнаруживается въ сферѣ религіи: человѣкъ, опредѣляя себя совершенно независимо отъ всего окружающаго, переноситъ этотъ взглядъ и на практическую сферу. Онъ хочетъ быть вполнѣ свободнымъ и признаетъ объективный порядокъ только въ томъ размѣрѣ, въ которомъ онъ является продуктомъ человѣческаго разума. Право и нравственность немыслимы, если мы примемъ, что міръ есть безусловная цѣпь причинъ и слѣдствій. Если человѣкъ, подлежа закону причинности, не имѣетъ возможности выбора, немыслимы наказаніе и нравственность. Безъ возможности самоопредѣленія всѣ нравственныя предписанія остаются безсильными. Но выводы относительно права и нравственности будутъ совершенно иными, если мы станемъ на точку зрѣнія *субъективнаго раціонализма*. Для него человѣческій разумъ не совокупность только логическихъ формъ мышленія, но человѣческое *я* со всѣми присущими ему свойствами. Начиная съ Гроція, различные представители школы естественнаго права выводятъ свои теоріи о правѣ, морали и государствѣ изъ какого-либо качества человѣческаго *я*. Основаніе для раціоналистическихъ ученій о правѣ и государствѣ заключается въ глубокихъ измѣненіяхъ общественнаго строя—въ возникновеніи съ XII ст. въ Западной Европѣ на ряду съ феодалами—землевладѣльцами третьяго сословія, состоящаго изъ представителей денежнаго капитала. Теоретическимъ базисомъ притязаній этого сословія на участіе въ законодательствѣ и управленіи служитъ разумъ человѣка, на которомъ основываются юридическія и политическія теоріи естественнаго права. Опираясь на тождество и равенство разума у всѣхъ людей, раціоналисты пытаются построить на этомъ началѣ все ученіе о правѣ и государствѣ. Въ глазахъ раціоналистовъ неприкосновенная человѣческая личность съ своимъ вѣчно равнымъ разумомъ и, вытекающими изъ него, прирожденными человѣку правами стояла превыше древнѣйшихъ феодальныхъ правъ и договоровъ (139—143 стр.).

Такимъ образомъ, Бершадскій видитъ главную причину по-

явленія школы естественнаго права въ образованіи средняго или третьяго сословія. Но если этотъ фактъ имѣлъ мѣсто во Франціи средневѣковой эпохи, то нельзя того же сказать о Германіи XII—XVI в., гдѣ тогда при только что начинавшемся развитіи промышленности и торговли не могло создаться и такое могущественное сословіе, какимъ былъ tiers état во Франціи. А между тѣмъ ученіе Гуго Гроція нашло себѣ горячихъ сторонниковъ именно въ Германіи, гдѣ оно было развиваемо Л. Томазіемъ, Пуффендорфомъ, Лейбницемъ и др. Во взглядахъ же Спинозы, особенно же Гоббса среднее сословіе не только не надѣляется какими-либо особенными политическими привиллегіями, а напротивъ обязано повиноваться безусловно правительству, которому власть вручается народомъ въ силу первоначальнаго договора. Среднее сословіе нашло опору въ ученіи школы естественнаго права уже въ эпоху французской революціи, когда была даже предпринята попытка организовать государство на принципѣ абсолютнаго равенства и свободы личности. Въ XV—XVI же ст. оно могло мечтать только о нѣкоторомъ огражденіи своихъ правъ отъ насилія и произвола, которыя оно одинаково испытывало какъ со стороны феодаловъ, такъ и королевской власти. Послѣдняя въ XVI ст. почти всюду въ Западной Европѣ достигла высшей степени развитія своего политическаго могущества послѣ того, какъ ей удалось побѣдить своего исконнаго врага—папство. Но ту власть, которую государство оспаривало у папства въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ своей борьбы съ нимъ, первое цѣликомъ присвоило себѣ и стало примѣнять ее при своей дѣятельности въ обществѣ, гдѣ регламентировался почти каждый шагъ гражданъ Противъ этой-то несносной опеки полицейскаго государства XVI—XVIII в. и было направлено ученіе школы естественнаго права, главнымъ принципомъ котораго былъ взглядъ на человѣческую личность, какъ базисъ всего общественнаго строя. Едва ли вѣрна точка зрѣнія Бершадскаго, устанавливающаго различіе между объективнымъ и субъективнымъ раціонализмомъ. Если принять этотъ его взглядъ, то тогда куда же отнести философско-юридическія системы Шеллинга и Гегеля,

вліяніе которыхъ на науку исторіи философіи права несомнѣнно? А между тѣмъ, ученіе обоихъ знаменитыхъ философовъ построено на представленіи о разумѣ, какъ абсолютной идеѣ, божественномъ духѣ, имѣвшемъ объективное существованіе. Самъ Бершадскій склоняется, повидимому, на сторону субъективнаго раціонализма, когда онъ заявляетъ, что „субъективная раціоналистическая философія, исходя изъ понятія человѣка, какъ мыслящаго субъекта, обладающаго полной свободой самоопредѣленія, имѣла довольно данныхъ для того, чтобы положить достаточное основаніе ученію о правѣ и нравственности“ (142 с.). Но обратимся къ изложенію Бершадскимъ взглядовъ раціоналистовъ на право.

Все ученіе раціоналистовъ о правѣ состоитъ въ доктринѣ о прирожденныхъ правахъ личности. Это ученіе принимается въ XVIII ст. всѣми образованными умами, какъ азбучная истина и, между прочимъ, излагается въ французской „Декларацін правъ человѣка и гражданина“. Основнымъ положеніемъ естественнаго права является то, что всѣ люди родятся совершенно одинаковыми, всѣ они по своей природѣ равны. Одинаковый у всѣхъ разумъ указываетъ и одинаковыя цѣли, осуществлять которыя можетъ только существо свободное Слѣдовательно, равенство, свобода и разумъ—тождественны. Задачу ученія объ естественномъ правѣ составляетъ открытіе такихъ правъ, которыя были бы для всѣхъ людей одинаково прирожденны и неотъемлемы, какъ содержаніе внѣшней свободы человѣка. Такъ какъ опытъ—совокупность случайныхъ явленій не можетъ дать безусловнаго отвѣта относительно этого вопроса, то необходимо обратиться къ вполнѣ неизмѣнному началу—разуму. Согласно его требованіямъ люди равны и свободны. Каждая отдѣльная личность можетъ въ извѣстномъ кругу проявлять свою волю Всякій предметъ, входящій въ этотъ кругъ, входитъ въ кругъ свободы человѣка, его права. Всѣ прирожденныя права человѣка раціоналисты выводятъ изъ понятія разума, какъ совокупности необходимыхъ свойствъ нашего *я*, не обращая никакого вниманія на дѣйствительность. Прирожденныя права только—истинныя, исконныя,

естественныя; они—высшій идеалъ, къ осуществленію котораго должно стремиться все человѣчество. Рядомъ съ прирожденными правами существуютъ права пріобрѣтенныя. Различіе между ними заключается въ томъ, что прирожденныя права для своего возникновенія не требуютъ никакого предшествовавшаго факта, кромѣ факта рожденія; пріобрѣтенныя же права, напротивъ, возникаютъ историческимъ путемъ. Если люди неравны, то благодаря только историческимъ условіямъ. Вопросъ о принадлежности правъ тѣмъ или другимъ лицамъ рѣшается фактически, государственнымъ устройствомъ. Время, когда надъ человѣкомъ не было никакой власти, когда всѣ люди были совершенно равны и свободны, состояніе, предшествующее государственному, есть *естественное состояніе*. Государство возникаетъ только по волѣ самихъ людей, т. е., на основаніи договора. Между равноправными индивидуумами возникаютъ споры; необходимо возстановить нарушенный порядокъ: такого судьи нѣтъ въ естественномъ состояніи. Поэтому и необходимо государство. Государ. власть, стоя выше всякаго отдѣльнаго индивидуума и всякаго частнаго интереса, обладаетъ полною возможностью безпристрастно рѣшать всѣ возникающіе споры. Поэтому задача государства сводится къ охраненію неприкосновенности правъ каждаго. Все, что лежитъ внѣ охраны мира, не входитъ въ кругъ государ. власти. Государство можетъ распоряжаться только пріобрѣтенными правами человѣка, но только съ его согласія. Само государство не можетъ ничего давать человѣку, не имѣетъ никакихъ самостоятельныхъ цѣлей и есть лишь средство для служенія человѣческимъ цѣлямъ. Это ученіе имѣло огромное вліяніе на умы континентальной Европы: теорія договорнаго государства легла въ основаніе какъ первой французской конституціи, такъ и всего ученія доктринернаго конституціонализма. Также освящается имъ борьба сословій и экономическая, девизъ послѣдней: laissez faire, laissez passer (143—150 с.).

Бершадскій выставляетъ въ этомъ ученіи раціоналистовъ о прирожденныхъ правахъ многія неразрѣшимыя противорѣчія, подрывающія его практическое значеніе. Всѣ прирожденныя права

основываются на ничѣмъ неограниченной свободѣ. Поэтому невозможны никакое ея ограниченіе договорами и самое общежитіе между людьми: если договоръ по поводу отчужденія какого-либо права будетъ признанъ обязательнымъ, то свобода, а съ ней и прирожденныя права людей исчезаютъ; если же договоръ ни для кого необязателенъ, то общежитіе невозможно. Поэтому-то Гоббзъ считаетъ необходимымъ, кромѣ договора для установленія власти, еще другой договоръ между людьми о томъ, что этотъ первый договоръ не будетъ никѣмъ нарушенъ. Руссо же вводитъ въ качествѣ догмата гражданской религіи обязательное для всѣхъ признаніе святости общественнаго договора; отрицаніе этой святости ведетъ за собою смертную казнь. Не смотря на это, природа договора остается одинаково въ противорѣчіи съ свободой: ненарушимость общественнаго договора уничтожаетъ личную свободу индивида. Подобныя же затрудненія для раціоналистовъ вытекаютъ и изъ ихъ ученія о правѣ и нравственности. Рѣшеніе вопроса о принудительности юридическихъ предписаній въ отличіе отъ непринудительныхъ нравственныхъ велѣній представлялось для школы естественнаго права очень затруднительнымъ: и право, и нравственность выводились ею изъ одного и того же источника — разума. Для древняго государства, гдѣ государство было источникомъ права и морали, не было нужды въ различіи между ними. Съ появленіемъ христіанства также не было мѣста для сомнѣнія въ этомъ отношеніи, такъ какъ источникомъ нравственности въ глазахъ христіанъ было божество, а права — государственная власть. Съ точки же зрѣнія Г. Гроція и его школы, полагавшей основаніемъ права стремленіе къ общежитію, право и нравственность не могутъ быть раздѣльны. Поэтому Томазій основываетъ различіе между ними на стремленіи къ благополучію, которое онъ считаетъ кореннымъ свойствомъ человѣческой природы. Къ сферѣ нравственности Томазій относитъ всѣ предписанія касательно внутренняго мира, къ сферѣ права опредѣленія о внѣшнемъ мірѣ и первыя объявляетъ исключающими принужденіе, а послѣднія его требующими. Но почему же, спрашиваетъ Бершадскій, для внѣшняго мира необходимо принужденіе, а для внутренняго нѣтъ? Чтобы отвѣтить

на этотъ вопросъ, необходимо было, замѣчаетъ нашъ авторъ, вмѣсто понятія мира, спокойствія положить начало свободы. На эту почву переноситъ разрѣшеніе вопроса Кантъ (150—154 с.). Но, и помимо этого перенесенія вопроса на другую почву, его разрѣшеніе Х. Томазіемъ имѣетъ свой raison d'etre, на который Бершадскій не обратилъ своего вниманія. Дѣло въ томъ, что установленное Томазіемъ различіе между правомъ и моралью, которое потомъ было принято Кантомъ и всѣми послѣдующими представителями раціоналистической школы, вызывалось условіями общественной жизни европейскихъ государствъ XVI—XVIII в. Именно регламентирующая, стѣсняющая всякое проявленіе личной инииціативы, дѣятельность полицейскаго государства XVI—XVIII в. уже въ самомъ своемъ началѣ встрѣтила протестъ въ европейскомъ обществѣ. Этотъ протестъ и нашелъ выраженіе въ ученіи Х. Томазія о различіи между правомъ и моралью, въ силу котораго человѣческая личность ограждалась отъ вторженія въ сферу ея частной жизни, какъ область индивидуальной свободы, со стороны государства. Послѣднему же была предоставлена внѣшняя сторона, общественныя отношенія людей, гдѣ государственная власть могла прилагать и принадлежащую ей силу принужденія. Бершадскій, упустившій изъ виду вообще значеніе вліянія дѣятельности полицейскаго государства на образованіе ученія школы естественнаго права, не могъ объяснить и ея взгляда, съуживавшаго дѣятельность государства до одной заботы о безопасности общества, которое само уже должно было обезпечить себѣ свое благосостояніе. Бершадскій вѣрно опредѣляетъ ученіе школы естественнаго права, какъ раціоналистическое, но онъ не вполнѣ проводитъ этотъ взглядъ въ своемъ изложеніи ученія школы естественнаго права. Такъ, напр., изъ того взгляда Декарта, что должно начинать мышленіе для достиженія достовѣрнаго знанія съ сомнѣнія во всемъ дѣйствительномъ, за которымъ у него слѣдовало установленіе принципа: cogito, ergo sum, вытекало воззрѣніе школы естественнаго права, что для построенія ученія объ обществѣ нужно начинать съ нуля общественности—естественнаго состоянія, изъ котораго люди выходятъ только посредствомъ до-

говора. Раціонализмъ стремится построить все знаніе на одномъ отвлеченномъ началѣ разума и игнорируетъ всѣ данныя опыта, оперируетъ лишь отвлеченными, безсодержательными понятіями. Точно также и школа естественнаго права пренебрегаетъ въ своемъ ученіи объ основаніяхъ организаціи общества всѣмъ опытомъ, какъ измѣнчивымъ, и выставляетъ только однѣ общія истины, предназначенныя быть навсегда неизмѣнными. Раціоналисты думаютъ, что въ мірѣ господствуетъ дуализмъ духа и матеріи, въ человѣческой жизни—рѣзкій контрастъ души и тѣла. Сообразно съ этимъ школа естественнаго права противополагаетъ естественное состояніе общественному, естественное право—положительному. Status naturalis опредѣляется у Гроція и др. неизмѣнной природой человѣка, общественное—измѣнчивой волею людей. Въ естественномъ состояніи человѣкъ безгранично свободенъ, въ общественномъ подчиненъ общественной власти, первое —счастье, благо для людей (по взгляду Гроція, Руссо и др.), второе—источникъ несчастій и всякаго зла.

При проведеніи этихъ и другихъ параллелей между раціоналистическимъ міровоззрѣніемъ и школой естественнаго права не слѣдуетъ, однако, забывать, что раціонализмъ—основаніе ученія этой школы, но онъ не одно и тоже съ нею, какъ это, повидимому, готовъ допустить авторъ (142 с. и слѣд.), недѣлающій никакого различія между старой школой естественнаго права и новѣйшимъ ея развитіемъ—чисто раціоналистической школой права. Первая ведетъ свое начало съ Г. Гроція и характеризуется тѣмъ, что въ ней право выводится изъ одного какого-либо основнаго свойства человѣческой природы (у Гроція—стремленія къ общежитію, Гоббза—страха за свою безопасность и проч.). Чисто же раціоналистическое направленіе въ школѣ естественнаго права исходитъ въ построеніи понятій права и государства изъ отвлеченнаго представленія о разумѣ, какъ врожденной человѣку способности, заключающей въ себѣ извѣстныя формы (категоріи мышленія) и законъ человѣческой воли (категорическій императивъ у Канта и Фихте), или же—разумѣ, какъ объективномъ, абсолютномъ духѣ, развивающемся въ вселенной по извѣстнымъ за-

конамъ (у Шеллинга и Гегеля). Такимъ образомъ, въ раціоналистической школѣ право уже не есть результатъ одного произвола людей, такъ какъ оно есть проявленіе разума, опредѣляющагося неизмѣнными, вѣчными законами. Поэтому и отличіе права отъ морали получаетъ у Канта болѣе глубокое основаніе, нежели у Томазія. На это указываетъ и самъ Бершадскій, который говоритъ, что принужденіе въ области морали не примѣнимо, потому что для осуществленія велѣній категорическаго императива, прирожденнаго нашему разуму, нужна человѣку внутренняя свобода, какъ возможность самоопредѣленія: законы, опредѣляющіе эту внутреннюю свободу, стали бы въ противорѣчіе сами съ собою, если бы они принуждали. Между тѣмъ, въ сферѣ внѣшней свободы принужденіе существовать должно: внѣшняя свобода не можетъ зависѣть отъ случайностей исполненія или неисполненія законовъ, имѣющихъ въ виду свободу этого рода. Такъ *въ нравственности* мы имѣемъ совокупность законовъ для цѣлей внутренней свободы, *въ правѣ*—внѣшней. Кантъ опредѣляетъ внѣшнюю свободу или право, какъ произволъ одного, совмѣстимый съ произволомъ другаго подъ общимъ закономъ свободы. Но это понятіе права, разрѣшающее повидимому вполнѣ вопросъ о причинѣ принудительности юридическихъ нормъ въ отличіе отъ нравственныхъ предписаній, не устраняло другаго противорѣчія, вытекавшаго изъ понятія права въ субъективномъ смыслѣ. Въ этомъ отношеніи для дѣйствительности правомочія необходимо было допустить независимость, произволъ для каждаго въ распоряженіи своими правами. Но такой же независимости, свободы требуетъ и сама нравственность: ея повелѣнія безусловны лишь для самого человѣка, который подчиняется имъ. Въ субъективномъ правѣ на первомъ планѣ стоитъ свобода (правомочіе лица), принужденіе же (обязанность) отходитъ на второй планъ. Поэтому-то Фейербахъ относитъ обязанности къ области нравственности, а естественное право—къ наукѣ о правѣ. Отсюда для этики являются двѣ задачи: 1) указать различіе между нравственнымъ и юридическимъ закономъ и 2)—правомъ, какъ нормой, и какъ правомочіемъ. Пониманіе права въ смыслѣ Канта

приводитъ еще къ тому противорѣчію, что полагая своею цѣлью внѣшнюю свободу, разумъ неминуемо ставится въ необходимость признавать юридически дозволенными тѣ самыя дѣянія, которыя онъ, разумъ, запрещаетъ, какъ противныя нравственности. Далѣе, разумъ, какъ нравственность, воспрещаетъ принужденіе и тотъ же разумъ, какъ юридическій законъ, требуетъ принужденія. Кантъ думаетъ уничтожить это послѣднее противорѣчіе тѣмъ, что предоставляетъ нравственности санкцію юридическихъ обязанностей, а праву—опредѣленіе ихъ содержанія. Но мораль, дѣлая юридическія обязанности нравственными, поставлена въ необходимость отрицать принужденіе и для юридическихъ обязанностей (154—157 с.).

Бершадскій сопоставляетъ понятіе права въ школѣ естественнаго права съ юридическими взглядами римскихъ юристовъ, желая тѣмъ показать недостаточность воззрѣній на право раціоналистовъ. Сходство естественнаго права съ римскимъ заключается въ томъ, что оба они исходятъ изъ понятія личности. Но въ то время, какъ въ римскомъ правѣ подъ личностью разумѣлась личность римскаго гражданина съ извѣстными правами, принадлежавшими только римскимъ гражданамъ, съ точки зрѣнія естественнаго права личность есть только совокупность человѣческихъ силъ и стремленій, а не реально существующій человѣкъ. Личность по римскому праву составляла центръ массы юридическихъ отношеній и институтовъ; раціоналисты же, пренебрегая всякимъ положительнымъ, историческимъ матеріаломъ, не могли построить какой-либо содержательной системы и обыкновенно вносили въ свои юридическія понятія положенія римскаго права (158—159 с.). Ко всѣмъ этимъ, указываемымъ Бершадскимъ, недостаткамъ ученія школы естественнаго права необходимо присоединить еще то, отмѣченное Фейербахомъ, рѣзкое противорѣчіе, которое выражается въ допущеніи, особенно новѣйшей школой естественнаго права (съ Канта), въ одно и тоже время человѣческой воли, какъ единственнаго фактора общественной жизни и дѣйствія законовъ разума на дѣятельность человѣка. А такъ какъ совмѣстное дѣйствіе свободы и законовъ разума, исключающихъ другъ

друга, немыслимо, то обществу остается подчиниться или господству произвола отдѣльныхъ лицъ, или же не менѣе тяжкому гнету „законовъ разума“ тѣхъ же индивидуумовъ

Бершадскій вполнѣ вѣрно опредѣляетъ значеніе ученія школы естественнаго права въ исторіи философіи права. Признавая права человѣка и гражданина прирожденными и неотъемлемыми, представители этого ученія, говоритъ онъ, подготовили отмѣну частной зависимости человѣка отъ человѣка. Ограничивая задачи государства охраненіемъ естественныхъ правъ, принадлежащихъ человѣку искони, раціонализмъ потрясъ теоретическія основанія полицейскаго государства и проложилъ дорогу къ участію населенія въ законодательствѣ и управленіи. Понимая законъ, какъ велѣніе разума, раціонализмъ подорвалъ господство исключительныхъ законовъ и привиллегій и очистилъ почву для господства въ государствѣ единой власти, нестѣсняемой частными привиллегіями. Естественное право, какъ приложеніе раціонализма къ вопросамъ права и государства, было знаменемъ, вокругъ котораго группировались идеалы средняго сословія XVII и XVIII вѣковъ. Въ формѣ ученія объ естественномъ правѣ европейское общество выразило свои завѣтныя мечты и проповѣдью доктринъ естественнаго права старалось открыть государству выходъ изъ обветшавшихъ средневѣковыхъ формъ и условій (159—160 с.). Мы позволимъ себѣ еще прибавить ко всему этому, что школа естественнаго права выяснила индивидуальную сторону въ понятіи права, выставляя важное значеніе личности человѣка въ дѣлѣ созданія права и государства.

Послѣ такого подробнаго и, какъ видимъ, болѣе или менѣе обстоятельнаго изложенія общаго ученія школы естественнаго права Бершадскій переходитъ къ изложенію взглядовъ на право и государство сначала Г. Гроція, а потомъ Гоббза. Причемъ оцѣнивая взгляды перваго, онъ замѣчаетъ, что въ ученіи Гроція заложены всѣ основныя черты теоріи правоваго государства (168 с.) При разборѣ же ученія Гоббза, сопоставленнаго Бершадскимъ съ общимъ его міровоззрѣніемъ, авторъ говоритъ, что взглядъ Гоббза на государство совершенно правиленъ: всякій послѣдователь-

ный мыслитель долженъ или признать абсолютность государственной власти, или же отказаться отъ возможности найти основанія для существованія людей. Границы суверенной государственной власти всегда были и будутъ чисто нравственными (205—206 с.). Но въ дѣйствительности является необходимымъ установить опредѣленнымъ образомъ форму дѣятельности власти и указать ея предѣлы, въ которыхъ свобода личности не только не была бы нарушена, но даже былъ бы предоставленъ извѣстный просторъ ея развитію. Изложеніемъ ученія о правѣ и государствѣ Локка и Монтескье заканчивается книга Бершадскаго, которая можетъ удовлетворять своей цѣли—служить пособіемъ при слушаніи лекціи по исторіи философіи права, если только исключить отмѣченныя нами погрѣшности. Книга читается легко и изложеніе содержанія ученія разныхъ философовъ понятно даже для обыкновеннаго образованнаго читателя. Нѣкоторыя же мѣста въ ней дѣйствительно оригинальны по своеобразности взглядовъ автора и мѣткости характеристики общихъ взглядовъ мыслителей въ разныя эпохи исторіи философіи права.

В. Щегловъ.

---

2. *И. М. Собѣстіанскій:* „Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ". Историко-критическое изслѣдованіе. Харьковъ, 1892, 336 стр.

Авторъ этого труда — профессоръ Харьковскаго Университета — поставилъ себѣ цѣлью изслѣдовать вопросъ о характерѣ и юридическомъ бытѣ древнихъ славянъ посредствомъ сравнительно-историческаго метода. Онъ называетъ господствующій нынѣ взглядъ на этотъ предметъ „сентиментально-поэтическимъ" и рѣшается показать въ своемъ изслѣдованіи, какъ сложился въ наукѣ такой взглядъ, на сколько характеристика древняго славянства соотвѣтствуетъ дѣйствительности и почему трезвыя воззрѣнія на пред-

метъ, высказываемые время отъ времени въ наукѣ, не имѣли успѣха. Все сочиненіе Собѣстіанскаго раздѣлено на двѣ части. Въ первой идетъ рѣчь объ ученіяхъ, въ которыхъ затрогивается вопросъ о національныхъ особенностяхъ характера древнихъ славянъ. Славянскіе ученые прошлаго столѣтія (докторъ Антонъ, Болтинъ и др.) изображаютъ, говоритъ Собѣстіанскій, первобытныхъ славянъ воинственными, храбрыми и жестокими. Всѣ эти качества присущи, по ихъ мнѣнію, всѣмъ первобытнымъ народамъ и отнюдь не составляютъ національной особенности какого-нибудь отдѣльнаго племени. Эта характеристика древняго славянства, замѣчаетъ авторъ, была результатомъ объективнаго изученія славистами прошлаго столѣтія источниковъ. Но этотъ широкій взглядъ господствовалъ въ славянской наукѣ лишь до конца XVIII в., когда онъ смѣнился ученіемъ знаменитаго нѣмецкаго мыслителя *Гердера*, по мнѣнію котораго славянское племя отличается отъ другихъ народовъ главнымъ образомъ преобладаніемъ среди него гуманныхъ началъ. Славяне никогда не были, подобно германцамъ, удалымъ, предпріимчивымъ, воинственнымъ народомъ. Напротивъ, они спокойно и мирно слѣдовали за ними, занимая покидаемыя германцами мѣста. Славяне охотно занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ, разными домашними ремеслами; они отличались щедростью, гостепріимствомъ, были покорны, послушны, ненавидѣли разбои и грабежи и только послѣ многихъ вѣковъ насилія и порабощенія славянъ германцами кроткій хахактеръ первыхъ превратился въ суровый, рабскій и хитрый. Собѣстіанскій ищетъ объясненія этому своеобразному взгляду Гердера на характеръ древняго славянства въ общемъ философскомъ его міровоззрѣніи. По ученію Гердера человѣкъ есть продуктъ природы и потому законы историческаго развитія тождественны съ естественными. Какъ въ природѣ, такъ и въ исторіи дѣйствуетъ вѣчный, неизмѣнный законъ, заключающійся въ томъ, что охранительныя силы всегда берутъ верхъ надъ разрушительными. Высшая цѣль человѣчества—достиженіе гуманности, вытекающей изъ сущности человѣческой природы. Представителемъ такого гуманнаго, мирнаго, созидающаго начала въ исторіи яви-

лись, по словамъ Гердера, кроткіе славяне, мирные подвиги которыхъ въ средніе вѣка были гораздо благороднѣе и славнѣе всѣхъ германскихъ завоеваній. Но какимъ образомъ, спрашиваетъ Собѣстіанскій, Гердеръ, несомнѣнно знакомый съ современными ему историческими памятниками, гдѣ славяне представлялись народомъ воинственнымъ и свирѣпымъ, составилъ такую характеристику древняго славянства? Авторъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ разсказомъ о личности и жизни Гердера, который былъ склоненъ по своей природѣ къ сентиментальности, пропитанъ вліяніемъ піэтизма, имѣлъ отвращеніе къ милитаризму и провелъ лучшіе годы своей жизни въ Россіи при Екатеринѣ II, въ которой Гердеръ видѣлъ представительницу гуманной философіи, мудрую и кроткою богиню мира. Такъ, заключаетъ авторъ, гердеревская характеристика древнихъ славянъ имѣла своимъ источникомъ личныя чувства и симпатіи Гердера къ русскимъ славянамъ, заглушавшія въ немъ голосъ научной критики (3—17 с.).

Взгляды Гердера на славянъ положили начало новому направленію въ славянской научной литературѣ, которое Собѣстіанскій называетъ сентиментально-поэтическимъ. Польскій историкъ Суровецкій воспользовался теоріей Гердера какъ средствомъ для народнаго возрожденія славянъ: Суровецкій рисуетъ патріархально-идиллическую картину мирной жизни древнихъ славянъ „Народы венедо-славянскіе отличаются, по его словамъ, отъ прочихъ древне-европейскихъ племенъ простотою нравовъ, откровенностью, кротостью и человѣколюбіемъ. Ихъ религія, нравы, права и самый образъ жизни были проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ. Характеръ славянъ былъ сострадательный, свободный и веселый. Издавна славяне были народомъ попреимуществу земледѣльческимъ, къ чему побуждала ихъ врожденная кротость характера и склонность къ свободной жизни. Раздробленіе ихъ на мелкія, независимыя племена и демократическій образъ правленія подавляли въ самомъ зародышѣ желаніе оставить земледѣліе, хотя въ тоже время славяне вездѣ выказывали особенную склонность къ торговлѣ. Врожденной же кротостью славянъ объясняются ихъ гостепріимство, уваженіе ихъ къ старцамъ и дряхлымъ людямъ,

отсутствіе человѣческихъ жертвоприношеній. Славяне предпочитали моногамію полигеніи; у нихъ не было ни государя, ни князей, ни различія состояній между гражданами. Всякій староста, т. е., хозяинъ или начальникъ семейства равно участвовалъ какъ въ выборѣ своихъ начальниковъ, такъ и въ постановленіи законовъ и главныхъ народныхъ совѣщаніяхъ. Славяне не отличались жестокостью въ обращеніи съ непріятелями и вели большею частью оборонительныя войны (23—31 с.). Это ученіе Гердера, столь быстро усвоенное западными славистами, долго не прививалось въ Россіи и Карамзинъ остался вѣренъ старому взгляду Болтина, Антона и другихъ догердеровскихъ ученыхъ. Постоянное подчеркиванье Карамзинымъ жестокости, грубости, воинственности и хищности древнихъ славянъ является отвѣтомъ на ученіе Гердера о славянахъ, какъ о народѣ голубиной и овечьей кротости. Карамзинъ не только не призналъ національныхъ особенностей древне-славянской жизни, но осмѣлился утверждать, что древне-славянскіе обычаи представляютъ громадное сходство съ германскими и что „исторія славянъ подобна исторіи всѣхъ народовъ, выходящихъ изъ дикаго состоянія“ (38 с.). Появленіе трудовъ о славянахъ знаменитаго Шафарика совпадаетъ съ оживленіемъ взглядовъ Гердера на національныя особенности славянъ. Шафарикъ укоряетъ Карамзина въ легкомысліи и отсутствіи патріотизма, выразившихся въ отрицаніи у славянъ національныхъ особенностей. Самъ Шафарикъ такъ характеризуетъ эти особенности славянскаго характера: его основу составляютъ, по словамъ Шафарика, „религіозность, трудолюбіе, невинная и беззаботная веселость, привязанность къ родному языку, уживчивость и миролюбіе“. Этотъ взглядъ Шафарика, высказанный имъ въ „Исторіи славянскихъ литературъ“, былъ заимствованъ имъ, по мнѣнію Собѣстіанскаго, у Гердера, Суровецкаго и Колляра. Въ другомъ своемъ трудѣ, доставившемъ автору громкую славу, „Славянскихъ древностяхъ“ Шафарикъ выражаетъ два совершенно противоположныхъ другъ другу взгляда на характеръ и бытъ древнихъ славянъ. Такъ, съ одной стороны, славяне представляются здѣсь людьми кроткими, спокойными, любившими

земледѣліе, ремесла и торговлю, народомъ гостепріимнымъ, непомышляющимъ о завоеваніи другихъ народовъ, но мирно занимающимъ мѣста, оставленныя германскими племенами. Управленіе общественными дѣлами находилось у славянъ въ рукахъ самого народа. Но не смотря на то, что въ древности всѣ славяне пользовались равной свободой и правами, однако, кажется, различіе состояній и право наслѣдованія верховной власти, нимало не вредя народному правленію, очень рано утвердились между нѣкоторыми племенами, особенно сосѣдившими и мѣшавшимися съ нѣмцами. Но, съ другой стороны, тотъ же Шафарикъ упоминаетъ объ упорной борьбѣ славянскихъ народовъ съ нѣмцами, доказываетъ, что мужество, опытность и стойкость въ бояхъ славянъ не были дѣломъ случая, а постоянной и старинной доблестью, слѣдствіемъ воинственности славянъ. Мало вяжется съ характеристикой славянъ Шафарикомъ какъ народа мирнаго, приводимое имъ, свидѣтельство Маврикія, что „славяне ненавидятъ другъ друга и живутъ въ безпрестанныхъ несогласіяхъ“. Мирный и спокойный характеръ и взаимная ненависть и несогласія — двѣ вещи совершенно несовмѣстимыя, замѣчаетъ Собѣстіанскій. Чтобы устранить явное противорѣчіе въ своихъ взглядахъ, чувствуемое самимъ Шафарикомъ, онъ допускаетъ странную гипотезу, что „будто примѣръ другихъ воинственныхъ народовъ, иногда же принужденіе съ ихъ стороны заставляли мирныхъ и кроткихъ славянъ рѣшаться на завоеванія“. Но принять эту послѣднюю гипотезу Шафарика, значитъ, по словамъ Собѣстіанскаго, отказать славянамъ |въ самобытной исторической дѣятельности: тогда окажется, что славяне, только повинуясь стадному чувству подражанія или насилію со стороны иноземныхъ воинственныхъ народовъ, предпринимали свои завоевательные походы; сами же не были способны, по собственному побужденію, рѣшиться на завоеванія. Шафарикъ, не смотря на свой громкій и непоколебимый авторитетъ, пріобрѣтенный имъ въ ученомъ мірѣ своими трудами, является на самомъ дѣлѣ несамостоятельнымъ изслѣдователемъ, пересказчикомъ мнѣнія Суровецкаго (40—58 с.). Послѣ Шафарика ученіе о невоинственномъ характерѣ древняго сла-

вянства получило дальнѣйшее развитіе и достигло своего апогея въ книгѣ чешскаго ученаго *Воцеля*, который рекомендуетъ обратиться для подробнаго знакомства съ внутреннею жизнью древнихъ славянъ къ Краледворской и Зеленогорской рукописямъ. „Пѣсни этихъ древнихъ славянскихъ памятниковъ являются, по словомъ Воцеля, произведеніями народа, всѣмъ своимъ существомъ льнущаго къ природѣ и законамъ нравственнымъ, прирожденнымъ неиспорченному сердцу. Влеченіе къ природѣ, привязанность къ семьѣ, самоотверженная любовь къ отчизнѣ и набожность—вотъ главныя темы пѣсенъ и сказаній славянскихъ. Мы нигдѣ не встрѣчаемъ въ нихъ и слѣдовъ горделивой надменности и кровожадной мстительности, которыми дышатъ древне-германскія сказанія“. Мацѣйовскій также характеризуетъ древнихъ славянъ, какъ народъ, отличающійся простотой, кротостью и откровенностью. Любя болѣе всего на свѣтѣ свободу, славяне не терпѣли надъ собой никакого насилія. Только благодаря сосѣдству нѣмцевъ, славяне переняли у нихъ такіе отвратительные обычаи, какъ человѣческія жертвоприношенія, убіеніе новорожденныхъ дѣтей и многоженство. Польскій же историкъ Шуйскій изображаетъ славянъ народомъ, „замкнутымъ въ семейной жизни. Созерцательный отъ природы, страстно привязанный къ земледѣлію, мало заботящійся объ удобствахъ жизни, непредпріимчивый и невоинственный славянинъ полюбилъ больше всего на свѣтѣ теперешній образъ жизни и съ неслыханною выносливостью остается при своей долѣ. Больше всего на свѣтѣ онъ любитъ свободу и равенство. Когда угрожаетъ опасность, славянинъ смѣло воюетъ за свое гнѣздо, но изолированность его общественной жизни, отсутствіе связей не обезпечиваютъ ему побѣды. Тогда убѣгаетъ онъ въ лѣса или въ нѣмомъ остолбененіи отдаетъ себя во власть болѣе сильнаго. Преданный земледѣлію и скотоводству; онъ уважаетъ собственность и не знаетъ воровства. Гость для него является священной особой; для больныхъ и увѣчныхъ всегда найдется пристанище. Славянинъ свято соблюдаетъ брачную вѣрность, хотя многоженство, по крайней мѣрѣ, богатымъ и дозволяется. Вооруженный такими нравственными сокровищами ду-

ти, привязанный къ землѣ, славянинъ пережилъ всѣ бури временъ, всѣ наѣзды народовъ и, благодаря этому нравственному превосходству, унаслѣдовалъ обширную землю дѣдовъ, столько разъ облитую ихъ кровью. Прямою противоположностью этой славянской натурѣ является характеръ германцевъ, воинственный, предпріимчивый духъ которыхъ бросался, по словамъ Я Гримма, на всѣ стороны въ сладкой надеждѣ, что послѣ смерти послѣдуетъ еще болѣе славное возрожденіе рыцарской жизни". Ученіе Суровецкаго-Шафарика отразилось на ученыхъ сочиненіяхъ Бобжинскаго и Богуславскаго и даже на западно-славянской изящной литературѣ Въ русской научной литературѣ это славянофильское направленіе долго не прививалось и только съ появленіемъ „Славянскихъ древностей" Шафарика оно начинаетъ прокладывать себѣ въ ней путь. Такъ Бодянскій заявляетъ въ своемъ сочиненіи „О народной поэзіи славянскихъ племенъ", что „славяне искони были народомъ, привязаннымъ преимущественно къ жизни осѣдлой, земледѣльческой и потому миролюбивымъ, тихимъ, спокойнымъ, уживчивымъ, больше всего на свѣтѣ любившимъ бытъ сельскій, семейственный, домашній. Жизнь земледѣльческая есть первый и самый вѣрный шагъ къ высшему совершенствованію; она неразлучна съ осѣдлостью, тѣснымъ общеніемъ, порядкомъ въ образѣ жизни, точнѣйшимъ распредѣленіемъ *моего—твоего*, законностью, смягченіемъ дикости, нравами тихими, привязанностью къ мѣсту жительства, къ своему пепелищу, домашнему очагу, быту семейному. У земледѣльцевъ же показываются первоначально грамота, рукодѣлія, торговыя сношенія, зародышъ наукъ, искусствъ и художествъ. Все это должны были имѣть и славяне, которые хотя и были народомъ миролюбивымъ, но не уступали другимъ народамъ ни въ мужествѣ, ни въ любви къ самобытности, свободѣ. Но славяне оставляли свой плугъ, мѣняли серпъ на дубину, копье, мечъ предпочтительно въ крайнихъ обстоятельствахъ, когда требовалось отстоять свои поля, защищать свою собственность отъ наглыхъ притязаній кого-бы то ни было, охранить себя отъ обиды другихъ, оградить свои права и независимость". Мнѣніе Шафарика о славянахъ повторяется Погодинымъ.

Съ начала 50-хъ годовъ западно-славянское ученіе о кроткомъ, пассивномъ характерѣ древнихъ славянъ сдѣлалось господствующимъ въ русской исторической наукѣ. Оно стало исходной точкой зрѣнія нашихъ славянофиловъ Хомякова, К. Аксакова, оказало вліяніе на труды С. М. Соловьева, Кавелина, Бестужева-Рюмина и отразилось на новѣйшихъ курсахъ исторіи Петрова и Осокина. Только Дриновъ и Иловайскій возстаютъ противъ этой теоріи о мирномъ характерѣ древнихъ славянъ и приводятъ доказательства воинственности и даже жестокости и свирѣпости славянъ (60—75 стр.).

Послѣ обозрѣнія всѣхъ, существующихъ въ литературѣ славянства взглядовъ на характеръ древнихъ славянъ Собѣстіанскій обращается къ свидѣтельствамъ объ этомъ предметѣ источниковъ. „Нигдѣ, говоритъ онъ, мы не находимъ указаній, что древніе славяне были народъ пассивный, покорный, послушный, безнаказанно обижаемый другими народами, никогда нестремившійся къ господству надъ міромъ, охотно соглашавшійся платить дань, лишь бы имѣть возможность спокойно воздѣлывать землю. Напротивъ, всѣ дошедшіе до насъ памятники рисуютъ намъ нашихъ предковъ народомъ мужественнымъ, храбрымъ, воинственнымъ, жестокимъ, нетерпѣвшимъ чужаго владычества, нисколько неуступавшимъ въ энергіи, предпріимчивости и удальствѣ нѣмцамъ“. Славяне не разселялись мирнымъ образомъ на земляхъ, оставленныхъ нѣмцами, а, наоборотъ, сами нападали на нихъ, грабили населеніе и захватывали себѣ ихъ земли. Авторъ приводитъ цѣлый рядъ цитатъ изъ сочиненій писателей византійскихъ, арабскихъ, древнихъ чешскихъ и польскихъ славянъ: всѣ эти писатели доказываютъ, что воинственность была господствующею чертою въ характерѣ древняго славянства. Гостепріимство славянъ, на которое также указываютъ, какъ на доказательство мирнаго и кроткаго ихъ характера, было извѣстно и „воинственнымъ“ германцамъ. „Не соха и гусли, а мечъ и копье прокладывали, говоритъ Собѣстіанскій, путь нашимъ предкамъ въ ихъ разселеніи по необъятнымъ пространствамъ занятыхъ ими земель. Не даромъ славянскіе князья говорили аварскимъ посламъ, тре-

бовавшимъ отъ нихъ подданства и дани: „гдѣ тотъ человѣкъ подъ солнцемъ, который могъ бы подчинить насъ своей власти. Мы привыкли покорять чужія земли, но нашихъ никто не въ состояніи вырвать у насъ и мы до тѣхъ поръ будемъ владѣть ими, пока на свѣтѣ существуютъ войны и мечи“ (76—99 стр.).

Во второй части своего сочиненія Собѣстіанскій разсматриваетъ ученія о національныхъ особенностяхъ юридическаго быта древнихъ славянъ въ польской, чешской и русской научной литературѣ. Научная разработка древне-славянскихъ юридическихъ памятниковъ съ 1-й половины XVIII ст. привела русскихъ изслѣдователей къ взгляду на сходство ихъ съ законами древнихъ германцевъ; причемъ, одни ученые (Татищевъ, Болтинъ) усматривали въ этомъ сходствѣ результатъ аналогическаго творчества, между тѣмъ какъ другіе (Шлёцеръ, Карамзинъ, Нарушевичъ и др.) объясняли эго сходство заимствованіемъ. Маевскій первый изъ славянскихъ ученыхъ поднялъ вопросъ объ оригинальности и глубочайшей древности славянскаго права, которое, по его, словамъ имѣло много точекъ соприкосновенія съ законами Ману и другихъ индусскихъ кодексовъ. Взгляды Маевскаго получили дальнѣйшее развитіе у Раковецкаго, который замѣчаетъ, что вѣчевые порядки были всеобщимъ явленіемъ у славянъ въ самыя отдаленныя времена. Польскій ученый Лелевель первый основалъ ученіе объ общинно-вѣчевомъ устройствѣ древняго славянства. Отличительною чертою его была, по Лелевелю, *общинность* въ противоположность индивидуализму Запада. Вообще древнеславянскому быту неизвѣстны были какія бы то ни было различія, преимущества, и безусловное равенство, братство и свобода—эти три основныхъ демократическихъ принципа—составляютъ неотъемлемую принадлежность древне-славянской жизни. Теорія общиннаго быта сложилась, по мнѣнію автора, въ умѣ Лелевеля главнымъ образомъ подъ вліяніемъ идей Ж. Ж. Руссо, изложенныхъ въ извѣстныхъ его сочиненіяхъ („Объ общественномъ договорѣ“, и „Началѣ неравенства между людьми“): при очеркѣ общиннаго быта древнихъ славянъ предъ Лелевелемъ носились руссовское „état de la nature“ и идея Руссо о суверенномъ наро-

дѣ. Краснорѣчивымъ популяризаторомъ истор. взглядовъ Лелевеля явился польскій поэтъ Мицкевичъ. Резюме его лекцій по исторіи славянскихъ литературъ въ College de France является статья Лебра, по словамъ котораго славянинъ рожденъ для земледѣлія и сельской жизни. Всѣ славяне были равны, почему единогласіе рѣшеній народныхъ собраній составляетъ основной и отличительный принципъ славянскаго права и славянскія поселенія носили названіе „свободы" или „слободы". Древно-славянскій духъ сохранился во всей чистотѣ въ Польшѣ, гдѣ только впослѣдствіи эгоизмъ и спѣсь овладѣли дворянствомъ и оно образовало изъ себя касту, забывъ, что кастовое устройство прямо противорѣчитъ древне-славянскому духу и первобытному устройству. Подобно Лебру, другой французскій ученый 40-хъ же годовъ Роберъ, замѣтилъ, что всякое славянское племя, принявшее въ себя аристократическое начало, напередъ обрекаетъ себя на болѣе или менѣе близкую гибель. Мацѣйовскій поставилъ своей цѣлью доказать самобытность и оригинальность древне-славянскаго права, которая заключается въ его гуманности, кротости, разсудительности и многихъ другихъ прекрасныхъ качествахъ. Древне-славянскому праву чужды зародыши какъ азіатизма, такъ и феодализма. На господство у древнихъ славянъ общиннаго начала указываетъ видная роль у нихъ земскихъ старѣйшинъ. Собѣстіанскій находитъ, что ученіе Мацѣйовскаго—нѣсколько видоизмѣненная теорія общиннаго быта Лелевеля: отличіе мнѣній этихъ двухъ ученыхъ состоитъ въ томъ, что Лелевель стоялъ за чисто общинный бытъ древняго славянства безъ всякой примѣси родовыхъ началъ, Мацѣйовскій же высказался въ пользу общинно-родоваго устройства нашихъ предковъ. По его мнѣнію, первоначальная демократія у славянъ преобразовалась во время войны въ аристократію: войны же подготовляли почву для возникновенія и монархіи. Съ монархическимъ же правленіемъ связано и раздѣленіе населенія на классы сообразно съ призваніемъ (100—136 стр.).

Въ чешской научной литературѣ мысль объ оригинальности древне-славянскаго права была пущена въ ходъ авторомъ „Любушина Суда", Ганкой. Историкъ Палацкій причисляетъ къ чи-

слу славянскихъ національныхъ институтовъ круговую поруку и судъ присяжныхъ. Герменигельдъ же Иречекъ въ одно и тоже время утверждаетъ, что у древнихъ славянъ существовалъ патріархально-родовой бытъ и задружно-общинный, въ основѣ котораго лежатъ демократическія начала свободы и равенства и который не былъ извѣстенъ древнимъ германцамъ. Противопоставлялъ древній славянскій юридическій бытъ древне-германскому и Воцель, который думалъ, что въ основѣ всей древне-германской жизни лежало начало аристократическое, между тѣмъ какъ общественная организація древнихъ славянъ покоилась на демократич. принципахъ, которые господствовали одинаково какъ въ политической, такъ и семейной ихъ жизни. Наконецъ, въ русской литературѣ съ мнѣніемъ о національномъ характерѣ древне-славянскаго права выступилъ первымъ Иванишевъ, который подъ вліяніемъ Ганки доказывалъ, что „славянизмъ" сохранился въ наибольшей чистотѣ въ древнемъ чешскомъ и богемскомъ законодательствахъ, прямо противоположныхъ „германизму". Этотъ контрастъ ихъ выражается въ особенномъ характерѣ института мести, славянскомъ происхожденіи круговой поруки и въ различіи взглядовъ на личность у древнихъ славянъ и германцевъ, обнаруживающемся въ особенномъ положеніи женщины въ обществѣ и семействѣ и—отношеніяхъ между родителями и дѣтьми у этихъ народовъ. Гакстгаузенъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о русской сельской общинѣ руководился трудами Лелевеля, Мицкевича, Мацѣйовскаго. Но особенными защитниками теоріи общиннаго быта явились славянофилы: Хомяковъ, братья Кирѣевскіе, Самаринъ и особенно Константинъ Аксаковъ, котораго авторъ называетъ творцемъ теоріи общиннаго быта. Всѣ славянофилы смотрѣли на общинное устройство, какъ на принадлежность всего славянства. Бѣляевъ же находилъ, что общинный бытъ составляетъ отличительную черту только русскаго славянства (137—187 с.).

Обращаясь къ свидѣтельствамъ самихъ источниковъ объ юридич. бытѣ древнихъ славянъ, Собѣстіанскій замѣчаетъ, что демократическіе принципы свободы, братства и равенства также мало были извѣстны древне-славянской жизни, какъ и германской.

Слова Прокопія: „славяне и анты не управляются однимъ мужемъ, а издревле живутъ въ демократіи“ заключаютъ въ себѣ указаніе на племенную рознь, а отнюдь не на отсутствіе у древнихъ славянъ княжеской власти; слово „демократія“ означаетъ у него партійныя неурядицы и волненія въ народѣ. На туже племенную рознь указываютъ и Маврикій, и арабскіе писатели (Масуди и Аль-Бекри). Слова К. Багрянороднаго, что „славяне не имѣютъ другихъ правителей, кромѣ жупановъ-старѣйшинъ“ нужно понимать въ томъ смыслѣ, что славяне имѣли правителями мелкихъ племенныхъ князей. У велетовъ же, кромѣ князей, существовала еще знать. Князья существовали у русскихъ славянъ еще до призванія варяговъ. Такъ княжеская власть была исконнымъ явленіемъ у славянъ, развившимся органически изъ внутренней ихъ жизни. Славянамъ же было извѣстно начало подчиненія слабѣйшаго сильнѣйшему, выражавшееся въ широкомъ распространеніи рабства у древнихъ славянъ, многоженствѣ у нихъ и безправномъ положеніи дѣтей въ славянской семьѣ. Если славяне были народъ воинственный, предпріимчивый и жестокій, если у нихъ искони существовала княжеская власть и рабство было обыкновеннымъ явленіемъ, если жена и дѣти у нихъ вполнѣ были подчинены отцу, то, заключаетъ Собѣстіанскій, ни о какихъ *коренныхъ* отличіяхъ древне-славянскаго характера и юридическаго быта не можетъ быть и рѣчи. Древняя исторія славянъ подобна исторіи всѣхъ народовъ, выходящихъ изъ дикаго состоянія. Смягченіе нравовъ въ славянскомъ мірѣ началось съ принятіемъ христіанства. Племена же, долѣе другихъ упорствовавшія въ язычествѣ (балтійскіе славяне), дольше всѣхъ славянъ удержали свой первобытный бытъ съ его чертами: воинственностью, рабствомъ, многоженствомъ, умерщвленіемъ дѣтей и стариковъ, а также человѣческими жертвоприношеніями (188—208 стр.).

Это заключеніе книги проф. Собѣстіанскаго, однако, не разрѣшаетъ поставленной имъ себѣ задачи доказать отсутствіе національныхъ чертъ въ характерѣ и юридич. быту древнихъ славянъ. На самомъ дѣлѣ едва ли возможно отрицать преобладаніе

у нихъ мирнаго образа жизни и долгаго существованія демократіи сравнительно съ несомнѣнною воинственностью древнихъ германцевъ, обнаруженною ими съ самого начала ихъ исторіи. Въ связи съ такимъ характеромъ германцевъ стояло раннее и быстрое возникновеніе у германскихъ народовъ феодализма, неизвѣстнаго русскимъ славянамъ. Мы не будемъ оспаривать свидѣтельствъ источниковъ о воинственности древнихъ славянъ. Но мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что славяне долго воевали съ нѣмцами, татарами, половцами изъ за своей внѣшней безопасности, но перешли къ мирному образу жизни скорѣе своихъ сосѣдей — нѣмцевъ, занятыхъ безпрерывною борьбою съ римлянами, между собою и — разнообразными общественными элементами (монарх. властью, феодалами и церковью, феодалами и третьимъ сословіемъ, католиками и протестантами и т. д.). Существенное различіе между славянами и германцами, кромѣ общиннаго быта, слѣды котораго и до сихъ поръ сохраняются въ институтѣ общиннаго землевладѣнія у всѣхъ славянъ, особенно же русскихъ, состоитъ еще въ особомъ развитіи у германцевъ въ нѣдрахъ демократіи аристократіи, которая у славянъ или скоро исчезала (у русскихъ) или же своимъ эгоизмомъ губила государство (въ Польшѣ, Сербіи, Чехіи, Болгаріи). Собѣстіанскій не обращаетъ вниманія на эти и многія другія особенности славянскаго юрид. быта, безъ основательнаго изученія котораго невозможны и какіе-либо положительные выводы объ его безусловномъ сходствѣ или коренномъ различіи отъ быта древнихъ германцевъ. За авторомъ остается лишь та заслуга, что онъ обратилъ вниманіе ученаго міра на этотъ вопросъ и собралъ въ своей книгѣ массу матеріала для разрѣшенія такого важнаго вопроса въ сравнительной исторіи права [1]).

В. Щегловъ.

---

[1]) Ссылки, примѣчанія и дополненія къ книгѣ Собѣстіанскаго занимаютъ болѣе одной трети ея содержанія (209—336 с.), которое состоитъ также, главнымъ образомъ, въ подробномъ изложеніи взглядовъ разныхъ ученыхъ на предметъ.

3. Cucheval-Clarigny. Les finances de la France de 1870 à 1891. Paris. 1891. p. 492.

Названная книга представляетъ опытъ критическаго обзора финансовой исторіи Франціи за два послѣднія десятилѣтія. Авторъ дѣлитъ свой трудъ на пять частей, носящихъ послѣдовательно слѣдующія наименованія: 1) освобожденіе территоріи, 2) возстановленіе равновѣсія, 3) разрушеніе равновѣсія, 4) хроническій дефицитъ и 5) настоящее и будущее.

Исходнымъ моментомъ своего изслѣдованія Кюшваль-Кларины избралъ окончаніе войны съ Германіей. Разбитой, потрясенной бѣдствіями 1870 г. Франціи предстояла тяжелая обязанность уплаты побѣдителю громадной контрибуціи. „Наши враги, говоритъ авторъ, не только хотѣли ослабить и обѣднить Францію: они льстили себя надеждой создать для нея безъисходныя финансовыя затрудненія и разрушить надолго ея силы и благосостояніе. Можно ли было дать названіе вознагражденія контрибуціи, въ три раза превышавшей жертвы, которыя причинила война Германіи и которыя послѣдняя сама оцѣнивала не выше 1.500 милл.? Эта цифра—пять милліардовъ—признавалась чрезмѣрной даже тѣми, кто принималъ наименьшее участіе въ судьбѣ Франціи; во всемірной исторіи не находилось примѣра, который оправдывалъ бы такія чрезмѣрныя вымогательства; но въ глазахъ нѣмцевъ эта контрибуція имѣла не столько характеръ вознагражденія за ихъ жертвы, сколько наказанія, наложеннаго на побѣжденнаго врага, и предосторожности, принятой въ виду будущаго". Кюшваль-Кларины ссылается на слова Ад. Вагнера: „Контрибуція, вслѣдствіе своей громадности, должна была произвести давленіе на финансы и все хозяйство Франціи: она налагала на эту страну наказаніе въ видѣ частной конфискаціи народныхъ средствъ". Все было расчитано съ этой цѣлью. Наиболѣе компетентные экономисты опредѣляли въ 5 или 6 милл. совокупность благородныхъ металловъ, обращавшихся во Франціи, и вотъ контрибуція была назначена также въ размѣрѣ пяти милліардовъ плюсъ проценты за время платежа ея, и эта сумма

должна была уплачиваться звонкой монетой. Всѣ французскія цѣнныя бумаги: билеты французскаго банка, ренты, акціи и облигаціи какого-бы ни было рода, были строго исключены. Этимъ путемъ имѣлось въ виду дезорганизовать и даже истощить металлическое обращеніе и заставить Францію прибѣгнуть къ бумажнымъ деньгамъ. Кромѣ того сроки платежей были опредѣлены такимъ образомъ, что Франція, въ теченіе четырехъ лѣтъ, должна была уплачивать ежегодно сумму, равную всему бюджету 1869 г., и слѣдовательно государственные расходы ея сразу удваивались. „Возможно ли было, чтобы страна истощенная длиннымъ рядомъ бѣдствій и терзаемая междуусобной войной, вынесла, не сгибаясь, подобную тяжесть? Расчитывали не крушеніе (effondrement), которое считалось неизбѣжнымъ". Оно однако не послѣдовало. Напротивъ вся Европа была удивлена быстротой, съ какою Франція оправилась отъ бѣдствій 1870 года. „Ни одинъ народъ еще не давалъ подобныхъ доказательствъ своей жизнеспособности: одно мгновеніе можно было думать, что будетъ превзойденъ примѣръ Соед. Штатовъ, какъ онъ ни былъ изумителенъ. Менѣе чѣмъ въ 5 лѣтъ всѣ развалины, оставленныя нашествіемъ, были возстановлены; торговля и промышленность снова получили свое движеніе впередъ, и послѣ уплаты колоссальнаго выкупа, произведенной раньше срока, Франція снова оказалась на ногахъ со своими финансами въ хорошемъ состояніи". Надежды враговъ были обмануты благодаря совокупности мѣропріятій, образующихъ „одну изъ наиболѣе любопытныхъ и поучительныхъ главъ въ экономической исторіи нашего времени".

На основаніи § 7 франкфуртскаго договора первые два милліарда контрибуціи нужно было уплатить до 1 мая 1872 г. —и три послѣдніе—къ 2-му марта 1874 г.; въ зависимости отъ уплаты контрибуціи была поставлена эвакуація страны. Необходимыя средства для уплаты первой части были доставлены займомъ, опредѣленнымъ закономъ 21 іюня 1871 г. Правительство предложило сдѣлать заемъ въ $2^1/_2$ милліарда; но до той поры еще нигдѣ не было видано примѣра такого коллоссальнаго займа и испуганное его величиной Національное Собраніе пони-

зило его до двухъ миллірдовъ. Результатъ превысилъ всѣ ожиданія. Одинъ Парижъ подписался на два съ половиной миллiарда, провинція на $1^1/_2$ милл. и заграничные подписчики дополнили пятый милліардъ. Подписчики такимъ образомъ предложили правительству сумму, равную всей военной контрибуціи, и это едва нѣсколько недѣль спустя послѣ заключенія мира и въ присутствіи иностранной арміи. Правительство могло удовлетворить только 45% требованій подписчиковъ.

Такой результатъ произвелъ глубокое впечатлѣніе во всей Европѣ и поднялъ престижъ новаго правительства и націи. Аккуратность подписчиковъ доставила возможность производить регулярно платежи Германіи, даже ранѣе наступленія ихъ сроковъ. Участіе иностранцевъ въ займѣ на сумму около милліарда не могло не быть замѣчено, какъ доказательство вѣры Европы въ жизнеспособность французскаго народа. Успѣхъ этого займа побудилъ Тьера открыть безъ замедленія сношенія съ Германіей съ цѣлью видоизмѣнить сроки и условія второй операціи. По заключеніи новой конвенціи 29 іюня 1872 г. правительство получило полномочіе отъ Національнаго Собранія выпустить новый заемъ въ три милліарда. Подписка была открыта 28 іюля; сроки взносовъ назначены такъ, чтобы вся сумма займа находилась въ рукахъ правительства почти за годъ до термина послѣдняго платежа Пруссіи. Точность подписчиковъ была такова, что къ 31 іюля 1871 г. казна не получила еще изъ этого громаднаго займа только скромную сумму въ 7.136.000 фр. Платежи Германіи слѣдовали изъ мѣсяца въ мѣсяцъ съ такой быстротой, что уплата четвертаго милліарда была произведена въ первыхъ числахъ мая 1873 г., т. е. на годъ раньше условленнаго срока. Это послужило побудительной причиной для установленія новаго соглашенія съ Германіей (конвенція 15 марта 1873 г.) съ цѣлью ускорить послѣдніе платежи и окончательную эвакуацію. 5-го сентября 1873 г. французское правительство уплатило Германіи послѣдніе 263.460.000 фр., и 16-го сентября послѣдній прусскій солдатъ перешелъ границу. Такимъ образомъ Франція выплатила своему побѣдителю огромный выкупъ въ 5,300 мил. фр.

въ 26 мѣсяцевъ — „фактъ безпримѣрный въ исторіи міра", справедливо замѣчаетъ Кювиль-Клариньи.

Быстрота, съ какой освободилась Франція, являлась еще болѣе удивительной, благодаря крайней сложности задачи, разрѣшить которую предстояло французскому правительству. „Нужно было, говоритъ авторъ, перевести изъ Франціи въ Германію огромный капиталъ, удовлетворяя обременительнымъ условіямъ, которыя изобрѣлъ маккіавелистическій разсчетъ, чтобы увеличить трудности операціи; нужно было произвести эту операцію быстро, чтобы положить поскорѣе конецъ оккупаціи, горестной для Франціи и вредной для ея интересовъ и кредита; въ то же время надо было щадить нашъ рынокъ, чтобы не произвести денежнаго кризиса и не привести страну къ бумажно-денежному обращенію; наконецъ нужно было предупредить слишкомъ быстрое и слишкомъ значительное повышеніе вексельнаго курса, которое могло бы повлечь за собой общее потрясеніе европейскаго рынка" (стр. 17). Къ счастію обстоятельства сложилась болѣе счастливо, чѣмъ можно было предполагать. Война обусловила для большей части французской промышленности почти полный застой въ дѣлахъ; теперь приходилось пополнять недостатки въ потребленіи и возстановлять все разрушенное и конфискованное непріятелемъ, начиная съ рельсъ и локомотивовъ и кончая простѣйшими предметами обихода. Промышленность и торговля вслѣдствіе этого тотчасъ же по заключеніи мира значительно развились; иностранные потребители, лишенные въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ французскихъ продуктовъ, спѣшили предъявить на нихъ большой спросъ; вывозъ Франціи поднялся на столько, что превышалъ въ 1872 и 73 г. ввозъ на нѣсколько сотенъ милліоновъ и сдѣлалъ денежный курсъ для нея благопріятнымъ. Французскіе капиталы, помѣщавшіеся въ послѣдніе 10—12 лѣтъ, предшествовавшихъ войнѣ, въ различные иностранныя бумаги, приносившія высшій доходъ, чѣмъ французскія, были въ значительной части реализованы для подписки на два новыхъ займа, выпущенныхъ по сравнительно низкому курсу. Заграничная подписка доставила болѣе $1^1/_4$ милліарда, которое правительство могло прямо утили-

зировать. Тьеръ съумѣлъ привлечь къ операціи большинство крупныхъ европейскихъ банкирскихъ домовъ (числомъ 55), которые гарантировали подписку на второй заемъ и обязывались доставить въ распоряженіе французскаго правительства на 700 милл. векселей для уплаты Германіи. Такъ какъ каждый изъ этихъ 55 домовъ группировалъ около себя второстепенные дома, то можно сказать, говоритъ Кюшваль-Клариньи, что вся европейская биржа была заинтересована въ обезпеченіи успѣха займа и въ устраненіи всякихъ случайныхъ причинъ, которыя могли бы служить препятствіемъ этому успѣху. Выгода отъ исполненія договора была настолько достаточна, что никто изъ контрагентовъ не пытался извлечь себѣ минутную прибыль изъ повышенія вексельнаго курса и всѣ они добросовѣстны старались пріобрѣтать за счетъ французскаго правительства переводные векселя и иностранную монету. Значеніе этого содѣйствія легко обнаруживается изъ того, что значительная часть контрибуціи именно 4.248 милл. была уплачена посредствомъ траттъ. Французской золотой и серебряной монеты было передано Пруссіи только 512 м.; однако общую сумму монеты, вышедшей послѣ войны изъ денежнаго обращенія Франціи, Кюшваль-Клариньи опредѣляетъ въ одинъ милліардъ. Благодаря довѣрію, которое внушалъ къ себѣ Французскій банкъ и которое позволило ему сдѣлать значительный выпускъ билетовъ мелкаго достоинства, а также благодаря установившемуся послѣ войны выгодному торговому балансу, это сокращеніе количества монеты не сопровождалось дурными послѣдствіями для денежнаго обращенія Франціи.

Общій выводъ, дѣлаемый Кюшваль-Клариньи, дышетъ оптимизмомъ. „Онъ заключается въ томъ, что Франція, въ срединѣ своихъ испытаній, пожала плоды своего прошлаго добраго поведенія, своего терпѣливаго труда, своихъ разумно помѣщенныхъ сбереженій... Она не потерпѣла ни малѣйшаго сокращенія своей производительной силы, потому что не было поражено серьезно ни одно изъ ея орудій труда. Съ возстановленіемъ мира она могла тотчасъ же приняться за дѣло. Причины благосостоянія до войны: естественныя богатства и плодородіе почвы, промыш-

ленный духъ жителей, ихъ трудолюбивыя привычки, стремленіе къ сбереженіямъ остались нетронутыми; они начали функціонировать, какъ и прежде, и съ тѣми же результатами. Частныя лица воспользовались займами освобожденія для помѣщенія своихъ капиталовъ, которые раньше они помѣщали заграницей; постепенной замѣной помѣщенія они возвращали во Францію ренты, подписанныя сначала заграничными спекуляторами, между тѣмъ какъ вывозъ нашей промышленности и производства заставляли возвращаться золото и серебро и возстановляли наши металлическіе запасы. Такимъ образомъ оправдался еще разъ великій экономическій законъ, являющійся также и закономъ нравственности, что труды есть истинный источникъ богатства“ (стр. 28—29).

Вторая книга сочиненія Кюшваль-Клирипьи описываетъ дѣятельность Національнаго Собранія, направленную на возстановленіе равновѣсія въ бюджетѣ. Первой заботой Н. Собранія было освѣдомиться о положеніи, въ какомъ очутилась страна съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій. Оно поручило коммиссіи изслѣдовать, какіе были произведены расходы, каковы были рессурсы настоящаго времени и нужды будущаго. Отчетъ, представленный Леономъ Сэемъ отъ имени этой коммиссіи, рисовалъ такую печальную картину, что опубликованіе его, по мнѣнію правительства, могло бы произвести въ народѣ глубокое впечатлѣніе отчаянія. Хотя отчетъ вслѣдствіе этого и не былъ преданъ гласности, но все таки нѣкоторыя цифры проникли въ общество. Было извѣстно, что при правительствѣ національной обороны ежедневные расходы на 8 милл. превышали доходы казны, что сборы оказались ниже бюджетныхъ исчисленій на 300 милл. за послѣдніе 5 мѣсяцевъ 1870 г. и на 100 милл. за два первые мѣсяца 1871 г., что сверхъ кредитовъ, внесенныхъ въ бюджетъ, въ теченіе этихъ семи мѣсяцевъ были ассигнованы еще дополнительные кредиты на сумму 2.300 милл. и пр. Такимъ образомъ, помимо предстоявшей уплаты громадной контрибуціи приходилось еще сводить счеты за прошлое и удовлетворять возросшимъ потребностямъ настоящаго; настояла неотложная необходимость въ

изысканіи новыхъ средствъ, на которое и было направлено вниманіе членовъ Собранія и финансистовъ. Масса населенія, пораженная громадными размѣрами контрибуціи, готова была напередъ на всякія жертвы; она ожидала простаго удвоенія на годъ или на два всѣхъ налоговъ. Правительство однако не находило возможнымъ усилить важнѣйшій изъ существующихъ налоговъ— обложеніе недвижимой собственности, и безъ того уже сильно отягощенной и подвергнувшейся особенному вреду отъ нашествія непріятелей; были увеличены таможенныя пошлины на чай, кофе, какао и пр., гербовые и регистраціонные сборы, налогъ на сахаръ, введены налоги на спички, бумагу, цикорій, минеральныя масла, лошадей и экипажи, клубы, билліарды, и другіе мелкіе сборы, увеличена цѣна табаку и охотничьяго пороха, повышена почтовая такса. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалось попытка къ сокращенію расходовъ. Но это сокращеніе было возможно лишь въ весьма незначительныхъ размѣрахъ, а вводимые вновь налоги часто оказывались настолько неудобными и малодоходными, что приходилось отмѣнять ихъ, и Собраніе употребляло часть своего времени на уничтоженіе или измѣненіе того, что было имъ сдѣлано накануне. Ростъ доходовъ не поспѣвалъ за расходами и бюджеты 1871, 1872, 1873 и 1874 гг. были вотированы съ дефицитомъ, покрытымъ посредствомъ текучаго долга. Только въ 1876 г., благодаря уменьшенію на 50 м. фр.—ежегодной уплаты долга государства банку, равновѣсіе бюджета было возстановлено безспорно, при чемъ оно опиралось исключительно на дѣйствительныя и прочныя средства.

Этимъ годомъ кончается дѣятельность Нац. Собранія, при оцѣнкѣ который Кюшваль-Кларины не жалѣетъ похвалъ. „Быстрота, съ которой былъ уплаченъ нашъ выкупъ, говоритъ онъ, вѣчно будетъ составлять славу этого Собранія и Тьера. Черезъ двадцать лѣтъ, при болѣе высокихъ курсахъ, достигнутыхъ всѣми бумагами, легко утверждать, что займы освобожденія были выпущены по слишкомъ низкому курсу, что заграничнымъ подписчикамъ были даны слишкомъ большія льготы, что успѣхъ могъ бы быть достигнутъ за меньшую цѣну. Критики, держа-

щіе такую рѣчь, должны бы спросить себя, каковы были бы послѣдствія неудачи во время выпуска перваго займа. Въ странѣ распространилось бы глубокое уныніе, департаментами еще оккупированными, овладѣло бы отчаяніе, и Европы глядѣла бы на насъ, какъ на обреченныхъ на долгое, можетъ быть, вѣчное безсиліе. Тѣ, кто, какъ мы, были свидѣтелями событій, пусть вспомнятъ о животворномъ впечатлѣніи, произведенномъ во всемъ народѣ блистательнымъ успѣхомъ займовъ и довѣріемъ, которое засвидѣтельствовали иностранныя государства къ нашему будущему, принимая столь значительное участіе въ подпискѣ. Этотъ нравственный подъемъ народа, пораженнаго столь жестокими ударами, стоилъ конечно какихъ нибудь жертвъ; кромѣ того, если взять трудъ сосчитать тяжелыя повинности, налагавшіяся на насъ нѣмецкой оккупаціей, то прійдется сознаться, что ускореніе выхода иностранныхъ войскъ было достаточнымъ вознагражденіемъ за милліоны, которые можно было бы выгадать па операціяхъ съ займами" (стр. 80—81). Рѣшимость, съ какого Собраніе стремилось къ благоустройству финансовъ до тѣхъ поръ, пока не добилось равновѣсія бюджета на прочныхъ основаніяхъ, вотируя послѣдовательно 700 милл. налоговъ и удерживаясь отъ займовъ, и твердость, съ какою оно, не смотря на всѣ настоянія Тьера, отказалась измѣнить условія существованія промышленности также являются, по мнѣнію автора, серьезными поводами къ благодарности страны. Точно также достойнымъ одобренія должно считать постановленіе о ежегодной уплатѣ банку 200 милл., постановленіе, которому Собраніе оставалось вѣрнымъ въ теченіи четырехъ лѣтъ, хотя тяжесть его могла показаться слишкомъ сильной, когда каждый бюджетъ приносилъ съ собою новые налоги. Эта уплата была въ высшей степени важной какъ для того, чтобы сдѣлать невозможнымъ обезцѣненіе билетовъ банка, такъ и для возстановленія полной независимости во взаимныхъ отношеніяхъ банка и правительства.

Осыпая похвалами Нац. Собранія, авторъ совсѣмъ иначе относится къ дѣятельности его преемниковъ, которой посвящаетъ слѣдующія три книги своего труда. Новая палата выказала свои

воззрѣнія тотчасъ, какъ только дѣло дошло до финансовыхъ вопросовъ. Представляя бюджетъ на 1877 г. Леонъ Сэй настойчиво отвергалъ, какъ преждевременную и опасную, всякую попытку видоизмѣнить старый строй бюджета и находилъ необходимымъ сохранить всю совокупность наличныхъ источниковъ и воздержаться отъ всякаго увеличенія издержекъ. Отвѣтомъ палаты на эти предостереженія Сэя были отмѣна прибавки налога на соль и увеличеніе на 6 милл. кредита общественныхъ работъ и на 7 милл.—народнаго просвѣщенія, взамѣнъ чего уменьшался на $2^3/_4$ м. расходъ по культу. „Открывая враждебныя дѣйствія противъ католицизма, говоритъ авторъ, новое большинство обнаруживало двойное увлеченіе, которое должно было привести къ разстройству финансовъ, благодаря безразсудной расточительности по отношенію къ общественнымъ работамъ и начальному образованію“ (стр. 88). Съ другой стороны, среди депутатовъ, стремившихся къ пріобрѣтенію популярности, выразилось стремленіе стать на опасную дорогу отмѣны и облегченія налоговъ. Въ 1877 г. были отмѣнены налогъ на мыло, послѣдняя прибавка къ налогу на грузы малой скорости, понижена плата за пересылку писемъ и за телеграммы. Этотъ новый шагъ въ уменьшеніи источниковъ госуд. средствъ не имѣлъ впрочемъ важныхъ послѣдствій, такъ какъ доходы все таки дали болѣе на 58 милл. Но за то въ теченіи 1870 г., благодаря этому обстоятельству, всѣ управленія, кромѣ культа, превзошли въ значительномъ размѣрѣ свои кредиты. Всѣ министры воспользовались ростомъ доходовъ, чтобы увеличить подвѣдомственный имъ персоналъ и открыть себѣ дополнительные кредиты.

Особенной критикѣ подвергаетъ Кюшваль-Кларины бюджетъ общественныхъ работъ. Увеличеніе расходовъ на общественныя работы вызывалось нетерпѣніемъ, съ которымъ со всѣхъ сторонъ раздавались требованія проведенія новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Національное Собраніе, наканунѣ своего распущенія, въ декабрѣ 1875 г. признало полезнымъ соорудить 1240 километровъ ж. дорогъ, опредѣляя максимумъ расхода въ 175 т. фр. на километръ. Для первоначальныхъ изысканій и земляныхъ работъ,

въ ожиданіи концессіонеровъ, правительство уже въ 1876 г. получило первый кредитъ въ 69 милл. Та же палата 1876 г. вотировала въ принципѣ выкупъ жел. дорогъ, принадлежащихъ второстепеннымъ обществамъ, которыя не были въ состояніи выполнять свои обязательства; но она не опредѣлила ни средствъ для этого, ни самыхъ линій, подлежавшихъ выкупу, такъ какъ и то и другое нуждалось въ продолжительномъ изученіи со стороны правительства состоянія жел. дорогъ. Черезъ два года эта работа была окончена, и въ январѣ 1878 г. Фрейсинэ, министръ общественныхъ работъ, представилъ палатѣ законопроэктъ о выкупѣ линій 10 желѣзно-дорожныхъ обществъ и президенту республики два донесенія, въ которыхъ излагалъ свою знаменитую програму общественныхъ работъ, обнимавшую сразу и сооруженіе большаго количества ж. дорогъ и развитіе сѣти водныхъ сообщеній. Исполненіе этой программы должно было охватывать десятилѣтній періодъ, и общій расходъ предвидѣлся въ размѣрѣ 4 милліардовъ, т. е. по 400 милл. въ среднемъ въ годъ. Кюживаль-Клариньи приписываетъ этотъ планъ вліянію Гамбетты. „Опьяненный своей побѣдой въ борьбѣ противъ 16 мая и сдѣлавшійся всемогущимъ, Гамбетта подготовлялъ свою собственную диктатуру... Онъ былъ проникнутъ мыслью, что общественныя работы являются для правительства могущественнымъ и надежнымъ средствомъ популярности... Хотя судьба іюльской монархіи и имперіи должны бы были его разочаровать, Гамбетта задумалъ основать и утвердить республику посредствомъ безпримѣрнаго развитія общественныхъ работъ. Нужно было поразить воображеніе, нужно было превзойти намного все то, что сдѣлали предшествующія правительства: въ благопріятную минуту будущій диктаторъ соберетъ благодѣянія популярности, которой онъ окружилъ новыя учрежденія. Разсказывали, и этотъ разсказъ не былъ опровергнутъ, что однажды вечеромъ, во время вакацій палатъ, Гамбетта пригласилъ къ себѣ Фрейсинэ и Л. Сэя; онъ удержалъ ихъ почти до разсвѣта, излагая имъ свою мысль со свойственными ему жаромъ и краснорѣчіемъ. Пылкое воображеніе Фрейсинэ быстро воспламенилось; къ утру и скептицизмъ министра

финансовъ уступилъ передъ неотразимой увлекательностью горячаго убѣжденія" (99). Здѣсь же въ существенныхъ чертахъ были намѣчены и составъ предстоящихъ работъ, и финансовый планъ, обезпечивавшій ихъ выполненіе. Этотъ планъ заключался въ созданіи новаго финансоваго орудія, именно въ выпускѣ 3%-ной погашаемой въ теченіе 75 лѣтъ ренты (rente amortissable), совершенно однородной съ облигаціями, выпускаемыми желѣзнодорожными обществами.

Такъ какъ главной заботой каждаго депутата было добиться выполненія какого нибудь крупнаго предпріятія въ своемъ округѣ, то палата не могла оказать неблагопріятный пріемъ плану Фрейсинэ и сопровождавшей его финансовой комбинаціи. Закономъ 11 іюня 1878 г. санкціонировалось созданіе погашаемой ренты и открывался министру общественныхъ работъ на 1878 г. кредитъ въ размѣрѣ 331 милл. Первый выпускъ ренты былъ принятъ публикой хорошо: цѣна облигаціи на 15 фр. ренты опредѣлилась въ 400 фр., т. е. 80 фр за 3%, тогда какъ 3%-ная непогашаемая рента стояла въ это время между 75 и 75½ фр. Но нѣсколькихъ лѣтъ было достаточно, чтобы показать, что этотъ способъ займа былъ обременителенъ для государства и въ весьма умѣренной степени выгоденъ для частныхъ лицъ, ссужавшихъ свои капиталы; такъ какъ нельзя было обойтись безъ новыхъ займовъ, то сокращеніе государственнаго долга посредствомъ тиражей погашаемой ренты являлось просто иллюзіей, и, наконецъ, нерасположеніе, возбужденное ею къ себѣ въ обществѣ заставило отказаться, по крайней мѣрѣ на время, отъ примѣненія вновь этой финансовой операціи. Первоначальный же успѣхъ ея повелъ къ усвоенію палатой плана Фрейсинэ. „Палата, говоритъ Кюшваль-Клариньи, которую министры увѣряли, что правительство можетъ занимать безъ конца, не отказывала болѣе себѣ ни въ какой издержкѣ, ни въ какой выдумкѣ, какъ бы дорого она ни могла обойтись, ни въ какомъ новомъ предпріятіи, какъ бы ни была сомнительно ея полезность" (стр. 112). Въ 1878 г. максимумъ расходовъ на общественныя работы опредѣлялся въ 400 милл.; черезъ два года необходимость обезпечить успѣхъ

на общихъ выборахъ 1881 г. посредствомъ щедраго проведенія жел. дорогъ вынудило правительство удвоить цифру расхода. Экстраординарный бюджетъ увеличивался изъ году въ годъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: въ 1879 г. онъ равнялся 285½ м., въ 1880 г.—606½ м., въ 1881—973 м., въ 1882 г.—689½ м., въ 1883 г.—608 м., составляя за пять лѣтъ, до паденія плана Фрейсинэ, общую сумму въ 3,154¼ м. фр. „Эти цифры не могутъ оставлять никакого сомнѣнія относительно размѣровъ опасности, которую создавало для французскихъ финансовъ учрежденіе экстраординарнаго бюджета, нѣчто въ родѣ всасывающаго насоса, привлекавшаго и поглощавшаго безъ остановки всѣ сбереженія; но если орудіе было несовершенно, то самый планъ даетъ мѣсто серьезнѣйшей критикѣ" (стр. 113). Партія, стоявшая во главѣ правленія, впала въ ту же ошибку, что и Имперія. Вмѣсто того, чтобы искать популярности въ бережливости и облегченіи тяжести налоговъ, она расчитывала укрѣпиться посредствомъ увеличенія расходовъ. Подъ предлогомъ пополненія производительныхъ средствъ страны она предприняла сразу и преждевременно огромную массу работъ, большая часть которыхъ долгое время будутъ непроизводительными, а иныя навсегда останутся брошенными деньгами. Изъ опасенія раздѣлить съ кѣмъ нибудь часть этихъ работъ и благодарность населенія, правительство желало все выполнить само, своимъ персоналомъ и своими собственными силами. Въ этомъ заключалась и экономическая и финансовая ошибка. Исполненіе работъ отличалось своей дороговизной. Законъ 1875 г. предусматривалъ расходъ на километръ ж. дорожнаго пути въ 175.000 фр. и не было недостатка въ предпринимателяхъ на постройку за эту цѣну; министры общественныхъ работъ, выполнявшіе послѣ Фрейсинэ его планъ, опредѣлили дѣйствительный расходъ въ 300 т., и это еще былъ минимумъ, который нерѣдко переступали. Въ 1883 г. наконецъ и обществу сдѣлались ясными послѣдствія ошибки 1870 г. и государство оказалось вынужденнымъ снова обратиться къ желѣзно-дорожнымъ компаніямъ, кредитъ которыхъ только окрѣпъ за это время (стр. 119).

А. Свирщевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ЛИЦЕЕМЪ.

№ 30.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литогр. М. Х. Фалькъ, Духовская ул., соб. домъ.
1892.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

Приложеніе къ Временнику Демидовскаго Юридич. Лицея.

ОГЛАВЛЕНІЕ

№ 30-го Юридической Библіографіи.

---

1. *Н. М. Коркуновъ*: „Русское Государственное Право". Пособіе къ лекціямъ. Томъ I. Введеніе и общая часть. С.-Петербургъ, 1892, 402 стр.

Изъ всѣхъ юридическихъ наукъ, преподаваемыхъ въ русскихъ университетахъ и спеціальныхъ высшихъ юридическихъ учрежденіяхъ, наука русскаго государственнаго права имѣетъ наибольшую важность. Ея изученіе даетъ студентамъ такія свѣдѣнія объ устройствѣ отечественнаго государства, которыя потомъ въ продолженіи ихъ дѣятельности оказываются для нихъ чрезвычайно полезными. Поэтому всякая попытка дальнѣйшей обработки обширнаго научнаго матеріала въ формѣ курсовъ русскаго государственнаго права должна быть привѣтствована съ благодарностью спеціалистамъ, рѣшившимся посвятить свои силы этому дѣлу, важному для русской юридической жизни и юридическаго образованія общества. И первой и второму посчастливилось въ послѣднее время: одновременно появились два курса русскаго государственнаго права, изъ которыхъ одинъ имѣетъ своимъ авторомъ профессора Московскаго Университета А. С. Алексѣева, а другой—профессора Петербургскаго Университета Н. М. Коркунова. Оба курса, слѣдовательно, принадлежатъ представителямъ русской юридической науки въ столичныхъ университетахъ и мы въ правѣ поэтому ожидать отъ трудовъ обоихъ профессоровъ вполнѣ солидныхъ научныхъ произведеній, отличающихся правильностью основныхъ взглядовъ на русское государственное устройство, стройностью системы и богатствомъ научныхъ данныхъ. На сколько оба курса соотвѣтствуютъ этимъ естественнымъ ожиданіямъ, это покажетъ ихъ разборъ, причемъ мы сначала остановимся на курсѣ русскаго государственнаго права проф. Коркунова, предоставляя

себѣ право посвятить разсмотрѣнію курса проф. Алексѣева особую статью.

Книга Коркунова обнимаетъ не весь курсъ русскаго государственнаго права. Какъ показываетъ ея заглавіе, она содержитъ въ себѣ лишь введеніе и общую часть науки государственнаго права; особенной части курса авторъ предполагаетъ посвятить особую книгу, хотя, благодаря своеобразной системѣ Коркунова, эта особенная часть науки какъ бы заключается уже въ общей части курса [1]. Основанія своей системы курса русскаго государственнаго права авторъ излагаетъ въ введеніи на ряду съ другими общими вопросами теоретическаго характера, которые имѣютъ извѣстное отношеніе къ наукѣ русскаго государственнаго права. Первымъ изъ этихъ вопросовъ общаго государственнаго права является понятіе государства, на которомъ мы прежде всего остановимся. При установленіи этого кардинальнаго понятія въ наукѣ государственнаго права Коркуновъ рѣшительно отступаетъ отъ давно принятаго въ наукѣ опредѣленія государства, какъ народа, живущаго на опредѣленной территоріи подъ единой верховной властью, а предлагаетъ свое собственное опредѣленіе. Отличительную особенность государства, какъ особой формы человѣческаго общенія, составляетъ, замѣчаетъ Коркуновъ, принудительная власть. Государство есть прежде всего властвованіе. Въ отличіе отъ другихъ общественныхъ союзовъ, также обладающихъ извѣстною принудительною властью (напр. семьи, общины и др.), власть государства не есть кѣмъ-либо другимъ предоставленная ему власть, а власть самостоятельная. Эта самостоятельность государственной власти не предполагаетъ непремѣнно ея неограниченности, суверенитета. Хотя государства могутъ быть и обыкновенно бываютъ суверенными, но это не составляетъ ихъ необходимой принадлежности. Государство не есть просто отдѣльный актъ властвованія, продолжаетъ Коркуновъ, а состояніе постояннаго, мирнаго и притомъ признаннаго властвованія. Наконецъ, государственное властвованіе есть властвованіе надъ сво-

---

[1]) См. ниже.

бодными людьми. Изъ всѣхъ этихъ признаковъ государства у Коркунова получается такое опредѣленіе: „государство есть общественный союзъ, представляющій собою самостоятельное и признанное принудительное властвованіе надъ свободными людьми“ (1—4).

Считая свое опредѣленіе государства безусловно правильнымъ, Коркуновъ возстаетъ противъ включенія въ него указанія на неразрывную связь государства съ территоріей на томъ основаніи, что „это значило бы опредѣленіемъ предрѣшить въ отрицательномъ смыслѣ вопросъ о возможности допустить существованіе государственной организаціи у кочевыхъ народовъ. А между тѣмъ даже у осѣдлыхъ народовъ первоначально территорія вовсе не имѣла того значенія въ государственныхъ отношеніяхъ, какое она получила въ настоящее время“ (4 с.). Едва ли, однако, эти соображенія могутъ быть признаны рѣшающими все дѣло въ вопросѣ объ исключеніи территоріи изъ числа элементовъ, необходимыхъ въ понятіи государства. Никто еще пока не доказалъ, чтобы кочевые народы имѣли государство въ полномъ его видѣ и формѣ, хотя возможность его возникновенія въ кочевомъ быту и не отвергается никѣмъ. Несомнѣнно также, что у народовъ, только что сдѣлавшихся осѣдлыми, территорія не можетъ имѣть того значенія, какое придается ей въ современномъ общественномъ быту. Исторія показываетъ, что государства образуются лишь тогда, когда племена перестаютъ вести кочевую жизнь и осѣдаютъ на опредѣленной территоріи. Такъ евреи не имѣли государства при Моисеѣ—своемъ законодателѣ; оно появилось у евреевъ только тогда, когда они осѣли въ Палестинѣ. Потерявъ же въ послѣдствіи территорію, евреи потеряли и свое государство, которое они никогда не составятъ безъ прочной осѣдлости всего народа, не смотря на крѣпкую національную связь и единство религіи, языка и историческихъ традицій у всѣхъ евреевъ, разсѣянныхъ по земному шару. У германскихъ племенъ государства стали образовываться только лишь послѣ того, какъ они разселились въ разныхъ мѣстахъ завоеванной ими римской имперіи (Галліи, Испаніи и др. странахъ). Наконецъ, и русское государство появилось въ

исторіи въ тотъ моментъ, когда Москва присоединила къ себѣ всѣ удѣльныя княжества. Впрочемъ, самъ Коркуновъ ранѣе признавалъ территорію необходимымъ элементомъ въ понятіи государства, хотя и не включалъ его въ это понятіе, гдѣ онъ подразумѣвался само собою [1]). Теперь же терминъ „территорія", чрезвычайно важный для пониманія образованія *всякаго государства*, отношенія государственной власти къ разнымъ частямъ населенія, задачамъ ея дѣятельности въ обществѣ, отбрасывается Коркуновымъ, какъ излишній, несущественный элементъ въ понятіи государства. Едва ли поэтому логично съ его стороны настаивать на признаніи того принципа, что Россія есть единое и нераздѣльное государство (133 стр. и сл.): допущеніе этого принципа предполагаетъ предварительно внесеннымъ въ понятіе государства элементъ территоріи. При такомъ же составѣ этого понятія дѣлается понятнымъ другой важный принципъ, вытекающій изъ юридическаго характера государственной территоріи,—принципъ ея неотчуждаемости иначе, какъ во имя высшихъ интересовъ народа и публичнымъ путемъ. Наконецъ, съ точки зрѣнія Коркунова останутся непонятными и права верховной власти по отношенію къ территоріи (напр., право экспропріаціи, право облагать налогами земли, принадлежащія частнымъ лицамъ и др.).

Въ курсѣ Коркунова мы не находимъ ни слова объ юридическомъ характерѣ государственной территоріи. Онъ говоритъ только о территоріи въ третьемъ отдѣлѣ своего курса: „Объ объектѣ государственнаго права". Здѣсь территорія разсматривается Коркуновымъ лишь, какъ внѣшнее ограниченіе государственнаго властвованія,—вопросъ, который относится не къ государственному, а международному праву, какъ это видно изъ изложенія его у самого Коркунова. Послѣдній говоритъ здѣсь о морскихъ и сухопутныхъ границахъ территоріи государства и необходимости для принадлежности къ государству извѣстной мѣстности намѣренія завладѣть ею вмѣстѣ съ фактическимъ властвованіемъ

---

[1]) См. лекціи по „Общей теоріи права"- СПБ., 1887, 217—218 стр.

(309—312 стр.). Чтобы доказать случайность внесенія въ понятіе государства термина „территоріи“, Коркуновъ ссылается, между прочимъ, еще на то, что „въ греческихъ государствахъ нахожденіе на территоріи имъ подвластной не установляло подчиненія мѣстной власти и мѣстнымъ законамъ, и что принадлежность къ государственному общенію опредѣлялась исключительно племеннымъ началомъ—происхожденіемъ“ (4 ст.). Если мы, однако, примемъ во вниманіе необыкновенное вліяніе на весь античный соціальный бытъ древней религіи—культа предковъ, съ которымъ неразрывно соединялось подчиненіе цѣлямъ культа мертвыхъ всей территоріи государства и самая принадлежность къ нему всего населенія территоріи, подвластной мѣстному закону и власти, то для насъ фактъ важнаго значенія территоріи въ государствахъ древней Греціи окажется несомнѣннымъ. Еще болѣе доказываетъ ея безусловную необходимость для существованія государства исключительное значеніе территоріи въ феодальномъ періодѣ исторіи западно-европейскихъ государствъ, когда съ владѣніемъ поземельными участками соединялись не только всѣ публичныя права вассаловъ, но также и всѣ многочисленныя ихъ привиллегіи въ области частно-гражданскихъ отношеній. Вообще территорія получаетъ все важное значеніе необходимаго элемента въ государствѣ тогда, когда племя или нѣсколько племенъ образуютъ одинъ *осѣдлый народъ*,—общественный союзъ, тѣсныя взаимныя отношенія членовъ котораго основываются на единствѣ религіи, языка, нравовъ и обычаевъ, единствѣ происхожденія и одинаковости исторической судьбы всѣхъ членовъ союза. Поэтому то публицисты (напр. Блюнчли) выражаются такъ категорически, что безъ народа нѣтъ государства и наоборотъ. Коркуновъ признаетъ также, хотя и не прямо, что народъ есть необходимый базисъ при образованіи государства, когда онъ говоритъ, что „основная причина, порождающая это образованіе, борьба между различными племенами, приводящая къ большей ихъ сплоченности и къ возникновенію въ каждомъ изъ нихъ объединяющей власти“ (34 стр.). Народъ же всегда представляетъ собою общественный союзъ, возникающій изъ племени или соединенія

многихъ племенъ вслѣдствіе указанныхъ нами выше общихъ условій ихъ исторической жизни. Такимъ образомъ, не всякій общественный союзъ образуетъ государство, а только тотъ, который сдѣлался народомъ. Между тѣмъ, Коркуновъ называетъ государство просто „общественнымъ союзомъ", невольно возбуждая мысль, что подъ понятіе государства подходятъ и семья, и общины, и другіе союзы людей, лишь бы они обладали принудительною властью. Но авторъ спѣшитъ оговориться, что всѣ они имѣютъ власть не самостоятельную и потому не могутъ быть названы государствомъ (2 стр.). Центромъ въ опредѣленіи понятія послѣдняго у Коркунова является элементъ принужденія, какъ это видно и изъ дальнѣйшаго изложенія. „Принудительное властвованіе, являющееся основнымъ признакомъ государственнаго общенія, опредѣляетъ собою, говоритъ нашъ авторъ, всѣ особенности государственнаго порядка. Такъ какъ только государство осуществляетъ самостоятельное властвованіе, то оно является въ человѣческомъ обществѣ какъ бы монополистомъ принужденія. Исключительное право принужденія принадлежитъ государству какъ во внутренней его жизни, такъ и международныхъ отношеніяхъ". По словамъ Коркунова, все развитіе политической жизни состоитъ въ постепенной монополизаціи принужденія за государствомъ. Вся общественная жизнь только выигрываетъ оттого, что государство присвоиваетъ себѣ исключительное право принужденія, такъ какъ вслѣдствіе этого сокращаются случаи частныхъ насилій, общественныя силы обращаются на мирную производительную дѣятельность, открывается широкій просторъ предпріимчивости. Но еще важнѣе, продолжаетъ Коркуновъ, обусловливаемая установленіемъ государственнаго порядка перемѣна въ самомъ характерѣ принужденія. Замѣняя частныя насилія своею принудительною властью, государство по необходимости начинаетъ дѣйствовать въ чужомъ интересѣ, причемъ органы государства, увѣренные въ успѣхѣ и невозможности борьбы и сопротивленія ихъ власти, дѣйствуютъ обдуманно, спокойно и безпристрастно. При этомъ естественно принимаются въ соображеніе не одни узко-практическія условія, но и требованія нравственности и справедливости.

И вотъ принудительныя мѣры, такимъ образомъ, подчиняются уже не чувству, побуждающему къ насилію, и не правиламъ только цѣлесообразности, но и началамъ права и морали Принужденіе дисциплинируется правомъ, проникается этическими принципами, служитъ не грубому насилію, а высшимъ нравственнымъ идеямъ. Усвоенный государствомъ въ однихъ случаяхъ болѣе справедливый, болѣе согласный съ нравственнымъ чувствомъ образъ дѣйствія, мало по-малу дѣлается общимъ, распространяется на всю принудительную дѣятельность государства, все болѣе и болѣе подчиняющуюся требованіямъ справедливости, и такимъ образомъ грубое насиліе замѣняется строго соображенными съ правилами справедливости принудительными мѣрами. Такъ государство представляетъ собою могущественную силу, защищающую общество отъ всякой внѣшней опасности и содѣйствующую ему въ осуществленіи разнообразныхъ задачъ общественнаго развитія. Государство является важнымъ культурнымъ факторомъ, играющимъ первенствующую, руководящую роль въ историческомъ развитіи общества (4 — 8 с.). Такъ рельефно и вполнѣ вѣрно Коркуновъ описываетъ все важное культурное значеніе развитія государственной власти въ историческомъ процессѣ развитія общества. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы принужденіемъ опредѣлялись всѣ особенности государственнаго порядка, чтобы въ обладаніи имъ государствомъ состояло развитіе политической жизни общества и, въ особенности, чтобы изъ такого исключительно принудительнаго образа дѣятельности органовъ государства вытекало въ нихъ сознаніе дѣйствовать въ интересахъ членовъ общества и вся эта ихъ дѣятельность проникалась высшими этическими началами морали и права. При изученіи историческаго развитія общественнаго явленія мы знакомимся съ различными стадіями, чрезъ которыя проходило оно въ извѣстномъ, послѣдовательномъ порядкѣ. Но отсюда же узнаемъ, какъ постепенно выясняется сущность, природа изучаемаго явленія, раскрываются его существенные признаки. Такъ, напр., идея альтруизма, только что зародившаяся въ примитивномъ обществѣ и носившая долго узкій, односторонній, сначала семейный, а потомъ національный характеръ, получила истинное

значеніе полнаго самопожертвованія на пользу и счастье другихъ лишь въ новѣйшее время. Но она такъ же далека отъ эгоизма, господствовавшаго въ первобытномъ обществѣ, какъ идея современнаго государства, дѣйствующаго въ обществѣ во имя общаго блага и сообразно началамъ справедливости, отъ государства въ первоначальномъ обществѣ съ грубыми формами его принудительной дѣятельности Прогрессъ въ исторіи общества, а также и государства идетъ отъ постояннаго смягченія и уменьшенія роли принужденія въ жизни общества, во всѣхъ его областяхъ. И принужденіе дѣлается постепенно лишь средствомъ къ осуществленію государствомъ высшихъ, этическихъ идей морали и права, какъ прекрасно доказываетъ это самъ Коркуновъ. Но принужденіе никогда не порождало и не можетъ порождать въ органахъ государства идеи общаго блага. Думать такъ значило бы связывать между собою внутренно совершенно разнородныя явленія только на основаніи одной видимой ихъ послѣдовательности, заключать по извѣстной логической формулѣ: post hoc, ergo propter hoc. Если въ первую эпоху жизни общества государство имѣетъ форму „принудительнаго властвованія“, то въ послѣдующіе, болѣе высшіе періоды цивилизаціи общества въ дѣятельности государства выступаютъ на первый планъ этическія начала справедливости и права и оно прибѣгаетъ къ примѣненію принужденія только въ рѣдкихъ случаяхъ, именно тогда, когда при столкновеніи интересовъ членовъ общества является нужда въ ихъ примиреніи во имя идеи общаго блага.

Впрочемъ, самъ Коркуновъ, повидимому, признаетъ, что не вся дѣятельность государства отличается принудительнымъ характеромъ. Развѣ дѣятельность государства не выражается также, говоритъ онъ, въ попеченіи о развитіи различныхъ сторонъ общественной жизни, попеченіи, совершенно чуждомъ элемента принудительности? Развѣ государство не строитъ церквей, не заводитъ школъ, музеевъ, библіотекъ, не устраиваетъ образцовыхъ фермъ, не учреждаетъ благотворительныхъ заведеній, не проявляя при этомъ никакого принужденія? Однако, эти вопросы, которые казалось бы не оставляютъ сомнѣній относительно сущест-

венной, культурной роли государства въ обществѣ, рѣшаются Коркуновымъ отрицательно. Принудительный характеръ дѣятельности государства, замѣчаетъ онъ, выступаетъ въ этихъ случаяхъ какъ бы скрыто: тѣ средства, на которыя устраиваются всѣ эти общественныя учрежденія, государство получаетъ исключительно принудительнымъ путемъ. Но, прежде всего, если государство можетъ дѣйствовать принудительно въ одномъ случаѣ (напр., при взиманіи налоговъ), то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы это возможное здѣсь принужденіе отражалось какъ бы рикошетомъ въ другихъ случаяхъ, гдѣ государство никогда не дѣйствуетъ принудительно. Также часто бываетъ, что государство учреждаетъ школы, библіотеки, музеи, театры и проч. для тѣхъ классовъ населенія, которые вовсе не несутъ на нихъ никакихъ налоговъ. Наконецъ, разъ принужденіе проявляется въ какомъ-либо актѣ дѣятельности государства не иначе, какъ какимъ-то косвеннымъ, скрытнымъ образомъ, невозможно утверждать, не прибѣгая къ натянутымъ объясненіямъ фактовъ, что „государство не можетъ дѣйствовать иначе, какъ принудительно". Взглядъ Коркунова на государство, какъ „принудительное властвованіе", совершенно не вяжется съ его понятіемъ права, органомъ котораго въ обществѣ всегда является государство. Коркуновъ заявляетъ, что принужденіе не составляетъ существеннаго элемента въ понятіи права, что „всѣ нормы права, требующія совершенія какого-либо дѣйствія, *содѣянія* чего-либо, безусловно не допускаютъ принудительнаго осуществленія" [1]). Сопоставляя эти взгляды Коркунова на право съ его опредѣленіемъ государства, мы получаемъ рѣзкое, ничѣмъ непримиримое между ними противорѣчіе: право—непринудительная по существу норма—создается и осуществляется государствомъ, которое дѣйствуетъ *всегда* принудительно. Власть, принадлежащая государству, есть только необходимое *средство* для его дѣятельности въ извѣстныхъ случаяхъ, но не существо государства, которое вѣрнѣе выражается въ общепринятомъ опре-

---

[1]) См. лекціи по Общей теоріи права, I-е изд., 67 стр.; моя рецензія этого труда Коркунова въ 8 № Юрид. Библіографіи Д. Ю. Лицея.

дѣленіи государства, гдѣ въ понятіи верховной власти, какъ необходимаго элемента общаго понятія государства, заключается и указаніе на возможность примѣненія имъ принужденія въ извѣстныхъ случаяхъ.

Коркуновъ, выдвигая на первый планъ въ своемъ понятіи государства одинъ элементъ принужденія, тѣмъ самымъ примыкаетъ къ современному взгляду извѣстнаго ученаго Р. ф. Іеринга на государство, какъ „организацію соціальнаго принужденія“ [1]. Но этотъ взглядъ только показываетъ, что его авторъ, какъ и всѣ его сторонники, обращаютъ исключительное вниманіе на одну внѣшнюю черту въ проявленіи дѣятельности государства, совершенно забывая о внутреннемъ содержаніи этого общественнаго явленія, которое скрывается подъ его видимой оболочкой. Конечно, воззрѣніе на государства, какъ на „принудительное властвованіе“, вѣрно съ односторонней точки зрѣнія реалистической школы въ современной наукѣ права, но это „послѣднее слово науки“ еще не даетъ повода категорически заявлять о безусловной необходимости такого взгляда, которымъ освящается господство въ обществѣ культа силы, тѣмъ болѣе, что на ограниченіе и уменьшеніе послѣдней направлены многочисленныя усилія современнаго общества. Проф. Коркуновъ, хотя и вопреки себѣ, самъ хорошо сознаетъ, что однимъ принужденіемъ далеко не исчерпывается дѣятельность государства въ обществѣ. „Самоограниченіе власти правомъ составляетъ, говоритъ онъ, необходимое условіе каждаго сколько-нибудь развитаго государственнаго быта. Самое могущество государственной власти можетъ окрѣпнуть и утвердиться только подъ условіемъ подчиненія власти началамъ права, такъ какъ только тогда въ гражданахъ можетъ развиться чувство законности, дѣлающее для нихъ повиновеніе власти долгомъ. Деспотическая власть при всей суровости внѣшняго проявленія никогда не можетъ быть достаточно сильной и твердой, именно потому, что она опирается только на физическую силу, а не на сознаніе

[1]) R. v. Ihering: «Zweck. im Recht», 1 Th., Leipzig, 1877, 307 s.

нравственнаго долга ей повиноваться. *Сознаніе долга дѣйствуетъ всегда и постоянно, а физическое принужденіе не можетъ быть непрерывнымъ. Мало того, чтобы не сдѣлаться совершенно невыносимымъ для населенія и не вызвать взрыва народнаго гнѣва, оно должно по необходимости ограничиваться лишь болѣе важными случаями* (157 стр.). Государственное властвованіе опирается, замѣчаетъ нашъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, не столько на матеріальную силу, сколько на нравственное сознаніе долга подчиняться требованіямъ мирнаго государственнаго порядка. Безъ свободы личности не можетъ быть нравственнаго развитія, нравственной крѣпости. На низшихъ стадіяхъ развитія государственной жизни произволъ государственной власти уравновѣшивается фактически невполнѣ ограниченнымъ произволомъ частныхъ лицъ. Но когда государственный порядокъ упрочивается, власть становится сильнѣе, безправіе личности неизбѣжно ведетъ и фактически къ полному ея угнетенію. Конечно, государственное властвованіе не можетъ обойтись безъ стѣсненія личной и общественной свободы. Но все дѣло въ томъ, чтобы стѣсненіе это ограничилось предѣлами необходимости и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ оно было опредѣляемо не произволомъ органовъ власти, а извѣстными этическими началами, находящими себѣ выраженіе въ правѣ и могущими вызвать въ нравственномъ сознаніи личности свободное себѣ подчиненіе" (314 стр., ср. 257 стр.).

Нельзя лучше показать, что настоящій центръ государственной жизни не принужденіе, а развитіе свободы личности, въ интересахъ котораго примѣненіе государствомъ принужденія должно ограничиваться немногими важнѣйшими случаями! И тѣмъ не менѣе Коркуновъ считаетъ государство по его существу принудительнымъ учрежденіемъ! Но возвратимся къ самому опредѣленію имъ государства, которому онъ придаетъ еще нѣкоторые признаки, возбуждающіе тоже большія сомнѣнія. Коркуновъ утверждаетъ вмѣстѣ съ Еллинекомъ, что самостоятельность государственной власти не означаетъ ея неограниченности, суверенитета (2—4, 77—79 стр.), между тѣмъ какъ послѣдній признакъ не-

разрывенъ съ понятіемъ верховной власти государства. Въ дѣйствительной политической жизни общества государственная власть не знаетъ никакихъ границъ надъ собою, кромѣ закона, никакой другой высшей власти, кромѣ авторитета международнаго союза, которому всякое государстко, однако, подчиняется обыкновенно добровольно. Въ такъ называемыхъ федераціяхъ верховенство союзной власти обыкновенно признается всѣми членами союзнаго государства и международнымъ союзомъ по отношенію къ общимъ политическимъ дѣламъ союза; въ внутренней же жизни отдѣльныхъ государствъ суверенная власть каждаго изъ этихъ послѣднихъ является неоспоримымъ фактомъ. Да, и вообще трудно даже и представить себѣ самостоятельность государственной власти безъ ея неограниченности въ предѣлахъ государства, гдѣ на предположеніи единой и могущественной власти основывается удовлетвореніе разнообразныхъ потребностей членовъ общества. „Принудительное властвованіе“ должно быть еще „признаннымъ“, по словамъ Коркунова. Но кто долженъ совершать это „признаніе“, неизвѣстно. Если государство должно быть признано непремѣнно международнымъ союзомъ, то это важно лишь для международныхъ интересовъ государства, которое можетъ существовать и развиваться и безъ этого международнаго „признанія“ (напр. современная Болгарія). Если же на этотъ разъ идетъ рѣчь о необходимомъ признаніи государственнаго властвованія со стороны самого общества, то въ такомъ признаніи не представляется особенной надежды, разъ государство есть „принудительное властвованіе“. Самъ Коркуновъ сознается, что въ отдѣльныхъ случаяхъ и мѣстностяхъ государственная власть можетъ встрѣчать и противодѣйствіе и потому опираться въ своемъ властвованіи непосредственно на силу безъ того, чтобы этимъ уничтожался государственный порядокъ“. Мало того, „невозможностью обойтись вовсе безъ принужденія и обусловливается, добавляетъ Коркуновъ, необходимое существованіе государства, какъ принудительнаго властвованія“ (8 стр.) Съ такого рода властвованіемъ, какъ характернымъ признакомъ государства, по Коркунову, находится въ рѣзкомъ противорѣчіи послѣдній элементъ въ его опредѣленіи государства—обозначеніе его принудительнымъ власт-

ваніемъ *надъ свободными людьми.* Государство нисколько не теряетъ своего существеннаго характера верховнаго союза въ обществѣ и органа въ немъ права независимо оттого, какъ развита въ немъ личная свобода гражданъ Самъ же Коркуновъ замѣчаетъ, что „въ государствѣ могутъ существовать рабство и различныя полусвободныя состоянія. Въ античныхъ республикахъ рабство являлось необходимымъ предположеніемъ всего государственнаго строя. Въ средневѣковомъ обществѣ крѣпостное право было также необходимымъ звеномъ сословной организаціи государства" (9 стр.). Развитіе свободы въ обществѣ составляетъ существеннѣйшую задачу дѣятельности въ немъ государства; но это „устраненіе частной зависимости населенія и установленіе непосредственнаго его участія въ государственномъ общеніи" (ibid) является лишь вмѣстѣ „съ развитіемъ государственной жизни", которому можетъ только мѣшать безпрерывное примѣненіе „принудительнаго властвованія" государства

Мы потому такъ долго остановились на понятіи государства Коркунова, что односторонній юридическій характеръ его понятія—главнѣйшаго въ системѣ курса государственнаго права – отражается на всѣхъ остальныхъ общихъ политическихъ вопросахъ курса. Коркуновъ почему-то вездѣ разсматриваетъ государство только съ чисто юридической его стороны, забывая о томъ, что государство публичное, культурное учрежденіе par excellence. Авторъ даже отводитъ нѣсколько спеціальныхъ §§ изученію этой юридической природы государства и видитъ въ такомъ изученіи задачу государственнаго права (9 стр.). Едва ли, однако, можно согласиться съ нимъ, что „государственное право должно дать юридическую теорію государства" (ib.). Самъ же Коркуновъ включаетъ въ свой курсъ русскаго государственнаго права такіе вопросы общаго, публичнаго характера, какъ вопросъ о задачахъ государства, его происхожденіи, различныхъ формахъ государствъ и ихъ соединеніяхъ, государственномъ единствѣ и устройствѣ и др. Какъ всѣ эти вопросы подходятъ подъ опредѣленіе науки государственнаго права, какъ „ученія объ юридическомъ отношеніи государственнаго властвованія" (15 с.), это трудно понять. Смѣ-

шанная природа государства заставляетъ нашего автора прибѣгать нерѣдко къ явно натянутымъ объясненіямъ разныхъ явленій политической жизни общества, такъ что взглядъ Коркунова на государство, какъ лишь юридическое учрежденіе, является у него недостаточно выдержаннымъ. Коркуновъ отвергаетъ одну за другой существующія въ наукѣ теоріи объ юридической конструкціи государства. Первая изъ нихъ (Макса Зейделя), по которой субъектомъ властвованія считается монархъ, а его объектомъ— самое государство, признается Коркуновымъ неправильною на томъ основаніи, что она приравниваетъ государство къ частному праву собственности, непримѣнима къ республикамъ, а по отношенію къ государствамъ монархическимъ приводитъ къ совершенному извращенію понятія объекта, который совпадаетъ вмѣстѣ съ субъектомъ въ одномъ и томъ же понятіи. Но не можетъ быть также принята, по словамъ Коркунова, и другая теорія (Гербера и Лоренца фонъ-Штейна), по которой государство признается юридическою личностью, являющеюся субъектомъ властвованія. Такой взглядъ на государство еще можно допустить въ области гражданскаго права, гдѣ государство наравнѣ съ частными лицами выступаетъ субъектомъ имущественныхъ правъ. Также и въ сферѣ административнаго права государство дѣйствуетъ съ характеромъ личности, общіе интересы которой противоположны частнымъ интересамъ отдѣльныхъ лицъ, хотя здѣсь государство въ тоже время есть власть, публичный авторитетъ. Но въ области государственнаго права, гдѣ изучается внутренняя организація государства, понятіе государства, какъ юридической личности, непримѣнимо, такъ какъ граждане имѣютъ права не только въ отношеніи къ государству, какъ чему-то отличному отъ нихъ, но и въ самомъ государствѣ, которое состоитъ изъ нихъ. Таковы права участія въ законодательствѣ, управленіи и судѣ, въ которыхъ государственная власть не ограничивается волею и интересами отдѣльныхъ гражданъ какъ какая-то злая сила, а поддерживается въ качествѣ благотворнаго двигателя культуры.

Коркуновъ, слѣдовательно, признаетъ, хотя и косвенно, публичную природу государства, отличающую его отъ чисто юри-

дическихъ учрежденій. Онъ предлагаетъ, съ своей стороны, такую конструкцію государства, по которой она понимается, какъ отношеніе властвованія; причемъ субъектами этого юридическаго отношенія являются „всѣ участники государственнаго общенія отъ монарха до послѣдняго подданнаго“ (9—13 стр.). Разсматривая вопросъ объ объектѣ „отношенія властвованія“, Коркуновъ вооружается противъ взгляда на него, какъ „одностороннее отношеніе чьей-то власти распоряженія подвластнымъ объектомъ“. Государственный порядокъ вовсе не предполагаетъ, замѣчаетъ онъ, рѣзкаго противоположенія властвующихъ и подчиненныхъ. Въ демократической республикѣ всѣ имѣютъ одинаковое участіе въ правахъ власти и нѣтъ никого, кто бы являлся подвластнымъ. Неравномѣрное распредѣленіе въ большинствѣ современныхъ государствъ правъ властвованія между отдѣльными участниками государственнаго общенія не составляетъ необходимой принадлежности государства. Напротивъ, государственный порядокъ несовмѣстимъ съ полнымъ безправіемъ населенія, такъ какъ при этомъ условіи оно неизбѣжно вырождается въ рабовладѣніе. Населеніе или его часть точно также не могутъ быть признаны объектомъ государственнаго властвованія, какъ и территорія, которой только опредѣляются его границы. Объектомъ юридическаго отношенія государственнаго властвованія является сама государственная власть, тѣ дѣйствія, въ которыхъ выражается осуществленіе власти (13—15 стр.), отдѣльные акты властвованія. Каждый изъ послѣднихъ предполагаетъ принужденіе, но однимъ только непосредственнымъ принужденіемъ дѣйствія власти и не могутъ ограничиться. Для государства всегда выгоднѣе, если можно обойтись безъ актовъ насилія. Добровольное исполненіе будетъ, конечно, болѣе полнымъ, болѣе соотвѣтствующимъ цѣли, нежели вынужденное. Государственная власть не только принуждаетъ, но и повелѣваетъ и даже повелѣваетъ чаще, чѣмъ принуждаетъ. Хотя основная форма актовъ властвованія есть принужденіе, но самая распространенная форма—повелѣніе. Въ ряду общихъ велѣній, правилъ для цѣлаго ряда однородныхъ случаевъ Коркуновъ различаетъ техническія правила государственной дѣятельности, опре-

дѣляющія способъ осуществленія отдѣльныхъ ея задачъ, и юридическія нормы, указывающія на способъ разграниченія разнообразныхъ интересовъ. Относительно сомнѣній и споровъ по примѣненію юридическихъ нормъ непремѣнно долженъ быть установленъ опредѣленный способъ обязательнаго для всѣхъ и окончательнаго, безповоротнаго ихъ рѣшенія. Такое значеніе и имѣютъ вступившія въ законную силу судебныя рѣшенія, которыя составляютъ особую форму актовъ властвованія (256—259 стр.) Наконецъ, что касается содержанія государственнаго отношенія, то оно состоитъ изъ правъ на государственную власть и, падающихъ на субъектовъ отношенія, обязанностей подчиненія власти. Право на государственную власть можетъ состоять или въ пользованіи его помощью при осуществленіи своихъ интересовъ или же распоряженіи властью—въ опредѣленіи цѣлей дѣятельности власти и способовъ ея осуществленія. Права распоряженія властью составляютъ права политическія, которыя принадлежатъ только гражданамъ, между тѣмъ какъ подданные ихъ не имѣютъ. Всѣ обязанности, составляющія содержаніе государственнаго отношенія, сводятся къ обязанности подчиненія государственной власти,—повиновенія и содѣйствія этой послѣдней (362—366 стр.).

Въ этой юридической конструкціи государства Коркуновымъ мы встрѣчаемся съ цѣлою массой противорѣчій, сомнѣній и запутанныхъ понятій. Прежде всего, трудно согласиться съ тѣмъ, что государство нужно понимать только, какъ „отношеніе властвованія“, принужденія, предъ которымъ, по собственному же сознанію автора, всегда предпочтительнѣе добровольное исполненіе велѣній государственной власти. Коркуновъ считаетъ субъектами государственнаго отношенія всѣхъ членовъ общества; но такой порядокъ поголовнаго участія въ государственной власти свойственъ лишь демократической республикѣ, какъ на это указываетъ и нашъ авторъ. Очевидно, что только эту форму политическаго быта имѣетъ въ виду Коркуновъ, когда онъ признаетъ ненормальнымъ неравномѣрное распредѣленіе власти въ современныхъ государствахъ. Однако, кромѣ демократіи существовали и аристократическія и монархическія государства, послѣднія въ формѣ

неограниченной монархіи и деспотической. Если согласиться съ опредѣленіемъ субъекта государственнаго отношенія Коркуновымъ, тогда придется отказать совершенно въ названіи государства всѣмъ восточнымъ азіатскимъ монархіямъ, гдѣ не только одна часть, но нерѣдко и все населеніе было безправнымъ по отношенію къ монарху-деспоту, недопускавшему ни малѣйшаго самостоятельнаго участія въ управленіи для кого-либо изъ своихъ подданныхъ. Но даже и въ современномъ обществѣ государственный порядокъ необходимо основывается на предположеніи извѣстнаго контраста между представителями власти и имъ подчиненными гражданами, которые, какъ говоритъ самъ Коркуновъ, обязаны повиноваться, выполнять декреты и предписанія власти. Такимъ образомъ, какъ не въ каждомъ государствѣ все населеніе можетъ быть названо субъектомъ государственнаго отношенія, такъ не во всякомъ же оно не объектъ этого отношенія. Слѣдовательно, при конструкціи государства у Коркунова остается необъясненнымъ фактъ участія въ государственной власти всѣхъ гражданъ, который составляетъ *идеалъ* политическаго развитія современнаго общества, одну изъ его формъ, но не сущность государства вообще.

Напрасно также Коркуновъ отрицаетъ значеніе территоріи, какъ объекта государственной власти; территоріей опредѣляются границы ея дѣятельности только въ международномъ быту. Внутри же территоріи государству принадлежитъ верховное право ея употребленія для общегосударственныхъ цѣлей, а по отношенію къ населенію территоріи—право облагать налогами и обязывать нести другія повинности въ пользу государства. Но въ понятіяхъ субъекта и объекта государственнаго отношенія у Коркунова скрывается еще тотъ недостатокъ, что оба они совпадаютъ въ одномъ и томъ же понятіи, чего такъ старается избѣжать Коркуновъ, отмѣтившій подобную неправильность въ юридической теоріи Макса Зейделя. Въ самомъ дѣлѣ, если субъекты государственнаго отношенія—всѣ граждане, которымъ принадлежатъ права государственной власти, то объектомъ является для нихъ таже власть принужденія и повелѣнія, въ созданіи и осуществленіи которой они сами же участвуютъ: имъ принадлежатъ права пользованія

и распоряженія государственною властью. Слѣдовательно, въ личности каждаго гражданина совпадаетъ и существенный интересъ, цѣль его государственнаго общенія съ остальными гражданами—обладаніе правами власти въ видахъ ея пріуроченія къ собственной пользѣ—и средство для достиженія этой цѣли—распоряженіе и пользованіе этой властью. Примѣняясь къ терминологіи гражданскаго права, Коркуновъ отличаетъ въ правѣ на государственную власть пользованіе и распоряженіе ею, хотя эти названія не обозначаютъ хорошо содержанія понятія права на государственную власть Терминъ „распоряженіе" употребляется обыкновенно въ наукѣ государственнаго права въ томъ случаѣ, когда хотятъ характеризовать существо дѣятельности органовъ одной администраціи. Причемъ, распоряженіе отличаютъ отъ закона, какъ высшей нормы права.

Что касается другого термина—„пользованіе", то его употребленіе въ смыслѣ „права на государственную власть" звучитъ какъ то странно. Выходитъ, что если я посылаю письмо по почтѣ, обращаюсь за содѣйствіемъ въ полицію при какомъ-либо нарушеніи порядка, то это значитъ, что я участвую въ государственной власти! Если такъ широко понимать это участіе, тогда не будетъ ни одного акта въ общественной или даже и частной дѣятельности каждаго, который не подходилъ-бы подъ это понятіе, хотя бы въ дѣйствительности общество не имѣло никакой политической свободы. Но политическія права составляютъ у Коркунова содержаніе „распоряженія правомъ на государственную власть", которое относится, какъ мы видѣли, лишь къ праву участія гражданъ въ управленіи, но не въ законодательствѣ. Послѣднее право—важнѣйшее въ понятіи политической свободы—остается какъ бы въ сторонѣ отъ этого понятія, если только мы не согласимся подвести его подъ узкій терминъ „распоряженіе", подъ которымъ приходится понимать двѣ различныя по существу функціи государственной власти (законодательство и управленіе). Мы не будемъ останавливаться здѣсь на понятіи права у Коркунова, разобранномъ нами въ другомъ мѣстѣ [1]). Замѣтимъ только

---

[1]) См. 8 № Юрид. Библіографіи Д. Ю. Лицея, 8 стр. и слѣд.

здѣсь, что пониманіе права въ смыслѣ способа разграниченія разнообразныхъ интересовъ государственной и общественной жизни противорѣчитъ краснорѣчивому панегерику Коркунова въ честь свободы личности или гражданской свободы (313—318 стр. и слѣд.) и его характеристикѣ русскаго государственнаго строя, какъ основаннаго на принципѣ правомѣрности и законности (155 —154 стр.) Вполнѣ присоединяясь къ выраженнымъ въ цитированныхъ нами мѣстахъ книги воззрѣніямъ автора, мы не видимъ, какъ выигрываетъ гражданская свобода оттого, что право заботится лишь о *разграниченіи* интересовъ, количество, разнообразіе и удовлетвореніе которыхъ въ обществѣ всегда зависитъ отъ ихъ всесторонняго развитія при помощи права. Но если юридическая конструкція государства, предлагаемая Коркуновымъ, недостаточна, то чѣмъ замѣнить ее? Намъ кажется, что государство можетъ быть признано въ качествѣ субъекта юридическою личностью, если понимать ее не въ смыслѣ только института гражданскаго права, а какъ учрежденіе съ публичнымъ характеромъ. И при этомъ не представляется никакой опасности противополагать интересы гражданъ интересамъ государства, какъ чего-то отъ нихъ независимаго и отвлеченнаго. Если государство есть общественный союзъ высшаго рода (народъ), существующій ради удовлетворенія общихъ интересовъ, которые не могутъ быть достигнуты усиліями отдѣльныхъ лицъ, то не будетъ никакого противорѣчія въ томъ, что общія цѣли государственной дѣятельности въ обществѣ будутъ достигаться представителями, органами верховной власти государства. Граждане, участвующіе въ законодательствѣ, управленіи и судѣ устанавливаютъ общія нормы, и примѣняютъ ихъ въ частныхъ случаяхъ, гдѣ частные интересы отдѣльныхъ лицъ удовлетворяются во имя идеи общаго блага. Государственная власть не ограничивается волею и интересами отдѣльныхъ гражданъ, когда они участвуютъ въ ея осуществленіи; наоборотъ, дѣйствіе и авторитетъ расширяются вслѣдствіе количественнаго увеличенія участниковъ въ ней и самое удовлетвореніе частныхъ интересовъ выигрываетъ во многомъ отъ развитія политической свободы общества. Объектомъ государственнаго

отношенія является территорія, на которой живетъ населеніе, подвластное государственной власти. Послѣдняя обладаетъ, независимо отъ формы правленія, правомъ налагать на него извѣстныя повинности въ пользу государства (облагать налогами, заставлять отправлять воинскую повинность и др.). Наконецъ, содержаніе государственнаго отношенія составляетъ право всего населенія или извѣстной его части участвовать въ управленіи государствомъ, все равно, въ какой бы формѣ не выразилось это участіе. Такъ все населеніе или его часть, или непосредственно или посредственно (чрезъ представителей), можетъ участвовать въ законодательствѣ; или же отдѣльныя лица являются въ государствѣ въ качествѣ органовъ государственной власти, сосредоточенной въ одномъ лицѣ—монархѣ.

Общее воззрѣніе Коркунова на государство, какъ принудительное властвованіе, отражается и на разсмотрѣніи имъ вопроса о задачахъ дѣятельности государства. Принудительнымъ характеромъ государственнаго властвованія опредѣляются, говоритъ онъ, и задачи, какія могутъ быть имъ достигнуты, и границы, какія должны быть поставлены дѣятельности государства. Авторъ сознаетъ, что при такой постановкѣ этого вопроса трудно согласить принудительную власть государства съ личной свободой, которая стѣсняется принужденіемъ. Между тѣмъ, личная свобода есть основа всякаго прогрессивнаго развитія. Гдѣ она подавлена, тамъ всегда является опасность застоя, рутины Личная свобода—великое дѣло для человѣка, какъ самостоятельной личности, ставящей себя центромъ всего окружающаго. Поэтому современный человѣкъ смотритъ и на государство, какъ лишь на средство для достиженія своихъ цѣлей (15—16 стр.). На задачу государства смотрѣли въ прошломъ столѣтіи (В Гумбольдтъ) лишь съ точки зрѣнія ограниченія сферы дѣйствія государственной власти одной охраной права противъ возможныхъ посягательствъ. Но такое ограниченіе дѣятельности государства, предполагающее, что содержаніе права есть нѣчто безусловно опредѣленное и неизмѣнное, могло существовать только при господствѣ воззрѣнія школы естественнаго права на него, какъ

вѣчное и никогда неизмѣняющееся правило общественной жизни. При появленіи исторической школы права этотъ взглядъ на задачу государства долженъ былъ измѣниться. Въ правѣ теперь стали видѣть измѣнчивый предметъ историческаго развитія и въ образованіи и развитіи права должно было принимать участіе само государство. Поэтому и отрицательный взглядъ на задачу его дѣятельности теряетъ свое прежнее значеніе и получаетъ иную форму. Р. фонъ-Моль ограничиваетъ дѣятельность государства лишь тѣми случаями, когда для осуществленія какой-нибудь задачи оказываются недостаточными и силы отдѣльныхъ личностей. и силы другихъ общественныхъ союзовъ Однако, замѣчаетъ Коркуновъ, не трудно убѣдиться въ томъ, что вовсе нѣтъ такой общественной задачи, которая не могла бы быть осуществлена помимо государства. Если же понимать теорію Моля въ томъ смыслѣ, что государство должно дѣйствовать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда безъ него дѣло не можетъ быть осуществлено достаточно хорошо, то тогда все сведется къ тому, что государство будетъ дѣйствовать, когда найдетъ это нужнымъ. Представитель органической школы, Аренсъ признаетъ задачей государства обезпеченіе условій осуществленія всѣхъ интересовъ, составляющихъ содержаніе общественной жизни. Въ смыслѣ опредѣленія границъ государственнаго вмѣшательства формула Аренса также растяжима, какъ и теорія Моля. Государство ничего само не совершаетъ, оно только создаетъ условія: причиной же всего совершающагося въ государствѣ является частная дѣятельность. Аренсъ тутъ основывается на принятомъ имъ различіи условія и причины, признаетъ принципіальное различіе между ними; между тѣмъ, въ дѣйствительности условіе есть только элементъ причины, подъ которой нужно разумѣть совокупность всѣхъ условій. Сказать, что государство призвано только создавать условія, не значитъ еще указать его дѣятельности опредѣленную границу Весь вопросъ въ томъ, какія именно условія станетъ оно создавать (15—19).

Отвергнувши взгляды на задачу государства Гумбольдта, Моля и Аренса, Коркуновъ самъ разрѣшаетъ этимъ вопросъ съ своей излюбленной точки зрѣнія на государство, какъ принудительное

властвованіе. Государство, прежде всего, должно дѣйствовать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда безъ принужденія нельзя обойтись. Сюда относится судебная и полицейская дѣятельность государства. Дѣйствуя всегда принудительно, государство не должно, съ другой стороны, распространять своей дѣятельности на такія области, гдѣ принужденіе непримѣнимо. Но государство не можетъ ограничиться одной охраной интересовъ отдѣльныхъ личностей. У каждаго государства есть свои особые интересы и культурные идеалы и каждое изъ нихъ стремится обезпечить тѣмъ и другимъ возможно широкое поприще осуществленія. Непрестанная борьба, возникающая отсюда, между государствами, отстаиваніе и расширеніе своего могущества составляютъ также необходимую задачу государственной дѣятельности. Государство является далѣе объединяющей силой по отношенію къ розни общественныхъ элементовъ и естественнымъ охранителемъ интересовъ грядущихъ поколѣній противъ односторонняго эгоизма настоящаго. Въ осуществленіи всѣхъ общихъ государственныхъ интересовъ проявляется творческое значеніе дѣятельности государства, которою создается и упрочивается могущество государства. Только двѣ области человѣческой жизни недоступны для государственной дѣятельности; это область вѣры и знанія: принужденіями нельзя возбуждать чувство вѣры и выяснить истину. А между тѣмъ безъ вѣры и знанія государству невозможно обойтись. Но если только эти двѣ области останутся внѣ дѣятельности государства, то, спрашиваетъ Коркуновъ, не равносильно ли такое чрезмѣрное расширеніе ея границъ уничтоженію всякой самостоятельности? Разрѣшеніе этого вопроса особенно важно въ виду своеобразнаго взгляда Коркунова на государство, которое въ качествѣ принудительнаго учрежденія всегда имѣетъ наклонность къ расширенію своей власти. Нашъ авторъ думаетъ выдти изъ этого затрудненія тѣмъ, что возвращается къ своей мысли о необходимости участія въ дѣятельности государства всего населенія. Все дѣло въ томъ, говоритъ онъ, кто именно изъ участниковъ государственнаго общенія пользуется наибольшимъ вліяніемъ на опредѣленіе направленія дѣятельности государства И при широкомъ развитіи государственной дѣятель-

ности индивидуальная иниціатива не будетъ подавлена, если все населеніе будетъ одинаково призвано къ участію въ политической жизни, если каждому будетъ открыта возможность добиваться того, чтобы его идеи получали опредѣляющее значеніе для государственной дѣятельности, если въ составъ государственныхъ учрежденій взойдутъ всѣ выдающіяся личности. Тогда каждое расширеніе государственной дѣятельности будетъ расширять вмѣстѣ и поприще дѣятельности, доступное составляющимъ его личностямъ. Опасеніе относительно чрезмѣрнаго расширенія государственной дѣятельности ослабляется много еще тѣмъ соображеніемъ, что расширеніе государственной дѣятельности большею частью знаменуетъ собою не новое стѣсненіе личной самостоятельности, а только замѣну одной формы зависимости индивида другою. Въ дѣйствительности индивидуальная свобода на каждомъ шагу стѣсняется воздѣйствіемъ и другихъ общественныхъ союзовъ, напр., церкви, семьи, сословія и т. п. Наша зависимость отъ общества не можетъ быть устранена; она даже возрастаетъ вмѣстѣ съ развитіемъ общественной жизни. Поэтому вопросъ о соотношеніи въ частности личности и государства сводится къ вопросу о томъ, на сколько желательна замѣна государственною формою зависимости другихъ формъ зависимости индивида отъ общества. Послѣдній вопросъ Коркуновъ старается выяснить путемъ сравненія государства съ церковью, организація которыхъ опредѣляется одинаково этическими принципами. Благодаря тому, что эти нормы производятся самими государствомъ и церковью, зависимость отъ нихъ личности получаетъ характеръ этической обязанности. Но государство въ противоположность церкви основывается на добровольномъ подчиненіи: государство есть мѣстное и принудительное общеніе. При подчиненіи государственному порядку индивидуальная свобода ограничивается во имя нравственнаго принципа—права. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, говоритъ Коркуновъ, что подчиненіе государственной власти, какъ основанное на *правѣ* и имѣющее форму *обязанности*, менѣе стѣсняетъ личную свободу, чѣмъ подчиненіе другимъ проявленіямъ власти общества надъ личностью, какъ основаннымъ (за исключеніемъ церковной вла-

сти) на голомъ *фактѣ* и имѣющимъ форму *необходимости*. А если такъ, то замѣна, хотя частичная, фактическаго подчиненія личности общественной зависимости юридически регулированнымъ вмѣшательствомъ государства представляетъ по общему правилу выигрышъ для личной свободы. Только по отношенію къ церковному авторитету личность находится въ болѣе свободной формѣ подчиненія. Поэтому вмѣшательство государства въ религіозныя отношенія было бы усиленіемъ, а не ослабленіемъ стѣсненія личной свободы. Но зависимость людей по различію ихъ образованія, подчиненіе необразованныхъ образованнымъ имѣетъ характеръ необходимости, возникающей изъ фактическаго превосходства образованныхъ, а не обязанности, основанной на подчиненіи въ силу свободнаго убѣжденія (19—27 стр.). Изложенный нами взглядъ Коркунова на задачу государства находится, какъ мы видѣли, въ полной гармоніи съ его воззрѣніемъ на государство, какъ исключительно принудительное учрежденіе. Мы уже старались доказать, на сколько это воззрѣніе Коркунова на государство односторонне, неправильно, какъ оно противорѣчитъ дѣйствительному значенію государства, какъ силы нравственной, культурной par excellence. Точно также невѣрны и узки воззрѣнія Коркунова на задачи государства. Несомнѣнно, что задачи государства опредѣляются потребностями общества, степенью развитія его цивилизаціи, личной свободы его гражданъ. Къ этому выводу приходитъ и Коркуновъ, когда онъ начинаетъ разсматривать и опредѣлять границы дѣятельности государства въ обществѣ, которое, оказывается, нуждается въ безопасности личности, охраненіи удовлетворенія всѣхъ интересовъ личности, обезпеченіи осуществленія всѣхъ культурныхъ идеаловъ настоящаго и охраны интересовъ грядущихъ поколѣній. Какъ всѣ эти главнѣйшія задачи дѣятельности государства вытекаютъ изъ принудительной его власти, мы не можемъ себѣ представить. Принужденіемъ дѣятельность государства сопровождается въ тѣхъ случаяхъ, когда безъ него нельзя обойтись Эти случаи, когда примѣняется судебная и полицейская власть государства самъ Коркуновъ выдѣляетъ въ особую группу, но почему онъ ставитъ на

ляетъ въ ней лишь исключеніе, а не нормальный ея ходъ, это можетъ быть понятно только съ своеобразной, хотя и далеко не вѣрной точки зрѣнія Коркунова. Послѣдній замѣчаетъ самъ, что государство не должно распространять своей дѣятельности на такія области, гдѣ принужденіе непримѣнимо (19 стр.). Затѣмъ, обширныя культурныя задачи государства, на которыя указываетъ Коркуновъ, очевидно, также не допускаютъ принужденія. Здѣсь, какъ справедливо замѣчаетъ нашъ авторъ, государство является *творческой силой* (21 стр.), при дѣйствіи которой въ обществѣ принужденіе вовсе необязательно. Территорія государства можетъ, напр., расширяться вслѣдствіе мирнаго ея присоединенія однимъ государствомъ по соглашенію съ другимъ. При развитіи народнаго хозяйства государство употребляетъ разныя мѣры факультативнаго характера (напр., относительно заселенія обширныхъ пространствъ), которыя ведутъ къ цѣли гораздо скорѣе, чѣмъ разнаго рода принудительные регламенты. Признавая, что государство дѣйствуетъ *всегда* принудительно, Коркуновъ, однако, выдѣляетъ изъ сферы этой его дѣятельности области вѣры и знанія, гдѣ принужденіе оказывается безсильнымъ и прямо ведетъ къ явному вреду. Мы видимъ, слѣдовательно, что въ границы принудительной дѣятельности государства включается почти вся жизнь общества съ самыми разнообразными ея интересами. Это естественно непомѣрное расширеніе дѣятельности государства, которое вызывается принудительнымъ ея характеромъ, смущаетъ самого нашего автора, такъ что онъ спѣшитъ себя оградить отъ всякаго упрека въ намѣреніи уничтожить совершенно личную свободу въ обществѣ. Нельзя сказать, однако, чтобы эта послѣдняя выиграла много отъ предлагаемаго Коркуновымъ способа защиты личной самостоятельности гражданъ отъ проявленій „принудительнаго властвованія“ государства. По его словамъ, все затрудненіе разрѣшается тѣмъ, что все населеніе одинаково будетъ призвано къ политической жизни, государственныя учрежденія будутъ доступны всѣмъ выдающимся личностямъ и самая дѣятельность государства будетъ способна отзываться на всѣ новые запросы общественной жизни. Но всѣ эти явленія встрѣчаются обыкновенно не

во всякомъ государствѣ; они представляютъ собою идеалъ политическаго развитія современнаго общества, до котораго ему еще далеко. Лишь государства въ демократической формѣ подходятъ болѣе или менѣе близко къ тому порядку политической жизни общества, который въ глазахъ Коркунова имѣетъ видъ обычнаго ея теченія. А если въ политической жизни общества все населеніе не участвуетъ, если государственныя учрежденія наполняются людьми, способными не къ выполненію задачъ государственной дѣятельности, а лишь преслѣдованію своихъ личныхъ интересовъ, если, наконецъ, запросы общественной жизни остаются поэтому неудовлетворенными, то какимъ образомъ сохранится въ обществѣ личная инииціатива, индивидуальная свобода? Въ чемъ отдѣльной личности искать тогда надежныхъ гарантій противъ всемогущества органовъ государственной власти, постоянно дѣйствующихъ принудительно?

Разрѣшенію этихъ насущныхъ вопросовъ общественной жизни, все развитіе которой зависитъ отъ степени развитія въ ней личной свободы, не помогаютъ и дальнѣйшія соображенія Коркунова. Послѣдній полагаетъ, что расширеніе дѣятельности государства не означаетъ ограниченія личной самостоятельности человѣка, а только перемѣну зависимости личности отъ разныхъ общественныхъ союзовъ на зависимость ея отъ государства. Причемъ, Коркуновъ находитъ, что послѣдняго рода зависимость, какъ основанная на *правѣ*, менѣе стѣснительна для свободы личности, чѣмъ всякая другая ея зависимость, имѣющая характеръ *факта* и необходимости. Но и зависимость личности отъ разныхъ общественныхъ союзовъ и даже отдѣльныхъ лицъ часто основана на юридическихъ нормахъ и имѣетъ характеръ обязанности. Такова, напр., особенно зависимость въ сферѣ экономической жизни общества, гдѣ она дѣйствительно ложится тяжелымъ гнетомъ на личности. Но не меньше, если только не больше, тяжка и зависимость личности отъ государства, дѣйствующаго только въ качествѣ принудительнаго учрежденія, и всегда поэтому склоннаго къ чрезмѣрному развитію юридической зависимости личности, опасному по своей неизбѣжности для ея свободы. Если долгое примѣненіе

принципа индивидуалистическаго направленія (laissez faire, laissez passer) принесло много вреда европейскому обществу, то нельзя ожидать больше пользы для него и отъ исключительнаго расширенія государственной дѣятельности, на которомъ настаиваютъ современные реформаторы, повидимому, во имя интересовъ личности, а на самомъ дѣлѣ въ явный ущербъ ея свободѣ въ общественной жизни.

Въ вопросѣ „О происхожденіи государства“ Коркуновъ разсматриваетъ сначала разныя, существовавшія въ наукѣ, теоріи относительно этого предмета. Такова была договорная теорія происхожденія государства Гуго Гроція, отвергнутая теперь наукой въ виду того факта, что государственная организація есть во всякомъ случаѣ весьма древняя форма человѣческаго общенія. Для установленія государства посредствомъ договора требуется значительное умственное развитіе, котораго не имѣли наши отдаленные предки. Кромѣ того, возникновеніе добровольнаго подчиненія власти людей свободныхъ совершенно непонятно. Современные публицисты объясняютъ государство, какъ продуктъ закономѣрнаго историческаго развитія, независимаго отъ произвола отдѣльныхъ личностей. Изъ господствующихъ въ современной наукѣ теорій о происхожденіи государства Коркуновъ отбрасываетъ какъ недостаточныя: теорію родовую, экономическую и теорію завоеванія. Оцѣнкѣ каждой изъ нихъ онъ предпосылаетъ замѣчаніе, что для государственнаго права важенъ не историческій вопросъ о конкретныхъ условіяхъ образованія государственнаго порядка, а общій и абстрактный вопросъ о томъ, чѣмъ именно обусловливается необходимость существованія государства, какъ особой, специфической формы человѣческаго общенія. Родовая теорія тѣмъ не удовлетворяетъ этому требованію, что ею объясняются лишь первобытныя формы государства и возникновеніе вообще человѣческаго общества, но не государства въ частности. Точно также недостаточна и экономическая теорія, по которой основаніемъ образованія государства являются хозяйственные интересы: эти послѣдніе не имѣютъ исключительнаго отношенія къ государству, которое не есть только экономическій союзъ. Болѣе снисходительно

смотритъ Коркуновъ на теорію происхожденія государства изъ завоеванія, которая вмѣстѣ съ теоріей коллективной борьбы выдвигаетъ, по словамъ автора, отличительную особенность государства—принудительную власть. Но государство создается собственно не завоеваніемъ, какъ это утверждаетъ Гумпловичъ. Завоеваніе предполагаетъ уже сравнительно высокую степень культурнаго и экономическаго развитія общества и государственное устройство. Затѣмъ, завоеваніе въ первобытную эпоху вело обыкновенно къ порабощенію туземнаго населенія, по отношенію къ которому завоеватель пріобрѣталъ право собственности, а не государственную власть. Наконецъ, если бы государство возникло изъ завоеванія одного народа другимъ, то оно служило бы лишь исключительнымъ интересамъ господствующаго сословія. Но, какъ показываетъ исторія, государственная власть становится въ народномъ сознаніи всегда выше интересовъ отдѣльнаго сословія и государство является выразителемъ не сословныхъ идей, а идеи національнаго единства. Въ виду всѣхъ этихъ недостатковъ теоріи завоеванія Коркуновъ отдаетъ предъ ней предпочтеніе теоріи коллективной борьбы между различными племенами, которая приводитъ къ большей ихъ сплоченности и къ возникновенію въ каждомъ изъ нихъ объединяющей власти сначала во время войны, а потомъ и въ мирное время (27—34 стр.).

Мы присоединяемся къ критикѣ Коркуновымъ различныхъ теорій о происхожденіи государства, въ которыхъ выражаются скорѣе „конкретныя условія образованія государства", чѣмъ рѣшается общій вопросъ о возникновеніи государства, какъ особой формы человѣческаго общенія. Исключеніе въ этомъ случаѣ не составляетъ и теорія коллективной борьбы, которая на самомъ дѣлѣ близка къ той же теоріи завоеванія: борьба между племенами оканчивается всегда побѣдой одного болѣе сильнаго надъ другими болѣе слабыми. Только послѣ этой побѣды возможно сплоченіе подъ одной объединяющею властью. Такъ, напр., образовалось русское государство послѣ того, какъ разныя славянскія и другія племена были соединены подъ скипетромъ московскаго государя. Но С. А. Соединенные Штаты образовались (въ

1778 г.) мирнымъ путемъ свободнаго договора 13 штатовъ, составившихъ „союзъ дружбы съ цѣлью общей защиты, обезпеченія свободы и содѣйствія общему благосостоянію" (84 стр.) Не всѣ, слѣдовательно, государства образуются непремѣнно путемъ коллективной борьбы, какъ старается доказать Коркуновъ, который при рѣшеніи этого вопроса, очевидно, желаетъ быть послѣдовательнымъ своему основному взгляду на государство, какъ исключительно принудительное учрежденіе. Въ дѣйствительности истинная причина образованія государства, проявляющаяся всюду при его возникновеніи, одна и таже, какая производитъ и право въ человѣческомъ обществѣ. Это — потребности человѣческой природы, необходимость удовлетворенія которыхъ заставляетъ людей помимо ихъ воли соединяться въ общества; въ средѣ же этихъ послѣднихъ появляются съ этою цѣлью право и его органъ — государство въ видѣ цѣлаго ряда учрежденій.

Вторая глава введенія посвящена Коркуновымъ вопросу о различныхъ формахъ государствъ. Подробное разсмотрѣніе этого вопроса необходимо въ курсѣ русскаго государственнаго права въ виду того, что только „путемъ сравненія нашего государственнаго быта съ иными типами политической организаціи можетъ быть сдѣлана его характеристика". Едва-ли, однако, нужно для этой цѣли очень подробное изложеніе государственнаго строя современныхъ республикъ (Швейцарской и Французской) и англійской парламентерной организаціи [1]): сравниваются однородные, а не разнородные предметы. Другое дѣло общій вопросъ о формахъ политическаго быта общества, который Коркуновъ разсматриваетъ въ историческомъ процессѣ его развитія. Въ древности, говоритъ онъ, источникъ различія государствъ искали въ организаціи правительства, которая должна была обезпечивать подчиненіе частныхъ интересовъ правителей общимъ интересамъ государства. Въ новое время, когда стали стремиться къ обезпеченію личной свободы, основной признакъ различія формъ государствъ усматривали въ отношеніи правительства къ индивидамъ, составляющимъ го-

---

[1]) См. 49—63 и 69—73 стр. курса.

сударство. Съ 40-хъ годовъ XIX столѣтія вопросы объ отношеніи личности и государства отступаютъ на второй планъ и на смѣну имъ является новый, невѣдомый доселѣ вопросъ объ отношеніи государства къ обществу. Поэтому и вопросъ о классификаціи формъ правленія получаетъ соціальную окраску, главнымъ образомъ, въ ученіи Лоренца фонъ-Штейна. Съ установленной такъ Коркуновымъ исторической точки зрѣнія разсматриваются имъ взгляды на форму правленія древнихъ философовъ—Аристотеля и Полибія—и новыхъ—Монтескье, Канта, Геерена и Штейна. Послѣдній видѣлъ въ обществѣ особую форму общенія людей, отличную отъ государства: въ основѣ общества лежитъ экономическое неравенство, зависимость неимущихъ отъ имущихъ, начало несвободы. Въ основѣ государства—нравственное начало свободы. Поэтому между обществомъ и государствомъ существуетъ неизбѣжный антагонизмъ. Для обезпеченія самостоятельности и независимости государственной власти отъ господствующаго въ обществѣ класса необходимо поставить носителя власти выше всѣхъ общественныхъ интересовъ. Такою формою правленія можетъ быть только наслѣдственная монархія, гдѣ государство осуществляетъ свое призваніе. Въ республикѣ же государственная власть несамостоятельна, подчинена господствующему общественному классу. Это ученіе Штейна объ обществѣ сказалось во взглядахъ многихъ современныхъ писателей о формахъ правленія (Форлендера, Блюнчли и Р. Моля). Но Штейнъ слишкомъ узко понимаетъ общество, какъ экономическое общеніе: на ряду съ экономическимъ существуетъ и духовное, и національное общеніе (34—44 стр.). Отвергнувши всѣ эти теоріи о классификаціи формъ государствъ, какъ неправильныя, Коркуновъ замѣчаетъ, что основнаго различія формъ правленія нужно искать въ различіи монархіи и республики: къ этимъ двумъ политическимъ формамъ сводятся въ сущности всѣ попытки ихъ классификаціи. Монархію Коркуновъ опредѣляетъ какъ такое государственное устройство, при которомъ функція представлять государство, какъ цѣлое, осуществляется какъ собственное право безотвѣтственнымъ лицомъ; республика, напротивъ, характеризуется тѣмъ, что функція эта осуществляется

по порученію народа отвѣтственными учрежденіями. Что именно безотвѣтственность высшаго представителя власти въ монархіи и его отвѣтственность въ республикѣ составляетъ главный признакъ отличія монархіи отъ республики, это Коркуновъ доказываетъ тѣмъ соображеніемъ, что въ республикѣ юридическая природа государственнаго властвованія находятъ болѣе полное и послѣдовательное осуществленіе, чѣмъ въ монархіи, именно благодаря этой отвѣтственности высшаго органа власти. Между тѣмъ, въ монархіи при существованіи безотвѣтственнаго субъекта властвованія нѣкоторыя юридическія нормы, опредѣляющія государственный порядокъ, по необходимости получаютъ характеръ нормъ, лишенныхъ санкціи, опирающихся въ своемъ дѣйствіи лишь на религіозныя, нравственныя, бытовыя основанія, но не юридическія. Вообще въ монархіи имѣютъ относительно большее значеніе бытовые факторы; республика же представляется болѣе частнымъ юридическимъ отношеніемъ. Но, съ другой стороны, замѣчаетъ Коркуновъ, какъ бы олицетвореніе государственной власти въ независимо поставленномъ монархѣ болѣе обезпечиваетъ неподчиненіе государственной власти исключительнымъ интересамъ господствующихъ общественныхъ классовъ. Самостоятельность власти монарха и его безотвѣтственность оказываютъ нѣкоторое вліяніе на всѣ проявленія государственнаго властвованія: въ государствѣ ничего не совершается противъ и помимо воли монарха. Безотвѣтственность монарха обусловливаетъ, наконецъ, и существенныя особенности въ организаціи монархическаго правительства. Правительство въ монархіи стремится всегда принять единоличную форму. Республикѣ, напротивъ, болѣе соотвѣтствуетъ коллегіальная организація правительства, такъ какъ этимъ лучше обезпечивается подчиненіе делегированной правительственной власти народу. Точно также наслѣдственная власть свойственна монархіи, избирательная—республикѣ (44—48 стр.).

Мы ничего не имѣемъ противъ историческаго разсматриванія Коркуновымъ вопроса о формахъ государствъ: всякій общій вопросъ въ наукѣ права можетъ быть рѣшенъ лишь на основаніи историческихъ данныхъ. И Коркуновъ правъ, когда онъ связы-

ваетъ появленіе разныхъ политическихъ ученій о формахъ правленія съ различными политическими міровоззрѣніями отдѣльныхъ эпохъ въ исторіи человѣчества. Самъ онъ, однако, не сказалъ ничего новаго по разбираемому вопросу, когда онъ свелъ его къ различію между монархіей и республикой: эти двѣ основныя группы политическихъ формъ общества встрѣчаются, по собственнымъ его словамъ, во всѣхъ ихъ классификаціяхъ. Но нужно замѣтить, что въ этихъ послѣднихъ упоминается и о третьей такой же основной группѣ государствъ, имѣвшей въ древности и средніе вѣка большую распространенность. Мы говоримъ объ аристократіи, типичными представителями которой были очень многія изъ древнихъ и средневѣковыхъ государствъ. Можно даже утверждать на основаніи массы неоспоримыхъ фактовъ, что въ политическомъ развитіи человѣчества аристократія была второю послѣ демократіи ступенью этого развитія [1]. Если же аристократическая форма политическаго быта общества имѣетъ такой необходимо историческій характеръ, нѣтъ основаній выбрасывать ее изъ формъ государствъ на томъ основаніи, что въ современномъ обществѣ существуютъ лишь монархіи и республики, или же потому, что Штейнъ признаетъ только эти двѣ политическія формы. Но Штейнъ основываетъ различіе между ними на своеобразномъ взглядѣ на контрастъ между государствомъ и обществомъ. Коркуновъ отвергаетъ этотъ взглядъ Штейна, но вмѣсто него выставляетъ такое основаніе различія между монархіей и республикой, которое не можетъ быть признано вполнѣ безспорнымъ. Безотвѣтственность высшаго представителя власти въ дѣлахъ управленія признается необходимымъ условіемъ всего правильнаго его хода одинаково какъ въ монархіяхъ, такъ и республикахъ, гдѣ отвѣтственными лицами по дѣламъ управленія являются министры. Не вполнѣ вѣрна и мысль Коркунова, что лишь республика имѣетъ чисто юридическій харaактеръ, а монархія опирается болѣе

---

[1]) См. мое изслѣдованіе: «Государственный совѣтъ въ Россіи, въ особенности въ царствованіе Александра I-го» (введеніе и первая глава).

на бытовыя основанія. Вѣдь, самъ же нашъ авторъ выставляетъ, какъ характерную черту русскаго государственнаго строя, что въ немъ „самодержавіе соединяется съ законностью и что начало правомѣрности, благодаря особымъ условіямъ развитія русскаго общественнаго быта, получило строго-объективную форму закона. Между тѣмъ какъ на Западѣ дѣйствія государственной власти основываются на договорномъ, субъективномъ правѣ отдѣльныхъ сословій, мѣстностей и гражданъ" (158—160 стр.). Но если базисомъ русской неограниченной монархіи является высшая, юридическая норма—законъ, то можно ли говорить, что монархія представляетъ собою менѣе „чистое юридическое отношеніе", чѣмъ западно-европейскія республики, гдѣ правомѣрность опирается на шаткомъ фундаментѣ субъективнаго соглашенія власти съ отдѣльными общественными сословіями? Наконецъ, исторически неправильно мнѣніе Коркунова, что правительство въ монархіи всегда стремится принять единоличную форму, а республикѣ соотвѣтствуетъ коллегіальная его организація. Въ западно-европейскихъ государствахъ до французской революціи 1789 г. существовали высшія правительственныя учрежденія съ коллегіальнымъ устройствомъ. Такъ, напр., французскій Conseil d' etat состоялъ изъ нѣсколькихъ секцій, которыя были организованы коллегіально и завѣдывали разными отраслями управленія. Такое же устройство и значеніе имѣли государственные совѣты въ Австріи и Пруссіи. У насъ коллегіальная система просуществовала все XVIII-е столѣтіе и при Александрѣ I нашла горячаго защитника въ лицѣ Трощинскаго, доказывавшаго всѣ выгоды ея сохраненія въ монархическомъ государствѣ сравнительно съ бюрократической, единоличной системой организаціи правительственныхъ учрежденій. Въ государствахъ же XIX стол обѣимъ системамъ—бюрократической и коллегіальной—отведено надлежащее мѣсто въ устройствѣ каждаго государства, гдѣ однѣ функціи власти (законодательство и судъ) организованы коллегіально, а другія (управленіе)—бюрократически, какъ на это указываетъ и самъ Коркуновъ (261—268 стр.).

Оставляя въ сторонѣ подробное изложеніе авторомъ государ-

ственнаго устройства разныхъ формъ республикъ, какъ мало идущее къ дѣлу, мы остановимся лишь на взглядахъ Коркунова на монархію. Онъ отличаетъ неограниченную монархію отъ ограниченной, причемъ замѣчаетъ, что первая можетъ быть правомѣрнымъ государственнымъ строемъ какъ въ первоначальную эпоху господства обычнаго права, который весьма существенно стѣсняетъ произволъ правителя, такъ и на высшихъ ступеняхъ политическаго развитія общества. Въ послѣднемъ случаѣ гарантію ея правомѣрности можно видѣть въ томъ, если учрежденія развились въ стройную систему, предѣлы ихъ вѣдомства точно установлены, взаимныя ихъ отношенія строго опредѣлены и дѣйствія ихъ подчинены общимъ законамъ, издаваемымъ монархомъ. Въ слѣдъ за этими разсужденіями объ условіяхъ правомѣрности въ неограниченной монархіи Коркуновъ дѣлаетъ различіе между „разновидностями" ограниченной монархіи: вѣчевой монархіей, сословной и представительной. Въ первой весь правовой порядокъ опредѣляется обычнымъ правомъ; вѣче здѣсь было распорядителемъ непосредственно личныхъ силъ государства и его же члены исполняли рѣшенія, принятыя монархомъ при участіи вѣча. Вѣчевая монархія, слѣдовательно, совпадаетъ у Коркунова съ первоначальной неограниченной монархіей въ ея возникновеніи въ первобытномъ обществѣ. Едва ли, однако, кто назвалъ бы „вѣчевой монархіей" въ смыслѣ Коркунова ту чисто демократическую форму политическаго быта примитивнаго общества, которая появляется одинаково у всѣхъ народностей въ первую эпоху ихъ политической жизни. Монархъ въ это время не имѣлъ никакихъ самостоятельныхъ политическихъ правъ, которыя принадлежали всему народу. На это указываетъ и самъ Коркуновъ, когда онъ замѣчаетъ о полномъ подчиненіи власти монарха въ это время обычному праву. Тотъ же смыслъ имѣетъ и предлагаемое имъ толкованіе обычая единогласныхъ рѣшеній вѣча: членовъ его спрашивали мнѣнія не о томъ, что и какъ было бы лучше сдѣлать, а что *они сами* согласны сдѣлать (63—65 стр.). Третья глава введенія курса содержитъ въ себѣ вопросъ о „соединеніяхъ государствъ", на которомъ Коркуновъ останавливается долго, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы

уяснить взаимное отношеніе Россіи къ Финляндіи и бывшему Царству Польскому. Этотъ послѣдній вопросъ разрѣшается авторомъ уже въ началѣ самого курса. Здѣсь же Коркуновъ разсматриваетъ формы соединенія государствъ—уніи и федераціи въ видѣ союза государствъ и союзнаго государства и изучаетъ съ точки зрѣнія устанавливаемаго имъ взгляда на сущность этихъ соединеній всѣ существующія, за исключеніемъ Россіи, соединенія государствъ въ Европѣ (Австро-Венгрію, Швецію, Норвегію, Швейцарію и Германскую Имперію) и Америкѣ—С. А. С. Штаты (73—103 стр.). Въ заключеніе введенія излагается литература русскаго государственнаго права и его система. Коркуновъ останавливается особенно долго на новѣйшихъ трудахъ по этой наукѣ—руководствахъ по русскому государственному праву Андреевскаго, Р.-Славатинскаго и Градовскаго, которыя онъ разсматриваетъ въ связи съ реформами прошлаго царствованія. Коркуновъ находитъ недостаточнымъ всѣ принимаемыя системы при изложеніи русскаго государственнаго права: изложеніе въ порядкѣ отдѣльныхъ томовъ свода законовъ, дѣленіе курса на ученіе о власти и—объ обществѣ и раздѣленіе государственнаго права на право устройства и—управленія. Отвергая всѣ эти системы, какъ недостаточныя, нашъ авторъ предлагаетъ свою, построенную на его понятіи государства и его юридической конструкціи. Если государство есть юридическое отношеніе властвованія, то наука государственнаго права есть, говоритъ Коркуновъ, ученіе объ этомъ отношеніи и его элементахъ. Поэтому система курса заключаетъ въ себѣ четыре отдѣла: 1) общую характеристику государственнаго строя, 2) ученіе о субъектахъ государственнаго отношенія—монарха и подданныхъ, 3) ученіе объ объектѣ—о власти, ея функціяхъ и органахъ и 4) ученіе о содержаніи государственнаго отношенія—о правахъ и обязанностяхъ монарха и подданныхъ. Въ эти отдѣлы, замѣчаетъ Коркуновъ, укладывается все содержаніе государственнаго права. Однако, онъ сначала излагаетъ въ нихъ лишь общія, основныя начала государственнаго права и предполагаетъ разсмотрѣть по тѣмъ же рубрикамъ въ особенной части курса отдѣльныя частныя проявленія государст-

венной власти. Уже одно это обстоятельство заставляетъ сомнѣваться въ правильности системы курса Коркунова, гдѣ неизбѣжно должны встрѣчаться повторенія, и сама она представляется запутанною и произвольною, какъ произвольна и недостаточна вся юридическая конструкція государства у Коркунова, какъ основаніе этой системы русскаго государственнаго права.

Общая часть курса Коркунова состоитъ, какъ мы видѣли, изъ четырехъ отдѣловъ. Въ первомъ авторъ говоритъ о государственномъ строѣ Россіи; остальные три отдѣла содержатъ изложеніе всего русскаго государственнаго устройства, за исключеніемъ, однако, организаціи учрежденій (центральныхъ и мѣстныхъ), которая должна разсматриваться Коркуновымъ въ особенной части. Въ этихъ трехъ отдѣлахъ общей части курса, обозначенныхъ у автора такими своеобразными рубриками, мы встрѣчаемся также съ оригинальными взглядами Коркунова, которые не всегда, однако, вѣрны и нерѣдко противорѣчатъ другъ другу. Таково, напр., извѣстное намъ, его воззрѣніе на причины различія въ развитіи начала правомѣрности на Западѣ въ Россіи. „Законность, замѣчаетъ Коркуновъ, создана въ Россіи самою властью. Поэтому ея развитіе не обусловливалось у насъ развитіемъ политическихъ правъ. Мы имѣемъ полную обезпеченность собственности, независимый судъ и самоуправленіе и вовсе лишены политическихъ правъ. Между тѣмъ, на Западѣ именно развитіе политическихъ правъ, ограничивающихъ власть, являлось основой и обезпеченной частной собственности, и независимости суда, и развитія мѣстнаго самоуправленія“ (158—160 стр.). Соглашаясь съ объясненіемъ Коркунова разницы въ условіи развитія идеи законности на Западѣ и въ Россіи, мы не можемъ себѣ представить, какъ въ одномъ случаѣ политическія права служатъ необходимымъ базисомъ обезпеченія частной собственности, независимаго суда и самоуправленія, а въ другомъ всѣ эти блага культуры существуютъ безъ этого своего фундамента — политическихъ правъ общества. Едва-ли также умѣстно въ курсѣ русскаго государственнаго права такъ подробно излагать всевозможныя системы представительства, какъ это дѣлаетъ Коркуновъ (285—309 стр.).

Заканчивая свою статью о курсѣ русскаго государственнаго права проф. Коркунова, мы не можемъ скрыть отъ читателя, что наши надежды на то, что этотъ курсъ будетъ выдающимся трудомъ автора, далеко не оправдались. Въ книгѣ видно обширное знакомство Коркунова съ предметомъ, изложена она изящнымъ, литературнымъ языкомъ; но ни система курса, ни основные политическіе взгляды автора не выдерживаютъ критики, не смотря на всю ихъ оригинальность. Намъ остается пожелать, чтобы слѣдующая часть курса русскаго государственнаго права проф Коркунова была свободна отъ всѣхъ этихъ недостатковъ, которые особенно бросаются въ глаза и вредны въ „Пособіи къ лекціямъ" студентамъ по одному изъ главныхъ предметовъ университетскаго преподаванія.

В. Щегловъ.

---

2. Hülsmeyer C., dr. med. Staats-Bordelle. Praktische Lösung der Prostitutionsfrage. 1892. Hagen i/W. IV+147 стр.

Въ обширную литературу о проституціи докторъ Гильсмейеръ вноситъ новый, довольно оригинальный планъ рѣшенія этого назрѣвшаго вопроса.

Нарисовавъ мрачную картину печальныхъ послѣдствій, съ которыми сопряжена обычная въ наше время регламентація проституціи (нарушеніе общественнаго спокойствія, развращеніе юношей, гибель многочисленныхъ семействъ, уничтоженіе послѣдняго остатка стыдливости у самихъ проститутокъ, распространеніе заразныхъ болѣзней и всевозможныхъ видовъ противоестественнаго разврата, сводничество, сутенерство, подкупъ чиновниковъ, духовное и тѣлесное порабощеніе проститутокъ, безстыдное эксплуатированіе публики, убійства и вытравленіе плода и т. д.), отразивъ возраженія, которыя высказываются соціалъ-демократами и аболиціонистами противъ необходимости регламентаціи проституціи вообще, авторъ приступаетъ къ развитію мысли, что только государственные или общинные публичные дома въ состояніи удовле-

творить существующую несомнѣнно общественную потребность, устраняя въ то же время всѣ тѣ вредныя стороны, которыми страдаетъ современная система. На вопросъ: „какъ государство или община можетъ унизить себя до роли содержателя публичныхъ домовъ и какъ найти чиновниковъ для подобнаго учрежденія", Гильсмейеръ отвѣчаетъ слѣдующими разсужденіями. 1) Уже мудрый государственный мужъ древности—Солонъ, напалъ на мысль учредить государственные публичные дома и не считалъ осуществленія этой мысли ниже своего достоинства или достоинства государства. 2) Государство не опасается служить простымъ человѣческимъ страстямъ, не составляющимъ потребности или необходимости, какъ, напр., страсти къ игрѣ. Если въ оправданіе государственныхъ лоттерей приводятъ тѣ соображенія, что съ ихъ помощью легче всего устранить различные эксцессы и раззореніе, къ которому многихъ приводитъ игра, то, по крайней мѣрѣ, съ такимъ же основаніемъ можно утверждать и ожидать, что, учреждая государственные публичные дома, государство всего лучше и скорѣе сумѣетъ устранить тѣ половыя излишества и то раззореніе, въ какое впадаютъ весьма многіе, благодаря необузданной частной проституціи. 3) Государство или община и теперь въ сущности являются содержателями публичныхъ домовъ, такъ какъ они имѣютъ надзоръ за проститутками и ведутъ списки проституткамъ, находящимся подъ контролемъ полиціи. 4) Если проституція есть признанная необходимость и неизбѣжная потребность, то государство или община несутъ обязанность точно также содѣйствовать ей, какъ и другимъ необходимостямъ и животнымъ потребностямъ людей. Общественные ретирады также не могутъ считаться эстетическими или нравственными учрежденіями, но они всетаки должны существовать. 5) Государство или община безъ сомнѣнія могутъ принять на себя все то, что они дозволяютъ своимъ подданнымъ. Если содержать публичные дома постыдно и унизительно, то въ одинаковой мѣрѣ какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для общественнаго управленія, и было бы несправедливо и достойно порицанія, если бы отдѣльныя лица должны были дѣлать то, чего стыдится общество. И если разрѣшается отдѣль-

нымъ лицамъ содержать публичные дома, то отвѣтственность за это все же лежитъ на обществѣ, ибо, давая разрѣшеніе, оно стоитъ въ сущности не выше того, кто принимаетъ и осуществляетъ это разрѣшеніе.—Что же касается, наконецъ, чиновниковъ для надзора за публичными домами, устраиваемыми государствомъ, то уже и въ настоящее время существуетъ множество лицъ, на которыхъ лежитъ надзоръ и контроль за проституціей. Совершенно безразлично, будутъ ли они отправлять свою службу на улицѣ, въ притонахъ бродячей и легальной проституціи и въ полицейскихъ зданіяхъ или въ общинныхъ публичныхъ домахъ. Судья допрашиваетъ воровъ, убійцъ и поджигателей, стоящихъ гораздо ниже проститутки, не всегда только въ залѣ суда, но и въ тюрьмѣ и на мѣстѣ преступленія. Его достоинство ничего не теряетъ, ни отъ мѣста, гдѣ онъ исполняетъ свое дѣло, ни отъ лица, съ которымъ онъ входитъ въ соприкосновеніе.

Въ общинныхъ публичныхъ домахъ, развиваетъ авторъ далѣе свою мысль, не будетъ уже основываться на эксплуатаціи проститутокъ существованіе отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыхъ семействъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ устранены всѣ противныя закону дѣйствія, которыя вызываются желаніемъ извлечь большую прибыль отъ проституціи, каковы обольщеніе невинныхъ дѣвушекъ, эксплуатація проститутокъ и мущинъ, нарушенія общественнаго порядка. Съ изгнаніемъ проституціи съ улицы и изъ семьи безъ сомнѣнія возрастетъ нравственность всего населенія. Благодаря болѣе удобному и болѣе строгому употребленію санитарныхъ предписаній уменьшатся пагубныя болѣзни, имѣющія своимъ источникомъ половыя сношенія, и возвысится общее состояніе здоровья населенія.

Общинный публичный домъ долженъ находиться въ мѣстности, находящейся не на глазахъ, и не выходить переднимъ фасадомъ на улицу; строеніе должно отвѣчать общимъ гигіеническимъ требованіямъ и, особенно, не быть тѣснымъ. Для различныхъ классовъ населенія могутъ устраиваться публичные дома различныхъ типовъ: „элегантные“ съ болѣе высокими цѣнами и простые съ низкими; число классовъ и высота цѣнъ должны со-

образоваться съ величиной и среднимъ благосостоянiемъ города (въ Берлинѣ — 20 марокъ, 10 мар и 3 мар.). Во избѣжанiе стеченiя въ одномъ мѣстѣ въ вечернее и ночное время множества различныхъ людей, желательно, чтобы публичные дома были разсѣяны въ различныхъ частяхъ города. Занесенiе въ число проститутокъ должно ограничиваться добровольными заявленiями: еще довольно есть дѣвушекъ, которыя безнравственное ничего не дѣланiе предпочитаютъ скромному труду Всѣ тѣ дѣвушки, которыя теперь принадлежатъ къ тайной или явной проституцiи, при невозможности продолжать свой промыселъ по прежнему, вступятъ въ публичные дома и вмѣстѣ съ тѣмъ уже будутъ жить не какъ отверженныя или достойныя наказанiя созданiя, какъ парiи среди людей, но какъ полноправные граждане. Для классификацiи проститутокъ слѣдовало бы руководствоваться болѣе духовнымъ, чѣмъ физическимъ различiемъ. Каждая проститутка должна имѣть особую комнату для прiема посѣтителей; проститутки не должны спать вмѣстѣ, такъ какъ это легко ведетъ къ развитiю противуестественныхъ наклонностей. Проститутки должны находиться въ публичномъ домѣ отъ 5 часовъ по полудни до 10 часовъ утра, располагая остальной частью сутокъ по своему желанiю. Каждая проститутка должна имѣть на платьѣ номеръ своей комнаты; въ прiемной комнатѣ выставляются фотографическiе портреты проститутокъ съ соотвѣтствующими номерами. Всякiе безпорядки и безчинства въ общей комнатѣ строго воспрещаются такъ же, какъ и бражничанье съ гостями. Плата проституткамъ зависитъ отъ доставляемой ею выручки. Каждая изъ нихъ получаетъ или опредѣленную часть доставляемой ею выручки или, такъ какъ это можетъ легко порождать неудовольствiе проститутокъ разныхъ классовъ, опредѣленную плату за каждое посѣщенiе, безразлично, къ какому бы классу она ни принадлежала. Число ежедневныхъ посѣщенiй для каждой должно быть ограничено примѣрно 4—6. Медицинское изслѣдованiе проститутокъ должно производится каждые 4 дня. Проститутка подлежитъ общимъ законамъ, какъ всякiй другой человѣкъ въ государствѣ, и только должна соблюдать, пока занимается своимъ промысломъ, особыя правила, подобно

тому, какъ и для многихъ другихъ промысловъ существуютъ особыя предписанія закона.

Каждый посѣтитель публичнаго дома долженъ уплачивать умѣренную входную плату; дѣтямъ и пьянымъ входъ не дозволяется. Всякое непристойное поведеніе въ общей комнатѣ запрещено, какъ нарушеніе общественнаго спокойствія. Желающій имѣть дѣло съ проституткой privatim, долженъ прежде подвергнуться медицинскому осмотру. Плата за сношеніе отдается не прямо проституткѣ, а вносится въ общую кассу, откуда получается билетъ, передаваемый затѣмъ проституткѣ. Каждый посѣтитель ante et post coitum долженъ по возможности пользоваться находящимися въ каждой комнатѣ дезинфекцирующими средствами. Продолжительность посѣщенія не должна въ общемъ превышать одного часа; желающій пробыть долѣе долженъ предварительно заявить объ этомъ въ кассѣ и уплатить за два билета или болѣе.

Служебный персоналъ публичнаго дома слагается изъ инспектора, врача, надзирательницы и одного или нѣсколькихъ низшихъ служащихъ. Инспекторъ долженъ заботиться о поддержаніи спокойствія и порядка въ домѣ; онъ разбираетъ споры между посѣтителями и проститутками, между самими проститутками и между ними и остальнымъ персоналомъ дома; на немъ же лежитъ и хозяйственная администрація. Инспектору подчинены низшіе полицейскіе служители, являющіеся исполнителями его приказаній и имѣющіе для себя дежурную комнату въ домѣ. Въ отсутствіе инспектора его мѣсто заступаетъ съ совершенно равными полномочіями надзирательница. Она оказываетъ помощь врачу при осмотрѣ проститутокъ и заботится о томъ, чтобы проститутки точно выполняли всѣ необходимыя гигіеническія предписанія. Ни одинъ служащій (за исключеніемъ инспектора въ отсутствіе надзирательницы) не долженъ входить въ частную комнату проститутки иначе, какъ въ сопровожденіи надзирательницы. Врачъ осматриваетъ проститутокъ и посѣтителей. Если посѣтитель оказывается здоровымъ, то ему выдается соотвѣтствующее удостовѣреніе, требованіе котораго обязательно для проститутки. По желанію посѣтителя врачъ долженъ также за умѣренный гонораръ производить изслѣдованіе выбранной проститутки.

При поступленіи въ публичный домъ проститутка должна дать обязательство пробыть въ немъ опредѣленное время; до срока оставленіе дома допускается только въ случаѣ выхода замужъ, тяжелыхъ заболѣваній и рѣшительнаго требованія со стороны родителей или опекуновъ малолѣтней; въ иныхъ случаяхъ самовольнаго ухода проститутка водворяется назадъ насильно и даже можетъ быть подвергнута наказанію. Доходъ отъ публичнаго дома не можетъ служить статьей дохода для государства или общины; онъ долженъ расходоваться на амортизацію затратъ капитала, на покрытіе издержекъ по лѣченію и содержанію проститутокъ и на содержаніе служащихъ. Излишки могутъ обращаться на составленіе запасныхъ фондовъ, пенсій для проститутокъ или на общеполезныя благотворительныя дѣла.

По введеніи общинныхъ публичныхъ домовъ всякая иная форма проституціи должна быть прекращена. Съ установленіемъ описаннаго порядка, по мнѣнію автора, должны сократиться или даже совершенно уничтожиться всѣ вредныя стороны существующей системы проституціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастетъ общая нравственность и ограничится безбрачное размноженіе людей. Послѣднее представляетъ весьма важныя выгоды особенно съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, долженъ уменьшиться пролетаріатъ и общество получитъ значительное облегченіе.

Вмѣстѣ съ планомъ устройства общинныхъ публичныхъ домовъ, многія подробности котораго опущены въ этомъ изложеніи, авторъ приводитъ цѣлый рядъ мѣръ противъ распространенія венерическихъ болѣзней, а также для ограниченія проституціи и поднятія нравственности.

Съ устройствомъ государственныхъ публичныхъ домовъ, говоритъ онъ, разумный предусмотрительный человѣкъ почти не можетъ находиться въ опасности заразиться. Санитарныя предписанія противъ венерическихъ болѣзней могли бы заключаться въ слѣдующемъ. Ни въ одинъ публичный домъ не должны допускаться лица съ венерическими болѣзнями. Всякій врачъ долженъ настоятельно предостерегать своихъ паціентовъ съ такими болѣзнями относительно возможности передачи ихъ; если онъ не испол-

нилъ этой обязанности по отношенію къ юношѣ, который можетъ еще не знать о значеніи венерической болѣзни, то, въ случаѣ передачи послѣднимъ заразы, подлежитъ отвѣтственности. Судебныя засѣданія, касающіяся передачи венерическихъ болѣзней, должны быть закрытыми и не опубликовываться въ газетахъ; только такимъ путемъ можно побудить заболѣвшихъ жаловаться въ судъ на тѣхъ лицъ, отъ которыхъ они получили заразу. Доказанная сознательная передача болѣзни равняется предумышленному увѣчью; сюда же относятся тѣ случаи, когда родители поручаютъ больное дитя нянькѣ или кормилицѣ, не предупредивъ ихъ о характерѣ болѣзни ребенка и опасности, сопряженной съ уходомъ за нимъ. Сознательнымъ зараженіемъ нужно считать такое, которое произошло послѣ медицинской помощи или при условіи сильно выразившихся мѣстныхъ симптомовъ болѣзни.

Болѣе сложными являются предлагаемыя Гильмейстеромъ мѣры для ограниченія проституціи и поднятія нравственности; онъ дѣлитъ ихъ на законодательныя и полицейскія, воспитательныя и педагогическія, соціальныя и общія мѣры.

1) Всякій развратъ промысловаго характера (т. е. половыя сношенія за плату) внѣ публичныхъ домовъ долженъ подлежать наказанію (штрафу отъ 5 до 10 мар. или аресту отъ 1 до 10 дней); ему подвергаются впрочемъ только женщины, подобно тому, какъ и при продажѣ запрещенныхъ товаровъ наказывается только продавецъ. Женщина, которая на улицѣ или въ другомъ общественномъ мѣстѣ, пытается соблазнять мущинъ, подвергается штрафу отъ 5 до 50 мар. или аресту отъ 1 до 10 дней. Тотъ, кто какимъ либо образомъ оказываетъ содѣйствіе акту профессіональнаго разврата, подлежитъ наказанію за сводничество; наказаніе это варьируетъ между 1—10 мар. денежнаго штрафа и 1—10 дней ареста, съ одной, и 4-хъ недѣльнымъ заключеніемъ въ тюрьму и 6-ти лѣтнимъ пребываніемъ въ смирительномъ домѣ съ другой стороны. Мужчина, пристающій къ женщинѣ или дѣвушкѣ на улицѣ, въ мѣстахъ общественныхъ увеселеній или гдѣ бы ни было, подлежитъ, смотря по обстоятельствамъ, денежному штрафу отъ 5—10 мар. или отъ 1 до 10 дней ареста или

тюремному заключенію отъ 3 дней до 3 мѣсяцевъ. Мущина обязанъ давать содержаніе забеременѣвшей отъ него дѣвушкѣ, если онъ не можетъ доказать, что въ періодъ зачатія она отдавалась нѣсколькимъ лицамъ; въ послѣднемъ случаѣ обязанность содержанія разлагается равномѣрно на всѣхъ, имѣвшихъ въ этотъ періодъ съ нею половыя сношенія. Тотъ, кто не заботится о своихъ дѣтяхъ, рожденныхъ внѣ брака, долженъ быть принуждаемъ къ платежу извѣстной доли своего дохода на ихъ содержаніе. Не находящимся въ бракѣ матерямъ запрещается оставлять свое дитя чужимъ лицамъ, или, по крайней мѣрѣ, если онѣ вынуждаются къ тому необходимостью, то должны увѣдомить о томъ соотвѣтствующія учрежденія, которыя въ данномъ случаѣ контролируютъ воспитаніе ребенка. Конкубинатъ подлежитъ наказанію, если онъ причиняетъ общественное неудовольствіе (Aergerniss). Мущина и женщина, имѣющіе прижитыхъ вмѣстѣ внѣ брака дѣтей, не должны жить однимъ общимъ хозяйствомъ. Лица ниже 16 лѣтъ не должны принимать участія въ общественныхъ танцовальныхъ удовольствіяхъ. Театральныя пьесы, романы, анатомическіе музеи и т. п., оскорбляющіе чувство стыдливости и нравственности, должны быть запрещены; художественныя произведенія, несоотвѣтствующія современнымъ понятіямъ о стыдѣ и приличіи, должны помѣщаться въ такомъ мѣстѣ, чтобы не быть доступными каждому незрѣлому человѣку.

2) Первымъ основнымъ правиломъ воспитанія надо принять, что женская молодежь должна быть представлена женскимъ воспитательнымъ силамъ. Отсюда слѣдуетъ, что мальчики и дѣвочки, по крайней мѣрѣ въ возрастѣ выше 10 лѣтъ, не должны обучаться въ одномъ помѣщеніи ни въ общественныхъ, ни въ частныхъ школахъ, и преподаваніе въ женскихъ школахъ или отдѣленіяхъ должно быть предоставлено женщинамъ. Что касается предметовъ преподаванія въ школѣ, то здѣсь авторъ считаетъ нужнымъ настаивать на невозможности давать въ руки дѣтямъ библію въ ея полномъ составѣ, такъ какъ многочисленныя мѣста въ ней, касающіяся половой жизни, могутъ преждевременно навести дѣтей на такія размышленія, которыя не могутъ не принести

вреда ихъ нравственности. Воспитаніе молодежи должно въ большей степени, чѣмъ теперь, обращать вниманіе на образованіе характера; въ молодежи должно развиваться стремленіе къ добру и прекрасному, любовь къ истинѣ и праву, въ дѣвушкахъ кромѣ того стыдливость, нравственность и способность къ веденію домашняго хозяйства, ибо хорошія хозяйки обезпечиваютъ счастье и благосостояніе семьи и отчасти служатъ залогомъ благосостоянія и благовоспитанности народа. Въ интересахъ правильнаго развитія тѣла, духа и характера дѣтей необходимо прилагать всѣ старанія, чтобы возможно лучше предохранить ихъ отъ преждевременной зрѣлости.

3) Въ числѣ соціальныхъ средствъ авторъ на первомъ мѣстѣ ставитъ облегченіе заключенія браковъ, такъ какъ оно, по его мнѣнію, составляетъ наиболѣе дѣйствительную защиту общества противъ проституціи. Это облегченіе можетъ быть достигнуто пониженіемъ податнаго бремени для женатыхъ и семейныхъ и облегченіемъ условій страхованія жизни. Слѣдующимъ важнымъ средствомъ, по мнѣнію автора, является повышеніе заработной платы въ различныхъ отрасляхъ женскаго труда, но, признавая всю трудность этого соціальнаго вопроса, онъ отказывается намѣтить путь для его рѣшенія. Важное оружіе противъ проституціи составляютъ также предупредительныя мѣры въ родѣ особыхъ учрежденій для предохраненія одинокихъ дѣвушекъ въ городахъ отъ одиночества или одичанія. На городскихъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ должны преслѣдоваться всякія попытки сводничества. На фабрикахъ и въ сельскомъ хозяйствѣ должно быть проведено по мѣрѣ возможности раздѣленіе половъ; если необходима ихъ совмѣстная работа, то отвѣтственность за безнравственныя дѣйствія рабочихъ во время работы и внутри заведенія должна при извѣстныхъ обстоятельствахъ ложиться на лицъ, завѣдывающихъ предпріятіемъ. Общество должно изгонять неприличныя моды и относиться ко всѣмъ безнравственнымъ лицамъ такъ же, какъ оно относится къ пьяницамъ.

4) Такъ какъ трудъ и занятія являются двумя главными средствами предохранить молодыхъ людей отъ разврата, то не-

обходимо развивать въ юношахъ какъ соревнованіе въ различныхъ отрасляхъ профессіональнаго труда, такъ и страсть къ хорошему спорту. Рядомъ съ этимъ должно стоять тщательное удаленіе отъ несовершеннолѣтнихъ всѣхъ лицъ, предметовъ и случаевъ, которые могутъ оказывать на нихъ развращающее вліяніе. Поэтому съ большой осторожностью надо допускать дѣтей къ участію въ развлеченіяхъ взрослыхъ, къ посѣщенію театровъ и общественныхъ музеевъ, къ танцамъ. Родители, отдающіе своихъ дѣтей на воспитаніе или обученіе, должны принимать мѣры къ тому, чтобы дѣти жили по возможности въ семьѣ, и наблюдать за тѣмъ, какъ они пользуются своимъ свободнымъ временемъ. Раздѣленіе взрослыхъ и дѣтей представляется желательнымъ даже въ церкви, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда проповѣдникъ считаетъ нужнымъ бичевать человѣческіе пороки. Наконецъ строго долженъ быть воспрещенъ обычай спаривать домашнихъ животныхъ на глазахъ у дѣтей.

Вся человѣческая жизнь, заключаетъ авторъ свою брошюру, вращается болѣе или менѣе около двухъ основныхъ пунктовъ— пріобрѣтенія и половой жизни. Пріобрѣтеніе регулируется и направляется на истинный путь многочисленными учрежденіями, предписаніями и законами о монетной системѣ, денежномъ обращеніи, торговлѣ, промыслѣ, патентной системѣ.

Регулированіе половой жизни ограничивается почти исключительно узаконеніями о бракѣ. Рядомъ съ бракомъ не существуетъ никакой другой легальной формы половой жизни. Но бракъ нигдѣ уже не удовлетворяетъ половымъ потребностямъ и требованіямъ людей. Природа человѣка имѣетъ свои права, которыхъ одинъ бракъ не можетъ удовлетворить, и которыхъ нельзя ни поработить насильно, ни устранить. Уже Горацій говорилъ: „naturam expellas furca, tamen usque recurret“.

Если же бракъ является недостаточнымъ для половой жизни, то кому же, какъ не государству, принять на себя регулированіе и внѣ-брачныхъ половыхъ сношеній. Оно должно взять въ свои руки и возможно лучшимъ образомъ устроить все, что касается блага и пользы гражданъ.

Теперешнія формы внѣ-брачныхъ половыхъ сношеній обусловливаютъ, какъ свое существенное послѣдствіе, цѣлый рядъ золъ и излишествъ. Уже одного присущаго имъ бича венерическихъ болѣзней достаточно, чтобы оставить въ сторонѣ всѣ мелочныя опасенія и стремиться къ улучшенію и измѣненію въ этой области.

Только совершенно превратное понятіе о природѣ человѣка и только дурной опытъ всѣхъ испробованныхъ доселѣ системъ, въ которыхъ постоянно перебрасывались отъ одной крайности къ другой, дѣлаютъ понятнымъ, что государство, которое своими законами о продовольствіи и школахъ предупреждаютъ физическое и духовное вырожденіе гражданъ, которое обезпечиваетъ сообщеніе между ними посредствомъ цѣлой системы особыхъ предписаній, оставляетъ безъ своего энергичнаго вмѣшательства ту область, которая является условіемъ его возникновенія (такъ какъ только половыя сношенія людей дѣлаютъ возможнымъ государство) и существованія (такъ какъ необузданныя половыя сношенія разрушаютъ государство)

Ни насмѣшки злорадныхъ людей, желающихъ разрушенія государства, ни противодѣйствіе тѣхъ лицъ, которыя изъ собственныхъ интересовъ и эгоистичныхъ разсчетовъ держатся за существующую систему, не должны препятствовать государству дѣлать то, что составляетъ его святѣйшую обязанность, совершенно такъ же, какъ не должно препятствовать этому притворное или хотя бы и правдивое негодованіе тѣхъ, которыя изъ зависти или недоброжелательства, изъ самообмана или лицемѣрія приходятъ въ ужасъ предъ вмѣшательствомъ правительства въ этотъ естественнѣйшій и важнѣйшій вопросъ.

Новое регулированіе проституціи, въ изложенномъ смыслѣ или въ какомъ бы то ни было иномъ, должно обратить большее вниманіе, чѣмъ до сихъ поръ, на физическое и духовное здоровье гражданъ, на интересы общественной нравственности и безопасности и уничтожить одностороннія и полу-варварскія установленія, въ родѣ принудительнаго осмотра и принудительной регистраціи. При существующемъ же порядкѣ неизбѣжны полумѣры и несправедливости, должна свирѣпствовать все больше венерическая зараза и прогрессировать — развращеніе народа.

Авторъ высказываетъ увѣренность, что строгое проведеніе его предложеній должно сопровождаться значительнымъ поворотомъ къ лучшему, къ уменьшенію болѣзней и преступленій. Очевидно, что авторъ черезчуръ увлекается своимъ планомъ, что многія изъ предлагаемыхъ имъ мѣръ должны, при попыткѣ ихъ практическаго осуществленія, разбиться о сопротивленія среды, измѣнить которую въ дѣйствительности нельзя моментально путемъ какихъ бы то ни было законодательныхъ регламентацій. Нѣкоторые пункты и самимъ авторомъ установлены проблематично, какъ, напр., вопросъ о повышеніи платы женскаго труда, для рѣшенія котораго нельзя найти точки опоры въ существующемъ порядкѣ экономическихъ отношеній. Тѣмъ не менѣе за авторомъ по праву надо считать заслугу постановки вопроса на новую почву и притомъ такую, на которой дѣйствительно съ наибольшей надеждой можно ожидать болѣе или менѣе успѣшнаго его разрѣшенія. Современная система надзора за проституціей не удовлетворяетъ ни одному изъ тѣхъ требованій, которыя обыкновенно приводятся какъ ея основанія: ею ни обезпечиваются ни тишина и спокойствіе улицы, ни общественная нравственность, ни общественное здравіе (см. напр., по этому вопросу новую книгу L. Fiaux: Les maisons de tolérance; leur fermeture, Paris 1892). Только въ крѣпкихъ рукахъ государства, только при непосредственной регламентаціи проституціи со стороны правительства можно надѣяться на внесеніе порядка въ эту сложную область общественной жизни.

А. Свирщевскій.

S0041270
СФ СПбГУ

